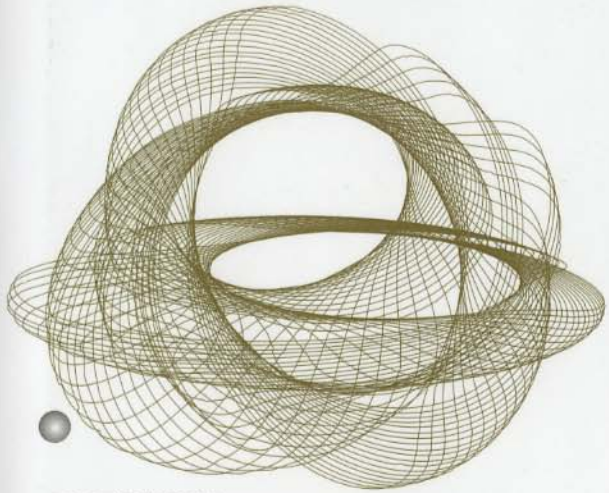
Генри Лайон
Олди

Фантасмагория,
не имеющая
равных

ШУТИХА

Эксмо
издательство

Генри Лайон
Олди



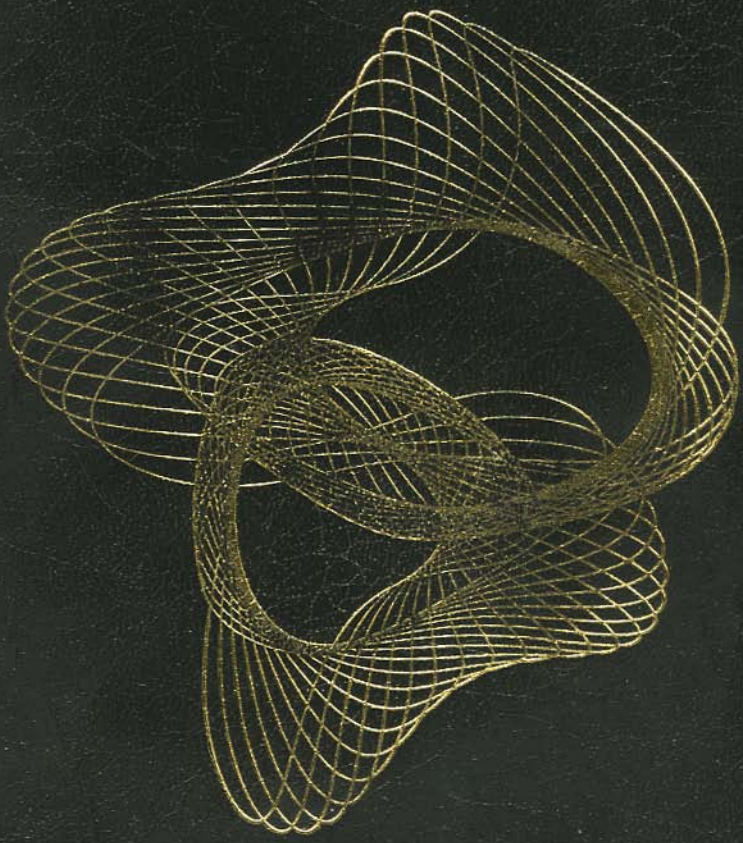
ШЕДЕВРЫ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФАНТАСТИКИ

ШУТИХА

Генри Лайон

О л д и

Шутиха



Генри Лайон ОЛДИ

ШУТИХА

ОРДЕН СВЯТОГО БЕСТСЕЛЛЕРА

ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

ВТОРЫЕ РУКИ

ГЕРОЙ ВАШЕГО ВРЕМЕНИ

СКАЗКИ ДЕДУШКИ-ВАМПИРА

ТЕНИ МОЕГО ГОРОДА

Эксмо, Москва
2006

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-53

Оформление серии *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

В оформлении переплета использована работа художников *В. Бондаря, Е. Гондик*

Олди Г. Л.
О-53 Шутиха: Фантастические произведения / Г. Л. Олди. — М.: Эксмо, 2006. — 704 с. — (Шедевры отечественной фантастики).

ISBN 5-699-19203-4

Вам никогда не хотелось завести шута? А увидеть гладиаторские бои адвокатов, познакомиться с джинном из пожарной инспекции, присутствовать при налете стрельцов на типографию, встретить у подъезда тощую старуху Кварензиму — тоже не хотелось бы? Познакомиться с писателем, рыцарем Ордена Святого Бестселлера, которому Книжный Червь предложил «убить героя»? Побывать в лавке «Second hand», где торгуют судьбами, уже бывшими в употреблении? Вступить в битву с космическими пиратами? Сняться в одном фильме с актерами-вампирами?

Вперед, читатель! Эту книгу составили самые фантасмагорические, самые ироничные и, пожалуй, самые необычные произведения Г. Л. Олди.

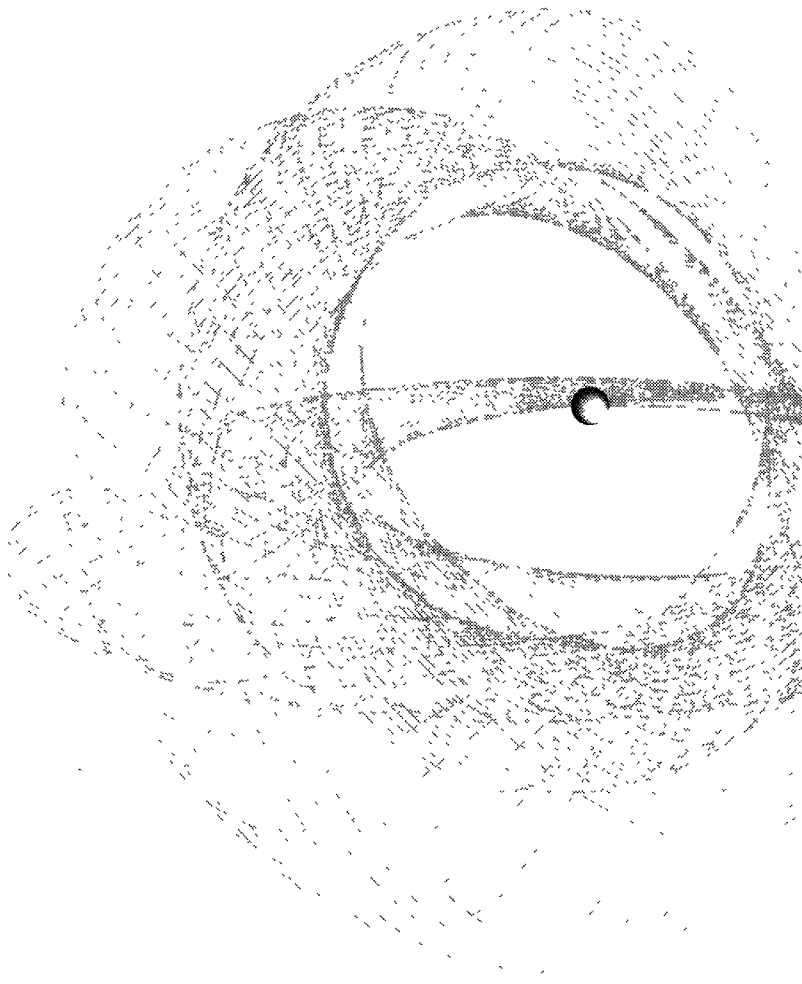
УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-19203-4

© Олди Г. Л., 2006
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2006

ШУТИХА

РОМАН



Безмятежен, безнадежен,
Безответен, наг и сир,
Рыжий клоун на манеже
Молит: «Господи, спаси!»
Тот не хочет.
Зал хохочет...

Ниру Бобовай

Часть I
В ПРЕДЧУВСТВИИ ШУТА

ГЛАВА ПЕРВАЯ
«МАМ, ТЫ ОПЛАТИШЬ ПОБОИ?..»

Лето топтало город босыми пятками, приплясывая и хохоча.

Жаркое, как разврат в сауне, влажное, как рукопожатие склочника, противное на ощупь, словно пирожок с повидлом, купленный на углу у ведьмастой карги в сарафане, лето гуляло напропалую. Без зазрения совести щупало голых девок, чьи бесстыжие пупки и коленки в эдакое пекло оставляли равнодушными даже выпускников кулинарного лицея «Фондю», одуревших от буйства гормонов, подсаживалось в машины к пожизненно умученным предпринимателям, выжигая салон насквозь и с размаху ударяя по лысинам чугунной сковородой, целовало собак в косматые морды, иссушая вываленную мякоть языков; и вид рекламы спрайта с дзенским слоганом «Не дай себе засохнуть!» приводил окружающих в неистовство, сравнимое лишь с малайским амоком.

Ах, лето красное, убил бы я тебя, когда б не связь времен да Уголовный кодекс! Пришепетывание тугих шин на плавящемся от страсти асфальте! Пятна пота на футболках и блузках, подобные карте Вышнего Волочка! Венчики спутниковых антенн на крышах жадно открылись навстречу раскаленному добела небу, где шалун Вседержитель, сменив ориентацию, с вилами наперевес кочегарит адскую топку солнца: ужо вам, сапиенсы! ужо-о-о!.. «Жо-о-о!» — эхом отзываются пенсионеры, бессмертные, словно французские академики, костеря климат, инфляцию ледников и происки международных олигархов. Голые по пояс черти-ремонтники счастливо ныряют в разверстый зев канализации: там тень, там прохлада, и если рай не под землей, то где? И с завистью следит за чертями окрестная пацанва.

Впрочем, мы собирались начинать наш рассказ совсем иначе.

Кто первый спросил: «мы»? Какие такие «мы»?! Ну, братцы... Стыдно. Честное слово, стыдно. Все-таки не со вчера знакомы. «Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918-й, от начала же революции второй» читали? Это мы. А это: «Лонгрен, матрос «Ориона», крепкого трехсоттонного брига, на котором он прослужил десять лет и к которому был привязан сильнее, чем иной сын к родной матери...»? Тоже наше. И еще это: «Давным-давно в городке на берегу Средиземного моря жил старый столяр Джузеппе по прозванию Сизый Нос...» Вспомнили?

Нет?!

Ясно. Босяцкое детство, академий не кончали, училка по лит-ре — дура дурой, с морским узлом на затылке. Пробуем еще раз. Значит, так: «Я ехал на перекладных из Тифлиса» — это не мы. «Первое дело я имел с Беней Криком, второе — с Любкой Шнейвейс» — тоже не мы. И на закуску: «Уже не оглядываясь, ты с усилием потащил колотушку к сияющему на солнце кругу меди» — опять не мы. Зато «Жил-был у бабушки серенький козлик...»

Ну?!

Ладно. Семафорим открытым текстом. «Повествование в данном романе ведется от третьего лица...» Слава Союзу писателей! Аллилуйя! Раскумекали! Мы — это они и есть. Третьи Лица. Те самые Третьи Лица, от которых ведется. И раньше велось, и сейчас, и в будущем, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить; живой классик, патриарх местоимений. В смысле, тут наше место, здесь наше имение, а кому в падлу, пусть идет к Первому Лицу и ябедничает. Про нас даже в Книге пророка Иезекииля черным по арамейскому: «...первое лицо — лице херувимово, второе лице — лице человеческое, третье лице — львиное и четвертое лице — орлиное». Конец цитаты. Так что львиная доля здесь — наша, и вести сие повествование мы намерены, не стесняясь в выражениях, прикинувшись перволицыми херувимами и выбрав объект поспособней для социального обобщения, а также морали.

Знакомьтесь: Галина Борисовна Шаповал.

Объект.

Действия объекта: едет из банка в типографию, одну из трех, владелицей коих является. На машине с личным шофером. В машинах мы не разбираемся, поэтому заметим лишь, что это жирная иномарка, в профиль напоминающая морского котика, на носу у нее серебряное колечко с «пацификом» внутри, а на корме написано: «Turbo». Остальное додумайте сами. Разумеется, было бы много увлекательней, едь милейшая гражданочка с корабля на бал. С пиратского брига, где на реях живописно болтаются опухшие от рома флибустьеры; на бал, где гусарский поручик (возможно, сам Ржевский, бретер, фанфарон и герой одноименной пьесы Гладкова «Давным-давно») пригласит ее на вальс. В карете, запряженной цугом. Или шестерней. Ребристой такой шестерней, сплошь в машинном масле. И чтоб дуэль. «На тридцати шагах промаха в карту не дам!» И чтоб страсти-мордасти, а рыжие и зеленоглазые стервы пусть травят соперницу ядом кураре. Но не до смерти. И еще эльфы. Да, эльфы обязательно. Куда без них...

— Потом заедешь в «Эльф». — Мобильный бонвиван «Siemens» сладко затоковал близ розового ушка, соглашаясь. — Возьмешь упаковку сока. Мультивитамин. И мюсли. Мюсли, говорю! Банановые. Остальное на твое усмотрение. Кто придет? Кантор? Какой кантор?! А, Зямочка Кантор, твой однокурсник... Ладно, возьми коньяка. Все. Люблю-целую. Пока.

Последнему — заканчивать разговор по телефону равнодушно-скоростным, как спуск пятиклассника по перилам, «люблю-целую» — гражданка Шаповал научилась у своей дочери Анастасии Игоревны, в просторечье Настьки, студентки консерватории по классу виолончели, сейчас пребывающей в академотпуске.

Мы, конечно, понимаем: никакой романтики. Офис, академка. Банановые мюсли. Проза буден, чирьем на носу раздражающая истинного ценителя беллетристики. Вот, например, бомж у гастронома «Павловский», мимо которого только что проехал наш экипаж, очень неприлично выражался. Ему, бомжу, вдруг подумалось, что никогда он, бомж, не увидит неба в алмазах, вот он и выразился. Такими словами, которые вы знаете, но не любите читать в приличных книжках. Мы эти слова тоже знаем. И поручик Ржевский, который не из пьесы Гладкова, а из народного творчества, знает. Поэтому, вздумай водитель притормозить на углу, волей-неволей нам пришлось бы повторить слова бомжа вслух, ибо Шаповал их обязательно услышала бы в открытое окно, а против правды жизни не попрешь. И что дальше? Вы бы захлопнули книгу, разражаясь жалобами в адрес Комендатуры Изящной Словесности, а мы бы из Третьих Лиц стали Три-

дцать Третьими, сгинув во мраке букинистики, не к ночи будь помянута. Хорошо все-таки, что водитель не притормозил. А романтику мы организуем позже. Чтоб вы не обижались. Бал, корабль и яд кураре. Блеск шпаг на берегу залива. И эльфы. Мелкие такие, с крылышками. Порхающие над гречихой. Честное слово, с романтикой мы что-нибудь придумаем.

Верите?

— Мирон, — сказала Галина Борисовна. — Мирон, я спешу.

— Скоро будем, — вежливо ответил Мирон, похожий на вьетнамца характером, покладистым, но непобедимым. Внешностью же Мирон был чистый, «як сльоза», хохол, с густыми пшеничными усами, свисающими ниже бритого подбородка, и, согласитесь, это было странно. Особенно при фамилии Майсурадзе. — Тютелька в тютельку. Не беспокойтесь.

ЛИРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Знаешь ли ты, любезнейший брат наш во чтении, что, открыв эту книгу, кобылицу необъезженную и жемчужину несверленую, а также дочитав вглубь до первых звездочек, ты теперь, как честный человек, обязан дочитать книгу до конца? Не знаешь? И хорошо, что не знаешь. От многого знания много печали.

Знаешь ли ты, о вождь гордого племени буквоедов, что больше всего на свете не любит твой коллега-читатель? А не любит он лирические отступления, подробные пейзажи, детальные портреты, полифонию сюжета, вставные эссе о судьбах мира, описание сбруи и пр. Вот эти-то «пр.» он ненавидит больше всего. А еще читатель не любит читать, но тщательно это маскирует.

Уж поверь нам на слово.

Искренне твои Третьи Лица.

* * *

— Миссис Твистер приехали!

Верхнее «ля» референточки Ангелины Чортыло рассыпалось хрусталем из окна третьего этажа, где, подобно отраде в высоком терему, тосковал офис полиграффирмы «Фефела КПК» (чуете это зябкое ф-ф-ф? фея, фонтаны, форшмак...),

и хозяйка позволила себе улыбку, тонкую, как талия Плисецкой, и мудрую, как башмачник Саркисян на углу Бабеля и Блюхера. Данное сотрудниками прозвище было лестью лишь отчасти, а значит, всем дозволены маленькие слабости.

— До часу свободен, Мирон. Если что, я позвоню.

— Вольному воля, — философически согласился Мирон, дождался, пока хозяйка покинет салон, и со значением, достойным вдохновенного пророка Варуха, переиначил классический финал: — А пасомым — сарай!

Мы только хотели спросить, что он имел в виду, но Мирон уже уехал.

Первый зам, Владлен Зеленый, приплясывал на крылечке. Он лоснился и сиял. Катался сыром в масле. Потирал жирненькие ладошки, блистая обаянием лысины. Любой принял бы первого зама за подхалима и мелкого комплиментария, готового ноги мыть и воду пить, лишь бы не работать, — о да, любой, но только не прозорливица Шаповал. Знала Галина Борисовна, доподлинно знала, что за лев рыкающий скрывается под обманчивой личиной Зеленого, рыцаря честного и сурового. Не раз стояли они плечом к плечу против алчных орд санэпидемстанции, не единожды, спиной к спине у мачты, отбивали абордаж пьяных мытарей, джентльменов государственной удачи; ухарей-брандмейстеров, норовивших заклеймить пожароопасную типографию каиновой печатью, сдерживали они вместе, трубя в рог, и часто, обессилевшую, уносил Владлен госпожу на мощных руках своих, не забывая при отступлении пинать лиходеев-конкурентов коваными подошвами сапог. Чего стоит лишь история штурма Черного Исполкома, когда ради вызволения взятого под арест тиража шла Шаповал на приступ, закована в броню встречных исков и ощетинясь жалами указов, а верный Владлен прикрывал тыл червленными щитами «крыши» и джипами лесной братвы-вольницы! Пять юристов, как пять полков копейных, бились против «Фефелы КПК»! Пять ответственных секретарей, словно пять эскадронов гусар, прикрывали фланги Владыки Черного Исполкома; звезды падали с неба на погоны ярыжек прокуратуры, звезды рушились с погон оземь, рассыпаясь прахом компромата, а вдали маячил, копя чародейскую силу, сам Призрак Губернатора! Но пал Черный, пал, уязвленный в пяту, и взгремели на павшем доспехи!

Вот каков ты был, зам Зеленый, и потомки воспоют тебя в гимнах: «Се зам!»

— Галиночка Борисовна! Рад, душевно рад... Идемте за мной, обхохочетесь!

Дробно топоча по отзывчивой лестнице, Владлен провел Шаповал на третий этаж, но вместо кабинета распахнул пред ней дверь отдела заказов. Там, в окружении тихо млеющих верстунов-макетчиков, закипал гневом матерый дедуган в кунтуше, сапогах и при сабле. Шаровары деда уже щупала украдкой референточка Ангелина, дивясь гладкости шелка. К счастью, щупала она в правильном месте, где хоть и с трудом, но получается украдкой. Иначе быть беде. Рядом с гостем топтался квадратно-гнездовой мальчик, стриженный под «миргородского ирокеза», супился, молчал, сверкая глазками, похожими на вишни, если случается в наших садах ядовитое вишенье.

Экраны мониторов мерцали, впитывая облик визитеров.

— Это, смею заметить, заказчик. Кошевой Лопанского казачьего полка. С сыном. Говорит, станет только с главным дело вести. Иначе, говорит, никак. С семи утра ждет, не уходит. Вы очень кстати приехали...

Дед со скрипом повернулся вокруг оси, прищемив Ангелине шаловливую руку.

— Отаман, — буркнул он. — Я. А ты, значитца, в этой бусурменской первопечатне...

Увидел дед. Сдвинул кудлатые брови. Осекся.

И не заметила Галина Борисовна, как распалась связь времен. Лишь огляделась с грозным весельем во взоре. А мы, Лица Третьи, от которых ведется, чуток пособили.

Самую малость.

Полыхнуло солнце в стеклопакетах венецейских, раскатилось льдинками хрусталя. Вздрогнули на столах химеры-всезнайки, хитрющие твари с тех островов, где желтые, как гречишный мед, нехристи едят вареники с устрицами и пузо натощак шаблей порют; Ивановой звонницей откликнулась свора телефончиков: трень-брень, всяк-звяк! Оправили мышастые сюртучки замы-завы, менеджеры-маркетологи, хитрая немчура, на всякие вытребеньки гораздая. А перед Шаповал, уперев руки в бока, стоял кошевой отаман Бовдюг Закрутыгуба, козак битый, тертый и в семи щелоках навыворот кипяченный.

— Баба, — со странной интонацией сообщил кошевой, дожевывая левый ус. В карем глазу его, как в испорченном телевизоре, начала было оформляться ясная мысль, но, потеряв сигнал, угасла на корню. — От же ш чортовы бабы нынче родятся!

Скосившись на Галину, отаман вдруг подмигнул ей, словно вознамерясь увлечь в лихую пляску, да передумал. Оборвал морганье на середине, вызвав оторопь у окружающих, и внятно продолжил басом:

— Кругом бабы козакуют! У Туреччину за хабаром кто челноками бегает? Бабы. На ярмарках кто три шкуры с нашего брата-сечевика дерет? Жиды? Куда там! Жидова у Святой земле с сарацинами славно бьется! лыцари! есть порох в пороховницах! А по ярмаркам да шинкам — опять бабы, и арапские китайчата на побегушках. Менты, парламенты, апартаменты!.. документы! тугаменты! — Куренного понесло, но дед справился. Кремень, не дед. — Цыгарки с ментолом! Всюду они, бабы! От же ш жизнь пошла! Не жизнь, чистое золото! Моя-то старая сносилась, скрипит, так я себе новую присмотрю: складную, поворотливую! Бизнес-бабу! Буду как у Христа за пазухой!

— Ты, отаман, брось языком плескать, — шевельнула соболиной бровью хозяйка, наступая на кошевого, разговорившегося сверх всякой меры. — Ишь, бабу ему! Ты прямо говори: зачем пришел?

Кошевой приосанился. Сбил на затылок смушковую шапку с длинным, как Днепр при тихой погоде, шлыком:

— Грамоты нужны. Ох, добрые грамоты! Сечевой пачпорт козакам требуется. Чтоб ясно было: я, Мосий Шило или там куренной Кукубенко... Нынче козак без пачпорта — тьфу! Пустое место. Шаблю пропей, люльку отдай вражьим ляхам, свитку в шинке заложи, а грамоту сохрани!

— Первый офсет кладем? Полукартон?

— Шоб ребром сало резало!

— Полноцветка?

— Ага! Ой, луг, цветет луг, червонеют маки...

— Ламинация?

— Отож!

— Тираж?

— Га?

— Сколько штук делаем?

— Сорок две...

— Ты куда, сучий дед, явился? На паперть?

— Сорок две тыщи, говорю! С гаком!

— Ох, кошевой! Ох, пекельная душа! Предоплата?

— Мы заплатим! Мы уж вам за это заплатим так, как еще никогда и не видели: мы дадим вам горсть червонцев!

— Эге, горсть червонцев! Горсть червонцев мне нипочем: я цирюльнику даю горсть червонцев за то, чтобы мне только половину вечерней прически уложил. Черным налом плати, кошевой!

— И на что бы так сразу? Цур вам! Ну да куда денешься... Даю! Могу зеленым золотом, могу всякой всячиной, по козацкому бартеру: кожухи дубленые из султанского Стамбула, возы-бенцы, галушки-скороварки, черевички Саламандры — добрые черевички, царице впору...

Сверкнула очами Галина. Очки суконкой протерла и еще раз сверкнула. В изразцах пестрых, что по стенам устроены, искры-дьяволята гопака ударили. Затряслись крючкотворы, шелупонь бритая, под взглядом хозяйки:

— Кофия отаману! С сахаром! Чтоб плясал в чашке!

— От, сынку, — строго кивнул куренной мрачному ребенку, за все время не проронившему ни слова. — Никогда б не сказал тебе: будь бабой! а сейчас скажу. С шаблей по нашим дням много не накозакуешь. Никак не можно с шаблей. А с шоблой, да с крышей черкесской, да с первичным накоплением капитала, трясця ейной матери, важно развернешься. Уразумел?

— С шаблей у буцыгарню волокут, — отозвалось рассудительное дитя, прикусывая лошадиным зубом кончик оселедца. — Я у буцыгарню не хочу. Я мытарем хочу. Или в бурсу ментовскую. Батька, идем до хаты, а то мамо нам обоим хвоста накрутит...

— Зачем до хаты! Куда до хаты! Прошу ясновельможного пана до конторы! — вмешался опытный бес Зеленый, грозя братии верстунов злым кулаком. — А вы чего прохлаждаетесь, голодранцы! Кто за вас работать станет, Александр Сергеевич?!

По причине энциклопедической эрудиции Зеленый имел в виду всех сразу: поэта Пушкина, композитора Даргомыжского, актера Демьяненко и юриста Комарова, автора эпохальной «Ответственности в коммерческом обороте».

* * *

В 13.00 верный Мирон осадил иномарку на всем скаку, лихо паркуясь у пирамидального тополя. Морской котик с колечком в носу пыхтел, урчал и косился фарой на белень-

кую «Ладу», намекая о возможном мезальянсе. У котика начинался брачный сезон. Выглянув в окно, Галина Борисовна лишний раз убедилась в пунктуальности кучера, погрозила пальцем котику, отчего тот сразу охладел к местной простушке, и начала собираться.

В обеденный перерыв обещала встретиться с дочерью.

Когда она уходила, сотрудники рыдали, а сентиментальная Ангелина Чортыло бросила в окно чепчик, потом поняла, что бросила совсем не чепчик, и прослезилась.

— В «Голубой Дракон», Мирон!

— Ну, — берясь за гуж, загадочно отозвался Мирон, умением держать паузу похожий на Василия Ивановича, но не на знаменитого комдива, а на менее известного по анекдотам актера Качалова (настоящая фамилия Шверубович). Он держал ее, дуру-паузу, за глотку, всей пятерней, цепкой и покрытой рыжей щетиной, в результате чего пауза задыхалась и отправлялась в мир иной, лучший, где ее никто не будет держать таким варварским образом. Во всем же остальном, а в особенности — детской доверчивостью, Мирон напоминал Константина Сергеевича, но не страстного славянофила Аксакова, автора записки «О внутреннем состоянии России», поданной через графа Блудова императору Александру II в 1855 году, а режиссера Станиславского (настоящая фамилия Алексеев), продюсера блокбастеров «Чайка» и «На дне». Согласитесь, подобное сходство не вызывало удивления, потому что третье высшее образование Мирон получил по профилю «руководитель коллектива антинародной самодеятельности», сразу после физкультурного и юридического. — Уже едем, чурчхела дедакаци. Н-но, дохлая...

Впрочем, Галину Борисовну сейчас мало занимали Мироновы нюансы.

Мать думала о ребенке.

Ах, дочь Анастасия, дщерь человеческая! Была ты вся резвость и живость характера, которые унаследовала от отца, человека, готового бурно начать любое дело: от реструктуризации долгов страны до постановки «Отелло» в тюремном госпитале — но неспособного завершить даже строительство карточного домика. Шаловлива и невинна, ты давала отдохновение усталой матери, лепеча у нее на коленях после трудового дня, и если вынужденный недостаток тепла души можно восполнить избытком презренного металла, то была ты окутана этим эрзац-вниманием с ног до головы. Мате-

ринская любовь била гейзером: фигурное катание, синхронное плавание, подиум и виолончель, английский, французский и суахили, элит-гимназия «Мон Парнас» и школа бальных танцев С. Фляка — все нашло в тебе воплощение, не найдя завершенья. Консерватория им. М. Ломоносова радостно приняла тебя в лоно свое, ибо ректор, страстно желая обрести лавровый венок депутата, нуждался в дармовых плакатах и тиражах газеты «Форс-Мажор», — но столь же быстро низверглась ты, о Анастасия, в пучину академотпуска по причине творческого кризиса.

Имя кризису было — Полиглот Педро.

Под таким эпатажным псевдонимом взлетел, чтобы вскоре рассыпаться колючими искрами, харизматический авангард-идол, лидер acid-doom-band «Ёшкин Кот», тощий надтреснутый тенор с обилием вторичных половых признаков, в миру — Петька Аршинник. Стоило взгляду Полиглота Педро, взгляду еще не вполне огненному, но уже начиненному динамитом рока, единожды упасть на тебя, о дочь, и высокий штиль жизни твоей превратился в шторм, пожирающий шаланды здравого смысла и фелуки аргументов. Страсть-мордасть, хвост морковкой, дым коромыслом, родаки — козлы, погрязшие в быте, они ни фига не понимают, он гений, он сделает меня знаменитостью... Родаки почесали рога и смирились (вдруг и впрямь гений...), купили на свадьбу двухкомнатную хату, после чего умыли руки с мылом «Palmolive», защищающим кожу от бактерий. Прошел год, гений остался дерьмом, сохранив от былой гениальности лишь первую букву, блудил с новыми вокалистками, меняя их если не как перчатки, то уж точно как траченые кондомы; кажется, давал жене по морде, «Ёшкин Кот» трещал по швам от портвейна, склок и патологической неспособности отличить ля-бемоль от моль, бля...

Ах, дочь Анастасия!

Гордая и замкнутая, однажды ты пришла к маме... Нет. Ты не пришла. Не хватило отваги. Ты позвонила ей на мобильник и сказала, дрожа тоненьким девичьим горлом:

— Мутер, это беспредел. Что делать, мутер? Люблю-целую.

— Гнать в шею, — ответила практичная мутер. — Люблю-целую.

— Я боюсь его, мутер. Он грозит мне баллончиком с перцовым концентратом. Люблю-целую.

— Я выезжаю, — ответила мутер, и сотрудники, видевшие Шаповал в этот роковой момент, поседели навсегда, а ожидавший в кабинете клиент заработал инфаркт миокарда. — Люблю-целую.

В последних словах звучал колокол Армагеддона. Тщетно было спрашивать, по ком звонит он, ибо он звонил недвусмысленно.

Развод прошел тихо.

Полиглота Педро больше никто не видел.

* * *

«Голубой Дракон», иначе «Блю-Лун», в это время дня пустовал. Ждал звездного часа — ночного кутежа завсегдатаев, с битьем утки по-пекински, ведрами бритвенно-острого супа из креветок и хоровым «Косят зайцы траву...» под цитру с флейтой. Но ночь пряталась за отрогами Пырловского жилмассива, и чрево дракона тщетно алкало наполненья. Лишь в углу ворковали три крохотные вьетконговки, мелодично обсуждая на птичьем своем языке искусство торговли штиблетами, да сидела под сенью коллекции вееров, прямая и несчастная, дочь Анастасия, грустно употребляя мороженое для охлаждения пострадавших нервов.

Пепельница на столе кишела свидетельствами ее печали.

Идя к дочери, Галина Борисовна с ужасом ощутила, что айсберг нравоучений, приготовленных заранее, тает с каждым шагом. Хотелось утешить, приласкать, обнять и завыть по-бабьи, на два голоса, пугая вьетконговок — или, напротив, зовя присоединиться, ибо баба есть баба, даже если она торгует китайскими штиблетами с маркой «Made in USA» в черноземной Малороссии, за тысячи ли от родного Во-Тхай.

И вновь распалась связь времен. Сплелся из нитей бытия 15-й год правления под девизом Первичного Накопления Ци, соткалась вокруг женщин харчевня Дядюшки У, что на окраине Вешних Хунвэйбинов, и диковатый варвар Дамо подмигнул с гравюры разбойничьим глазом. Запахло мэйхуа, фейхоа и жареными чау-чау; учение Будды распространилось до Восьми пределов, продажная певичка затянула жалостную «Виновата Ли Я!», а на улице двое святых отцов занялись выяснением главного вопроса веры: чье кунг-фу лучше? Присев за столик и обмакнув диетический хлебец «О Юй Юй» в блюдце с подслащенным чесноком, Шаповал приняла позу

«Император благоволит к бьющим челом» и качнула вилочкой в манере «Учтивый Ду», тонко намекая на готовность начать беседу.

— Достопочтенная госпожа мать моя! — согласно «Мыслям о сокровенном», изложенным патриархом Ша в пагоде Хмельного Воспарения, Анастасия всплеснула рукавами, выражая дочернюю покорность. — Уяснив по здравом размышлении трижды благословенную правоту твоих наставлений, а также окончательно разочаровавшись в образе жизни лукавого говнюка, коварством и развратом увлекшего меня, невинную девицу, со стези добродетели в пучину тысячи скорбей...

Тут она, зардевшись курочкой в гриле, слегка перевела дыхание, ибо лишь на факультете вокала встречаются достойные студенты, чьи зев и гортань способны без последствий выдержать нагрузку церемониальных речей. Терпеливо дожидаясь, пока дочь справится с обуревавшими ее чувствами, Галина Борисовна размышляла о бренности сущего, препонах на пути к Семейному Дао и поставках жидачевского картона. Как говорил прославленный Ли Бо в переводе Анны Андреевны Ахматовой, перед тем как утонуть, в состоянии алкогольного опьянения ловя луну в пруду:

Ступени из яшмы давно от росы холодны.
Как влажен чулок мой! Как осени ночи длинны!
Вернувшись домой, я ложусь и покорно внимаю
Оленьей печали и брани озябшей жены.

А может быть, Ли Бо говорил как-то иначе, но у нас сейчас нет времени это проверять.

Пухленькая разносчица в кофточке, изукрашенной иероглифами «cool» и «must die», воспользовавшись паузой в беседе, с поклоном заменила на столе пепельницу, искусно покрыв старую новой и подхватив разлетевшиеся крупицы пепла на лету, — жест ее меж сведущими назывался «Гора Тайшань падает на голову» и выдавал мастера сокровенного стиля Черепахи-и-Коровы, иначе «гуйнюцюань». Оценив искусство разносчицы двумя-тремя краткими возгласами, Анастасия продолжила:

— И решилась я, о матушка, на шаг, скрывающий в себе пылкость юности и обдуманность зрелости, ибо хочу я отныне, пребывая в тисках крутого невроза, завести себе...

Вспомнив советы мудреца-отшельника А Люши Бескаравайнера, практиковавшего на дому искусство Алхимии Сердца, Галина Борисовна расслабилась, сосредоточилась на «желтом дворе Хуан-Тин», который есть не что иное, как II киноварный котел в области солнечного сплетения, прояснила дух и принялась размышлять. Дитя подвержено смуте. Дитя решило завести. Кого? Мысленно расположив, подобно гадательным стеблям тысячелистника, возможные варианты по мере ухудшения, она пришла к следующим выводам:

а) любовника;
б) собаку;
в) второго мужа;
г) ребенка.

Во всех четырех случаях внутреннему взору матери предстала гексаграмма Да Ю, переходящая в Куй, что являлось условно-благоприятным знамением. Каково же было изумление почтенной госпожи, когда дитя, выдержав паузу, подвело итог:

— Я хочу завести себе шута.

— Сдурела? — поинтересовалась Шаповал, разом восстанавливая связь времен. Лешка Бескаравайнер, сенс-психоанальгетик, лицензированный Минздравом колдун и друг семьи, категорически не рекомендовал ей (Овен, Кот, Сосна, Наперстянка) разговаривать в таком тоне с дочерью (Водолей, Крыса, Яблоня, Горечавка Желтая); но, увы, не хватало терпения следовать советам хладнокровного, как рефрижератор с бройлерами, Лешки. Тем паче что, судя по экстравагантным композициям, умница Бескаравайнер в составлении гороскопов — зодиакальный метод ханьских волхвродруидов — руководствовался скорее интуицией, чем календарем.

Вместо ответа или, того хуже, истерики дочь протянула рекламный проспект.

По сияющему глянцу были щедро разбросаны участливые вопросы: «Стресс?», «Неврозы?», «Депрессия?!» и наконец строгим готическим шрифтом: «ХАНДРА?!» В центре же, разлетаясь искрами фейерверка, воздушными шариками и брызгами шампанского, красовалось решение всех вышеуказанных проблем:

«Заведи себе шута!!!»

Подложкой служило изображение хохочущей семьи, чье счастье рискнул бы оспорить лишь хронический мизантроп, — отец, мать и великовозрастный оболтус-сын смотрели на нижний обрез проспекта, откуда высовывался прелестный

колпак с бубенцами. Галина Борисовна оценила качество рекламки с профессиональным интересом: мелочь пузатая, рыночные однодневки не могли бы позволить себе подобной роскоши. Никакой лишней информации, ничего отвлекающего — картинка, вызывающая доверие и улыбку с первого взгляда, краткий текст без дурацких обещаний, и меленько, по краешку: «ЧП «Шутиха», ул. Гороховая, 13».

— Это шутка?

Смех дочери подчеркнул странную тавтологию вопроса. Нет, значит, не шутка. Не розыгрыш. Скорее всего, Настька успела проверить: реально ли существует на Гороховой ЧП «Шутиха»? И оказывает ли гражданам свои услуги — чудные, малопонятные, с бубенчиками. В Настькином детстве вечно занятая мама сто раз заказывала на дом клоунов, Дедов Морозов и прочих Дональдов Даков, компенсируя лихими наемниками недостаток материнского внимания. Сейчас «Шутиха» представлялась ей чем-то смутно знакомым. Придет дядя в колпаке, развеселит, споет песенку, расскажет скабрезный анекдот...

— Тебе одного шута мало? Сразу после развода решила второго завести?

Дочь ковырнула мороженое. Пересыпала шоколадную стружку с левого шарика на правый. Размазала сироп. Зная любимую мамочку, что называется, от каблучков до шляпки, Настька ждала конкретного вопроса, и он не замедлил явиться на свет.

— Сколько это стоит? — осведомилась Галина Борисовна, внутренне понимая, что соглашается. Так было всегда. Стоило Настьке замолчать и нахохлиться, как от дочери начинали струиться невидимые флюиды. Их действие было столь же волшебным, сколь и прогнозируемым: сперва родительница принималась скрипеть, потом — категорически отказывать, грозя всеми карами, мыслимыми и немыслимыми, и наконец — исполнять прихоть ребенка. Шаповал знала это, в последнее время опуская первые две фазы или сокращая их до минимума. Да, непедагогично, зато удобно. Слегка напоминает дачу взятки старому знакомому: достаешь конверт без предварительной артподготовки, верительных грамот или осторожных, как ухаживание за малолеткой, реверансов.

Папина девочка. Вся в Гарика.

Не жнет, не сеет, а хлеб насущный днесь вынь да положь.

Когда Настька назвала цену, окончательно выяснилось:

ЧП «Шутиха» — это серьезно. Это очень серьезно. Клиентура, способная оплатить требуемый гонорар, не те люди, с которыми можно шутить. Верней, шутить-то, видимо, можно, снимая неврозы и стрессы, но при этом честно отрабатывая каждый миллиграмм заказанного веселья. Бубенцы небось золотые. И колпак от Версаче.

— Ты, мама, не расстраивайся, — утешила чуткая дочь. — Это еще дешевый контракт. Если с членовредительством, то намного дороже.

— Обижаешь, мышка! Гулять так гулять! Возьмем с членовредительством, а?!

Глядя на задумавшуюся Настьку, Галина Борисовна отчетливо увидела, что глупая, вымученная попытка перевести разговор в фарс провалилась.

— Нет, — после долгих раздумий сказала Анастасия. — Я так не хочу. Разве что побои средней степени... Они говорили, это очень разгружает психику. Мам, ты оплатишь побои?

ГЛАВА ВТОРАЯ

«ПО УЛИЦЕ ШУТА ВОДИЛИ...»

О, сосед!

Был он вован из тех вованов, кто пишется с заглавной буквы лишь в силу причуд этического императива, чья родина — анекдот, чей девиз — «Homo homini patsanus est!», кто громоздок, как декорации к «Борису Годунову», естественен, словно младенец, обгадивший пиджак министру культуры, доброжелателен, будто остаточный принцип финансирования, выразителен, как ненормативная лексика шпалоукладчицы Клавдии, и вы таки будете смеяться, но от окружающих он требовал малого: вслух звать его — Вован.

— Доброе утро! Володенька, извините, но ваша машина...

— Ы?!

— Утро, говорю, доброе! Джип, говорю, ваш...

— Ы-ы?!

— Вован, убери джип, на хрен! Я выехать не могу!

— Нет проблем, Галчонок! Айн момент!

О-о, сосед! Скажи нам ты, кого любит душа наша: где пасешь ты? Где отдыхаешь в полдень? К чему нам быть скитальцами возле стад товарищей твоих?! Возлюбленный наш

бел и румян, лучше десяти тысяч баксов, голова его — твердыня без башен, обращенная к пляжам Канар, глаза его — фары «Мерседеса» «шестисотого», могучего, пастыря «Запорожцев» в долине фольклора, щеки его — жар сауны благовонной, текила под языком его, и аромат шашлыка источают уста; обилен телом ты, как совместное кыргызско-ирландское ООО «Йов Кырдык» — надеждами инвесторов, грозен, как полк УБОП со знаменами, руки твои — жезлы стражей с большой дороги, сильные, полосатые, стригущие львов и баранов на путях их, за козла ответил ты, фильтруя базар, кедр ливанский в штанах твоих, цепь на мощной шее твоей — прелесть чистая, конкретная, и соразмерность звеньев; и весь ты — любезность. Вот кто возлюбленный наш!

...и торгуешь ты майонезом.

Сейчас же Вован выгуливал на сон грядущий своего любимца Баскервиля, кобеля страшного, как налоговая инспекция, но добродушного, как она же после разговора с глазу на глаз. Был Баскервиль противоестественным ублюдком ищейки и мастифа, зачатым во грехе. Во всяком случае, так уверяли эксперты кинологического общества «Муму», сперва придя в ужас от заказа клиента, но после недолгих колебаний устроив этот жуткий мезальянс. Так оно было или иначе, но пес вышел на славу: оживший кошмар, дьявол с единственным, хотя существенным изъяном — обитай наш друг в глуши Гримпенской трясины, разгуливая по ночам, когда силы зла властвуют безраздельно, сэр Чарльз до ста лет оставался бы хозяином Баскервиль-холла. Вован очень стеснялся доброго нрава любимца и, шутейно борясь с собакой в присутствии посторонних, настойчиво добивался рыка и приличествующего оскала; впрочем, без особого успеха.

Окрестные же шавки, видимо, полагали пса воплощеньем депрессивного психоза, даже не пытаясь облаивать.

Но странное дело: сегодня в лапе Вована были зажаты не один, а два поводка, и на конце второго, сунув голову в строгий ошейник, разгуливал некий гражданин в тельняшке и камуфляжных, протертых на коленях штанах. Гражданин резво трусил вдоль обочины, больше на четвереньках, но изредка, подтверждая гордый статус прямоходящего, обнюхивал следы шин на дороге, взрыкивал на Баскервиля, крайне обрадованного таким соседством, и даже погнался было за беременной кошкой, но быстро передумал, оставил кошку шумно сходить с ума в кроне акации и вернулся к обнюхиванию.

Экстерьер подозрительного гражданина вполне соответствовал габаритам красавца-кобеля, а также масштабам Вовановых запросов, если помнить, что бравый торговец майонезом, по слухам, в дни бурной юности, незадолго до титула районного рэкетмейстера, брал греко-римское серебро на ковре чемпионата Европы.

— Вован! Эй, Вован! Сдурел?

— Он его в карты выиграл...

— В подкидного?

— В переводного. Через «Western Union».

— Не-а! Это за долги!

— Дяденька! А дяденька! Куси Мурку!

— Фас!

— Товарищ! Как вам не стыдно?!

Риторичность последнего вопроса вопияла к небесам. По всему видать, товарищу не было стыдно никак. Он бегал, нюхал и чесался. Щеки его лоснились синевой щетины, сноровка передвиженья на «четырех костях» выдавала большой опыт, но в целом впечатления мученика или раба Зеленого Змия, за трешку согласного на позорный выгул, он не производил. Встань, гражданин, сними ошейник и пойди себе прочь — вполне бы мог, согласно Горькому, звучать гордо. А Вован, красный, потный и счастливый, как Паваротти, взявший фа в IV октаве, наслаждался вниманием публики. В шортах цвета хаки и футболке навыпуск, он заслуживал быть рекламой чего угодно, где требуется обилие здорового тела и духа. Например, нового майонеза «Соловушка».

Никогда раньше Галина Борисовна не видела соседа таким довольным.

— Погоди, Мирон, — она внимательно следила за представлением, медля покинуть машину. — Одну минуточку...

— Хоть десять, — кивнул Мирон, похожий бесстрастием на китайца-даоса с этикетки чая «Смех медузы». Умением же превращаться в соляной столб, пока хозяйка занимается делами, он соперничал с излишне сентиментальной женой Лота, что было в общем-то неудивительно при отчестве Герш-Лейбович.

Тем временем гражданином на поводке заинтересовалась местная золотая молодежь. Золотой, равно как и местной, она была условно — обитатели спального монстра-стотысячника, микробы бледной колонии микрорайонов, именуемой в народе «Пырловкой», сюда они ходили отдыхать бурной

душой. Отдых души включал обзор архитектуры частных коттеджей, склонение буржуев по падежам и вялые, а главное, сугубо абстрактные грезы об экспроприации. Возглавлял стаю некий Казачок, мужчина отсидевший, самостоятельный и видавший виды. Прозвище свое Казачок получил отнюдь не по причине сложных ассоциаций с родовой фамилией Засланный, а из-за привычки, подводя итог спору, напевать раздельно, по складам, словно вбивая каблук в скрипучую половицу: «Ка-за-чок!» Обычно после этого довода кураж оппонентов мигом иссякал, потому что дрался Казачок конкретно и деловито, как санитар в буйной психушке. При этом отчетливо разделяя агнцев и козлищ, пациентов и докторов, ни разу после отсидки не влипнув в дурную историю. Именно Казачок однажды объяснил желторотикам спальной Пырловки азы житейской мудрости, и птенцы уяснили вред следующих действий, как то:

а) топорщить перышки на Вована;

б) грубить Галине Борисовне;

в) громко пропагандировать ночью народовольческие идеи;

г) разное.

Сейчас они, беря пример с академиков в репринтном издании «Махабхараты», ограничились комментариями.

— Ну, блин, козел! — сказал Шняга, лопоухий дылда с мощным, сократовским лбом дауна.

— Козел, в натуре! — согласился Чикмарь, он же Арнольд Чикмарев, больше всего на свете стеснявшийся собственного имени.

— Козлина! — подытожил Валюн, слывший меж пырловцев эстетом за способность переиначивать слова. — С рогами!

Казачок отмолчался, внимательно следя за прогулкой Вована. Как раз сейчас, спустив гражданина с поводка, счастливый хозяин затеял с выгуливаемым шутейную борьбу — на зависть слюнявому от ревности Баскервилю. Но связь времен вдруг распалась без предупреждения, практически игнорируя наше благотворное вмешательство. Мы бы, как Лица Третьи, интеллигентные и условно-романтичные, предпочли бы турнир по придворному сумо: 1174 год, правление микадо Такакуры, как раз перед началом смуты Гэмпей, — или на худой конец первый выход Ивана Поддубного, 25-летнего грузчика, на манеж Феодосийского цирка в 1896 году, когда

даже знаменитый Лурих был туширован за две минуты; но, увы, судьба-злодейка распорядилась иначе.

Футболка с шортами уступили место трико в полосочку, стянутым в талии широким поясом из кожи, делая Вована похожим на жирную нетрудовую осу. Зато гражданин, спущенный с поводка, обрел куцые штанцы до колен, башмаки-корыта и подтяжки на голое, крайне волосатое тело; лицо гражданина, и без того вульгарное, скрылось под маской гориллы. Толпа коверных в составе Чикмаря, Шняги и эстета Валюна заахала, заохала, прославляя мужество атлета, рискнувшего бросить вызов дикой твари, а шпрех-шталмейстер Фрол Емельяныч Казачок-Засланный оправил вороной фрак и, мелкой рысцой выбежав на центр арены, возгласил козлетоном:

— Дамы и господа! Сейчас состоится борьба по римско-парижским правилам между знаменитым атлетом Вованом Майонезовым и кровожадным обезьяном Жориком из джунглей Южной Гваделупии! Победитель получает приз в сто рублей! Спешите видеть!

Ахнув, Галина Борисовна оправила шляпку из итальянской соломки, а кучер Мирон терпеливо дождался, пока хозяйка выйдет из кареты и займет свое место в ложе бельэтажа, после чего сдал экипаж задом, намереваясь поставить лошадей в стойла и принять рюмочку горячительного в трактире «Диканька». Кучера рюмочка интересовала куда больше всех атлетов и горилл на свете, от Полтавы-колбасницы до чайного острова Цейлон, ибо был Мирон стоиком и фаталистом.

Но оркестр уже сыграл «Прощание славянки», и грянул бой.

Далее, под восторженный хор зрителей, злобный обезьян Жорик был повержен во прах дюжиной разных способов. Разумеется, это был не знаменитый «гамбургский счет» и даже не Феодосийский цирк, о котором мы имели честь упоминать, — так, балаган-шапито месье Ломброзо, установленный проездом в Житомире, Жмеринке или какой-либо иной дыре из тех же краев алфавита. Но пот был настоящим, утробные вопли обезьяна наводили ужас, чтобы не сказать ввергали в панику, атлет Майонезов пыхтел агрегатом братьев Черепановых, а шпрехштал Казачок шпрехал вовсю, выкрикивая привлекательно, но малопонятно:

— Бра-руле! Двойной нельсон! Дал-в-хлёбово! Тур-де-тет! Бряк-по-мусалам! Тур-де-бра! Кранты! Туше!!!

Гваделупское чудовище пресмыкалось во прахе, ъымали-

вая жизнь и долю в призовых ста рублях, атлет Майонезов мало-помалу превращался в счастливейшего из смертных Вована, растекался туманом балаган, — и лишь троица коверных глухо увязла в романтике, бессильна вернуться к будням.

— Круто! — просипел Шняга, пылая ушами.

— Блин, круто! — подтвердил обалделый Чикмарь, готовый сейчас простить людям все, даже собственное имя Арнольд.

— ...ть! — согласился эстет Валюн, временно утратив дар словотворчества.

Вован же, приладив поводок, уводил гражданина и вдребезги разобиженного Баскервиля прочь. Уводил медленно, *желая до конца насладиться триумфом*. Проходя мимо Галины Борисовны, он задержался еще на минутку:

— Видала, Галчонок? Какой пацан, а?!

— Это ваш... э-э-э... Это ваш друг, Вован? — только и сумела выдавить Шаповал.

Гражданин с четверенек облаял даму, собрался было на радость возликовавшему Баскервилю пометить скамейку, даже расстегнул левой рукой штаны, но тут хозяин строго одернул нахала, и гражданин заскулил, пятясь.

Вован густо расхохотался, мучась одышкой:

— Друг? Ну ты и сказанула, подруга! Это мой шут!

ФИЛОСОФСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Если ты, о бык среди потребителей печатной продукции, уже дочитал до этих строк, скрывающих в себе исток бытия, — ты, несомненно, понял, что в сей книге на 7-м уровне астрал-подтекста разворачивается сущность воззрений лучшего из триждырожденных, просветленного хасид-йогина Шри Джихадварлала Абрахмы Рабиндрановича Шивы-младшего, изложившего доктрину учения «Левая нога джнянина» в мантре для тенора и баритона с оркестром:

Шам-бала, Шам-бала, Шам-балалайка,
Шам-бала, Шам-бала, Шам-балала,
Ом-балалайка,
Хум-балалайка,
Шам-балалайка, Шам-балала!

Если ты, бык, этого еще не понял, читай дальше.
Искренне твои Третьи Лица.

* * *

А потом был вечер, продолжившийся Зямой. Наверное, это космически несправедливо, когда вечер такого сумасшедшего дня продолжается Зямой, чтобы им же закончиться, но Галина Борисовна слыла в деловых кругах человеком слова. Купцы первой гильдии не подписывают контрактов — им достаточно ударить по рукам. Раз утром позволила мужу коньяк и однокурсника, то крутись, белка, в колесе, не крутись, а полезай в кузов. Особенно если ты, сохранив в паспорте девичью фамилию, давно утратила максимализм юности, а супруг твой, Игорь Горшко, меж друзьями — Гарри Поттер, человек вечной молодости. Что означает: волшебно *обидчивый, колдовски ранимый и общительный до полной* размытости сознания.

Без друзей он чахнет, как кактус на рисовых полях.

С друзьями он колосится, как рожь за околицей.

В сущности, у каждой домработницы бывают свои скелеты в шкафах, и почему отказывать мужу в мелких слабостях? Коньяк доверчиво грелся в ладони, чашечка кофе оплакивала родную Бразилию, истекая ароматом, и огонь семейного очага горел в сердце, позволяя слушать вполуха, грезить о тайном и не вникать.

— Это ничтожество, — сказал Зяма. Пунцовый блик лежал на его носу, обильном и сизом, как баклажан, делая нос гостем из ночных кошмаров импрессиониста Моне. — Ты его знаешь, Гарик. Это полное, законченное, самодостаточное и пышное ничтожество. Он говорит мне: «Зямочка! Ваши стихи дышат чувством, но в вашем возрасте! С вашим-то опытом! Неужели вы не слышите...» И давай склонять: пеоны-пентоны, дактиль-птеродактиль! Он думает, если способен гнать ямбом кубометры рифмованной чуши, так уже и получил мандат на Кастальский ключ! Ямбы-тымбы-мымбы! Мертвечина! А тут! сердцем! романтической душой, из-под спуда будней...

Зяма напрягся и, часто дыша, задекламировал в ля-ля-миноре:

В Карибском море плавал парусник
В двадцатипушечных бортах,
И много числилось на памяти
Его отчаянных атак.
И сокращалось население
Прибрежных доков и портов
От залпового сотрясения
Двадцатипушечных бортов...

— Это гениально. — Гарик восхищенно припал к коньяку, дергая кадыком. — Просто, искренне. Такое хочется петь ночью, у костра. Под гитару, потягивая спирт из мятой фляги. Зяма, ты всегда юн. У тебя большое сердце.

В глазах мужа, последние двадцать лет видевшего костер исключительно по телевизору, обнаружился отсвет пожарищ, пылающий горизонт, кровь на палубе, лезвия абордажных крючьев и троица канониров с дымящимися фитилями. Как все это поместилось в двух, откровенно говоря, небольших глазках, оставалось загадкой.

Зяма принял комплимент достойно, перейдя к припеву, описывающему в художественных образах конфликт капитана с излишне меркантильными матросами:

Счастию не быть бездонным,
Счастие — не океан,
И с командой ночью темной
Не поладил капитан.
Был у капитана кортик,
Был кремневый пистолет,
Весь в крови помятый бортик,
А команды больше нет.

В гостиной отчетливо запахло порохом. Дребезжанье бокалов-пузанчиков напомнило старушечий хохот ветра, шторы взвились грот-бом-брамселями, на люстре закачался опухший флибустьер, повешенный за сокрытие награбленного имущества, и за окном вороний грай, безбожно грассируя, взвился в попугайском экстазе: «Евр-рея на р-рею!»

— Я, кажется, знаю, куда ты гнешь! «Летучий Голландец», да?!

Гарик от волнения привстал в кресле и весь просиял, когда Зяма подтвердил его догадку сперва кивком, а позже и финальным пассажем:

В Карибском море плавал парусник
В двадцатипушечных бортах,
На нем имеются вакансии
На все свободные места.
Больше нет костей на флаге,
Нету мертвой головы, —
Череп там бросает лаги,
Кости стали рулевым!

Все семьдесят пять не вернутся домой —
Им мчаться по морю, окутанным тьмой!

— Ты обращался к Ипполиту? — Гарик понизил голос, словно намекая на тайну, известную лишь им двоим.

— Да, — качнул носом Зяма. Лицо его в профиль напоминало парусник. В двадцатипушечных бортах. С бушпритом наперевес. В фас же лицо Зиновия Кантора более всего походило на кабину грузового трейлера. — Он сказал, что напишет музыку. Завтра. Или послезавтра. Это будет шлягер. Так сказал Ипполит, а ты знаешь Ипполита.

Галина Борисовна тоже знала Ипполита. Ипполит был концертмейстером в детском саду «Жужелица», а по совместительству — просветленным дзен-буддистом. В его понимании «завтра» не наступало никогда.

— Настя хочет завести шута, — вдруг сказала она. — Игорек, слышишь? Наша дочь собралась обзавестись шутом. Будет выгуливать его на поводке, как Вован. Наносить побои средней степени. Разгружать психику. Игорек, ты что-нибудь понимаешь?

— Пусть возьмет это ничтожество. — Щеки Зямы просветлели и колыхнулись. — Прирожденный паяц. Представляешь, Гарик, он уже трижды отказал мне в публикации. Трижды! За полгода. Дескать, мое творчество плохо подходит к тематике журнала «Нефть и газ». Я у него спрашиваю: а твое? твое драное творчество?! Оно хорошо подходит к тематике?! И этот скоморох мне отвечает: я в «Нефти и газе» работаю. А публикуюсь я в «Новом хозяине». Нет, ты понял? Это ничтожество — новый хозяин, а я даже к нефтегазу не подхожу!

Гарик взял ломтик лимона. Посмотрел на просвет:

— Зямочка, не унижайся. Потомки оценят. И ты, Галочка, успокойся. У девочки трудный период. Сейчас многие заводят — семью, машину, собаку...

— Но ведь не шутов?

— Я бы завел, — сказал Зяма. — Я бы читал ему стихи. Но у меня нет денег на шутов. Мои шуты — бесплатные. Они публикуются в «Новом хозяине».

Лимонный монокль в глазу придавал Гарику странную значительность: комично-породистую. Опытные циркачи, рожденные, что называется, в опилках, шепчутся меж собой: таким бродит ночью под куполом шапито призрак барона Вильгельма фон Шибера, безумного лотарингца, променявшего титул на любовь акробатки Нинель, а шпагу дворяни-

на — на погремушку клоуна. Шаповал была не в курсе балаганного фольклора, но если повествование ведут Третьи Лица, сведущие во всяких материях, то стоит ли удивляться разнообразию сравнений?

Впрочем, монокль вскоре был съеден, и образ развеялся.

— Мальчики, у меня сегодня был трудный день. Я иду спать.

— Спокойной ночи, дорогая. Не возражаешь, если я в среду соберу мальчишник? Человек на десять? Тихонечко, интеллигентно...

— Она не возражает, — сказал Зяма. — Галка всегда была умницей. А в сравнении с этим ничтожеством — так и вовсе царицей Савской. Галка, ты прелесть. Я посвящу тебе поэму.

И умница не стала возражать.

Пусть будет мальчишник.

* * *

Пожалуй, этот диалог мы могли бы дать как-нибудь иначе. Более прозаически, что ли? Но увы — ночь. В смысле темно. И в спальне не горит даже крохотного ночничка. Ничего не видно; лишь смутный монблан кровати, и сквозняк надувает паруса оконных гардин. Плывет бригантина во тьме, скрежеща такелажем, впитывая ледяной огонь звезд. Воет на Москалевском пустыре собака: по покойнику или так, от волчьей тоски. А может, умелый звукооператор врубил запись лая и курит себе в кулачок, пуская дым за дверь будки. Луна отражается в стекле, прикидываясь портретом лысого дядьки. Очень умного. С бородкой. Скорее всего, дядька — поэт. Слегка похожий на Зяму, но вряд ли.

Будем считать, это Шекспир.

Или кто-то, все же больше смахивающий на Шекспира, нежели на Зяму.

Плывет бригантина в ночь, со сцены в зал, и все никак не доплывет до пристани...

Галина

Немного отдохну
И двину вновь на штурм твоих ушей,
Для моего рассказа неприступных.
Какой кошмар! И кто? Родная дочь,
Оплот моих надежд, отрада жизни,

Которую я сызмальства люблю,
Как сорок тысяч кротких матерей,
И сорок тысяч бабушек, и сорок
Мильонов безответственных отцов...

Гарик (*сонно*).

Нехама, делай ночь.

Галина

Оставь цитаты!
Постмодернизм нас больше не спасет.
А вдруг он будет злобный маниак?
Садист? Убийца? Сумрачный урод,
В тельняшке драной, с гнусным бубенцом,
В портках с дырой, с ухмылкой идиота,
С громадным несусветным гонораром
За выходки дурацкие его, —
О, сердце, разорвись! И я сама
Должна купить для дочери шута!
Позор! Позор!

Гарик

Вчера по TV-6,
По окончанье буйного ток-шоу
«Большая стирка», но перед началом
Программы «Глас народа», что люблю
Я всей душой, от суеты усталой,
За пафос несгибаемый и мощь,
Крутили малый ролик о шутах.
Я внял ему. Когда б не здравый смысл
Да возраст, я бы тоже приобрел
Простого дурака. Как член семьи,
Комичный, резвый и трудолюбивый,
Ужимками забавными да песней
Он развлекал бы нас. Придя с работы,
Ты слышала бы оживленный смех,
И на твои уста, где деловитость
Давно сплела стальные кружева,
Сходила бы здоровая улыбка.
В том ролике, где выдумка рекламы
Сплелась в объятье с веским аргументом,
Один профессор — мудрый человек,
Чьи кудри убелили сединой
Не только годы, но и снег познанья, —
Вещал про положительный эффект
Общения с шутом.

Галина

О, продолжай!

Гарик (*оживляясь*).

Он говорил: мол, шут снимает стрессы
И гнет последствий их, что тяготит
Сограждан наших. Крайне благотворно
Влияет на сознание клиента,
А также подсознанье; альтер эго
От выходок веселых дурака
Приходит в норму. Кровообращенье
Становится таким, что зло инфаркта
Бежит того, кто водится с шутом.
Естественность и живость поведенья
Растет день ото дня. Да, наша дочь
Пошла в меня! Удачные идеи
Анастасию любят посещать.
Я думаю, что в частном разговоре,
Отец и друг, я смутно подтолкнул
Ее к решенью: мужа потеряв,
Обзавестись домашним дураком,
Весельем утешаясь. Это я,
Я надоумил! Кто ж, если не я?!

Женщина встает, подходит к окну.
Тихо, неслышно для мужа.

Галина

Конечно, ты! Ты в мире сделал все.
Возвел дома, разбил густые парки,
Сельдь в море изловил, летал в ракете,
Постиг у-шу, цигун и карате,
Ходил в походы, покорил Монблан,
Играл в театре, Зяму научил
Писать стихи, и семистопный ямб
Придумал тоже ты. В том нет сомнений.
Ты гений «если бы». А я — никто.
Я — скучная подкладка бытия,
Фундамент для затей, что ты и Настя
Без устали творят. Я — фея будней,
Что Золушек каретами снабжает
И жалованье кучеру дает,
Чтоб кучер бывшей крысой притворился,
Не разрушая сказки. Я есть я.
Мой милый мальчик, прожектер седой,
Бездельник томный, я тебя люблю.

За что? За то, что ты живешь не здесь.
Ведь двое мне подобных никогда бы
Не ужились друг с другом в тесном «здесь».
Надумай я обзавестись шутом,
Была бы то пустая трата денег.
Мечом судьбы рассечена толпа:
Одним назначен крест, другим — колпак.

Гарик (*увянув*).

Давай-ка спать...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«ШУТ С ВАМИ, НЕВРАСТЕНИКИ!»

— Алексей Яковлевич, голубчик! Поверьте, я бы никогда не решилась тревожить вас по пустякам, но мне попросту не к кому больше обратиться! Вы полагаете, Настя — душевнобольная?

Оправив сюртук, г-н Бескаравайнер заложил за спину изящные холеные руки интеллигента, знакомого с рубанком лишь по толковому словарю С.И. Ожегова, и прошелся по кабинету. От шагов его колыхнулся бархат портьер, волненье передалось дальше — мелодично звякнули фуцзяньские бирюльки, украшавшие притолоку двери, дрогнул огонек лампадки пред Спасом Ярое Око, мирно соседствовавшим с толстопузым сибаритом Майтрейей, Буддой Грядущего, а также с не менее пузатым индейским болваном Ганешей, обладателем завидного хобота. Сладковатый дымок ладана смешался с сандалом курений, клубясь над резным набором для месмерического столоверченья; в симфонию ароматов вплелась тема сигары «Esmeralda», вулканирующей во рту лицензированного медиума, и на глаза Галины Борисовны навернулись слезы. Переживая за дочь, она менее всего заметила, что со связью времен начались очередные пертурбации. Но романтика, видимо, в данный момент решила уклониться от своей повинности, потому что в окружающей реальности без особой на то причины проступили чеховский надлом, купринская провинциальность и эхо бунинских темных аллей, — что выказывает не столько нашу образованность, сколько скромность.

Правда, в смеси это дало скорее двенадцатиярусную байдаковскую кулебяку, смешав налимью печенку и костяные

мозги в черном масле, нежели деликатную ботвинью с осетринкой, белорыбицей и тертым сухим балыком, — но этого Шаповал, натура более деловая, нежели аристократическая, тоже не заметила.

— Душенька, Галина Борисовна! Спешу успокоить вас: Анастасия Игоревна вполне здорова. Нынешние девицы тверды душой сверх меры, и не такому пустяку, как распавшийся брак, нарушить целостность их психосемиозиса! Разумеется, если будет на то ваше желание, я могу провести ряд магнетических сеансов по методике Магнуса де Баркадера, восстанавливающих трансперсональную парадигму психики, но... Уверяю, это будет не намного дешевле, чем двухнедельный наем шута, а эффект от спиро-магнетики существенно меньший, нежели от шут-терапии! Видите, стремись я исключительно к матерьяльной выгоде, вряд ли я был бы столь откровенен!

— Так вы, милейший Алексей Яковлевич, в курсе событий?

— Разумеется, матушка! — Медиум рассеянно взял из угла астролябию в порыжевшем футляре, переложил инструмент на этажерку, где грудой скопились проспекты «Коммерсантъ», «Сглаз и Порча», а также «Медицинский факт» за прошлый год. — Еще будучи ребенком и проживая в уездном городке N с матерью, добрейшей женщиной, работницей завода «Красный Химикалий», я справедливо полагал осведомленность, а вовсе не философию царицей всех наук. Того же мнения придерживаюсь и по сей день. Вот, извольте взглянуть...

Углубившись в недра секретера, он надолго скрылся там, мурлыча под нос арию из рок-оперы Глинки «Жизнь за царя». Галина Борисовна ждала с трепетом, терзая батистовый платок. Она доверяла мнению Алексея, человека рассудительного и честного, а также обязанного г-же Шаповал бесплатными визитными карточками и частью клиентуры в лице сахарозаводчика Ахилло, супруги полицмейстера Шарапуна, статского советника Ново-Вишнева, мецената Джихада Маздаева, товарища окружного прокурора, и прочих достойных граждан, — короче, Бескаравайнер не стал бы лгать благодетельнице.

Когда платок был окончательно истерзан, медиум с поклоном вынул обрывки батиста из пальцев гостьи, взамен вложив раскрытую на нужной странице брошюру. После чего присел на старинный турецкий диван, обитый оленьей кожей, такой ширины и длины, что на нем могли бы улечься поперек шесть или семь человек. В ладони Алексея Яковлевича сам собой образовался шар величиной с яблоко, из полупрозрачного камня, вероятнее всего, опала или сардоникса. Вперив взгляд в шар, медиум ясно дал понять: «Читайте безбоязненно, я занят и не слежу за вами!»

Гостья мысленно воззвала к Рязанской Божьей Матери и опустила глаза. Взгляд сперва скользил по строкам, не проникая в смысл, но вскоре усердие было вознаграждено.

Посмотрим и мы с вами.

ШУТ-ТЕРАПИЯ НЕВРОТИЧЕСКИХ РАССТРОЙСТВ: ВРАЧИ РЕКОМЕНДУЮТ

«Согласно последним исследованиям проф. И.А. Крупнотравчатого, завкафедрой психиатрии и нервных болезней УФХ, во время шутовской терапии социальных фобий, а также тревожных и панических расстройств мы можем наблюдать комбинацию психологических методов лечения, таких, как метод релаксации, психологическое управление паническим состоянием, когнитивно-бихевиоральная терапия и экспозиционная психотерапия. Один и тот же квалифицированный шут при правильном подборе и регулярном употреблении способен положительно влиять на следующие виды эндогенной депрессии, в зависимости от доминирования тех или иных расстройств: тоскливая, тревожная, анестетическая, заторможенная, адинамическая, дисфорическая и т. д. Положительный эффект общения с шутом в сравнении с лекарственной терапией обсессивно-компульсивного расстройства и посттравматического стрессового расстройства (сравнительные опыты проводились с трициклическими антидепрессантами типа дезипрамина, преимущественно ингибирующего обратный захват норадреналина) не вызывает сомнений. При этом полностью отсутствуют побочные эффекты, в случае с лекарствами обусловленные холинолитическим эффектом воздействия на вегетативную нервную систему.

Тесный контакт с шутом способствует облегчению проявлений тревоги, положительно влияет на лечение шизоаффективного психоза, ликвидируя устойчивую бредовую фабулу и полностью снимая манифестные приступы. В связи с воз-

можным седативным действием шут-терапии следует увеличить дозу общения перед сном для улучшения засыпания и облегчения утомляемости, испытываемых многими людьми с тревогой и депрессией.

Клиникой психологической адаптации было замечено, что влияние шутов на неврозы пациентов, сопровождаемые многообразными психоэмоциональными, соматическими и поведенческими симптомами...»

— Значит, это серьезно? — Галина Борисовна отложила брошюру, единым движеньем непроизвольно вправляя веку сустав и восстанавливая обыденность, данную ей в ощущениях. — Лешенька, получается...

— Получается, — кивнул Бескаравайнер. По его лицу, вытянутому, как у члена палаты лордов, и задумчивому, как у опоссума лапундер, было ясно видно: да, получается, и вполне серьезно. Такое уж лицо было у сенс-психоанальгетика: многозначительное. Некоторые впечатлительные дамочки оплачивали сеанс за сеансом, лишь желая снова взглянуть на эти черты, припасть к вечности и до конца сезона почить на лаврах.

Но Шаповал по праву считалась железной леди. О чем свидетельствовал второй ее вопрос:

— И это законно?

— Вполне.

— Но ведь они люди?

— Шуты?

— Да! Живые люди, и вдруг — на поводке, на четвереньках, в ошейнике...

Догадливый Бескаравайнер подмигнул гостье, комично дернув набрякшим веком:

— Уже видела, да? Ужаснулась? Преисполнилась гражданским гневом?! Полно, Галюнчик! Все путем, все по закону. Частичная консервация прав согласно 13-му протоколу к Римской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Кажется, март 2001-го. Плюс обоюдное согласие работника и работодателя, особые пункты контракта... Спроси у юриста, он тебе изложит яснее. Кроме того, вовсе не обязательно в ошейнике и на карачках. Один заказчик, теша комплексы, возьмет уродца-горбуна и нарядит в обезьяний сарафанчик, другой же предпочтет лощеного денди во френче, способного

повязать галстук тридцатью тремя способами. И будет ржать с утра до ночи, глядя, как денди в сотый раз вывязывает узел Christensen. Каждому — свой шут.

— А вдруг Настя выберет в тельняшке? Вульгарного?!

— Возможно, но вряд ли. — Леша картинно развел руками. — Подбор шута индивидуален. Сопровождается серией тестов: на совместимость, на скрытые фобии, подавленные желания, еще черт его знает на что... Тонкие материи, Галюнчик! Даже анализы берут: кровь, моча. Я было копнул, да обломался: у них, в «Шутихе», коммерческие тайны — зашибись! Помалкивают. Но маловероятно, что тесты твоей Насти совпадут с тестами... Кого ты там видела?

— Вована. Это наш сосед. Он шута на поводке возле дома...

— Ну, ты загнула! Настя и какой-то Вован. Выберет себе девочка приличного шутика, милого, бойкого, с бубенчиком, станет с ним тетешкаться, забудет грусть-тоску. Все лучше, чем хандрить после развода. А мама заплатит. Ты ведь заплатишь, Галюнчик?

Игривая подначка ушла «в молоко». Поправив прическу (так офицеры застегивают верхний крючок кителя перед «русской рулеткой»), Шаповал встала и направилась к двери.

— Счастливо, Леша. Ты мне очень помог. Зайди завтра в офис на Черноглазовской: визитки будут готовы. Как ты заказывал, цветные, двусторонние, на русском и санскрите. С твоим фото.

— Которое с аурой? — переспросил дотошный Бескаравайнер.

— Да, с аурой. Все, люблю-целую.

Последняя реплика вырвалась автоматически. Но умница Лешка все понял правильно. Такая у него была работа: правильно понимать. Редкий, если задуматься, талант.

ФОЛЬКЛОРНОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

«...Стал злой отчим считать товар, да недосчитался ящика с пряниками. Заругался на Ивашку: «Ах ты, негодяй, шут тебя побери!» И только успел сказать, как в лесу зашумело, затрещало, и выехал к ним седой могучий старец на огромном коне. Захохотал, будто гром грянул, бросил отчиму ящик с пряниками:

— Держи! А пасынка твоего, как ты и пожелал, я себе заберу!

Подхватил Ивашку и был таков. Долго мчались, наконец

прибыли в логово шута. «Вот ключи, — говорит шут, — распоряжайся. А в ту дверь, что мохом поросла, не заглядывай: раскаешься!» На другой день шут опять отправился творить свои недобрые дела...»

Теперь ты понял, о читатель, с кем дело имеешь?

Искренне Твои Третьи Лица.

* * *

— Але! Мама? Это я, Настя! Мама, нам сегодня назначено в «Шутиху»!

— Нам?!

— Ага! Я буду ждать тебя на углу Патриотизма и Гороховой!

— Погоди... Почему нам?

— Ну, мама, вечно ты! Я у них вчера была. Бланк-заказ оформляла. Они сказали: сегодня прийти с кем-то из родителей. Не с папой же мне идти! Они его увидят, скажут: зачем вам, деточка, еще один...

— При чем тут родители?

— Откуда я знаю? Может, генотип проверить?

— Настя, я сегодня занята...

— Ты всегда занята. Ты и меня на бегу родила! Мама, я записалась на вечер, на 20.30. Они для деловых людей сделали вечерние часы приема. Все ради блага клиента! Так я жду?

— Я еще не... Настя! Настя!

«Связь с абонентом прервана. Связь с абонентом...»

Минутой позже пришло краткое текстовое сообщение: «Люблю-целую».

Как ни странно, весь остаток дня прошел крайне удачно. Ничто не валилось из рук, конкуренты были рассеянны, доброжелатели косноязычны, дилеры неутомимы, а заказчики покладисты. Словно ангел, устав кружить в облаках, присел на левое плечо, потянулся, скрипнул рожками и подмигнул на манер Вована: лови, подруга! Пользуйся! Тем хуже, тем чернее были предчувствия: если днем так безбожно везет, значит, вечером, в этой треклятой «Шутихе», где все ради клиента...

Верный Мирон, тонким нервом уловив беспокойство госпожи, ездил аккуратно, осторожно и даже на улицах с односторонним движением гнал котика в нужном направлении.

Вежливо шаркнули тормоза.

Приехали.

На вышеупомянутом углу, в месте встречи, которое, как известно, изменить хочется, но нельзя, располагался стоматологический кабинет «Фас». Над входом, оформлена в виде вывески, для привлечения клиентов красовалась обалденная улыбка — «косая сажень в челюстях»! — в которой каждую ночь, с упорством, достойным лучшего применения, некто остроумный или просто трудолюбивый закрашивал черным оба клыка и левый глазной зуб. И каждое утро медсестра Анечка в мини-халатике, с упорством много большего калибра, взбиралась на стремянку и, доставляя удовольствие проходящим внизу студентам Юридической академии им. Ярослава Мудрого, при помощи белил, а также кисти боролась с подлецом-кариесом. Завсегдатаи расположенного напротив бистро «Чудо-Картошечка» бились об заклад: кто победит? Тайный вредитель или Анечкино усердие? Порок или добродетель?! Но стань улыбка навсегда щербатой или навеки сверкающей — из пейзажа ушла бы тайна, а значит, и очарование.

А на кого бы поставил ты, о читатель?

Впрочем, вернемся к нашим баранам.

В 20.15 они подобрали Настю. Сраженная насмерть небывалой пунктуальностью дочери, Галина Борисовна окончательно уверилась в дурном исходе дела, которое и делом-то можно было назвать, лишь нацепив сперва колпак с ослиными ушами. Велев Мирону ждать на стоянке, женщины пошли считать дома на Гороховой. Это Шаповал настояла на кратком пешем моционе, желая слегка проветриться перед общением с персоналом «Шутихи». Заведение представлялось ей гигантским балаганом-шапито, где усатые зазывалы хватают прохожих за полы одежды, суля потеху. Тем сильнее оказалось удивление, когда, углубившись в крохотный тенистый скверик, заросший стриженными под англичан кустами, они вышли к предмету своих поисков.

Изящные вензеля решетки — художественное литье из чугуна! — свидетельствовали скорее о хорошем вкусе владельцев, нежели о стремлении оградить частную собственность от незаконного вторжения. По обе стороны ворот дремали каменные львы, всерьез задумавшись: что же здесь все-таки делают они, символы надменной и чопорной Владычицы Морей? Муниципальная стандарт-табличка «Ул. Горохо-

вая, 13» под ляжкой правого льва выглядела пошлым анахронизмом.

Ворота оказались заперты. «Ага, ждали нас! Все глаза проплакали!» — со злорадным облегчением успела подумать гостья, чувствуя, как распавшаяся было связь времен начинает восстанавливаться, но ошиблась. Едва слышно скрипнула калитка. Скрип оказался на диво мелодичен, словно юная гимназистка открыла музыкальную шкатулку.

— Вас ждут, леди. Прошу.

Привратник в мышастом сюртуке и белых нитяных перчатках с достоинством поклонился, сверкнув гербом над козырьком фуражки.

Длинная сумрачная аллея, начинаясь сразу за воротами, вела к трехэтажному особняку в позднем викторианском стиле. Прошу заметить, леди и джентльмены, именно в позднем! Ибо царила тут не помпезная эклектика раннего викторианства. Отнюдь! Скорее сей стиль был ближе к «неоготике» или «Нео-Тюдору», как именуют подобную манеру сами британцы. Монументальную мрачность классической готики весьма оживляли взбегающие к парадной двери широкие ступени из цветного мрамора, обрамленные у входа легкими колоннами. Крытый балкон, опоясывающий почти весь второй этаж, пара ажурных башенок, растущих из черепичной крыши, багровой, словно кровавое пятно в свете заката, — все это придавало громаде особняка некий тайный шарм. Темный парк, обступая аллею, терялся в вечерних сумерках, и невозможно было определить, сколь далеко он простирается. Озираясь, мы судорожно пытались вспомнить, кому принадлежит цитата, всплывшая из пучин подсознания: «Для тех, кто хорошо знаком с пятым измерением...» Шаги гулко отдавались под кронами старых вязов, сомкнувших над головами пришелиц узловатые ветви, и дамы невольно шли на цыпочках, стараясь не будить местное эхо, пока оно тихо. Когда подковка на каблучке предательски цокнула, а в кронах ударил порыв ветра, рождая недобрый, мрачный шепот, Настька даже охнула и вцепилась в надежную мамину руку. Однако в следующий миг вдоль всей аллеи словно по волшебству вспыхнули фонари. Живой, охристо-маслянистый свет в тычки погнал глупые страхи прочь, за грань иллюзии. И приободрившиеся дамы уверенно поднялись по ступеням к высокой двери с ручкой, отлитой из черной бронзы, и дубовым молотком на цепи. Фонарь над входом был газовый. Настоящий. Язычок живого пламени, желтый с голубоватым жалом, трепетал внутри граненого стеклянного колпака в оправе из чугуна. Сколько же пришлось заплатить пожарной инспекции, чтобы добиться разрешения?! И вдоль аллеи фонари, оказывается, газовые. Зато юркая телекамера над входом выбивалась из стиля, как холодильник «Атлант» перед Букингемским дворцом.

Или она тоже на газе работает?

Пока мать предавалась размышлениям, бойкая Настя, не утруждая себя мыслительным процессом, трижды приложилась молотком к двери. Щелчок, и створки начали медленно раскрываться. В плавном ходе, с каким дверь являла гостьям свою толщину, было что-то от выхода Голиафа на поле боя. Это впечатляло. Потрясало. Вызывало благоговение и толкало к идее преходящести всего на свете — кроме Ее Величества Двери. «Броненлита. Плюс дубовый шпон», — трудно было вернуть себе ясность мысли, понимая, что для приведения в движение броненлиты такого размера («Три фута два дюйма», — прикинули мы на глаз толщину) требуется как минимум танковый двигатель. А для совершенного беззвучия...

Наконец дверь распахнулась, и глазам предстало объемистое чрево «Шутихи»; кстати, таблички с названием фирмы нигде не обнаружилось. Просторный холл освещался двумя газовыми рожками; ясеневая лестница с резными перилами и балясинами, похожими на огромные кегли работы Лейтона Стреттона, вела на второй этаж. Внизу же, в холле, у дальней его стены, имелся стеганый диван бежевого цвета и три высоких кресла со спинками столь прямыми и строгими, что они наводили на мысли о боннах из Ливерпуля. Проходя внутрь, Шаповал не удержалась: исподтишка колупнула торец двери острым наманикюренным ноготком. Святой Патрик! Дверь была сплошной. Натуральный мореный дуб при полном отсутствии шпона, броненлит или пошлого пластика! А еще стала заметна хитрая механика старинного замка: пожалуй, нынешним взломщикам, привыкшим к электронике-автоматике, подобный ветеран битвы при Ватерлоо вполне мог оказаться не по зубам.

Из-за конторки навстречу дамам поспешил встать набриолиненный клерк. В строгом рединготе, обложенном по швам шнурами, он напоминал кузнечика в трауре.

— Сэр Мортимер ожидает вас, леди. Я провожу. Прошу за мной.

Лестница. Под ногами — дорожка цвета песка с темно-зеленой окантовкой, аккуратно прихваченная к ступеням надраенными, как на фрегате флота Ее Величества, планками из меди. Неброская драпировка стен: сычуаньский шелк. А потом перед дамами распахнулась курительная комната. Под стеклом в витринах вдоль стены — коробки с сигарами, коллекция трубок и инкрустированных перламутром мундштуков, жестянки с трубочным табаком. Столики с пепельницами, приземистые кресла, похожие на лоснящихся, раздувшихся от важности жаб. На стене — потемневшая от времени картина. Или это света рожков не хватает? Неизвестный художник был превосходным бытописателем: четверка благообразных джентльменов играет в покер, дымя сигарами. У игрока, сидящего на переднем плане спиной к зрителю, на руках — тузовый покер: четыре туза и джокер.

Джокер.

Шут.

Галина Борисовна пристальней вгляделась в карту, и ей вдруг показалось, что губы нарисованного на атласе шута растянулись в улыбке. Джокер заговорщицки подмигнул даме, скорчил потешную рожу — и вновь застыл, притворяясь неживым. Рисунком. Милым пустячком...

Шаповал тряхнула головой, отгоняя дурацкое наваждение, и проследовала далее за клерком-провожатым. Анастасия, как послушная барышня, шла на шаг позади матери, не отставая и не пытаясь вырваться вперед. По сторонам дочь глазела умеренно, соблюдая приличия. Похоже, обычная ее взбалмошность приглушилась обстановкой. Они миновали пустой и гулкий зал для приемов, где пламя множества свечей, горевших в канделябрах, полыхало прямо под ногами, отражаясь в зеркале натертого воском пола из наборного паркета. Голова кружилась от всех этих портьер, шпалер, гобеленов и антикварной мебели; однако на выставку или музей особняк не походил. Здесь крылась своя, вполне функциональная закономерность; здесь работали — возможно, даже жили — серьезные люди с оригинальным, но безупречным вкусом. Постепенно рождалось уважение к фирме, способной так обставить и содержать большой дом; вероятно, настрой клиента на правильный лад и был основной целью экскурсии.

— Будьте любезны обождать. Я доложу сэру Мортимеру.

Напольные часы с маятником, темная свеча в корпусе

эбенового дерева, издавали вкрадчивое «тик-так», словно намекая на известную только им тайну. Но чем дальше от часов, тем более холл врастал в современность: из сумрака проступали кофейного цвета обои, тесня шелк драпировок, на смену газовым рожкам явились электрические «ракушки». Напротив картины, изображавшей бал, где меж дам и кавалеров сновали юркие арлекины, красовался шедевр неизвестного поставангардиста: дикое смешенье красок. Связь времен медленно, но верно срасталась заново, концентрируясь на офисной двери, точнее, на круглой ручке из белого пластика.

Подойдя к журнальному столику, Галина Борисовна взяла один проспект из стопки глянцевых рекламок.

ПАМЯТКА ДЛЯ КЛИЕНТА

Вам следует помнить, что, согласно поправке БМ-21ПД, принятой 16 мая 20__ г. к Конституции (гл. 2, ст. 17, п. 2), о «временной отчуждаемости прав и свобод»[1], приобретаемый вами шут во время исполнения им своих обязанностей лишен права:

— пересекать государственную границу;

— давать показания на допросе и свидетельствовать в суде;

— иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами;

— участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей;

— избирать и быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме;

— на неприкосновенность частной жизни, защиту своей чести и доброго имени;

— на самоопределение национальной и расовой принадлежности;

— нести военную службу в соответствии с федеральным законом.

[1] Свобода мысли и слова, а также свобода всех видов творчества сохраняется за шутом в полном объеме.

Деловой тон памятки не оставлял сомнений: здешние учредители весьма предусмотрительны.

— Сэр Мортимер ждет вас. Прошу.

* * *

В кабинете было на удивление прохладно.

А сэр Мортимер оказался приятен и доступен, вопреки замогильному имени. «Здравствуйте, Галина Борисовна! Добрый вечер, Анастасия Игоревна! Вы сама пунктуальность! Присаживайтесь, не стесняйтесь...» Бифокальные очки в тонкой оправе, рубашка под цвет стен, светлый беж; безрукавка грубой вязки, из-под которой выглядывает галстук, мягкие брюки из фланели... Домашний, уютный, очень располагающий к себе человек. Разве что лицо сильно мятое, подвижное, словно у резиновой маски орангутана, — такие лица бывают у клоунов, в силу профессии злоупотреблявших резким гримом. Это мы вам говорим как Лица Третьи, весьма осведомленные, а если вы полагаете, что подобный изъян встречается еще и у алкоголиков, то вглядитесь и разочаруйтесь!

— Разрешите представиться: Заоградин Мортимер Анисимович. Генеральный менеджер ЧП «Шутиха».

О подобной должности — «генеральный менеджер» — Шаповал слышала впервые.

Господин Заоградин развел руками, словно разделяя сомнения гостьи:

— Я понимаю вас, уважаемая Галина Борисовна. Но замечу, что решение вашей дочери я всячески приветствую. Не только как сотрудник «Шутихи», заинтересованный в увеличении числа клиентов, но и как человек, имеющий своих детей. Поверьте, шут для Анастасии Игоревны в сложившейся психологической ситуации — наилучший выбор. Надеюсь, вы не возражаете, если юная леди прямо сейчас пройдет ряд сопутствующих тестов? Назовем это предварительным собеседованием. Совершенно бесплатно, и никого ни к чему не обязывает.

«Обрабатывает, — сработал в мозгу привычный зуммер. — Окучивает гладко и умело».

— Вы случайно не объясните мне, что означает «генеральный менеджер»?

— Если угодно, это означает: «зазывала с правом подписи».

В сторонке тихо хихикнула Настя.

— То есть контракт подписываете вы?

— Да. И несу всю необходимую ответственность.

Неожиданно для себя Шаповал обнаружила, что кивает в ответ, как если бы выяснила действительно важные нюансы. Тут же, словно кивок привел в действие скрытый механизм, в дальней стене кабинета открылась маленькая дверца, и оттуда возник колобок в очках. Если бы требовалась кандидатура внуколюбивой бабушки для рекламы огнеупорных памперсов «No Passaran», о лучшем выборе не стоило и мечтать.

— Алевтина Бенциановна, наш лучший психолог. Прошу любить и смело жаловаться на все, что беспокоит.

Вместо приветствия Алевтина Бенциановна внимательно уставилась на Настьку, словно оценивая, чего от нее ждать, — и вдруг щелчком большого пальца лихо отправила через весь кабинет розовую пулю. Настька поймала пулю на лету, обнюхала и сунула в рот.

— «Фрутелла». Клубника, — не очень внятно, но вполне удовлетворенно сообщила юная леди.

— Реакция нормальная, — радостно облизываясь, констатировала лучший психолог. — Пойдем, деточка. Тесты тебе понравятся, вот увидишь.

И «деточка» безропотно проследовала за колобком.

На миг Галина Борисовна представила себе эти тесты: докторша с двух рук, «по-македонски», пуляет в Настю конфетами, вишнями, алычой, мандаринами, ананасами и арбузами — а любимая дочь все это ловит, нюхает, засовывает в рот и излагает вкусовые впечатления. Алевтина Бенциановна деловито записывает результаты в тетрадь, констатирует: «Реакция нормальная», — и берется за следующий метательный снаряд.

— Я не хотел акцентировать это при Анастасии Игоревне, — вернул ее к действительности мягкий баритон Заоградина. — Девушки в эти годы, особенно разочаровавшись в первом браке, ревниво относятся к любым ограничениям... Но вы должны знать: конечное решение остается за вами. Возможно, это даже к лучшему. «Шутиха» гарантирует положительный психотерапевтический эффект от использования шута, но, если вам что-то не понравится, вы сможете прервать действие контракта в любой момент. Как лицо-попечитель, в одностороннем порядке.

— Лицо-попечитель?

— Согласно имеющейся у нас лицензии (если желаете оз-

накомиться, я дам копию), а также Уставу, приобретать шутов во временное пользование имеют право только лица, достигшие полного совершеннолетия. То есть в возрасте не младше двадцати одного года. Я знаю, у Анастасии необходимый возраст наступит через полтора месяца, и можно было бы дождаться этого срока, заключив прямой контракт. Однако дорога ложка к обеду. Да и девочка, сами знаете, настаивает. Лицензия и Устав разрешают нам предоставлять шутов лицам, достигшим восемнадцати лет, при условии письменного согласия родителей, выступающих в качестве попечителей. В подобных случаях контракт заключается на имя попечителя, с соответствующей оговоркой об использовании шута опекаемым лицом.

— То есть без моего согласия вы откажете Анастасии в найме шута? — Шаповал внезапно ощутила себя рычагом, с помощью которого Архимед собирался поворачивать мир.

— Совершенно верно. Но рекомендую не спешить с принятием решения. Если вы не дадите согласия, Анастасия Игоревна озлобится, выждет до дня рождения, снова придет к нам... Да, я понимаю, финансировать наем шута все равно будете вы. Но семейные скандалы, конфликты... Согласитесь, ваша дочь умеет просить так, что ей трудно отказать. Отложим, да? Пусть девочка пройдет тесты, наши сотрудники сделают выводы, начнут предварительный отбор. Повторяю: это бесплатно. И займет не один день, так что у нас с вами есть время. Вот, полистайте пока альбомчик...

Альбом производил впечатление.

Уж кто-кто, а Шаповал была в курсе, что такой скромный альбомчик «Made in Italy», в тисненой коже «под старину», с костяной пластинкой на обложке, где резчиком был скопирован «Пир в доме Левия» Веронезе, и скобами из темной бронзы по углам стоит вровень с хорошим жидкокристаллическим монитором. На первой странице, снят в полупрофиль, торчал раскорякой урод-карла с торсом гиганта и кривыми, как у бабушкиного комода, ножками. Лицом карла напоминал английского бульдога; впрочем, телосложением он напоминал «бычьего пса» еще больше. Услышав за спиной деликатное покашливание, в котором явственно слышалось: «На вкус, знаете ли, и на цвет...» — Галина Борисовна подавила желание сразу же запустить альбомом в окно и продолжила осмотр. На следующей фотографии был изображен вполне приличный молодой человек, в отличие от предыдущего карлы. В костюме, при галстуке. Правда, при внимательном изучении обнаруживалась в лице молодого человека некая бесовщинка, наводящая на мысли. И вдруг становилось ясно, что золотой «Parker» в нагрудном кармане пиджака оформлен под эрегированный фаллос, вышивка на галстуке изображает змею, кусающую отнюдь не собственный хвост, а пуговицы на рубашке молодого человека — никакой не обман зрения, а на самом деле выглядят, как...

— Многих развлекает, — деловито заметил Мортимер. — Вы даже не поверите, насколько многих. Смотрите дальше, там широкий выбор. Ассортимент каждую неделю обновляется.

Лилипут со старческим личиком. Рыжий клоун в парике. Типичный бухгалтер 60-х: нарукавники, треснувшая оправа очков схвачена изолентой. Атлет с глазами испорченного ребенка. Развязная девица прогнулась в «мостике».

— Сексуальные услуги исключены. Здесь не бордель. У нас с этим строго. Надеюсь, вы понимаете...

— Да-да, я понимаю.

Ничего она не понимала. Ничего. Паяц в трико. Здоровенный мужик в армяке и валенках. Шут à la classik: колпак, бубенцы. Бард с гитарой, в драной джинсе. Ухмыляется кто-то, не пойми кто: бейсболка с ослиными ушами, розовые лосины, в паху — чудовищных размеров гульфик. Типичная ведьма: излом бледной руки, сигарета в длиннейшем мундштуке вплетает сизые пряди в аспидно-черный каракуль волос. Натуральный дебил. Профессор в пенсне. Подряд еще два карлы и один горбун. Красавец-мачо зашит в облегающую парчу. Пухленькая барышня-простушка в ситчике.

— Вы думаете, это смешно?

— Я не думаю. Я знаю. В случае чего за клиентом всегда сохраняется право расторжения договора. Возврат остатка денег, за исключением 10%-ной компенсации, и мы свободны от взаимных обязательств.

— У вас был такой... — Вспомнился Вован с его «собакой». — Ну, такой!.. в камуфляже, крепкий... Я его у своего соседа видела.

— Извините. Мы не даем сведений личного характера о шутах, приобретенных другими заказчиками. Спросите у соседа: он расскажет вам все, что сочтет нужным. Кстати, Николай Афиногенович отзывался о вас наилучшим образом.

Шаповал не знала, кого имеет в виду Заоградин.

— А что, собственно, вас заинтересовало? Хотите выбрать аналогичный типаж?

— Н-нет... я просто...

Машинально она вновь открыла первую страницу, с карлой-бульдогом.

— Английский бульдог — очень умная, сообразительная собака. — В ровном голосе Мортимера, явно цитирующего какой-то справочник, отчетливо проскользнула ирония. — Любит детей, хороший друг и великолепный компаньон. Я угадал вашу ассоциацию?

Галина Борисовна улыбнулась и быстро пожалела об этом, потому что собеседник добавил:

— Вот видите, вы уже улыбаетесь. Почему же вы тогда отрицаете за другими право улыбаться, смеяться или даже хохотать, общаясь с Цицероном?

— С кем?!

Вместо ответа Заоградин указал на карлика:

— Между прочим, один из фаворитов. Опытнейший работник, идет нарасхват. Как говорится, «Beautiful in it's ugliness»; иначе «Очарование безобразия». Случайного человека не разместят в самом начале рекламы, уж вы-то должны знать. Хотя, смею заметить, у нас не бывает случайных людей.

— А где вы подбираете кадры? В цирке? В театре?

— Профессиональная тайна. Смею вас заверить, научить шутовству нельзя. Хорошим шутом надо родиться. Масса людей прозябает в конторах и офисах, больницах и институтах, не сумев осознать своего призвания. Стесняясь его. Боясь позора. Кто-то однажды сказал им: «Прекрати паясничать!» — испортив жизнь навсегда. Теперь они видят позор там, где его нет, и не видят там, где позор подносится им на блюде, как хлеб-соль. А ведь могли бы... Увы. Вот из вас никогда не получится настоящей шутихи. Обиделись? Зря. Обратите внимание: вы сначала обиделись, а только потом сообразили, что, с точки зрения здравого смысла, я сказал вам комплимент.

Он был прав. Вспыхнувшая обида не имела под собой никаких оснований, рассеявшись еще быстрее, чем возникла, но осталось странное эхо. Отзвук, отголосок обиды. Никогда не получится. Вот ключевые слова. Настоящей. Ключевое слово второго порядка. Шутихи. И в слове последнем, остаточном, больше нет стыда. Напротив, оно звучит едва ли не заманчиво. Что ты здесь делаешь, дура? С этим альбомом,

с этим вежливым, умным, деликатным господином Заоградиным?!

Ах да.

Подбираешь шута для Настьки.

Господи, вразуми!

— Кстати, о Паоло Веронезе. — Мортимер взял альбом из рук Шаповал и стал разглядывать работу резчика. — О нем говорили, что он принес дух венецианского карнавала в картины на библейские темы. И суровые отцы-инквизиторы выспрашивали художника, почему на картинах вокруг Христа и апостолов изображены «шуты, пьяные немцы, карлики и другие нелепости». Знаете, что ответил им дерзкий Паоло? Ничего. Он смеялся.

— Откуда вы это знаете?

Заоградин прищурился, взвешивая альбом на ладони:

— Что именно? Что он смеялся, а не каялся? Знаю, Галина Борисовна. Знаю.

За окном, жаркий и пьяный, качался июльский бродяга-дождь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«ЖИЗНЬ, ЕСЛИ ВЕРИТЬ СЛУХАМ, ПРОДОЛЖАЕТСЯ...»

Едва рассвет окрасил помойки окраины в нежно-розовые тона парной телятины, как центрифуга трудового подвига завертелась волчком.

Дверь, детище охран-концерна «Metal Storm», выстреливала клиентов трескучими очередями, телефон схватил тепловой удар и начал опасно бредить, модем на пределе сил фильтровал базар, исторгая недопереваренные, дурно пахнущие письма; бухгалтерия учинила половецкие пляски на костях аудиторов, и временами палата дурдома «Ладушки» казалась тихой обителью счастья. Едва удалось одержать нелегкую победу в битве за урожай, собрав «зеленя» и полоснув конкурента-вредителя серпом по заказам, как в кабинет ввалились Первопечатник Федоров с «типа, графом» Рваное Очко. Отчаянно бранясь на эсперанто, они вырывали друг у друга из рук многострадальный листок бумаги, измаранный краской гуще, чем щеки сорванца — краденным из буфета вареньем. Визит предвещал локальный Армагеддон, но мы, как честные Третьи Лица, в конфликте не участвующие, обязаны дать разъяснения.

Надо сказать, что коллектив в главной типографии подобрался уникальный, можно сказать, экзотический. Как этот «философский бульон» ухитрялся булькать в нужном направлении, оставалось тайной из тех тайн, которые тщился разгадать еще Молла Ибрагим Халил, алхимик из Калдака. Мы же лженауками не балуемся, а значит, сразу бесцеремонно перейдем на личности.

Итак.

Иван Федоров, ветеран. Дезертировав из «оборонки», где был конструктором многоствольных мортир, сделал карьеру в «Фефеле», от печатного станка возвысясь до завпроизводством. На этом посту сменил излишне остроумного предшественника, автора исторического афоризма: «Сроки существуют, чтобы их нарушать». Мужчина изрядный, степенный, со всех сторон одинаково положительный, то есть круглый. Никогда не похмеляется, полагая, что организм следует держать в ежовых рукавицах. Особые приметы: пышные седые усы намертво срослись с рыжими бакенбардами. Рваное же Очко, в миру — Аристарх Геродотович Нескромный, ранее выпускал партийную газету «Уездный набат», печатая стотысячный тираж на линотипе, собранном вручную из швейной машинки «Зингер», телевизора «Рубин» и горбатого «Запорожца», пока не разочаровался в левой идеологии и не был подобран Шаповал, оценившей талант Нескромного по достоинству. Вертлявый, шустрый, въедливый, как жук шашель в ржавой вобле, своим неблагозвучным прозвищем он был обязан отнюдь не тому, о чем вы сейчас подумали, а излишней добросовестности. Есть в русском алфавите такие буквы: «б», «р», «е», «д», «о», «в», «ы», «я», с дырочками-пустотами внутри. Вот эти дырочки, на жаргоне полиграфистов, «очком» и называют. А «рваным» оно бывает, если макет с дрянным разрешением выведут или станок взбрыкнет — внутренность «очка» выходит с зубчиками, зазубринами и заусенцами, как ногти хиппующего оболтуса. Оно, конечно, «за третий сорт, для сельской местности» сойдет, да только у Геродотыча душа кипит. Всегда брак заметит: и легким глазом, и в очках, и через лупу, и другими противоестественными способами.

Первопечатник Федоров за план радеет. Ему заказ вовремя сдать надо. А тут Нескромный слюной весь цех заплевал: «Очко! Очко рваное! Нет, ты глянь, Ваня, ты только глянь!..»

Так и огреб кличку.

И вот стоят перед строгой барыней два титана, два атланта. Разреши, мол, матушка, наш спор. Количество или качество? План или пропал?!

Вздохнула матушка. Отобрала у антагонистов предмет разногласий, пока не разорвали пополам.

Изучила с тщанием.

— Когда должно быть готово?

— Вчера, — отрезал Первопечатник Федоров, лязгнув гильотиной челюстей.

— А точнее?

— Вчера, говорю. В крайнем случае сегодня вечером.

— Сколько оттисков?

— Пять тысяч.

— Успеете. Переверстать и выкатать заново. Геродотыч, проследи. Головой ответишь.

— Сроки! Объемы! Матрена на сносях, родит с перепугу... — Федоров еще палит из мортиры-многостволки, но зря. Сурова Галина Великая. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит. Рваное Очко, победно вихляя тощим задом, спешит к верстальщикам. А нам, дорогой читатель, уже до смерти успели надоесть все эти технологические нюансы. Нам они, честно говоря, до этого самого. Что, и вам? И тоже до этого?! Значит, консенсус. Двигаем от физики к лирике. Не возражаете?

Берем, к примеру, дневник Галины Борисовны. И читаем запись о дне вчерашнем. Разумеется, читать чужие дневники бессовестно, но если наша героиня сроду никакого дневника не вела, то почему бы и не прочесть?

Вооружась фантазией вместо совести.

...июля. (Так, это неинтересно... в «Шутихе» мы уже были... Ага, вот!)

...умеет расположить. Сразу видно, профессионал. Даже предгрозовое чувство тревоги — безотчетной, необъяснимой — во время разговора отступило. Конечно, умом я понимаю: пустые страхи, химеры воспаленного воображения, плоды усталости, но... За удачу всегда приходится платить. А вчерашний день был фатально, зловеще удачным. Мрачный парк, гулкая аллея, туша особняка нависает, давит... В способности Заоградина обволакивать людей речами, успокаивать, убеждать, создавая иллюзию безопасности и комфорта, есть что-то мистическое, иррациональное. Как и в моих страхах.

Что уж говорить о Насте с ее депрессией и подавленным душевным состоянием? Разумеется, я тоже виновата в мытарствах девочки, и, наверное, именно комплекс вины вкупе с бархатной настойчивостью Мортимера Анисимовича не позволил сразу ответить отказом. Контракт по-прежнему не подписан, тесты — пустая формальность, и тем не менее...

Лампа под зеленым абажуром мигает, по комнате бегут тени, кто-то скребется в оконное стекло: ветер? Ветка старого граба? Может быть. Я хочу верить лживым заверениям будней, но боюсь взглянуть в окно: затылок и шея скованы леденящим холодом! Нельзя смотреть, нельзя! Хорошо, я буду смирно сидеть на диване, скрипя пером в свете лампы, судорожно дергающемся, словно... (далее вымарано).

...Конечно, я обязана помочь дочери, но — способ?! Извращенный, невозможный, притягательный, манящий... Шут?! Персональный дурак, живая, ухмыляющаяся тень, которая явится из стен жуткого особняка, чтобы следовать за Анастасией по пятам, ловя каждое ее слово, каждый жест, каждый вздох?! Могу ли я это допустить? И смогу ли НЕ допустить, если понадобится? Когда мы вышли из кабинета (оказывается, там была еще третья дверь, и я не уверена в отсутствии четвертой, тайной; зачем ему столько? запасные пути отступления?!) — то оказались на совершенно другой, темной и пугающей лестнице, ведущей вниз. Мне подумалось, что здесь очень легко оступиться, упасть, удариться головой, и я велела дочери крепко держаться за перила. Она смотрела на меня непонимающе: глаза ее горели, девочка была возбуждена, — и это от каких-то простых тестов? От собеседования?!

Рассказывать, в чем заключались «тесты», Анастасия отказалась. Ушла от ответа. Почему она не хочет поделиться с родной матерью? Почему?!

Кстати, Заоградин сообщил, что тесты займут три дня. Но если я дам согласие на расширенную, недельную программу, то могу рассчитывать на десятипроцентную скидку при оплате контракта. Я деловая женщина, знающая толк в системе скидок, но подобное предложение показалось мне по меньшей мере странным. Скажем иначе: подозрительным. Я сказала, что подумаю, посоветуюсь с Настей. Завтра, максимум послезавтра нам придется решать, и я в смятении. Обратиться за советом? К кому? Муж скажет: поступай как знаешь, ты у нас умница...

Мы спускались по этой ужасной лестнице, я оглянулась — и лучше бы я этого не делала! На месте двери, откуда мы вышли, теперь находилась дверь лифта с плотно сомкнутыми створками. До ушей донеслось вкрадчивое гудение, словно в недрах дома заработал скрытый механизм. Над дверью горело табло, кроваво-красные цифры с пугающей быстротой сменяли друг друга. Лифт стремительно опускался. Вдруг представилось, что сейчас кабинет Заоградина рушится в чрево земли, в саму преисподнюю, откуда он поднялся только ради нас. Бездонная шахта ведет во тьму, и лишь далекие отсветы пламени озаряют колодец, туннель между... (далее вымарано).

...плохо помню, как мы покинули этот кошмар и оказались около машины. Мокрые ветви кустов хлестали по лицу, злорадно кропя едкой влагой, крылатые тени метались в воздухе — уследить за ними было невозможно, лишь краем глаза удавалось ловить быстрое движение на самой границе зрения, лунного света и обступавшей нас непроглядной, могильной тьмы. Дождь кончился, но едва мы выбрались за ограду (фонари погасли, будка привратника пустовала, а ворота были открыты настежь, надрывно скрипя) — полыхнула далекая, запоздалая молния, и в ее отсветах я увидела ожидавшего у машины Мирона. Его лицо... Да, конечно, всему виной необычный ракурс и проклятая молния. Но... Это было лицо мертвеца! Синюшное, с пустыми, ничего не выражающими глазами, покрытое струпьями; мягкие, словно у прокаженного, губы кривились в странной ухмылке, обнажая желтые кривые клыки...

Кажется, я закричала. Теперь, дома, сидя на диване, я чуть-чуть стыжусь этого. Тогда же крик показался мне наиболее естественной реакцией. Наваждение схлынуло, мы забрались в машину, Мирон завел мотор — и тут я впервые обратила внимание, что от дочери явственно пахнет экзотическими фруктами. Нет, я не могла ошибиться! Обонятельные галлюцинации мне чужды. Там был еще какой-то запах, но он исчез очень быстро, и я не смогла толком его распознать.

На вопросы Анастасия по-прежнему не отвечала.

* * *

Мелодию своего мобильника не получалось запомнить даже под угрозой расстрела. То ли причуды избирательного склероза, то ли весельчак «Siemens-Pagliaccio» таким образом поддерживал владелицу в форме, понуждая хвататься за

сумочку, как Билли Кид — за верный «кольт», заслышав в подозрительной близости любой сигнал: от кудахтанья курицы до первых тактов «Toccata & fugue in D minor». В данный момент хор японских цикад исполнил «Валенки». Дернувшись, Галина Борисовна выхватила злодея из кобуры и лишь потом осознала, что момент для резких жестов выбран не самый удачный.

Сценарий 89-й части сериала «Торопливые умирают сразу».

Место действия: «Мидас-Инвест», филиал банко-прачечного ПО «Мойка».

Время действия: 17 минут 25 секунд до обеденного перерыва. Обед в «Мидасе» — это святое. Поговаривали шепотом, что пища от прикосновения банкиров становится льготными кредитами.

Действующие лица: блондинка в окошке, Шаповал и охранник, параноик-профессионал.

Сюжет: гремят патетические «Валенки», крупным планом — молниеносная рука Шаповал (20 сек.), охранник принимает позу для стрельбы лежа (1 мин. 05 сек.); средний план — блондинка в окошке равнодушно шуршит ассигнациями. Наплывом: значок «Ворошиловский стрелок» (14 сек.). «Валенки» переходят в шлягер «Нас не догонят», охранник медленно встает, испытывает чувство стыда, думает, испытывает еще, подносит дуло револьвера ко рту. Реплика охранника: «Ложная тревога, господин директор! Да, как обычно...» Револьвер играет арию Каварадосси из оперы Леонкавалло «Паяцы», после чего дает отбой.

Щелкает затвор одноименного с оперой «Siemens-Pagliaccio».

Крупным планом: губы Галины Борисовны. Они шевелятся.

Конец серии.

— Алло, мам? Я тебе из «Шутихи» звоню. Я здесь до субботы поживу, на полном пансионе!

Шаповал хорошо держала удар, особенно на людях. Но тут сорвалась:

— Настька! Прекрати свои дурацкие шутки! Меня из-за твоего звонка чуть не застрелили!

— Правда? Кто, менты?! Мне стукнуть «крыше»?!

В словах дочери звенела неподдельная тревога за мамочку, дорогую и любимую, и лед в сердце растаял.

— Никуда стучать не надо. Мелкое недоразумение, все уже в порядке.

— Отлично! Скажи им, пусть не стреляют, пока я не закончу. Я в «Шутихе». Кроме шуток. Мне Мортимер экспресс-программу предложил. Три дня аттестации, но плотный график, от заката до рассвета. С проживанием. Зато десять процентов скидки, как за недельный курс. Я согласилась.

— Настя! Как ты могла?! Не посоветовавшись со мной?! По условиям контракта...

— При чем тут контракт? Если ты о материнско-попечительском благословении, так для аттестации оно на фиг не нужно. А тесты у них прикольные, мне нравится. Или тебе скидка по барабану? Много лишних денег? Банк ограбила?

— Только собираюсь. — Шаповал покосилась на бдящего охранника. Впервые дочь пеклась о мамином кошельке. Взрослеет? В конце концов, если девочке интересно...

— Короче, я в надежных руках. Забирай меня в пятницу, на закате. Люблю-целую!

— Люблю-целую, — вздохнула бедная мать.

У выхода ее догнала блондинка. «Вам факс», — все дальнейшие звуки, издаваемые служащей, обращались в молчание, более красноречивое, чем гром фанфар. О таком молчании писал Абд-аль-Муалла: «Закрой свой рот, корова, и будешь вечной ланью!» Шаповал взяла факс.

«Здравствуй, милая мамочка! Убедительная просьба: пришли за мной Мирона Герш-Лейбовича не в пятницу вечером, а в субботу утром, в 7.30. Вечерняя сессия игры «What, why, where?» окончится не раньше полуночи: мы принимаем команду знатоков лицея-побратима из Одессы (штат Техас). Переночую в «Специалисте». Всего наилучшего. Твой сын Юрий».

— Как он узнал, что вы здесь? — изумилась блондинка.

— Как он узнал наш факс?! — ударил в набат подошедший ближе охранник.

— Это моя гордость, — ответила Галина Борисовна.

Это было правдой, чистой, как детский поцелуй. Младший сын со дня рождения доставлял маме исключительно приятные минуты. В три с половиной года он прочитал «Поднятую целину», и целина ему не понравилась. В четыре с четвертью понял, что лучшая сантехника стоит отнюдь не в доме водопроводчика. В восемь с хвостиком твердо знал, что Рембо зовут Артюр и он — поэт, в крайнем случае работорговец, но никак не офицер спецназа. В одиннадцать навсегда

отказался от мысли, что все сверстники — дебилы, усмотрев в этом начало комплекса неудачника; и был прав. В двенадцать, поспорив с второгодником Петушняком о значении эпитета «филистер», сумел решить проблему путем диспута, но перешел в интернат-лицей «Специалист», утратив возможность дальнейшего общения с петушняками как биологическим видом. С тринадцати бесповоротно отказался от футболок «Metallica» в пользу белых сорочек с галстуком, находя в этом неизъяснимое удовольствие. Стоматолога же посещал с регулярностью мазохиста; в психоаналитике не нуждался.

Если бы наша героиня могла дать сыну отчество Галинович, она бы это сделала.

«Юрочка никогда бы не остался в «Шутихе» на трехдневную аттестацию!» — такая мысль не покидала ее до конца рабочего дня, и тут мы ничего не в силах возразить.

* * *

И был день, и был вечер, а вечером был мальчишник, обещанный Гарику. Впрочем, мальчишник вышел фигуральный: лысые мальчики с крысиными хвостиками на затылках, печальные от мудрости и жировых складок, перемежались рожденными в сорочках девочками бальзаковского возраста, бродского нрава и достоевского темперамента. «Бо монд!» — как говаривала бабушка хозяйки, Одарка Шаповал, отлично зная, что «бо» в переводе с миргородского на тамбовский означает «потому что», а «монд», по мнению бабушки, в переводе не нуждался. Хозяйка дома дремала в кресле, готовясь к финальной реплике: «Хорошо, и хорошо весьма!» Эта реплика всегда давалась ей с трудом.

Куда легче давалось: «Вы общайтесь, а я пойду. Мне завтра рано вставать...»

— Видели «Отелло» в постановке Селявиктюка? В роли мавра — Арчил Камикадзе, бездарность из Малого Хачапури. Да, я тоже не видел. Серость, никакого удовольствия, кроме эстетического...

— Помните, у Мандельштампа:

Милый мальчик, ты так весел, ты тяжелый и унылый,
Ты появишься у двери в чем-то белом, без причуд,
Знаю, знаю сердцем вещим — умер ты и взят могилой,
Но прекрасен без извилин, я опять тебя хочу!

— Помните, у Сыма Цяци: «Поступив в школу «Восьми пьяных даосов», юный Мынь за пять лет допился до полного мастера...»

— Помните, в «Тайной гавани»: Фенкароль, Финлепсин и Фуросемит, сыновья Флакарбина... да, редкое глумление, редкое!.. Любой вам скажет, что верный перевод: Фенкарол и Фуросемид, а не эта натужная отсебятина...

— Да, именно у Рэймонда Обоя: «Реалист, или Антилегенд»... пиршество безвкусицы...

— Помните, у Вертинцера:

На ковре из желтых листьев, вдоль обрыва, по Арбату,
Чуя с гибельным восторгом, что осядут на мели,
Пилигримы в шкурах лисьих, колченоги и горбаты,
Подают манто путанам вместо китайчонка Ли...

— Помните, в «Массажисте якудзы», когда Слепой Рикша делает йоко-оно-наоми-кемпбелл-цуки-тошиба? Гарик сказал, что это в целом почти пристойно, и Гарик таки прав...

— В последнем эссе токийского постреляти вист а-затворника Киндзмараули Оэ: «И ученик спросил у жены мастера: «Госпожа, ответьте: когда жесткое лучше мягкого?!» Нет, не читал, но Зяма утверждает... Вы знаете Зяму?

— Остап Гоглин? Да, трилогия: «Вечера на Ху», «Тор Еблиз» и «Дик Аньки». Низкий жанр, потакание быдлу. Я даже просматривать не стал...

— Помните, у Бу Сё:

Чужое вдали пью пиво,
Красавиц чужих прельщаю,
В мечтах о милой супруге...

— Это ничтожество! Он говорит мне: «Зямочка, ваше «На шкафу сидит жирафа, а козел стоит у шкафа...» не соответствует тематике «Коммерсанта»! Мы не можем дать это в рубрике «Деловой блиц»! Несите стихи в «Одноклассник»!» Душитель порывов! Садомаз!

— ...и, упершись всей силою в колонки дома, сказал Самсунг: умри, душа моя, с филипстимлянами!..

— Помните, в «О чем молчал Кунфуций»:

Ну-ка, лягу на кровать,
Стану время убивать
И постигну, я-не-я,
Сущность недеяния!..

— ...я ему: а дальше? Дальше?! «Потому что тот козел на жирафу очень зол»?! Это не «Деловой блиц»?! Ничтожество, завистливая клякса...

Галина Борисовна чувствовала себя подшипником на нитке жемчуга. И все чаще ей казалось, что стены гостиной смыкаются кожаными створками альбома, украшенного «Пиром в доме Левия» работы Паоло Веронезе.

* * *

Три дня промчались птицей-тройкой, звеня бубенцами, — в столоверчении будней, деловом угаре и крайне романтической торговле фольгой для горячего тиснения. Но о вечере пятницы (угадайте, какое число? ну нельзя же так! хоть бы для приличия сделали вид: 12-е там, 32-е, 666-е), когда надо забрать дочь из «Шутихи», наша героиня помнила неукоснительно.

Улица на подъездах к приснопамятному особняку кишела транспортом. Даже Мирону, виртуозу баранки и тормозов, пришлось туго меж экипажей, густо припаркованных вдоль Гороховой. Чего здесь только не было! «Мерседесы», «Вольво», «Крайслеры», «Пежо»... Вот их как раз и не было! Наблюдались же иные средства передвижения в ассортименте. Старинный кабриолет: сияющая медь ручек, клаксон, черный лак жучиных надкрыльев. Двухэтажный английский омнибус. Карета, запряженная шестерней. Еще одна карета. Дилижанс, от которого за сто ярдов несло Диким Западом, мешками долларов и индейцами, не наступающими дважды на одну швабру. Арба. Броневик с кепкой, нахлобученной на дуло пулемета. Гоночный «Турбо Реал». У решетки с вензелями обосновалось чудо: серебристая сигара длиной с кашалота, без каких-либо внешних деталей, цельная и загадочная. Заглядевшись на сигару, висевшую в полуметре над землей, Мирон едва не «поцеловался» с обыкновенной гнедой кобылой — последняя брела куда глаза глядят, без седла и удил. Кобыла оборжала Мирона и двинулась дальше, эротично виляя крупом.

Короче, выбравшись наконец из машины, Шаповал не особо удивилась, узрев разноцветный монгольфьер, парящий в густо-фиолетовой чернильнице неба. Из корзины приветственно махал руками воздухоплаватель в цилиндре, клоунском гриме и ярко-желтом камзоле. «К нам, Шарль, лети к нам!» — кричали ему из парка.

За распахнутыми настежь воротами «Шутихи» безумствовал карнавал!

Гирлянды фонариков вились в кронах деревьев, тут и там вспыхивали огни фейерверков, извергались ввысь подсвеченные иллюминацией фонтаны, кублом потревоженных гадюк шипели «вертушки»; одноименные с фирмой шутихи, треща, рвались в клочья. Ну, и шутов, конечно, тоже хватало! Едва слегка качнувшаяся рассудком гостья шагнула за ворота, как к ней подскочил черт. Черт был красный, атласный, с бородкой клинышком и моноклем в левом глазу. Хвост у черта приветливо дергался, то распрямляясь в струну, то свиваясь кольцами, и эта агония червя будила в душе нервные атавизмы.

— Ах, мадам! — Черт в экзальтации рухнул на одно колено, взвыл, больно ударившись, и прижал руки к сердцу, находившемуся у него где-то в районе печени. — Опомнитесь! На вас лица нет! Вот, примите скромный дар...

Даром оказалась маска на палочке. Снежно-белая, будто фарфоровая, с узкими прорезями для глаз и длинным, острым, чуть загнутым носом. Этакий стервятник Буратино, страдающий белокровием. Женщина машинально приложила маску к лицу, примеряя, и вскрикнула: в глазах полыхнули искры! Оказалось, дело не в причудах зрения. Из рожек черта стартовали две крохотные ракетулечки, рассыпавшись фривольным звездопадом. Вид перепуганного до чертиков наглеца, хватающегося за голову с дымящимися рожками, был настолько комичен, что Галина Борисовна не выдержала, прыснув в кулак. И сразу рогатый привратник с радостными воплями «Получилось! Получилось!» ускакал прочь по боковой аллейке. Хвост его жил отдельной жизнью, цепляя прохожих за ноги. А народу в парке скопилось — хоть в лукошко собирай. Первым порывом было плюнуть на обещание, данное дочери, но ответственность победила. Вздохнув всей грудью, как перед погружением на рекордную глубину, доблестная мать двинулась через смех, пляски, вопли и песни к особняку, разукрашенному праздничными огнями и еще почему-то — милицейскими мигалками.

Маску она держала у лица, не желая выделяться.

С трудом увернувшись от жидконогого томата-исполина,

мимо продефилировал Рыцарь Печального Образа: тазик-шлем, мятые консервы лат и надувное копье в деснице. На него из кустов, дико завывая и улюлюкая, вылетело привидение. При ближайшем рассмотрении мятущийся дух оказался дородным господином в костюме бухарского еврея, творчески развитом владельцем: с шапки, отороченной шакалом, свисала плотная чадра. Еще имелись накладные пейсы по колено. Печальник мрачно воззрился на заблудшую и весьма шумную душу, дождался, пока бухарей (евробух?) утомился скакать вокруг жертвы, а потом осведомился с резким ламанчским акцентом:

— Кстати, Леопольд Романыч. Когда в нашем доме дадут горячую воду?

Призрак, теряя чадру и чувство самообладания, рухнул обратно в кусты. Послышалась сдавленная брань. Только сейчас до Галины Борисовны дошло: шутник — не кто иной, как мэр города! Из зарослей тем временем уже лезли Бэтмен, Дракула и ослик Иа-Иа, но теперь Шаповал была начеку. И верно: в Бэтмене, несмотря на общее нетопырство, безошибочно опознался заместитель прокурора области, в бодром кровопийце — председатель горкомиссии по делам молодежи и спорта, зато осел навсегда остался загадкой. Особняк близился, толпа поредела, и, поглядывая по сторонам через прорези маски, она обнаружила еще кое-кого: вот владелец сети хлебопекарен «Куличики» с супругой — добродушный тираннозавр и бабочка с надорванным крыльцем; вот коза-дереза, любовница начальника региональной таможни, под руку с Джеком Потрошителем из налоговой...

Ступени легли под ноги. Давешний клерк за конторкой сегодня был наряжен драконом по-пекински.

— Сэр Мортимер ждет вас на галерее второго этажа. Оттуда открывается прекрасный вид. — Дракон уронил позолоту с усов и предложил гостье лапу. Вот так, бок о бок с услужливой рептилией, она и проследовала наверх. Дракон распахнул нужную дверь, для лучшего освещения пыхнул огнем, и в отсветах синего пламени открылись своды галереи.

— Карнавал придумал Казанова. — Заоградин смотрел вниз, опасно перегнувшись через перила. Он говорил, стоя спиной к вошедшей, вряд ли слыша шум ее шагов в грохоте праздника, но не возникало и тени сомнения, к кому обращается «зазывала с правом подписи». — Авантюрист и любовник, он вложил всего себя в этот апофеоз шутовства.

— Придумал?

— Я не совсем точно выразился. Разумеется, нет. Джакомо Казанова детально разработал правила знаменитого карнавала в Венеции. Разрешив буйствовать и предаваться любви каждому, даже священнослужителям. С одной оговоркой: священники, обнимая прихожанок, должны закрывать глаза. Дабы не видеть, как мавры на колокольне Св. Марка отбивают очередной час.

Странная оговорка, подумала Галина Борисовна. Ханжество? Или тонкая ирония?! Она хотела напомнить, что явилась сюда отнюдь не за лекциями по карнавалологии, а по вопросу серьезному, можно сказать, судьбоносному, каким является наем шута для депрессирующей дочери, — но вместо проповеди шагнула к перилам, молча вглядываясь в бурлящий кипяток праздника. Как раз сейчас над дальними вязами взлетела бумажная голубка-великан, взорвавшись и осыпав беснующуюся толпу фейерверком конфетти. Словно по команде арлекины, полишинели и домино стали забрасывать друг друга разной мелкой снедью: орехами, драже...

Парк наполнился азартными воплями.

— Собственно, корни карнавала, — беззвучно смеясь, продолжил Заоградин, — в римских сатурналиях. На время праздника различия между рабами и господами упразднялись: раб получал возможность бранить господина, сидеть с ним за одним столом. Более того, господин подносил рабу вино, а тот напивался как свинья, подражая свободным римлянам. Чернь выбирала лжевладыку — прообраз будущего карнавального шута, — которому поклонялась. И знаете, что было самым забавным?

Между стволами, подслушав слова Мортимера, стартовали римские свечи. Смущенное небо пошло яркими брызгами, вызвав очередной пароксизм хохота у масок. Промчалась повозка, где буйствовали ряженые в огромных шляпах из соломы. Надрывались валторны, скрипки плясали на тушах контрабасов, мяукая весенними котами.

Ленты серпантина скручивали деревьям руки.

— Лжевладыка, грядущий шут, в конце сатурналий непременно погибал. Нож, огонь. Петля. Если повезет, самоубийство. Думаю, выходило очень смешно.

— Не вижу в смерти ничего смешного! — огрызнулась Шаповал, удивляясь, что никак не может взять ситуацию в

руки. — Думаете, если первые люди города в дурацких колпаках пляшут в здешнем парке, то вы взяли бога за бороду?..

Заоградин повернул к гостье свое подвижное лицо. Вечерние тени ловко лепили из черт Мортимера Анисимовича другого человека: значительного, спокойного от сознания некой тайны, скрытой от остальных.

— Ничего смешного? В смерти?! Зря, зря... Вот, например. — Быстрым движением он взял из рук Галины Борисовны выданную на входе маску. Длинный нос цапли оказался крепко зажат между пальцами, отчего белизна задыхающейся маски смотрелась опасной бледностью. — Думаю, вы не в курсе, что это «баута», маска Смерти. На средневековых миниатюрах Смерть была мужчиной. Считалось, что если лицо закрыто «баутой», то настоящая смерть не узнает избранника и пройдет мимо, сочтя жертву коллегой-смертью. Такие маски делали со специально оттопыренной верхней губой: ударившись изнутри о глиняную или кожаную преграду, голос становился неузнаваемым. «Баута» — способ понять себя настоящего, отказ от собственного лица, от назойливой индивидуальности, заодно освобождающий и от норм морали. Прикрываясь «баутой», можно блудить, убивать, обманывать, грешить против Господа... Кто совершил все эти непотребства? Никто! Маска! «Sior Maschera»! И самое главное...

Мортимер склонился к гостье. От него пахнуло дорогим одеколоном, трубочным табаком и теми экзотическими фруктами, аромат которых сопровождал Настю, покидавшую «Шутиху» во вторник.

— Настоящая маска делалась не из папье-маше, а из кожи. Особо злоязыкие утверждали, что из человеческой. Мягкая и податливая, «баута» плотно прилегала к чертам хозяина, становилась вторым лицом. Не мешая фехтовать или целоваться. Кстати, вы не видели внизу Николая Афиногеновича, вашего доброго знакомого?

Загадочный Николай Афиногенович, о ком уже во второй раз вспоминал Заоградин, начинал изрядно раздражать.

— Нет, не видела. И вообще, я здесь совсем за другим. Полагаю, Настя закончила аттестацию?

Стало страшно: минута, другая, и забудется истинная цель визита. Баритон хозяина обволакивал, атмосфера карнавала внизу манила, звала окунуться во вседозволенность, плюнуть на приличия, теряя прежнюю, обремененную множеством забот личность. Нет, меняться не хотелось: ободрав деловитость, как луковую шелуху, она втайне боялась оказаться на людях голой, без привычного панциря. Раньше, в молодости, часто снился страшный сон: нагая, она стоит на людной площади, в ужасе ожидая насмешек, но прохожие идут мимо, не замечая женщины, и ожидание страшней позора. Сон перестал мучить давно, лет через пять после рождения Юрия, зато ожидание сна, сама возможность, что кошмар вернется... Сейчас же почудилось: стой она на проклятой площади хоть трижды голой, но в белой длинноносой «бауте», и все разрешилось бы смехом самой Шаповал, щедро влитым в хохот толпы, не возвращаясь больше никогда.

— Да. Закончила. И, смею заметить, весьма успешно. Двенадцатипроцентная скидка — ваша. Хотите взглянуть на контракт?

Мортимер Анисимович столь удачно извлек договор, что можно было поверить: маска волшебным образом превратилась в два-три листа бумаги.

«Частное предприятие «Шутиха», имеющее лицензию на предоставление услуг № 111101 от 31 марта 20... г., именуемое в дальнейшем Подрядчик, в лице Генерального менеджера Заоградина Мортимера Анисимовича, действующего на основании Устава, с одной стороны, и Шаповал Галина Борисовна, выступающая от лица неполносовершеннолетней Горшко Анастасии Игоревны, именуемой в дальнейшем Заказчик, с другой стороны, заключили настоящий договор о нижеследующем...»

В свете фонарей и фейерверка буквы казались чужими, загадочными, а привычные формулировки — странно обтекаемыми, лишенными смысла.

«Подрядчик предоставляет Заказчику на срок, составляющий три календарных месяца со дня подписания настоящего Договора, и за вознаграждение, уплачиваемое Заказчиком, исключительные имущественные и смежные права на увеселителя высшей квалификации, далее — Шута, на всей территории...»

— Настя уже выбрала?

Читать контракт не было никаких сил. В конце концов, если наличествует право расторжения в любой момент, в одностороннем порядке... Диким напряжением души она нашла соответствующий пункт. Да, возможность расторжения имеется. Заоградин сказал правду.

— Не совсем так, уважаемая Галина Борисовна. Анаста-

сия ничего не выбирала. Шута подбирают специалисты: это высококвалифицированный и кропотливый труд. Вашей дочери были рекомендованы пять кандидатур. Вот они...

Пять фотографий порхнули из пальцев Мортимера. Двоих Шаповал узнала сразу: карлик Цицерон и не пойми кто в лосинах с гульфиком. Третьей была женщина, чертовски похожая на Алевтину Бенциановну, если бы не зеленый «ирокез» на голове да еще сережки повсюду: в ноздре, в щеке, в нижней губе, в обнаженном пупке... Далее шли чудовищно жирный скопец, затянутый в двуцветное трико, и старик в смокинге, зато без штанов.

Пожалуй, в мире не нашлось бы другой, столь же мерзкой пятерки.

— Раздражают? — мягко улыбнулся Заоградин. — Эпатируют? Поверьте, это самая естественная реакция. Я имею в виду, для постороннего человека. Подбирай мы шута для вас, кандидаты были бы совсем другими. Зато Анастасия Игоревна в восторге. Кстати, она сделала свой выбор.

— Кто? — холодея, спросила Галина Борисовна.

Словно в ответ парк внизу наполнился хрюканьем и издевательским ржанием.

— Вот этот.

Этот, с гульфиком, был мерзее всех.

— Я категорически против! Вы слышите?! Категорически!

— Ваше право. Заставить вас подписать контракт мы не в силах. Разве что хочу напомнить про обстоятельства, уже обсуждавшиеся между нами ранее...

— Я могу поговорить с вашим... э-э-э... с вашим сотрудником? Познакомиться, обсудить принципы работы?

— Нет. Не можете. Общаться с шутами до начала выполнения ими своих обязанностей запрещено.

— Ах так?!

Порывисто шагнув к перилам — впервые в жизни собралась запустить неподписанным контрактом в безумный калейдоскоп карнавала! — Галина Борисовна неожиданно увидела прямо под балконом ало-черное домино на ходулях. Маска упала под копыта ходулей, и сияющее лицо Настьки светилось таким неподдельным, таким искренним счастьем, что мать попыталась вспомнить, когда хоть раз еще видела дочь столь счастливой, — и не вспомнила.

Зато почему-то вспомнила мальчишник Гарика.

— Я подпишу ваш контракт. Ваш чертов, ваш дурацкий контракт! Но имейте в виду: при первой же глупой выходке, при первом сумасбродстве, какое мне не понравится...

— Желание клиента — закон!

Мортимер Анисимович шутовски поклонился, разворачиваясь к собеседнице спиной и наклоняясь. Сперва Шаповал задохнулась от возмущения, но Заоградин похлопал себя рукой по спине: столика, мол, нет, кладите сюда для удобства и подписывайте! Припечатав со злости договор на его широкие лопатки, Галина Борисовна извлекла авторучку.

Подпись легла обжигающим клеймом.

— Один экземпляр извольте вернуть. — Возвращаясь к прежней позе у перил, Заоградин деликатно отобрал часть бумаг. — И давайте веселиться. Если, конечно, вы никуда не торопитесь...

— Тороплюсь. У меня масса дел, помимо глупых забав.

— Вы злитесь. Это плохо. Вы подписали договор. Это хорошо. Вам никогда не рассказывали, как зовут жену Карнавала?

— У него есть жена?!

— Да. У тучного, румяного весельчака Карнавала есть супруга: Кварензима, худая старуха в трауре, чье имя означает «Сорокадневье», или «Великий пост». Она крайне заботится о муженьке, запрещает ему пить, гулять, радоваться жизни, наконец, зовет к нему врачей. И когда лекари оказываются в затруднении, Кварензима находит знаменитого доктора, известного всему миру. Он одет в черное, на лице его — белая маска-«баута», а в руках — коса. Этот врач одним ударом прерывает страдания замученного женой Карнавала, и в права наследства на сорок долгих дней вступает карга Кварензима. Вспомните о судьбе несчастного, когда вам захочется расторгнуть наше соглашение. И не выбрасывайте полученную сегодня маску. Я вас очень прошу сохранить ее. Вдруг пригодится?..

— Мама! — заорала внизу Настька, приплясывая на ходулях и заглядывая через перила. — Мама, это ты?! Спускайся к нам! Тут по кайфу! Мама, в понедельник они пришлют ко мне шута! На дом! Все, люблю-целую!

— Люблю-целую! — вместо мамы ответил Заоградин.

ТЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Что хуже — шутка или брань?

Архимандрит Рафаил
Избранное, 2002 г.

«Два греха, внешне как будто противоположные друг другу, — смехотворство и сквернословие — имеют много общего. Шутки и брань представляют собой карикатуру на человека. В каждой шутке — надругательство над человеческой личностью, унижение ее, освинячивание человека, стремление заменить его лицо уродливой рожей, как в кривых зеркалах, которые показывали в балаганах. В шутке исчезает уважение к человеку как образу и подобию Божиему. А вместе с уважением пропадает любовь. Если во время плача сердце человека смягчается, то во время шуток оно становится жестким как камень. Во время шуток и смеха ум человека помрачается; *недаром демона называют шутом и нередко изображают* в одежде скомороха. Шутка — это короткий приступ истерики. Говорят, что от шуток бывает хорошее настроение, — это неправда. После продолжительных шуток и смеха человек чувствует опустошение. Диавол — любитель и ценитель шуток. Это невидимый режиссер той клоунады, которая происходит в уме человека».

До шуток ли тебе теперь, о читатель?
Искренне твои Третьи Лица.

ГЛАВА ПЯТАЯ

«У БЫДЛА ЕСТЬ ОСОБЕННОСТЬ...»

Утро субботы выдалось на славу.

Если, конечно, не брать в расчет приснопамятных Казачка со товарищи, вокруг которых, переводя беседу на замысловатые, выгнутые наподобие сладостей «ава», рельсы, плавно распадалась связь времен.

Сперва разговор пырловцев шел о религиозной распре меж чернецами обителей Бирусяна, что значит «Светоносная», и Он-дзёдзи, то есть «Вертоград Несокрушимый», заспоривших во время церемонии «Взиманья десятины»: кому первым ставить священные скрижали с именами плательщиков-великомучеников? В итоге обе стороны учинили друг

другу изрядное поношение, и пятеро рядовых чернецов Бирусяна долго оскорбляли действием престарелого настоятеля из «Вертограда», пока не вмешался вооруженный боевым паникадилом бонза О-Лексий, в миру служивший самураем спецназа. После чего все оставшиеся в живых участники религиозного диспута были задержаны чиновниками Сыскного Ведомства для составления сборника стихов «Чистосердечное признание угодно Будде». Затем разговор свернул на моральный облик государя, выпустившего на днях в свет «Высочайший указ о наградах вассалам и прочим гражданам». Далее была громко спета народная песня «Фукухара, где ветры зловещие веют!». Расчувствовавшись от вдохновенных песнопений и любуясь цветущей Сакурой — сдобной блондинкой, устроившей солярий на крыше своего коттеджа, — эстет Валюн сочинил изысканное хокку «Созерцая преходящее, мечтаю влезть на сосну»:

Тихо ползи, алкоголик,
По лестницы грязным ступеням
До самой своей квартиры.

Он даже собрался было записать стихи тушью на полоске рисовой бумаги, чтобы затем спрятать в ларец из криптомерии, но, к счастью, вспомнил, что у него нет ни того, ни другого, ни третьего, и передумал. Рядом с кротким Валюном, мастером случайной церемонии, променявшим меч на чистое искусство, бурно изъявляли доблесть два воителя.

— Мое имя — Шняга-но-Мицубиши, я один равен тысяче! — громовым голосом вещал первый, чьи уши, оттопыренные наподобие боевых вееров, вселяли страх во врагов. — Когда в давние времена, в Великой Войне Киосков, мой предок сражался против горных тэнгу клана Минамотян, кулак младшего тэнгу Карапета-ё вонзился предку в левый глаз! Но он, не дрогнув, повредил кулак врага, зажав между роговицей и зрачком, после чего нанес противнику немалый урон боевой лопатой «гумбай-утива»! Я — мастер мгновенного обнажения чего угодно! Кто осмелится восстать против Шняги Бесподобного?!

— Велика доблесть твоих предков! — согласился второй, отзывавшийся лишь на имя Чикмарь Кугиути («Молоток-для-Гвоздей»), и то лишь после ритуального поднесения чарки саке. — Но и я, вспоен кефиром битвы, славой не уступаю

богам и демонам. Ездя на мотороллере игреневой масти, я способен повергнуть дюжину ниндзя из школы «Патрульно-постовой обезьяны» одним видом татуировки на левом бицепсе! Искусник владения многозвенной цепью «кусай-рыгама», я невредим прохожу близ заставы рынка Балашиходачи, и сам ямабуси Джалил-сан трепещет темным нутром при встрече со мной!

После чего оба завершили хором, исполняя танец «бугагаку» и всплеснув рукавами джинсовых кимоно:

— О, сколь могучи мы в сравнении с низкорожденным быдлом!

А тонкий душой Валюн сочинил еще одно хокку «Встречаясь с друзьями, испытываю просветление»:

У быдла есть особенность: оно —
Всегда не ты.
И это восхищает.

Из всех присутствующих молчал лишь Казачок-сэнсэй. Склонность патриарха к длительному раздумью, рождавшему мудрый коан, смысл которого постигался не обыденной логикой, но лишь интуицией сердца, была хорошо известна его ученикам. Зря, что ли, весь прошлый год они бились над истиной, сокрытой в словах наставника: «Обладает ли собака природой президента?» — и лишь тонкий душой Валюн постиг сокрытое, воскликнув «Му!» и ударив Чикмаря посохом по голове.

Связь времен распадалась, прикидываясь ширмами с изображением диких гусей, блондинка Сакура накапливала равномерный загар, готовясь к светлому будущему, а судьба уже ликовала втайне, приберегая сюрпризы. Первым сюрпризом был джип Вована, где за рулем сидел шут в тельняшке, мрачный, как недоеденный гарнир к шницелю. Сам хозяин джипа, более пьяный, нежели влюбленный, в это время пребывал на заднем сиденье в объятиях жгучей, словно скипидар между ягодиц, брюнетки. Вторым же сюрпризом был Юрочка Горшко, младший сын Галины Борисовны, привезенный на выходные домой из интернат-лицея «Специалист».

Впрочем, Юрочка слегка запаздывал, что тоже входило в планы судьбы.

Патриарх, самураи и поэт долго смотрели, как шут выволакивает Вована из машины, кряхтя и матерясь. Вован скорее мешал, чем помогал ему, хохоча всем телом; брюнетка вторила истерическим тенорком, а значит, шут и сейчас продолжал выполнять свои нелегкие обязанности. На мощной шее Вована болталась маска свиньи, заляпанная соусом, в волосах торчали разноцветные монетки конфетти. Потом все скрылись за забором, но раскаты дуэт-хохота, перемежаемые басом счастливого Баскервиля, еще долго неслись над улицей.

— Козлы! — выразил общее мнение Шняга, вертя в мосластых пальцах стебель травы хаги, именуемой еще леспедец двуцветный.

— С рогами! — развил идею Чикмарь, пунцовый от интеллектуальной натуги.

Валюн же, оправдывая репутацию, подумал, что всего один внезапный поворот темы способен родить вдохновенное хокку «Отшельник понимает суть явлений»:

Козлы!
С рогами!
Уйду от мира.

Вот тут и подъехала машина с Юрочкой. Распахнулась дверца, нога в тщательно отглаженной, «со стрелкой», брючине ступила на гравий, шаркнув подошвой блистательного «Саламандера», и судьба злорадно расхохоталась, предвкушая. Мальчик был такой чистенький, такой аккуратненький, такой противоречащий миазмам бытия, что развитие событий... Ан нет! — или «Зуськи вам!», как говаривала баба Клава с Нетеченки, познавшая толк в вербальном полиморфизме. Это мы вам заявляем с полной уверенностью. Ибо орлам Пырловки, натасканным Казачком, мужчиной абсолютно вменяемым, нельзя было отказать в зачатках нюха. Воздух пах лосьоном «New Wave» и грустными выводами: значит, мы обижаем юношу бледного, теша гордыню, мамаша обижаемого резво брякает с мобилы ментам или, того проще, — завтра вынимает пачку бабла, командует: «Фас!» — и не выстоять двум самураям с одним поэтом (мудрый учитель мимо кассы, мудрецы делают ноги первыми...) против бойцов тайного стиля «Вха-рю Дай». Иди, юноша, иди, бледный, иди, со взором горящим!

Не видим, не слышим, знать не знаем...

Восстанавливай, блин, связь времен.

Юрочка шел. Качая в левой ладошке «дипломат» с кодовым замочком: дата рождения любимой мазер. А навстречу благополучному Юрочке из ворот Вованова жилища уже выбирался рок в драной тельняшке. В камуфляжных штанах. Устало вытирая взопревший от трудов праведных затылок. Шут сегодня был прямоходящим, без ошейника, и это крайне возбудило зрителей. Тем более что Вован, спящий или бурно обладающий брюнеткой, отсутствовал на театре военных действий.

И пырловцы взыграли.

— Эй, Тельник! — гаркнул Чикмарь, от щедрот награждая шута именем. — А ну, гавкни!

Шут сел на скамеечку. Достал сигареты.

Закурил.

— Голос! — поддержал друга Шняга. — Голос, п-падла!

Откинувшись на спинку, шут блаженно прикрыл глаза. Дым овевал его лицо, делая скулы не просто сизыми, а иссиня-стальными, как муаровый клинок катаны.

— Не врубается, — резюмировал Валюн. — Плохо учили.

— Щас подучим. — Шняга медленно встал, зная, что при его росте это выходит монументально. Угрожающе тряхнул ушами. — Щас сделаемся, клоун...

Дойдя до шута, Юрочка остановился. Галина Борисовна внимательно следила за происходящим из окна, готовая вмешаться в любую секунду. Но пока дальше словесной перепалки дело не шло. «Сейчас Юрка сморозит глупость, — подумала она. — Обязательно сморозит». И не ошиблась.

— Как вам не стыдно? — сморозил Юрочка, с укоризной глядя на ошалелых пырловцев.

Никогда не задавайте самураям и поэтам риторических вопросов. Не надо. Это задевает у них какие-то тайные струны души, попадает прямо в спинной мозг, после чего поэты и самураи способны на странные поступки. Видимо, это связано с проявлением истинной природы Будды. В дылде Шняге сидел очень предсказуемый Будда, поэтому он направился к юноше вихляющим шагом, тая в глазах белое безумие.

— Козел, — сказал Шняга, отрицающий пользу разнообразия. — С рогами. Обломать?

Пока мать колебалась — выйти на улицу или крикнуть в окно?! — Шняга ликвидировал две трети расстояния между собой и намеченной жертвой. Снежное пламя ярче разгоралось во взоре лопоухого. Так падают на амбразуру. Так грабят банки, врываясь в холл с водяным пистолетом. Так сжигают храм Артемиды Эфесской. Юрочка, знакомый с побоями большей частью из художественной литературы, удивленно ждал продолжения и лишь вяло качнулся, когда шут встал между ним и Шнягой.

Белый огонь вобрал шута. Отразил.

— Голос! — приказал Шняга. — Голос, Тельник!

— Гав, — сказал шут.

— Еще! — Шняга не ожидал беспрекословного подчинения, а посему не поверил собственному счастью.

— Гав-гав, — сказал шут.

— Раком! Становись раком!

Шут встал на четвереньки. Подумал. И сунулся вперед, боднув головой воздух между коленок Шняги. Дылда попятился, но опоздал: шут с ловкостью домкрата поднялся на ноги, вознося самурая к равнодушным небесам. Обнаружив, что сидит на плечах Тельника задом наперед, а до земли — сто верст лесом, пырловец хрипло заорал, едва не сверзившись в пыль. По счастью, лапа шута сгребла в жменю футболку на спине Шняги, возвращая сомнительное равновесие.

— Alles! — сказал шут на иностранном, но очень понятном языке.

Неподалеку торчал деревянный «бум», вкопанный по заказу Вована для Баскервиля, и шут скоренько взбежал на бревно. Отмахнул свободной рукой, пробуя баланс.

— Голос! — велел шут.

— Ой! — отозвался Шняга по-японски, зная по фильму «Скалолаз», что в таких случаях главное: не смотреть вниз.

— Еще!

— Ой. Ёй. Юй, блин! Юй!!!

Шут добрался до противоположного края бревна. Грациозно согнул левую ногу в колене, став похож на грузового аиста, несущего младенца в хороший дом. Крутанулся волчком, ввергнув Шнягу в пучину ужаса, повернул обратно. Юрочка задыхался от хохота, согнувшись в три погибели. Булькал Чикмарь. Трясся Валюн. Пыталась сдержать предательское хрюканье Галина Борисовна. Один Казачок наблюдал представление с доброжелательным спокойствием.

Он же первым начал аплодировать, когда шут вернулся на грешную землю.

— Почем тебя брали, клоун? — спросил Казачок, скребя плоским ногтем шрам на подбородке.

Шут ласково придержал колеблющегося Шнягу: в эмпиреях дылда подхватил морскую болезнь.

Выплюнул окурок.

— А ты своих почем брал? — без раздражения осведомился он. — Так я много дороже буду.

СОННОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

«Если вы увидели во сне шута в пестром наряде — будьте внимательны: есть опасность, что в скором будущем вам захочется забросить важные дела в угоду суетным желаниям. Шут во сне символизирует ваши представления о своей совести, стремление думать и обращаться с ней легко. Бить шута, смеяться над его шутками означает противоборство, борьбу со своей совестью. Говорить с шутом во сне означает, что некая мудрость будет дана вам в очень странной форме.

Замок, как устройство для запирания дверей, ворот и т. д., является символом женских половых органов. Запирание замка говорит о страхе перед нежелательной беременностью. Для мужчин он является также символом прерванного полового акта».

Интерактивный снотолковник девичьего журнала «Невестушка».

А мы сегодня во сне били шута, запирающего сосиской амбарный замок. Что бы это значило, о читатель?

Искренне твои Третьи Лица.

* * *

Завтрак прошел в теплой, дружественной обстановке.

Гарик словно задался целью оправдать титул «Гарри Поттера»: не мальчик, но муж, он летал по комнатам на метле, оставляя за собой оазисы чистоты, весело колдовал на кухне, являя домочадцам шедевры поварской магии (главный используемый при этом артефакт — микроволновка «Фрези Грант»), и был крайне мил, а также прелестен.

— Юрий Игоревич? А Юрий Игоревич? Горячий бутерброд сотворить? С лососиком?

Нравилось Гарику звать сына по имени-отчеству. Нравилось, и все тут.

— Спасибо, папа. Если не трудно, с диетическим салом, — отзывалось чадо, прихлебывая поливитаминный чай с духовно укрепляющими добавками от тибетско-богодуховского СП «Тапас».

— А тебе, дорогая?

Галина Борисовна вкушала семейную идиллию, умом понимая, что классик прав: на свете счастья нет, покой нам только снится!.. В сердце стучал опрометчиво подписанный вчера контракт. Надо было ознакомиться детальнее. Внутренний раввин призывал не портить субботы, но антисемитдолг категорически возражал. «Ладно, после завтрака. И ненадолго», — примирила Шаповал антагонистов.

— Как ваш турнир знатоков, Юрок Игоревич? Кто кого?

— Мы их, — солидно отвечал сын, промакивая губы салфеткой. — В семнадцатом раунде. На вопросе по экзистенциальному счислению.

Глаза отца увлажнились гордостью за сына. Гарик до самозабвения любил гордиться, по поводу и без.

— Спасибо, дорогой, все было очень вкусно.

— Ну ты же меня знаешь, дорогая! Была как-то вакансия шеф-повара в «Метрополе», но я отказался: семья требует внимания, заботы...

Дорогая предпочла не комментировать.

Ее ждал шутовской контракт. Обживая кресло, хозяйка дома мучилась вчерашней безалаберностью, чуждой ей больше, нежели сыну Юрочке — ассенизационный техникум «Золотарь»; договор плясал в руке, а казенные формулировки гнусно звенели бубенцами подвохов и корчили рожи вторых смыслов.

— А, Настькин контракт на дурака, — отметили из-за спины. — Когда его привезут?

— Контракт вообще-то на меня... — машинально возразила Галина Борисовна, и тут до нее дошло. — Юрка, а ты откуда знаешь?!

Осведомленность сына всегда вызывала легкую оторопь. Наверное, права была чернявая гадалка Юдифь Олоферновна, увидев в ребенке воплощение фараона Мир-не-Птаха (жизнь, здоровье, сила!) по прозвищу Голубь Войны. Изредка мать стыдилась крамольной мысли: все-таки интернат — это правильно! Общение с вундеркиндом, моющим руки без напоминаний, более частое, нежели день-два в неделю, могло оказаться непосильным испытанием для психики.

— Откуда? Настя рассказала. У нее язык до пупа...

Вот так гибнет романтика.

— Она в лицей заезжала. Просить братского совета. К нам перед этим из «Шутихи» представители являлись. У главного лицо мятое, резиновое, второй — здоровый, небритый, типа браток, но вежливый. А третий словно в футляре: застегнутый, прямой, и волосы лаком покрыты. Как пластмассовые. Ролевую игру проводили по согласованию с дирекцией.

О ролевых играх Галина Борисовна знала от дочери, ветеранши Великой Битвы Пяти-с-Третью Воинств под Балаклейским Урочищем. Битва стоила матери изрядных седин. Дом накануне сражения сделался гибридом столярно-слесарной мастерской с пошивочно-закроечным цехом. Типография «Фефелы КПК» обреченно меценатствовала, в изобилии «тиская» цветные фантики (дочь именовала их деньгами, рискуя конфликтом с Уголовным кодексом: часть 3, ст. 186), а также грамоты на право именоваться Фиглиэлем Крутоволосым, витязем об осьми хитах. Даже Гарик заразился Настькиным энтузиазмом, собственноручно изготовив настоящий арбалет. В конце концов, должен хоть кто-то показать родной дочери, как выглядит генуэзская цагра?! Арбалет вышел большой, красивый, с одним мелким изъяном: не стрелял. Гарик списал это на коэффициент поверхностного натяжения тетивы, повесил шедевр на стенной ковер и с тех пор полюбил вспоминать: «Когда я был Вильгельмом Теллем...»

В общем, при словах сына в памяти ожил кошмар давно минувших дней. Со всей живостью воображения представилось, как Юрий Игоревич, фараон-вундеркинд (двубортный пиджак поверх гроверной кольчуги, брюки заправлены в кирзу, галстук под цвет бармицы шлема), сосредоточенно пасет розовым фрейдистским кладенцом стадо клоунов. А заодно — и дирекцию «Шутихи».

Однако заблуждение мигом развеялось как дым.

— Они нам формы контрактов принесли. Разные: типовые, индивидуальные. Показали лицензию, Устав, регистрационный пакет. Суть игры: в прокуратуру поступило заявление на «Шутиху», и надо разобраться в законности их деятельности. Полная юридическая экспертиза. Роли по желанию: заявитель, независимый эксперт, обиженный клиент, довольный клиент, юрист фирмы... Мам, я юристом был! Дело верное: бумаги грамотные, Буратино носа не подточит! Довел дело до суда, вчинил встречный иск за клевету...

— Кто дело выиграл? — бурля отеческой гордостью, влез Гарик.

— Спрашиваешь! Я пиар на этом деле раскрутил: закачаешься! Газеты, телевиденье... Правда, намаялся. Одна сверка на соответствие законам и подзаконным актам — чуть глаза об монитор не сломал! КЗоТ, Минздрав предупреждает, Департамент морально-этического здоровья страны рекомендует, акты о добровольном самоограничении граждан... Они мне, кстати, работу предложили, в перспективе. Я сказал, что подумаю. Давай, что ли, вместе Настькин договор смотреть?

— Давай! Галочка, покажи ему! — возбудился счастливый отец, забыв дождаться мнения жены. И в азарте внезапно подал верную идею: — Только ты, Юрась Игоревич, юриста фирмы из себя не корчи. Мы клиенты, у нас свои интересы...

— Обижаешь, пап! Я за Настасью кого хочешь насмерть засужу. Она — натура тонкая, всяк обидеть норовит... Значит, так: у нас контракт на три месяца. Нормально. Это средний. У них срок устанавливают психологи-тестеры: от месяца до года. Ага, шут постоянный...

— Бывает переменный? Как ток? Сегодня он шут, завтра доктор адиафорических наук?!

— В смысле, проживает у клиента в течение всего срока контракта. Бывают приходящие: отдурачился рабочий день и ушел. До завтра. Случаются вообще разовые. На час, на вечер... Это так, клоуны. На день рождения заказывают, на Новый год. Кстати, мам, ты в курсе, что Настька своего дурака кормить обязана? Вот, смотри: «...обеспечивать полноценным питанием». Проследи, чтоб голодом не заморила. С нее станется. На голых чипсах живет, дуреха...

Дальше Юрочка молча шевелил губами, вглядываясь в текст, и лишь изредка бормотал что-то вроде: «не может использоваться не по назначению... для различных хозяйственных или иных работ, не имеющих отношения...»

— О, смотрите! — вскинулся он наконец. — У нас контракт *«с легким рукоприкладством»*. То есть пинка в зад или там щелбан Настька шуту отвесить может, а больше — нини! У них разные формы есть: от нуля до «побоев средней тяжести».

— А кто эту тяжесть определяет? — живо заинтересовался отец семейства.

— Специальная комиссия в «Шутихе». С лицензией Минздрава. Еще на ролевой игре Тарас Довбунец им вопрос за-

дал: как, мол, насчет членовредительства? Или, например, смертельного исхода?! А они смеются в ответ: по закону не положено. Хотел я насчет левых контрактов спросить, да раздумал: все равно отмолчатся...

Сын опять зашелестел бумагами, а Галина Борисовна глядела на него, думая о странном. Маленький эксперт, никогда не стрелявший из рогатки, эрудит, ни разу не гонявший по району на велике, умница, не порвавший ни одной пары брюк... Это ее сын. Сын. Родной. Завидный ребенок с большим будущим.

В перспективе — начальник юридического отдела ЧП «Шутиха».

— Глянь, мам, какой я пункт откопал роскошный! «Каждая из Сторон самостоятельно несет ответственность перед третьими лицами по обязательствам, связанным с выполнением настоящего Договора»!

Должны вам заметить, что они большие молодцы, в этой «Шутихе». Очень, очень правильный пункт! Это ведь про нас. Вернее, про вас. Потому как это вы самостоятельно несете ответственность перед нами, Третьими Лицами, а не мы — перед вами. Прав фараон Юрий Игоревич: грамотные юристы у Заоградина работают, не зря сыр с маслом кушают. Знают, что... Т-с-с-с! Не скажем мы вам, что именно они знают. Вот Юрочка, умница, как раз дальше зачитывает, там об этом черным по белому:

— «Каждая из Сторон обязуется хранить конфиденциальную информацию, касающуюся условий Договора, используя ту же степень осторожности, какая используется для сохранения своей собственной конфиденциальной информации».

Теперь поняли? То-то!

— «...не менее четырех выходных дней на каждый календарный месяц. Выходные дни определяются Шутом и Заказчиком совместно, по обоюдному согласию. В случае недостижения согласия...»

— Хочу в шуты! — задумчиво произнес Гарик, возводя глаза к небу: видимо, обращался к кому-то с просьбой. — Выходные, бить нельзя, гонорар выше крыши! Галочка, ты у них спроси: работники требуются?

— «...Стороны освобождаются от ответственности за частичное или полное неисполнение обязательств по Договору, если...»

Юра вдруг бросил бубнить. Кинулся к тумбочке:

— Ой, мам, чуть не забыл. Вот, для тебя. Почтальонша утром бандероль принесла. Ты еще спала...

Осыпался сургуч. Ножницы впились в плотную бумагу.

Вкладыш на фирменном бланке: «Уважаемая госпожа Шаповал... ЧП «Шутиха» благодарит Вас... позвольте в дополнение к контракту... скромный подарок...» Кожаный переплет со скрепами. Тиснение. Слегка напоминает альбом с фотографиями шутов. Листы бумаги желтеют октябрьской листвой, по краям обтрепались.

— Ух ты! Раритет, наверное... Мам, ты чего такая бледная?

Старая, но еще крепкая книга дремала в руках. Подарок. Почему-то никак не получалось унять сердцебиение. Попросить Гарика накапать корвалолу?

Сборник анекдотов «Новый спутник и собеседник веселых людей».

Составитель К.Ф. Николаи.

Год издания: 1796-й.

* * *

Утро первого дня недели застало Галину Борисовну в дороге.

«Вишь ты, — сказал один гаишник другому, глядя, как закусивший удила котик, сверкнув серебряным «пацификом» на носу, летит мимо поста, — вон какое колесо! Что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет?» — «Доедет», — отвечал другой. «А в Казань-то, я думаю, не доедет?» — «В Казань не доедет», — отвечал другой. Этим разговор и кончился. Саму же Шаповал меньше всего интересовали московско-казанские проблемы колеса, равно как и длинноносый призрак Гоголя, маячивший за этим странным диалогом, потому что ехала она в другую сторону. Бизнес-форум «Печатный оборотец—XXI», чье открытие намечалось во вторник в Нижнем Святорыбинске, потребовал немедленного присутствия одной из своих главных кариатид. Билеты на вечерний поезд пришлось сдать, надежды отоспаться в купе пошли прахом, и, оседлав верного Мирона, жертва обстоятельств взялась пластать версты аллюром.

— Гони! Гони, мучитель!

— Не извольте тревожиться, барыня, — растягивая гласные, отзывался Мирон, врожденным стоицизмом напоминавший философа Зенона Китионского, а общей парадоксальностью мышления — софиста Зенона Элейского, автора знаменитой дорожно-транспортной апории «Ахиллес и черепаха». Впрочем, сам ас карбюратора искренне полагал, что «Зенон» — это крупный интернет-провайдер с ограниченной ответственностью, и был тоже прав.

— Во имя Тяжкого Понедельника, жги!

— Мы, барыня, ямщики. Мы, значит, никуда не спешим, но везде поспеваем...

Стонало шоссе под тяжкой пятой трафика. Выгибалось буераками, играло колдобинами, словно девица — ядреной грудью да ямочками на щеках. Отары, стада и табуны моторов, дыша бензином, взламывали пространство. Гудело бытиё: «Ё-ё-ё!..» Дивные галлюцинации преследовали Шаповал: карлик с мордой бульдога за рулем встречного «жигуля», юноша с фаллосом в петлице, дремлющий на заднем сиденье «Форда Пассат», усталый дальнобойщик в колпаке с бубенчиками, наряженная в цветное трико ведьма-торговка на обочине, шашлычник у мангала жонглирует булавами-шампурами, соблазняя орду голодных паяцев... Апофеозом был пронзительный визг мобильника, на сей раз избравшего «Полет шмеля» (не путать с одноименным реактивным огнеметом!) в исполнении сводного хора мальчиков им. Чайковского. И радостный вопль Настьки в мембране:

— Мам! Ну мам же! Они его привезли! Мам, он замечательный! Он лучше всех!..

«Люблю-целую», — мрачно подумала Галина Борисовна.

Она еще не знала, что вернуться домой раньше субботы ей не суждено.

ПЕСЕНКА ЗА КАДРОМ

(Пока ветер, прикинувшись теленком, бодается с дубом на обочине...)

Любить не учился, и значит —
Любитель.
Профессионалом не стал.
Пошли мне, Всевышний, лесную обитель —
От шума устал.

От воплей, от сплетен, от брани
И гимнов,
От окриков: «Нам по пути!»
О добрый Всевышний! Пошли сапоги мне —
Подальше уйти.

Хватают за полы, влекут
Из-за парты, —
И по полу, по полю: «Пли!..»
Господь, оглянись!
Нам сапог бы две пары,
И вместе...
Пошли?

Часть II

ПРЕДЧУВСТВИЯ ЕЕ НЕ ОБМАНУЛИ

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«НОВЫЙ СПУТНИК И СОБЕСЕДНИК ВЕСЕЛЫХ ЛЮДЕЙ»

Шумела буря, гром гремел. Во мраке молнии блистали. Штормовое предупреждение в Крыму, наводнение в Европе и чрезмерные осадки в Карпатах неумолимо брали повествование в клещи, дотягиваясь издалека влажными, скользкими от трудового пота щупальцами. Тоскливые и скукоженные, а также объятые думой, мы жались друг к дружке в багажнике, внимая доносившемуся из салона сюрреалистическому диалогу:

— Тампотрафарет есть?
— Что?
— Тампонная печать, говорю, есть?!
— Нет. Есть офсетная.
— Четырехцветка?
— Делаем.
— С изображением?
— Делаем.
— На дереве.
— На чем?!
— Ну, не совсем на дереве. На фанере. Двенадцатке.
— Вы случайно не ошиблись номером?
— Нет. Именно двенадцатка. Десятка в крайнем случае.
— Исключено. Люблю-целую.
— Ну и зашибись, подруга. Мне за мои деньги кто хочешь ростовые мишени изготовит. Хоть Билл Гейтс. Люблю-целую.

Мобильник сыграл отбой. Барабанщик-ливень наяривал соло по капоту машины; над окраиной, приближаясь, буйствовали литавры грома. Гроза ворочалась и кряхтела. Скользя на мокром асфальте, суббота со скоростью 100 км/час неслась к логичному завершению. Вечер целовал шоссе вздувшимися от простуды губами. Синее электричество бродило по небу, дыша убийством. Седые клочковатые бороды пенились в стеклах котика, пронзавшего невыносимую сырость бытия.

Нам было страшно.

Нашей героине — нет. Она возвращалась домой.

Неделя сжалась в кулак, белый от натуги. Понедельник закончился в субботу, неся наслаждение, недоступное адептам Благого Перекура. Ледяное солнце пылало над Святорыбинском, солнце деловых людей. Вокруг зря жили бабы с красно-кирпичными руками, отупевшие от народной мудрости старцы и дети со странными взглядами на забавы. Вокруг кишела протоплазма. Но в эпицентре бизнес-форума каждая минута звенела сакральным бубенчиком чуда. Карточный магнат Юхим Недоробок, рябой от первичного накопления капитала, запускал карусель производства гадальных колод нового поколения. С их помощью подкидной дурак обретал все черты солярного гороскопа, а партия в «девятку» пророчествовала казенный дом на месяц вперед. Афанасий Москаль-Заобский, древний карлик, пинками гнал составы с бумагой вдоль поющих рельсов, и в сказочном Сыктывкаре грузчики ЛПК «Наобум» были обязаны Афоньке пупочной грыжей и умением трижды произнести без запинки: «Офсет глянцевый легкомелованный!» Охрипнув от торга со скупцом первой гильдии Безымянным У.Ъ., Галина Борисовна все же ударила по рукам, приобретя задешево роскошный сталкиватель «Satirus-3» (напольная модель) с регулировкой высоты, угла наклона и интенсивности вибрации, а также супермощный уничтожитель документов «Ideal», способный в считаные секунды превратить архив ЦРУ в склад серпантина. Ценители аплодировали. Восточный же мудрец Лева Курицын весь форум провел в медитациях над фразой из сутры «Карма установщика заклепок»: «Поможет эффектно скрепить и украсить рекламные проспекты. Причем скрепленные заклепкой материалы легко раскрываются веером».

Но древний семит Соломон однажды сказал на латыни: «Sic transit gloria mundi, шлемазлы!» Машина неслась в грозу, и домашний очаг взывал.

Как Лица Третьи, умеренно-объективные, мы без осуждения отнеслись к забывчивости бизнес-леди. За истекшие пять с половиной суток она ни разу не вспомнила о жизненных проблемах дочери Анастасии, пребывая в мертвой хват-

ке хронического трудоголизма; созваниваясь же с мужем — своего рода супружеский эрзац-долг, исполняемый вдали от, — довольствовалась кратким: «Все в порядке, дорогая!» Наверное, не удивилась бы, узнав по возвращении, что история с «Шутихой», подписанный контракт и карнавал на Гороховой оказались дурным сном, фикцией, плодом больной фантазии. Рассудок блокировал источник раздражения, огородив его кордоном здравого смысла с часовым-склерозом на посту. Так что, выходя из машины под зонт верного Мирона, она с облегчением чувствовала одну, но пламенную страсть: отдохнуть и увидеть небо в алмазах.

Но Гарик тоже хотел неба в алмазах, потому что этого он хотел всегда.

В доме было много света и шума.

В доме кишел мальчишник.

Муж столь мощно обрадовался возвращению блудной супруги, будучи поддержан общим хором, что рука не поднялась лишать гостей досуга. Рука вообще плохо поднималась после трудовой недели. Извинившись перед бомондом, Шаповал быстренько ввинтилась по лестнице наверх, в спальню, с твердым намерением принять ванну и доблестно почить до утра. Более того: на томике «Закона о защите прав и законных интересов предпринимателей», оправленном в сафьян и священном для всякого частного труженика, она твердо поклялась не вставать до завтрашнего полудня; можно сказать, дала в том нерушимый обет, совершенно забыв, что любимая забава Господа — понуждать грешников к клятвонарушению. Это у Всеблагого что-то вроде воскресной игры в гольф: достойно, элегантно и хорошо весьма. Зря, что ли, сказал преподобный Ефим Сирин: «Соглашайся лучше понести ущерб, чем дать клятву!» — заранее зная, что уши паствы Златого Тельца останутся глухи к увещеваниям? Вот и сейчас: едва почтенная дама успела переодеться в домашнее, как замерла соляным истуканом.

«Что происходит?!» — тщетно взывала интуиция.

На первый взгляд ничего.

«Что?!» — не сдавалось шестое чувство, биясь в заиндевелом копчике.

И на второй ничего.

«А все-таки?!»

Тут мы не выдержали и решили слегка помочь, звякнув

кольцами шторы. Слабый лязг оглушительно раздался в тишине, более мертвой, чем ассортимент горморга; женщина вздрогнула и наконец сообразила, что потрясло ее душу.

Тишина. Именно тишина.

Снизу, где минутой раньше кипел Гариков мальчишник, не доносилось ни звука. Даже гроза за окнами синела от удушья, заткнув пасть кляпом. Туго затянув пояс халата — так оправляют портупею перед «русской рулеткой», — хозяйка дома решительно двинулась в омут молчания.

Пока она идет, позвольте краткое отступление вне программы. Да, разумеется. Прекрасно вас понимаем. И сами терпеть не можем, когда другие Третьи Лица перед ответственным моментом, как-то: финальный монолог Гамлета, шаг Терминатора в пылающий мартен или рюмка водки у вожделеющего рта, — начинают уводить читателя от прямой, как извилина беллетриста, линии сюжета. Первое Лицо, например, себе такого никогда не позволяет. В силу особенностей организма и стилистики. Но тем не менее:

АЛЛЕГОРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

«Символика рисунка: зеленая одежда Шута — весна, рога — творческая энергия; между рогами — конус белого цвета, означающий Венец. В деснице — жезл, увенчанный кристаллом (символ Отца), в шуйце — пылающая еловая шишка (символ Матери). Гроздь винограда — плодородие и экстаз. Радужная спираль — Вселенная и три уровня Отрицательной Троицы; голубь Венеры, мотылек и крылатый шар с двойной спиралью — символ Близнецов земных и небесных.

Судьба Шута — в развалинах».

Полагаем, о любезный друг наш читатель, что настоящий, урожденный шут погремушку клал на всю эту символику, кроме последнего тезиса.

Искренне твои Третьи Лица.

* * *

...дудочки джинсов тесно обтягивали тощую лапшу его ног. Левая штанина была синей, правая — желтой, и обе были ядовиты.

Конечно же, в сакраментальном месте схождения штанин болтался гульфик.

Чудовищный.

Невообразимый.

Шелковый, с драконом.

...бейсболка с козырьком, длинным, как сериал «Улица красных фонарей», звенела бубенцами. Эти языкатые звонари просто кишмя кишели: на козырьке, на отогнутых «ушах», выкрашенных анилином, в металлизированных клапанах; самый подлый бубенец затесался в надпись «Аллюр Два Нуля», сделанную на лбу неким импрессионистом, работавшим на движке Ван Гога.

Обувью служили кеды с загнутыми носами, похожие на мутантов-пеликанов.

Кеды были драные.

Зато больше нужного на два размера.

...неприятно гибкий торс обтягивала майка с глубоким декольте. Материалом для майки служил лазоревый брезент. Три амулета, обвив шею удавками шнуров, украшали безволосую грудь: муляж отрезанного пальца, мешочек с чем-то рыхлым даже на первый взгляд и египетский треугольник с глазом. Глаз моргал и слезился.

Все, что не скрывали майка, джинсы и фенечки, могло служить рекламой экстремал-салона «Tatoo».

Глядя с лестницы на чудовище, стоявшее рядом с Настей, Галина Борисовна отчетливо выяснила, что это не смешно. Совсем.

И что она — никудышная мать.

Честно говоря, мы, Лица Третьи, закаленные, тоже едва не стали заикаться.

— Привет, мамочка! — сказала Настя.

— Привет, мамочка! — сказало чудовище.

— Да, — сказала мамочка; потом задумалась, зачем она это сказала и в каком смысле. Но шут, кажется, все постиг сразу: расцвел майским жасмином, походкой наглеца-заики скользнул вперед, снимая на ходу бейсболку и раскланиваясь с немым мальчишником, что называется, вдребезги. Со спины он выглядел еще отвратительней. Настя шла следом: «Привет, папа! Здрасте, дядя Зяма! Лилит Серафимовна, вы чудесно выглядите!..» Неотрывно глядя на дочь — любой взгляд на шута вызывал содрогание! — Галина Борисовна

пыталась понять: что произошло с Настькой за истекшие дни? Ребенок был другим. Непривычным. Незнакомым. Изменения, не названные по имени, безымянные чудеса, — они рождали страх. Иная пластика. Иное поведение. Чужое выражение лица. Раньше дочь непременно отхлебнула бы из Зяминого бокала, зная, что Кантор брезглив до судорог; напомнила бы толстухе Лилит про особенности спаривания гиппопотамов; чмокнула бы отца в нежно-розовую плешь, разлохматив три лакированные пряди, коими Гарик тщательно маскировал прогалину в былых кудрях.

Умостившись прямо на полу, близ столика с фруктами, шут скрестил ноги способом, рождавшим ассоциации с кукишем, и прикинулся мебелью.

Настя села в кресло рядом.

— Галчонок, иди к нам! — выдохнул счастливый отец, борясь с подступившим к горлу катарсисом. Кадык на его тощей шее ходил ходуном. — У нас весело...

— Да, — еще раз сказала Галина Борисовна, ощутив на языке медный привкус безумия. — Я. К вам. У вас, значит. Весело у вас...

Она вдруг замолчала, спинным мозгом чуя: мерзкий урод рядом с дочерью сейчас что-то сморозит. Прямо сейчас. Что-то вульгарное. Ужасное. Непристойное. Такое, что будет долго ворочаться в селезенке, наполняя тело ватной слабостью. Обязательно сморозит. Вот он уже открыл рот. Вот привстал. Облизнулся, качая во взгляде пакостную ухмылочку. Похоже, чувства хозяйки передались собранию: дрогнули щеки, в спинах объявился нервический надрыв, глаза сверкнули рыжиной предчувствия скандала.

Шут положил в рот ломтик сушеной папайи.

Закрыл хлебало.

И принялся меланхолично жевать.

Смешок сорвался с губ Настьки, щелкнув спусковым крючком. Все разом оживились, загомонили, пряча за наигрышем остатки растерянности.

— Помните, у Бродского? — спросил Зяма, возвращая вечеру первородное содержание. — Это ничтожество (вы знаете, о ком я!) обожает Бродского. Особенно, как любой внутренний изгой, оно любит «Письма римскому другу». Помните, да?

— Помним, помним! — зачирикали девочки. — Зямочка,

просим! Молим о зачтении вслух! В вас таится дар декламатора!

Зяма напрягся, багровея. Память сопротивлялась, кряхтела и отдавала трудовым потом; «зачесть» пришлось с середины:

Был в горах. Сейчас вожусь с большим букетом.
Разыщу большой кувшин, воды налью им...
Как там в Ливии, мой Постум, — или где там?
Неужели до сих пор еще воюем?

Дожевав папайю, шут наклонился к взявшему паузу Зяме.

У чудовища был тихий, но очень внятный голос:

Был в борделе. Думал, со смеху не встанет.
Дом терпимости эпохи Интернета:
Тот к гетере, этот к гейше иль к путане...
Заказал простую блядь — сказали, нету.

Тишина вернулась на круги своя. Дождь за окном нервно постукивал пальцами о подоконник: значит, так? значит, так?! значит, так, и только так!.. В лице Зиновия Кантора, поэта и мизантропа, происходили значительные перемены. Там дули ветры. Там большие рыбы ходили в пучине кругами, рождая цунами. Там разреженный воздух стратосферы мешал дышать. И суть этих перемен, этих движений природы была столь же загадочна для Галины Борисовны, как и смысл изменений в дочери, которая, улыбаясь светло и искренне, молчала, как все, и, как все, следила за удивительной дуэлью поэта и шута, мало-помалу забывая, кто здесь шут, кто — поэт и нет ли в комнате еще кого-то, невидимого для собравшихся.

Ветры в лице Зямы ударили в щит неба, путая начало с продолжением:

Нынче ветрено и волны с перехлестом.
Скоро осень, все изменится в округе.
Смена красок этих трогательней, Постум,
Чем наряда перемены у подруги...

Приезжай, попьем вина, закусим хлебом
Или сливами. Расскажешь мне известья...

Он сбился, вспоминая. Шут подмигнул Зяме. Перевернул дурацкую бейсболку козырьком назад: жест вызвал ассоциацию с пьяницей-ухарем, когда тот в запале спора или пляски бьет шапкой оземь.

Растянулся лягушачий рот:

Нынче холодно, и в доме плохо топят,
Только водкой и спасаешься, однако.
Я не знаю, Костя, как у вас в Европе,
А у нас в Европе мерзнешь, как собака.

Приезжай, накатим спирту без закуски
И почувствуем себя богаче Креза —
Если выпало евреям пить по-русски,
То плевать уже, крещен или обрезан...

Рыбы в пучине Зяминого лица двинулись к поверхности. Страшные громады, они шли без цели, без смысла, если только смысл этот не был известен им одним. Галина Борисовна еще подумала, что впервые видит нелепого Зяму таким и что ей слегка жутковато от тихого, веселого удовольствия в глазах дочери.

Толстый, вечно обиженный человек упрямо продолжил, словно ждал самого важного ответа в своей жизни:

Скоро, Постум, друг твой, любящий сложенье,
Долг свой давний вычитанию заплатит.
Забери из-под подушки сбереженья,
Там немного, но на похороны хватит...

И ответ пришел:

Поживем еще. А там и врезать дуба
Будет, в сущности, не жалко. Может статься,
Жизнь отвалит неожиданно и грубо, —
Все приятнее, чем гнить вонючим старцем.

Сядем где-то между Стиксом и Коцитом,
На газетке сало, хлеб, бутылка водки,
И помянем тех, кто живы: мол, не ссы там!
Все здесь будем. Обживемся, вышлем фотки...

— Вполне, — вмешался Гарик, почувствовав себя обделенным вниманием. — Вполне прилично. Не Бродский, конечно, но для любителя — более чем достойно. Если почистить кое-какую лексику...

— Почистим, папочка! — возликовал шут, набивая рот папайей. Багряные слюни текли по его подбородку. — С мыльцем, с порошочком! Папочка, я тебе скажу от чистого сердца...

— Папу не обижать. — Настя отвесила шуту подзатыльник. — Понял? Иначе получишь у меня!

Глядя, как чудовище в испуге падает на спину и задирает ноги к потолку — идиотский, в сущности, поступок, вызвавший у Анастасии приступ хохота, — наша героиня думала, что впервые дождалась от дочери этих простых слов.

«Папу не обижать...»

СТРАШНЫЙ СОН ГАЛИНЫ БОРИСОВНЫ

И приснился гражданке Шаповал кошмар с уклоном в лирику.

Черные-черные ели качали лапами над черным-черным погостом. В черном-черном небе тускло сиял медный грош луны, щербатый от неутоленного желания тоже быть черным-черным. Черные-черные кресты склонялись над черными-черными могилами, черные-черные ангелы афро-американского происхождения тосковали в пентаграммах черных-черных оград, тщетно дожидаясь политкорректности Страшного суда.

Соответствующего цвета вороны граяли а капелла.

В зябкой ночной сорочке Галина Борисовна стояла босиком перед разверстой могилой. На краю ямы, обращая на женщину внимания не больше, чем св. Антоний — на разыгравшихся бесей, сидели двое с лопатами и один с черепом. Видимо, прораб банды вандалов, завершивших самодеятельный акт эксгумации.

— Бэдный Жорик! — с отчетливым аварским акцентом рыдал прораб, качая в пальцах костяную ухмылку черепа. — Вай мэ, ай дай, далалай! Я знал его, Паяццио!

«Вы замечали, что жулик Пастернак переводит «могильщики», когда у Шекспира ясно сказано «шуты»?!» — шепнул кто-то в самое ухо. Взвизгнул гнусаво, поперхнулся и рассыпался мелким смехом, катясь прочь по могилам.

Урод Паяццио сдвинул седые брови набекрень, отчего жирный нос могильщика сделался похожим на Казбек с одноименной пачки папирос, и заорал детским голоском, неискусно подражая бардессе Новелле Матвеевой:

> Не смешны ведь ни калеки, ни шуты, ни горбуны;
> Душечки-сверхчеловеки — вот кто подлинно смешны!

Остальные сквернавцы вытянули губы дудкой, гугукая в терцию.

«На кой ляд мне это снится?!» — попятилась Шаповал, стряхивая мурашек, обильно бегающих вдоль хребта. Рыхлая земля чмокала, всасывая босые подошвы, ухал филин в кроне чахоточного ясеня, мурашки торопились обратно, неся в челюстях добычу: иголки страха, — а вернувшийся кто-то приплясывал между полушарий мозга, стуча каблуками с ловкостью записного чечеточника:

«Ляд, он же Шиш, он же Лиховец, он же Черный Шут, он же Дядюшка Глум!.. Чет и нечет, черт и нечерт, поздний вечер, грех на плечи...»

— Полночь близко! Час урочный! — вдруг сообщил филин голосом диктора Левитана. — По многочисленным просьбам усопших трудящихся...

Словно в ответ, стая крохотных человечков взмыла над сонной гречихой. Радужные крылышки бросали отблески под ноги: «Оступись! Споткнись, чужачка!» — тряслись уши на ярких колпачках, сотня бубенцов плыла комариным звоном, гречиха мало-помалу пробуждалась, отвечая острым ароматом лаванды и еще нашатыря; под матерущим дубом, сиротски притулившись к стволу корявым боком, слепец-бандурист тянул на одной ноте балладу «Ночь под Рождество», авторства г-на Скалдина А.Д., шамкая беззубой пастью:

> Ну и гости! Ждал иных.
> Говорю им: скиньте хари,
> Неразумные шуты,
> И скорей свои хвосты
> Уберите!..

Бежать не решилась: стыдно. Но шаг ускорила.

Туда, где меж деревьями зажегся милый сердцу электрический прожектор.

— В номинации «Высокий шут» лауреатом премии стал главный дирижер Лимбовского государственного цирка Ваал Инферналов, — добавил филин ни к селу ни к городу, сорвавшись с ветки и мотаясь над головой крылатой пакостью. Глаза птицы сверкали рекламой «Макдоналдса»; даже стилизованное «М» было на месте.

Позади вандалы-могильщики во главе с сентиментальным прорабом плясали на бедном Жорике. Черепа хватало на всех: костяной треск вопиял к небесам. Жорик ухарски похохатывал, упирая на «Х».

Мимо проковылял смурной лилипут в тулупе, колпаке,

отороченном выхухолью (от колпаков уже тошнило!), и с мешком подарков. В мешке ворочались, изредка выкрикивая: «Рыба!» Задержавшись, лилипут достал две алюминиевые вилки, приподнял ими ороговевшие веки, оглядел пришелицу с ног до головы, после чего таинственно сообщил басом:

Родился карлик Новый Год,
Горбатый, сморщенный урод,
Тоскливый шут и скептик,
Мудрец и эпилептик.

«Ляд, он же Черный Шут, — уточнил невидимый кто-то, повторяясь от усталости. — Черный! Звать Сашею...»

Прожектор манил. Стала видна малая эстрадка, освещенная выносной турелью софитов; по авансцене разгуливал задумчивый Пьеро, временами наступая себе на рукава. В лице у Пьеро сочетались исключительно симпатичные черты характера, разбавленные общей меланхолией. Из будки суфлера торчала рогатая погремушка, мелко подрагивая.

В густой тени куста смородины общались две цикады.

— А платоническая любовь?! Платоническая?! — кипятился самец, треща коленками назад.

— Мне еще так никогда не делали... — тарахтела в ответ самка, в восхищении от эрудита.

Обойдя трескучих любовников, Шаповал приблизилась к эстрадке. Пьеро скосил на заблудшую зрительницу глаз, лиловый и трепетный, дважды моргнул, затем продекламировал с неприятным завыванием:

Влачились змеи по уступам,
Угрюмый рос чертополох,
И над красивым женским трупом
Бродил безумный скоморох...

Черная слеза скатилась по щеке печальника. Аспидно-черная, будто свежий асфальт благих намерений, которым мостят известную дорогу. Слеза двигалась катком, сминая плоть, под ее тяжестью белизна щеки трескалась раскаленной пустыней, рождая переплетения морщин. Дрогнул пухлый рот, затягивая на манер «Интернационала»:

И, смерти дивный сон тревожа,
Он бубен потрясал в руке,
Над миром девственного ложа
Плясал в дурацком колпаке...

Погремушка в будке суфлера втянулась внутрь, и оттуда, ловко перебирая конечностями, на эстрадку вылез генеральный менеджер Заоградин, похожий на добродушного тарантула. Галстук змеей волочился по рампе.

«Читали Короля Стефана? — воодушевился кто-то, хрипя сорванным горлом. — Как, вы не читали Короля?! Жил-был клоун-паучок, паучок, взял он деток в кулачок и молчок!.. Детки плачут: «Горячо!», а он их когтем за бочок... Тут откуда ни возьмись маленький комарик, бедным деткам он несет маленький кошмарик!.. И от третьего лица — ламца-дрица-оп-цаца!..»

— Цыц! — погрозил Заоградин пальцем, спускаясь в зал.

Шизофреник-невидимка захлебнулся очередным пассажем и умолк навеки.

— Как вам наш поэтический вечер? — в мертвой тишине спросил Мортимер Анисимович. — Я хочу, чтобы так было всегда. Мне так нравится.

— Вы сумасшедший?

— Возможно. Но даже если вы правы, кому это мешает?

— Прекратите немедленно ваш балаган!

— Это вы, душенька, прекратите наш балаган. И возвращайтесь в свой. Однако на работу пора.

Он присел на ступеньку, хлопнул себя по макушке и засвистал ополоумевшим будильником:

Солдат — полком, бес — легионом горд,
За вором — сброд, а за шутом — всё горб!..

Свет прожектора взвился, оборачиваясь смятой простыней.

Проснувшись, Галина Борисовна еще некоторое время лежала с открытыми глазами, вспоминая сон и пытаясь отыскать в душе крохи былого страха, но мало что вспомнила и ничего не нашла.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«ШУТКИ ШУТКАМИ»

Утро красило нежным светом.

Все подряд.

Это вообще было особое утро, близкий родственник Тома Сойера с его знаменитым забором, — потому что красить

принимался любой, кто в этот вторник соприкоснулся с утром. Например, Гарик, вскочив ни свет ни заря, сосредоточенно закрашивал йодом трагический порез от опасной (да-да, очень, ужасно, невообразимо опасной!) бритвы. Двое ранних маляров красили в розовый с зеленым горошком ограду дома напротив: там царствовал Иоанн Васильевич Кац, грозный владыка кафе-шантана «Кац-монавт». Наша же героиня принимала в общей красоте посильное участие: творила чудеса макияжа, вздыхая по ушедшей в туман юности. Зеркало-трельяж подтверждало вздохи, отчего возникло странное желание: раскрасить щеки помадой в индейском стиле «делавар», оседлать автомобиль и мчаться в «Сафари» покупать винчестер. Не тот, что от компьютера, а тот, что от врагов. Или все-таки дозвониться Настьке, вождихе команчей, совершенно неуловимой после субботнего явления шута народу.

Подивившись собственным причудам и употребив во благо завтрак, поданный крапчатым Гариком, она вышла на улицу.

— Здорово, Галчище!

— Здравствуйте, Влади... Вован! — вспомнила, к счастью, как соседу приятно зваться.

Шут был при хозяине: гасал наперегонки с Баскервилем. Впервые этот амбал в тельняшке показался если не симпатичным, то хотя бы терпимым. По сравнению с тем ужасом, которое имели сомнительное счастье лицезреть в субботу... «Чудище обло, озорно, стозевно и лаяй!» — всплыл из школьного прошлого эпиграф к «Путешествию из Петербурга в Москву» Александра Радищева, чей дед, Афанасий Прокофьич, кстати, подвизался в потешных у Петра I. Впрочем, речь об эпиграфе — и, целиком разделяя мнение академика Тредиаковского, автора «чудища обла», применительно к Настькиному уроду, Шаповал вздохнула с душевной скорбью: «Уж лучше бы лаяй...»

Как Лица Третьи, высокоэрудированные, согласившись с этим мнением, не преминем добавить: именно академику Тредиаковскому министр Волынский заказал стихи для знаменитой шутовской свадьбы в Ледяном доме, вскоре за халатность в исполнении поручения избив поэта и велев его высечь. Оскорбленный Тредиаковский, человек от природы щуплый и сутулый, в досаде повздорил с неким Антонио Педрилло, любимым шутом императрицы Анны, гордо спросив: «Да знаешь ли ты, шут, что есть знак вопросительный?» — «Конечно, знаю, — нашелся Педрилло, в прошлом отличный скрипач и кулинар. — Это такой маленький горбун, задающий дурацкие вопросы!»

Кругом шуты, и нет от них спасенья...

— Куда в такую рань? На пахоту? Прикинь слоган: «Вторник зовет!»

— Сына из интерната хочу забрать. Перед работой.

— Молоток! Пацан — это святое!

Мирон привычно распахнул дверцу машины. На щеке шофера красовался след сурьмяной киновари: видимо, и он с утра успел что-то покрасить.

При повороте с Бездомного на Перекладных в сумочке очнулся мобильник:

— Галюнчик?! Это гениально! Нет, это положительно гениально! Поздравляю!

Голос и манеру Лешки Бескаравайнера, кумира истеричек, было трудно не узнать.

— С чем именно? — Шаповал предпочитала сразу расставлять точки над «i», «ё» и прочими нуждавшимися в точности буквами.

— Я их видел!

— Кого, Лешенька?

— Твою дочь с шутом. Галюн, это замечательно! Потрясающе! Выше всяческих...

Телефон разразился серией хрипов, после чего высветил: «Связь прервана. Абонент находится вне зоны досягаемости». Предусмотрителен, чертушка! Секундой позже хозяйка сама бы прервала связь. Не хватало еще выслушивать издевательства. И от кого? От Лешеньки, верного друга! Даже его традиционный «Галюн!» от обиды превращался в гадкий, дурно пахнущий «гальюн»...

Котик выбрался на оперативный простор и дал газу.

Дорога, чмокая липким до безумия битумом, мутирующим в брусчатку, а там — и в грубо тесанный булыжник, шустрым ужом ползла из норы. Путала грешное с праведным, сминала в тугих кольцах хрупкую связь времен: городской смог? Прочь! Шорох шин? Гудки авто? Прочь! Заросли телеантенн, нагромождения шлакоблочных акромегалов, катакомбы метро?! Прочь, прочь... И вот уже грохочет по Аппие-

вому Шляху колесница, украшенная серебряными кольцами, и полощется на ветру белая палла с пурпурными полосами, оттеняя величие строгой матроны Галины, честной римлянки с примесью эллинской крови, чье имя на староафинском значит «Тишайшая», вопреки очевидному; и Вечный Город, детище альба-лонгского Маугли, Выкормыша Волчицы, растекается за спиной. Миновав Ликторат Этического Императива, где у входа красовался конный памятник лейб-киллеру М.Ю. Бруту, а из окон неслось: «Орел Шестого легиона, как прежде, весел и двуглав!..» — Шаповал вскоре увидела, как вырастает впереди здание детско-юношеской гладиаторской школы-интерната им. Фемиды Капиталийской. С фронтона приветствовала гостей божественная покровительница заведения: темные очки в пол-лица, левая рука сжимает электронные весы «Sidon», чудо финикийской технической мысли, в деснице же — кривой меч правосудия.

Колесничий Мирон, чье имя, в свою очередь, означало «Благоуханный», вполне соответствуя, лихо натянул поводья, ударил в гонг клаксона, и пара чудо-жеребцов, силою превосходящих целый табун, заржала в унисон:

«Открывай, ланиста Гай Валерий Мазурик!»

Отворились ворота. Въехала колесница в мощеный двор. Ударило отовсюду: в уши — лязг учебы бранной да звон диспутов, в глаза — солнечные зайчики от начищенной меди, бронзы и статей УК. Все мелькает, сверкает, вчиняет иски... Тренировочный бой, значит. Младший ланиста в тунике с галстуком, с указкой-пилумом под мышкой, навстречу спешит: «Аве, Галина Борисовна! Дура лекс сэд лекс!» Это он не обзывается. Это он про закон. На чеканной латыни. Мол, закон — дура, конечно, круглая-набитая, а куда денешься? Поприветствовать успел, зато помочь с колесницы сойти — тут Мирон-возница раньше втерся. Молчалив и суров, как центурион в запое, вальяжен, как «новый этруск» в термах Каракаллы, неподкупностью Мирон был подобен статуе на фронтоне, разве что темных очков не носил. Кто еще мог похвастать таким колесничим, кроме Галины Тишайшей? Один божественный император Август Февралий, завзятый лошадник, ежевыборно вводивший в Сенат коня за конем...

Во дворе тем временем будущие юристы-гладиаторы оттачивали мастерство. Отстаивая позиции клиента, закованный в броню римского права юноша-андабат умело прикрывался от наседающего секутора, и грозный клинок обвинения раз за разом скрежетал о щит указов и подзаконных актов. Поодаль ловкий ретиарий, воспользовавшись оплошностью истца, вязал обоерукого димахера сетью косвенных доказательств, занося трезубец для решающего вердикта. У стены красавец мирмиллон, размахивая аудит-гладисом, внезапно заметил прореху в отчетно-бухгалтерском доспехе соперника-гопломаха — и вот уже широкое, слегка изогнутое на конце лезвие штрафа входит в обнаруженную брешь. Вооруженный боевой киркой бестиарий успешно противостоял троице ливийских братков-шакалов с их гнилыми наездами, а за спиной бестиария приплясывал в нетерпении конфектор, ожидая, когда наступит его черед: добивать раненое зверье.

Рабы, которых готовят биться на потеху публике и Империи?

Жертвы арен судебных Колизеев?

Нет, не только. Иначе Тишайшая никогда не отдала бы сына ланисте Мазурику. Ее мальчик — свободный гражданин из уважаемого патрицианского рода! Да и учеба здесь стоит кучу сестерций. «Хотя, в сущности, все мы рабы. Рабы престижа, моды, амбиций, обстоятельств, соцзаказа... Становимся ли свободными, осознав это? Или все-таки кто-то сперва должен дать рабам вольную?»

У портика бдил страж из охранного агентства «Фобос, Деймос & Козолуп», легионер в отставке: калиги сверкают, газовая праща в кобуре, выражение лица — добровольно-принудительное. Миновав доблестного воина, Галина поднялась на второй этаж, в приемную. Ланиста возлежал на мягком кресле, обитом почти натуральной шкурой дерматерия, и блондинка-вольноотпущенница подносила ему чашу с неразбавленным. Чай, не плейбей какой: с утра разбавлять! Обменявшись приветствиями, он предложил гостье диван и вторую чашу, где кипела пузырьками «аква вита».

— Собачьи Дни начнутся через неделю, — сразу угадав цель визита матроны, сообщил Мазурик. Он имел в виду каникулы: на небосводе местного заведения Сириус, иначе Canicula или Собачка, восходил существенно позже, чем в других школах города. — Сейчас у воспитанников внеклассная практика. Экстремальная юриспруденция и изучение обряда тайных жертвоприношений должностному лицу в виде

денег, ценных бумаг или иного имущества. Факультативный курс.

— Эти занятия не входят в общую обязательную программу?

Ланиста степенно кивнул, оправив лацканы тоги.

— Значит, я могу забрать своего сына сегодня? В турхраме «Меркурий-Авиа» нам предложили льготную ссылку на август: загородные виллы Сицилии на побережье. Пусть мальчик отдохнет.

— Разумеется, госпожа моя. Боги покарают меня, если я стану препятствовать отпрыску столь знатной семьи в осуществлении его права на отдых! Прошу лишь дождаться конца урока...

— Он сейчас на занятиях?

Вольноотпущенница бодро чиркала стилосом на восковой табличке «Pentium-Caesare». За окном сонно булькали голуби, вскипев на жаре, но кондиционер «Галл», детище ООО «Варвар Лимитед», вполне справлялся, заменяя трех рабов-нубийцев с опахалами.

— Да. Открытый урок; можно сказать, знакомство с будущими работодателями. Люди в высшей степени достойные: при условии, что мы введем у себя факультатив нетрадиционной адвокатуры, они гарантируют...

Медленно срасталась связь времен, теряя карнавальную позолоту.

С неотвратимостью Фатума.

— Если урок открытый, значит, я могла бы поприсутствовать?

— Да, собственно, им уже недолго осталось...

Мазурик запнулся, осознав двусмысленность сказанного. Торопливо отхлебнул кофе, поперхнулся и выдавил сквозь кашель:

— Но, с друг-кх-кх-ой стороны, почему бы и... да! Конечно! Нелечка, проводите Юрочкину маму!

* * *

Коридор был прям и прост, как портрет вождя. Сравнение усиливалось лысиной паркета, сурово блиставшей в лучах солнца. У двери с загадочным таблоидом «Кабинет альтернативной логики», куда они и держали путь, внимание

привлек плакат противопожарной безопасности. На плакате из окна, стильно полыхавшего по периметру, высовывался младой бизнесмен с сотовым телефоном в деснице. Физиономия героя сияла бурным оптимизмом, совершенно неуместным по целому ряду причин: из зависшего рядом вертолета в бизнесмена целились стволы «братвы», с неба падали опротестованные векселя, банки страны пели отступнику анафему, а под окном веселого погорельца, замещая брандмейстеров, караулили трое из налоговой полиции со штрафами наперевес. Но погорелец улыбался несмотря и вопреки.

Ниже обнаружился поэтический комментарий:

Три звонка — пожарным храбрым для огнетушения,
Два звонка — ментам премудрым против покушения,
Девять — «крыше» с исполкомом, чтоб не стал мишенью я,
А один — всесильный — адвокату личному!
Как с ним созвонюся, сразу жизнь отличная!

Видимо, это и был пример альтернативной логики.

Стучать секретарша Нелечка не стала. Аккуратно потянула дверь на себя и, заговорщицки приложив пальчик к губам (бордовый ноготок на фоне ярко-алого рта — реклама «Завтрака вампира»), жестом пригласила войти. На миг душой овладела рудиментарная, давно забытая робость. Опоздавшая ученица, заблудшая овечка-двоечница — сейчас учитель строго глянет на шалунью, выставляя на посмешище... Однако действительность превзошла все дурные предчувствия. Первым, кого она узрела, шагнув в кабинет, был Мортимер Анисимович Заоградин собственной персоной! Генеральный менеджер «Шутихи» доброжелательно вещал из-за кафедры; вот взгляд его скользнул к двери, уперся в гостью... Сердце запрыгало гальванизируемой лягушкой, ища лазейку из грудной клетки. Смутные обрывки давешнего кошмара, скоморохи-некроманты, явление Анастасии в сопровождении гадкого паяца...

...рыбой с тетивы, стрелой с крючка, дверью с петель... из петли... Вы, всюду вы! Тараканы! Дихлофосом вас, дифосгеном! Вцепившись в волосы опешившего Заоградина, она с остервенением вколачивала мятую личность подлеца в край кафедры. Весело, щедро летели брызги желто-зеленой сукровицы и россыпи конфетти. Издеваетесь, шуты гороховые?! Нигде от вас спасенья нет! Подтаявшим снеговиком Мортимер осел на пол и теперь корчил оттуда рожи. Фурия взялась

увлеченно пинать его ногами. Настьку окрутили, теперь за Юрочкой явились?! Не отдам! Сына — не отдам! Слышите? Не отдам!!!

— Садитесь, пожалуйста.

Она обнаружила себя сидящей за последней партой, у окна. Колени неудобно упирались в столешницу. Сосед, конопатый мальчик во френче а-ля Керенский, с преувеличенным вниманием слушал лектора. На маму одноклассника он старался не смотреть. Пожалуй, Галина Борисовна и сама поостереглась бы взглянуть в зеркало. С изрядным усилием она разжала белые пальцы, вцепившиеся в край парты. Заградин продолжал говорить. Он улыбался. Улыбался только ей. Как если бы их связывала общая тайна.

Здравствуй, паранойя! И шутики кровавые в глазах.

Ну зачем, зачем я этот договор подписала?! Не было печали!..

— Таким образом, — мокрым снежком на излете долетел знакомый баритон, — предлагаемый курс нетрадиционной адвокатуры позволит вам поступить в юракадемию...

— ...особо извращенным способом, — хмыкнул под нос юный френченосец.

— Плюс перспектива целевого распределения. Параллельно с учебой предусмотрено прохождение очной или заочной юридической практики в нашей фирме.

Генеральный менеджер (*генмен*?!) умел стилизовать манеру речи сообразно любой аудитории и ситуации. Небось, попади он к каннибалам с островов Буй-бу-Ява, мигом сменил бы пластинку: «Моя-твоя кирдык-гаплык чики-чики ррры луп-луп-уаа!» Гримаса бешеного ленивца, международный жест рукой, согнутой в локте, и немедленное взаимопонимание. Тоже талант, однако.

— С вашими гонорарами уж лучше в шуты податься!

Мортимер Анисимович передернул затвор очков, прицельно выстрелил по классу — дуплетом! — и на пяти шагах промаха не дал.

— Откуда, позвольте осведомиться, вам известно о шутовских гонорарах?

— Разведка хорошо работает! — слегка рисуясь, уже открыто брякнул верзила с третьей парты. Рядом с ним Шаповал обнаружила собственного сына и сразу решила, что для Юры этот остряк — неподходящая компания.

— Юристам в «Шутихе» тоже платят от души, мы проверяли. Но шутам...

Пауза повисла дамокловым мечом, бронзовея и наливаясь зеленью дензнаков. Ужас объял материнское сердце: последний выпад принадлежал Юрочке.

— Назвать цифры?

— Это лишнее. — Заградин одарил собеседников приятной улыбкой удава. — Я верю вашим источникам информации. Итак, лично вас больше прельщает карьера шута?

Шаповал едва удержалась, чтоб не крикнуть сыну через весь класс: «Не смей!» По счастью, вопрос адресовался верзиле.

— Почему бы и нет? — пожал плечами тот.

— Прошу вас, Алевтина Бенциановна.

В следующий момент из-за кафедры выкатился знакомый колобок в очках:

— Деточка, не могли бы вы встать?

Верзила нехотя поднялся. Монументальная спина его явственно излучала: «Ну и?..»

— А теперь, деточка, подпрыгните и издайте «кукарек».

— Что?!

— Издайте «кукарек». И оторвите ваш организм от земли.

Сдавленные смешки. Верзила угрожающе оглядел класс, собрал мысли в кулак — и вдруг, отчаянно завопив кочетом, косолапо взвился в воздух. От грохота приземления едва не вылетели стекла.

— К сожалению, деточка, в шуты вы не годитесь. — Алевтина Бенциановна осталась серьезной, как портрет Авраама Линкольна на соответствующей купюре.

— Почему?!

— По кочану. Исполнение наивное, но убедительное, зато оценочное время — ни к черту. Четыре с половиной секунды. Истинный шут реагирует сразу. Спонтанно. Не задумываясь, не оценивая, не прикидывая последствий. Юрист из вас, охотно верю, выйдет вполне приличный, а вот шут...

Звонок ворвался в класс, как перепуганный котенок со связкой банок на хвосте. Будущие зубры юриспруденции загалдели, вскакивая с мест, обступая гостей, расспрашивая о чем-то... Велев Юре обождать пять минут, Шаповал решительно протолкалась к Заградину.

— Добрый день.

— Здравствуйте. Рад вас видеть. За сыном приехали?

Осведомленность менеджера неприятно удивила. Нет, хитрец не собьет ее с мысли!

— В субботу имела честь наблюдать вашего сотрудника. Вместе с моей дочерью. И должна заметить, что крайне разочарована. Это вовсе не смешно! Глупо, развязно и... пошло! Мне ли вам объяснять, что шут должен быть смешным? А этот ваш...

Заоградин понимающе смотрел на нее. С добрым, спокойным сожалением.

— А мне ли объяснять вам, милейшая Галина Борисовна, что в обязанности шута входит развлекать не вас, а свою хозяйку? В данном случае — вашу дочь. Он должен быть смешным *для нее*. А отнюдь не для вас или ваших друзей. Это не входит в его обязанности.

— Но...

— Если мы спросим Анастасию Игоревну, она подтвердит ваши выводы?

Всю обратную дорогу она молчала. Видя настроение матери, Юра не приставал с разговорами.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Наиболее известным шутом Ивана Грозного был князь Осип Гвоздев. Штат придворных шутов при Петре Первом насчитывал двадцать четыре человека; созданный царем «всешутейший и всепьянейший собор» во главе с «князем-папой» Петром Ивановичем Бутурлиным объединял ближайших сподвижников государя. Особо был знаменит шут Иван Алексеевич Балакирев. Затем его шутовские таланты оказались востребованы в царствование императрицы Анны Иоанновны, после возвращения Балакирева с каторги. Как писал историк М. Семевский, в это время «шпионство и шутовство были верные пути если не к почестям и спокойной жизни, то к богатству; надо сознаться, многие русские дворяне охотно пользовались этими средствами к достижению желаемых целей».

Не следует ли из этого, о читатель, что расцвет шутовства вокруг правителя, влекущий презрение этических императивов и приличий, косвенно связан с «эпохами перемен»?!

Искренне твои Третьи Лица.

* * *

Летний день, как опытный дирижер, раскладывал город по партиям: движение — струнные, звук — духовые, запахи — рояль, настроение — ксилофон с бесконечной лентой тонких звучащих пластин... Вот тут-то, в ксилофоне настроений, крылся тайный диссонанс, быть может, малозаметный неискушенному слушателю, но бритвой режущий слух дирижеру-дню. Правда, день еще не решил, кто он: Дюк Эллингтон или, к примеру, Оган Дурьян? — и, соответственно, что именно будет звучать: «Praise God» с баритон-саксофоном Карни или «Сон в ночь шабаша» Берлиоза, композитора, трагически погибшего на Патриарших прудах. Такие колебания не подобают существу, живущему вечностью в двадцать четыре часа, но все равно город-оркестр звучал возвышенно, голоса сливались в едином порыве, создавая атмосферу пронизанного солнцем мегаполиса; и мелкий, но досадный диссонанс раздражал знатоков гармонии.

Вы уже, наверное, догадались, что упомянутым диссонансом была наша общая знакомая. Дирижер считался меж коллегами-днями реалистом: в его оркестре, среди тем беззаботных улыбок и кантилен веселых прищуров, предусматривались аккорды хмурых физиономий, повешенных носов и тоскливых взоров. Но тональность! секрет звучания! Что ж, исправим, нет ничего непоправимого...

День решительно взмахнул палочкой.

Тем временем, оставив дома возлюбленное чадо, оно же — будущая надежда экстремальной юриспруденции, Галина Борисовна вновь нырнула в комфортабельное нутро автомобиля.

— В 3-ю типографию. Срочно.

Верный Мирон ударил по педалям, бросая котика в галоп. Молчаливым достоинством и скрупулезной исполнительностью водитель напоминал потомственного дворецкого из какого-нибудь Бэкингем-Холла, олицетворение вековых традиций во много большей степени, нежели хозяин, которому он служит. А лихачеством в любых погодных условиях был Мирон подобен воину-монголу из Чингизовых туменов — в седле родился, в седле вырос, в седле спит, в седле женщин любит, в седле и помрет, когда время придет. Что неудивительно, ибо любимой Мироновой книгой по праву

считался толстенный роман Исая Калашникова «Жестокий век»: сей фолиант служил виртуозу баранки деньгохранилищем, где крылась заначка от бдительной супруги.

А дирижерская палочка-невидимка исподволь творила чудеса. Зеленые очи светофоров игриво подмигивали котику, солнечные зайцы косили трын-траву, жара под натиском кондиционера отступала на заранее подготовленные позиции, — и вот машина подруливает к 3-й типографии. Мы ведь уже говорили, что было у Шаповал три типографии — двое умных, а третья?.. Но — чу! — внезапно выясняется, что «Hopper Hots», ярчайшая из флюоресцентных бумаг, доставлена с опережением сроков, что пробные оттиски открыток из серии «Видавшие виды» выше всяческих похвал, и в придачу удачно решился вопрос с арендой особняка в общем комплексе Сабуровой Дачи... Короче, через час от раздражения не осталось и памяти. Так, пустяк, вздорная тень, льдинка под солнышком. День добился своего. Теперь оркестр звучал слаженно, ничто больше не терзало слух, не дергало струны-нервы щербатым зубом медиатора...

Надолго ли?

— В «Фефелу», Мирон.

Рядом со входом в «Фефелу КПК» загорала на солнышке старая «Волга». У «Волги» был обеденный перерыв. Воздух вокруг звенел от безветрия. Облокотившись о капот машины, лениво пускал колечки дыма могучий вулкан со стрижкой «под бокс». Извержения не предвиделось, Помпея с Геркуланумом могли спать спокойно. Облаченная в бежевую футболку спина вулкана излучала непоколебимое спокойствие и уверенность в завтрашнем дне. Цитата из Бунина на футболке: «Осенью ступай в Москву или Петербург искать себе службу!» — лишь усиливала впечатление.

Когда наша героиня проходила мимо, вулкан вежливо поздоровался:

— Добрый день, Галина Борисовна.

— Добрый день, — машинально отозвалась Шаповал на ходу. Лицо отдыхающего Везувия показалось смутно знакомым, но ноги уже несли хозяйку дальше, в сомнительную прохладу офиса. Лишь миновав четкую, как на космических снимках, границу света и тени, она вдруг вспомнила. Споткнувшись на ровном месте.

У «Волги» курил шут. Шут ее соседа Вована.

Медленно, будто во сне, она повернула обратно. Спустилась со ступенек.

— Здравствуйте...

Трудно быть дурой. Ох, трудно!

— А вы... Вы разве сегодня не на работе? Я вас с утра видела...

— Выходной у меня. — На широком лице шута наметилась добрая, совсем необидная улыбка. Расщелина дружелюбно дымилась. — Понимаете, среди нашего брата не принято уходить в присутствии хозяина. Эксперты говорят: «Это разрушает создавшийся образ и снижает психоэффект шуттерапии». Вот я и дождался, пока Вован по делам уедет...

— А к нам какими судьбами? — С первой оторопью удалось справиться, но в сердце еще плескалось удивление. Неужели этот солидный, можно сказать, степенный (а по-бабьи так и вовсе: привлекательный!) мужчина сегодня утром радостно носился на четвереньках наперегонки с Баскервилем, облаивая прохожих?!

— Заказ приехали забрать. Афиши.

— Для «Шутихи»? У вас же выходной.

— Нет, это личное. Афиши для цирка. — Улыбчивый вулкан поискал глазами урну, нашел и снайперским щелчком отправил «бычок» в жестяное нутро. — Я до «Шутихи» в цирковой студии акробатику вел. Все-таки двадцать лет «нижним», в «Пирамиде Хеопса»... Знаменитый был номер: Вена, Токио, Рим. «Гран-при» в Париже. Потом спину посадил, ушел на пенсию. У циркачей пенсия ранняя. И сейчас иногда, если свободен, тираню детей, по старой памяти. На той неделе фестиваль будет, городской. «Манеж Надежд». Мои хлопцы, ушуисты, танцоры... Худрук студии к вам на склад пошел, а я здесь кукую. Приходите, кстати, на представление. Новый цирк, в следующую пятницу вечером. Мужа берите, дочку с сыном. Хотите, я вам контрамарки выпишу?

Он наклонился к окошку машины:

— Надя, познакомься. Это соседка моего заказчика. Хозяйка местной печатни.

«Волга» зевнула задней дверью, и рядом с разговорчивым шутом возникла миниатюрная женщина в желто-полосатой блузке и юбке «клиньями». Очень похожая на симпатичную пчелу в очках.

— Здравствуйте. Надежда. Очень приятно.

— Галина. Скажите, «Манеж Надежд» — это случайно не в вашу честь?

Шут с женой рассмеялись, отрицательно мотая головами.

— Нет, это в честь юных дарований. Так придете?

— Спасибо за приглашение. Не знаю, выберусь ли: работы много...

— Полноте, Галина Борисовна! — Шут был само обаяние и убедительность. — Работа, забота... Оглянулся: жизнь прошла. Надо же когда-то и отдыхать? В парк с семьей сходить, в цирк, в кино. Вот мы сейчас заказ отвезем, выгрузим, заберем детей — и на речку. А иначе ради чего вкалывать с утра до вечера?

— Ох, вы правы, простите, не помню...

— Откуда помнить, если не знаете? Никита Григорьевич. Можно просто — Ник.

— Вы правы, Никита Григорьевич. Понимаете, хочу в августе отпуск выкроить. Махну с сыном... э-э-э... к морю!..

Отчего-то постеснялась сказать: «На Сицилию», обойдясь нейтральным «к морю». И поймала себя на том, что разговаривает с шутом, как со старым знакомым. Ну, хотя бы — как с Вованом... Если только Вовану к его бестолковой искренности добавить хороших манер, убрать дурацкие словечки и «распальцовку». Боже, они ведь действительно похожи! Шут с Вованом. Габариты, внешность... крупные черты лица, мимика. Разве что спокойствие и уверенность сквозили в каждом жесте шута, он так жил, так дышал — хоть на поводке и на карачках, хоть сейчас. Он такой и был: покой, сила, равнодушие к лаю мосек из подворотен. А Вовану этого сильно не хватало, при всех его понтах. Хотя в последние дни...

— Что-то наш худрук задерживается.

— Ох, мне тоже пора, — спохватилась Шаповал. — Ваш заказ уже оплачен?

— Половина. За остаток сейчас должны рассчитаться.

— Я распоряжусь насчет скидки.

— Спасибо... я, право, не знаю...

В первый раз она увидела, как шут слегка растерялся. Это было приятно. И вообще, настроение сегодня просто отличное! Почему бы не сделать подарок хорошему человеку? Тем более детская студия, тренеры-энтузиасты, денег явно кот наплакал — в отличие от всяких нуворишей, брезгливо кривящих рот и цедящих слова, как плевки. Насмотрелась на эту породу...

— Алло, Владлен. Да, это я. У тебя сейчас заказ вынимают: афиши для цирковой студии...

— Я в курсе. Счет выписываю.

— Сбрось двадцать процентов.

— Меценатствуешь? Есть резон?

— Ты не понял, Владлен. Это — от меня.

— Знакомые?

— Да. Видишь, мужчина стоит возле «Волги»?

— Вижу. Кто это?

— Это шут моего соседа.

— А, ну тогда другое дело. Это серьезно...

Шаповал так и не поняла, шутит ее первый зам или нет.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

«СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ»

— На пол! Руки за голову! Ноги врозь!

Мы шли под грохот канонады. И, как осмотрительные Третьи Лица, продолжили повествование из укрытия, спрятавшись в дот сейфа. Дождь штукатурки и кирпичной пыли рухнул на кабинет, приветливо дыша гарью. Нырнувший было под ковер трусишка-клиент был мигом извлечен из убежища и щучкой улетел в коридор: звенеть кандалами (Фаберже, ручная работа). Дымящаяся шестиствольчатка «АК-630» и жерло помповой «мерты» сурово уставились на Галину Борисовну, но та в ответ лишь скосила злой гадючий глаз, и ствол с жерлом смущенно потупились.

— Это налет! — взорвался артиллерист в желто-бордовой шапочке на все лицо, похожий на клоуна-маньяка.

После чего долго думал, собирая осколки.

— Великодушно прошу извинить бестактность моего коллеги. Это налог, — вмешался соратник клоуна, передергивая затвор с элегантностью Евгения Онегина. — В смысле, налоговая полиция. Сокращенно «На Пол».

— Место! — лязгнуло от дверей.

Оба мытаря-экстремиста застыли композицией скульпторши-монументалистки Веры Мухиной. Третий скучал в коридоре, баюкая за шиворот томного клиента.

Чеканя шаг и сотрясая синхронной поступью перекрытия, пред Шаповал — меньше всего собиравшейся на пол и ноги врозь — воздвиглись два новых персонажа этой драмы. В другой ситуации их вполне можно было принять за агентов бюро ритуальных услуг «Morituri te salutant»: черные костюмы, черные штиблеты, черные галстуки селедкой, аспидные очки и одна мина на оба лица. Противотанковая. Которая хороша при плохой игре. С единственной разницей: у старшего мина была намертво приварена к физиономии, а у младшего болталась на раздолбанных заклепках, обнажая засаленную подкладку, сшитую из радений о благе державы.

— Чем обязана, господа? — риторически осведомилась хозяйка.

Людям в черном было жарко. Людям вообще не рекомендуют носить черное, особенно летом. Гости даже позволили себе чудовищную вольность: расстегнули пиджаки. Вентилятор «Подсолнух», чудом уцелев во время профилактического обстрела, тоже не спасал. Ибо сейчас преданно обдувал щеки владычицы, а вертеться в угоду оккупантам не желал из принципа.

— Итак?

Вместо ответа в лоб уперлись два удостоверения сорок пятого калибра.

«Кто-то из доброжелателей стукнул, — думала «миссис Твистер», без особого интереса изучая верительные грамоты и забыв о боевиках, медленно покрывавшихся ржавчиной. — Брюзжейко или Волховец... скорее Брюзжейко, он дурак. Надо будет нанять шута, пусть его пристрелит... Ох, что-то я с Настькиными фортелями совсем зарапортовалась!»

— К нам поступил оперативный сигнал...

— Разумеется. С чего начнете шмон? Секретные файлы? Черная Книга Нала? Учет Пущенных-в-Расход? Ордера товарищеского мздоимства?

Заметим из сейфа, что скоростью реакции наша героиня могла конкурировать с Клинтом Иствудом в фильме «Грязный Гарри». Руки ее, тонкие женские руки, на вид способные лишь ласкать и всплескивать, с самого начала покоились на столе, но умная и твердая левая коленка начала действовать за миг до первого выстрела. Была такая кнопочка, махонькая, скромненькая, на нижней стороне столешницы. И давным-давно уже на дисплее компьютера в бухгалтерии четырехмерный Буратино принялся разносить подземелья

нордического замка Вульфенштейн. А все хоть сколько-нибудь сомнительные сведения под прикрытием доблестного сына папы Карло удрали в резервный комп, укрытый в местных катакомбах, выкрикнули: «Ради всего святого, Монтрезор!» — и замуровались изнутри, тихо попивая амонтильядо.

На гофрированном лице старшего дознатчика проступило выражение.

— Где ваша подпольная типография?!

— Внизу, в полуподвале. При большевиках там был пыточный отдел.

В этот миг Шаповал выглядела Символом Невинности кисти великого Иеронима Босха. Лилией, значит, чистой и белой, со стальными обоюдоострыми лепестками.

— Пройдемте.

— Как вам будет угодно. — Льда в голосе вполне хватило бы для длительного хранения трех килотонн мороженого «Империя-с-Джемом». Даже мытари вдруг ощутили, что в кабинете резко похолодало. Но облегчения испытать не успели — психофризерный эффект, описанный Г. Ф. Лавкрафтом, для них оказался кратковременным.

Спускаясь по лестнице, Галина Борисовна дробно выстукивала каблучками предупредительную морзянку. Уверенная, что чуткое ухо Первопечатника Федорова уловит сигнал тревоги сквозь шум «Доминантов» и «Ре-Майоров». И вздрогнули незваные гости, услышав вольный отклик из-под земли:

— ...Ты добычи не дождешься, черный ворон, я не твой...

Выбравшись из дота и крадучись вслед за героями, мы хотели бы поделиться с вами конфиденциальной информацией. Однажды районная налоговая инспекция решила просветить любимых граждан. Средство наглядной агитации заказали «Фефеле КПК». Изначально задуманный раймытарями плакат должен был выглядеть так.

Из возведенного в стиле ампир Дворца Мытарств выходит сияющий бизнесмен в костюме-тройке. У входа ждет «666-й» «Мерседес», готовый мчать честного плательщика по кабакам и весям. Ниже, стилизованным под раннюю мефодьицу шрифтом: «Заплатил налоги — спи спокойно». Пастораль начала XXI века. Жанр: городская фэнтези.

Разумеется, художник Ондрий Кобеляка не смог противостоять соблазну. Заказ он добросовестно выполнил, и этот шедевр в красках и прозе ушел в печать. А потом Кобеляку скрутил острый приступ творчества. Безбожно дымя сига-

рой, свернутой на бедре красавицы-мулатки из села Чингачгуковка Богодуховского района, и злорадно вперив смоляной взор в дисплей, он взялся ваять нетленку.

В результате вышло следующее.

Опутан колючей проволокой и изобилен решетками на окнах, дремлет пакгауз. Над бронеплитой входа криво нацарапано гвоздем: «Налоховая инфекция». Вокруг — заросли вышек с живописными вертухаями. Из дверей стая товарищей выносит обитый кумачом гроб и грузит в катафалк-бенц, готовый мчать клиента на виднеющийся вдали погост, сплошь утыканный крестами. И эпитафия по краю: «Заплатил налоги? Спи спокойно, лопух!»

Как вы думаете, что по сошествии захватчиков в типографский полуподвал попалось им на глаза первым?

Старший из незваных гостей долго смотрел на плакат, играя кривой татарской бровью, и связь времен рушилась вокруг него. Егор Панихида, дьяк Фискального приказа, первейший из казенных мздоимцев, гроза торговых гостей и хозяев харчевых изб, скор на пытку, легок на расправу, — вот кто грянул нонеча на «Фефелу КПК».

— Срамной лубок, значит? — сплюнул Панихида с весельем во взоре. — Шпыни смрадные! Егора объегорить вздумали? Ох, быть правежу...

Жидко хихикнул подьячий Тимоха Ребро. Громыхнули бердышами стрельцы, радуясь поживе: налогов они согласно чину не платили, внося в казну оброк со своих промыслов. Взор дьяка гоголем прошелся по фефеловской братии. Уперся в Ивана, сына Федорова, зацепил крюком за душу:

— Беглый? У, рожа холопья, разбойная! Ты ли на Ивановой на козле кнутом был бит?

— Не из холопей мы, — ответствовал Первопечатник, сурово вздрогнув усами. — Посадский человек, записан в тягло. Подати плачу исправно, службу несу за совесть. Батогами сроду порот не бывал. Чего поклепы возводишь, дьяче?

— А ты, млад сокол? — Глазки Панихиды наскоро ощупали Рваное Очко. — Боярин небось? Дворцового разряда? Али князь?

— В бояре не лезу. Беломестец, от тягла свободен. По калечеству моему: в робячестве головой об тын саданули.

— Не тебя ли за прелестные письма имали? Отпираешься, вор!

— Не отпираюсь. Имали, рожу били. Грозились в дурке сгноить. Но покаялся аз и ныне чист.

Дьяк обернулся к стрельцам, топчущимся в нетерпении:

— А ну, служивые! Ищи утайку!

И стрелецкое половодье разлилось по типографии. Хитрая машинерия сопротивлялась, как могла: резак лязгал гильотинкой, норовя отхватить края кушаков, а если повезет, то и жадные пальцы, ультрафиолетовая сушка покрывала супостатов болезненным загаром, утилизатор жевал полы кафтанов, старый вояка «Ре-Майор» лихо печатал компромат на вражью стаю, — но силы были неравны. «Боярина Хитрово шерстил! — со значением бурчал Панихида, подмигивая верному Тимохе. — Митрополита Паисия за сокрытие! Карапетцаря, армяна упрямого, за алтын под топор подвел! Носы резал за зелье табашное, безакцизное! Лбы клеймил целовальникам: не воруй сбор кабацкий! Ништо, ништо, сыщем грех!»

— Сыщем! — отзывался Тимоха Ребро, приплясывая от трудолюбия и страстного желания сходить по малой нужде. В прошлом палач Хмыровской съезжей, за грамотность и трудолюбие выслужась в по-дьячие, он по сей день сохранил привычку мерзко шевелить пальцами в кураже. — Мы мзды не берем, нам за державу обидно!

«Гульну, братья! — мыслил он втайне, предвкушая отступную казну. — Черти слюной захлебнутся! Лоб свиной под чесноком, буженины косяк, журавль под шафранным взваром, куря рафленое, куря рожновое, куря во штях богатых, куря индейская в ухе с сумачом, гузно баранье пряженое в обертках...»

И эхом отзывались скрытые мысли Панихиды, дьяка запойного:

«Романея, олкан, ренское, патошный мед с гвоздикой, патошный цыжоный, малмазея, водка тройная с кардамоном...»

— Ох, держава! Ух, держава! — внезапно ударило от двери. — Грошик медный, гвоздик ржавый! Имай ворьё!

Пестрый юрод кубарем скатился в полуподвал. Звенели вериги, колотилась о железо суковатая шелепуга в деснице. От звона бубенцов — не продохнуть. Юрод хромым анчуткой скакал меж стрельцами. «Божий человек! — шептались те, сторонясь. — За обиду черти спросят-то, вилами в бочину! Яшка, отзынь: дай ему пройтить!» А юродивый знай рылся в грудах бумажного хлама, совал кудлатую башку прямо в резак, лобызался с утилизатором, вереща истошно:

— Казна грозна! Казна грузна, не поднять гузна! Дьяк

правит, всяк славит! Казну любой угрызть норовит! Подать, она с крылышками: подал державушке, матери-заступнице, и лети-и-и! Хошь в ад, хошь в рай: куды хочешь, выбирай! Ой, сыскал! Ой, держу! Вот она, утайка!

Размахивая парой дивных предметов, более всего похожих на пачки ассигнаций, упакованных в бумагу и целлофан, а поверх заклеенных скотчем, юрод образовался перед дьяком. Пал на коленки:

— Отец родной! Стрельцы — малоумки, ярыги слеподырые! Вот!

Стрельцы мелко крестились, предвкушая кару.

Лик Панихиды просиял святой иконой:

— Тайная мошна? Ась?!

Отобрав добычу у помощника-доброхота, дьяк по буквам зачитал вслух: «Аз, рцы, иже, славо, твердо... Ясно! Аристарх!» И впрямь: «Аристарх» было написано на левом предмете, «Федоров» на правом. Дьяк осклабился, стал умело драть обертку:

— Фряжские евры? Свейские гульдены?! Шекели жидовинские?! Баксы песьеглавцев, прости Господи?! Дознаюсь, сведаю...

Трещала бумага. Хрустел целлофан.

— Быть голове на плахе! Быть!

И осекся Егор Панихида. Булькнул горлом, глотая хрящеватый кадык. Воззрился на два кирпича — красных, срамно нагих! — что лежали пред ним в обрывках, аки Ева с Адамом в саду Эдемском.

— Что? Кто?

— Кирпич, — мрачно объяснил Первопечатник, терзая левый бакенбард. — М-150, лицевой. Две штуки. Производства фабрики «Оружие пролетариата», поселок Ягодичный, Курвославская область.

— На кой?

— Кромку подпирать. — Первопечатник взял один из злополучных кирпичей, подошел к «Ре-Майору», загрузил стопку толстой бумаги и показал: где да как подпирать.

— А почему именные?

— Награда? — предположил заботливый юрод. — Вроде сабли? «От енерала И.Я. Многогрешного за доблесть бранную»?

— Левша я, — вмешался Рваное Очко, плечом оттирая юродивого. — Блох кую, тараканов брею. Мне, ежли слева надколото, сподручней. Затем и подписал, значит. Сей шиш Ванька все норовит мою подпорку стибрить...

Ох и долго смотрел дьяк на кроткого голубя-юрода. Кто по губам чтец, сразу узрел бы: хотел Панихида юрода иродом назвать. Да раздумал. Только и крякнул со зла, убираясь несолоно хлебавши:

— Шныришь по делам, кои тебе и ведать не гоже! Блазень!

Припоздавший за беглым начальством стрелец мимоходом шепнул Галине, дочери Борисовой:

— Воевода Баклан, Добрыня свет Никитич, бают, себе такого же дурака завел. Ради умственного облегчения. Тот шпынь за воеводой всюду слоняется: веселит. Вот Панихида и пасется: дурак дурака видит издалека. Юрод юроду шепнет, воевода услышит, возгневается, быть дьяку под плетьми...

В дверях заливисто хохотала Настя, восстанавливая связь времен.

ЮРОДИВОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

На Руси с XIV в. сложилась специфическая форма смеховой культуры — юродство. На Западе для нее нет аналогов, равно как в европейских языках нет слов для адекватной передачи этого понятия (единственный типологический аналог — Франциск Ассизский). Поведение юродивого — сознательная провокация, требующая от него недюжинной решимости и духовной силы (многие факты говорят о вменяемости, высоком интеллекте и образованности русских юродивых). Другими словами, он «отзеркаливает» безумие и безнравственность самой публики. Парадоксальность такого поведения, писал А. Панченко, в том, что «юродивый вводит людей в соблазн и мятеж, в то время как по условиям подвига он обязан вести их стезей добродетели, ставит наблюдателя в ситуацию выбора: кто предо мной — дьявол или святой? имею ли я право «бросить камень»?!»

Грешный ад, светлый рай — чего хочешь, выбирай!

Искренне твои Третьи Лица.

* * *

Улаживать дела подобным образом довелось впервые. В голове назойливо крутилась вариация на тему популярного шлягера: «...а все, что кроме, легко уладить с помощью шута!» Кстати, а куда он подевался?

Нежданный избавитель от мытарского ига обнаружился в

родном директорском кабинете. В директорском кресле. За директорским столом. Прядая ослиными ушами, пришитыми к дурацкой бейсболке, шут с важным видом что-то втолковывал освобожденному клиенту. О последнем во всей этой кутерьме начисто забыли. Клиент обалдело внимал. В углу, за спиной жертвы, тихо давилась от смеха дочь Анастасия.

— ...кумулятивный пласталевый картон «Joker» из полиутиленпипифакса — это новое слово в целлюлитных технологиях XXI века! Используя гибридные полумеры, вы давите своих завтрашних конкурентов уже сегодня, одновременно спасая от вымирания реликтовые виды голосеменных растений и восстанавливая озоновый слой...

— Ах ты паскудник!

Скупые слова благодарности, скрепя сердце заготовленные и выстраданные, кляпом застряли в горле. Вместо них наружу, клубясь ядерным грибом, полыхнула вспышка нервного срыва. Полиутиленпипифакс и реликтовые голосеменные оказались последней каплей, ломающей спину верблюду.

— Вон отсюда! Мерзавец! Вон!!!

В кабинете воцарилась форменная буря столетия. Галина Борисовна метала громы, молнии и канцелярские принадлежности. Шут в притворном ужасе скакал по мебели, ища убежище от шаповального гнева. А бедолага-клиент, ошибочно приняв тирады фурии-хозяйки на свой счет, бежал прочь, лепеча дурным голосом странное:

— Не виноватый я! Это Волховец, это он настучал! Я должен был только убедиться...

Вопль смолк в отдалении, затерявшись в лабиринтах коридоров.

— Мама, успокойся. Зашибешь мне Пьеро под горячую руку.

Медленно, очень медленно Шаповал опустила занесенную для броска карандашницу. Осторожно поставила на место, словно та была из тончайшего стекла. Обернулась к дочери. В углу, напялив на голову корзинку для бумаг, слезливо причитал шут: «Не бей меня, жаба-царевна! Я тебе пригожусь!..» Но «жаба» не слушала паяца.

Она во все глаза смотрела на Настю.

Дочь улыбалась. Просто улыбалась: спокойно и открыто. Молчала. Чего от взбалмошной и болтливой до умопомрачения Настьки можно было ожидать в последнюю очередь. Волна истерического гнева разом пошла на убыль. Дикой кошкой в лицо бросился стыд: я ведь хотела его поблагодарить!.. Вот, значит, поблагодарила. Вспомнился Вованов «пес», курящий возле «Волги»: может быть, и это чучело в обычной жизни — нормальный, даже приятный человек?

Просто работа у него такая?!

Галина Борисовна с сомнением оглядела «приятного человека», так не вовремя доставшегося Насте. «С твоего, между прочим, благословения», — не преминул злорадно напомнить внутренний голос. Увы, как ни старалась, почувствовать к шуту хоть крохотную симпатию не удалось.

— Извините, погорячилась. — Сухой, ломкий голос хотелось запить чаем, чтоб не драл горло. — Должна сказать вам спасибо...

— «Спасибом», тетка, сыт не будешь! — радостно возопил шут, высыпая бумаги на пол и подсовывая корзинку под нос «тетке». — Значит, так! Мне: корзину печенья (вот сюда сыпь!..), цистерну варенья, а также шакаладу, мармаладу, пломбир с креветками и леденец на палке! Это как, по понятиям?

На миг в его кривляньях пробились родные, до ужаса знакомые Настины интонации, когда та в очередной раз клянчила у любимой мутер денег «на карман». Шаповал покосилась на дочь, но Анастасия ничуть не обиделась. Лишь потешно развела руками: что с него взять, мама?! — а раз взять нечего, хорошо бы дать...

«Ну, скажите на милость, как можно с этим шутом гороховым нормально разговаривать?!»

Честное слово, мы, как Лица Третьи, деликатные, не нашлись что ответить.

— Мам, я вообще-то по делу. У тебя пять минут есть? Хотела пригласить...

— Мы страстно желали пригласить вас, милая тетушка...

Галина Борисовна поняла: еще чуть-чуть, и она спустит гада в утилизатор.

— У меня есть пять минут. Даже больше есть. Только, Настя, ради бога: мы можем поговорить вдвоем?

— Ухожу, ухожу, ухожу! — голосом черепахи Тротиллы пискнул шут, существо редкой понятливости, и на цыпочках выскользнул за дверь. Однако в оставшуюся щель тут же просунулось длинное ослиное ухо. Настька прыснула, погрозила уху маленьким кулачком — дверь хлопнула, защемив ухо, рывок, вопль...

В коридоре послышались демонстративно удаляющиеся шаги.

— Мам, не сердись. Он по жизни такой. — Настя взялась приводить кабинет в порядок, собирая урожай живописно разбросанных бумаг. Пьеро постарался на славу. Небезызвестный сеятель облигаций с плаката О. Бендера умер бы от зависти, глядя на плоды шутовской деятельности. Впрочем, Галина Борисовна, честно приняв свою долю вины в создании неформальной обстановки, заторопилась прийти к дочери на помощь.

Не преминем заметить: совместный труд сближает. Разве что общие враги могут сравниться с ним в этом благородном деле.

— На днях мой обормот заявился, — рассказывала Анастасия, извлекая из жалюзи метательный карандаш. — Ну, бывший. Мириться пришел. Меня дома не было, ему Пьеро открыл.

Глядя на сияющее лицо дочери, легко было представить картину явления блудного супруга. В душе родилось некое сочувствие к Полиглоту Педро. Впрочем, если шут экс-зятя отвадил — честь ему и хвала. Хоть какая-то польза от этого стихийного бедствия. Под влиянием словосочетания «стихийное бедствие» мысли внезапно сменили русло. Юристам, пожалуй, стоит расширить стандартный пункт контрактов про «обстоятельства непреодолимой силы». В список «пожары, наводнения, землетрясения, решения органов государственной власти...» явно следует добавить «наем шута».

— Полный отпад, мам! Мне Пьеро в лицах изобразил...

Надо сказать, что, едва поселившись в квартире Насти, шут успел очаровать всех соседских ребятишек, к немалому ужасу местных бабушек-пенсионерок. Увы, отвадить внучат от «бесстыжего кривляки» оказалось сизифовым трудом, и стайка радостных галчат слеталась к шуту, стоило тому объявиться во дворе. Наиболее отважные даже скреблись в двери: «Дядя клоун! Покажешь Винни-Пуха?» Анастасия, ранее относившаяся к детям без всякого энтузиазма, против подобных визитов не возражала. Напротив, приняла в играх самое деятельное участие, с удовольствием перевоплощаясь то в Золушку, то в Баффи-вампиробоицу. Материнский инстинкт? Ностальгия по манной каше? Шут его знает!

А мы, Третьи Лица, не знаем.

— Дядя клоун, поиграем в Али-Бабу?

На голове Пьеро возникла чалма-ушанка с кокардой.

— Войдите в наш Сезам-аль-Бальзам, о почтенные сорок разбойников!

Но едва разбойники вступили под своды пещеры, как послышался удар в бронзовый гонг у входа.

— Прячьтесь скорее! Это злой атаман Хасан ибн-Шалман пришел за мешком золота! Я затуманю его разум сладкими речами, а вы сидите тихо!

— ...Настюха дома? — *обалдело промямлил* небритый солитер в кожаных рейтузах, воздвигшись на пороге.

— А кем ты ей приходишься, о грыжа моего сердца?

Наглость шута, а также его внешний вид мигом навели Полиглота Педро на дурные подозрения.

— Я ее муж!

— Хвала Аллаху, милостивому, милосердному! Значит, мы с тобой коллеги, сладенький?! Заходи, шалунишка, будь как дома и не вздумай отказываться!

Отставной супруг был вовлечен внутрь квартиры и препровожден на кухню, где шут возвестил гостю о сладостных перспективах «шведской семьи» в составе троицы истинных бисексуалов. В разгар страстного монолога, подкрепляемого жестами, в дверь кухни просунулись пять детских физиономий, горящих нетерпением.

— К-х-х-х-то?! — Багровый Полиглот стал отливать синевой.

— Наши беби, пупсик! Неужели Настасья не посвятила тебя...

Судя по скорости бегства Полиглота Педро, тенора и человека, у «шведской семьи» не было перспектив.

Радостный писк, возвестив о свежей почте, подвел итог «Повести о муже и шуте». На дисплее компьютера обнаружилось письмо: «Прими контрастный душ, тетушка! Мы ждем тебя в пятницу». Когда и откуда ушлый шут успел отправить сообщение, осталось загадкой.

— Кстати, о пятнице! — Хихикнув, Настя звонко хлопнула себя ладошкой по лбу. — У нас репетиция, вечером. Хочу тебя пригласить.

— Новая группа? Опять мартовские вопли?

Записи «Ёшкиного Кота» Шаповал как-то раз имела несчастье послушать.

— Да нет! Это совсем другое. Театральная постановка: авангардно-эротический перформанс «Муха-цокотуха»!

— Насекомая эротика? Наши театры совсем от безденежья рехнулись?!

— Это Саня Паучок ставит. В ДК «Тяжмашмонтаж». У них там «ТРАХ».

— Кто там у них?!

— «Театр Раскрепощения Актерских Художеств», — поспешила расшифровать Настя. — Это Санькина идея. Пипл в осадок выпадет! Саня им вставит, обывателям...

— Очередной гений сыскался?

Мухи-потаскухи, трах их тарарах! Будто медом им намазано. Не успели одного авангардиста сдыхаться — здрасте вам пожалуйста! Зачем тогда, спрашивается, шута нанимали?!

— Да, гений! Мам, приходи, сама увидишь.

— Ужо приду, — пообещала Галина Борисовна, мрачнея хамелеоном, угодившим в чернильницу. — Ой, нет, постой! Я Юрку сегодня домой забрала. А к вам я его не потащу, и не надейся!

В ответ Настя одарила родительницу взглядом психиатра, застукавшего пациента на ловле карпов в тазу.

— Он что, маленький? Не найдет, чем заняться? Да Юрик взрослее меня, если хочешь знать!

Подобное откровение в устах дочери звучало трубой Иерихона.

Десятью минутами позже, проводив Настю и заглянув к художникам, Галина Борисовна нашла приснопамятного Ондрия Кобеляку погруженным в дизайн этикеток к свиной тушенке «Пятачок». Художник пребывал в экстазе:

— Классный мужик! Глаз-алмаз! Пикассо, блин!

Счастливая Хавронья по-прежнему красовалась в центре этикетки, но теперь к ней тянулась мозолистая рука, крепко держа электроштепсель. Между вилкой и свиным рылом-розеткой проскакивали веселые искры, а надпись по краю гласила: «Энергия настоящего сала — ощути ее в себе!»

* * *

Референточка Ангелина Чортыло была крайне удивлена, получив команду: сунуть руку в закрома Интернета и порыться на предмет «Мухи-цокотухи». Впрочем, как воспитанная барышня, удивления не выказала, лишь спросив:

— Что искать?

— Компромат, — вздохнула Шаповал. — И текст.

— Текст я наизусть помню. — Гордость сияла во взоре Ангелины.

Галина Борисовна с подозрением глянула на свою референтку:

— Да? А почему у вас блузка просвечивает?

— Не знаю, — растерялась та. — Это имеет какое-то отношение к «Мухе-цокотухе»?

— Возможно. Ищите, родная.

И лопата Ангелины Чортыло вонзилась в чернозем Сети. Вскоре несчастный детектив Г.Б. стала счастливой обладательницей пухлой стопки бумаги, где кишели черненькие значки, похожие на тьмы цокотух-самоваролюбиц. Улов вышел обилен: добрый дедушка Корней Иванович вдруг оказался Николаем Васильевичем (даже длинный гоголевский нос имел место!), изгнан из пятого класса одесской гимназии, в шестнадцать лет сбежал из дома, судимость за публикацию материалов антиправительственного характера, клички «Иуда из Териок» и «Белый Волк», почетный доктор литературы Оксфорда, награжден орденом Ленина, тремя орденами Трудового Красного Знамени, а также медалями, автор статьи «Роль денег в творчестве Некрасова» и прочая, прочая, прочая. Венцом изыскания был труд послушника Кирилла из Оптиной Пустыни «Цокотуха: сатанинская энтомология».

Галина Борисовна углубилась.

«Итак, каково же общее число строк стихотворения К. Чуковского «Муха-цокотуха»? Оказывается, ровно 128. И это число нетривиальное, а значит, можно говорить о его неслучайности. 128 — это 2 в 7-й степени. Если число «2» интерпретировать как двойственность (вспомним такие символы, как Инь и Ян, каббалистический Моген-Давид, масонские Солнце и Луна, языческий Двуликий Янус) и если число «7» интерпретировать как символ полноты нынешнего, временно́го века (в отличие от вечности, означаемой числом «8»), то тогда 2 в 7-й степени прочитывается так: «полное, совершенное разделение». То есть распад, смерть».

Мурашки пробежали по телу. Святый Боже, Святый крепкий, во что же вляпалась дура Настька?!

«Муха, а вместе с нею тараканы, черви, сороконожки — животные скверные, нечистые и омерзительные. Комар, клоп, а вместе с ними и блохи — кровососущие паразиты. Пчела,

как единичная особь, а не как улей, — вовсе не источник меда, а жалящее насекомое. Бабочка, а вместе с ней и прочие мотыльки — садовые вредители. Кузнечик — это саранча. Муравей — здесь вроде бы не к чему придраться: 100-процентно положительное насекомое. Но вот ведь как ведет себя персонаж, именуемый этим достойным названием: «Муравей, Муравей не жалеет лаптей, с Муравьихою попрыгивает и букашечкам подмигивает. Вы букашечки, вы милашечки, тара-тара-тара-тара-таракашечки!» Что это, как не образ прелюбодейства?! Итак, вся «семерка» имеет названия насекомых, враждебных человеку. В то же время Врага представляет Паук — животное, безвредное для человека и даже полезное, так как истребляет всякую нечисть вроде «положительных» героев Чуковского. Каким бы грозным ни был паук, он никогда не нападает первым на человека...»

Нахлынула паника. Будущее родного ребенка увиделось черным и клокочущим, как адова смола. Что делать? И главное — кто виноват?!

«Теперь будем анализировать образы главных героев сказки по отдельности и начнем с Мухи. Ее мы интерпретировали как «жену, сидящую на звере багряном». В 17-й главе Апокалипсиса она именуется также: «...великая блудница, сидящая на водах многих». Это определение вполне приложимо к Мухе: она «сидит на водах многих», то есть — организует чаепитие; она — «мать блудницам и мерзостям земным» (Откр., 17:5); здесь вспомним поведение Муравья в финале сказки».

Пугающий образ гения по имени Саня Паучок стал отчетливо инфернален. Очень захотелось свалить всю вину на тлетворное влияние подлеца-шута и немедленно разорвать дьявольский контракт — но в душе сохранились ростки справедливости. Причуды Насти начались не вчера, а значит, искать козла отпущения — пустая трата времени. Правда, коза?

Текст плясал перед глазами.

«Далее: «А букашки по три чашки, с молоком и крендельком». Эти букашки получили по три кренделя. Вспомним, как выглядит хлебобулочное изделие, называемое крендель. И, расположив их в одну кучку, мы получаем три кренделя, три шестерки. Шестьсот шестьдесят шесть. Комментарии, как говорится, излишни. Вот такое угощение».

Мать грозно сдвинула брови.

Изыди!

Да, она пойдет на репетицию, даже если угодит прямиком в вертеп разврата. И эротические «козявочки» прикроют грязные лавочки, узнав, что значит материнский гнев!

Вечером Галина Борисовна поставила эксперимент, спросив у мужа перед сном:

— Гарик, с чем у тебя ассоциируются следующие строки: «Муха криком кричит, надрывается, а злодей молчит, ухмыляется...»?

— Я тебе всегда говорил, что не стоит подавлять сексуальные фантазии! — ответил Гарик, придвигаясь ближе.

И Шаповал еще раз уверилась в правоте своих подозрений.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

«СТРАСТИ ПО НАСТЕ»

Если свернуть с проспекта Деятелей на 2-й Продольно-Поперечный, то за рюмочной «У дяди Левы» и располагался Дворец культуры завода с эпическим именем «Тяжмашмонтаж». Нам, например, все время хотелось взять дутар (кобыз?) и нараспев задекламировать что-нибудь душевозвышающее, вроде:

О, Тяжмашмонтаж! Сокол, беркут наш!
Рухнет горный кряж, коль войдешь ты в раж,
Конь твой лучше ста,
Меч твой рубит сталь,
О, Тяжмашмонтаж, даль твоя чиста...

Впрочем, нашей героине было не до романтики. Она готовилась к бою. Дворец сомнительной культуры представлялся ей вертепом сатаны, где дочь Анастасия подвергалась соблазнам и искушениям. Трехэтажный уродец с парой чахлых колонн при входе? Видимость! Россыпь комнат, словно семечки в арбузе, расклеванных под офисы индюками кооперации? Фикция! Махонький бар «Duck», украсивший фойе вывеской «Сто одежек: стриптиз с последующим разоблачением», — прикрытие! Истинное зло затаилось, оно где-то рядом: сопит вывороченной ноздрей, скалит клыки. Перед Дворцом остался дежурить верный Мирон, готовый в случае чего дать по газам и унести госпожу с наследницей прочь от шабаша чертовни. Правда, пока что Мирон дремал, надвинув на нос козырек кепки. Снилась ему всякая дрянь. Но об этом как-нибудь в другой раз.

Обуянная бесами дочь будет спасена.

Аминь.

Курильщики, пряча хари демонов под скромными личинами культуртрегеров, расступились, пропуская суровую мстительницу. Жар, исходящий от гостьи, мог нагреть приличную сауну. Даже колонны попятились, тряхнув вихрами капителей. Стыдливо убралась в тень вывешенная на стенде заметка о гастролях «ТРАХа» в Пензе: «Голым задом не возбудить пензяков!» Особенно устыдились пассажи типа «драматично потрясая гениталиями» и «обещанные элементы эротики: хорошие такие, круглые...». А ноги уже несли немезиду дальше, в самое сердце геенны.

В зале, выделенном «ТРАХу», шла репетиция.

Зал был великолепен. Наша нищая культура, стоя на паперти с протянутой рукой, никогда не наскребла бы милостыни на такой зал. Уютный, человек на пятьсот, он потрясал воображение панбархатом кресел и портьерами лож; мощные турели софитов целились в поворотный круг сцены, роскошь кулис соперничала с будуаром маркизы Помпадур, а призраки капельдинеров сновали меж рядами. И — о чудо! — даже аварийный выход не был заколочен наглухо. Короче, дело пахло дьявольскими червонцами: как известно, в качестве одного из средств защиты эти червонцы используют аромат серы. Тихонько опустившись в кресло у прохода, Шаповал оглядела поле грядущего сражения за душу Настьки. В качестве зрителей обнаружилась чертова дюжина грешников: видимо, коллеги по несчастью, вольноприглашенные бедолаги, смирившиеся с плачевным положением чад своих.

А на сцене тем временем сучила лапками «Муха-цокотуха».

Анемичная барышня в кружевах, расположенных скудно и хаотично, любила тульский самовар «Орел». Рядом валялась копеечка размером с колесо от карьерного самосвала. Обступив именинницу, плясали канкан блошки-длинноножки, одетые в веревочки, но не везде. Из колонок «Долби-Стерео», взявших зал в осаду, лились вздохи хора астматиков-извращенцев под двусмысленный инструментал «На заре ты ее не буди». Оседлав рампу, где широко раскинулась бабушка-пчела, изгалялся кузнечик: совсем как человечек, он делал прыг да скок. На диванах трещали надкрыльями голые тараканы, сплетаясь в пароксизмах страсти; вдали порхала бабочка-красавица, ради любви покинув кокон. Одна из падуг являла собой пацифистский плакат: «Гей, букашки, на кровать! Не желаем воевать!»

В правом углу, возле пятиметрового фаллического обелиска с надписью на вершине: «Здесь была Муся!», обнаружилась дочь Анастасия. Сидя на венском стуле, она играла на виолончели. Одетая. Впрочем, вздох облегчения быстро мутировал в кашель: дочь играла на *воображаемой* виолончели. Это замечалось не сразу — уж очень реалистично трудилась Настя. Широко раздвинутые колени, томный взгляд и смычок, ритмично плавающий внизу живота, производили неизгладимое впечатление.

Кто видел виолончелисток, тот поймет.

В зале копилось напряжение. Чувства зрителей, приглашенных в качестве лабораторных свинок, сливались в единый фурункул, грозящий лопнуть. Задним числом было ясно: такова задумка гения Сани Паучка. Встряхнуть заплывших жирком ханжей, пробрать эпатажем до косточек, продраить шомполом вызова, зарядив напоследок порохом мещанского негодования: фитиль поднесен, пли! Для того и вертелись мушки-блошки, машки-таракашки, для того скакал кузнечик и мелькал смычок. Собираясь встать, подняться на сцену и утащить Настю за шкирку из сего притона, Галина Борисовна вдруг заметила у лесенки, неподалеку от дочери, знакомую фигуру. Ослиные уши, бубенцы, разноцветные джинсы с гульфиком: шут был тут как тут. Странно тихий, незаметный, он сидел в позе лотоса, чудовищно изогнувшись вопросительным знаком. Утомленный кузнечик на рампе искоса глянул на Пьеро и вдруг сбился с ритма. Булькнул горлом, испугав бабушку-пчелу; снова заработал было на сверхзадачу спектакля, но уже без вдохновения, косясь в адрес шута и давясь икотой.

Пьеро игнорировал саранчу.

Припав губами к гульфику, он старался вовсю.

Хмыкнули две блошки. Сбили строй канкана. Краска залила бледную мордашку Цокотухи; она споткнулась о краник самовара, скомкав фуэте. Гульфик шута стал расти: не по дням, не по часам — по секундам. Непонятно откуда во вздохи и музыку ввинтился лихой «Чижик-Пыжик» с придыханием. Дрогнула рука у Насти: Шаповал-младшая прислушалась, отвлекаясь от эротической псевдовиолончели. Гульфик

вырос до раблезианских размеров, затвердев. Шут продолжил; «Чижик-Пыжик» съехал в «Прекрасную мельничиху», смещаясь к восточным мотивам. Пьеро был откровенен, как собачья свадьба, бесстыж, как сатир в свите Диониса, увлечен, как бес при искушении схимника. Зал треснул нервными смешками. Сцена озарилась румянцем: помощник осветителя забыл убрать фильтры на левых выносах. Гульфик стоял наполеоновским гвардейцем при Ватерлоо. Спектакль вокруг него разваливался на глазах. Смешки переросли в откровенное хрюканье; засмущавшись, тараканы забились под диваны, козявочки — под лавочки, а красавица-бабочка, впав в транс, двинулась к шуту походкой зомби.

Гульфик лопнул.

Шут выпрямился, держа во рту блок-флейту. Машинально наигрывая «Заклинателя змей», обвел труппу, давно забывшую про интимное чаепитие, насмерть испуганным взглядом: ой, чего я натворил! Раскрутив пружиной «лотос», взлетел с места на поворотный круг, желая удрать от возмездия, но потерял равновесие — левая рука в поисках опоры ухватилась за кружева Мухи, сдергивая их с барышни.

Только худосочные блондинки умеют так визжать.

Испуг шута вырос до размеров, о которых треклятому гульфику было мечтать и мечтать. Дудя в блок-флейту, он кинулся прилаживать кружева к чахлому бюсту именинницы, желая исправить оплошность, но Муха резво увернулась, и кружево украсило медную грудь самовара. Бедняга Пьеро шарахнулся от тульского монстра, и тут копеечка под его кедами встала на ребро. Над рампой поплыл едкий аромат дуста. Насекомая братия брызнула врассыпную от бешеной копеечки, не желая кончить жизнь под этим болидом; шут отчаянно балансировал, размахивая руками, флейта завывала: «Спокойно, товарищи, все по местам!» — и прежде чем возмутитель спокойствия укатился прочь...

Как такие узкие джинсы могли свалиться, оставалось загадкой.

И тем не менее: свалились.

— Свет!— раздалось в партере. — Носорог, дай общий!

И был свет.

И был хохот зала над смущенной сценой.

Тощая задница шута мелькнула в кулисах, подобная ущербной луне.

* * *

Веселье, захлестнувшее фойе пять минут спустя, выглядело искренним, но странным. Даже мы, Третьи Лица, засомневались: лопнула связь времен? или просто аберрации бытия? «Чертова дюжина» зрителей, тринадцать «предков», мигом перезнакомившись между собой, заходились от искреннего смеха. Случайные свидетели присоединялись пачками. Кто-то сбегал за пивом. Кто-то угощал всех сигаретами. Кто-то собирался продолжить знакомство «У дяди Левы» в складчину, вспомнив студенческие годы.

— Моя-то, моя! Бабочка! Едва увидела и сразу: на огонь! В полымя!

— А мой? Коленками назад! Прыг ему! Скок ему! Хрен ему!

— Моя главная! Цокотуха! Думала: оно легко-то, за копеечку...

— А чья пухленькая? Со смычком?

— Братцы, правда: чей смычок? Я сперва купился, решил: взаправду играет!

— Со смычком — наша! Консерваторская, между прочим!

«Наша» топталась рядом с возбужденной матерью: единственная из труппы, осмелившаяся выйти к публике. За ее спиной безуспешно прятался шут — Пьеро хлопали по плечам, требовали снять штаны «на бис», поили «Монастырским» и по очереди мерили бейсболку с бубенцами. Обсуждалась возможность эротической постановки «Бибигона» силами родителей; папа премьер-таракана требовал роль индюка Брундуляка, утверждая, что все индюшки с галерки ахнут, едва он покажет им очень важную штуку. Честно говоря, поддавшись общему ажиотажу, мы сами прыгали вокруг, крича: «А наш! Наш-то!..» — и радуясь непонятно чему. Вот и проморгали момент, когда в калейдоскоп пива, дыма и улыбок ввинтилась бойкая дамочка из тех, кому всегда тридцать.

— Извините, — сказала дамочка, обращаясь к шуту, словно была с ним наедине в парковой беседке. — Я хотела поблагодарить вас. Это чудесный урок моим стервецам. Вы не согласитесь прийти к нам еще разок?

Пьеро дико замотал головой, рискуя остеохондрозом. Не возникало и тени сомнений: меньше всего он хочет приходить сюда еще раз. Но если обожаемая хозяйка велит сопровождать... конфликт желаний и долга... может, лучше пере-

сидеть в сортире, пока... а если прикажут?! Сложная гамма чувств столь явно отразилась на подвижном лице шута, что дамочка пришла в восторг.

— Разумеется, я не вправе настаивать. Настя, представь меня своему кавалеру.

Настя шагнула вперед:

— Саня, я лучше представлю тебя моей маме. Мама, знакомься: это художественный руководитель «ТРАХа» Александра Паучок.

Немой паузе, сковавшей маму, обзавидовался бы Качалов.

— Александра. Можно просто Саша или Саня.

— Галина Борисовна. Простите мое любопытство... Паучок — это прозвище?

— Нет. Фамилия. Думаю, вы знаете моего отца: Христофор Бенедиктович Паучок, главврач клиники косметической хирургии «Дориан Грей».

Стало ясно, откуда у Сани деньги на такой зал. Много влиятельных носов, убедительных ртов и знаменитых грудей вышло из «Дориана». Сама Шаповал в годину тяжких раздумий прикидывала: подтяжечка, то да се... Короче, не пора ли отдаться в ласковые руки Христофора Бенедиктовича.

Ага, значит, это его дочь...

— Мы попросим... э-э-э... мы с Настей попросим Пьеро как-нибудь заглянуть к вам снова. Хорошо, Сашенька?

— Конечно, Галина Борисовна. Кстати, буду рада видеть также и вас. Если что-то понадобится, звоните. Вот моя визитка.

Шаповал узнала типографию, печатавшую эти визитки.

ОККУЛЬТНОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Алистер Кроули, «наихудший человек в мире», как он сам называл себя, чернокнижник, фактический воспитатель целой плеяды немецких оккультистов, впоследствии снабжавших идеями Гитлера, — итак, он разработал собственную систему знаменитых карт Таро. Характерная деталь: старшей картой в его колоде являлся не Маг, а Шут, который, по мнению Кроули, символизировал «высшую беспечность» и отрешенность от земного. Мрачное шутовство было сутью натуры Кроули: например, однажды он изобрел благовоние для привлечения женщин, но у снадобья оказался побочный эффект — аромат привлекал заодно и лошадей, которые с ласковым ржанием бежали за магом.

От великого до смешного — полчаса рысью, о читатель.

Искренне твои Третьи Лица.

* * *

Позднее утро июля полыхало в окна зарей Армагеддона. Термоядерный реактор Солнца по экспоненте набирал мощность, выходя на режим форсажа, предшествующий взрыву сверхновой. Звезда возносилась к зениту, дабы оттуда уже в полной мере низвергнуть на оплот человечества всю ярость жесткого излучения. Экранирующий кокон атмосферы с трудом отражал лучевую атаку, едва успевая латать озоновые дыры, и спешно перераспределял защитные слои облаков для прикрытия наиболее уязвимых мест. Гидроресурсов атмосферы катастрофически не хватало, и свирепое светило беспрепятственно бомбардировало местность потоками фотонов. Но злодей Фатум явно вознамерился обрушить на дом нашей героини не только буйство космических стихий. И вот: ревет сирена входного шлюза, возвещая о вторжении пришельцев на суверенную территорию.

Забыв спросонья глянуть на мониторы внешних видеокамер, Галина Борисовна решительно, но опрометчиво распахнула дверь. От резкого движения, всколыхнувшего Мировой Эфир и вызвавшего спонтанную дефрагментацию колец Сатурна, расползлась гнилой парусиной ткань пространственно-временного континуума. Правда, связь времен распалась без особой уверенности, смешивая настоящее с будущим в некий футуристический коктейль, что в переводе с диалекта уроженцев Лямбды Уэллса, ежели кто не знает, означает «петушиный хвост».

Именно он и получился. Просим любить и не жаловаться.

Окинув взглядом воздвигшуюся на пороге троицу, Шаповал безошибочно определила в них квазигуманоидов. Базовый тип «Homo Sapiens», хотя насчет «Sapiens» имелись сомнения. Мнемоимпульс привычно активировал вживленный в мозжечок чип-коммуникатор, сбрасывая в альтер эго хозяйки файл «Универсального определителя рас Галактики». Замелькали лица, морды, рожи, хари, образины, — пока анализатор не создал набор голопроекций, соответствующий организмам на пороге.

Изрядно поношенная особь мужского пола являлась аборигеном Скважблера-2. Ошибка исключалась: трифокальные очки из рога реликтового гомункул-лося, дужка скреплена изолентой, двубортный скафандр прожжен на локтях, штиблеты с магнитными подошвами Сорочаевской фабрики «Масс-взуття». Нездоровый цвет эпидермиса и складчатость холки делали скважблерянина похожим на бульдога-мутанта из лабораторий злого доктора Павлова.

Бурно-рыжая молодящаяся самка в кожанке из шкуры псевдолошамота (это в июльскую-то жару!) принадлежала к секте коммуно-эсэсэрок с Феминиста Ясна-Сокола. Это подтверждали папироса в прокуренных протезах и значок на лацкане, где красовался Ясен-Сокол в детстве.

Ультрафиолет седин третьей особи в сочетании с флюоресцентным макияжем, а также огнь во взоре выдавали в ней песчаную демократицу с Вольного Радикала, астероида-бастарда из Хвоста Скорпиона.

«Пускать в жилой модуль нецелесообразно! Пускать в жилой модуль...» — предупреждающе завыл чип в мозжечке.

— Счастья в борьбе, — вежливо поздоровался скважблерянин. — Простите, вы — Настина мама?

Отрицать очевидное не имело смысла.

— В таком случае мы — к вам. Обсудить поведение вашей дочери.

Мрачная идиома «проведена разъяснительная беседа» всплыла в памяти без всякой помощи чипа. В прихожей запахло равенством, братством и трибуналом.

Скважблерянин элегантно шаркнул штиблетой:

— Берлович, Потап Алибекович. Потомственный инвалид, капитан-командор домкома. Переулок Ухогорлоносиков, улей 62-й.

— Прасковья Рюриковна, — величественно буркнула демократица.

— Л. Ярая, — коммуно-эсэсэрка пыхнула ядовитым дымом.

— Чем обязана?

— Мне неприятно быть дурным вестником, но общественность, знаете ли, вопиет! И в нашем лице вынуждена довести до вашего сведения, что поведение Анастасии перешло всяческие!

— Разумеется, мы свято чтим свободу личности и прочие завоевания, но ваша дочь, смею доложить, пользуется ими не по назначению, — не замедлила поддержать коллегу Прасковья Рюриковна, по-птичьи кося на хозяйку то одним, то другим глазом. Глаза были разного цвета: желтый и синий.

Лязг речевого аппарата коммуно-эсэсэрки выдавал в нем кибер-имплантант:

— Распустились! Распоясались! Как сознательный член общества, вы просто обязаны принять меры! Тарас Бульба вам в помощь!

Мать сдвинула брови, тая грозу. Самый справедливый упрек в адрес Настьки мог быть высказан вслух только одним человеком во Вселенной: любимой мамочкой. Всем остальным легче было бы живым вернуться из сердцевины пульсара, нежели... Кто позволил Л. Ярой скрипеть на ребенка? С детства недолюбливала киборгов: что природа дала, с тем и живи, а вышел срок — помирай как звали! Тем не менее первую вспышку раздражения удалось подавить, сосчитав до пяти в шестой степени, согласно рекомендациям Бескаравайнера.

— Чаша терпения улья переполнилась праведным!

— С тех пор как Анастасия поселилась в 148-й жилой ячейке, возмущениям популяции не видно конца. Вместе с бывшим муженьком и колонией прочих безответственных организмов она еженощно учиняла пьяные оргии, сопровождая их какофонией, превышавшей допустимый шумовой порог. Помимо этих демонстраций презрения к нуждам улья...

— Да здравствует мировая эволюция! — Л. Ярая конвульсивно разрубила рукой воздух, наводя на мысли об еще одном протезе. — И в этом контексте новый муж вашей дочери — вот истинное средоточие буржуазных пороков! А органы власти позорно бездействуют!

— Новый муж?! Вы в своем уме?!

— Вы что, не знали, что Анастасия снова вышла за?

Страсти в шлюзовой камере стремительно накалялись. Столбики индикаторов давления, температуры и напряженности пси-поля ринулись вверх, приближаясь к зловещей красной отметке. Бесшумно включилась сканирующая аппаратура: на втором этаже модуля умница Юра запустил систему дистант-контроля. Теперь он незримо присутствовал в шлюзе, следя за событиями. В арсенале Гарик спешно набирал код, разблокирующий сейф с активными средствами защиты.

— Поверьте, мы возликовали, когда этот жуткий мезальянс распался! Общественность улья была всецело на ее стороне. Безобразия прекратились, и ничто не омрачало нашу жизнь, пока... пока...

Косметика демократицы замигала серией сполохов, демонстрируя волнение.

— Пока Анастасия не привела это чудовище!

Следующие двадцать три с половиной секунды домком улья в ужасе взирал на Шаповал, умирающую от смеха.

— Какой он, к арапам, муж?! — выдавила наконец счастливая мать. — Он ее шут!

* * *

Видимо, здоровый смех пошел реальности на пользу. Рваный парус бытия срочно латал дыры, восстанавливая связь времен, — однако суть конфликта от этого не изменилась ни на йоту.

— Именно шут гороховый! — вполне человечьим голосом фыркнула Л. Ярая.

Прасковья Рюриковна поджала губы, отчего рот стал похож на куриную гузку.

— Мой тоже... тот еще клоун. Особенно когда злоупотребит. Но даже в нетрезвом виде он себе подобного не позволяет! Знает, подлец, каковы средства демократического воздействия! А ваша дочь, извините... Мало того, что смотрит на художества благоверного сквозь пальцы, так еще и потакает ему!

— Да поймите вы наконец, он действительно шут! По контракту. — Терпение подходило к концу, грозя свалиться в пропасть скандала.

— Слыхали про ваши брачные контракты! Извращения толстосумов! Глумиться над трудящимися — это у него в контракте записано?!

— В последний раз говорю вам: шут он!!!

Неизвестно, был ли знаком домкому английский, но на слова *«Shoot on!»* гости отреагировали единодушно.

— Ах, так они еще и не расписаны?! Разврат!

— Нет таких законов, чтоб из людей шутов делать и на соседей натравливать!

— Вам необходимо поговорить со своей!

— Кашалоты империализма! Зажрались! Что дочка, что мамаша — яблоко от груши недалеко...

— В исполком! В газеты! В бога душу мать!..

— Найдем управу!

— И на ирода с бубенцом, и на шлюшку его!

— Вон! Вон отсюда немедленно!!! Чтоб ноги вашей!.. Я на вас в суд подам за оскорбление! До конца дней не расплатитесь!

Последний вопль хозяйки, страшной в гневе, возымел поистине волшебное действие. Вся троица во главе с капитан-командором Берловичем вылетела на улицу со скоростью плевка, когда в рот попадает какая-то гадость. И лишь оттуда, сочтя себя в общественном месте, а значит — в родной стихии, ревнители нравственности продолжили дискуссию.

— В суд она! Нет, слышали: в суд она! — орал потомственный инвалид, возбудившись до временной потери нетрудоспособности. — А судьи кто?!

— Думают, если у них денег куры не клюют, так им все хиханьки!

Из окна второго этажа, укрытый масксетью шторы, за скандалистами наблюдал Юрочка. Впрочем, судя по гримасе будущего светила юриспруденции, словесный понос домкома, как выразился бы Потап Алибекович, был ему глубоко до. Интерес юноши крылся в другой, хотя и смежной области. На дисплее Юрочкиного компьютера светился фрагмент статьи некоего Заоградина М.А., опубликованной семь лет назад в историко-культурологическом сборнике «Север-Юг»:

ШУТЫ — СТРАННИКИ СУДЬБЫ

«Со времен античности «дурак» был спутником королей. Фактически он заменяет короля в ритуальных жертвоприношениях в качестве козла отпущения; король символизирует Закон и Порядок, шут — Хаос. Единство противоположностей? Исследуя архетипы различных народов, Карл Юнг сказал поразительную вещь: «У всех народов есть архетипы Правителя и Шута, но только в России они настолько близки, что я не удивлюсь, если когда-нибудь властителем тут станет Шут». В истории гадательных карт Джокер, иначе Шут, видоизменялся много раз. Истинное его предназначение связано

с тем моментом, когда он был старшим Храма Постоянства; в задачу Шута входило напоминание о том, что все незыблемо и неизменно. Именно поэтому через много этапов развития карт Джокер выделился в четыре Валета четырех сторон света — и в две карты, символы противоположностей. От места его расположения в колоде зависит, как в целом сложится новый хаос трех уровней: прошлое, настоящее, будущее.

М.М. Бахтин говорил:

«Само бытие этих фигур — шут или дурак — имеет не прямое, а *переносное значение*: самая наружность их, все, что они делают и говорят, имеет не прямое и непосредственное значение, а переносное, иногда обратное, их нельзя понимать буквально, они не есть то, чем они являются; в-третьих, наконец, — и это опять вытекает из предшествующего, — их бытие является отражением какого-то другого бытия, притом не прямым отражением. Это — лицедеи жизни, их бытие совпадает с их ролью, и вне этой роли они вообще не существуют».

Задумаемся и содрогнемся от сладкого ужаса, вдруг осознав, каково оно: когда бытие совпадает с ролью — являясь при этом отражением какого-то другого бытия?! Я оставляю решать вам, является ли Шут глупцом, который не смотрит, куда идет, и вследствие этого сорвется в пропасть, — или это человек, чья вера столь велика, что он готов сделать решительный шаг, не задаваясь вопросом о последствиях. В любом случае он спокойно и весело идет навстречу своей судьбе.

Сможете ли сделать то же самое вы?..»

— ...ешь ананасы! Ешь! Грядет день последний!..

— Растление!

— Позор!

— Ну ты, Вован, смотри! — басовитым дуэтом донеслось вдруг от соседского дома. — Мы тебя предупредили. Дело твое, но пацаны не поймут...

Из ворот, пятясь, выкатились две бритые тыквы в спортивных штанах. Следом на волне собачьего рыка в мир выплеснулся помидорно-пунцовый Вован. В каждой ручище он держал по поводку. С левого рвался оскаленный Баскервиль (наконец-то псина соответствовала запросам хозяина!), на правом же бесновался и заливался утробным лаем шут.

На активистов домкома снизошел столбняк.

— Пацаны поймут! Пацаны все правильно поймут! — ревел Вован бугаем-производителем. — Если это правильные пацаны! Вы че, грузить мне вздумали?! Кого хочу, того и завожу! Сечете?!

— Вован, наше дело маленькое. Предупредили и разбежались. Дальше сам прикидывай. Только не для протокола, а от сердца: отдай козла, где взял. Не позорься. И все путем будет.

Гора клыков, кулаков и бешенства нависла над «двумя-из-ларца».

— А у меня и так все путем! Вы, блин, сперва узнайте, кого себе Кузявый завел! Тогда и потолкуем!

— Кузявый? Гонишь, Вован!

— Я гоню?! Нет, я гоню?! Фильтруй базар, Штымп!

Продышавшись, Прасковья Рюриковна не замедлила выступить на защиту попранных прав:

— Мужчина, что вы себе позволяете?! Немедленно отпустите этого человека! А вам, гражданин, как не стыдно?! Как вы можете терпеть подобное издевательство?! Снимите ошейник, я вам говорю!

Однако результатом страстной речи явилось лишь то, что шут радостно залаял уже в сторону домкомовцев, а обе тыквы с Вованом наконец заметили активистов.

— Завидно, толстая? Да?! Ему, значит, пайка полагается, а тебе хрен? И вообще, чего вы у Галкиной хаты третесь? Эй, Галчонок, ты дома?! К тебе тут пришли...

— Ушли, — перебила Шаповал, объявляясь на крыльце. — Ушли, да не совсем. Наезжать приходили. Насчет Настиного шута.

— Эти мухоморы?! Наезжать?! — искренне изумился Вован. И вдруг принялся ржать наипохабнейшим образом, тыча пальцем то в пацанов-близнецов, то в оскорбленный домком. — Ой! Сдохну, не встану! Умора! Три сапога пара!.. Братва, вот вам группа поддержки! Кореша! Тоже наезжать... за шута!.. Ой, не могу...

Поле битвы осталось за клиентами «Шутихи».

Галина Борисовна еще стояла на крыльце, когда рядом объявился Гарик, а вслед за мужем — и напряженный, задумчивый сын. Семья молча глядела на опустевшую улицу, невольно придвигаясь ближе друг к другу.

— Интересно, а где они наш адрес раздобыли? — ни к кому конкретно не обращаясь, бросил Юра.

* * *

— ...да, заходили. Полчаса назад. Эти твои... Соседи.

— Боже мой, мама, как они меня достали...

— Настя! Настя, почему ты молчишь? Ты плачешь?!

— Нет, мама. Я не плачу. Я смеюсь. В последнее время я чаще смеюсь...

— Я сейчас соберу вещи и приеду.

— Какие вещи, мама? Зачем?

— Поживу у тебя. Неделю, может, две. Пока не образуется.

— Мама... у меня тесно. Ты не привыкла...

— Глупости! Ты думаешь, мы с папой в хоромах родились?

— А как папа? Он, наверное, разучился один...

— Папа сказал, чтоб я немедленно ехала. Что он не один. Что он с Юриком Игоревичем. И что ты — круглая дура, но он тебя очень любит.

— Мама... это очень хорошо, что ты приедешь.

— Конечно, хорошо. И пусть домком посмеет хоть полслова вякнуть! Мы с тобой будем в одной комнате спать, а этот, твой... Короче, он в другой. И все будет отлично!

— Мы будем спать каждая в своей комнате. Пьеро ночует в коридоре, на коврике. Или на кухне. Он говорит, на кухне хорошо. Там едой пахнет.

— Настя, ты с ума сошла! Он простудится! Заболеет! Ты читала контракт? В случае болезни шута...

— Я ему говорила, мама. А он ни в какую. На коврике, и все, хоть тресни. Приезжай, мама...

— Мирон уже сигналит. Люблю-целую!

— Приезжай...

ПЕСЕНКА ЗА КАДРОМ

(Пока ветер, притворяясь спаниелем, гонит пыль по асфальту...)

От чего умирают шуты?
От обиды, петли и саркомы,
От ножа,
От презренья знакомых,
От упавшей с небес темноты.

От чего умирают шуты?
От слепого вниманья Фортуны.
Рвутся нервы, как дряхлые струны,
Рвутся жизней гнилые холсты.

От чего умирают шуты?
От смертельного яда в кефире,
От тоски,
От бодяги в эфире,
От скотов, перешедших на «ты»,

Оттого, что увяли цветы,
Оттого, что становится поздно
Длить себя.
Умирают серьезно,
Лбом в опилки,
Как падают звезды...
А живут — а живут, как шуты.

Часть III

ШУТКИ В СТОРОНУ, ИЛИ КВАРЕНЗИМА НЕ ПРОЙДЕТ

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

«УБОГИЙ ЗА ПАЗУХОЙ»

Дивный аромат. Мелодичное шкворчание в соль-мажоре. Это яичница. Она жарится.

Колокольный перезвон. Сладкий, малиновый. Это посуда. Она дребезжит.

Сонет Шекспира «Увы, мой стих не блещет новизной...» на мотив «Каким ты был, таким ты и остался». Смех. Это Пьеро и Настя.

Они веселятся.

Кто-то шепчет о прелестях сна. Пуховых, мягчайших.

Это древний грек Морфей. Он в ампулах.

— Мама, вставай, на работу опоздаешь!

Ушат ледяного счастья рухнул на сердце: ребенок давно на ногах и занят общественно полезной деятельностью. Это Настя-то! Которая, если не разбудить ее пинками, дрыхнет до полудня! Попытка припомнить, бывало ли, чтобы дочь вставала раньше матери, увенчалась крахом. Что ж, все однажды случается впервые, как утверждал Гарик, пытаясь совладать с забитым унитазом.

Утро выдалось чудно́е, пряча за пазухой гранату сюрпризов. Гороскоп понедельника обещал «наведение порядка в делах своих и там, где не просят». На карнизе, норовя клюнуть друг дружку в глаз, насмерть схватились два голубя, озверевших с голодухи. Один серый, другой белый. Два веселых птица. Это, как общеизвестно, ворон ворону глаз не выклюет, а голубь голубю — запросто! Отдав должное агрессивности символов мира, Шаповал подошла к окну. Спугнула пернатых забияк, оперлась о подоконник. Во дворе обнаружилась знакомая и оттого вдвойне гадкая личность: потомственный инвалид Берлович собственной нетрудоспособной персоной. Потап Алибекович, трагически заломив бровь, внимал кузнечику-человечеку с патологически гладкой, как бильярдный шар, прической. Общий силуэт кузнечика показался смутно знакомым, но когда, на миг отвлекшись, женщина вновь глянула в окно, инвалид уже пребывал в одиночестве. Зато с ветки клена напротив в ожидании подачки требовательно ворковали два одноглазых голубка с черными пиратскими повязками.

«Кажется, я еще сплю!»

Сновидица решительно протерла глаза. Голуби, курлыкнув «Пиастр-р-ры!», с шумом взяли курс на Ямайку, а Берлович двинулся на покорение ближайшей скамейки.

Уже в ванной пришло на ум, кого напоминал быстро ускакавший кузнечик чужого счастья: клерка из «Шутихи». Впрочем, вопрос «А был ли мальчик?» остался без ответа. Зато яичница удалась на славу. Тугие, упругие солнышки желтков, голландское кружево белка, хруст шкварок, укроп-кинза, сочный болгарин-перец и кровавые ломтики томатов — пальчики оближешь! Мама постеснялась, а дочь таки облизала. Выяснить, кто творец сего чуда, не удалось: шут с Настей валяли ваньку, кивая друг на друга, словно партизаны на допросе. Потом открыли банку печеночно-ливерного паштета «Прометей», и допрос угас сам собой.

Кофе, сваренный в джезве, с густой пенкой, имбирем и черным перцем, искушал призраком второй чашки. Очень хотелось поболтать о пустяках. Обсудить чей-нибудь фасон платья, всласть позлословить насчет добрых знакомых... Даже присутствие Пьеро раздражало слабо: так зудит ночью одинокий комар, но лень вставать из-под одеяла. Увы, труба звала. Колола золотым шилом: без тебя отлаженный механизм «Фефелы» заржавеет, застопорится и пойдет в разнос! «Ре-Майоры» и «Доминанты» подавятся бумагой, печатники запьют горькую, художники учинят Вальпургиеву ночь с творческим участием Ангелины Чортыло и девочек-верстальщиц, макетчики станут сутками напролом резаться в «Героев меча и орала», главбух с замом украдут все деньги, поделят и смоются на попутной галере в Трапезунд, а котельщик Еремеич заснет на боевом посту, придав офису ускорение для выхода на орбиту...

— Мам, я провожу тебя к машине!

— Почту за честь, тетушка! Мы шли под Одессу, а вышли к Херсону, в засаду попался отряд!..

Как в воду глядел, паяц чертов! В засаду угодили, едва ус-

пев выйти из подъезда. Зря, что ли, Берлович занял главенствующую над двором высотку?

— Полюбуйтесь! Молодежь! Современная! Мы в их годы, понимаешь! С киркой! С кайлом! Во имя!

Знаки восклицания частоколом торчали в монологе потомственного инвалида.

— А они?! С жиру бесятся! Смехачей себе покупают! Измываются над ними! А те — над нами! И мать ее...

На этих словах оратор сбился с мысли. Язык сам собой свернул в привычную колею, но глава домкома быстро восстановил контроль над предательским органом.

— И мамаша ейная! Поощряет! А вы что вытаращился, молодой человек?! На вас же дети! Какой вы пример им?! Где ваше человеческое?! Где?!

Торнадо дворового скандала стремительно вовлекал в свою воронку все новые действующие лица. Мы же, как Лица Третьи, а потому бездействующие, сочли за благо не вовлекаться. Спрятавшись в беседке, мы наблюдали за развитием событий.

На вопли Берловича начали оборачиваться доминошники, оккупировавшие с утра пораньше любимый столик. Парламент старушек навострил уши с самого начала; теперь ушлые леди старались не пропустить ни слова. Замер с поднятой ногой шкандыбающий за пивом похмельный баобаб, морщась от громких звуков. На лице его отобразилась натужная работа мысли: залитые портвейном извилины отсырели. Что делать? Кто виноват? Какого хрена орут?!

Вечные вопросы нашей интеллигенции...

Даже дети прекратили возводить в песочнице Замок Элли, Королевы Людоедов, и самый маленький карапуз осведомился:

— Сиво дядя так клицит? Дяде больно? Дядю кусили в попу?!

Мать и дочь обменялись взглядами: кто даст суровую отповедь этой ошибке природы? Но шут опередил обеих. Он вдруг сел прямо на асфальт и заплакал. Всхлипывая, содрогаясь всем телом, размазывая слезы по щекам и нисколько не стесняясь рыданий. Вот так запросто сидел и плакал между двумя оторопелыми женщинами.

Искренне.

Честно.

Утирая замурзанную рожу бейсболкой.

— Вот, вот!.. — заперхал, клокоча горлом, Потап Алибекович. — Видите? Довели человека...

— Окстись, Альбекыч! — поджала губы одна из старушек, в мятом пыльнике и оренбургском пуховом платке (видать, мерзла даже в июле). — Ты ж его и довел, болезного!

— Вертухай поганый! Стукач! Наел харю-то, стрелок ворошиловский!.. — Похоже, вторая леди когда-то строила Беломорканал. — С кайлом он! С хайлом он!

— Ирод языкатый! Сколопендру со свету сживет, аспид!

— Точно! Меня вчерась уличал: ты, грит, Мосевна, бандерша и самогоноварильщица! Тюрьма по тебе, грит, плачет! А сам намекает: отлей, мол, литру! Я т-те отолью! Ужо отолью на анализы!

Загудела, заворчала грозовой тучей вольница доминошников. Нахмурились усатые лыцари; из-под бровей колючки недобрые — скуси патрон! пли! Съежился, злыдень? усох?! пнем трухлявым решил прикинуться, чтоб пронесло?! Ох, пронесет, так пронесет, что месяц с очка не слезешь! Уж и слово кто-то бросил: «Хлопцы, забьем козла?» Непонятно бросил, двусмысленно. Поднялся из-за стола, оправив седой чуб, полковник Перебыйнос. Цыгарку недокуренную в кулаке скомкал.

Харкнул под ноги:

— Пошто шутейку в слезы вогнал, змий подколодный? Пошто честных баб на людях срамишь, окаянец? Заткнул бы пельку, опудало брехливое, не позорил двора. Не то, гляди, осерчаем...

И кашлянул басом, со значением.

Детвора тут как тут:

— Дядя клоун, не плачь!

— Дядя клоун, он дурной! Он на всех ругается!

— Берлович — дуракович! Берляк — дурак! Берляк...

— ...получит в пятак!

— Не плакай, клован. На кафетку. Вку-у-усная!..

А похмельный баобаб, завязав с вопросами интеллигенции, шагнул к рупору нравственности. Будто по ниточке шел, родимый. Будто младой поручик на плацу. Взял за впалые грудки, с явственным скрипом вознес в эмпиреи. Дыхнул перегаром:

— Шо, бляха-муха? На убогого вякать, да? Ты на меня вякни, мухомор! Расплодилось вас, бактериев...

Разжал пальцы и, мрачно следя за бегством Берловича, велел:

— Ты, убогий, меня жди. Не уходи никуда. Я пива притараню...

Кативший мимо тележку с фруктами лоточник Реваз остановился, утер шуту слезы передником и извлек три тяжелые грозди: «кардинал», «кишмиш» и «дамские пальчики».

— Кюшай, дарагой, да? Витамин-шмитамин, да? Сам ешь, гурия корми, детишка корми! Палахой чилавэк слушай нэ нада, дядя Реваз слушай нада! Реваз слушай, «дамский пальчик» кушай! Вай, сладкий, вай, полезный! А станет палахой чилавэк собака гавкать — скажи дядя Реваз, да? Зарэжу, клянусь мама! Требуха наружу, сэрдце на шашлык!

Золотозубая улыбка лоточника говорила: шутка — ложь, да в ней намек! Разумеется, все прекрасно знали, что общий знакомец и любимец Реваз никого резать не будет. Ну, дом поджечь, любимого пса освежевать, в «витамин-шмитамин» цианистого калию впрыснуть — это еще куда ни шло, а резать зачем? Сказать двоюродному брату Шамилю, сыну тети Мириам, он и так застрелит, кого укажут...

Торнадо угасал, всосав сам себя, как Вездесос из мультика «Yellow Submarine». Пьеро, вертясь на асфальте, уже строил рожи хохочущей детворе, от стола доминошников, словно от погоста восставших мертвецов, гремел стук костей, завершившийся воплем, достойным капитана Ахава при виде Белого Кита: «Рыба!» — а Шаповал взирала на реанимированную идиллию с тихим изумлением. Сейчас был тот редкий момент, когда, глядя на шута, она не испытывала раздражения. Очень хотелось понять. Узнать правду. Минуту назад этот неприятный человек плакал навзрыд, и вот — веселится вместе с ребятней. Притворялся? В конце концов, он — профессионал: кривляка, притворщик, фигляр... Но *когда* он притворялся? Раньше, в слезах, — или теперь, смеясь?!

Или — *никогда*?!

Допустить последнее означало сойти с ума.

Только сейчас, машинально утирая слезы, почувствовалось: глаза устали. Вот и слезятся. Двор еще секунду назад был ужасно ярким. Невозможно. Ослепительно. Сверкали ветки акаций и кленов, словно их увешали серпантином и китайскими фонариками. Нос баобаба-утешителя: царский пурпур. Глаза бабушек у подъездов: огонь в печи. Гроздья дареного винограда: лиловый отлив, дымчатый топаз, легкий изумруд.

Золото во рту Реваза. Фейерверк детских шорт и маечек. Белизна чуба полковничьего: снег вершин. Очень яркий случился двор. Даже страшно. Только у кочегарки, бессмысленной летом, из-за которой выглядывал Берлович в изгнании, топорщились какие-то серые и грязно-коричневые нитки, лохматясь на концах острыми, опасными заусенцами. Странная прореха зияла во дворе, медленно зарастая. Глаза б ее не видели.

Вот и не видели. Слезились.

То ли от яркого, то ли от тусклого; не поймешь, от чего именно.

Ах да. Еще у прорехи стояла старуха. Чужая. Худая. Сплетенная из колючей проволоки этих нитей. Молчаливая, тихая старуха. Пристально изучая двух женщин и шута. При беглом взгляде на нее желудок схватывало влажной, холодной пятерней: очень хотелось есть. Будто и не завтракали. Яичницу бы!.. яркую: белок, желток, томаты, кинза...

Потом старуха ушла.

ЛЕГЕНДАРНОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

У Александра III был личный горбун — шут Ульян, который колобродился в столице, учиняя разные непристойности и пакости. С Ульяном император и пьянствовал, а тот учил Александра III через рюмку в зеркале узнавать свою судьбу. Враги императора утопили горбуна, после чего, лишившись единственного верного друга, Александр III запил не на шутку. Пьяному ему являлся Ульян, и они снова беседовали. А придворные показывали на дверь, за которой пил император: «Опять ушел искать горбатого...»

Поищем горбатого, о друг наш читатель?

Искренне твои Третьи Лица.

* * *

Ручеек Малой Ильфо-Петровской свернул раз, другой, светофор дал зеленую отмашку, и полноводная река Героев Цензуры унесла лоснящегося котика в направлении родной гавани «Фефелы КПК». Старый морской волк Мирон, оглаживая бородку-шкиперку и попыхивая трубкой-носогрейкой, властно сжимал штурвал. Выходил из-за острова на стрежень, лавируя кормой: день выдался на редкость судоход-

ным. Ни сигналы штормового предупреждения, ни бортовая качка, ни гудки встречных кораблей не могли смутить капитана. А на примету: «Женщина на борту к беде!» — он давно положил мертвый якорь. Это смотря какая женщина, какой борт и какая беда. Иной мужик куда бедовее бабы выходит. Взойдет на палубу, она, глядишь, и треснет.

От омерзения.

— Лево руля! Баклана задавишь! — подал голос с заднего сиденья юнга Пьеро.

Капитан и брюхом не повел. Юнга впервые в плавании, а с салаги — какой спрос? Зато владелица судна, суперкарго Шаповал, вертелась на мостике, тщетно пытаясь уразуметь: зачем она потащила с собой этого клоуна? Жалко стало, наверное. Анастасия, отбывшая в кратковременный круиз до консерватории и обратно, брать шута не захотела. Сказала: думает зайти в секретариат, насчет восстановления, а это дело нешуточное. Пьеро разом превратился в побитую собачонку, скулил и куксился — в итоге жалость змеей проникла в стальное сердце Галины Борисовны. В чем она уже начинала раскаиваться.

Мирон лихо отдал швартовы, приглашая хозяйку сойти на твердь причала. Шут озорным бесенком выпрыгнул следом:

— Р-р-равняйсь! ГБ-воевода дозором обходит владенья свои!

Из окон «Фефелы» высунулись сотрудники. «Перебарщивает, подхалим», — про себя отметила «воевода», ожидая привычного раздражения, как ждут застарелую зубную боль. Но боль медлила. Так, общее недовольство: всегда неуютно чувствовала себя под обстрелом десятков глаз. Даже в детстве, когда мама ставила на табурет, умоляя прочесть гостям отрывок из Баркова, — старалась сбежать в ванную.

Вот и сейчас: нырнула в офис.

Депутация явилась в кабинет ровно через семь минут тридцать девять секунд. Состояла депутация из людей солидных, можно сказать, столпов общества: Первопечатник Федоров, Рваное Очко и бутылка коньяка «Ахтамар». Бутылку друзья-антагонисты держали в четыре руки, не решаясь доверить кому-то одному сокровище Армении. Из-за коньяка выглядывал художник Ондрий Кобеляка, следом угадывались глазастые верстальщицы... Как все ходоки помещались в дверях, оставалось тайной пещеры Лихтвейса.

— Извините, Галиночка Борисовна...

— Мы тут хотели...

— ...поблагодарить! Спасителя!

— Мы понимаем, в рабочее время...

— ...не положено!

— Мы только вручим...

Прежде чем удалось сообразить, о ком идет речь, Пьеро ввинтился в толпу.

— Ах, я в ажитации! У меня волнуется грудь! — Шут принялся с хрустом заламывать руки. — Скромность борется в моей печени со справедливым признанием моих многочисленных заслуг! Ибо всегда готов подставить плечо, бедро или другую часть тела...

— Ну вас в пень! — прервала этот монолог хозяйка. — Живо в коридор! Там и вручайте, шут с вами...

Депутация во главе с Пьеро радостно вывалила в коридор, откуда донесся торжествующий вопль Кобеляки: «Братан, тебе в дизайнеры надо! Клиент электросвинью увидел — тираж втрое увеличил! Понял?!» И щебет девочек: «Ой, лапочка! Ой, прелесть!..»

«Лапочка, значит. Прелесть. Чип и Дейл в одном флаконе. А я, злыдня, дыроколом в него. В лапочку. В братана-дизайнера».

Противоречивые чувства терзали душу: стая гарпий, волчий шабаш. Безумный сплав злости и благодарности, раздражения и покоя, недоумения и веселой бесшабашности... Во рту пересохло, рука сама потянулась к непочатой бутыли «Ночей Клеопатры».

Зеленая крышечка свое дело знала туго. Вот она провернулась на пол-оборота, вот еще на четверть... «Ночи...» вспенились, толщу воды прострочили трассеры пузырьков; минералка забурлила, скапливаясь вверху сотнями жадных водоворотиков. Галина Борисовна заторопилась, желая открыть бутыль раньше, чем вода, полезная при хронических гастритах, под давлением хлынет в щели, обдав дерзкую потребительницу дождем, — но крышечка сама вырвалась из рук, царевной-лягушкой взлетев к потолку. Наружу, корежа пластик, восстал пузырчатый армагеддон, темнея и наливаясь удивительной дымчатостью. Клочья его, источая дьявольский аромат сигарет «Ligeros» пополам с гашишем, оккупировали помещение, заставляя связь времен чихать и тереть ладонями слезящиеся глаза. Мрак сгущался. Тьма, пришедшая с Мертвого моря, накрыла любимый кабинет. Исчезли

обои с изображением альпийского луга зимой, офисная мебель «под дуб мореный», стенд с образцами продукции, — пропал центр «Фефелы КПК», пропал, как и не существовал на свете.

Взамен проявилось чудное: златотканые ковры облепили стены, циновки, искусно сплетенные умельцами Магриба, раскинулись по полу, уподобясь нубийским наложницам, искусным в любви, и морды львов оскалились с подлокотников трона. Экран монитора покрылся инкрустацией из сердолика и яшмы. Обратившись в кувшин, «Ночи Клеопатры» волчком вертелись у двери, вознесшейся до небес, а рядом с кувшином стоял джинн.

Великий и страшный видом.

— Освободи меня, о губернатор Перепелица, любимец Аллаха, властный заточать гневных! — закричал он, отчего кабинет заходил ходуном, словно корабль в бурном море. — Прибегаю к твоей помощи и покровительству!

— Губернатор в командировке, — ответила Шаповал, пятясь к трону.

Тогда джинн воскликнул:

— Я прибегаю к тебе, о мэр Аль-Бабец по прозвищу Чистые Руки, меч возмездия!

— Мэр у себя, принимает делегацию шейхов из города-побратима Багдада, — был ответ.

Налившись дурной кровью, джинн вскинул руки и возопил:

— Кто же, кто освободил меня из темницы, где сижу я так долго?

— Я, — удрученно сообщила хозяйка «Фефелы».

— Радуйся, о несчастная! Ибо провел я в темнице сто лет, сказав в своем сердце: всякому, кто освободит меня, я позволю строить дворцы из материалов облицовочных и декоративно-отделочных, не прошедших сертификации на горючесть! Но никто не пришел дать мне волю. И минула другая сотня лет, и я сказал: всякого, кто меня освободит, я избавлю от необходимости иметь технические средства оповещения и эвакуации при пожаре, как-то: световые, звуковые, речевые и комбинированные! Но никто не освободил меня. И тогда я разгневался сильным гневом, сказав: всякого, кто освободит меня, я заставлю уплатить штраф размером с гору Каф за несоблюдение норм пожарной безопасности, будь он самим

Сулейманом ибн-Даудом, мир с ними обоими! Так что радуйся и готовь золото, шелк и изумруды.

Галина Борисовна вздохнула, прекратив дозволенные речи и готовясь перейти к недозволенным. Ибо стоял пред ней не кто иной, как ифрит злокозненный и марид беспощадный, Мустафа ибн-Абдулла Хвостопад, взявший для удобства материнскую фамилию. Отец его, Абдулла Насер-Пехлеви из рода Красных царей джиннов, в давние времена бежал от уголовно-политических интриг, покинув родной Нахуллобад и закончив на чужбине институт с варварским, но хлебным названием ПБ МВД. Сын беглого царевича Абдуллы, хитроумный Мустафа, полгода назад с помощью бранных подвигов и подкупа завоевал титул начальника городской пожарной инспекции — и теперь возмещал убытки. Его надзорно-профилактическая деятельность катилась по городу асфальтовым катком, оставляя за собой причитания вдов и слезы сирот. Отныне он властвовал над дружинами огнеборцев и поборников, числом двадцать четыре рати, в каждой из которых было две дюжины бойцов, каждый из которых властвовал над двумя дюжинами помощников, каждый из которых властвовал над двумя дюжинами шайтанов, каждый из которых нес горожанам двадцать две дюжины бед, боясь ослушаться владыку. Районные джинны-инспектора, стыдливо пряча глаза и банковские счета, разводили крыльями: увы! Все старые договоренности пошли прахом. Милосердие было чуждо злодею — джинн взимал полной горстью.

Гореть бы ему ясным пламенем, да должность не позволяла.

Тем временем Мустафа прошел к дивану, опустившись на него всей тушей. Взвизгнули йеменские пружины, застонала машрафийская кожа.

— Кофе! — приказал он. — Крепкий и черный!

— Сей минут, о мой шах и мат! — ответили из-под дивана. — Будет как у раба-эфиопа: крепкий и черный!

Оцепенев от ужаса, Шаповал смотрела, как между ногами могущественного джинна вылезает на свет божий Настькин мерзавец. Который по всем признакам должен был процветать в коридоре. Впрочем, Мустафа тоже был изрядно потрясен, по какой причине и дал шуту вылезти до конца. Стало ясно, что теперь золотом, шелком и изумрудами не отделаться. «Семьсот мулов, груженных драгоценными тканями, — лихорадочно прикидывала несчастная, — десять тысяч

невольниц, обученных плясать и сводить с ума... Что еще? А этому сыну ослицы, Иблис сожри его колпак, велю отрезать зебб, после чего продам жестоким саклабам с реки Утиль для глумливой потехи!..» Снисхождения ждать не приходилось. Все три типографии располагались в разных районах: на островах Вак-Вак, где на ветвях деревьев растут головы журналистов, всяк час славящие законно избранного падишаха, в Магрибе, стране злых колдунов, знатоков тайны отчуждения недвижимого и движимого имущества, а также в Ущелье Гога-де-Магога, где ежечасно сходятся с грохотом интересы фракций, готовые раздавить всякого случайного попутчика. Разумеется, нормы пожарной безопасности во всех трех случаях сводились к возложению надежд на Аллаха, милостивого и милосердного, — но беззаконный Мустафа, увы, не принадлежал к правоверным джиннам.

Сейчас он буравил взглядом наглеца, распростертого во прахе.

Странно: в пылающих очах джинна пробивалось нечто, трудно описуемое словами, если только вы не поэт, награжденный даром делать пустяк центром мироздания. Ближе всего к пониманию взора Мустафы подобрался один араб из бедуинов пустыни, сказавший: «Печаль моя светла...» — но тонкого душой араба убил белокурый гяур-фаранги, а мы, увы, не обладаем даром песнопевцев.

Джинн смотрел.

Джинн молчал.

— Развесели меня, шут, — наконец сказал Мустафа Хвостопад, и голос его предательски дрогнул.

— О могучий! — радостно откликнулся Пьеро, извиваясь на полу. — О царь нашего времени! Дозволь рабу твоему усладить слух господина песнью, восхваляющей деяния великого Мустафы! И сердце твое преисполнится гордостью за поступки, навек оставшиеся в памяти народной!

Проворные руки ударили в бейсболку, как в бубен.

— Внимай моей касыде о великой брани меж владыками джиннов!

Мустафа откинулся на спинку дивана, согласный внимать.

А Шаповал отчетливо поняла, что возможность договориться по-хорошему накрывается медной лампой.

КАСЫДА О ВЕЛИКОЙ БРАНИ

Нет, не зверь ревет в берлоге, словно трагик в эпилоге,
Одичав в изящном слоге, впереди планеты всей, —

То, колебля дол пологий, собирает в ларь налоги
Городской инспектор строгий, злобный джинн Саддам Хусейн!

Будь ты молодец иль дама, будь инвестор из Потсдама,
Нет спасенья от Саддама, дикий гуль он во плоти,

Говорят, что далай-лама, филиал открывши храма,
Отчисленья с фимиама — весь в слезах! — а заплатил!

Знай, предприниматель частный, если хочешь быть
несчастный, —
Целой прибылью иль частью, но сокрой ты свой доход,

И к тебе ближайшим часом, с полной гнева адской чашей,
Покарать за грех тягчайший джинн с подручными придет!

Но, на радость одержимым, есть управа и на джинна, —
О сказитель, расскажи нам, как был посрамлен Саддам?

Кто сказал ему: «Мы живы!», кто сказал ему: «Вы лживы!»,
Кто изрек в сетях наживы: «Мне отмщенье. Аз воздам!»?

Славу меж людьми стяжавши, горинспекция пожарных
Испытала джинна жало: обобрать он их решил!

К ним, забыв про стыд и жалость, он пришел, пылая жаром:
Мол, налогов вы бежали — заплати и не греши!

Завтра утром, в жажде мести, главный городской брандмейстер
Объявился в темном месте, где сидел злодей Саддам,

И печатью, честь по чести, двери кабинетов вместе
С туалетом он, хоть тресни, опечатал навсегда.

Он воскликнул: «Вы грешите! Где у вас огнетушитель?
Плюс розетки поспешите обесточить, дети зла!

Ты, язви тя в душу шило, просто злостный нарушитель!
Думал, все тут крыто-шито? Отвечай-ка за козла!»

Джинн застыл в сетях обмана, под печатью Сулеймана,
Думал, жизнь как с неба манна, оказалось — купорос,

И сказал: «Герой романа, что делить нам два кармана?
Я, блин, был в плену дурмана. Подобру решим вопрос?»

С той поры узнали люди: не неси налог на блюде!
От Саддама не убудет, если малость обождет, —

Но пожарных не забудет, да, вовеки не забудет
И нести посулы будет благодарный им народ!

...полчаса спустя, когда связь времен восстановилась, а главпожарник удалился, милостиво назначив штраф втрое меньший, чем предполагалось изначально, — Галина Борисовна еще долго размышляла над последними словами Мустафы Абдулловича.

— Вы только его не обижайте... — медленно, трудно сказал Хвостопад, кивнув на шута. — Я вас очень прошу. Не обижайте, пожалуйста...

«Его обидишь!» — хотела ответить Шаповал, но сдержалась. Было в лице незваного гостя что-то... Ох, было! Даже мы, Лица Третьи, а потому нечувствительные к сантиментам, прикусили языки. Впрочем, тайна финальной реплики так и осталась бы за семью печатями, когда б не первый зам Зеленый, кладезь информации.

— Горе у него, — сказал Зеленый, шмыгнув носом. — У Хвостопада. Большое горе. Личное. Сын в шуты подался. Устроился в «Шутиху». Отец грозил, умолял, чуть ли не в ногах валялся: единственный наследник, школа с золотой медалью, институт с красным дипломом, в двадцать семь кандидат наук, кафедра статистики пожаров... Все бросил. На колпак променял, дурила. Сейчас на контракте у вице-президента Союза предпринимателей: нервы ему успокаивает. Говорят, Мустафа за одну ночь поседел. Повезло тебе, Галочка. Считай, бог оглянулся.

В углу шут издевался над гармоническим минором.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

«БАРРАКУДЫ НА БАРРИКАДАХ»

«V konse poryadok byla u mal'chikov sdelala sup-lapsha kotlety papa streskal dve porcii vovan priglasil den' rozdenya zavtra k 18.00 obiditsya esli lyublyu-celuyu nastya».

Дешифровав СМС-ку, мать долго стояла молча. Радость от порядка в консе, а также от котлет и супа-лапши, столь же фантастических, сколь реальными были «стресканные» Гариком две порции, омрачал финал депеши. День рождения Вована — это было много хуже карнавала уродцев, помноженного на вечный форсмажор, когда покой нам только снится, и то вечный. Помнится, шесть лет назад, при заезде хозяина Баскервиля в новое жилище (раньше Вован обитал где-то на Жужловке), по радио крутили ретро: «В нашем доме поселился замечательный сосед!» Только сосед из песни играл на кларнете и трубе, а Вован — на бильярде и в казино. А еще он отмечал дни рождения. Раз в год; иногда два. Однажды, в позапрошлом, — три, но это произошло случайно.

Отмечал с размахом и по понятиям.

К счастью, до сих пор ему не приходило в голову звать «Галчище» на праздник жизни. Но счастье закончилось. «Есть такое слово «надо»!» — говорил рассудок, понимавший, что обиженный Вован означает вырванные годы пополам с предынфарктным состоянием. «Ы-ы-ы!» — отзывалось сердце, не желая внимать доводам трезвенника-разума.

Растерянно оглядевшись, Галина Борисовна почувствовала, что ей чего-то недостает. Валидола? Нет. Психоаналитика со скальпелем? Вряд ли. Но чувство недостачи росло и ширилось. Хотелось странного. Разноцветного, с бубенцами. Нет, ну что за пакость: если срочно требуется развлечь, распотешить, собрать в жгут растрепанную паклю нервов, так его обязательно где-то черти носят! Увеселитель хренов! Высшей категории! Пускай шут «заточен» под Настю, но неужели трудно сделать что-нибудь веселое для «тетушки»? По-настоящему веселое?! Такое, чтобы злополучный день рождения показался милым пустяком! Кабинет сделался темницей, где тужит царевна, тщетно ожидая ушедшего в запой бурого волка.

По-директорски, с оттяжкой хлопнула дверь.

— Владлен, ты этого не видел? Моего? В смысле, Настиного?

— Кого не видел?

— Дурака! Кого еще?!

— Вроде был тут... у макетчиц отирался...

Коридор выгнулся вольтовой дугой.

— Девочки, где Пьеро?

— Ой, он лапочка! Он классный!..

— Эта лапочка у вас?

— Нет, Галиночка Борисовна!.. Слинял, пусик...

Линолеум горел под ногами. Позвоночник прикидывался розой: спинной мозг прорастал шипами, а в затылке распускались алые от беспокойства лепестки. Память бешено листала контракт. В случае голода шута следует кормить. В случае болезни шута следует лечить. За свой счет. В случае производственной травмы? Исчезновения? Пропажи? Похищения?.. Адвокаты «Шутихи» по миру пустят, там небось такие волча-

ры... Жалко, если пропал!.. Украли? Кто?! Кому он сдался, урод! Настя голову оторвет...

У художников клубился дым, сизый с похмелья.

— Кобеляка, шут с вами?

— А вы не в курсе? Он уехал.

— Как уехал?

— На метро, наверное. Или на маршрутке.

— Куда уехал?!

— Откуда я знаю? Разве я сторож шуту вашему? Вот, записку просил передать...

Розовый прямоугольник картона. Таких обрезков по «Фефеле» в корзинах для мусора навалом. Почерк твердый, с нажимом, буквы навытяжку:

«Беру выходной, ждите завтра утром. Искренне Ваш Пьеро».

— Вот, он еще для вас оставил. Сказал: отдай тетушке, ей понравится.

Гостинец от шута оказался газетой «Лагерь свободы». Сегодняшней и, судя по логотипу (рупор, зажатый в мозолистом кулаке), крайне левой. Передовицу неведомый доброжелатель жирно обвел фломастером.

«БУБЕНЕЦ — ЖИРНЫМ КОНЕЦ!»

Замочи кирпичом буржуинскую тварь!
Бизнесмена — ножом!
Фирмача — на фонарь!
Ты завел скомороха? Паяца? Шута?!
Вот рассудка цирроз и души нищета!

Герилья Радикал-Свободная

Углубление нынешнего всеобщего кризиса реставрированного капитализма происходит на фоне крутой радикализации масс и молодежи в особенности. У нас даже появился настоящий левый терроризм, что не может не радовать. С другой стороны, среда буржуйских недоносков и выкидышей помпезно загнивает при поддержке сброда постмодернистских люмпен-интеллигентов. Примером тому служит деятельность компаний типа «Шутихи», «Блазня» или столичного «Гаера ЛТД», снабжающих акул капитализма персональными шутами — людьми, обменявшими человеческое достоинство на пригоршню тухлых долларов. Иными словами, «Шутихи» и

«Блазни» отстаивают старый, неглобальный капитализм, когда каждого отдельно взятого шута эксплуатирует свой местечковый буржуй без какого бы то ни было вмешательства «мирового порядка». А потому наш лозунг должен быть не «Долой шутизацию!», а как раз наоборот: «Даешь шутизацию!» — но более широко: «Превратим шутизацию империалистическую, грабительскую в шутизацию революционную!»

В областном центре Алая-Парусыня прогрессивные студенты сорвали презентацию ЧП «Блазень», снабжающего скоморохами дочек и сынков местной элиты. Мелкими группами по 100—150 человек студенты отлавливали «золотую молодежь» у входа на территорию «Блазня» и начинали «ра-ра» («разъяснительную работу»): «Ты знаешь, сучок, что у нас заводы стоят? Что у нас в семьях жрать нечего? Что у нас дети собой торгуют? А ты кучу баксов за поганого хохмача выкладываешь? Ты въезжаешь, что так нельзя, или тебе зубы выбить?!» К концу лекции пойманные клиенты единодушно въезжали, что «так нельзя», и отказывались от реакционных намерений. Но, к сожалению, «ра-ра» прервало появление продажных сотрудников милиции. Поэтому важный аспект — это силовая поддержка наших акций. Заявим прямо, что бомбисты и стрелки-подпольщики — путь тупиковый; ставку нужно делать на укрепление нашего авторитета среди работников силовых структур, обратив их дубинки в нужную сторону.

Только тогда, когда молодежь перестанет уходить в шуты, а начнет жадно штудировать философию Герберта Маркузе и Руди Дучке, когда вместо бубенцов грянет набат, а буржуазия вместе с их увеселителями будет от страха дристать по ночам, — в этот день мы к штыку приравняем перо и пойдем в последний, он же решительный. Но увы: на разброде и шатаниях последних лет паразитировали разного рода отщепенцы, которые с переменным успехом вырывали из наших рядов некоторых идейно неустойчивых товарищей, которые в иных условиях могли бы принести немалую пользу делу революции, которое победит. Сейчас же они не нашли в себе сил противостоять соблазну и дезертировали: одни — в «частные предприны», другие — в шуты.

Наши красные репортеры побывали дома у одного из клиентов «Шутихи» — дома, вместо фундамента построенного на украденных вкладах вдов и ваучерах сирот. Как и предполагалось, владелец шута, несовершеннолетний адвокат с лицом пресыщенного живородящего монополиста, через пять ми-

нут вежливого разговора пригрозил нам судом, через десять — пожизненным заключением и через двенадцать с половиной минут — расстрелом, совершенно забыв о моратории на смертную казнь. Когда же мы попытались выяснить его классовое происхождение, а также происхождение его матери, юнец натравил на нас своего шута, по совместительству — телохранителя, громилу, похожего сразу на двух Брюсов (Уиллиса и Ли), мастерски владеющего восточными единоборствами и ненормативной лексикой. Зверски избив оператора и малочисленную группу поддержки, которую мы предусмотрительно набрали в ячейках парт-боевиков, а также повредив фотокамеру, этот шут путем телесных повреждений вынудил репортеров спасаться бегством — но один кадр нам все же удалось сохранить. Если приглядеться...

Галина Борисовна пригляделась.

Кадр, героически спасенный репортерами «Лагеря...», доставил ей острое, почти физиологическое удовольствие. Аж зубы заломило, словно ключевой водицы в жару хлебнула. На снимке процветал Гарик, Великий и Ужасный. Не мальчик, но муж. В шортах цвета хаки и драной майке навыпуск. Занося карающую левую ногу над гнусно выпуклой ягодицей, желавшей ускользнуть от возмездия. Шутки светотени или мастерство фотографа, но вид супруга потрясал. Небритость урожденного мачо, брустверы надбровных дуг, невесть откуда взявшиеся мышцы распирают майку. Взор ярился и полыхал; челюсть выпирала тараном.

Волосатая голень была достойна Кинг-Конга, сокрушителя небоскребов.

Накатил острый приступ молодости. Захотелось песен у костра и любви в палатке. Романтики. Эльфов над гречихой. Дня рожденья у Вована, наконец. И чтоб они с Гариком, пылкие, вечно юные, спина к спине у мачты... Увы, рецидив быстро миновал, оставив по себе лишь осознание, что спина к спине — это уже давно не у мачты, а в кровати после трудового дня. И все-таки голень, поросшая шерстью... майка...

Ах, женские грезы!

Она еще не знала, что человек, минутой раньше поинтересовавшийся у Зеленого, как ему найти некую Шаповал Г.Б., лелеет в боковом кармане пиджака «корочку» Союза журналистов, а на поясе — потайную кобуру с револьвером, стреляющим резиновыми пулями.

Ношение какового разрешалось членам СЖ по закону.

Ибо слишком часто рисковали и подвергались.

* * *

Честно говоря, тут мы дали промашку. Слегка отвлеклись. Лица мы, конечно, Третьи, с нас и спрос невелик, но к лицам в придачу имеем еще кое-что. Желудки, например. Ну, сбегали за пивом, взяли два «Магната», по пакету чипсов с перцем. Думали прямо на улице, возле «Фефелы», и употребить, да там у входа старуха одна отиралась. Молчаливая, худая. В старомодном ветхом шушуне. Глазки цепкие, загребущие, по окнам офиса зырк-зырк. Куда глянет, там стекла больше не блестят. Тусклые делаются, мутные, будто из дерюжных нитей плетены. Рядом со старухой, доброй душой, желудок наизнанку выворачивается: хоть все пиво в мире выпей, всеми чипсами закуси, а жрать охота — спасу нет. Как сорок дней постился. И душа как промокашка жеваная.

Заложи в трубку, пуляй по затылкам.

Короче, слиняли мы в кафешку. Отдышались, «Магнатом» сердце прополоскали, чипсом хрустнули. Еще по одной взяли. Минут через двадцать вернулись в «Фефелу», поднялись наверх, а там, прямо в коридоре, театр.

Вот такой примерно.

Галина (*нервно расхаживая из конца в конец, потрясая свернутым в трубочку «Лагерем свободы»*).

Вот! Вот что вы пишете! Акулы сельдевые! Барракуды пера! Скоты электрические! Унизить, оплевать, лишь бы тираж!.. лишь бы...

Журналист

Ну что вы, право... Меня однажды ваши коллеги, как сейчас принято говорить, на бабки накрыли. Мы в «Блице» печатали «Мессалину», журнал для мужчин, вот их корректор и обмишулился: в рекламу колдуна-костоправа Викентия влепил «заболевания порно-двигательного аппарата»... Лечу, мол, наложением рук. Я же на этом основании вас не обвиняю? Не кричу, что все вы одним миром и так далее?!

Он обаятелен. Есть такое обаяние: неброское, уютное. Стройный джентльмен в костюме темно-песочного цвета, галстук с вышивкой, в манжетах сорочки — запонки с камнями. Кажется, топазы: в тон костюму. Дорогой «Паркер» поблескивает в нагрудном кармане. И улыбка. На такую улыбку женщины и чиновники откликаются инстинктивно. Лет ему около сорока.

Галина (*стихая*)

Извините. Только не буду я вам никакого интервью давать. Может быть, вы и впрямь честный человек. Может, на самом деле хотите про «Фефелу» в аналитическом обзоре рынка полиграфии. А про шута спросили просто так, из любопытства. Все может быть. Знаете, я очень устала в последние дни. Очень.

Журналист

Я понимаю вас. Говорят, магнитные бури. В отпуск не собираетесь?

Галина

Собираюсь. В августе.

Журналист

Не надо мне никакого интервью. Ни одно интервью не стоит гнева красивой женщины. Видите, я заговорил почти как Достоевский. Возьму общие данные, скомбинирую. Похоже, вас сильно достали с этим шутом?

Галина

Похоже. Знаете, я даже начала к нему привыкать. Если бы не эти шакалы... во дворе, в газете...

Журналист

Хотите, я угощу вас чашечкой кофе? Обеденный перерыв вы себе позволяете?

Галина

Как вас зовут?

Журналист

Игнат. Если угодно, Игнат Робертович. А как вас зовут, я знаю. Заранее справился.

Галина Борисовна внимательно смотрит на него. У нее что-то со зрением. Кажется, что костюм песочного цвета исчез. Вместо костюма собеседник облачен в сутану иезуита, на макушке выбрита тонзура, а вся фигура выражает спокойное ожидание заранее намеченного результата. Вокруг — радугами, светом прожекторов, рампой и бархатом занавеса — колышется связь времен. И еще: в кулисах, соткана из пыли и сумерек, ждет внимательная худая старуха.

Галина (*плохо понимая, что говорит*)

Отец Игнатий! Не вы ли сказали: «Здоровье не лучше болезни, богатство не лучше нищеты, почести не лучше унижения, долгая жизнь не лучше короткой. Лучше то, что ведет и приводит к цели». Действительно ли цель оправдывает средства, мой генерал?!

Журналист (*вздрогнув, настойчиво*)

Так мы выпьем кофе? Я знаю неподалеку чудесное местечко.

Галина

(*выныривая из видения, забыв о своих предыдущих словах, произнесенных столь же странно, сколь и естественно*)

Да. Обождите, Игнат Робертович, я предупрежу Зеленого...

* * *

Вечер, валяясь в ногах теплым ковриком, клятвенно обещал быть семейным. Иначе, под настроение, быть бы вечеру поротым на конюшне. До темноты оставался час, если не больше, но Настя специально задернула шторы и включила любимый светильник: формой он напоминал объевшийся уфологами НЛО. Мягкий зеленоватый свет чудесно подходил к обстановке: по бокалу мартини, хорошая сигарета, «неоклассика» тихо льется из колонок, расслабленная, ни к чему не обязывающая беседа в «малом кругу», пока глаза не начнут слипаться. И шута нет. Выходной у него. Раньше утра не объявится. Нет, это просто праздник какой-то!

«А теперь верните козу обратно в загон», — сказал мудрый раввин.

Трель дверного «соловья» столь гармонично вплелась в рулады «Secret Garden», что расслышать звонок могла лишь Настька с ее музыкальным слухом.

— Мам, мы ведь никого не хотим видеть? Сейчас отошью!

— Здравствуйте то ись, — всплыл в прихожей густой баритон с казенными нотками. Словно овсяный кисель с комьями. — Честь имею: ваш участковый, Семиняньен Валерьян Фомич. А вы — Горшко Настасья Игоревна?

— Ага... здрасте...

— Вы — ответственная квартиросъемщица?

— Нет, я — безответственная. С пропиской.

— Жалобы на вас поступают, Настасья Игоревна. От жильцов то ись. На вас и на этого вашего...

— Мужа? — невинно подсказала Настя.

— Шута, — со вздохом согласился участковый. — Живет без прописки, форма одежды вызывающая, поведение возмутительное. Утром якобы спровоцировал избиение пенсионера Берловича. А вы то ись этому безобразию попустительствуете.

Прекрасно слыша разговор, Галина Борисовна отчетливо представляла развитие ситуации. Настю, убежденную противницу насилия над собой, любимой, хлебом не корми — дай с кем-нибудь пособачиться. А за любимого Пьеро она служебной овчарке глотку перегрызет. Каково же было удивление материнских сил поддержки, когда из коридора брызнуло ангельским меццо-сопрано:

— Да что ж мы в дверях-то разговариваем, Валерьян Фомич? Заходите, гостем будете. Попьем чайку, вы мне о жалобах расскажете. Неужели такой представительный мужчина не уговорит юную барышню образумиться? Ни за что не поверю! Вот тапочки, разувайтесь...

За миг до явления участкового Шаповал запоздало побледнела: как наяву привиделся хай, который обязательно, непременно, всеконечно должна была поднять дочь. «Тапочки... разувайтесь...» — реальность изрядно попахивала чертовщинкой. Ощущение невозможности происходящего было гулким, как хук Тайсона, вышибая землю из-под ног.

По счастью, она сидела в кресле.

Семиняньен же и не думал стесняться. К иронии нечувствителен, поведение молоденькой вертихвостки он счел добрым знаком: лебезит — значит, вину за собой чует. А там и за отступным то ись дело не заржавеет: мамаша у барышни шибко имущая. Не зря барышня по науке от слова «барыш» проистекает. На казенных-то харчах особо не зажируешь... И не особо — тоже.

Оттого все участковые такие стройные.

Воздвигся он на пороге, вторгся в зеленоватый уют, связь времен мигнула, хитро сощурилась, и нате вам: протискивается в гостиную ихнее благомордие, городовой Валерьян Фомич. Ус пшеничный молодецки подкручивает. Шашка-«селедка» на боку; на другом боку — револьверт системы «наган» в желтой кобуре. Пуговицы с орлами целиком блеск и слава, а сапоги вдвое зеркальней. Мебель в пуговицах, в сапогах отражается. Пусть и криво, зато с чувством, как на полотнах модных французов-лягушатников. Штаны с лампасами на могучих лядвиях — ширины чрезвычайной, генералу впору. Шагнул Семиняньен в помещение и застыл головой сахарной.

Ибо видит: сидит перед ним у самовара известная промышленница и многих дел заводчица, такая, что не городового — полицмейстера губернатору продаст и обратно купит. Бокал стекла богемского в тонких пальцах держит. Смотрит через гостя в даль далекую:

— Ну, здравствуй, Валерьян Фомич. Как разговаривать станем: по-казенному или по-людски?

Понимает Семиняньен: не видать ему отступного. Близок локоть, да слабó клювом щелкнуть. Промышленница — баба битая, в семи щелоках варенная, сын ее, сказывают, на аблоката учится — такую трогать, что в печку гузном совать.

— По-людски, конешно. Нешто мы не люди?

— Тогда садись к столу. Рябиновой отведаешь?

— С нашим удовольствием. Благодарствую то ись.

Глядь, малый стаканец-гранчак образовался, и Настасья Игоревна всклень его, красивого, — рябиновой. Семужка на блюдце ломтиками. Слезой течет. Может, оно к лучшему? Мзды и по барыгам, по джигитам базарным наберется, а тут в кои-то веки женское обчество: деликатное, сердечное. Эх, жисть наша суетная...

Втянул воздух ноздрями, принюхался.

— Рябиновую сами делали?

— Настасьюшка, все она. Мастерица!

Махнул первую, на языке покатал. Проглотил.

— Славно! Умаслили душеньку!..

Настасья умна: вторую наливает, рядком с матерью присела, папироску длинную из портсигара с вензелями достает. Портсигар гостю придвинула — тяжкий, серебряный. Курите, мол, не стесняйтесь. Так бы весь вечер и сидел. Однако для

порядку надо бровь насупить. Довести, так сказать, до сведения.

— Мы ведь по какому дельцу зашли, дамы и барышня? В служебном то ись качестве. Скользкое дельце, если положа руку. Век бы не марался, а раз сигнал есть, обязаны соответствовать. Это мы насчет жалоб. Жаловаются жильцы то ись. На скоморошину вашу вольнонаемную. Требуют меры принять.

— Требуют — значит, принимай, — усмехается промышленница. Глазом левым на стакашек намекает.

Грех взять — так и грех отказываться. Кобениться не стал. Принял грех на душу. И еще принял. И семужкой закусил. Папироску взял. Пустил дым в потолок залихватскими кольцами. Прямо в нос расписным амурчикам.

— Меры мы, считай, уже. В гости зашел, сурово указал. Теперь пойду, ябедам тылы шомполом прочищу. Дурак им, сутягам, поперек горла! Да по нам — сами оне шуты гороховые то ись! Ваш-то хоть за плату кривляется, за большие деньги, а эти — от нрава склочного. Тошно от рож ихних, дамы и барышня! Знали б, сколь мы с ними намаявшись! То инвалида этого пламенного, костыль ему в папку, ручной кроль Мендельсонов искусал, то Алтын Худаймутдинов, учитель русского языка и литературы, обругал его матом... И все, сукин внук, в письменном виде несет. Эти еще: Прасковья с Лярвой!.. С Л. Ярой то ись. А мы им навроде бесплатного клоуна: прими, распишись, разберись...

— А если бы заплатили?

Семиняньен вздохнул так шумно и тяжело, словно пытался одним выдохом надуть монгольфьер. Сунул окурок в рот бронзовой царевны-пепельницы.

— Не бередите душу, барышня. И это... Поосторожней то ись. Береженого геморрой обходит. Намедни в соседском околотке ЧП стряслось. Живет там епутат Боярского Собрания, большая шишка, так слух прошел, будто он себе тоже дурака-наемника завел. Собралась оппозиция, привлекла местных, шантрапу голоштанную, дурака епутатского подкараулили и ну мутузить! Навроде протеста. А он и впрямь наемник оказался. Только не дурак. Телохранитель то ись. Епутат его из столичного питомника выписал. Хотел, чтоб снайпер и епонскому «ай-кидалову» обученный. С тех пор тихо, как на погосте: ни шантрапы в соседском околотке, ни оппозиции в Боярском Собрании! Мир и счастье во человецех! Ну а кабы

им тихий блазень под руку попался? Вот и говорю: паситесь, народ нынче злой. Видали, чего про вас с шутом вашим в лифте написано?

Он разом посуровел, строго обвел глазами комнату, и под взглядом городового связь времен вытянулась во фрунт, поспешно заняв место в строю.

— Нет, не видели. — Настасья захлопала ресницами. — У нас второй этаж, мы лифтом не пользуемся. А что там?

— Ну и не ходите, раз не пользуетесь. Чего зря расстраиваться? Постарался гад какой-то — без ацетону и не отмоешь. Ладно, спасибо за угощение. Пора нам... претензий нет, по закону все чисто...

Постоял немного, думая о своем.

Добавил глухо, со скрипом душевным:

— Старуха какая-то за мной увязалась, когда я к вам шел. Первый раз ее тут вижу. Худющая, кожа да кости. Одета прилично, а вроде как из сундука вынута. Нафталином от нее шибает, пылью. Я ей: «Вам чего, гражданка?» А она шасть вниз по лестнице... Во рту до сих пор кисло. И хлебца хочется, едва вспомню. Ну ладно, не буду больше злоупотреблять гостеприимством. Бывайте здоровы.

Участковый откланялся, но настроение уже было испорчено. Мартини горчил, светильник мигал, Анастасия нещадно дымила пятой по счету сигаретой. Дым вдруг показался на редкость противным.

Царевна-пепельница подавилась очередным подарком.

— Пойду гляну, — криво усмехнулась Настя. — Что там, в лифте...

И вышла на лестничную клетку, прихватив тряпку и бутыль растворителя.

Когда через полчаса она вернулась, глаза дочери были явственно красными. От едких паров, наверное. О содержании «граффити» осталось только догадываться — дочь почти сразу завалилась спать.

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Тертуллиан (конец II — начало III в. н. э.) в финале своего трактата «О покрывале девственниц», не колеблясь, говорит о той радости, которую будут испытывать праведники и ангелы при виде мучений, постигших на Страшном суде всех актеров, скоморохов, шутов и гаеров, языческих жрецов и иудей-

ских книжников, а также философов, писателей и поэтов древности. Согласившись, что данный пассаж — одно из самых сильных мест трактата, волей-неволей удивляешься такому яркому, страстному и великому наслаждению зрелищем чужих страданий, пусть даже страдают самые отъявленные грешники. Волей-неволей вспоминается, что первые сорок лет жизни Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан, сын римского сотника в Карфагене, прожил как рьяный язычник, славясь распущенностью не меньше, чем образованностью. Впрочем, с Церковью он тоже порвал довольно быстро, обвинив в уходе с апостольского пути.

Иногда, о друг наш читатель, думается, что фанатики способны либо разжигать костры, либо гореть на них. Любой иной род деятельности им недоступен.

Искренне твои Третьи Лица.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

«МЫ, СПИНА К СПИНЕ У МАЧТЫ...»

Сон был весел, как штыковая под Царицыном, увлекателен, как нога, застрявшая в стремени, и потрясающ, как знаменосец на митинге анархо-синдикалистов. Во сне Галина Борисовна видела себя блиц-майоршей потешных войск Его Величества Карнавала, защищающей бревенчатый форт «Шутиха» на берегах Онтарио. Тощие старухи племени гудронов, репортерская братия с гусиными перьями в волосах, вождь Берлович, на бегу чертя томагавком анонимки, бритоголовые делавары, лесные панки Казачка с крашенными анилином ирокезами, две знаменитые следопытки Прасковья Женевская Конвенция и Страсть Ярая, Полиглот Педро, алкая утраченный семейный уют, — все они кишели вокруг форта, в жажде украсить скальпами чужаков свои вигвамы.

— Скуси патрон! — командовала наша героиня с отчетливым британским акцентом.

И за ее спиной, подчиняясь приказу, были честно скушаны все патроны: Пьеро, Тельник, карлик Цицерон, беспутный сын главпожарника, участковый Семиняньен (он-то откуда?! а, ладно...), всякие дурацкие Третьи Лица, одолев природную трусость, Настя с растворителем наперевес, бешеный Гарик, похожий на Степана Разина в исполнении Шукшина, Юрочка в мундире, еще почему-то Зяма Кантор, — герои держали оборону.

— Ни шагу назад! Пли!

Ленты серпантина, залпы конфетти сшибали нападающих, но те лезли и лезли, извергая град жалоб в инстанции, шкурки от бананов и картечь мелких пакостей. Подкрепление запаздывало, угловой блокгауз был захвачен Синими Чулками, немедленно открывшими там филиал Центра помощи жертвам семейного счастья; сэр Мортимер палил из мортиры, прячась за оградой, погремушки укладывали индеек штабелями, и временами казалось, что штурм будет отбит. Напрасно! Вот уже пеленают Тельника грязно-коричневыми лентами, приговаривая над дергающейся мумией: «Это вам не цирк! Не цирк это вам, уважаемый!» Вот Пьеро, кинувшись отбивать друга, ввязался в неравный бой с легионом общественных мненцев, вот Зяма, загнан в угол, распластался в боевом кураже, выкрикивая:

Страшен поэт на исходе чернил!
Боже, зачем ты меня сочинил?!

— Дайте мне саблю! — тихо сказала Шаповал, чувствуя удивительный, последний кураж. — Где, черт побери, моя сабля?

— Какая сабля, мама? — спросила Настя.

Дочь стояла у окна, глядя вниз. На миг спросонья почудилось: там, внизу, еще кипит приступ, приступ сердечной недостаточности бытия, и скоро враги заберутся сюда. Скоро, но не сейчас. «Только через мой труп...» — говорила Настина спина.

— Пьеро не вернулся?

— Нет, мама. Тебе приснился страшный сон?

Страха не было. А кураж остался. Бойкий, гибкий, в разноцветном трико и в колпаке с ушами. Проснуться вместе с этим чужим, плохознакомым куражом было чудно: словно с посторонним человеком в одной кровати. И потом долго вспоминать, кто это, что мы вчера делали, обнаружив наконец в незнакомце собственного мужа.

— Мам, ты на работу опоздаешь. Давай вставай. Я тут как-нибудь сама.

— Дай мне телефон.

— Зачем тебе в такую рань телефон? Может, лучше саблю?

— Саблю потом. Сейчас телефон.

«Panasonic» на ощупь был шершав и удобен, как рукоять карабеллы.

— Алло, Владлен? Да, это я. Я беру отгул. На неделю, наверное. Нет, я не прошу у тебя разрешения. Раскатал губу... Просто информирую. Командуй. Буду звонить, справляться. Чего хихикаешь? Небось только и ждал?! Заговорщик хренов. Грош цена твоим заверениям: все прахом пустите, разгильдяи! Ты это оставь! Понимает он меня... Ни черта ты не понимаешь. Вот бросит твой прохвост университет, возьмет себе шута за твои деньги, тогда поймешь. Что? Ты над этим работаешь? Ладно, я позже перезвоню.

Кураж вертелся в кровати, намекая на продолжение банкета.

— А теперь, Настя, спокойной ночи. Буду спать до полудня. Разбудишь — убью.

— Тебя внизу Мирон ждет. Я ему скажу...

Заснуть получилось не сразу. Галка, ты рехнулась! Что творишь, дура! Внутренний голос зудел, брызжа адреналином, но сегодня ему не хватало убедительности. То ли куража опасался, то ли старая роль поистрепалась на губах. «До полудня, — повторила блиц-майорша, собираясь вернуться в форт и надрать задницу охамевшим индейцам. — Разбудишь — убью».

Внутренний голос понял и заткнулся.

* * *

...Лондонский туман сочился в прорехи бытия, искажая очертания. И вот уже сквозь волнистые пряди овсяного киселя, столь любимого покойным профессором Мориарти, автором трактата «Тоже мне, бином Ньютона!», пробиваются требовательные гудки паровых баркасов со стороны Трафальгарских доков. Стучат копыта по брусчатке: с Букер-стрит на Антибукер. Кеб заворачивает во двор, останавливается. Торопливые шаги на лестнице.

Мелодично звякает колокольчик.

Вожди краснокожих явились на переговоры?

Nothing of the kind, леди энд джентльмены! Река времен вильнула лисьим хвостом, оставив за бортом гудронов с джипами «Чероки» — хлебать мокасином горечь поражения. В дверях же стояла неразлучная парочка: знаменитый сыщик-подросток Урия и его вечный спутник, доктор Поттер.

Последний по совместительству приходился мужем миссис Фуллер. Как мы уже говорили, оная миссис, становясь под венец, фамилию менять отказалась категорически, гордясь древностью рода Шаповалов-Фуллеров. Пришлось жениху Гарри, отпрыску семейства Горшечников-Поттеров, уступить.

— Дорогая, что случилось? Ваша линия все время занята. А это новомодное устройство, беспроволочный телефоноид системы капитана Немо «Mobilis in mobile», молчит, как инспектор Лестрейд на встрече с репортерами «Таймс»!

— Это же элементарно, Гарри, — небрежно бросил юный детектив, чей цепкий взгляд, безошибочно различавший сорта грязи от Манчестера до Ливерпуля, успел пробежаться по комнате и вернуться с грудой важнейших фактов в зубах. — Беспроволочная новинка лежит на трюмо близ зеркала, изготовленного мастерами-венецианцами семьи Баровьери. Как общеизвестно, именно Баровьери, возрождая стеклоделие на острове Муррано, сберегли большую часть старинных технологий, например, сирийскую стеклодувную трубку...

— Урия, ради всего святого, короче!

— Но вернемся к телефоноиду. В данный момент устройство самовыключилось, полностью разрядив лейденскую банку, а посему временно не реагирует на вызов. Основную же линию связи оккупировала моя любимая сестра и твоя обожаемая дочь. Зная ее лаконичность, могу с уверенностью предположить, что она занялась этим на рассвете и закончит к вечернему чаепитию.

— Ваша наблюдательность, сын мой, как всегда, поражает, — Гарри развел руками, смахнув с полочки лак для ногтей. — Дорогая, мы обеспокоены. Я связался с офисом «Phephela KPK», но там сказали, что ты в недельном отпуске. Тем не менее твой личный кучер ждет во дворе, наотрез отказываясь уехать либо покинуть экипаж для отправления естественных потребностей. Этот упрямец говорит, что скорее умрет, чем оставит госпожу. И утверждает, что его услуги могут понадобиться в любой момент. Например, в случае бегства из страны. Как это понимать, дорогая?! Может быть, стоит вызвать констеблей?

Кивнув словам отца, Урия извлек из кармана складную лупу и принялся деловито обследовать квартиру.

— Не надо констеблей. Добропорядочные женщины сами стирают свое белье.

Миссис Фуллер была железной леди. Но заботливость род-

ственников и неколебимая преданность кучера вызвали слезы на ее глазах. Впрочем, сильно ошибся бы тот член Палаты Лордов, кто счел бы эти слезы признаком слабости.

— Вы завтракали? Овсянки?

— Нет-нет, мы сыты! — в один голос возопили сыщик с доктором. С пола им подвыл французский бульдог, похожий на гибрид очень умной жабы с очень симпатичным нетопырем.

— Гарри! Урия! Откуда у вас собака?

Доктор Поттер с хрустом расправил плечи.

— Напрокат взял! У Зямы. Лучшей ищейки нет во всем Сити.

И, понизив голос:

— Мы расследуем очень запутанное дело, дорогая. Первые результаты уже есть. Но — тс-с-с! Во избежание. Знаешь ли, этот Скотленд-Ярд... воистину Земля Скотов, ярд за ярдом!.. Так у вас все в порядке? Наше вмешательство не требуется?

Участие супруга растопило лед в сердце. В кои-то веки сумбурно-деятельный и бесцельно-задиристый Гарри стал мужчиной, к которому можно прислониться, не боясь оказаться в луже.

— Спасибо, я справлюсь. Занимайтесь своим расследованием, для вас ведь это важно...

— Не только для нас, — загадочно бросил сыщик, изучая след копыта на ковровой дорожке. Ничем рациональным сей след не объяснялся.

Гарри с бульдогом присоединились к изысканиям, мисс Анэстези в очередной раз воззвала с кухни, и миссис Фуллер направилась на зов. По дороге обнаружив в прихожей два предмета, явно принадлежащих детективу: саквояж с переносным электроарифмометром и кожаную папку с тиснением. Из папки выглядывала распечатка какой-то статьи, и любопытство толкнуло женщину на малоблаговидный поступок.

Первая страница оказалась почти пустой. Сверху от руки был подписан девиз «Nil admirari!» — и ниже перевод: «Ничему не удивляться!» Дальше, по-прежнему от руки, каллиграфическим почерком сына: «Психотерапевтическая система «Электронный шут» (Н.У. Ахмеров, Казанский университет). Предлагается лечебная компьютерная программа, выполняющая роль шута. Обсуждаются необходимость, значение и последствия появления таких систем в человеческом обществе». Ниже, летящим и спотыкающимся на обе ноги почерком мужа: «Проверить год выхода работы!!! Киборги среди нас?!» Следующий листок начинал распечатку научно-популярной статьи; печать делалась с большими полями, явно для удобства заметок читателя.

Автором статьи значился некий М. Заоградин, доктор социопсихологии гонорис кауза.

ДЕНЬ ОТКРЫТЫХ НЕБЕС

«Изучение праздника убивает его, анализ разрушает, умствования хоронят; это дитя мистики. Рамки и горизонты кастрируют праздник, который не может, не умеет быть «по правилам» и «по понятиям». «Третий тост обязательно за милых дам!» — не надо именно третий! Славьте милых дам, когда захочется по зову сердца, или молчите. Если, конечно, вы Homo Feriens — Человек Празднующий. Праздник — встреча с Невозможным; в нем и только в нем «определяется бытийственный предел человека, который может быть раздвинут вторжением сверхчеловеческого».

Мироздание изнашивается со временем (год? день? час?!): текут краны, ветшает кровля, крысы точат фундамент. Спасти может лишь чудо. Кто спасет, кто приведет в соответствие с началом времен?! Праздник. Восстановит, даст силы, заведет ослабевшую пружину. Праздником мир был создан, им же — восстановлен до нового оборота колеса.

Holidays.

День открытых небес.

Обыденный ход часовой стрелки — праздник останавливает его. Стрела иных измерений, утерянных в суете, праздник обращает время в Вечность, пронзая круговорот будней возвращением в Эдем. Ешь! Пей! Люби! Трать и одаривай! Ничто не уйдет, все вернется сторицей.

Не норма, но избыток, не история, но вечный миф, доход и расход в одном лице, — таков он, праздник, пахарь бытия. Не думайте о пользе — ее здесь нет. Как нет пользы в картине Эль Греко, сонете Шекспира, улыбке ребенка с мороженым в руке.

Карнавал — высшее имя праздника.

Шут — король и раб его...»

Строки расплылись в широкой, добродушной ухмылке аллигатора. Где-то далеко, на рабочей окраине сознания, бродил молодой подвыпивший гармонист, с тупым упрямством наяривая: «Шут с шутихой шутку шутит... ик!.. на шутейном парашюте...» От его дурацкой икоты связь времен определенно пришла в уныние, поджала губы и обиженно приняла повседневный вид. Так что вынимала распечатку из папки миссис Фуллер, а заталкивала ее на место уже Шаповал Г.Б. Ничуть не удивившись перемене мест слагаемых. Более того, ничего не заметив. Разве что на задворках, где шлялся бедовый гармонист, эхом висел тайный отзвук детства. Когда ты бессмертен, умеешь летать, загребая воздух руками, когда звери разговаривают, а если молчат, так это из скрытности, и герои любимых книжек живут если не на соседней улице, то уж в соседнем городе — наверняка...

К чему бы это?

Статья обратно в папку лезть отказывалась. Опасаясь быть застигнутой бдительным сыном, Галина Борисовна щелкнула кнопкой хлястика, раскрыв папку поудобнее. Внутри обнаружилась картонка, где пунцовым (от стыда? от гнева?!) фломастером кто-то жирно накорябал:

«Бей паяцев ногой по яйцам!»

Даже без помощи знаменитого сыщика легко было догадаться: картонка еще недавно украшала дверь Настиной квартиры либо ворота собственного дома Шаповал.

— Как ваше здоровье, Рабинович? — вслух вспомнила она известный анекдот. И с наслаждением ответила за фольклорного Рабиновича, укладывая картонку в недра папки, словно тело заклятого врага в шикарный гроб с позументами: — Не дождетесь!

Кураж бурлил в крови; взбесившийся адреналин выглядел против него сопляком. Хотелось действий. Тотальных и немедленных. Например, ковровую бомбардировку двора. Для начала валькирия пошла на кухню, где в один присест умяла двойную порцию салата. А потом еще злобно сгрызла четыре хрустких топинамбура.

Полегчало. Немного.

— Мам, мы пошли! Если что — звони.

«Удачи, мальчики!» — искренне хрустнул пятый топинамбур.

Настя первой успела оккупировать трюмо, с головой уйдя в утренний макияж. Пока дочь чистила перышки, по квартире на мягких лапах бродили двое: задумчивая мать и тишина. Встали у окна. Во дворе Юра и Гарик доброжелательно беседовали с... Гром и молния! Шутоненавистник Берлович, с истовостью отбойного молотка тыча пальцем в скрытую гардиной «мамашу», что-то втолковывал новым благодарным слушателям. Зрелище было противоестественным. Гарик, гроза радикал-репортеров, слившийся в экстазе с врагом семьи?! Пусть даже «в интересах следствия», как не преминул бы выразиться Юрочка? К счастью, вовремя вспомнилось мудрое наставление: «Отойди ото зла и сотвори благо!» Увы, ничего благого, что можно было бы сотворить, на ум не пришло, кроме все той же ковровой бомбардировки; в итоге осталось лишь нарезать яростные круги по комнате.

Кр-р-рак!

Тишина ретировалась, едва раздался звук ключа, дерзко проникшего в нутро замочной скважины. Валькирия ринулась в коридор, остро жалея, что под рукой нет помпового ружья, бензопилы или на худой конец бейсбольной биты с гвоздями. Рука сама ухватила пластиковый рожок для обуви, длиной и формой — брат-близнец римского гладиуса. Сейчас, сейчас! Повинную голову меч сечет с особым удовольствием...

— Тетушка! Милая тетушка! Вы хотите кого-то обуть?!

Под мышкой шут-возвращенец держал музыкальный инструмент. Дитя мезальянса балалайки и мандолины.

— Мандолайка! — похвастался Пьеро.

Галина Борисовна села на коврик для обуви и задумалась.

Дочь, уходя через полчаса вместе со счастливым шутом, застала мать в прежней позе. Впрочем, отнеслась с пониманием.

— Мам, я на репетицию. Не забудь: сегодня в шесть к Вовану. На день рожденья. Люблю-целую!

Чуть позже Шаповал позвонила Бескаравайнеру и напросилась на внеочередной сеанс психоанализа. Вопрос жизни и смерти, сказала она.

* * *

Это был дом трудной судьбы.

Из хорошей семьи, кузен жилых домов Преображенки, адресованных тем чудакам, кто любит спать в спальне, есть в столовой, принимать друзей в гостиной, а работать в кабине-

те, он больше других пострадал от Мадам Революции за буржуазное происхождение. Его лишили кухонь. Эти оазисы кулинарии мановеньем волшебного пальца превратили в кладовки — или, снеся стену, расширили за их счет комнаты для прислуги, предлагая кухаркам именно оттуда управлять государством, пока государство рубит фарш на светлую котлету будущего. Здравомыслящие кухарки отказались, и тогда держава занялась тавтологией, доведя приличный дом до психоза коммунальной общаги. Злополучным кухням был отведен целый отдельный этаж: совместное приготовление пищи должно было способствовать закреплению идей коллективизма на уровне рефлекса, — попал в коллектив, получи слюноотделение! И еще: почему-то в подвале дома всегда существовал клоповник художественных мастерских. При любых властях, при войне и мире; казалось, рухни мироздание под трубный рог Хеймдалля — на обломках бытия авангардист с баталистом выпьют портвейна за здоровье импрессион-мариниста, а потом выпьют еще и сбегают за третьей. Век-волкодав кружил вокруг дома, подгрызая с краев, но старик выдержал. Как говорил очкастый Изя с Молдаванки, в старике было жизни еще лет на двадцать, если считать после трагической гибели века; а если взяться за дело с умом...

Сплясав качучу на могиле столетия, дом распахнул двери орде цезарей, специалистов по реализации девиза: «Расселяй и властвуй!» Цезари оказались деловиты, как термиты. Цезарям хотелось есть в кабинете, пить в детской, а спать в гостиной. Почему нет? Если жилплощадь позволяет. Изгнав стареньких даков с нищими бриттами в малогабаритную изолированность Пырловки, цезари двинули в бой легионы прорабов. Старику вставили резцы балконов и клыки кондиционеров, укрепили скелет, нарастили мускулатуру стен, подвесили потолки, научили сладким словам «джакузи» и «биде», промыли кишечник — и сделали отдельный выход из подвала во двор, дабы вдохновленные портвейном ван-гоги с ванмагогами не портили пейзажа.

Алексей Бескаравайнер, сенс-психоанальгетик, жил именно в этом доме.

На лестничной клетке, где уходящие ввысь двери трех квартир вели беседу при помощи бронзовых табличек: гордоутвердительной «Я. Штрюц», согласительной «И. Я. Штрюц» и возражающей «А. Я. Бескаравайнер».

Перст уперся в звонок.

В недрах жилища восстали первые такты «Героической симфонии».

— Иду, Галюн, иду!..

Лешка, друг ситный, мягчайшая жилетка, куда было так сладко плакаться в минуты слабости, сегодня выглядел чужим. Погруженным. И слегка утонувшим. Но если раньше клиент понимал, что грузится сенс его, клиентовыми, проблемами, ища выхода из чужой депрессии, то сейчас отмороженность была явно эгоистической, личного характера.

— Пошли, — сказал он, забыв предложить тапочки.

Вместо привычного кабинета с хрустальным шаром, слоненком Ганешей и кушеткой, манящей к откровенному разговору, Лешка свернул в какую-то комнатушку, где было два стула и обои в горошек.

— Извини, Борисовна. Не в духе я нынче. Давай тут потолкуем, а?

Шаповал огляделась. Села на стул. Неожиданно ей понравилось. Было в происходящем нечто сухое и жесткое, как надкрылья жука-рогача. От этого спина выпрямлялась, а потливость рук казалась выдумкой беллетристов. Рвать же батистовый платочек, подобно госпоже Хайберг у Стриндберга или госпоже Нисияма у Акутагавы, не хотелось вовсе. Акутагаву, равно как Стриндберга, она не читала. И удивилась невесть откуда взявшемуся сравнению.

В углу тихо хихикали мы, Лица Третьи, хитромудрые.

— Он меня раздражает, Лешенька. Я уж и так и этак — раздражает. Вот ты умный, скажи мне: почему?

Бескаравайнер спокойно отнесся к началу, которое скорее могло бы считаться серединой. Оседлал второй стул, уложил холеные руки хирурга на спинку, сверху примостил мятый, обезьяний подбородок.

Кивнул: продолжай, мол.

Не спросил: кто раздражает?

Видно, знал: кто.

— Неужели только мы с Берловичем такие уроды? Типография ему коньяк несет, Настя, похоже, влюбилась по уши, дети пищат от восторга, макетчицы на шею вешаются... Кавказец виноградом кормит. Нет, умом я все понимаю. А сердцем — не могу. Раздражает. Бесит. Выводит из себя. Глаза б не видели! Объясни мне, Лешенька, или попросту скажи: дура я? Дура, да?

— Галюн, мне тебя успокоить или по правде?

— Лучше, конечно, успокоить. Только не получится. Значит, давай по правде.

— На тебе правду. Медную да кислую. Первое: я тебя больше от стрессов лечить не буду. Не фиг тебя лечить, здоровая ты, как призовая Буренка. Ты и раньше это знала. А ко мне ходила — во-первых, модно, во-вторых, водки мало пьешь. Наши Гретхен, в смысле Глафиры, на кухне сядут, по стопке накатят, кагорцем полирнут и друг дружке весь, блин, психоанализ до спинного мозга устроят. Американцы обзавидовались, хотели опыт перенять, — шиш с Марсом. Only for Russians. Только те бедолаги, кто малопьющ и многоимущ, к нашему брату таскаются: исповедаться за рупь, свечку св. Зигмунду поставить. Ты слушай, слушай, больше нигде такого не услышишь. Профессиональная коммерческая тайна. Теперь о шуте. Ушлые они, в «Шутихе». Такие ушлые, что аж боязно. Это ведь не шут, это твоя дочка. От нее кусок отрезали и целым сделали. Все, чем Настюха в мамочку с детства пуляла: эпатаж, безалаберность, дуроломство. Ты, Галюн, не женщина, ты стенка — хоть прислониться, хоть огородиться. За тобой как за каменной. Потому Настя твоя всю жизнь разрывалась: за стенкой комфортно, из-за стенки пора. Шут — это ее маска. Ее протест. Ее вызов. Доказательство от противного. От *тебе* противного. Вот потому она его *любит*, а ты, хоть наизнанку вывернись, нос воротишь.

— Загнул ты, Лешенька. Сам себя перемудрил. Моей Насте до этого красавца — сто верст лесом. Болонка против льва.

— Именно! Потому что он — мастер. Для него быть на площади без штанов — естественно. Он так дышит. Так живет. Не против мамочки воюет, не за свободу личности сражается, не выпендривается, чтоб оценили-заметили, а пьет эту воду, плавает в ней, здесь родился, здесь умрет! «Выносной комплекс» на контракте — с одним пустячным «но». Вместо комплекса — талант! Собственно, любой талант — уродство, отклонение от нормы... Рядом с ним Насте незачем кривляться. Да и, положа руку на альтер-эго, стыдно. Так, как у него, все равно не выйдет, глупо даже стараться. Зато можно другое: смеясь над шутом, посмеяться над собой! Под ручку пройтись, на себя, любимую, со стороны посмотреть: какой могла бы быть, если б не от ума сочинила или из протеста, а добрый боженька от щедрот одарил...

Стало холодно. Зябко. Как в сказке Маршака, июль уступил место январю. Вдруг представилось: тебя, живую, теплую, в «Шутихе» изучают, препарируют, ковыряются в душе пальцами, тупыми зондами, после чего извлекают из кожаного альбома темную фигурку, тень, горбуна в маске, ставят рядом и говорят: смотри! Что получится увидеть? Какого спутника, для которого твоя нарочитость естественна, твои капризы природны, твои взрывы эмоций — обыденность, а твои жалкие потуги — талант?!

О чем они беседовали дальше, мы не знаем.

Потому что на цыпочках вышли из комнаты, где два стула, два человека и обои в горошек.

В крупный.

И вернулись лишь к самому концу разговора.

— Знаешь, кто я по образованию? — спросил Лешенька, мрачно жуя губу. — Только не смейся, ладно?.. Организатор-методист. Культурно-просветительной работы. Высшей, мать его, квалификации. Не профессия, а диагноз. Анекдот слышала: «Алло? Прачечная?» — «Хреначечная! Это Институт культуры!» Ты представляешь, каково человеку жить, зная, что он — организатор-методист? Не организм, а организатор. Еще и методист в придачу, словно деловитый пастор из Ассоциации Христиан-Предпринимателей. Ходячая чушь на тонких ножках — вот кто я, Галюн. Бакозабиватель. Зверь Гуманитерий. Я к ним, к твоим, на Гороховую, пошел, как на амбразуру. А они сказали: если бы раньше, смог бы — шутом. Пока не закостенел. Теперь поздно. Могут взять в отдел внешних контактов. Деньги, конечно, другие, но... Я спросил: кем? Выяснилось, что организатором-методистом. С перспективой роста. Я сказал, что подумаю. Вот думаю.

Он был трезвый.

Он говорил ровно и скучно.

Но почему-то не возникало сомнений, что пьет Бескаравайнер с утра и не первый день.

САКРАЛЬНОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

«Принципу Алеф (изначальному движению, первотолчку от Кетера к Хохме) соответствует Шут — символ божественной силы до манифестации, способной строить и рушить миры. Но Вселенной еще нет, и потому Алеф — только шут, ноль, ничто, пустота, которая может стать чем угодно, то есть абсолютная свобода. Планета Уран говорит, что Бог творит Вселенную легко, случайно и ненарочно, — такова же спонтанная

природа гениальности человека. Но все же нечто над этим стоит, а именно изначальная архетипическая полнота Кетера; значит, и за спонтанностью Шута стоит разум — согласно Каббале, это непосредственно близкий к первоисточнику «разум огня». Поскольку здесь происходит первое и потому самое сильное отклонение от изначального равновесия, то одним из символов этого цинарота является коромысло. Но чаще всего Шут просто держит узелок на палке, балансируя с ним на краю пропасти. В узкопрактической проекции на человеческую жизнь эта карта трактуется как предостережение против опасностей всего неожиданного и принципиально нового. Но за этим стоит более широкий смысл высшего творчества, творения на пустом месте, из всей полноты своего существа. Пусть творение есть нарушение изначального порядка бытия (потому перед Шутом пропасть), но все же оно диктуется высшими нравственными законами».

Ты что-нибудь понял, дорогой читатель?

Мы — нет.

Искренне твои Третьи Лица.

P. S. Но какой кайф, а?

* * *

Чертовски, знаете ли, непривычно, после отсутствия вновь оказавшись на родной улице, сворачивать к воротам не своего, а соседского дома. Есть в этом что-то порочное, отдающее беспорядочными связями и средством от клопов, тайком подлитым в чужой суп. Хорошо, что день рожденья только раз в году.

Особенно если это день рожденья Вована.

Казенная приветливость дремала на лице, скручивая рот жабьей, складчатой улыбкой. Час назад, покинув смурного Лешеньку, Галина Борисовна вдруг вспомнила главное. «Настя! — телефон поглотил крик; до дна пропасти долетело лишь жалкое «А-а-а!..», рассыпавшись щебнем. — Катастрофа! Подарок! Мы забыли про подарок!» Ответ дочери был прост и оглушающ: спокойно, мама, я Дубровский, ничего не забыли, деньги взяла у тебя в сумочке, извини, что не предупредила, Пьеро обещал купить на свой вкус. Люблю-целую. После такого ответа пришлось долго сидеть в открытом кафе, отпаивая себя ядовито-зеленым «Тархуном».

Все время чудилась вендетта, объявленная Вованом по вручении даров.

Потому и опоздала. Пусть сосед сначала убьет Настю с мальчиками.

Рука давить на звонок отказывалась категорически; пришлось помочь второй. Сверху опустилась видеокамера на витом шнуре с кистями. «Подымите мне веки!» — камера зафиксировала гостью в фас и в профиль; моргнула с видом авторитета, перед которым мнется мелкий, но подающий надежды шпанюк. Щелкнула клювом и скрылась в бойнице. Небось побежала докладывать. Долгая, мучительная пауза; наконец створки ворот, плотоядно клацнув, разъехались. В проеме, открывшем дорогу в пещеру людоеда, стоял Баскервиль. Кобель был в духе: зевал, вилял задницей. «Здорово, подруга! — Всколыхнулись брыли, ниточка слюны дружелюбно свисла с мощной губы. — Дорога кошка к обеду! Топай за мной...»

Подруга затопала.

Пес вел жертву именин через «зашитую» тонированным стеклом террасу, с явной целью зайти дому в тыл и оказаться во дворе. По пути им никто не встретился: тихо, как в могиле. Подозрительно. Невозможно. Тихий час им. новорожденного Вована? Нервы дымились, тремор сотрясал пальцы. Возле вазы эпохи Цхе, откуда торчал махровый подсолнух-мутант, обнаружился столик. А на нем...

Компакт-диск «Adrian Rollini and California Ramblers» (записи 20-х годов); бонусом служила пьеса «I remember Adrian» в исполнении какого-то К. Хокинса с оркестром Хендерсона. Рядом — роскошно изданная книга: Йозеф Шкворецкий, «Бас-саксофон». Открыла наугад, с конца: *«Но это не было сном, ибо во мне до сих пор живет этот отчаянный всплеск молодости — вызов бас-саксофона. Я забываю о нем в мельтешении дней, в житейской суете, лишь привычно повторяю: люблю, люблю, — ведь годы и бесчувственность мира определили этот мой облик, сделали кожу толще. Но живет во мне мементо, предостережение, минута истины — бог знает где, бог знает когда; и я, печальный музыкант, буду всегда скитаться с оркестром Лотара Кинзе по горестным дорогам европейских окраин, под тучами великих бурь, и темнокожий бас-саксофонист, Адриан Роллини, будет снова и снова напоминать мне о мечте, правде, непостижимости — мементо бас-саксофона».* Еще был здесь футляр, распахнутый бесстыже, как пеньюар

блудницы; и на кровавом бархате, устилавшем его чрево, покоился чудовищный мундштук: выточенный из каучука, ювелирной работы цилиндр клювообразной формы, со срезом в верхней части. Сигарету, которую следовало курить при помощи такого мундштука, мог вообразить лишь душевнобольной.

Ясновиденье посетило мозг женщины. Это подарок. Подарок Вовану от семьи Шаповал, купленный шутом. Это смерть. Поэтому так тихо. Кухонный топорик с обухом, удобным для приготовления отбивных, уже сделал свое дело. И сосед с орудием убийства на изготовку затаился над трупами, ожидая последнюю жертву: финал трагедии близок. Остальные же гости уехали за «царской водкой»: растворять останки перед банкетом.

«Крепись, подруга! — Ухмылка Баскервиля обнажила желтую ограду клыков. Такие бывают на кладбище, вокруг могил. — Или ты собралась жить вечно?»

Столик с подарками приплясывал за спиной.

Вот и дверь.

Вот и двор.

— А я овчарка! Овчарка кавказской национальности!..

Дикий вопль, равно как последовавший за ним взрыв хохота, ударил под коленки. Гостья чудом осталась на ногах. Поэтому не сразу сообразила: живы! Все живы! Вон Настя с мальчиками, дальше Вован с обоими шутами... Больше во дворе никого не было, кроме мангала, штабеля дров и гигантского ведра, откуда умопомрачительно пахло мясом, маринованным в лимонном соке с луком, зеленью и перцем.

— Х-хав! Х-хав! Р-р-рыыыы...

Вован, стоя на четвереньках, мотал башкой: мешал Тельнику застегивать ошейник. Не прекращая утробно «х-хавать». Наконец шут ухватил поводок, и Вован ринулся кругами по двору, олицетворяя мечту чабанов из аула Цада. За ним волочился Тельник, тщетно пытаясь совладать с именинником.

— Горэц! Я горэц! Одын останус! Х-хав!!!

Настя шлепнулась на траву, колотя пятками от смеха. Вован обнюхивал ее, выражая сомнение: казнить или миловать? Но шут уже сдирал с него ошейник, просовывая в «строгий» обруч с шипами собственную голову.

— Пундель! Я пундель! Карликовый-абрикосовый!

«Пунделя» взялся выгуливать Пьеро. Зрелище ввергло

Галину Борисовну в ступор; она не пошевелилась, даже когда Вован перехватил инициативу, назвавшись пекинесом, потом выставка пополнилась «либерманом-пинчером», колли (в этом случае именинник потребовал, чтоб его звали Коляном), буль-буль-терьером в исполнении Гарика, новой русской борзой, сторожевым москвичом, баскет-хаундом; Баскервиль, поддавшись на уговоры, лихо исполнил клевретку из питомника маркизы Марии-Луизы Инконтри, но украсть из ведра кусок мяса опоздал — подвели габариты...

Но мне ведь не смешно, спросила женщина на пороге. Мне совершенно не смешно. Мне просто слегка удивительно, и все.

Конечно, ответили мы, Лица Третьи, подозрительно серьезные. Тебе не смешно.

Почему?

Потому что они внутри, а ты — снаружи.

А внутри мне будет смешно?

Необязательно. В конце концов, кругом чертова уйма народу, для кого шут — «паралич конский, приписываемый несдружливому домовому, коли лошадь не ко двору».

Но я ожидала...

Смех вызывается ожиданием, которое внезапно разрешается ничем. Так сказал Кант. Правда, он забыл добавить, что злоба вызывается той же причиной.

У меня нет чувства юмора?

Humour — настроение. Оно есть у всех. Разное. Хорошее и плохое. Злое или доброе. Humour — главные соки организма: кровь, флегма, желчь, черная желчь или, наконец, меланхолия. Выберешь что-то одно — зачахнешь. Соки должны бродить. Собственно, старый добрый английский humour — не более чем ушлый француз XVII века, месье Humeur, бродяга Склонность-к-Шутке, перебравшийся через Ла-Манш и получивший лондонскую прописку.

Я ничего не понимаю.

И не надо. Ты когда-нибудь видела человека, сумевшего в конце концов *понять* соль шутки? Душераздирающее зрелище, хотя и звучит гордо.

Я черствая и злая?

Глупости. Просто еще никто нигде и никогда не сумел объяснить постороннему зрителю: почему он смеется, а этот самый посторонний, умный и тонкий обладатель ученых степеней, пожимает плечами? Почему Х покатывается над упав-

шей в лужу старушкой, Y хохочет, читая Вольтера, Z веселится в кунсткамере, а академик Капица умирает со смеху, глядя на семиэтажное уравнение?! Природа смеха? Проще доказать теорему Ферма методом синекдохальной протоарахнологии. Распад нормы грозит нам безумием. Чтобы спастись, мы смеемся. Чтобы спасти, приходит шут. Иногда его зовут так же, как и вас. По имени.

— Мама! Иди к нам!

Вот-вот. Мама, тебя зовут. Иди к ним. А мы проводим тебя взглядом: Лица Третьи, волей судьбы забывшие, что значит «я», вынужденные всю жизнь рассказывать о других, чтобы в итоге таким окольным путем рассказать о себе. Правда, смешно?

Только не отвечайте. Правда, неправда — не надо. Давайте лучше о другом.

Возьмем, к примеру, шашлык.

* * *

...скользкие, тонко нарезанные кольца лука. Острый, кисловатый аромат. Поджаренная корочка: местами слой сала чуть обуглился, это ужасно вредно, говорят, там канцерогены, и для желудка — смерть, но удержать руку, тянущуюся за очередном куском, не под силу даже гималайскому бурому аскету. Раскинувшись у бревна, декоративно обтесанного под Японию, эротически стонет Настька. Изредка заливая очередной стон глотком «Твиши»: подкрепите меня вином, ибо я изнемогаю от жратвы.

— Мам, вино будешь?

— Не...

— А если показать?

Шуты танцуют вальс-бостон. На три счета. Лежа. Юрочка аплодирует им по-дзенски, одной ладонью. Все попытки приспособить вторую окончились неудачей. У Юрочки выросло брюшко: смешное, оттопыренное. Гарик щелкает сына по этому артефакту, и сын икает.

Словно заразившись, вслед икает Вован.

— Блин, ик!.. икота! Галка, напугай меня! Чтоб... ик!.. прошло.

— Как?

— Ну, скажи... ик!.. что я тебе денег должен.

— Ты мне должен сто баксов.

— Тю, напугала...

Мрачный Баскервиль зарывает в углу кость: на случай голода. У пса этот призрак зашит в генотипе. И никакая реальность его не поколеблет. Ф-фу, не могу больше.

Сейчас умру.

— Володя, ты меня убил. И закопал. И надпись написал.

— Сама ты Володя. Вован я. Во-ван. Трудно запомнить?

— Трудно.

— Ну, тогда смотри. И запоминай.

Паспорт. Синяя обложка с гербом. Номер, серия. Вован Николай Афиногенович. Год рождения. Прописка. Вован. Николай Афиногенович. Мягкий баритон Заоградина: «Кстати, Николай Афиногенович отзывался о вас наилучшим образом...»

— Въехала, Галка? Вован я. В натуре Вован. А если по имени, тогда, ясное дело, Колян.

Удивляться не было никаких сил.

— Вован, ты меня убил еще раз. Сегодня великий день. Момент истины.

— Момент? Истины?! — Вован поднялся медведем-шатуном. Странно знакомый кураж отразился в глазках майонезного короля: сейчас от этого факела полыхнет уголь в мангале, займутся стены дома, огонь перекинется на деревья, оттуда на небо... — За мной!

Откуда и силы взялись? Через бильярдную в коридор, оттуда вниз по лестнице, под землю, ниже, еще ниже, поворот, другой, дверь с заклепками, броневлита, штурвал запорного механизма вертится в мощных лапах капитана, выводя корабль на новый курс, это, наверное, бункер, здесь заседает штаб вермахта, нет, это не бункер, стены и потолок обшиты пробкой, абсолютно звуконепроницаемы, посредине — микшерский пульт звукооператора, муравейник рычажков; черные, траурные колонки на штативах, микрофоны, обалденный синтюг, мечта нищих клавишников, а дальше, в распахнутом плюшевом чреве футляра-исполина, — великан, медный гигант Талос, страстный динозавр, выгнувшийся от сладкой судороги, лохань Господа, рог Хеймдалля, труба Иерихона, с бляхами сумасшедших клапанов...

Общий выдох изумления утонул в обшивке стен.

В Тайной Комнате стоял бас-саксофон.

— Семь лет по кабакам, — грустно сказал Вован, утирая скупую слезу. — Музыкальная десятилетка, потом кабаки.

Лабух я. Бывший. Псих я. Только псих дудит в бас. А я как увидел однажды — влюбился. На всю жизнь. Может, и не женился из-за него. Одной гадюке показал спьяну, она ржет: мужчины с маленьким хреном любят большие пистолеты! Чуть не убил, шалаву. С тех пор все: никому. Пацанам покажи: затюкают. Вам одним. Потому что вы — люди. У вас сердце. Я за компактом Роллини пятый год гоняюсь. А вы... а ваш...

Пьеро, пискнув, утонул в объятиях соседа.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

«ВДОЛЬ ПО ГОРОХОВОЙ»

У киоска с прессой она остановилась случайно.

Голова еще слегка гудела в ритме блюза: вчерашнее веселье тонко напоминало о себе. Когда Настька решила сбегать домой за виолончелью, но передумала и оккупировала синтезатор, Пьеро навис над мандолайкой, Тельник приспособил маракасы, а Вован, закусив подаренные удила, низко, утробно, с придыханием повел черный-черный, аж синий «Summertime»... Сколько они просидели в Тайной Комнате — бог весть. Долго. Очень долго.

А казалось: всего ничего.

Сейчас куплю кефира... мальчики проснутся, спасибо скажут...

Журнал был глянцев и толст, как сытый бегемот в зоопарке. Журнал привлекал взгляд издалека. «Не надо! — беззвучно кричали мы, Лица Третьи, деликатные. — Не трогай! Иди мимо!» Но разве женщины слушают советов?!

— Будьте любезны...

Мелованные страницы шуршали клубком змей. Хорошая печать, дорогая: плашка густого фиолета. Бумага финская, матовая меловка... В разделе «Спорт» глаз неприятно зацепился за короткую заметку: «ШУТ-БОКСИНГ: к участию допускаются женщины». Впрочем, дальше шло безразличное: «...близок к тайландскому боксу, но вместо ударов локтями практикуется бросковая техника из вольной борьбы. Экипировка: шорты, ракушка, щитки без твердой основы...» Раздел «Обжорка» тоже вызвал смутные подозрения: «Плов «Шут гороховый» (нухотли афанди палов): замочить горох...» — но дальше выровнялся, нежно щекоча вкусовые пупырышки: «...за сутки до приготовления; баранье сало вытопить, извлечь шкварки и перекалить. В кипящем жиру обжарить нашинкованный кольцами лук, затем — ломтики мяса. После закладки мелко резанной моркови налить в котел воды и, не дав закипеть, опустить горох. Варить на очень медленном огне до мягкости (проверить пальцами); добавить соль и пряности (перец, зира, барбарис), заложить рис, добавив воды. По мере испарения рис перелопачивать».

Успокоившись, Галина Борисовна открыла журнал сначала.

«БОГАТЫХ ТОЖЕ ЛЕЧАТ!» — так называлась статья, подписанная культурно и без претензий: «Игнатий Сладчайший». Вчитавшись в гладкие, обкатанные, словно морская галька, фразы, Шаповал прокляла чашку кофе, выпитую с обаятельным журналистом, трижды прокляла свою откровенность в миг слабости и стократ — этот самый миг, очевидно, ниспосланный дьяволом в песочном костюме. О да, Игнатий управлял словом! Глагол цеплялся за глагол, обжигая сердце, текст лился адской смолой, с остроумными аналогиями из области клинической психиатрии, ссылками на экономическую ситуацию в стране, где формирование среднего класса сопряжено с уродливой мутацией сознания, влекущей потребность в брутальном шутовстве; были к месту помянуты английские аристократы XVII века, приходившие ради смеха в Бедлам любоваться буйными умалишенными; далее речь зашла про оперу «Риголетто», верней, про реальный случай, ставший основой сюжета оперы, когда развратник Франциск I соблазнил дочь своего шута Трибуле, в результате чего шут умер от горя, — абзац заканчивался риторическим вопросом: «Вы полагаете, нынешние «короли» безгрешны?!»; сама Галина Борисовна, описанная со вкусом и в деталях, уподоблялась императрице Анне Иоанновне, властной самодурше, большой любительнице карлов и уродов, которая однажды в наказание назначила шутом слабоумного князя Голицына, женила его на карлице Авдотье и чуть не заморозила в знаменитом Ледяном доме.

Игнатий владел языком. Мария-Луиза Курвощип, звезда услуги «Секс по телефону», от зависти бы сдохла. Блеск портретных зарисовок — «подтяжка кожи ей по карману, но шея выдает возраст...», «суровая нитка рта», « пальцы-барабанщики»; точность психологических характеристик — «бизнес-фригидность», «паралич совести»; знакомство с международным правом — «протокол о частичной консервации, оспо-

ренный в Гааге... но наши мелкопоместные либерал-царьки, готовые для потехи узаконить любых компрачикосов...».

— Сколько стоит? Возьмите... сдачи не надо...

Молоденькая продавщица долго провожала взглядом странную даму.

— Доброе утро, мама, — встретила у дома Настя. — Тут телевизионщики приезжали. Звали для участия в аномал-шоу. Тема передачи «Шуты среди нас». «За» и «против». Обещают подарки от спонсоров: фен, микроволновку...

— Доброе утро, — голос звучал эхом, замороженным на леднике. — А я вам журнал купила. Вместо кефира.

Настя взяла журнал, не отрывая глаз от матери.

— Мальчики спят?

— Нет. Чай пьют. Знаешь, мам... я тут, когда эти ушли, думала...

И, как с моста в реку:

— Давай его отдадим. Обратно.

— Кого?

— Пьеро. Я же вижу, ты на пределе. А за меня не беспокойся, со мной все в порядке. Я теперь сильная.

* * *

«Ниссан» мальчиков, отстав, застрял в пробке, плотно закупорившей горлышко проспекта Равных Возможностей (бывш. Доброжелателей, при переименовании сопротивлением масс пренебречь). Еще тридцать секунд назад трафик шумно выплескивался сюда с площади Всех Святых, а теперь — изволите видеть! Впрочем, наша героиня не удивилась бы, узнав, кто именно явился причиной затора. С ее мужем подобные истории чаще приключались по пятницам, но бывало и в другие дни недели.

Легко вписавшись в вираж Гороховой, Мирон вдруг ударил по тормозам.

Впереди силовым трансформатором гудела толпа. Впору табличку вешать: «Не влезай, убьет».

— Поезжай, Мирон. Медленно. Метров за десять остановишь.

И тоном, не терпящим возражений:

— Из машины не выходить!

Пикеты? Митинг? Климакс гулящей связи времен?! Толпа затягивала взгляд, как болото — пьяненького бродягу, не

позволяя зацепиться, нащупать кочку, выбраться из трясины. Сосущее под ложечкой чувство чужеродности происходящего и одновременно — déjà vu. Реальность блекла, осыпалась на глазах: жухлые лепестки тюльпана. Лишь один, последний...

— Дурак красному рад, — философски заметил Пьеро.

Снаружи самогонным аппаратом бурлил спектакль. Кукольный. Стихийно-санкционированный. Вились афиши на древках: «ПРОТЕСТ. Фарсодрам в одном массовом действии». Ветер брызгал сивухой, туманя мозги, толкал на подвиги, о которых назавтра с похмелья вспомнишь — вздрогнешь. У решетки, за которой укрылась злополучная «Шутиха», сбоку от ворот — самодельный помост. Сколочен на совесть: из пивных бочонков, патронных ящиков и обломков самосознания. Куклы на помосте сменяются, как бабы у дона Хуана. А вокруг...

Зрители.

Почтенная публика. Монументы из неподъемного гранита. Люди-памятники. Люди-маятники: скисла пружина, встали часы, маятники свесились мертвыми языками. Ждут своей минуты. Пыль Вечности на грубо тесанных плечах — плащом командорским. Пыль в морщинах, пыль в глазницах; пыль... Пепел ужаса стучит в сердце: а ну как пробудятся от спячки?! Шагнут в ногу, сотрясая землю чудовищным резонансом, вознесут в едином порыве каменные десницы — да и скажут бытию, веселому гуляке и бабнику: «Идем с нами!..»

Только и останется, что хрипеть, умирая: «Оставь меня! пусти! Пусти мне руку...»

Куклы-ораторы. Статуи-публика.

Выходи, Галина Борисовна, из машины.

Одну тебя ждем.

А на помосте жизнь кипит: скрипичным ключом булькает, басовым подпирает, гаечным подтягивает. Ручки, ножки, огуречик, глядь, и вылез человечек. Вот («славь игемона!..»), столкнув вниз Безродного Космополита, воздвигся над миром Черный Металлург. Косуха из «чортова скрыпа», галифе со штрипками на босу ногу. Весь в цепях, в оковах. На каждой окове — лейбл завода братьев Демидовых. В шуйце — макет домны в масштабе 1:12 000. На груди значок: багряный стяг с криком души «Металл — Родине!» Гитаристы из «Sepulture» от зависти бы сдохли.

Большой мастер куклу делал.

Ликом темен вышел, свиреп, с заклепками.

— Драть их рать!!! — Домна отлично заменила рупор. — Не позволим рядить нас в дурацкие колпаки! Даешь все сразу!

Взял Черный паузу. Авось монументы поддержат.

Не поддержали. Но и не возразили. Ох, тяжелая публика. Пришлось из динамиков «фанеркой» подпереть:

— Дае-о-о-ошь!!!

Дал помреж отмашку рабочим сцены. Вознеслись к небу транспаранты: «Мы — не шуты, шуты — не мы!», «Не отшутитесь!», «Бей паяца ногой по яйцам!», «Водки много не бывает!». И только свергнутый с трибуны Космополит растерянно искал по карманам куда-то запропастившийся бумажник.

«Бред. Это мне снится. Куклы. Карикатуры. Из «Окон РОСТа» повылезали. Их нет, они другие, скучные, обычные, — это я, я сама, сойдя с ума, нацепив раскрашенные гуашью очки, ряжу их в привычные страхи, в штампы и клише... Господи, они же все ряженые! Будто левая водка. Ряженые... карнавал...»

— Б'атья! Сест'ы! Ка'навал есть вечное состояние общества, вы'аженное в необузданности и инве'сии! Но наш, единственно ве'ный ка'навал всена'оден, он не знает г'аниц, в нем живут, а не иг'ают. Наконец, амбивалентность нашего с вами ка'навала утве'ждается тем, что, убивая, он воз'ождает. Подче'кивая дионисийское начало и с'ывая ха'и случайных попутчиков...

Это злой клоун. Из пакли и дощечек.

Куклы, они безобидные.

Бери пример с монументов: глазом не повели. Каменный глаз — верный.

— Бди, гражданин! Шуты среди нас! Ваш лучший друг может оказаться...

Ударился вопль о камень: вдребезги.

Нет отклика.

Тихо, как в крематории.

— Дамы! Господа! Имею место зачесть! Мишель Гельдерод, «Школа шутов»! Финальная реплика наставника этой, с позволения сказать, школы: «Я скажу вам, скажу всю правду... Тайна нашего искусства, великого искусства, что стремится быть вечным! Это жестокость!..» Вы поняли их правду?!

Поняли, не поняли — молчат монументы.

И вдруг по-другому увиделось: не помост — костер.

Жадное пламя языки миру показывает: нате вам! Дразнится. А вокруг — были памятники, стали снаряды. Целый склад. Накаляются потихоньку. Те, что поближе, уже шкворчать начали. Будто яичница на сковороде. Такая себе шкворчащая неподвижность. Обещание большого праздника.

«А мне, между прочим, через это минное поле еще пешком идти».

Ноги подламывались. Могла б переставлять их руками — не постеснялась бы. Дуру Настьку с Пьеро так и не удалось загнать обратно в машину. Ладно. Сбоку шел верный Мирон с монтировкой, преисполненный добродетели воина, что было естественно для мастера школы «Одна-нога-здесь», наследника традиций патриарха Ван Зай Ци; нравом же Мирон был незлобив и кроток, как прием «Ухо мертвого осла», чреватый восстановлением гармонии и переломом шейных позвонков. Зал памятников дрогнул, образовав коридор. По бокам, впереди, сзади возникли лица. Одинаковые. Стандарт-образец, растиражированный на вдребезги изношенных формах «высокой» печати. Пожалели на вас офсета, ох пожалели...

Пробуждались лица. От призывов не смогли, от огня не захотели, а тут — гляди-ка! Понимание комкало мраморные черты. Одобрение. Легкое, доброжелательное злорадство. Руки чесались: прорастало чувство локтя. И это было хуже всего. Откровенная неприязнь, злоба, ненависть — пускай! — тогда было бы легче.

Рычать и рыдать — никакой разницы. Одна жалкая буковка.

Можно делать одновременно.

Шорох пыли в глотках:

— Пропус-с-с-стите...

— Рас-с-с-с-ступитесссь...

— Эти — пус-с-сть...

— Рас-с-сторгать явилис-с-сь...

— Одумалис-с-сь!..

Шли вперед. Под обстрелом сочувствия. Сквозь строй с шомполами. Перебежчики. Раскаявшиеся изменники явились с повинной. Уже почти свои среди бывших чужих. Трудно шли. Спотыкаясь о выбоины. Оскальзываясь на поворотах. Вписываясь в колею. Мимо съежившегося льва с табличкой «Ул. Гороховая, 13». В незапертые ворота. Несмешно шли. Совсем несмешно. Даже мы, Лица Третьи, видавшие виды, подумывали о том, что идем, значит, а хочется бежать.

Совсем в другую сторону.

Совсем в другую историю.

...он ждал как раз посередине центральной аллеи. Заоградин Мортимер Анисимович. Генеральный менеджер «Шутихи» с правом подписи. И тоже смотрел с пониманием. Да, конечно: его понимание было иным, чем у памятников за спиной, но это ничего не меняло.

Призраки осени шептались в кронах вязов.

— Добрый день. Я полагаю, вы собрались прервать действие договора? Что ж, это законное право клиента. Бумаги у вас с собой?

«Да», — без слов, каменея, кивнула Настя.

Последняя капля рухнула в чашу. Выплеснув содержимое на асфальт. Обнажив дно. А на дне, как монетка на ладони юродивого, как заточенный по ребру пятак карманника, которым при случае и по глазам полоснуть можно, — на самом-самом донышке осталась улыбка, которую Галина Борисовна не замедлила предъявить взамен требуемых бумаг.

— Здравствуйте, Мортимер Анисимович. С чего это вы решили обсуждать дела на свежем воздухе? Да еще в присутствии посторонних? Пройдемте в кабинет, я хочу поинтересоваться вашей системой скидок.

— Скидок?!

Это была лучшая кукла спектакля. Обалдевший доктор социопсихологии гонорис кауза. Истинное удовольствие для знатоков.

— Скидок на оптовые поставки шутов. Семейный контракт-подряд. Настя вполне удовлетворена работой вашего сотрудника. Вот я и подумала: почему бы самой не завести шута? Работа, знаете ли, нервная, стрессы, депрессии... Муж пока колеблется, а сын просто житья не дает! Сестре завидует. Помните, у вас в альбоме был такой... маленький? Цицерон? Вы говорили: опытный работник, большинству нравится. Если скинете двадцать процентов, я пойду сыну навстречу. Что скажете, Мортимер Анисимович?

— Й-й-йес!!!

Ну, это, ясное дело, никак не Мортимер Анисимович.

Это Настька.

А сбоку уже вывернулся возбужденный Пьеро, преданно заглядывая в глаза:

— Тетушка, милая тетушка! Вы решились! У меня скоро будет маленький братик?!

— Вы серьезно? — Подвижное лицо главменеджера собралось в недоверчивые складки.

— Ну, знаете! Конечно, серьезно! Цены-то у вас нешуточные...

— В таком случае мы договоримся.

— Думаете?

Вместо ответа Заоградин энергично взмахнул руками, словно дирижер-камикадзе, выдергивающий чеку из начиненного тротилом оркестра. Парк вокруг «Шутихи» притих, подумал и взорвался. Кусты расцвели гроздьями ушастых колпаков, скрипичный квартет грянул хабанеру Кармен, временами сбиваясь на кабацки откровенные «Валенки»; потешный батальон ринулся штурмовать ворота изнутри — во главе армии скоморохов несся кривоногий генерал-мажор, жонглируя искрящейся на солнце медовой стекловатой. Мороженщики, одетые в трико и тулупы мехом наружу, устроили гонки на тележках, а на подмостки у ворот — в костер! в самое полымя! — оборвав нити предыдущей марионетки, уже карабкался кто-то с мегафоном в форме кукиша.

— Мы с вами! В одном строю! За равенство против справедливости! Это произвол! Шутам бубенцов недодают! Слыхали, как звенит? — Он горестно тряхнул широченной мотней, и оттуда брякнуло. — А должно вот так!

В штанах ударил Царь-колокол.

Качнулись пьедесталы. Моргнули монументы. Брутальный, вульгарный, невинно похабный и бесстыже откровенный, оратор продирал наждаком: совершенно лишний на сцене или в салоне, здесь, на улице, он был на месте. Он был *наместник* Его Величества Карнавала. Хрюкнули, заржали, неуверенно хмыкнули. И — покатилось кувырком. В толпе шныряли юркие офени, раздавая забесплатно маски из папье-маше с леденцами, вставленными в прорези ртов. Гулкое чмоканье сотен ртов сотрясло Гороховую. Мороженое шло «на ура», словно десант врукопашную. Конфетти разило наповал, серпантин вязал пленных, и к несчастным спешили, готовя надувную дыбу, подначных дел мастера.

Обделенного бубенцами снес с трибуны карла на ходулях:

— Валяй дурака! И-эх!..

— Я валял дурака: не боись тумака! В восемнадцать пугался, да привык к сорока!..

— Ой, на счастье, на беду ли я взобрался на ходули...

Как рождается балаган? Когда? Кто поймет?! — тот про-

молчит. Вместо взрыва снаряды полыхнули фейерверком: петарды, «римские свечи»... шутихи. Искры хохота бежали по бикфордову шнуру тишины: дальше, дальше, в город, в самое чрево дракона, кольцом свернувшегося вокруг Гороховой, 13. Кажется, Шаповал стало изменять зрение. Ворота были распахнуты настежь, и она, влекома за шиворот нежным, но властным прибоем, шагнула наружу. Остановилась, положив руку на спину приворотного льва. Спина оказалась мохнатой и теплой. Страж ворот лениво повернул гривастую башку. Заговорщицки подмигнул карим глазом с янтарными блестками. Страшно, мол?

И женщина кивнула: не то слово. А потом дернула рыжую кисточку на хвосте.

Город, не узнавая, вглядывался сам в себя. Закованный в броню рыцарь силился протолкнуть хот-дог сквозь решетку забрала, пачкая шлем кетчупом; мимо, оживленно беседуя, проскакали на ушастых пони двое — галантный кавалер при шпаге, в камзоле и рыбацких ботфортах читал татуированной эфиопке лирику Агнии Барто; через Палаццо Брачующихся грохотал броневик, расписанный рекламой пива «Манифест»; поодаль курил штабс-урядник Семиняньен, щелкая стеком по голенищу нихромового сапога, — беспризорник в шинели с «разговорами» спросил папиросочку, и Валерьян Фомич, снисходительно улыбаясь, кинул оборвышу портсигар, цельнокованный из чугуна; где-то там, в недрах города, тер медную каску губернатор Перепелица, вызывая на ковер пожарного джинна Мустафу, ланиста Гай Мазурик распускал на каникулы юных гладиаторов, принимал заказ кошевой атаман Закрутыгуба, пробуя каждую грамоту на зуб, в «ТРАХе» был аншлаг: постановка народно-эротической сказки «Идолище Прекрасное и Василиса Поганая» шла к оргиастическому финалу, но Санька Паучок горестно шептала: «Не верю!» — глядя из кулис, как медиум Бескаравайнер предается столоверченью на глазах у короля Артура и его банды, а на крыше мэрии, чудесно видимой от «Шутихи», вырос длиннющий золоченый шпиль, увенчанный зубоврачебным креслом, где сидел самый натуральный черт и с аппетитом уплетал кольцо краковской колбасы.

Как можно было на таком расстоянии определить сорт колбасы, осталось загадкой. А вот поди ж ты! До сих пор между зубами кусочек застрял...

— Вы видите?! — жаркий, взволнованный шепот обжег ухо. — Видите, да?!

Не столько вкус чертячьего обеда, сколько лицо подкравшегося сзади Мортимера Анисимовича — он ожидал ответа, как смертник помилования! — окончательно убедило женщину. Да, сошла с ума. Сбрендила. Двинулась крышей. А генеральному менеджеру тоже очень хочется, но бог таланту не дал. Наверное, от такой мысли следовало прийти в отчаяние. Или в ужас. Или в психиатрическую лечебницу. Но вокруг кружился безумный карнавал, которого не бывает, но во время которого бывает все. Обращал безумие в норму, естественную среду обитания Homo Jokers. Шибал в нос колючими пузырьками ситро, амброзии детства, дарующей бессмертие и вечную молодость; переименовывал солидный, степенный, правильный город в шутовской бедлам.

— Видим, ясен пень! — отозвалась вместо нее Настя. — Мам, и ты?

— Ага. А вы?

— А я — нет, — грустно развел руками Заоградин, похожий на кладбищенского грача. — Не дано. Совсем. У меня иначе. А вам очень повезло...

И вдруг сорвался. Голос стал жалким, умоляющим:

— Расскажите! Расскажите, что вы видите!

— Извините. Не могу. Я не умею — рассказывать. Я и видеть-то — не очень...

Все. Погасло. Стало, как прежде: решетка с вензелями, мраморный лев с табличкой. Вокруг — обычное «народное гулянье», проходящее в отчетах мэрии по графе «массовые мероприятия». Улетели черти, удрали эфиопки, джинны попрятались в лампы. Только отзвук остался. Эхо серебряных бубенцов в колпаке неба. И женщина поняла, что стоит над растаявшим безумием, как девчонка — над лужицей оброненного эскимо.

Жалко.

До слез.

* * *

Беседка была увита плющом.

Беседа была односторонней, как дорога на эшафот.

Связь времен тоже была, но непонятно какая.

— У меня несчастье. Я теоретик. Чистый. Глухой от рождения, математическим путем выяснивший существование

баховской «Чаконы» и рок-н-ролла. Однажды некий физик предположил, что Творение состоит из одного-единственного электрона. Который, двигаясь с бесконечно большой скоростью, описывает все вещи, все предметы, все явления, — и мы не успеваем за ним. Куда бы ни ткнулся наш убогий взгляд, наш ограниченный слух, наше жалкое осязание, — везде мы натыкаемся на этот единственный электрон, успевающий оказаться *там*. Он быстрее всех нас. Росчерк пера бога. И кто-то, язвительный скептик в черном плаще, давно пытается поймать этот электрон в перчатку, как бейсболист мяч. Мне нравится эта теория. В ней есть безумие Карнавала. Я верю в Карнавал. Я верю, что он творится всегда и везде, в любой точке времени и пространства, потому что не знает о существовании часов и линеек. Я верю в Карнавал, хотя он скрыт от меня за семью покрывалами, а шуты его знают. В лицо. Речь не о сотрудниках «Шутихи»: штамп в трудовой книжке — ерунда. Все шуты, сколько бы ни родилось. У них тоже несчастье, как у меня. Они видят Карнавал, не в силах отрешиться от его многослойности, безумия, смеха и смерти, разница между которыми так мала, что шуты попросту перестают ее замечать. Шутовской хохот сотрясает небо и землю, но им, вольным и зрячим, очень трудно жить среди адептов стабильной тверди, не мыслящих себя вне рамок, будь это траурная рамка вокруг некролога в газете или рамка прицела. Кварензима, тощая старуха, словно перезрелая девка за женихами, охотится за любым воплощением Карнавала: найти! запретить! залечить до смерти! Зацеловать равнодушными губами. Но румяный толстяк и голодная карга — муж и жена; в горе и радости. Карнавал погибнет без Кварензимы, Дурак на карте Таро теряет смысл без пропасти, куда беспечно шагает с котомкой на плече. Я становлюсь многословен. Извините. Это потому что я ущербен и знаю это, в отличие от счастливого большинства. Увы, не видя Карнавала, я вижу шутов. Я могу увидеть зародыш колпака на вполне благоприличном юноше, студенте иняза, призрак двуцветного трико на матери семейства, бегущей из гастронома с авоськой в руках; мне звенят бубенцы, если рядом проходит старик с лиловым носом и хитрыми морщинками в углах глаз. И я обречен видеть, как они умирают. Не люди, о нет! *Шуты в людях*. От сплетен подруг трико на домохозяйке превращается в застиранный халат. Компания «быков» навсегда сшибает колпак с юноши. Старик — этот умирает обычно, плотски; ему поздно меняться, если дожил шутом до старости. Ряженое становится нагим. Простуженным. Скучным. Отчего умирают шуты? Дай бог вам никогда не узнать правды. Я по-прежнему верю в Карнавал, а они, мертвые паяцы, больше не знают его и знать не хотят. Утратив знание; не обретя веры. Поэтому я ищу их до смерти, раньше смерти; я ищу их вместо смерти, чтобы дать жизнь. Сегодня все завершилось удачно, просто чудесно — вы не представляете, до чего я рад...

— Представляем. Куда лучше, чем вы, милейший господин Заоградин, полагаете. Потому что это вы все организовали. И, надо сказать, организовали блестяще. Наши аплодисменты.

У входа в беседку стояли Гарик с Юрочкой, картинно опершись о балясины.

— Простите, не понял? — сбившись, дернул щекой Мортимер Анисимович.

С жестокой насмешкой подростка Юрочка передразнил:

— Простите! Он не понял! Qui s'excuse, qui s'accuse, достопочтенный сэр! Кто извиняется, тот обвиняется.

— О, даже так? Мне предъявляются обвинения, молодой человек?

— Папа! Юрка! Вы что, с дуба рухнули?

— Анастасия, помолчи! — Гарик никогда раньше не шикал на дочь; это был дебют, и, надо заметить, удачный. — Ты просто не в курсе.

— Давай, пап, начинай. Первое слово — обвинению.

На этих словах преступную связь времен порвали, как Тузик — тряпку, все смешалось в доме, то бишь в беседке, а почтенная династия стоматологов Облонских, если кому интересно, тут совершенно ни при чем.

— Итак, — подбоченился фискал-прокурор Горшко, являя собой гибрид роденовского «Мыслителя» и дипломата-запорожца, пишущего ноту Великому Национальному Собранию Турции. — С чего начнем? Со странностей или с пиара? Пожалуй, с пиара, он чернее. Кому в первую очередь выгодна шумиха вокруг «Шутихи»? Скандальные статьи, аномал-телешоу, сплетни, митинги и пикеты? Ответ прост: разумеется, самой «Шутихе». Кто бы без этого знал о существовании фирмы, которую представляет подсудимый? Очень немногие. Узкий круг. Маленький такой кружок шутоводов-любителей. Но скандал, этот двигатель внутреннего сгорания рекламы...

Он одернул зарвавшуюся мантию, и в паузу шурупом ввернулся подсудимый:

— Ваша честь, разрешите реплику?

Судья Шаповал с достоинством кивнула. Кисточка квадратной шапочки свесилась под самый нос, приглашая дернуть, но правила хорошего тона удержали судью за руку.

— Несмотря на двусмысленность моего положения, хочу заметить, что господин прокурор совершенно прав. Особенно при нетривиальном характере предоставляемых нами услуг. Однако, создайся вокруг «Шутихи» резко отрицательное общественное мнение, — это вряд ли увеличит число клиентов. Состоятельные джентльмены не очень-то любят связываться с фирмами, имеющими скандальную репутацию. И поэтому, учитывая отмену деления преступных деяний на фелонии и мисдиминоры, рискну воззвать к здравомыслию высокого суда...

Складывалось впечатление, что подсудимый сознательно провоцирует прокурора на следующий шаг в обвинительной речи. Но на крючок первым попался молодой адвокат-солиситер (окажись на его месте более опытный барристер, непременно промолчал бы!):

— Ваша честь! Мой подзащитный прав! Его клиенты — люди влиятельные, с весом в обществе. Полагаю, если хорошо копнуть даже в Суде Короны...

— Это конфиденциальная информация, — сухо отрезал подсудимый.

— Разумеется! Я к тому, что настоящие джентльмены умеют постоять за себя и за своих шутов. Не гнушаясь в ответ никакими средствами: добрым словом и револьвером, как известно, можно добиться куда большего, чем просто добрым словом!

Это был метод инверсивного шокового психопрессинга, при котором защита с обвинением ритмично меняются местами, наподобие пар в марлизонской кадрили, чтобы при объявлении вердикта слиться в общем экстазе гуманизма и всепрощения.

Прецедент: книга Иова.

— Готов выступить в качестве прогнозиста. — Букли напомаженного парика фискал-прокурора колыхнулись с явной иронией. — Скоро косяком пойдут опровержения, «отповеди клеветникам»... Сборники медицинских фактов: шут-

терапия в действии. Вторая волна рекламы, позитив, полностью оправдывающий...

— ...моего подзащитного! Мы совершенно уверены, а в некоторых случаях знаем доподлинно: большая часть появившихся сейчас материалов инспирирована и проплачена самой «Шутихой». Иногда через подставных лиц. Пешки-репортеры зачастую не знали, для кого стараются. Разве что личный друг моего подзащитного, некий Игнатий Сладчайший, он же Игнат Лойолкин...

Взгляд мисс Анастасии (потерпевшая, истец и присяжный заседатель в одном лице) заметался вспугнутой мышью. А судья, если продолжить зоологические аналогии, уподобилась готовой к броску королевской кобре-матери. Мы же, как Лица Третьи, вольные слушатели, наблюдали за происходящим из переполненного нами зала суда.

— Это правда, подсудимый?

— В рассуждениях, прозвучавших здесь, присутствует определенная логика.

— Логика?! Определенная?! — Адвокат еле сдержался, чтоб не подпрыгнуть от возмущения: негоже будущему лорду-канцлеру впадать в детство. — Позвольте узнать, откуда вторженец Берлович с двумя ирландскими террористками узнали адрес матери потерпевшей? А надписи в подъезде, оскорбительные для чести и достоинства?! Звонки анонимов?!

— Обвинению хотелось бы знать главное: ЗАЧЕМ? От рекламы вам польза. Шумиха, ажиотаж, прибыль. А от мелких пакостей? Кто о них, кроме нас, узнает? Я понимаю, этой дряни и без ваших молитв хоть пруд пруди, но все-таки...

Связь времен задумалась, почесала в затылке и восстановилась.

— Вы очень близки к правде. — Мортимер Анисимович отошел к перилам. Пальцы ударили дробь: сильно, слабо, совсем еле-еле. — Не ожидал, право слово.

Он покачался с пятки на носок: утлый челн в предчувствии бури.

* * *

— Наверное, легче всего сейчас было бы надеть маску. Профессор шутовских наук, завкафедрой карнаваловедения, читает лекцию студентам-контрактникам. Скрип перьев в конспектах: «Эффект шут-терапии неполон без форсированной стадии процесса, когда, отвечая на серию внешних раздра-

жителей, клиент вынужден делать выбор: защищать шута или отказаться от него. В толкованиях Тарота о карте Шута, безрассудно бредущего к пропасти, сказано: «Возможно, вы просто должны сделать прыжок, опираясь лишь на слепую веру, чтобы достичь другой стороны, пусть даже этот прыжок вас страшит...» Но, как известно, самые талантливые студенты нашей кафедры вечно прогуливают лекции, а скучного зубрилу никакой конспект не спасет.

Поэтому сожгите тетради в печке.

Может быть, стоит поговорить о мифе. О том рае, где удачливые, язвительные шуты катаются как сыр в масле. Сидя за одним столом с королем, чавкая из его тарелки, безнаказанно издеваются над принцами и мимоходом одаривают господина мудрыми советами. Вынужден разочаровать вас: принцы злопамятны, а короли вспыльчивы. Удавить за неудачную шутку? Лишить языка? Оскопить? Сгноить в темнице?! Вот юмор монархов. И даже везунчикам, кто дожил до старости, кто умер в своей постели, куда чаще доставались пинки и затрещины, чем высочайшие милости. У Шекспира в «Короле Лире» шут просто исчез после бури. Без объяснений. Даже тела не нашли, чтоб похоронить по-человечески.

Вы вправе возразить: наш просвещенный век — и дикость Средневековья?! Да, конечно. Но шут по-прежнему беззащитен! Колпак не спасет от удара меча, в этом природа колпака. Покройся он стальными бубенцами сверху донизу, мутируй в шишак, затем в шлем-бургиньон — кто разглядит карнавал сквозь частую решетку забрала?! Но вместо всей этой риторики я задам вам всего один вопрос. Не надо мне отвечать. Ответьте сами себе: вам бы действительно хотелось, чтобы все произошедшее с вами за последний месяц оказалось сном?

Если да, то любой мой ответ не имеет смысла.

Если нет, тем более.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

«Есть несколько сортов смеха. Есть средний сорт смеха, когда смеется весь зал, но не в полную силу. Есть сильный сорт смеха, когда смеется та или иная часть зала, но уже в полную силу, а другая часть зала молчит, до нее смех в этом случае совсем не доходит. Первый сорт смеха требует эстрадная комиссия от эстрадного актера, но второй сорт смеха лучше. Скоты не должны смеяться».

Даниил Хармс. «О смехе» (1933).

Даниил Иванович, ты ведь понимал, что рискуешь?

Искренне твои Третьи Лица.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

«ВИЗИТ КВАРЕНЗИМЫ, ИЛИ ЗЯМА ИМЕЕТ ЗАЯВИТЬ»

— Это ничтожество, — сказал Зяма, чихая и, как обычно, думая о своем. — Он назвал меня шутом. Я прочел ему оду «Добрый молодец», но музы молчат, когда ревут ослы. «Зямочка, дорогой мой, ваше шутовство вызывает умиление, но неужели вам самому не стыдно...» Гарик, я хотел поговорить с тобой об этом жалком ничтожестве. И об этом тоже...

Палец, мосластый и почему-то средний, а не указательный, без видимой причины уперся в чахлую старушку, которая шустрей таракана отбежала к гаражам.

— Я долго ждал тебя, Гарик. Я весь измучился, стоя под запертыми воротами. Думал, ты больше не хочешь видеть своего Зяму. А это насекомое ничтожество...

Палец продолжал настойчиво тыкать в безобидную бабку. Зяма был похож на обиженного ребенка, переполненного негодованием, но неспособного облечь чувства в связную речь; впрочем, это было его обычное состояние. Галина Борисовна обошла взывающего к небесам Кантора, собираясь открыть ворота, но зачем-то обернулась через плечо на старуху. Желудок моментально взбунтовался, напоминая, что позавтракать она забыла. А профессиональная язва не терпит такого вопиющего склероза. Сейчас пройдем в дом и сядем завтракать. Нет, обедать. В холодильнике наверняка что-то есть, а если нет, придется отправить Мирона...

Возле гаражей отиралась троица старух.

Они двигались по сложным спиралям, не сталкиваясь разве что чудом. Их движение завораживало. Четыре старушки резво перебирали ногами, затянутыми в ватные колготы, башмаки пяти бабусь, шаркая, просили гречневой каши, шесть худющих сплетниц втягивали головы в воротники из траченного молью каракуля. Ярко-зеленый гараж стал грязно-зеленым, как горлышко пивной бутылки в луже; оранже-

вый — бурым; тот, что из белого кирпича, напомнил груду известкового раствора, сваленного нерадивыми строителями под открытым небом. Веселенькая ограда дома напротив скукожилась, обретая мрачный статус решетки вокруг казенного склада с тушенкой. Даже мелькнул призрак колючей проволоки, натянутой сверху. А на остальных заборах объявились клыки битого стекла: чтоб мальчишки не лазили. Девять старух семенили, накручивали, шевелились и кишели, к ним присоединились два старика, один изможденный, с усами, второй безусый, но жирный до отвращения, — оба старца были вооружены стетоскопами и отличались завидной прытью.

Начался дождь.

Не июльский слепец, не майский ухарь, даже не ноябрьский мизантроп, — мелкий, пакостный мерзавчик конца декабря, когда Новый год вязнет в слякоти, грязно матерясь в ожидании снега, а мокрые насквозь ленты серпантина оттягивают лапы елок к земле, мешая взлететь.

Красная черепица на крыше утратила блеск леденцов.

Сейчас крыша напоминала фурункул.

Дюжина старух, восемь стариков и шесть-семь молодых людей с лицами манекенов, зато в брюках и рубашках, выглаженных так, что взгляд резался в кровь о бритвенно-острые «стрелки» штанин и рукавов, вели хоровод. Это напоминало бы броуновское движение молекул, будь оно живым; чуждый, механический ритм пробивался сквозь внешне бессистемное круженье. Метроном — сухой, равнодушный:

«...бей паяца ногой по яйцам: не смей смеяться! Учись бояться!..»

Молодых людей стало гораздо больше: циркулируя по улице туда-сюда, манекены придвигались все ближе, и желание вбежать в дом, открыть холодильник и съесть хоть что-нибудь, лишь бы утихомирить царь-голод, стало нестерпимым.

«Сейчас камень кинут. Точно, сейчас кинут...»

С глухим скрежетом — так умирают рептилии в асфальтовых болотах — разлетелось заднее стекло котика. Осколки усыпали землю; если бы в них отразились небо, солнце, которое секунду назад туча сунула за щеку, кроны деревьев или лицо Зямы — было бы легче. Но тонированные куски зеркала, детища злобного тролля из предисловия к сказке, совершенно не умели отражать.

— Что вы делаете, гады?

Верный Мирон шарил взглядом по толпе, ища обидчика.

Тщетно.

Если кто-то и бросил камень, его нельзя было вычислить в мельтешении тел.

К ногам Насти жался Пьеро, омерзительно черно-белый. Взгляд шута ерзал, кланялся, суетился, подобный трусишке, угодившему в преддверие драки: я? да что вы? я здесь случайно, я посторонний... Впервые Галина Борисовна увидела, что Пьеро еще очень молод, ненамного старше самой Насти, всего лет на пять-шесть. Раньше это скрадывалось поведением: шуты не имеют возраста. А затравленные шуты, оказывается, имеют.

«Домой. Скорее домой... не дай бог замок заело...»

Магнитный ключ бессмысленно тыкался в прорезь. Ворота даже не щелкнули челюстями: словно грешники со всем присущим грешникам наивом пытались проникнуть в рай с черного хода. *«Бей паяца... учись бояться...»* Уши забило серными пробками; тихо шелестя подошвами, манекены бродили уже вплотную, по-прежнему ничего не делая, не проявляя никакой враждебности, кроме безразличия.

Просто двигались.

Люди так не умеют.

На ветках деревьев копилась пыль. Под ногами шуршал щебень. Короеды точили клены у кучи строительного мусора. Птичий помет клеймил окна безглазых строений. Вещи покупались на вырост. Картошка запасалась на зиму, целые чулки лука вывешивались в кладовках, напоминая о возможности голода, и белесые влажные побеги росли из гниющих головок. Вопрос «Как дела?» не требовал ответа. Перелицованные лица, опустелые тела, душные души. За портьерами, шторами, гардинами, за стенами и дверьми жизнь шла своим чередом: настоящая, правильная жизнь. Каждый был сам за себя. Даже в комедиях за кадром в нужных местах ржал хор профессиональных смехачей-наемников — иначе зритель мог бы ошибиться и расхохотаться не там или вовсе выключить телевизор.

Хотелось есть.

Хотелось пойти к врачам: провериться на всякий случай.

Еще очень хотелось поехать на работу: прямо сейчас. Наверняка все развалили, растащили, угробили за два дня дело всей жизни...

— Что вам нужно? Убирайтесь!

Это Юрочка. Шагнул, как в омут, в тихий омут, битком набитый чертями, — в круженье, в молчаливый хоровод. Страх в глазах юноши — «Ударят! Унизят!..» — бился насмерть с карим, безрассудным огнем, весело идущим к пропасти с котомкой на плече; и огонь победил, вышвырнув страх наружу. Но, вплетясь в хоровод стальной нитью, бесцветный, немой страх вернулся победителем: от ловкого удара в живот Юрочка согнулся, глухо крякнув, будто надорвавшийся грузчик, следующий толчок отшвырнул его к машине, и Галина Борисовна с ужасом следила, как сын медленно сворачивается клубком возле колеса раненного в спину котика.

Кто бил, как и зачем? Увидеть не получилось.

Страх бил.

«...ногой по яйцам: не смей смеяться!..»

А манекены все ходили туда-сюда, задевая людей сухими, шершавыми, как змеиная кожа, телами. И старцы все мерили холодными пальцами пульс — себе и тихому, снулому бытию: волноваться вредно, спешить вредно, дышать вредно, жить вредно, знаете, что такое такихардия души? И кивали старухи: правильно, верно, так и надо, только так, тик-так, тик-так, нервный тик, верный так... От их тиканья связь времен костенела лопаткой брахиозавра, найденной в раскопе.

— Юрка! Игоревич! Ты что? Что ты...

Гарик упал на колени рядом с сыном, бессмысленно пытаясь заглянуть в лицо.

— Это ничтожество... — повторил Зяма, разглядывая хоровод. Смешной и неуклюжий, вечный воитель с мельницами, сейчас он был смешон вдвойне: видя что-то свое, с отвисшей нижней губой, поэт-неудачник, мечтающий о публикациях в «Нефти и газе» или на худой конец в малотиражке НИИ «Госнаобумпроект».

— Это ничтожество...

Сказано было жестко. Удивительно жестко для безобиднейшего Зямы. Даже, пожалуй, жестоко. Знакомые, затертые до неузнаваемости слова вдруг заострились профилем мертвеца. Кантор присел, растопырившись, хлопнул себя по правой ляжке; потом, едва не упав, хлопнул по левой, и до Галины Борисовны не сразу дошло, что Зяма танцует, глядя в мельтешение теней с отчаянным весельем безумца.

Как индеец перед выходом на тропу войны.

Как пьяненький дед на свадьбе младшей внучки: м-мать! дожил, братцы!..

С похмела —
Ох, смела! —
Мне фортуна поднесла:
«Пей, фартовый, поправляйся!»
Как проказница мила!..

Впору было воскликнуть вслед за нашим старым знакомым Тертуллианом, большим любителем полюбоваться адскими мучениями паяцев: «Credo, quia interpum!» — «Верую, ибо нелепо!» Потому что ничего нелепей этой частушечной цыганщины, этого дурацкого экспромта, ничего более неуместного и несвоевременного в данной ситуации придумать было нельзя. Хоть пополам перервись — на-кась, выкуси! Севший, испитой голос «дал петуха», срываясь визгливой фистулой; охнула Настя, хватаясь за рассеченный пополам абсолютный слух, глянул снизу обалделый Гарик, крутнув пальцем у виска, но чудней всего оказалась реакция шута. Сейчас Пьеро напоминал капрала, замешкавшегося под обстрелом, который вдруг увидел, как цивильный штафирка, чахлый шпак в сюртуке, перехватив бразды правления, взлетает на бруствер и командным матом поднимает солдат в штыковую.

Шут встал.

На четвереньки.

Тряхнул по-собачьи головой: бубенцы с бейсболки откликнулись вяло, надтреснуто, вразнобой, но это были настоящие шутовские бубенцы. В семи щелоках кипяченные. На семи терках тертые. Во второй раз они опомнились. Звякнули язычками с убийственным весельем, словно кастаньеты в руках старухи Изергиль, той старухи, что курит трубку, рассказывает сказки о гордых упрямцах и не шляется близ чужих домов, когда не просят.

Капрал кинулся догонять взвод:

Рылом вышел — весь в пуху,
В ряд калашный влез нахрапом
И кукую петуху,
Что его колода с крапом!

— В детстве был смуглей арапа
И устойчив ко греху, —

поддержала дурака Настя.

Хоровод сбился с шага. Дальние старцы шарахнулись прочь от ограды, налившейся розовым пополам с зеленью, словно раннее яблочко; двое манекенов помоложе схватились за щеки, обжегшись румянцем. Боль исказила восковые

черты. Птичий помет на окнах перестал раздражать: его уронила обалденная, горластая, иссиня-черная ворона, которая больше всего на свете обожала красть блестящие побрякушки. Очень блестящие. Просто-таки ослепительные. А помет — что помет? Воронам тоже гадить надо, вороны тоже люди.

Зяма продолжал хлопать и приседать.

Враскорячку.

Лучше не придумаешь.

Я крутой,
Холостой,
Принцип жизненный простой:
Коль попался на дороге,
Хочешь — падай, хочешь — стой!

Перья проросшего в кладовках лука стали буйно-зелеными. В салат положи — объеденье. А до зимы еще сто лет. Дождь полосовал черепицу, и под кнутом маркиза-садиста крыша вдруг полыхнула алым огнем. Зашевелился Юрочка, расплескивая грязь; попытался сесть. Сперва не получилось, но отец помог, поддержал, а потом взял да и затянул от фонаря наискосок в терцию с Пьеро:

Центнер с гаком, но удал,
Наплевал врагам в колодцы,
Кто последний — пусть смеется,
Это, брат, не навсегда!

И Галина Борисовна вдруг пожалела, что рядом нет психиатра или на худой конец Лешки Бескаравайнера, потому что такую несусветную чушь лучше было бы орать в присутствии специалиста. Впрочем, и так вышло неплохо:

В огороде лебеда
Нетерпима к инородцам!

Но хоровод ускорил вращенье. Циферблат часов, отмеряющих вечные сороковины Карнавала: быстрее! еще быстрее! еще! Круг за кругом, на круги своя, кружной путь безопаснее, девять кругов благих намерений... В теме дождя ударили литавры града. Стало зябко. Можно простудиться, схватить насморк, если с преступным легкомыслием забыть дома зонтик, не закутаться в колючий шарф, оставить теплые носки в шкафу, и вечным приговором будет вам кипяченое молоко с пенкой. Из купленной утром грозди бананов надо сначала съесть подгнившие плоды, чтоб они не испортились, а к вечеру гниль тронет новые, и снова придется первыми есть

именно эти, оставляя свежие на потом, которое не наступит никогда, — здравый смысл щедро балует гнильем своих адептов, требуя мзды; с мира — по нитке, с бора — по ели, с меры верните, что не доели, с дома — по дыму, с жизни — по году, впрок, молодыми, с пира — по голоду, с морды — по хохме, с детства — по Родине, с крестного хода — выкрик юродивого... Смертник, скотина, грешное крошево, дай десятину! дай по-хорошему!..

Рев диплодока, случайно забывшего вымереть в парках Юрского периода, рухнул на хоровод мельничным жерновом. Придавил, расплескал кипятком, давая осажденным набрать дыхание.

— Вован!

О да, это был Вован. Могуч и прекрасен, король майонеза шел от своих ворот, сверкая цепью, сотрясая землю, в боевых миланских доспехах «Adidas», и чудовище бас-саксофона, припав к губам возлюбленного господина, рычало на пару с вокально-озабоченным Баскервилем: «When the Saints go marchin' in». Тыл частей резерва прикрывал идущий на руках, багровый от натуги Тельник, хрипло голося поперек:

Ни кола,
Но кулак
Весом ровно в три кила,
Предо мной дешевый фраер
Граф Влад Цепеш Дракула!

В ответ дождь сплел паутину из сотни новых *кварензим*. Вокруг бунтовщиков, предателей, изменников кишело липкое сорокадневье, справляя поминки. Стояли часовые Великого поста: «Стой! Камо грядеши! Стрелять буду!» Бродили унылые режиссеры, перед спектаклем рассказывая всем и каждому, какой кровью и каким каторжным трудом далась им премьера, шлялись хмурые писатели, излагая urbi et orbi за неделю до выхода новой книги, в каких муках они рожали завязку, кульминацию и финал; педиатры мстили детству за поруганные идеалы, учителя литературы требовали всякое сочинение начинать чугунным пассажем: «В данном произведении автор осветил ряд жизненно важных проблем...»; ассенизаторы убеждали общественность в своем праве учить парфюмеров, и скучали в углах, колыша паутину, парфюмеры с обонянием, сожженным дотла «Шанелью № 5»; кухарки настойчиво управляли государством, тряся вожжами, а тихо

ехавшие перестраховщики в конечном итоге были дальше всех.

Сердце пробил насквозь гвоздь одной, но пламенной страсти: постоять в долгой очереди, время от времени выкрикивая: «Вы здесь не стояли! Мужчина, куда сказано?!» — с деревьев, истошно шурша, опадали казенные формуляры с прожилками виз и родимыми пятнами резолюций, дворники сгребали их в кучи, и руки, трясущиеся руки, судорожно тянулись выдернуть заветную бумажку («женщина, не морочьте мне голову!..»), заполнить фиолетовым ядом чернил, влить мертвую кровь в пластиковые вены и испытать чувство глубокого удовлетворения за бесцельно прожитые годы.

«...не смей смеяться!..»

Знакомые лица всплыли в хороводе, будто утопленница майской ночью. Юрочка качнулся обратно к машине, когда из тугих, как плети, прядей дождя к нему шагнули старые знакомые: Казачок с компанией пырловцев. Заслонить младшенького не успел никто, даже Тельник опоздал встать с рук на ноги, — *«...бей паяца!.. бедный Юрик!..»* — только сам «бедный Юрик», опершись спиной о капот котика, как великанливиец Антей, сын Геи и в целом слегка гей, приникал к матери-земле за новыми силами и вдруг заорал благим матом, совсем не по-адвокатски оскалившись навстречу гостям:

Восемь девок, один я,
Были девки — стали бабы,
Безобиден, как змея,
И на передок неслабый!

— Молоток! — ухмыльнулся дылда Шняга, воздвигаясь рядом.

— Ну, блин! — подтвердил Чикмарь, сбацав аритмичную чечетку.

Два бастиона свободомыслия стояли насмерть.

А эстет Валюн, мастер переиначивать слова, катая дружелюбные желваки, внезапно испытал китайское У, закруглив Юркину строфу в духе подлинного интернационализма:

Что евреи, что арабы —
Жертвы обрезания!

И хором, под ликующий бас-саксофон и разбойничий свист Казачка, с солирующим, вдохновенным, безумным и счастливым Зямой:

Ах, рука!
Жми стакан!
Свят колпак у дурака.
Пусть не всяко лыко в строку —
Не для всякого строка!..

Карнавал шел на прорыв.

Несся в горнило битвы джип с авторитетом Кузявым, возле которого приплясывал на переднем сиденье, размахивая колпаком, блудный сын пожарного инспектора Мустафы. На попутном мусоросборнике мчались актеры «ТРАХа» в боевом неглиже, во главе с неистовой Санькой Паучок. Скакал верхом на палочке Лешенька Бескаравайнер, часом раньше оформившись в отделе кадров «Шутихи» на должность методиста-буфф с перспективой. Оседлав трамвай, впервые в жизни изменивший стабильному маршруту, поперек рельсов спешили рыцари ордена «Фефела КПК», и местью дышали щеки Рваного Очка, поддержанного с флангов Первопечатником Федоровым и буйным во хмелю Кобелякой. Цирковая студия «Манеж надежд» на слонах и верблюдах, взятых в зоопарке напрокат, торопилась к усталому Тельнику: «Alles! Alles, chief!» — корабли пустыни плевались с убийственной меткостью, и каждое сальто-мортале отбрасывало врагов назад, давая простор для трюка.

И, бляхами панциря под стрелами, гуляли клапаны под пальцами Вована:

Выезжаю на кривой —
Вам бы выездку такую! —
И безбашенно рискую
Бесшабашной головой...

А вдогонку, в спины, в убегающий дождь, наотмашь, вприсядку:

Если чувствуешь, что свой,
Сядь в галошу — потолкуем!

— Это ничтожество... — удовлетворенно сказал Зяма, отдышавшись.

Оглядел залитую солнцем улицу, похожую на улыбку шута.

И сделал рукой неприличный жест.

ГЕРОИЧЕСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

Велика Земля, а отступать некуда.
Вот такие дела.
Искренне Ваши Третьи Лица.

ЭПИЛОГ, или ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ РУКАВА

Юрий Игоревич с удовольствием пнул «Enter», отправляя проект новой формы договора на печать. Пока принтер разогревался, жонглируя гирями файлов, молодой юрисконсульт тоже покинул кресло — в свою очередь размять косточки. Каждые два часа делать комплекс производственной гимнастики «Домкрат» было правилом без исключений: даже на заседаниях руководства «Шутихи» все привыкли к сотруднику, дающему ценные советы из асаны «Цветущий кактус», препятствующей склерозу и простатиту. Иначе к сорока годам окажешься лысой руиной с брюшком, остеохондрозом, астигматизмом, плоскостопием, гастритом, болезнью Альцгеймера, и если какая-либо игра в те дни будет стоить свеч, так исключительно антигеморроидальных.

По окончании комплекса он восстановил дыхание и на всякий случай оправил костюм от Амати, сидевший безукоризненно. Раньше они все больше по скрипкам выступали, эти Амати; но и костюмы у них тоже неплохие получаются. Остановился у окна: вид с третьего этажа открывался превосходный. Внизу грустно опадали с ветвей остатки былой роскоши. Солнце, словно мальчишка, подчищающий «пару» в дневнике, драило ослепительной бритвой голубизну неба: старалось успеть до прихода строгих заморозков. Осень. Бабье лето. А в южном полушарии — весна. А на экваторе вообще не пойми что. Потому-то маман с внуками и укатила-уплыла-улетела туда. В отпуск. Модный в этом сезоне авантур «По следам Индианы Джонса».

Экзотика.

Согласно рекламной агитке: «Трудности, лишения и непредвиденные случайности, тщательно выверенные и дозированные лучшими специалистами турбюро!»

Мама вообще молодец. Взять с собой эту сладкую парочку «вождей краснокожих» мог только камикадзе. Что Витек, что Дарья: вдоль по Африке гуляют, фиги с фиников срывают! Врожденное обаяние отца плюс скромность матери. Настька сейчас третьего ждет. Хочет еще одну девочку. А Вован против. Пацана желает. Скандалы друг дружке закатывают: убиться веником! Говорят, ребенку это на пользу. Судя по предыдущим чадам, они правы. А по вечерам, всласть нацеловавшись, пишут дуэтом в домашней студии новый альбом.

Между прочим, маньяки-меломаны загодя слюной истекают. Даже заклятые доброжелатели, братья-близнецы Хухрыникцы, бросили крутить пальцами у виска. Наоборот, при каждом удобном случае хвастаются: «Ты че, Вована не знаешь, в натуре? Который на майонезе сидит? Ты, блин, майонез хаваешь? Вот, считай, с каждой ложки Вовану отстегнул. А музон хаваешь? Это тоже к нему. Клевый музон, а?! Гляди: диск с автографом. «Митяям I и II от семьи Вованов, с охрененным уважением». Лабух? Кто лабух? Ты че, на Вована тянешь?! А, наоборот, прешься? Ну, это в самое темечко, мы тоже премся — шизняк, блин, полный...»

Аккуратно пройдясь по кабинету колесом, Юрий Игоревич отряхнул с ладоней несуществующую пыль. Бабушка Алевтина всегда учила, что грешно подавлять души прекрасные порывы. Старушка сейчас на пенсии, пишет мемуары «Моя жизнь в «Шутихе». И на полставки подрабатывает воспитателем в колонии для малолетних. Говорит, после шутов здесь отдыхаешь усталой печенью.

Через десять минут юрисконсульт спустился вниз.

В холле, заняв удобную диспозицию близ конторки, откуда успешно простреливался весь первый этаж, дремал на боевом посту начальник охраны. По вторникам и пятницам, за два часа до начала трудового дня, он традиционно посещал сауну «Аутодафе» им. М. Сцеволы, открытую в позапрошлом году на углу Гороховой и Патриотизма, после чего, приехав на работу и расставив часовых по периметру, надолго впадал в медитацию, размышляя о стратегах прошлого, в частности о Сунь-цзы и Эпаминонде. Если начистоту, с такими орлами-стражами, как Арнольд Чикмарев, чемпион города по «fool-contact-karate», ошибающийся только раз сапер спецназа Никифор Шняга, мастер случайной церемонии Ва Люн-цзы, послушник Малого Шаолиня, и замнач Фрол Емельянович Засланный, известный местному криминалу как авторитет Казачок, можно было спокойно медитировать семь дней в неделю.

— С легким паром, Валерьян Фомич! — поздоровался юрисконсульт.

Ответа он не дождался. Лишь слегка колыхнулось правое веко да разбежались хитрюги-морщинки в углах глаз, давая понять Юрию Игоревичу, что отставной майор Семиняньен бдит и рад его видеть.

Заглядывать в отдел «Public Relations» было незачем; на-

против, следовало бы отнести распечатку генеральному менеджеру на согласование — но Юрий Игоревич позволил гормонам выиграть матч с рассудком. Ибо генеральный ждал к полудню, а сейчас было едва четверть двенадцатого, и в «Царстве-пиарстве», за крайним монитором у окна, обреталось рыжее чудо с зелеными глазами: Светочка, правнучка ныне покойного шута-патриарха Цицерона. Лишь на похоронах выяснилось, что старику было под девяносто, но последний контракт он честно дотянул до конца, лишь после этого сдавшись сперва врачам, а там и Костлявой.

С начала августа Юрий Игоревич ловил себя на странном матримониальном психозе. Без надежды на выздоровление. Но сегодняшние планы были скромнее: пригласить зеленоглазую на рок-балет Умберто Эко «Имя Розы».

— ...сотня презервативов «Гусар», дюжина гофрированных фаллоимитаторов 12х54, портрет Ван Гога без уха, четыре пары наручников... Да-да, Александра Христофоровна, я все записываю! Плюшевый бегемот в натуральную величину, контейнер воздушных шариков... Конечно, передам. Шеф в командировке, сейчас всем командует Игорь Всеславович. Он перезвонит вам на трубку. Думаю, если сегодня подпишут, перевод пройдет к четвергу. Аншлаг? Мэр Страсбурга плакал?! Ой, я вас поздравляю, Александра Христофоровна! А когда вы у нас играть будете? Я давно собираюсь...

Юрисконсульт терпеливо ждал, пока Светочка завершит телефонный разговор с Александрой Паучок, королевой богемы, чей театр «SpiderWomen» сейчас успешно гастролировал по Европе с авангардоперой «Шут короля Батиньоля» по пьесе Н. Гумилева. Уйдя на повышение в столичный «Гаер ЛТД», член совета директоров и вообще умница Заоградин пять лет назад рискнул, от лица фирмы выступив продюсером «арахноидов», — и риск оправдал себя с лихвой.

— Ой, Юрка! Извини, спешу! Игорь Всеславович в редакции «Дурного вестника». Рвет и мечет, тиран. Сказал, если опоздаю, с кашей съест. Я тебе перезвоню, ладно?!

Ясно. Значит, отец опять явится за полночь. Или вообще ночевать не придет. Устроить Кандыбе «форсаж шут-терапии» — это вам не дульки воробьям крутить! Министр культуры как-никак. Вся контора обалдела, когда по итогам психотестирования грозному Кандыбе выпал шутом дядя Зяма. Юрий Игоревич лично вписывал в «особые условия» министерского контракта пункт о «гарантированном издании не менее двух сборников лирики З. Кантора в год, общим тиражом от 15 000 экз. и выше». Кандыба скрипнул, но подписал.

— А вечером ты как, Свет?

Упорхнула. Вертихвостка. Теперь думай: перезвонит, забудет...

Коридор утешительно шуршал ковровой дорожкой.

— Разрешите, Алексей Яковлевич?

Генеральный менеджер Бескаравайнер только рукой махнул: садись, мол! — заканчивая разговор с двумя посетителями. На клиентов они были не похожи. Новобранцы, решил юрисконсульт. И не ошибся. Уж больно лица у этих двоих были какие-то...

Третьи.

Желая скоротать время, он взял со стола «Словарь смыслов», любимую книгу начальства. Открыл на букве «Д»:

«ДУРАК (собств. русск. от общеслав. индоевр. «дурый» — «глупый»; сравн. греч. douros — «буйный, неукротимый, неистовый» и лат. dura — «суровая»). «Кому закон не писан»; кому позволено нарушать все и везде; деяния и поступки Д. как бы не в счет, а сам он — то исключение, без которого нет никакого правила; короче, Д. — единственная форма человеческого бытия, практически не облагаемая ответственностью...»

Этот абзац всегда благотворно действовал на нервы.

— Значит, так, — подвел итог Бескаравайнер. — После обеда идете на склад за спецодеждой, потом к фотографу. Завтра занесете снимки в отдел кадров: для альбома. С понедельника можете выходить на работу.

И, когда двое открывали дверь, чтобы уйти, бросил в спины:

— Эй, дураки, слышали?

— Сам дурак, — хором отозвались Третьи Лица.

«Наши люди», — отметил Юрий Игоревич, закрывая словарь.

ПЕСЕНКА ЗА КАДРОМ

(Пока ветер, шурша титрами, гонит рябь по белому озеру экрана...)

Тили-тили, трали-вали,
Нас вчера обворовали,
Трали-вали, тили-тили,
А потом поколотили.

С голым задом и в крови,
Понимаем: «Се ля ви!»

Нам бы водки, нам бы сала,
Друг за дружкой, честь по чести,
Да судьба чтоб не чесала
Острым когтем против шерсти,

Да небрежного «Пока!»,
Да с ушами колпака!

Да пореже частый гребень,
Да почаще редкий случай,
Да удачи поскорей бы,
Да побольше и получше,

Да поднять бы за бока
Подкидного дурака!

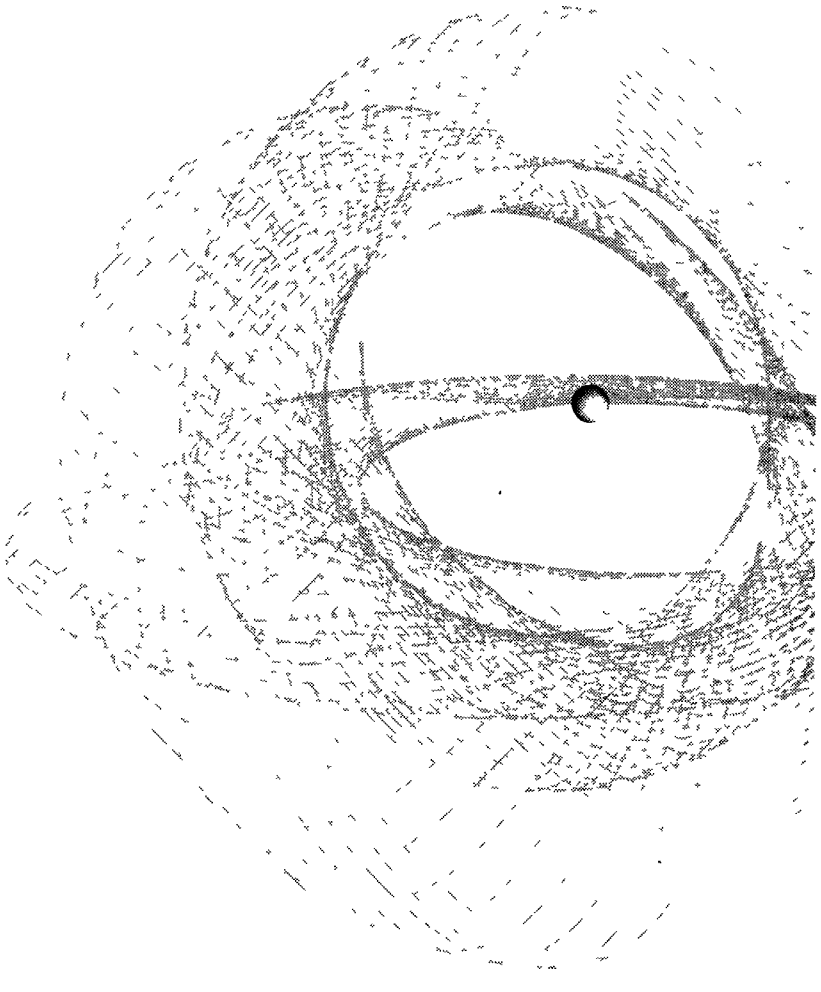
Нам бы женщин, чтоб простили,
А потом поцеловали, —
Не желаем тили-тили,
Забирайте трали-вали!

Ах, валяй нас, не валяй, —
Вуаля!

Май—ноябрь 2002 г.

ОРДЕН СВЯТОГО БЕСТСЕЛЛЕРА, ИЛИ ВЫЙТИ В ТИРАЖ

РОМАН



Итак, пять правил писательского успеха: первое: вы должны писать; второе: вы должны заканчивать написанное; третье: вы должны воздерживаться от переделки, кроме случаев, когда на изменениях настаивает редактор; четвертое: вы должны выйти с вашим произведением на рынок; пятое: вы должны держать его на рынке, пока его не купят.

Р. Э. Хайнлайн.
«Как стать фантастом»
(лекция, 1973 г., Аннаполис)

Часть I
СНЕГИРЬ — ПТИЦА ГОРДАЯ

Говоря по существу: к черту фантазию, она не нужна, она не помогает нам заглянуть дальше собственного носа, если бока ее не вздрагивают, как у ретивого охотничьего пса.

Карел Чапек

I. СОНЕТ О БОЛЬНОМ ВОПРОСЕ (эрзац-пролог)

Я — пасынок Большой Литературы.
Ропщу ночами и не сплю с женой.
Скажите, с кем вы, мастера культуры?!
Не знаю, с кем, но только не со мной.

И критики стоят ко мне спиной —
Филологов высокие натуры
Не переносят мерзкой конъюнктуры
И брезгуют столь низко павшим мной.

Иов на гноище, вечно пьяный Ной —
Таков я есмь. Микстуры мне, микстуры!
Читатель глуп. Читательницы — дуры.
Поп? Попадья? Нет, хрящичек свиной.

И все же я живуч, как лебеда.
Не мне беда, ребята. Вам — беда.

II. ОТСЕБЯТИНА: «ЛУЧШИЙ-ИЗ-ЛЮДЕЙ»

Талантов особых за автором не числится, стилем Бог не наградил, воображения невеликого, потому и решил уж так соригинальничать, до того поразить читателя новизною, чтоб век не опомнился. Поразил. Для кого писано-то? Сдается, что специально сатирическому журналу на поживу...

Из рецензий на книги В. Снегиря

Боже, как мне надоела эта гнусная каморка в храме Тетушки Кривой на окраине Ла-Ланга! Паутина, хлопья пыли, запах плесени и фруктов, мирно сгнивших за стенами, тяжкий аромат сандала — от курений даже стены, даже камень ноздреватый пропитала злая сладость, мать ее и перемать...

Будучи раздражен или волнуясь, я всегда начинаю мыслить белым хореем. Компенсаторная функция психики вместо банальщины «лексического ненормата». Дактиль для сугреву, амфибрахий — дом казенный, дорога дальняя, анапестом я похмеляюсь, а если после пятой-шестой стопки кубарем скатываюсь в ямб («ямбец», как шутила Настя до развода), то однозначно — скоро дам кому-то в морду. К счастью, под рукой нет ни подходящей морды, ни поводов для ямба. Под рукой, под ногой, я озябший и нагой...

Честно говоря, под рукой вообще ничего нет, кроме холщовых портков с безрукавкой, которые я мрачно натягиваю на вопиющий от сквозняков организм. Присаживаюсь на сундучок с храмовой утварью. Острый угол крышки — резьба по кипарису: Старец-Облако злобствует на упившихся Вержегромцев — врезается в ягодицу. Сижу, брюзжу. Без особого энтузиазма: могло быть хуже. И было. Думаю, редкому демиургу вульгарис довелось приложить столь титанические усилия, дабы обзавестись каморкой, вся ценность каковой — укромность. Возжелав *натворить* сей шедевр зодчества, я долго чесал в затылке и вычесал нашествие диких бендулов, захлебнувшееся в конце Эры Удрученья под дубиной партизанской войны и мощью военного гения Виджай-Ниграма Лопоухого, прозванного злопыхателями Слоном. Мучаясь страхом, что бендулы разграбят и без того нищий храм, тогдашний настоятель — рехнувшийся на почве аскезы скопец-извращенец — велел отвести угол за алтарем Кривой Тетушки под тайник, спрятал там часть пожертвований, утварь и одежду, после чего отравил строителей пыльцой шмель-бобов, во избежание... Сам же над трупами сублимировал муки совести, поднял их в мозжечок по каналу Дуй-Для и удалился во Свояси, завершив цепь рождений.

Как ни странно, идея прижилась, пролог «Лучшего-из-Людей» схавал и благополучно переварил нововведения, отторгнув лишь муки совести (видимо, за недостоверностью...), а я наконец смог прекратить свои явления народу голышом. Заодно сделав храм заброшенным, посещаемым лишь редкими неудачниками, рискнувшими воззвать к Кривой Тетушке, — для пущей надежности.

Короче, спи спокойно, дорогой товарищ.

Прихватив на память ларчик из посеребренного олова, трогаю спусковой камень. Умели строить покойнички! Сперва в глухой стене образуется еле заметная щель, позволяя осмотреть молельню. Если торчат посетители, надо снова тронуть спуск — и в тишине каморки дождаться ухода незваных гостей. Мне везет: перед алтарем никого нет. Снаружи течет сырой кисель рассвета, вымазывая известкой деревянные колонны портика. Щель расширяется, приглашая окунуться в прохладу утра. Следовало бы, конечно, натворить какую-нибудь шубейку, но сразу не подумал, а теперь поздно. Хорошо хоть климат в Ла-Ланге теплый. Даже жаркий.

Это я молодец, без ложной скромности.

Когда иду через сад, собаки уже ждут. Здоровенный барбос Чудик-Юдик с достоинством метит территорию, задрав косматую лапу. Между прочим, черный терьер, «собака Сталина». За вожаком, разлегшись на травке, сладко зевают два министра: кусачий чау-чау Брыль и шарпей Мордач 1-й. Дальше — верноподданные шавки. Борзые, сеттеры, ризеншнауцеры, левретки, пекинесы, бульдоги... Что показательно, ни одной дворняги. Дворняг, приносящих в дом счастье на пять поколений, в Ла-Ланге можно купить лишь за сотню казенных башликов, и выгнать сокровище на улицу не решится самый закоренелый кинофоб. Ибо месть богов неотвратима. Помнится, я страшно гордился выдумкой. Дела давно минувших дней... Троица лидеров с достоинством ждет ритуала дружбы. Лобызанье с Чудиком-Юдиком, шутейная свалка с Брылькой, а шарпею надо будет натянуть на голову всю шкуру с задницы. Мордач это любит. Еще в первую встречу, разорвав добычу вдребезги, но не сумев отобедать по причине «пшика» (о «пшике» позже...), псины прониклись ко мне гигантским уважением. Оставив в дальнейшем любые попытки насилия.

— Ух вы мои... зубастые, злющие...

Все. Можно идти дальше.

У меня в наличии уйма планов. Обменять ларчик на обед в харчме старого Хун-Хуза, ущипнуть за грудь пышку-служаночку, послушать сплетни. В разговоры не встревать: к тихим бродягам здесь относятся равнодушно, это выяснилось еще с первого визита к Хун-Хузу. Выпить манговой фьюшки. Лучше светлой, она кислее. Почуяв приближение «пшика», слинять обратно в храм. Или хотя бы выйти из харчмы. Я столь явственно представляю будущие действия, что кажется, будто они уже в прошлом.

Шаткий мостик через Грязнуху.

Пятеро людей сидят на корточках возле шалаша курьих

пастухов. По углам пентаграммы, начерченной палкой прямо на земле. Бояться, в сущности, нечего, но ноги каменеют, а на лбу выступает испарина. Взятки с меня гладки, убивать не за что, да и бесперспективно оно — убивать меня, беднягу, тихо шедшего куда-то... Липкий ужас, ты откуда? Страх, скажи: откуда взялся? Почему я робко прячу тело жирное в кустарник, где колючек много больше, чем желал бы обнаружить?! Я от белого хорея заикаюсь и дурею, в панике, объявшей душу, я смотрю исподтишка — пять недвижных, пять спокойных, пять в широкополых шляпах, пять в плащах без капюшонов. Словно пятерня ладони перед сжатием в кулак.

— Вот она!

И в мертвой хватке, тихо взявшись ниоткуда — закричав, забившись! — тело, ослепляя белизной...

III. УЛ. ГЕРОЕВ ЧУКОТКИ, 26, КВ. 31, С ПЕРЕРЫВОМ НА ЧЕРЕПНО-МОЗГОВОЕ

> Мне кажется, Влад Снегирь прекратил творчество и начал зарабатывание денег. Если его ранние книги создают настоящий театр, с вешалкой, подмостками и актерами, то последние тексты... Да, есть вешалка, подмостки и актеры, но театр — кукольный. Сложил, сунул в карман, пошел дальше. С каждой книгой — все хуже. Причину можно изложить очень коротко: эксплуатация одного набора психологических профилей персонажей и одного стиля.
>
> *Из отзывов читателей*

Сдох, скис, исписался!

Кураж, где ты?! — не говоря о таланте, которого у меня, видать, сроду не водилось. Кураж, тираж...

Мираж.

Работа стояла насмерть, как ополченцы на стенах осажденной Дангопеи. Надо было брать город штурмом, учинять резню в переулках и, после дозы подвигов, — гнать наивного лопуха Бут-Бутана, Куриного Льва, дальше, за Канборнский хребет, в поисках расчлененки Лучшего-из-Людей. Особых препятствий вроде бы не предвиделось. В смысле, у меня, любимого, не предвиделось. Зато героям звезды обещали кузькину мать по полной программе. В плане черным по белому: засада горных гульденов, чернокожий маг-психопат — адепт секты Насильственного Милосердия, Ущелье Безнадежно-Входящих (непременно с заглавных букв, назло надменному эстету!)... Бери перо, ваяй нетленку. А тут, нате-здрасте, приступ творческой импотенции. Битвы-байты-килобайты, весь этот квест задрипанный вдруг опостылел до тошноты: фальшь, чушь, высосано из оттопыренного пальца. Мир гнилой, персонажи — картон Жидачевского комбината...

И я, автор, кумир молодежи — шабашник-графоман.

Прошу не любить и не жаловать.

Душно, братцы. Скучно. Яду мне, яду!.. Сдохни герои от чумки — по барабану. В расстроенных чувствах, с горя-облома, сунулся в сеть. Выкачал почту: фигня. Маета и томление духа. «Дарагой Влад пеши больше я от тебя балдю. Твой фан Godzilla». Куча спама. Ага, повторное приглашение на конвент. Оргкомитет? — нет, от издателя. Чего волнуешься, барин? Неужто я, «дарагой Влад», такое «большое ЦэБэ»?! Приеду, кормилец, приеду, и водочки с тобой выпью, и бумажечки подпишу, бумажулечки, бумажоночки... Не уведомили тебя, болезного? Исстрадался весь?! Хорошо, лови персональную цидулю: так, и так, и растак, буду. С благодарностью за хлопоты. С уважением. С наилучшими пожеланиями. И подпись: Влад Снегирь.

Уехало.

По форумам лазить раздумал — при моем теперешнем сплине от ихнего бардака одно расстройство желудка. Возьмут слово «жопа», хохмачи виртуальные, повторят раз триста и сообщают: «Интегральные характеристики предложенного текста позволяют утверждать, что автором отрывка с вероятностью 62% является Влад Снегирь...» Это, значит, тонкая шутка. Пиршество интеллекта. Короче, закрыл окно «Netscape», чтоб не дуло. Тупо воззрился на последний абзац текста, видя отчетливый кукиш с маком. Слушайте, а кто придумал это мерзкое слово: «абзац»?! Небось мизантроп и параноик, убийца тараканов. Ладно, долой рефлексию и ура творчеству. Итак:

«Град стрел ливнем обрушился на северные башни. Казалось, сам камень древнего города взвыл от боли. Но мужество защитников было крепче камня: пекари, сукновалы, дубильщики и ювелиры, — вооруженные кое-как, наспех, неумелые, но яростные, дангопейцы держали борону...»

Подумал.

Исправил «борону» на «оборону». Поржал над «град — ливнем».

И грохнул всю эту чепуху на фиг.

Лечь, что ли, вздремнуть? И видеть сны, быть может? Боже, как мне надоела эта тесная каморка!.. Перетрудился, инженер душ? Вместо штурма и квеста, столь возлюбленных мудрым фаном Godzilloй, вместо верного куска хлеба, — о чем изволите грезить? О храме Кривой Тетушки? О вшивом городишке Ла-Ланг, который твои герои благополучно покинули еще в первой части романа? Трехскатные крыши, крытые дубленой кожурой местных арбузов, Чудик-Юдик со стаей, пентаграмма из людей в плащах... Загадочная штука — наше подсознание. А мое подсознание и вовсе тайна великая. Ну, сны. Чудеса мозговой грыжи. Ура, я сбрендил! Плевать на штурм Дангопеи! — желаю странного. Тишина, оскомина манговой фьюшки, тайник за алтарем, настроение вместо действия, белый-белый хорей... Я-то, может, и желаю, а Его Величество Сюжет быком прет в Дангопею, под град стрел, который ливнем, и с бороной наперевес!

...Стоп, машина!

А кто, собственно, сказал, что герои непременно должны идти куда подальше? Я сказал?! Так я личность творческая, непредсказуемая. Пускай Бут-Бутан найдет левую ногу или печенку Лучшего-из-Людей не в замке рыцарей Круглого Ствола, а в родимом Ла-Ланге! Опять же блестящий поворот: когда герои одолели три четверти пути, развернуть их и пинками погнать обратно! «Оригинально-с!» с поручик Ржевский. Нужна лишь веская причина, дабы обратить квестунов вспять: знамение, пророчество, глас из колодца: «Я, великий бог Ахура-Вольво, истинно реку вам...»

Телефон, тварь голосистая, заорал как раз поперек вдохновенья.

— Ой, Вова! Ой! Ой, горечко-то!

— Доброе утро, Анна Ильинична.

Это надолго. Все время забываю, кем мне приходится свекровь родной сестры. Седьмая вода на киселе? Кладу трубку на стол: Анна Ильинична — мастер монолога. Поддакивать необязательно, она сама справится. Небось молоко сбежало, а Танька на работе, а Эсфирь Остаповна говорит, что СПИД — чума на оба ихних дома, и скоро квартплата подорожает, потому как террористы, и все депутаты — обман зрения...

— Ой, бурулька! Здорова така бурулька!.. Вовочка, ты чуешь? Аж сердце захолонуло! Я валокордину накапала...

Похоже, малой кровью не отделаюсь.

— Ну, вызовите «Скорую», если сердце!

— Та уже ж! «Скорая» Танечку и забрала...

— М-мать! Нет, это я не вам... Что с Танькой?!

— Та кажу ж: бурулька! Як ляпнулась, гадюка... Ой, божечки! А Костик, шоб он сказывся, на конхверенции, а Ладочка бухыкает, лобик горяченький, я выйти не можу...

— Куда увезли? В неотложку?!

— Ой, Вовочка! Ой...

Это она права. Таки ой.

* * *

Выметаясь к пастбищу такси, я опасливо косился на чудовищные фаллосы изо льда — крыши и карнизы были сплошь усеяны этими подарочками февраля. Черт побери, а почему они в Москве — сосульки, а у нас — бурульки? Потому что в Москве их сосут, а у нас ими бурят? Буровят?! Бурулят?! Особенно если этажа с шестого забурулит...

— К неотложке, шеф!

— Поехали. «Маячок»! Я 35-16! Везу клиента в неотложку!

— Счастливого пути вам и пассажирам!

Всю дорогу я был благодарен «Маячку» за ласку.

Жирную гиппопотамшу в гардеробе больницы угнетала лень. Вставать лень, куртку мою на крючок вешать лень, номерок выдавать... Ее ожидал раскрытый на середине суперпупер-бестселлер. «Купе?..» — я присмотрелся. Нет, хуже. «Купель Купидона-2», серия «Мини-шарм»: на обложке раскинулась томная от недосыпа дива, сплошь объята знойным мачо. На правой руке у мачо было шесть пальцев. Знакомые шуточки: Сева Ермаш, мой приятель-художник, замучившись с доставучим худредом, дождался приема работ и выхода книги в свет, сунул худреду в нос свежий, пахнущий краской экземпляр: «Считай!» — «Что считай?!» — изумился худред. «Пальцы!» И когда худред обнаружил у всех персонажей на всех утвержденных им иллюстрациях по шесть пальцев, Сева сладострастно возопил: «Вот! Вот!!! Твое, козел, дело: не меня живописи учить, а пальцы заранее считать!»

Гулко возвратясь, гиппопотамша швырнула номерок на

стойку, как собаке кость, — и с разбегу нырнула обратно в «Купель».

Аж брызги до потолка.

Где у них тут журнал приема? Тощенькая бабуся на санпропускнике шуршит страницами: в семь сорок утра... Татьяна Беглова... черепно-мозговое, палата № 6...

Символичность номера угнетает.

Но недолго.

Наглость — второе счастье. Свернув за угол, быстро облачаюсь в белый халат — память о проказах юности. Еще учась на третьем курсе бурсы, бегал сюда проведывать душеньку-медичку, маскируясь под белую и пушистую ниндзю-черепашку. Тут главное: спецодежду нацепил, морду кирпичом — и вперед, «с лица необщим выраженьем». Верней, с общим. Тогда примут за медбрата. Что ж, Влад Снегирь, умов властитель, тряхнем стариной? Сейчас, пожалуй, и за врача сойду. У вас, больной, гангрена левого полушария! Клавочка, запишите: гильотина, УВЧ и пассировать в масле до появления золотистой корочки!..

Так, второй этаж, черепно-мозговое отделение. Матовая стеклянная дверь. Сбоку от входа грозится сакраментальное «Посторонним В.». Минздрав предупреждал: вторжение опасно для нашего здоровья. Плевать! Все его не замечали, а проворный Белый Ниндзя резво шел по коридору. Морщась, воздухом дышал он: пахнет супом, пахнет хлоркой, страхом, потом... Ненавижу эти запахи больницы! До сих пор я удивляюсь: как больные человеки могут оживать в миазмах?..

Это у меня нервное. Волнуюсь я за Таньку. До чертиков волнуюсь. До зубной боли. Вот и веселю сам себя, подзуживаю, строю карточный домик шуточек: несмешно, глупо, а помогает.

Давно проверил: помогает.

Все лучше, чем ныть.

— Простите, доктор, а Генрих Константинович сегодня со скольких?

— Генриха Константиновича не будет от стольких до воскресенья. Он улетел в Буркина-Фасо, на симпозиум трепанологов. Но обещал вернуться. Милый, милый...

Тетка в мятой пижаме моргает коровьими ресницами.

Белый Ниндзя удаляется.

Вот и палата номер шесть. Осторожно приоткрываю дверь на два пальца. Воображение со злорадством садиста рисует:

бинты, кровь на виске, всхлипы товарок по несчастью. Бесчувственное тело трогательно свернулось калачиком под простыней. На простыне — казенный штамп. Синий-синий, будто гематома. Танька, бедолага, младше меня на десять лет и все норовила догнать: рано замуж выскочила, рано Ладочку родила...

— ...нет, чувихи, прикидываете?! Без машинки, без оверлока, двое суток как проклятая!..

Меня накрывает звуковая волна. Знакомая с отрочества. Вот она, сестрица моя, бурулькой ушибленная, — на койке у окна. Тараторит без умолку. А свекровь рыдала: помирает, ухи просит... Ага, разбежались!

Решительно вторгаюсь в палату.

— Привет, Танюха! Как жизнь молодая? Были б мозги, было б сотрясение?!

— Вовка! Привет! Вечно ты со своими приколами... У тебя часы есть? Сколько времени?!

Гляжу на циферблат.

— Без четверти час. Дня, — уточняю зачем-то.

— Ну, чувихи! Ну, даю! Четыре часа в бессознанке! А кажется, будто пару суток. Ой, Вовик, мне такие чудеса привиделись! Не поверишь! Я уже девочкам рассказала, а они смеются...

Окидываю взглядом контингент. Три остальные койки оккупировали дамы-мадамы, из которых «девочкой» можно назвать лишь одну. С большого бодуна.

— Вовик, зараза! — Танька обижена невниманием родного брата к ее чудесам. — Ты слушаешь или где?! Выхожу из подъезда, сворачиваю к «Лампе Аладдина» (секонд-хенд новый, на вашем углу...), и тут рядом — бомба! Бабах! Я с копыт, глядь: а меня уже волокут куда-то. Голую! Я визжать, а им хоть бы хны! Пять чучмеков, блин! Ну, думаю, хорошо, если изнасилуют, а если напугают?! Улицы кривые, халупы, вонища... Ноги по дороге сбила, босиком-то. А они, гаденыши, меня продали. Как рабыню Изауру. Прикинул?! И я два дня, дура дурой, галуны к мундирам пришивала. Тупой иголкой. Все пальцы себе исколола... А эти смеются! Чувихи, вас бы туда...

Татьяна гордо вздергивает нос. Еще бы, наши глюки — не для скуки!

— Рабовладельцы хреновы! Прикинул, Вовик?! Четыре часа без чувств, и то отдохнуть не дали. Гады!

«Девочки» откровенно ржут басом.

— Что врач говорит? — Я стараюсь придать лицу озабоченное выражение, хотя Танька явно живее всех живых.

Отставная рабыня машет рукой с ужасающим легкомыслием:

— А ничего не говорит! Пусть только явится, коновал! Я ему... Нашел больную! Небось Жорик — это ее шеф-цеховик, лицо кавказской ориентации, злой черкес и вождь делаваров, — матом кроет: нам сегодня партию «алясок» сдавать. Костя уехал, у Ладочки ОРЗ, свекруха, коза старая, с ней сидит... Некогда мне разлеживаться!

— Остынь, Танюха. Полежи до завтра, расслабься. Мало ли... Не сдохнет твой Жорик с «аляскими»! Я Анне Ильиничне позвоню, скажу: пусть в ателье сообщит.

— Что вы здесь делаете? Кто вас сюда пустил? Больную нельзя беспокоить, у нее предполагается сотрясение мозга! Немедленно покиньте палату!

Ага, мою Таньку побеспокоишь! Она сама кого угодно побеспокоит...

Усатый айболит тянет меня за хлястик:

— Я кому говорю?!

— Прошу прощения... — Чуть не ляпнул: «Прощения просим, благородный дон!» — Я брат... э-э-э... сотрясенной. Мне позвонили, я сразу примчался...

Усы айболита теряют воинственность.

— Тем не менее я все же попрошу вас покинуть палату.

— Да-да, конечно. Пока, Таня. Выздоравливай!

«Сестрица Аленушка» театрально охает, притворяясь мученицей. За что и любим стрекозу.

— Простите, вы ее лечащий врач?

— Да.

— Как вас зовут?

— Генрих Константинович.

— Генрих Константинович, можно вас буквально на пару минут? Вы понимаете, у нее в детстве была травма головы...

За дверью палаты, угорев от смеха, хрюкают «девочки».

* * *

Анне Ильиничне я позвонил с мобильника, прямо из такси. Чудо-заклинание «Я с сотового!» действует на Танькину свекровь безотказно. Слово «сотовый» ассоциируется у нее со словом «мед», тот, в свою очередь, тянет за собой «рынок» и «драть три шкуры», а дальше цепочка достраивается до «оплата разговора». Такие ассоциации Анна Ильинична уважает. Местами даже благоговеет. Посему отделался я от говорливой свекрухи быстро. Утешил, ободрил и откланялся.

— Приехали, шеф.

Хлопнув дверцей, выхожу в туман, мутный, как буряковый самогон.

У подъезда топталась «сладкая парочка»: знаменитый меж гражданами бомж Горец и его закадычный дружбан, спившийся котельщик Федор Михалыч. На вид — два сапога, одинаковых с лица. «Я, красавица, не сексуальный маньяк, а алкаш-собеседник!» Но если котельщик ничем, кроме имени-отчества, примечателен не был, то Горец свое прозвище оправдывал со старательностью идиота. Однажды его пустили погреться на сеанс в видеозал («точку» все равно на днях закрывали за неуплату аренды), и фильм с Кристофером Ламбертом потряс беднягу до основания. Бомж уверовал и проникся, при каждом удобном случае пересказывая сюжет всем желающим. Вплоть до собак и кошек. В его пересказе средненький «холливуд» делался эпосом древности: там царил гений, парадоксов друг. Особенно мне запомнился взрыв АТС, когда в бессмертного Ламберта, наполняя энергией, вместо молний лупили обрывки чужих разговоров. Я прям-таки обзавидовался фантазии Горца. Также бомж полюбил орать по поводу и без: «Остаться должен только один!» Здесь крылся тайный смысл, ибо неуязвимость бомжа была под стать его кинокумиру. Дважды горел в им же устроенных пожарах, попадал под грузовик-мусоросборник, огребал тяжелыми предметами по голове, страдал в зубах ротвейлеров с питбулями, травился дустом и крысиным ядом, на спор залпом выпил бутылку метанола... И всякий раз не просто оставался жив: несокрушимость его здоровья вошла в список легенд нашего района. Даже участковый Поросюк, редкой души мент, при встрече с бомжем ласково ронял: «Когда ж ты сдохнешь, падлюка?»

«Падлюка» безнадежно икала, разводя руками.

— Ы-ы-ы, Володя... — сипло поздоровался Горец, с тоской взирая на новенький кодовый замок. Плети дикого винограда, черные и сухие зимой, свисали с балконов, их вид погружал душу в пучину меланхолии. Ощутив приступ мило-

сердия, я ткнул в нужные цифирки. Замок ответил за распальцовку, щелкнув затвором трехлинейки.

Люмпен-приятели мигом просочились следом, в теплое нутро подъезда.

— Мы тово... погреться. Зябко там, Володя. Мы ж, значит, культурно. Если чево, и налить можем...

Интересное предложение. А что? С кем вы, мастера культуры? Надо быть ближе к народу. Сесть на грязную ступеньку, тяпнуть из горла «ряженки», занюхать хлебцем из мусорки. Красота!

— Спешу, Горец. В другой раз.

— А... ну, спеши, быстрей жизнь минет...

Хрен с ними. Пусть греются. Лишь бы в подъезде не гадили. Хотя нет, Горец — аккуратист. Блевать непременно во двор уползал, в любом состоянии.

Запирая за собой дверь квартиры, слышу умиротворенно-риторическое:

— Стаканы взял?

— Обижаешь! Эти... одноразы...

А я, наивный, — «из горла»! Аристократический нынче бомж пошел. Рост благосостояния масс. Бокал «Губернаторской», ломтик сосиски, полуденная сиеста в гранд-подъезде... Аж завидки берут. Лечь, что ли, самому? Придавить часок-другой? Подскочил сегодня ни свет ни заря, от зевоты в такси чуть челюсть не вывихнул...

Разумеется, телефон сразу откликнулся на эту идею гнусным мявом. Словно на шнур ему, гаду, наступили. Межгород, однако.

— Алло!

— Владимир Сергеевич?

— Да, я слушаю.

— Здравствуйте, дорогой! Это вас беспокоят из «Аксель-Принт». Заместитель главного редактора по особым вопросам.

Судорожно пытаюсь вспомнить, как зовут моего собеседника. Я-то в издательстве большей частью с завредом по фантастике общаюсь. Нормальный парень, мы с ним давно на «ты», безо всяких «Сергеевичей».

— Здрасьте... Простите, не помню...

Он словно чует мои судороги:

— Зовите меня просто: Антип Венецианович! Вы слышите?

— Слышу, конечно!

— Владимир Сергеевич, дорогой, вы на «МакроНомиКон» собираетесь?

— Да, конечно. Я вам утром ответ по Интернету послал.

— Ну, сами знаете: почта — дело ненадежное! Я хотел лично убедиться...

Откуда такое внимание к моей скромной персоне? Премию решили на конвенте вручить? Ага, Нобелевскую! Раскатал губы!

— Знаете, нам нужно будет подписать бумаги. Ведомости по январским выплатам, контракты на допечатки... Дорогой мой, вы в курсе, что доптираж «Имперцев» стоит концом марта?

Далось ему это — «дорогой»! Пусть я и впрямь недешевый, но так вот грубо намекать, в лоб...

— Да, в курсе. Спасибо, Антип... э-э-э... Венецианович.

— Чудненько! Вот и оформим на «МакроНомиКоне». Так вы точно будете?

Банный ты лист, зам по особым!

— Точно! Уже билеты купил.

— Я и говорю: чудненько! А как ваш новый роман продвигается?

— Нормально.

— Ни дня без строчки?

— Ага... Ни дня.

— Весной закончите? Хотя бы к маю месяцу?! Тут читатели весь сайт письмами завалили. Торопят. И дилеры боятся в летний спад угодить. А так мы сентябрем и тиснем, на подъемчике! Значит, май? Или апрель?

— Ну-у... не знаю. Боюсь загадывать.

— Может, имеет смысл заключить авансовый договор?

— Не имеет. Понимаете, Антип Венецианович...

— Да-да, я понимаю!

Понимаешь — тогда зачем спрашиваешь? Не шибко я принципиален меж собратьев по перу (верней, по клавиатуре), но бумаг на будущие тексты не подписываю. Обжегся однажды. На заре карьеры подмахнул договорчик на только-только начатый романец. Очень уж по читателю тосковал. И бабок срубить хотелось. Срубил, мать его за подол: текст уперся рогом, забуксовал, сроки поджимали, издатель торопил, — я в итоге финал кукишем скрутил, а книга в свет так и не вышла:

издательство обанкротилось. С тех пор зарекся. Между прочим, в «Аксель-Принте» о моем суеверии прекрасно известно. Или он надеется, что все-таки передумаю?

— Да, еще одно дельце. Помните, у вас в девяносто первом выходила повесть в сборнике «Тиран Нозавр»?

— Помню.

— Первая серьезная публикация?

— Дебют.

— Какой там был тираж, не подскажете?

— Сейчас.

Иду к полке, извлекаю пухлый томик. Клыкастый рептилоид ехидно скалится с обложки: «Гюльчатай, открой личико!», холст, масло. Сливочное.

Лезу в выходные данные.

— Первый завод — 55 000.

— А второго не было?

— Насколько я знаю, нет. Издатель потом на ужасы с «Икс-ножками» переключился.

— Ясно. — Зам по особым излучает оптимизм. Бодрый бас плещет в трубке, обдавая ухо брызгами. — А как жизнь? Ну, вообще?

— Вообще? Ноу проблемз!

Бас набирает обертоны:

— Депрессия, бессонница? Кошмары?!

Уп-с! Что за гнусные намеки?!

— Жизнь прекрасна и удивительна. — Я беру мощную, качаловскую паузу. Насладившись, добавляю: — Удивительной жизнь становится в тот миг, когда перестает быть прекрасной. Короче, мне пока удивляться нечему. А роман пришлю по сети, как закончу.

— Рад, дорогой вы мой человечище! Душевно рад! А то, знаете, писатели — народ тонкий, нервный... Увидимся на конвенте. Всех благ!

— До свидания.

Оригинальный разговор. Ну и тип этот Антип! Впору срочно завести дневник и записать гусиным пером: «Звонили из издательства. Хотели странного». Хотя в нашей стране победившего сюрреализма и не такое случается! Не забыть бы вещи в дорогу собрать: в среду — поезд.

Диван принимает блудного свина в теплые объятия.

Баю-баюшки-баю, чего вижу, то пою...

IV. ОТСЕБЯТИНА: «ЛУЧШИЙ-ИЗ-ЛЮДЕЙ»

Недостойный мерзавец, портящий вашу гостевую книгу, прочел месяца три назад ваш роман «Рабы страха». Разум и нежелание пачкаться сдерживали меня все это время, но, случайно перечитав в шестой раз данное произведение, я решаю плюнуть на потерю части самоуважения и прямо говорю вам, что, по моему необоснованному тупому быдляцкому мнению, эта книга — дерьмо.

Из писем в гостевую книгу
В. Снегиря

А вот днем мне Ла-Ланг еще не снился.

В смысле — во время дневного сна.

Говорят, творческие люди должны много спать. Восстанавливая энергию, нервные клетки и жировые запасы, сожженные в топке вдохновения. Еще в сортир надо чаще ходить. Очень способствует. Когда не требует поэта к священной жертве Аполлон, в покой священный туалета он беззаботно погружен...

Портки с безрукавкой оказались на месте. В прошлый раз я, будучи испуган увиденным произволом, бегом вернулся в каморку, где и проторчал до «пшика». А застань меня «пшик» в исходной точке, — потом я нахожу имущество здесь, под рукой. Портки, например. Ларчик: нет, не бросил, приволок обратно. Молодец я. Жадина-говядина. Хотя и *натворил* себе этого добра с запасом, на всякий пожарный. Думаю, такие закономерности сна есть результат моих регулярных медитаций над коаном «Бытие определяет сознание». «Хлопок одной ладонью» перед сим шедевром дзена — что плотник супротив столяра. Поди раскумекай, кто же кого все-таки определяет. И куда.

Я помню, что я знаю, что мне снится то, что помню и знаю, а знаю я до хрена и больше.

Закон Снегиря.

Одевшись, трогаю спусковой камень. В смотровой щели вспыхивает язычок света. Черт, кого там принесло?! Моргаю, всматриваюсь. Снаружи ночь. Глухая и слепая калека-ночь. Пара факелов немилосердно чадит, освещая дальнюю часть молельни, ближе к внешнему портику. Там, собравшись кучкой, ждут какие-то люди. Без движения, без слов, без молитв и прошений. Кривая Тетушка из-за алтаря хмуро глядит на

этих истуканов. Не нравятся они Кривой Тетушке, подательнице случайной удачи. Мне, надо заметить, они тоже не нравятся. Кошмары вообще редко нравятся. Мысленно произведя этимологию слова «факел» от «fuck you all», отчего нервы слегка успокаиваются, продолжаю смотреть.

Глаза слезятся, как от дозы атропина.

...пять недвижных, пять спокойных, пять в широкополых шляпах...

Старые знакомые.

— Пора бы... Нежный Червь сказал: сразу после шестого гонга. — Оказывается, они умеют говорить. — А уже полседьмого. Меня старуха убьет.

— А когда ты в дом монеты приносишь, она тебя не убивает? Потерпит твоя старуха. Ей небось сосед терпеть пособляет.

— Тихо вы...

На этот раз я успеваю отчетливо засечь миг поимки. С вульгарным чавканьем в пентаграмме, образованной ждущими *хватами* (словечко найдено, и мне сразу легчает...), возникает голый дядька. Он очумело брыкается, когда хваты бросаются крутить ему руки. Дядька зело тощ, худосочен, бороться с насилием явно не обучен и лишь вопит на всю молельню:

— Менты! Менты позорные! Остаться должен только один!

Батюшки! Это ж Горец...

— Даешь демократию! Свободу узнику режима!

— Барсак! Угомони Отщепенца!

— Всего один стакан! Только один!!!

— Барсак!

В восторге от сна, искренне любуюсь, как хваты суют Горцу в пасть кляп. Вяжут руки, дают для острастки кулаком по хребту. Голый бомж скисает — мычит баритональным фальцетом, ежится, заискивая перед грубой силой.

Еле сдерживаюсь, чтоб не выскочить с советом. Дали б ему фьюшки хлебнуть, Горец бы за ними на карачках побежал. Хоть на край света.

— М-м-м... н-н-ты-ы-ыыы!..

— Пошел! Иди, кому сказано!

Шаг, другой. Костлявый хребет бомжа вдруг начинает дребезжать, издавая мерзкий визг бормашины. Занимается огнем, словно от факела. Пламя — странное, белесое — мигом распространяется дальше, охватывая ягодицы, плечи. Горец вспыхивает бенгальской свечой, брызжет искрами...

Исчезает.

Оставив хватов в недоумении.

— А Нежный Червь брехал: до следующего вечера не пшикнет...

— Кто брехал? Нежный Червь?! Сам ты брехун!

— Но ведь пшикнул...

— Нафири-су ругаться станет. Он жертву для Дождевания заказывал...

— Ага... задаток дал...

«Пшик» настиг меня внезапно. Я едва успел захлопнуть смотровую щель и рухнуть на любимый сундучок. Старец-Облако злорадно впился в зад мой острым краем: надо будет выбрать время, *натворить* себе напильник (по возможности дрочевый) и сточить у Старца зубы...

V. ХОККУ «НА ПОРОГЕ СТАРОСТИ РАЗМЫШЛЯЮ О ВЕЧНОМ»

Есть некий тайный смысл,
Невыразимый словом,
У чтения в сортире.

VI. УЛ. ГЕРОЕВ ЧУКОТКИ, 26, КВ. 31, С ВЫХОДОМ НА БАЛКОН И В ЧАТ

У всех этих «фэнтезийщиков» проблем с русским языком не возникает — в литературе такого свойства он удивительно однообразен и бесцветен, это, фигурально выражаясь, язык для бедных. Отношение «массолита» к языку везде и всегда прагматически-функциональное, поэтому беллетристическое слово является носителем смысла, но не самим смыслом, не реальностью мистического порядка. Впрочем, «Влад Снегирь», «Н. Маржецкий», «Лидия Березка» — это вовсе не имена писателей, а торговые марки, потому и место им в одном ряду со «Smirnoff», «Adidas», «Pepsi» и «Tampax»...

Из статьи
«О скрытых функциях языка»

— Убился! Насмерть убился! Ой, божечки!..

— Убился — то ладно. Давно пора. Стекло разбил, варажина...

— Теперь дуть будет...

— Милицию вызывайте!
— «Скорую»!..
— И пожарную!
— Пацаны! Щас пожарники приедут! Айда смотреть!
— Гав! Гав! Ва-а-ауу!
— Дик, фу! Вечно ты всякую гадость...

На вопросы типа: «Самый умный, да?» и особенно: «Тебе что, больше всех надо?!» — я с детства любил отвечать утвердительно, огребая по шее за дурное любопытство. Наука не пошла впрок: каким я был, таким остался. Вот и сейчас спросонья бреду на балкон. Спасибо оттепели и моей лени: все собирался заклеить от сквозняков, да как-то...

Внизу, у подъезда — вавилонское столпотворение. Лает спаниель Дик, галдит пацанва, охают старушки — божьи одуванчики. Близ цистерны с минеральной водой народ машет канистрами, но отходить боится — очередь. Свалишь на минутку, а потом начнется: «Вы здесь не стояли! Клава, подтверди!» Ремонтных дел мастера из соседнего дома гурьбой вывалили на внеплановый перекур.

Люди при деле: участвуют.

Открываю створки окна. Высовываюсь по пояс. Холодно, но возвращаться за курткой лень. Шагах в четырех от двери подъезда, в эпицентре волненья народного, расплескав лужу, засыпан осколками стекла...

Ясно.

Бедолага Горец в очередной раз решил оправдать прозвище. С какого же этажа ты выпал, красавец? Поклонник Ламберта ворочается, делает попытку встать, но остается на четвереньках. Спаниель, струной натянув поводок, лижет ему щетинистый подбородок. У собаки праздник, именины сердца: гулька хвоста сейчас оторвется от восторга.

Тетя Вава, знатная сплетница-многостаночница, ахает в голос:

— Живой! Живой, ракло!

— Вавка, дай рупь! — уверенно подтверждает теткину догадку Горец. — Остаться должен только один!

Кажется, он снова готов к подвигам на ниве беспробудного алкоголизма.

— Ну, значит... значит, все путем!.. — бормочет котельщик, топчась рядом с пострадавшим. — Он нечаянно! Ну, Горец, ну, подлюга...

Окно подъезда на четвертом этаже вынесено напрочь. Топорщатся свежей щепой обломки рамы.

— Он, значит... выйти хотел. — Котельщик горой стоит за друга. — Облегчиться...

Горец соглашается, кивая на манер китайского болванчика:

— Шишел-мышел, на хрен вышел!

Был бы трезвый — ей-богу, убился бы. Хотя тоже не факт.

— А вы это... Чево это вы?!

Бомж возводит очи горе, сетуя на человечество, — и видит меня. Тычу пальцем в выбитое окно. Через минуту он наконец соображает глянуть в указанном направлении. Долго смотрит. Очень долго. Словно эстет на Мону Лизу в подлиннике. После чего хитрым акробатическим зигзагом бухается на колени.

— Простите, люди! Люди! Виноваты мы с Михалычем, кругом виноваты! Починим! Век пива не видать!

— Только стекол у нас, значит... — спешит вмешаться практичный котельщик. — Нет у нас стекол. Ежели стекла, мы запросто...

— Запросто! — истово кланяется Горец.

Управдом Кликуша, Степан Макарович, ранее мрачно наблюдавший за сценой публичного покаяния, обводит взглядом жильцов:

— Я уже посчитал: по трюльнику с квартиры выходит. Все равно чинить надо: зима... А за этими гавриками я лично прослежу. Ежели филонить станут...

Кулак у Кликуши — зрелище не для слабонервных.

— В лучшем виде! Остаться должен только один! — преданно кивает Горец.

Надо будет трешку Кликуше отдать. Прямо сейчас накину куртку, спущусь и отдам. Иначе забуду. Почему я не спешу уйти с балкона, если самое интересное уже закончилось и продолжились будни? Стою, смотрю, ежась от холода.

О чем думаешь, Снегирь?!

Я никогда не напишу про них. Мещане, обыватели, бытовка, февральский переулок, лай собак (лохматый Тузик гадит у подъезда, и бабушка Анюта впопыхах уводит пса: не приведи господь, увидит отставной майор Трофимов — не оберешься криков, а убрать за Тузиком радикулит мешает...); мне не суметь увидеть эту жизнь, как ночью может видеть сны слепец, как дети видят небо, — всякий раз по-новому, в вос-

торге, с интересом к трамваю, гастроному, муравью, дымящемуся летнему асфальту, мучительной капели в ноябре (балкон потек, и капли лупят в таз, подставленный внизу: зима, не медли!.. приди и заморозь...); нам кажется, что это серый цвет, дальтоники, мы сетуем, вздыхая, меняя суету на суету, сжимаем в кулачке тщету побега, горсть медяков, желая одного: купить хоть ненадолго новый мир, где будет солнце, звезды, смех и слезы, азарт погони, прелесть искушенья, друзья, враги, события, судьба... Вы ищете не там, где потеряли. О да, согласен, что под фонарем искать светлее, но монетка счастья упала из кармана не сейчас — вчера, позавчера, прошедшим летом, пять лет тому назад, давным-давно, и ваши фонари уныло светят, веля «Ищи!» — овчарке так велит ее хозяин.

Нет, не напишу.

Лишен таланта, скучен, не умею.

Могу лишь обмануть. «В доспехе латном, один на сотню, с палашом в руке...» Или иначе: «Звездолет «Борец», закончив гиперквантовый скачок, встал на орбите. Молодой десантник...» И будет мне почет. Тираж вскипит девятым валом, пеною обильной, с базара понесут мои творенья, и, надорвавшись, треснет Интернет от жарких писем: «Лапочка Снегирь! Не чаю уж дождаться продолженья великой эпопеи!» Я отвечу. Скажу, что продолженье скоро будет. Пишу для вас, любимых, дорогих...

Я никогда не напишу *про вас.*

Пожав плечами, ухожу с балкона.

* * *

[Snegir]: Снегирь прилетел! Готов к употреблению...

[Хазюк]: Влад, трям!!!

[Homo SS]: Здрасте на фиг! Я просто в шоке после прочтения каждой Вашей книги. Хожу как пыльным мешком пришибленная минимум неделю!

[Oldie-Perdoon]: А ты правда Снегирь? Автор «Гуляй полем»?! А то был тут один козел...

[Глас Вопиющего]: Снегирь! Я уже говорил Вам о невозможности продолжения Вашего творчества в таком виде. Не забывайте, что Ваши сатанинские писульки ставят в опасность Вашу бессмертную душу! Бога побойтесь! Ведь там уже поздно будет!..

[Derjimorder]: Народ, отвалите от человека, а то я щас кого-то за хвост возьму!

[Oldie-Perdoon]: И оторву вместе с ушами!

[Дядя Гусь] задумывается о золотой цепи, на которую приковать Снегиря, и чтоб он писал ему одному...

Щелчок ключа в замке. Дерг, дерг... Ага, хрен там, я цепочку накинул. Рефлекторно. Потому что тормоз. Забыл, кто сегодня прийти должен. Про чат со мной, любимым, в последний момент вспомнил, а про самое важное... Вот, кстати, и чат завис. Вернее, не чат, а модем.

Вовремя.

— Сейчас! Открываю! Не ломись!

Модем — на прозвон. Ага, замигал, заверещал, болезный.

— Иду!

Кто стучится в дверь моя? Видишь, дома нет никто! Это я, жена твоя...

А и не жена зато!

— Привет, Настя. Давай сумку. Тяжелая?

— Привет, Снегирь. Осторожней, яйца! На углу купила.

Она меня всегда по фамилии звала. Точнее, по псевдониму. С самой первой нашей встречи. Когда я, распушив павлиний хвост (как же, белой акации цветы публикации! Литератор!! Круто!!! Круче нас только эти, которые на углу продаются...), стал токовать на суку.

Осторожно ставлю сумку на пол, делаю вид, что помогаю Насте снять пальто, а сам при этом лезу обниматься.

— Ох, Снегирь... Дай хоть раздеться.

Впрочем, высвобождается она не сразу. Искоса поглядывая на меня, начинает стягивать сапоги.

— Что это у тебя пищит? Холодильник не закрыл?

— Это модем.

— Опять в сети, маньяк?

— On-line-интервью даю. В январе на сайте анонсировали. Извини, забыл предупредить. Часа полтора еще.

— Да ладно, ерунда. Тебе кофе сварить?

— Ну! Что б я без тебя делал?..

Настя уходит на кухню. Я вновь подсаживаюсь к компьютеру. Бедняга модем ломится в сеть, печально и тихо стеная. Вечером на наших линиях коннект паршивый, все перегружено... Странно не то, что связь глючит, а то, что она изредка работает нормально! Наша АТС 1934-го года постройки, с

нее разве что на Беломорканал звонить. Вот, опять сорвалось...

— Держи кофе.

— Угу.

Мы познакомились шесть лет назад. Три месяца эйфории. Ходили в обнимку, целовались в метро, улыбались в ответ на осуждающие взгляды. Свадьба! Гулянка, дым коромыслом. Еще год все было хорошо. Чудесно! На последнюю трешку шли в кафе. А потом, когда мои книги «пошли» всерьез, когда появилась возможность жить на гонорары... Семейный уют лопнул. Ссоры на пустом месте, глупые обиды, обоюдные загулы «на сторону». Спустя два года мы развелись. Тихо, мирно, без скандалов.

Через месяц я зашел к ней под каким-то пустячным предлогом. Остался на ночь. Лучшую ночь в моей непутевой жизни. «Я так соскучилась по тебе, Снегирь!» И лишь где-то далеко, на самом краешке сознания, — страх, что наутро...

Вскоре Настя заглянула ко мне: забрать свой зонтик. Целую неделю забирала. Я пошел ее провожать и снова остался. В общем, так мы теперь и живем третий год. Мелькаем туда-сюда. Наверное, скоро заведем ребенка. Здесь главное: ни в коем случае не расписываться снова! Штамп в паспорте для нас хуже проклятия Властелина Черных Кактусов! Такая, значит, любовь...

Ладно, как там со связью?

Коннект? Есть коннект!

Он сказал: «Поехали...»

[Necronom]: Вы писали, что общаться с читателем вам интересно. Когда вас хвалят — тогда интересно? Мне небезразлично ваше творчество... я, так сказать, голосую за вас рублем... потрудитесь соответствовать!

[Живчик]: Вчера в метро за два часа прочитал «Имперцев» — я в экстазе!! Искрометный юмор, красота отдельных мгновений и целостность ситуаций, тонкие психологические переживания плюс здоровая доля полного маразма — настоящий коктейль творчества!!

[Coockish]: Итак, ответьте мне, господин Снегирь, отчего вы столь грубо обошлись с моим земляком Колюном, отказав ему в наивной просьбе выслать Ваше фото с афтографом, а также не отреагировали на присланную им же идею для, уверен, просто гениальной Эпопеи?!!

[Big Pig]: Я очень люблю ваши книжки! ВСЕ ОЧЕНЬ КРУТО! Я ЛЮБЛЮ МИР!

[Хаврошечка]: Уважаемый Влад! Я написала вам в гостевуху такое искреннее, душевное письмо, какого никому никогда не писала, раскрыла вам свою душу. А вы плюнули в нее своим молчанием. Неужели трудно было ответить хоть что-то!

[Рыло Пушистое]: Я люблю «Очаковское» пиво в пластиковых бутылках, но недавно прошел слух, что это разбавленный пивной концентрат + спирт. Что Вы думаете по этому поводу?

...за моей спиной Настя полезла в шкаф. Я было испугался: станет наводить порядок, а это хуже керосина! Нет, раздумала. Вынула чехол с гитарой, извлекла инструмент. Недавно купил: у старенькой «Кремоны» треснул корпус, так я присмотрел дешевенькую «Реноме». Мои шесть аккордов все равно на чем брать, хоть на лыже. Так, для себя оттянуться...

Тихий, изрядно фальшивый перебор.

Голос у Настюхи не ахти, но слушать можно.

Кому поет твоя свирель
В промозглом ноябре?
Вослед свободе и игре —
Мечты о конуре.
И ты согласен умереть,
Но перестать стареть.

Примерзли губы к тростнику —
Звучанье? Пытка?!
И эхо шепчет старику:
«Отбрось копыта...»

«Старого Пана» я написал прошлой осенью. В простеньком «ля-ля миноре». И никогда не слышал, чтобы Настя пыталась... Пение отвлекало, я сперва хотел попросить ее выйти, но раздумал.

Сам не знаю почему.

Пан?
Пропал?!
Ночь слепа.
Изо рта —
Сизый пар.
Ветер волосы трепал,
Успокаивал ..

[Captain]: Хай, Снегирь! Я прочитал без малого 500 (478) фэнтезийных (фантастических) книг, но только твои и Березкины вызвали во мне особое восхищение, а также заставили меня думать. Единственная мечта, которая осталась, — пожать тебе руку. Попробую сделать это через Интернет.

[Driver]: Возможен ли увлекательный и умный роман без стрельбы и мордобоя — короче, без приключений тела?

[Mastiff]: Не кажется ли Вам, что наличие в книге какой-либо отчетливой идеи — это погрешность писателя? А Ваших опусов я вообще не читал... Советуете?

[Gold Petooh]: Вот, выловил любопытную цитату: «Произведения одного автора или группы авторов одного пола («гомосексуальные», если можно в данном контексте так выразиться) — они всегда в чем-то неуловимо однобоки». Не желаете прокомментировать? Я это к тому, что у вас книги действительно какие-то... без либидо.

[Умница] [Gold Petooh]: Это такое японское боевое искусство — либи-до?

[Uncle Bend]: Во многих Ваших книгах по ходу сюжета встречаются описания различных способов казни — от банального сажания на кол до совсем уж экзотических. Взяты ли они из исторических источников? Всегда ли необходима такая подробность в их описании?

Пусты осенние леса,
Бесплодны небеса,
Ты не собака, ты не псарь,
Ты — битая лиса.
Метелка дикого овса
В курчавых волосах.

Ледком подернулась тоска —
вода в колодце.
Набухла жилка у виска,
коснись — прольется.

Хорошо, что я умею быстро печатать. Большинство моих коллег это делают медленно. А я быстро. Зато они пишут быстрее. Не все, но многие.

Каждому — свое, как было написано над воротами Бухенвальда.

Или я опять что-то путаю?

Пан?
Пропал?!
Ночь слепа...

[Sibilla]: Смотрите, кто это? Это же Влад Снегирь! Здравствуйте, я к вам из Монголии, решила посетить интервью! Я вот честно ни фига не читала... А на английском есть ваши романы, Снегирь?

[Herr Cooles]: Страшные вещи пишешь, уважаемый. Плохо спится после чтения твоих книг... Да и сразу тянет читать новые. Любишь убивать своих героев. Неужели смерть является последним штрихом, экспериментум крузис, чтобы герой понял сам себя? А может, твои персонажи тебе слишком дороги, чтобы оставлять их в живых?

[Fat_Princess]: Птичка, ты просто гений! Не меньше!!! Приезжай в Абакан — пивом и жильем обеспечим! Любим, любим, любим...

[Mood Dark]: С ума сойти... Все, что читал... такой бред... Снегирь... какой провинциал со стажем и непременными усами подковой, переработав в КБ, мог сочинить «Гуляй полем», извините... но... сдохнуть со смеху... и этот человек еще пишет о вампирах... читают вас дауны... и я в том числе, потому что сегодня выпил уж больно много пива...

[Канкретный Пацан]: А почему наши писатели тяготеют к фэнтези? Где старый добрый НФ? Патаму чта фэнтези — это по понятиям, а НФ — типа нет?

[Рыло Пушистое]: Какой спиртной напиток в данный момент вы считаете наиболее подходящим для свободного полета творческой мысли?

Кому нужна твоя свирель,
Когда умолк апрель,
Когда последний лист сгорел
На гибельном костре?!
И ты согласен умереть,
Но только бы скорей...

Идет нелепая зима
в хрустальном платье.
У божества — своя тюрьма,
свое проклятье.

Скоро надо будет закругляться.
Устал.

Пан?
Пропал?!
Ночь слепа.
Изо рта —
Сизый пар.
Ветер волосы трепал,
Успокаивал...

[Elf Gosha]: С некоторых пор с отвращением отбрасываю все, что написал Снегирь. Начиная... э-э... дай бог памяти — с «Острого угла», что ли? Все — сплошная истерика. И «Имперцы», и «Гуляй...» завалены этим по самую крышу. Какой антураж? Какой юмор? Все смыто псевдоисследованием человеческой души. Если проявление духовной жизни — непрекращающаяся истерика, то это не к писателю, а к психотерапевту.

[Ellen]: Спасибо за ТЕ САМЫЕ слова, что, наверное, приходили в голову многим читателям — только никто не знал, как сказать.

[Lordik]: Как относитесь к мату в книгах?

[Valentine]: Скажите, насколько важна Вам фантастическая сторона произведений? Нет ли желания написать книгу о Жизни, которая вокруг нас и оставаться человеком в которой порой труднее, чем совершить подвиг в волшебных мирах?

[Second-Hand]: Очень люблю твои книги, но в последнее время пошли какие-то не очень понятные отклонения в сторону «психологического трепа». Я люблю психологическую литературу (Достоевского иногда почитываю), но не до такой же степени! Будь проще, и народ к тебе потянется.

[Жадина]: А то, что небольшой роман выпустили в 2 то-о-оненьких томиках по 50 р. каждый (!), навевает нехорошие мысли об излишнем сребролюбии...

— Снегирь, а Снегирь... Я давно хотела тебя спросить...

Чат разбегался, по экрану гурьбой бежали всякие «хаюшки», «чмоки», «покашки» и «удачи!». Я мотнул головой, параллельно выстукивая ответную дребедень. Дескать, спрашивай, раз давно.

— Только ты не обижайся, ладно?

— Ладно.

— Понимаешь, они ведь дураки. Обычные дураки, пустые как барабан, получившие возможность греметь на весь свет. Ты читал их вопросы? И свои ответы... Это позорище, Снегирь, птичка моя певчая. Тебе не стыдно?

Я откинулся на спинку кресла. Она не понимает. Она никогда не поймет. То, что я сейчас сделаю, будет жестоко, но это единственный способ.

— Неправда, Настя. Они не дураки. Они — читатели. Умные, глупые, смешные, гордые... Всякие. Чи-та-тели. Люди, которые читают. Тот же биологический вид, что и читатели Толстого, Гессе, Бодлера... Не веришь?

— Не верю, Снегирь.

— Хорошо. Представь себе, что Лев Толстой жив. Что у него есть персональная страничка на сайте «Русская литература». Http://www.rus-litr.ru/tolstoy-leo/ И вот ты пишешь ему в гостевую книгу. Ты — умная, образованная, под завязку набитая аллюзиями, метафорами, эстетическим мироощущением и чувством слова. Садись, пиши. Только имей в виду: Интернет платный, и на долгие письма у тебя бабок не хватит!

Когда я уступил ей место, Настя долго смотрела на экран. Минуту, может, больше. К концу молчания она начала шевелить губами. Словно ребенок. Пальцы, помедлив, легли на клавиши.

— Дорогой Лев Николаевич!

Еще минуты две Настя всматривалась в написанное, медля продолжить. На лице любимой женщины писателя Снегиря отражалась сложная гамма чувств: так внезапно опрокидываешься в зеркало, впервые увидев по-настоящему — морщины, мешки под глазами, сухие губы...

Не выдержав паузы, она стерла приветствие и начала заново:

— Здравствуйте, господин граф!

— Ты еще «Ваша светлость!» напиши, — не удержался я. — И про зеркало революции.

— Уважаемый писатель Лев Толстой! — Ей было трудно не ответить мне колкостью, но Настя (чудо?!) промолчала. — Я очень люблю Ваш роман «Анна Каренина». А также «Войну и мир», «Воскресение» и рассказы. На мой взгляд, это вершины русской словесности, в полной мере отразившие...

Прекратив печатать, она опустила руки на колени. Резко отодвинула кресло от стола. Кажется, Настя была готова расплакаться.

— Ты прав, Снегирь, — чуть слышно прошелестел ответ. — Они — читатели. А я — дура. Круглая. Извини, пожалуйста...

Я обнял ее за плечи. Теплые, узкие плечи, обтянутые джемпером.

— Все, проехали. Твой любимчик Толстой терпеть не мог Шекспира. А Тургенев — Достоевского. Дразнил того килобайтщиком и шаромыжником. Дескать, потакает запросам

низкого быдла. Зато и Толстой, и Тургенев обожали Жюль Верна. Представляешь, в гостевой книге: «Дарагой Жюль пеши больше я от тебя балдю. Твой фан Тургенев...»

VII. ОТСЕБЯТИНА: «ЛУЧШИЙ-ИЗ-ЛЮДЕЙ»

> Мы внимательно изучили ваши рассказы, выискивая самое лучшее.
>
> К сожалению, вынуждены огорчить отказом. В текстах должно быть поменьше жестоких и «кровожадных» сценок, а побольше добра, юмора, движений. Чтобы вам стали более понятны наши требования, сообщаем, что наш журнал рассчитан на среднего колхозника, среднего труженика. А теперь представьте: приехали вы в какой-нибудь колхозный клуб и читаете рассказ «Око за зуб».
>
> Написано, конечно, здорово, но реакцию зала можно отчетливо предсказать...
>
> *Из архива В. Снегиря*

— И тут великий воин Бут-Бутан выхватил меч Дзё-Дзёцы, что значит «Обух Счастья», и, произведя тайный прием «Снулый карп мечтает стать драконом»...

— Ух-х-ха! Хо-хо-хо!

— Тише!

— ...изученный им у отшельницы Лохматого Хребта, с таким искусством отсек себе на взмахе кончик левого уха, что Черный Кудельпац в тот же миг умер от смеха! А боги с небес плакали жемчугом и изумрудами, больно ударяя по бритому затылку героя...

— Га-га-гаххрр!

— Еще! Еще давай!

— И тогда великий воин Бут-Бутан, иначе Куриный Лев...

— Ах-ха! Цып-Львенок!

— Саранча в меду! Горяченькая!

Набив рот саранчой, по вкусу напоминавшей мамины «хрустики», я лениво внимал. Этот сон мне нравился. Вкусно, смешно, и никаких дурацких хватов с Горцами. Невпопад вспомнился Вальтер Скотт: в дневниках сэр писал, что у него работа над романом идет всегда. Гуляет, ест, спит, а потом — бац, и сложилось. Ясное дело, мы с сэром одной крови: и в области таланта, и по части методов. В чате сижу, Настю люблю, потом сплю, значит, саранчу кушаю, байки слушаю, и вдруг — бац озарение. «Большое У», если верить китайцам. Или даже «Большое У-у-у!». Строчка за строчкой, и каждая нетленкой пахнет. Руки тянутся к перу, перо к бумаге, минута — и...

Вот только еще посплю маленько.

— ...в отрогах Дурьяндупы встретился ему крылатый Сри-Сида, то есть «Блистательный Небожитель», лелея желание поделиться секретами боя на овечьих колокольцах. Ибо слух о подвигах героя...

Глаза болели от зеленого. Харчма старого Хун-Хуза располагалась на обширном лугу, при полном отсутствии стен или крыши над головой. В сезон дождей проще нанять нищих с зонтами, дабы прикрывали клиентов. Во всяком случае, это я решил, что так проще, а кому не нравится, пусть идет в другое место. Здесь же перед любым посетителем прямо на травке расстилалось полотно, и ты, сидя на собственной заднице, мог предаться чревоугодию. Кухня простая, но обильная: тушеная печень осьминога, свиные хрящики в жижице, суп из бычьих рогов, биточки «Черачап», нефритовые стебли в уксусе, глаза карасиков... И много-много манговой фьюшки. Под фьюшку слушать о подвигах Бут-Бутана было тепло и смешно.

Хотя для меня жизнь Куриного Льва сочинялась без особого веселья.

Бут-Бутана, мальчишку-неудачника, я во многом писал с себя, любимого. Влад Снегирь, он же Владимир Чижик, в детстве просто Пыжик. Вечно обижаемый рохля. Пятый класс школы: пошел заниматься дзюдо. Один раз подтянулся на турнике, дважды отжался от пола. Посмеялись, но взяли. Через полгода ударился головой об пол: врачи-окулисты запретили борьбу напрочь. Пошел на фехтование. Чуть глаз не выбили: маска прохудилась. Пошел на карате, уже в бурсе: сломал ногу, а тренера вскоре посадили по валютной статье. Мне легко было «делать» Бут-Бутана — подкидыш, воспитанный в семье маслодела Чемпаки, гордый заморыш, он был убежден, что родился для воинских подвигов. Вечно битый, всегда задиристый, превращавший в оружие любой попавший в руки предмет (ветку, пояс, камень...) и снова битый, битый, битый... За него давали не двух — две сотни небитых. Неукротимый дух царил в скудном теле. И однажды бродячий Пандит рассказал мальчишке сказку про Лучшего-из-

Людей: воина, мудреца, правителя, волшебника, равного богам. За что Златоухая Джестумшук, госпожа Сивого неба, велела дружине Вержегромцев расчленить предательски усыпленного героя. Части тела Лучшего-из-Людей были раскиданы по земле, обратясь в младенцев. Подкидышей. Вечно ищущих завершения и никогда не находящих его.

«Возможно, ты, малыш, правая рука Его, — на прощание сказал Пандит. — Рука Меча. Ты помнишь, ты хочешь, но не можешь. Что ж, ищи...»

Бут-Бутан пошел искать. Сейчас, в моем незаконченном романе, он бился на стенах Дангопеи вместе с Носатой Аю, «Рукой Щита», страстно желавшей защитить всех страдальцев, но навлекавшей на них лишь новые беды, и Мозгачом Кра-Кра, «Головой Власти», косноязыким волшебником, неспособным произнести до конца ни одно заклинание. И мне надо было гнать их дальше на поиски, а я ел саранчу, пил фьюшку, спал без задних ног и врал издателю, что скоро закончу.

Брехло я ленивое.

Самое время «пшикнуть» и сесть за работу.

— ...спасибо Нежному Червю: подкинул Отщепенку. Швея, доложу я вам! — пока мы над плащами корпели, она за два дня все мундиры галунами обшила! И не прожорлива, хвала Мамочке: соломки маковой кинешь, и ладно...

— Да чего их кормить? Пущай работают! А там — «пшик», и гуляй морем...

— Это верно, кормов жаль. Нежный Червь по связке в час берет. А ежели Отщепенец для жертвенного Дождеванья или там пытку новую испробовать, — и того дороже...

Медовая саранча встала мне поперек горла, трепеща крылышками.

Расплатившись с Хун-Хузом, поднимаюсь. Пора уходить. Хваты, Отщепенцы, галуны... Червь, понимаете ли, Нежный. Торт есть такой, «Нежность». С червями, должно быть.

Снится дрянь всякая...

Дорога от харчмы к храму вилась чудными загогулинами: с высоты птичьего полета они наверняка складывались в витиеватое ругательство. «Чому я не сокіл, чому не літаю?» Катерина из «Грозы» тоже, помнится, интересовалась: чего люди не летают? Не ваше дело, сапиенсы. Вам дай крылья, вы друг дружке на голову гадить станете. Раньше, в других снах, я летал довольно часто — но здесь, в Ла-Ланге, талант авиатора бежал меня. Видно, с реализмом переборщил. Магии себе *натворить*, что ли? Или артефакт завалящий?! Ладно, перебьюсь! Если б еще не дикий штын из слободы золотарей-ортодоксов: вон из-за частокола воняет.

Поселок философских каменщиков я уже, к счастью, миновал.

За долиной млечных тюльпанов, на Худом Утесе, торчит наклонная сразу в три стороны башня местного мага Нафири-су, сибарита и мизантропа. Того и гляди, рухнет — но не поймешь, куда именно. Сердце наполняется законной гордостью за творение моей блистательной фантазии: буйно цветут хвойные бунгало, в кустах зверобоя продырявленного, щелкая клювами, гвельфы-сырояды гоняются за шустрыми гибеллинчиками, от питомника бойцовых выхухолей доносится меланхоличное: «К ноге! Фас! Куси за лодыжку!..» — и, обуян гордыней, я немедленно поскальзываюсь на слоновьей лепешке.

Еле успел ухватиться за дюжего мужика, шедшего навстречу.

— Ну ты, бродила! Зырь, кого хватаешь! А то самого щас цапну!

А еще в шляпе! Широкополой, из войлока... Ба! Это ж хват!

Четверка его коллег выворачивает из-за клубничной рощи. Чмокают соломенные шлепанцы, смачно, взасос целуясь с грязью. Чудеса: в округе сушь, а здесь всегда грязи по колено. Одно слово — сон.

— Что, Дун-Дук, с горя решил бродилу прихватить? Раз с Отщепенкой обломилось?

— Я его?! Я его прихватил?! Вцепился, шаталец, как банный репей...

В ответ — мрачный гогот. Восстановив равновесие, я спешу убраться подальше от компании хватов. Жаль, спешить по грязи выходит скверно: чав-чав, чмок-чмок. Не бегство, а фонограмма «Любви людо-еда».

За спиной, удаляясь, бубнит разноголосица:

— Надо Нежному Червю сказать! Прямо в глаз! Неча нас в оный храм гонять!

— Ну! Второй раз конфузия!

— Нафири-су во злобе со свету сживет...

— Вот вам и Случайная Удача!

— Так она ж от роду-веку — *случайная*. Видать, случай мимо выпал.

— Две стражи прождали — и все мытарю в кошель!

— А может, жертву ей надоть? Кривой Тетушке?

— Же-е-ертву... Бродилу своего лучше бы цапал да к Нафири-су тащил. Кто б его хватился, шатальца?

— Теперь уж поздно — убег...

— Что ты мелешь, Спаран? Человек, живая печень. Не Отщепенец, чай...

— Ладно уж, чего без толку язык полоскать...

Похоже, маг опять остался с носом. Ну и черт с ним. Делай ноги, приятель, «пшик» не за горами!

Храм пустовал. Кусок стены послушно крутанулся вокруг оси, и мне навстречу...

— Настя?!

— Снегирь?!

— Ты чего в моем сне делаешь, подруга?

— А ты — в моем?!

С минуту мы ошарашенно глядим друг на друга. На Анастасии — знакомые портки с безрукавкой, только безрукавка почему-то надета задом наперед. Туго я соображать стал. Никак не пойму, по какой причине. Ведь есть же причина, должна быть!

— Кошмар, Снегирь! Какой гад такие сны сочиняет?! Встречу — убью!

Скромно молчу.

— Думала: замуровали! Сейчас Фредди Крюгер вылезет!.. Не мог раньше объявиться?!

— Фредди?

— Ты, дубина!

— Откуда ж я знал? Сплю себе, фьюшку хлебаю...

— Алкаш! Он хлебает, а я расхлебываю!

Машинально оправдываясь, я нутром чую приближение скандала, — но тут на тройке с бубенцами подкатывает дружище-«пшик». Оттолкнув Настю, врываюсь в каморку, спешно раздеваюсь, швыряя вещи в сундучок. Пинаю спусковой камень, больно ушибаясь локтем. Из нездешнего далека гулом колокольни вспыхивает:

— Снегирь, ты куда?! Ты зачем голый, Снегирь!..

Просыпаюсь я, Настя. С легким паром.

То есть с добрым утром.

VIII. РУБАИ ИЗ ЦИКЛА «ОБИТЕЛЬ СКОРБЕЙ»

Написал я роман, — а читатель ворчит.
Написал я рассказ, — а читатель ворчит.
Я все время пишу — он все время читает,
И — Аллах мне свидетель! — все время ворчит!..

IX. ДОРОГА ДАЛЬНЯЯ, КАЗЕННЫЙ ДОМ С ПЕРЕРЫВОМ НА ВОСПОМИНАНИЯ

Противостояние «высокой» и «коммерческой» прозы существовало всегда и всегда было нормальным состоянием литературы. Другое дело, что интересы авторов обеих литератур диаметрально противоположны.

Авторы «коммерческой» литературы, как правило, страстно жаждут признания другой стороны, но, не в силах получить его обычным путем, добиваются такого признания нелитературными средствами. Войны всегда развязываются авторами «низкой» литературы, и если уж война начинается, то ведется именно как война — действия, направленные на полный разгром противника.

Из статьи в фэнзине «Дружба уродов»

Одинокий трубач на перроне вдохновенно лабал «Семь сорок» в ритме «Прощания славянки». Гимн Ее Величества Дороги взмывал к небесам, золотой иглой пронзая насквозь плоть сумерек, и вороны, ошалев от меланхолии, граяли Краснознаменным хором им. Дж. Гершвина. Смутные тени наполняли февраль: добры молодцы с баулами, красны девицы с мобилами, проводницы с полупроводниками, носильщики с волчьим блеском в очах, красных от недосыпа и бодуна; разбитные офени бойко впаривали пиво, перцовку на меду, конфеты «Радий», пижамы из байки и сервизы под Гжель, — видимо, пассажирам назначалось хлебать «ёрш» именно из синюшно-лубочной чашки, надев хэбэшный пеньюар и закусив липкой карамелькой. Мимо скользнул юноша бледный, вяло каркнув: «На хлебушек, дядя?», и, не дождавшись милосердия, купил у жирной бабки пол-литра «Рябины на коньяке». У ступеней подземного перехода, зевая во всю пасть, скучал мордоворот-ротвейлер: псу меньше всего хотелось

ехать за тридевять земель, хлебать щи из «Педигрипала». Рядом зевала дуэтом жеваная мамзель-хозяйка, сверкая фарфором челюстей. Вавилон кишел в ночи, Вавилон плавился надеждой на обетованность иных земель, сливая воедино трубу, грай ворон, хрип динамиков: «Скорый поезд № 666 «Азазельск — Лимбовка» прибывает на...» — и тоску гудков от сортировки — в детстве я чертовски любил ездить на поездах, «где спят и кушают», ибо такой, гулкой и бестолковой, казалась сказка.

Люблю по сей день.

Душой я уже был на конвенте. О, конвент! О-о-о! Попойка титанов — если водомеркой скользить по поверхности бытия. Расколотые зеркала («Утром встал! увидел! н-на, дракула!..»), поверженные унитазы («А чего он? чего?!»), шашлыки из корюшки, пляски под луной, в номере пылится груда огнетушителей, невесть зачем собранных со всех этажей, саранча опустошает бар дотла, ангел опрокидывает чашу за чашей, а звезда Полынь отражается в безумных глазах, до краев полных чистейшего, как дедов самогон, творческого порыва. Но набери воздуха, нырни глубже — и откроется! Грызня за премию, гнутую железяку, не нужную нигде и никогда, кроме как здесь и сейчас, верная зависть и черная любовь, искренность, смешная, словно детский поцелуй, скрытность, похожая на распахнутый настежь бордель, террариум, гадючник, сад Эдем, детский сад, Дикая Охота, седина в бороде, бес в ребрах: «Я! с ней! пятнадцать лет назад! Чуваки, я старый...», слезы в жилетку: «Пипл хавает! Хавает! Ну скажи, скажи мне, почему он хавает меня, гнилого, а свежачок...»; вопль сердца, взорвавшегося над торговым лотком: «Борька! Борькина новая книжка!» — и в ответ на справедливое «Какая, к арапу, новая?! Просто раньше не публиковали!» подавиться инфарктным комом: «Не новая... Борька, черт! За Борьку, гады... Молча, не чокаясь...» А если загрузить карманы свинцом и опуститься на дно, где шевелят усами трезвые сомы, где бессонные акулы способны урвать часок-другой покоя, а затонувший галеон полон слитков золота, — контракты, соглашения, джентльменские и как получится, налоговые справки, роялти, проценты, отчисления, пиар, форзацы, контртитулы, «споры по настоящему договору...», возвышение малых сих и низвержение великих, тиражи, тиражи, тиражи...

И рожденные в буйстве хокку:

Иду по склону.
Кругом писатели.
Да ну их на ...!

Седые фэны, помнящие фотокопии и самиздат, слова, таинственные для выбравших «пепси» юнцов; лысые мальчики, истрепанные страстями и алкоголем; халтурщики, способные вдруг оглушить стальным абзацем, как бьет иранская булава — насмерть; сонеты, эпиграммы и лимерики, которым не дождаться публикаций; издатели хладнокровнее гюрзы и внимательнее «парабеллума», жадные диктофоны газетчиков жрут случайность откровений; наглые от смущения девочки вырывают автографы с корнем, кто-то сует рассказ на рецензию, вынуждая охренеть с первого взгляда: «Она раскинулась на простынях с моргающими глазами...»; споры взахлеб, до утра, гитара, изнасилованная сотней рук, нет, я не Байрон, я другой, когда б вы знали, из какого сора...

Конвент.

Странная, страшная штука.

Соитие ада и рая.

* * *

— Ну-у-у, Вла-адинька!.. Ну-у-у, здравствуй, что ли?

Он всегда вкусно обсасывал слова, как мозговую кость.

— Привет. Пива взял?

— Пи-и-ва? Ну-у, взял.

— Угостишь?

— Ну-у... жадно мне...

Это был лев филологии, кашалот литературоведения, сизый кречет пера, великий критик современности, за любовь к Третьему рейху получивший кличку Шекель-Рубель. Субтильный барин, он и сейчас смотрелся скучающим лордом в отставке, снизошедшим до бутылки «Золотой эры». Ветер трепал лошадиный хвост волос, схваченных резинкой, — никогда не понимал, как можно отрастить такое сокровище при его лысине! Разве что с детства удобрять затылок...

Впрочем, лошадиная задница тоже безволосая.

Шекель-Рубель вальяжно крякнул, отрыгнув с видом короля, лечащего золотуху. Достал билет.

— Па-а-ашли, Влади-инька?

— Угу. Докурю, и пойдем.

Отчего-то стало грустно, что Настя не смогла меня проводить. Сейчас бы целовались на прощание, семейно, цело-

мудренно вытянув губы, обещали ждать, скучать, зная, что забудем обещание, едва поезд тронется, застучит колесами...

Хотя мы и утром неплохо попрощались.

...Анастасия уютно, по-домашнему ворочается рядом, но просыпаться не спешит. Мне тоже жаль покидать теплую истому постели. Однако вдруг возникает предательское желание сделать Насте что-нибудь приятное. Например, подать кофе в постель. С горячими гренками. Как она любит. Благородные порывы у меня столь редки, что противиться воистину грешно. Осторожно, чтобы не разбудить, выбираюсь из берлоги, на цыпочках крадусь на кухню, прикрывая за собой дверь. Чайник — на конфорку, масло и ломтики батона — на сковородку; ага, Снегирю бог послал кусочек сыру, дабы, на булку взгромоздясь...

Спасибо Настюхе: во время моего отсутствия она решила постеречь квартиру, оставшись у меня на недельку. Не то чтобы сильно боюсь воров, но так спокойнее. Заодно, пока комп свободен, настучит свой реферат. О влиянии кого-то на кого-то.

Надо будет из вежливости уточнить: кого на кого.

Когда я объявился в дверях спальни, держа поднос с хлебом насущным, Настя только-только успела открыть глаза — и теперь изумленно хлопала длиннющими ресницами. Ресницы у нее от природы такие. Все подруги завидуют.

— Ты мне снишься, Снегирь?

— Обижаешь, мамочка! Это я, твой лучший в мире птиц! Вам кофе в постель или в чашечку?

— Ты действительно самый лучший птиц! Иди сюда.

— А вот ты мне взаправду снилась, — сообщаю в перерыве между кофе и поцелуями.

— Да? Приятно. Надеюсь, я была фурией? Стервой в кожаном комбидрессе?!

— Не совсем, крошка. Комбидресс, например, отсутствовал.

— А мне тоже что-то снилось. — На миг я напрягаюсь. Вздрагиваю. Но Настя этого не замечает, набивая рот гренкой. — Дрянь какая-то. Только уже забыла, что именно. Я вообще редко сны запоминаю. Но тебя, птица певчего, я бы точно запомнила!

Поднос с пустыми чашками перекочевывает на тумбочку.

Одеяло накрывает нас обоих с головой.

— Вла-адинька! Мы опозда-а-аем!

Шекель-Рубель капризничает. Это у него в крови: шел бы сам, парился в купе! — нет, обязательно надо уболтать собеседника, заставить проникнуться виной: держал несчастного критика на ветру, голодного-холодного, подверженного менингиту, гепатиту и сибирской язве!..

— Иду, иду!

Когда он поднимается первым, виляя тощим задом, возникает острое желание дернуть критика за хвост. Борюсь с собой всю дорогу до купе и не выдерживаю. Дергаю. Шекель-Рубель оглядывается со скучной укоризной, морща носик, будто я при нем нагадил в Дрезденской галерее.

— У меня будет понос, — деловито сообщает он, веря, что этот факт интересен всем. Наклоняется, загоняя сумку под койку, и повторяет с нажимом: — У меня точно будет по-о-онос. Как всегда, в дороге. Девушка! Де-е-евушка!

Это не ко мне. Это к проводнице, румяной девахе-гренадеру.

— Что вам?

— Де-евушка, скажите, у вас какая сторона рабочая?

— Обе, — ничтоже сумняшеся отвечает красотка, видимо, прекрасно поняв суть вопроса.

Пока я давлюсь хохотом, Шекель-Рубель скорбит над бесчувственностью «отдельных представителей бомонда». Предаваясь шумному ожиданию «медвежьей болезни», прострелу от сквозняков, зверствам таможни и недополучению вожделенной премии. Но скорбь длится недолго: в купе, дыша в рифму табаком и коньяком, ломятся двое наших попутчиков. Монстры жанра — я по сравнению с ними начинающий пижон; соавторы-многостаночники Эльф и Петров, творцы бесконечного фэнтези-сериала «Дюжина кресел, или Златой телец» о похождениях арабского мага Сулеймана бен-Марии. На книжном рынке только и слышишь: «Когда выйдет «Седьмое кресло»? А «Шестое...» уже разобрали? И доптираж? А правда, что «Первое кресло» экранизируют под названием «За двумя стульями погонишься...»?!» Кстати, Петров — он не Петров. Это псевдоним. На самом деле он Сидоров. Зато Эльф — взаправду Эльф. Ну, почти. Когда юного Яшу Эльфенберга не хотели брать в университет, то взятка паспортистке сделала свое дело, обрезание состоялось, и на свет родился Ян Эльф (по мне, хрен редьки не слаще). Даже графа «национальность» приобрела соответствующий вид,

но никто не знает, какой именно. Яшка категорически отказывается демонстрировать паспорт.

В народе Эльфа дразнят Дваждырожденным.

— Об-струк-ци-я! Об-струк-ци-я! — скандируют соавторы, покатываясь со смеху. Суть шутки понятна лишь им, но я ловлю себя на желании вновь начать ржать. Это нервное. Предвкушаю, значит. Застоялся, пора рвануть.

Гудок.

Плывет Вавилон за окном.

— За удачную дорогу!

— А Березку в «Книжном обозрении» обозрели во все дырки! Заказали девку...

— Знать бы — кто?

— Между первой и второй наливай еще одну!

— Пол-лю-ци-я! Пол-лю-ци-я!

— Валюн, сучий язвенник, пишет: «По молодости лет думал, что трудно быть бездарней Маржецкого. Ан, оказалось, есть еще скрытые резервы — навалом». И как начал тебя, Снегирь, поливать...

— Абзац ему в кегль! Шекель, сало будешь?

— Понос у меня... Ладно, давай. Толще, толще режь, жлоб!

— Перцовочки? Для лучшего стула?

— Акт дефекации закончился успешно! Фекалии были теплые, упругие и высокохудожественные...

Между шестой и седьмой объявилась таможня. Или между седьмой и восьмой? Нет, не помню. Помню только, что Эльф убежал покупать раков, утверждая, будто знает места их зимовки, а вернулся без раков, зато со штофом подозрительной «Старки» и в сопровождении вертухая. Мордатый цербер долго взирал на нашу компанию, шурша бровями, потом раздал декларации. Сыграли в крестики-нолики. Петров спросил, является ли он, Петров, и даже в каком-то смысле Петров-Водкин, произведением искусства. Или, на худой конец, антиквариатом. Шекель-Рубель послал Петрова на вышеупомянутый худой конец и, в свою очередь, начал бурно выяснять условия провоза валюты. Цербер оживился, выгнал всех, кроме критика, из купе, запер дверь и вздернул пытуемого на дыбу. Минут через двадцать, пучась от разочарования, он позвал нас обратно.

— Цель поездки?

— Еду в издательство вычитывать гранки, — сказал я, делая пассы.

Этому сакраментальному заклинанию пришлось обучиться лет пять назад, заехав к друзьям в Ростов. Было шесть утра, вокзал заселяли лишь редкие наперсточники, а меня остановил мент с автоматом и кавказским акцентом. Паспорт его не удовлетворил. Моя заспанная рожа навела на подозрения. И лишь загадочное «вычитывать гранки» — два удивительных, волшебных слова! — дуплетом пробили броню насквозь. Мент вспыхнул златозубым оскалом: «Вах, иди, хар-роший чилавэк! Вижу, ты не фалшивомонэтчик!..» С тех пор «гранки» не раз выручали меня в критические дни.

Но только не сейчас.

— Еще раз спрашиваю: цель поездки?!

— Писатели мы, — буркнул вожделевший «Старки» Эльф и благоразумно добавил: — Бедные...

Морда цербера приобрела странную конфигурацию:

— Писатели? Все?!

— Ага.

— Детективщики?

— Нет. Фантасты.

Цербер просиял. Цербер возликовал. Цербер выгнал сунувшихся было на помощь коллег, заперся с нами в купе и стал подробно интересоваться стандартами «роялти» на десяти тысячах тиража. Также его очень беспокоил пункт 6.5: «При внесении редакторской корректуры более 30% Издательство вправе снизить авторский гонорар на сумму оплаты затрат и работы специалистов, производивших работу по внесению сверхнормативной правки». Мы объяснили, просветили и утешили.

— Как книга называется? — спросил напоследок проницательный Шекель-Рубель.

Цербер зарделся:

— Я сперва назвал «Уходи с баркаса». Но главред... Сошлись на «Таможня берет добро».

— Надо будет отловить. А фамилия автора?

— Я под псевдонимом. Будете искать, спрашивайте П. Верещагина.

Через десять минут поезд отчалил к светлому будущему.

— ...раки! Вижу раков! Свистят! На горе! Иду брать!

— ...с недавних пор определение «депрессивный» по отношению к моим текстам стало меня напрягать...

— ...я пишу в очерке: «Начав карьеру с довольно неровных, но неизменно интеллигентных и профессионально написанных романов...» А эта сука правит: «Начав карьеру с неровных, эпигонских романов...» Ну не гад?!

— За хороших людей в нашем лице!

— Владя! Тебе взнос оплатили?

— Не то слово! Заколебали: приезжай да приезжай! Этот звонил... как его? Зам по особым...

Тишина упала на купе. Замер пластиковый стаканчик у рта Эльфа. Петров прикусил зубами рачью клешню. Кончил ныть Шекель-Рубель. Все смотрели на меня. Пристально. Молча. Не моргая. Так смотрят на новичка, вдруг объявившегося на пороге казармы. Так смотрят на игрока, впервые вышедшего на поле в составе сборной. И сквозь хмельную блажь просвечивало нечто усмешливое, холодно-благожелательное, словно ледяная кружка пива с бодуна.

— Кто звонил, Владя?

— Ну, этот... Антип. Венецианович, кажется.

— Что сказал?

Кончилась тишина. Сдохла. Луна в окошко: тук-тук. Колеса на стыках: так-так. Бутылки о столик: что-что?

— Да ну вас, козлов! Ничего не сказал. Звал на конвент. Спрашивал, как пишется. Обсудили график допечаток.

— И все?

— Вроде все. А, еще интересовался «Тираном Нозавром». Первой публикацией. Не было ли левых допечаток. И спросил, как мне спится.

Эльф нервно опрокидывает стаканчик. По счастью, не на стол, а в рот. Наклоняется вперед, блеснув стеклами очков:

— Ну и как тебе спится, Снегирь?

В очках Эльфа отражаюсь я. Какой-то чужой я. Значительный. Толстый. С буржуйским самодовольством во взоре.

— Хорошо мне спится. Вам бы всем так...

— Яша, отстань, — вполголоса бросает Петров, возвращаясь к обсасыванию клешни. — Всему свое время. Видишь же, нашего полку прибыло.

Эльф тянется за бутылкой, облизываясь, словно варан на песочке.

— Вижу, вижу... Ну что, Снегирь? За тебя, красивого!

И, разливая, смеется:

— Добро пожаловать в Орден Святого Бестселлера.

* * *

Этой ночью спал как покойник. В смысле, без сновидений. А наутро, под бодрое «Восстань, Лазарь!», воскрес: могуч, велик и готов к новым свершениям. Несмотря на вчерашний перебор, опасения не оправдались — бодун проехал стороной. Ошибся адресом, напав на обычно спиртоустойчивого Шекель-Рубеля. Эльф дрых в удивительной позе (Поль Гоген, «Потеря невинности»), Петров храпел на манер алябьевского «Соловья», а бедолага-критик нашел политическое убежище в ватер-клозете. Откуда его пыталась изгнать давешняя проводница с обеими рабочими сторонами:

— Санитарная зона! Мужчина, вы понимаете?

Мужчина понимал, но выходить не спешил.

За окном, утешеньем критику, проплыл станционный сортир повышенной вместимости, гордо выставленный на обозрение туристов. Сколько езжу мимо, столько любуюсь росписью стен храма Дристуну-великомученику: перечеркнутая бомба — и надпись: «Превратим мы наш сортир в бастион борьбы за мир!» Страна нужников и граффити. Не знаю, как вам, а мне нравится! Ибо есть дзен-пофигист, каковым и пребуду во веки веков, аминь.

— Мужчина! Ну мужчина же! Семнадцать минут до прибытия!

Экзорцизм проводницы наконец увенчался успехом: через минуту изгнанный из убежища демон врывается в наше купе. Великий критик мечет громы и молнии, разоряясь столь многоэтажно, что я трепещу от зависти. Вот он, истинный мастер слова, носитель и творец живого русского языка! Ему бы в некроманты податься — любого мертвяка в три секунды поднимет, между первым и вторым загибом. Даже соавторы дрогнули. Проснулись. А их будить, доложу я вам... В купе воцаряется утренний бедлам, знакомый по десяткам подобных поездок. Сквозь стекло брызжет не по-зимнему жизнерадостное солнце, и я мысленно смеюсь над собственным, воспаленным ночью, воображением. Все эти странности, намеки... Розыгрыш, ясное дело! Клуб приколистов-затейников. Вон Эльф, зная привычку критика класть мобильник под подушку, стащил его «Моторолу» и тайком выставил будильник на шесть утра.

Дабы успел всласть опростаться.

— Уважаемые пассажиры! Наш поезд прибывает...

Идем-идем. Только штаны подтянем.

На перроне буянит оголодавшая по общению стая фэнов-рецидивистов и мэтров в законе. Знакомые все лица. Кроме одного колобка: голова тыквой, брита наголо, зато на щеках красуется трехдневная щетина. Модное длиннополое пальто нараспашку, реет по ветру белоснежный шарф, будто заранее сдаваясь на милость победителя. От бабушки ушел, от дедушки ушел, теперь катается туда-сюда: сдобный, круглый, румяный. Но, на удивление, не производящий впечатления толстяка.

Последнюю мысль я уже додумываю в его объятиях.

— Здравствуйте, дорогой, здравствуйте! Душевно рад! Приятно иметь дело с обязательным человеком. Ах да, совершенно забыл представиться: зам главреда «Аксель-Принт» по особым вопросам. Антип Венецианович Гобой.

Хватка у него, однако... А, судя по пухлым лапкам, сразу и не скажешь. Борец в отставке?!

— Влад Тромбон! — ляпаю первое подвернувшееся на язык; а на язык, как обычно, подворачивается чушь собачья. — Простите, Влад Снегирь, конечно... А если еще точнее — Чижик, Владимир Сергеевич.

Я на самом деле Чижик. По паспорту. И темперамент соответствующий.

Колобок заразительно хохочет, сверкая новогодней елкой: металлокерамика a la Hollywood, серьга в ухе и целая коллекция перстней. Притопывают лаковые штиблеты без единого пятнышка грязи. Кажется, Гобой ни секунды не может спокойно устоять на месте.

— «И явились к нему люди со странными прозвищами; когда же начали называть они свои истинные фамилии, то повергли Антропогеля в еще большее изумление...» — нараспев, неожиданно густым басом декламирует он. Видимо, это цитата, но я не знаю, откуда. — Полно, Владимир Сергеевич, мою фамилию все по первому разу так воспринимают. А вас небось в школе Пыжиком дразнили?

— Дразнили. Когда на фонтане водку пил.

— Ах, юность, пора надежд! Ну что, пойдемте? Машина ждет.

— Да я вообще-то... с народом, на метро...

— Дидель сети разложил, — напевает кто-то за спиной «Птицелова» Багрицкого. Гнусаво хихикает: — Чижик-Пыжик, надо ль плакать...

Кажется, Петров. Мне чудится в его пении нечто большее, чем просто ехидство. Ну, блин, шутники...

— Народ пусть безмолвствует! — Колобок тащит жертву сноровисто, как муравей щепку. — Неужели, дорогой Влад (а я для вас просто Антип!..), вам действительно хочется нырять в подземку, потом ждать автобуса, тащиться по ухабам... Осторожно, здесь ступеньки!

Ну с чего, с чего Владу Снегирю такая честь?! Те же Эльф с Петровым или Славка Неклюев, лидер продаж «МБЦ»... Богатыри, не мы! Может, действительно премию дать решили? И все заранее знают, один я — ни сном ни духом? Ага, раскатал губы! Премию ему, пернатому...

— Неклюева прихватим? А? — с надеждой оглядываюсь на радостно гогочущих, обнимающихся, хлещущих пиво соратников по литфронту. Однако соратникам я по барабану. По наигранному, неестественному, нарочно гулкому барабану. Без очков видно — притворщики. Один Шекель-Рубель хитро щурится вслед. Впрочем, это у него, может быть, от поноса.

— Пусть Неклюева его издатель возит! Давайте же, Влад, дорогой! Нам есть о чем поговорить.

Ну, если так... Дела — это святое.

Коммерческие, блин, тайны.

Темно-синий «БМВ» приветливо распахивает пасть. Багажник также открывается сам собой, водитель остается на месте. Укладываю рюкзак, суюсь в салон... Ни фига себе! Это кто же за рулем?! Их преосвященство, генеральный директор собственной персоной?!

— Здравствуйте, Андрей Олегович!

А колобок от смеха прямо заливается. Что я опять брякнул?

— Добрый день, Владимир Сергеевич. — Шофер-гендир отменно вежлив. — Садитесь, прошу вас. Как доехали?

— Спасибо, хорошо...

— Это не Андрей Олегович! — выдавливает наконец Гобой. — Это Игнат Кузьмич, его все с шефом путают. То бумаги на подпись норовят подсунуть, то разговоры о поставках заводят...

Двойник скупо ухмыляется, став похожим на восковую фигуру из коллекции «Монстры XX века», и мы трогаемся, сразу ввинтившись в бесконечный поток машин. Да, теперь и сам вижу — ошибся. Водила, бугай-рекордсмен, шефа раза

в полтора здоровее будет. Родственники? А ездит он, кстати, здорово! Мягко ведет, без суеты — это в столичном-то потоке.

— Сигарету, Влад?

— Не откажусь, — в тон Гобою отвечаю я, вальяжно откидываясь на спинку сиденья. Идет какая-то игра. Значит, сыграем по местным правилам, совместив, как говаривала Настя, неприятное с бесполезным. В зеркале заднего обзора видна унылая физиономия — Джеймс Снегирь, агент 007 на пенсии, — и меня разбирает смех.

Поэтому не сразу замечаю, что Антип Венецианович, левой рукой давая прикурить от своей зажигалки, правой как бы невзначай щупает мне пульс.

— Устало выглядите, Влад, — опережает он встречный вопрос. — Разрешите?

Зажигалка исчезает. В следующее мгновение Гобой, зам по особым, жестом окулиста-профессионала оттягивает мне нижнее веко и заглядывает в левый глаз.

— Чудесно! Лучше не бывает! — спешит успокоить самозваный эскулап. — Вовремя приехали. Как нельзя вовремя! Попейте водочки, а лучше — текилы, с коллегами пообщайтесь, перемойте друг другу косточки, отдохните...

Рецепты доктора Гобоя ложатся бальзамом на сердце. А что до маленьких странностей — мы здесь все психи.

— Прошу прощения. Я буквально на минутку.

Из рукава пальто словно по волшебству возникает миниатюрный мобильник. От аппарата к запястью владельца тянется золотая цепочка. Тонкая, витая. Успеваю заметить краем глаза, что на клавишах вместо цифр — одни буквы. Латинские. Местами же вообще иероглифы. Или руны?

Пухлые пальцы берут сложный аккорд.

Телефон отзывается клавесином.

— Да, это я. Кажется, успеваем. Нет еще. Думаю, завтра. Да, поговорю. До связи.

Мобильник рыбкой ныряет обратно в рукав. Силен, Антип! Копперфилд, Мефистофель и «новый русский» в одном флаконе? Делая вид, что нам подобные фокусы — плюнуть и растереть, глазею в окно. Мелькают кресты церквей, освящая рекламу «Макдоналдса», густо зеленеют памятники всяким деятелям, и — автомобили, автомобили... Пора городу переходить в третье измерение. Индивидуальные микровертолеты типа «Саранча», дирижабли-такси, а там, глядишь, и

до антигравов додумаются. Хотя... лет за двадцать вертолеты с антигравами все воздушное пространство забьют вглухую. Да и если сверзится такая штука... Без нуль-транспортировки не обойтись. Как без других кабинок, на которых по два нуля нарисовано. Приспичит — днем с огнем не найдешь. Вот о чем Шекель-Рубелю писать надо, а не про философию жанра.

— О чем задумались, Влад?

— О проблемах два нуля-транспортировки, — мы люди честные, нам скрывать нечего.

— Новый роман замыслили? — Гобой расплывается в улыбке, щурясь чеширским котом. — Не торопитесь, матерый вы мой человечище! Роман по выходе читают. Допишите сперва «Лучшего-из-Людей», передохните, сил наберитесь — и тогда уж... Себя надо любить, холить и лелеять, иначе недолго и нервный срыв заработать. Кошмары, опять же, сниться начнут...

Он что, всерьез решил, будто я про телепорты в канализации писать собрался? Ишь, возбудился: пафос, жестикуляция провинциального актера. Мамонт Дальский, трагик драный...

— Простите, Влад. Меня иногда заносит. Я ведь раньше на театре выступал. В опере пел. Надеюсь, вас это не очень смущает?

— Пустяки, Антип Венецианович. Я другого в толк не возьму: персональное приглашение, «машина к подъезду»... Желаю, знаете ли, возопить: «За что?!»

— За все, Владимир свет Сергеевич! Любим мы вас! Авторов вашего класса — по пальцам пересчитать...

Сижу, помалкиваю. Обуреваюсь подозрениями. Когда издатель начинает «за любовь» — жди подвоха. Предпочитаю будни: тираж, гонорар, срок выхода книги. Ну, под коньячок можно на врагов посетовать. А любит меня пусть лучше кто-нибудь другой. Желательно Настя.

— Кстати, о мартовской допечатке «Имперцев»...

Кажется, добрались. Сейчас заявит: «Спешу обрадовать. Шиш тебе, мил-птиц Снегирь, а не допечатку. Ибо народ не Снегиря, а Маржецкого с Березкою с базара, блин, несет...» Вот и вся любовь.

— Спешу обрадовать: наши маркетологи решили ставить

в производство не пять, а двенадцать тысяч. Держите гонорар. Чтоб веселей на конвенте гулялось.

— А-а... договор? Расходный ордер?

Легкомысленный взмах сдобной лапки. Точь-в-точь Карлсон: «Пустяки, дело житейское!»

— В понедельник заедете в контору, оформим. Гостиницу уже заказали. Посудите сами, золотой вы мой: приехали отдохнуть, развеяться, а тут — бумаги, подписи... Сам бы их век не видел. Зато гонорарушка (эк вкусно у Гобоя выходит!..) всегда к месту. Гонорарушка и тиражик. Помните, у классика? «А'хиважным для нас сегодня является ти'аж, ти'аж и еще 'аз ти'аж!» Или у другого классика...

В мгновение ока картавый говорок исчезает. Салон «БМВ» наполняется сочным басом Антипа Венециановича:

На земле весь род людской
Чтит один кумир священный,
Он известен всем по всей вселенной,
Тот кумир — тираж большой!

Меня покупают. Однозначно. На чем кидаете, черти?! Хотя, положа руку на печень, с «Аксель-Принтом» мы работаем пятый год. Контора солидная, в меру честная. Особенно с авторами. Ибо честность рентабельна, по мелочам кидать — терять лицо.

А если не по мелочам? Если по-крупному?

Сатана там входит в раж,
там входит в раж!
Люди гибнут за тираж,
да, за тираж!!!

Снегирь, дурила, как тебя можно кинуть?

Каким образом?!

Воображение отказывало. Я, конечно, фантаст, но не до такой же степени...

— А вот и пансионат.

Здание впечатляет. Снаружи. А внутри — особенно. Швейцар, *тряся бакенбардами, распахивает перед нами двери*, молчаливая охрана, мраморные лестницы, ковры, светящийся указатель: «Бар». Как поселюсь, надо будет наведаться. По опыту знаю: на конвентах «барская» жизнь процветает. У окошка администрации — галдящая толпа. И сразу, с порога: «Снегирь прилетел!» — «А где Эльф с Петровым?» — «Я в 804-м, заходи, накатим косорыловки!» — «...звездолет Ы летит в систему У, а на борту десантник Гидропончик...» — «Все издатели тормоза!» — «Точно! Мне опять на обложке «зеркалку» влепили!» — «Ты в номинациях есть?» — «Козлы! Бедж посеяли!» — «Здоров, Снегирь! Пива хочешь?»

— Ваш ключ, Влад. 241-й номер.

Оказывается, пока я вдыхал долгожданную атмосферу беспредела, Гобой успел просочиться сквозь очередь, подкатился к администраторше и вернулся с трофеями. Интересно, он и анкету за меня заполнил? Или так договорился?

А потом зашли мы в номер, славный 241-й, — и, культурно выражаясь, охренел я до пупа. Люкс двухкомнатный шикарный, два стола (один журнальный, а второй для посиделок...) и двуспальный сексодром! Блеск посуды в темных недрах обалденного буфета, кожа кресел-бегемотов, туша жирного дивана, куча встроенных шкафов, люстра в форме бригантины, бра, торшеры, под ногами — ворс толстенного ковра. На кронштейне телевизор (блин, с подствольным видаком!..) — не «LG», не мелкий «Томпсон», а прославленный в рекламах супер-«Sony-Trinitron». Сажень по диагонали! Холодильник дремлет сбоку. Машинально открываю. Пиво, водка, минералка, два флакона «Ахтамара», баночки — лосось, маслины, красно-черная икра...

— Это что... это как?..

Спертое в зобу дыханье еле-еле выравнивается.

— ...как прикажете понимать?!

— Не понимать, а принимать! — Гобой приветлив и лучезарен. — Как должное! Как дань вашему яркому таланту, замечательный вы наш Влад! Ладушки, не буду мешать. Вечером увидимся, на открытии. Или в баре!

Северное сияние гаснет, оставляя меня в одиночестве. Посреди шокирующего великолепия. С потертым рюкзаком в руках. Хорошо хоть тапочки взял — ходить в сапогах по такому ковру нога не поднимется. Впрочем, здесь и босиком можно. Не простудишься. Вот она где, фантастика! А вы говорите — фэнтези, спейс-опера, киберпанк... Что ж мне теперь в этой пещере Аладдина делать? Грешно куковать в одиночестве при забитом холодильнике. Учинить кутеж с оргией? Заманчивая идея. Никогда раньше не устраивал оргий. Не участвовал, не привлекался...

Но надо же когда-то начинать?

Душой чую, что Антип Венецианович со мной согласен.

* * *

Обед упорно сползал к трем часам пополудни. Последний автобус опаздывал, а лишать опоздавших кормежки оргкомитет счел несправедливым. Тем временем бар процветал. Кофе рекой, водка коромыслом, закуски кот наплакал. Ибо жрать — дело свинское, зато пить — удел великих! Памятуя гобойский рецепт, я заказал текилы и устроился в углу, подальше от иерихонских колонок. Рядом, в дыму и восторге, соткался изрядно поддатый Эльф. Один, без соавтора. Запустив длинный нос в мою рюмку, он гугукнул с одобрением, плотоядно сверкнул очками и возопил:

— Гарсон, текилы!

Я и опомниться не успел, как на нашем столике образовалась литровая бутыль «Саузы».

— Значит, угощаешь, — сделал странный вывод Эльф. — Правильно делаешь, молоток. Ну что, за твою орденскую планку?

На всякий случай я сначала выпил и только потом поинтересовался:

— Какую планку?

— Тебе что, Архипушка ни фига не рассказал? — Эльф вытаращился на меня сквозь очки, сразу сделавшись похож на осьминога в аквариуме.

— Какой Архипушка? Антип Венецианович?

— Да врет он, Шаляпин! Тип Антип... Архип он, понял! Архип Васильич. Так он тебе не?..

— Чего — не?

— Ладно, проехали! Значит, еще скажет. Ну, тогда за...

— За фантастику! — напротив плюхается знаменитый фэн Распашонка, дружбан и собутыльник всего прогрессивного человечества, мигом наполняя свой стакан дармовой текилой. Мы с Эльфом едва успеваем поддержать инициативу. Хорошо пошла — за фантастику! Экий, однако, темп взяли...

— Слышь, Снегирь, мы тут...

Дальнейший монолог Эльфа тонет в музыкальном армагеддоне. Развожу руками: не слышу, мол.

— Туда бы гранату кинуть! — вопит Эльф, с трудом перекрывая какофонию.

— Ура! Гранату! — Подогретый Распашонка лезет за пазуху и извлекает картонный цилиндр, сплошь в аляповатых иероглифах. Из торца цилиндра зловеще торчит кусок бикфордова шнура.

Очки Эльфа опасно загораются.

— Распашонка! Отец родной!

— Эльф, прекрати! Пожар устроишь!

— Не устрою!

— Обожжешь народ!

— Не обожгу! Я уже такую запук... запус-с-скал!

— Нас повяжут! Смотри, менты вошли!

— Нас не повяжут! Нас не догонят! За нашу бывшую Родину! Мэйнстрим must die! Слава киберпанку!

На последнем выкрике Эльфу наконец удается попасть отобранной у Распашонки сигаретой в кончик «бикфорда». Шнур вспыхивает, искря; Эльф привстает из-за стола («Велика Россия, а отступать некуда!..»), картинно размахивается... Вспышка. Фонтан сиреневого пламени. Вся стойка в дыму. Треск, грохот, по залу скачут палые августовские звезды. Отчаянный визг женщин. И — нестройное пьяное «ура!» отовсюду. Наш народ непобедим! Хоть атомную боеголовку в баре взорви: выживут, возрадуются и выпьют по поводу!

...Тишина. Трещат по углам, догорая, остатки заряда. Туман порохового дыма красит бар синькой. Не сразу до меня доходит: Эльф добился своего, укротив музыку. За что и страдает: трое в форме крутят ему руки, тычут мордой в стол, прямо в недопитую рюмку.

— Козлы! Пустите!

— Сопротивление при задержании!

— Да вы знаете, кто я?! Я гений словесности! У меня соавтор — мент! Полковник!

Врет, гений. Частично. Петров, который Сидоров, действительно мент. Но — майор. В Куряжской колонии малолеток строил.

— Он вас всех!.. С дерьмом!.. По стойке «смирно»! Отпустили! Быстро!

— Хулиганство в общественном месте...

— А-а-а! Больно же! Козлы! Сатрапы!..

— ...в нетрезвом виде. Нарушение правил противопожарной безопасности. И оскорбление при исполнении. Будем составлять протокол.

Черт, кажется, Эльф влип серьезно. Надо выручать.

— Старшой, давай без протокола? Никто не пострадал,

имущество цело. С барменом мы сами договоримся. А его соавтор на самом деле ваш коллега...

Старший сержант подозрительно оборачивается: это еще, мол, что за птица?

Распашонка, друг ситный, спешит на подмогу:

— Точно! Ихний соавтор — майар... тьфу, майор. Вы ему пенделя дайте и отпустите, он больше не будет. Давайте лучше выпьем! За нашу родную милицию!

— Где ваш соавтор?

На протоколе сержант больше не настаивает. Полдела сделано.

— В номере. Да пустите же! Больно!

Сержант делает знак. Двое держащих Эльфа слегка ослабляют хватку.

— В каком номере?

— В восемьсот четырнадцатом.

— Хорошо. Пошли разбираться.

Эльфа поднимают на ноги, я сую бармену «отступного» (хвала Гобою!), ушлый Распашонка прихватывает со стола текилу, не забыв и свой стакан (только сейчас замечаю, что стакан с подстаканником; небось в поезде спер!) и мы движемся к лифту.

Пятый этаж. Шестой.

Восьмой.

Ключ в руках гения никак не хочет попадать в замочную скважину. Менты скептически наблюдают за мучениями дебошира, и я вынужден прийти на помощь. Да, хоромы не царские. Обычный двухместный номер. На полу — батарея пустых бутылок из-под пива, в пепельнице — окурки. На кровати в углу дрыхнет майор Петров. Успев набраться до подвигов соавтора.

— Петров, спасай! — блажит Эльф. — Меня повязали! Дело шьют! Скажи им... Да проснись же, зараза!

С трудом открыв правый глаз, Петров пытается сфокусировать зрение. Люди в форме... любимый соавтор... свидетели...

— Попался, сука! — удовлетворенно констатирует бывший майор и переворачивается на другой бок.

Эльф воет, Петров спит, а мы с Распашонкой давимся в углу от смеха. Глядя на наш балаган, сержант хрюкает, закусывает губу и долго молчит, синея. Потом обреченно машет рукой: «Что с них возьмешь, с *писателей*!» — и наряд покидает номер.

Тогда мы начинаем ржать в голос. Петров вновь открывает один глаз, на этот раз левый. Тяжелый, похмельный взгляд упирается мне в живот.

— И ты попался, сука, — трезво говорит он. — П-понял?

Киваю. Дескать, понял.

Текилу мы допили прямо здесь. При участии Петрова, молчаливого и скучного.

— Повезло Эльфу, — хвастался Распашонка. — Это я их... Если б не я...

Позже был обед, и за обедом мы добавили.

А ближе к четырем я доплелся до своего 241-го и, не раздеваясь, рухнул на кровать. Надо поспать. Надо. До открытия еще далеко...

X. ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «ИЖЕ С НИМИ»

И в моем дому завелось такое...

М. Цветаева

Вначале было Слово. А тираж
Явился позже. Но — до Гуттенберга.
Ведь лозунг размножаться и плодиться
Был вывешен для всех. Для всех живых,
А значит, и для слов. Мой милый друг,
Взращенный на мейнстриме и портвейне,
Бунтарь кухонный, тот, который в шляпе,
С огнем во взгляде, с кукишем в кармане, —
Давай отделим зерна от плевел,
Козлищ от агнцев, быдло от эстетов,
Своих от несвоих, а тех и этих
Отделим от условно-посторонних,
Которым безусловно воспрещен
Вход в наш Эдем, где яблоки доступны
Любому, кто марал чело моралью,
Поскольку Зло с Добром есмь парадигма,
Влекущая лишь люмпен-маргиналов...
О чем бишь я?
Ах да, о тиражах.

XI. ОТСЕБЯТИНА: «ЛУЧШИЙ-ИЗ-ЛЮДЕЙ»

> Фантастика ныне входит в первую тройку наиболее издаваемых жанров. Порадуемся, уважаемые читатели! Порадуемся — и вспомним, что на наших просторах пишут и более-менее регулярно издаются, по оптимальным подсчетам, шесть десятков авторов-фантастов. Много?!
>
> По-моему, крайне мало — на столько-то миллионов читателей!
>
> Итак, два взвода держат фронт — и держат его хорошо.
>
> *Из послесловия к первому изданию «Имперцев»*

— Сри минангкаб! Тысячекратно нюхая пыль из-под сандалий вашего превосходительства, о сри минангкаб доблестной Тугрии, осмелюсь высказать, трижды воззвав...

— Короче, пальцем деланный!

— Здесь еще один!

— Лазутчик?

— В недоумении молю Лобастую Форель просветить сущеглупого...

— Короче! Удавлю!

— Он голый, сри минангкаб!

— Голый? Странно... Ладно, тащите его к остальным.

Меня сноровисто вздернули на ноги и поволокли куда-то. Сизый с похмелья рассвет лился меж холмов, копясь в ложбине озерцами тумана, одуряюще пахли полевые вертухайчики, топорщились алые стручки дикого перечня, и в кустах лженосорожника стрекотали навзрыд влюбленные жужелицы. Было зябко, но не слишком. Носильщики сопели без особого дружелюбия, я для интереса согнул колени, мешком обвиснув в чужих руках, и вскоре поплатился за наглость, — резкий толчок, и Влад Снегирь, доверху набитый гениальностью, летит головой вперед, сшибая с ног мягкого, взвизгнувшего от боли невидимку.

— Цыц, вне утробы зачатые!..

Подо мной зашевелились. Вглядевшись, я обнаружил, что лежу голышом на милейшей девице, опрокинутой моим появлением на спину, и с удовольствием пялюсь в румяное личико. Внешность красотки слегка портил нос, длинноватый по отношению к мировым стандартам, но при прочих несомненных достоинствах, явственно ощутимых, нос даже придавал барышне некую пикантность, отчего спящий слегка восстал (если, конечно, вы понимаете, о чем я!).

— М-м-м, — дружелюбно сказал я. — Хмэ-э-э... А?

Твердая ладонь мазнула по холке. Тайный доброхот, спаситель прелестных мамзелей, явно пытался ухватить злодея за шиворот, в чем не преуспел за отсутствием последнего. Вторая попытка удалась лучше: вцепившись в плечи, меня сняли, оттащили и посадили в лужу — остывать. Через минуту девица также подошла ближе, но ложиться по новой и раскрывать объятия не спешила.

— Эти камнеглазые забрали вашу одежду? — спросила она, глядя мне прямо в лицо, ибо потупить взор девице мешала скромность. — Проклятые тугрики! Вы нуждаетесь в защите, добрый аскет?

Я тупо смотрел на Носатую Аю. Мой собственный персонаж собственной персоной (извиняюсь за отъявленную тавтологию!) сидел на корточках, пылая заботой о «добром аскете», — впрочем, «Рука Щита» донкихотствовала по отношению ко всем угнетенным, — плод воспаленной фантазии В. Снегиря с сочувствием моргал, роняя скупую девичью слезу, а мне хотелось провалиться сквозь землю. Или хотя бы заполучить штаны. О моя каморка в храме Кривой Тетушки! О мои портки с безрукавкой! О-о-о! Где вы сейчас? Тоскуете ли по вашему хозяину?!

Дангопея от Ла-Ланга в тыще километров...

— М-м-мы, — задумчиво булькнуло в горле. — Ках-х-х...

— Бут, он, наверное, немой! Или заика, как Мозгач! Бедняжка!

— Сама ты заика, — обиделся я. — Хочешь автограф?!

Знакомая ладонь ухватила мое ухо. Свернула в трубочку, дернула.

— Ай! Больно!

— Будешь оскорблять Аю, — Бут-Бутан, Куриный Лев, грозно вышел вперед, подбоченясь, — оторву напрочь. И заставлю съесть. Не посмотрю, что аскет. Понял?

Что-то в его интонациях было от Петрова. Я начал размышлять, что именно, но почти сразу прекратил. Лишь сейчас стало ясно, отчетливо и однозначно, насколько смешно выглядит мой герой, пытаясь кому-то угрожать. Пусть даже

мне, неуклюжему демиургу, задумавшему и воплотившему это ходячее противоречие тела и духа, не говоря о более драчливых оппонентах. Тощий, взъерошенный, из рукавов торчат костлявые запястья; глубоко запавшие глаза пылают страстным огнем — так глядит фокстерьер Чапа, пес соседа с пятого этажа, самозабвенно облаивая ротвейлеров и стаффордширов.

Солдат в кожаной куртке шагнул из тумана:

— Пр-рекратить базар! Ишь, лазутчики...

Рядом чавкнуло. Со всхлипом, с душевным чмоканьем трясины, заглатывающей жертву. Я и глазом моргнуть не успел, как массивный Петров, не ко сну будь помянут, образовался между нами и солдатом. Тугрик попятился, вскидывая копье: зрелище было не для слабонервных. Петров, в чем мать родила, деловито огляделся, нимало не смущаясь похабным видом себя, любимого. Потянул носом, чихнул.

— Какой козел?.. — мрачно спросил отставной майор. После чего увидел меня, и во взгляде Петрова ясно отразилось: «А-а... вот какой...»

— Сри минангкаб! С тщанием вылизывая колесницу господина, имею возвестить, в недомыслии расстилаясь...

— Короче, наружу вывернутый!

— Здесь новый! Жирный...

— Тоже лазутчик?

— Столбенея и беленясь, умишком скорбным не в силах постичь...

— Короче! Загрызу!

Чмокнуло сбоку. Чавкнуло поодаль. Всхлипнуло ближе к его превосходительству. Булькнуло у костров дозорных, хлопнуло за спиной солдата. Ложбина стала напоминать финскую баню: нагишом, хихикая, вопя, тряся телесами и визжа от прохлады, вокруг начали возникать старые знакомые. Требовал немедленно добавить Распашонка. Эльф искал Петрова, алкая мести. Обживал укромный кустик страдалец Шекель-Рубель. Славка Неклюев тащил за руку спокойную, как крокодил, Березку, — Лидка, идол фэнтези-феминисток, в костюме Евы оказалась вполне съедобной! — чего-то требуя от Петрова. Майор отгавкивался.

— Снегирь, паскуда! — донеслось до меня. — Его работа!

— Какой круг?!

— Похоже, третий! Я думал, он с Гобоем договор подмахнул...

— Дрянь текст, — равнодушно заметила Березка, ловя мой восхищенный взгляд и поворачиваясь спиной для лучшего обзора. — Проходняк. Снегирь, ты в тираж вышел?

Ответить я не успел. От костров к нам бежали солдаты, размахивая оружием, сри минангкаб гнусаво блажил: «Взять этих! Которые!..», а ближайший вояка, тот самый велеречивый придурок, с перепугу ткнул в Березку копьем. Фыркнув, Лидка увернулась с прытью, несообразной для дамочки средних лет, образ жизни сидячий, любимый вид спорта — ориентирование по запаху. Второй раз ударить вояке помешали: Петров, отодвинув копье, пнул Лидкиного обидчика в «роковое место».

После чего набрал полную грудь воздуха.

— Мочи ментов! — огласил ложбину рык майора Сидорова, столь памятный младым уркам Куряжской колонии, славнейшей меж пенитенциарными учреждениями страны. Правда, в Куряже майор-воспитатель вряд ли призывал к таким противоправным действиям.

— Мочи!

— Душу выну!

— Сри минангкаб! Их много!..

— Сыны Тугрии! Плечом к...

— Их очень много!

— Мочи!

Чмокало. Чавкало. Булькало. Человек тридцать критиков, литераторов, фэнов, редакторов, художников-иллюстраторов и прочих воинственно настроенных полиграфистов сцепились с передовым дозором тугриков. Голые черти, неуменье искупавшие задором, а страх — убежденностью, что во сне ничего плохого случиться не может, они кидались на копья, сбивая врага с ног, колотя головой о камни, упоенно вгрызаясь в шеи и конечности. Танком пер майор Петров, животом прикрывая осатаневшую Березку, Неклюев являл миру чудеса жизнеспособности, забывший о поносе Шекель-Рубель вселял страх. Юркий Эльф вертелся в гуще событий, ужасный в пламенеющих очках, и даже я, поддавшись общему азарту, сунул кому-то в челюсть. Кажется, Петрову, но он не заметил. Дважды, сталкиваясь в суматохе с Лидкой, я слышал, как она язвительно бросала: «Творила!» Думаю, в данном контексте это было именем существительным и именовало совершенно конкретное существо. Но я не обижался, тем более что в хриплом голосе Березки крылся даже слабый

намек на уважение. Битва кипела забытым на огне чайником, друзья-коллеги, погибшие от копий, вспыхивали бенгальскими огнями, расплескивая туман, искры катились по траве, трепетали в воздухе, «сыны Тугрии» пятились, взывая к Лобастой Форели, а вокруг чмокало, булькало, чавкало...

— Мужики! Лидку... эти гады Березку... Мочи!

— Мочи-и-и-и-и!!!

Ко мне прорвался Бут-Бутан. Лицо Куриного Льва пылало вдохновеньем пророка.

— Бей! Бей их! Макай! — Слегка перепутав боевой клич, малыш захлебывался восторгом. — Я знаю! Знаю, кто ты! Ты — Лучший-из-Людей! Его дух! Я... мы будем такими, как ты! Тобой! Целым! Мы... Аю, гордись, — он упал на тебя!..

Красный от смущения и куража, я смотрел вослед бегущим тугрикам.

Чуя приход «пшика».

XII. ОТКРЫТИЕ, ПЛАВНО ПЕРЕХОДЯЩЕЕ В БАР И БРЕД

> Прочь интеллектуальные эксперименты, прочь нытье и копание в душах! Они серьезные ребята, не уважающие дилетантизм. Они пришли с кованым железом в руках, черными поясами, университетскими дипломами и уверенностью в том, что прекрасно знают историю. Хорошим тоном считается с презрением относиться к собственной продукции и посмеиваться над массовым читателем.
>
> Новые времена — новые игры.
>
> *Из статьи*
> *в «Литературном клозете»,*
> *№ 6, стр. 12*

У дверей конференц-зала меня поджидал Петров, грандиозней Колизея и душевней утопления комдива Чапаева. Екнуло сердце: похоже, будь его воля и найдись в пансионате карцер...

— Ты чего творишь, пернатый? Охренел?!

— А чего я творю?

— Горбатого лепишь?! Ладно, пошли в зал. После открытия забиваем стрелку здесь, у входа. И не вздумай слинять! Понял?!

Вот это «понял» меня достало.

— Слушай, у тебя бодун, да?! Злой как собака, на людей бросаешься...

— Добро б на людей. А то на всяких страусов...

Последняя реплика прозвучала чуть более миролюбиво. Ничего, пока открытие, туда-сюда — перебесится.

Начало традиционно затягивалось. По рядам гуляли бутылки пива и фляги с коньяком; стайка «молодых писателей», сверкая лысинами, лениво бродила по залу; время от времени недорезанным поросенком визжал микрофон, сопротивляясь насилию звукооператора. Наконец на сцене объявился оргкомитет во главе с Робертом Саркисовым: все в костюмах, при галстуках, один лишь Робби — в цветастой гавайке навыпуск и джинсах. Молодцом! Прямо сердце радуется.

— Мы приветствуем собравшихся на нашем конвенте... — завел он нудятину, глядя в мятую бумажку, — ...рады, что... надеемся на... задать всем присутствующим один вопрос...

Роберт оторвал взгляд от бумажки, обозрел зал от партера до галерки, дождался гробовой тишины и раздельно поинтересовался:

— За каким чертом вы сюда приехали? Водку пьянствовать? Безобразия хулиганить?

— И сексом трахаться! — орут с балкона.

— Правильным путем идете, товарищи! — резюмирует Саркисов, исполнясь величия. — Все это, а также семинары, доклады, диспуты, премии и презентации новых изданий будут иметь место на нашем конвенте!

Зал взрывается овациями.

Нет, честное слово, хорошо! А то задолбал вечный официоз.

Потом «люди в черном» долго озвучивали призыв «Возьмемся за руки, друзья!»; зал вяло соглашался, меньше всего собираясь пропадать поодиночке. Помянули благодетелей-спонсоров, назойливо вымогая мзду аплодисментов после каждой фамилии. Воздали честь старикам. Зачитали приветствия. Под занавес, «не отходя от кассы», вручили парочку премий: «Василию Кепскому, автору сериала «Кладбище домашних мертвецов», за создание светлого образа сил Зла в современной литературе» и... Шекель-Рубелю! «За многолетнюю и последовательную борьбу с начинающими литераторами».

На этой мажорной ноте открытие иссякло.

Петров уже маячил у выхода, поджидая меня. Словно бо-

ялся, что подамся в бега, устрашенный его пузом. Рядом с майором обнаружились Березка и Неклюев. Оп-па! Все мэтры в гости будут к нам. Только Эльфа не хватает, для комплекта.

— Летим на юг! — с угрозой буркает Петров, устремляясь к бару.

По дороге, не в силах удержаться, кошусь на сосредоточенную Березку. Нет, во сне она смотрелась куда симпатичнее! Лидка перехватывает мой взгляд, двусмысленно усмехается, но не произносит ни слова.

— Разговор будет серьезный. — Оккупировав угловой столик, Петров с грацией бегемота пододвигает даме стул. — Значит, по пятьдесят коньяка и кофе. Тебе, Лидочка, мартини. Сухой. Я помню.

Березка благодарно кивает. Она, между прочим, постарше меня будет. Года на три-четыре. А на вид никогда не скажешь. Форму держит прекрасно. И все ее вслух называют Лидочкой. Знакомые, разумеется. Для остальных она — Лидия Михайловна, звезда первой величины, автор бестселлеров с запредельными тиражами, кумир молодежи... Или кумирица? Ох, некому Березку заломати...

«Кумирица» строго смотрит на меня. Будто училка на провинившегося школьника. Сейчас в угол поставит. Спиной к классу. И велит чуть-чуть наклониться, для лучшего осознания.

— Как прикажешь тебя понимать, Влад? — Голос у Лидки проникновенный, вкрадчивый. Ей бы тоже в органы. На пару с Петровым. Послать их, что ли, в эти самые органы да пойти к ребятам?..

— Что — «понимать»?

— Арнольд с тобой бумаги подписал?

— Какой Арнольд?!

— Не прикидывайся идиотом! — встревает Петров. Злой следователь на контрасте с добрым, старая фишка. Щеки майора трясутся, общая лопоухость резко возрастает, делая его похожим на французского бульдога. — Гобой тебе что, за красивые глаза машину подогнал?!

— Антип Венецианович?

— Ну! Вообще-то он Арнольд. Арнольд Вилфинэтович. Болгарин по отцу, наверное... Но это неважно. Контракт подмахнули?!

— Петров, иди к арапу. Ты же знаешь, я на незаконченные вещи не подписываю.

Дьявол! Я что, оправдываюсь?!

— Владимир, лапочка, ты не в курсе? — интересуется Неклюев, обаятельный и томный. Прикуривает вкусную сигару неизвестной породы, пускает олимпийские кольца дыма. — Или темнишь? Так здесь все свои, рыцари Ордена. Можешь говорить смело.

— Это я темню?! Ну, братцы-сестрицы... В конце концов, это мое дело: хочу — подписываю, не хочу...

Петров залпом опрокидывает в пасть коньяк. Жарко выдыхает:

— Ошибаешься, глупый пи́нгвин! Это теперь не твое дело. Это наше общее дело. Раз в тираж вышел, значит, общее. Понял? У него, едрена вошь, третий круг в разгаре, а он Гоголя из Снегиря корчит!

Третий круг чего? Алкоголизма? На себя бы посмотрел!

Вместе с любимым соавтором.

— Слушай, Влад, ты что, правда не в курсе? Тебе Гобой о *процессе* ничего не говорил? О критической массе тиража? О вторичных эффектах?

Помню, в одной книге про психушку врачи «процессом» именовали шизофрению. Вялотекущую. Очень точно, судя по нашему разговору. Процесс пошел...

— Нет, ничего. Пульс щупал, в глаз заглянул. В левый. Отдохнуть советовал, текилы попить... А что?

Троица «звезд» озадаченно переглядывается.

— Та-а-ак...

— Куда ваш спецотдел смотрит?!

Это Неклюев.

— Ну, от Арнольда я такой подлянки не ожидала!..

— Проморгали! Прошляпили! Я еще в прошлом году криком кричал в «Акселе»: *интут* в порядке, а расчетчика пора гнать сраной метлой!

— Интересно девки пляшут...

— Ясно. Сидите здесь, а я пошел Гобоя искать. Чтоб сразу договорчик, и закруглимся. Птичку на волю не пускать. Понял, Снегирь? Сиди тише водки, суше рыбки. Можешь коньяку выпить. Чуть-чуть. Тебе контракт подписывать.

— Не собираюсь я ничего подписывать!

— Лидок, Славик, я на вас надеюсь. Захочет удрать —

разрешаю все приемы. О, Эльф! Давай сюда. Ты еще соображаешь? Тогда подключайся. А я побежал.

Петров решительно двинулся к выходу из бара, изображая ледокол в разгар навигации, а на место соавтора плюхнулся жердяй Эльф с бутылкой «Клинского» в деснице.

— Об чем совет держим?

— О пингвинах, королях и капусте. — Березка даже не улыбнулась. Кремень баба, на такой жениться — лучше сразу ведро элениума сжевать. — Ты днем спал, Дважды рожденный?

— А то! — с непонятной гордостью заявляет Эльф. — И восхищен талантом Снегиря.

— Значит, ты тоже в деле. Как тебе Владов третий круг?

— Одурительно! Я троих завалил, ей-богу!.. Нет, пятерых! — Стекла очков блеснули памятным пожаром, кулачки дробно ударили в грудь (пиво расплескалось на футболку...), и бар огласил боевой клич: — Я Конан! Варвар из Киммерии!!!

— Козел ты, варвар. Конанист-любитель. Хорошо, что это днем выяснилось. Прикидываешь, что ночью будет?! А впереди еще три ночи... Народу до фига, резонанс, а у Влада — третий круг. Перекинет на четвертый, сразу узнаешь, где раки свистят...

— Кончай воспитывать, Лидочка. — Эльф слегка протрезвел, что выглядело совсем уж фантастично. — Я рыцарь, я все понимаю. Договор надо.

— Так он не хочет!

— Не хочет?! Ну, дела... Снегирь если упрется, его танком не сдвинешь. — Они говорили обо мне так, будто меня и не было рядом. — Тогда цацку. Срочно. Лучше — две. В оргкомитете рыцари есть?

— Один Саркисов.

— Мало. Надо Гобоя трусить. Хотя голосованием было бы надежнее...

— Петров за Гобоем пошел.

И тут не вынесла душа поэта. Если это розыгрыш — нашим звездам надо памятники при жизни ставить. За артистизм. А поскольку особых театральных талантов за ними сроду не числилось...

— Люди! Гении, блин, светочи фантастики! Да скажите же вы толком, что происходит?! Лю-у-у-ди!!!

Стихла музыка. Рассосался дым. Народ стал карнавалом

теней: отодвинулись, налились прозрачностью. В ушах гулко зазвенело, ударило зеркалом об асфальт. А у стойки бара, одна-одинешенька в минутной пустоте, стояла королева-мать — Ее Бывшее Величество, Тамара Польских, совсем-совсем старая. Глядя с жалостью на беспутного дофина Влада Снегиря, попавшего как кур в ощип. Конкретно. Без вариантов.

Аж душа опрокинулась от ее жалости.

* * *

С Тамарой Юрьевной мы познакомились одиннадцать лет назад на семинаре в гурзуфском Доме творчества. Январь, Крым, кипарисы в снегу... Я, по тем временам полный Чижик, был приглашен за счет устроителей — в качестве племени младого, подающего надежды, — и заглядывал всем в рот, готовый в случае чего подать не только надежды, но и пальто. Впрочем, чиркая перышком в блокноте, тайком я сочинял гадкие стишки про местные нравы, теша гордыню. И одну ли гордыню?

Помнится:

Мы живем хоть на горе,
Но отнюдь не в конуре —
В этом Доме творчества
Помирать не хочется!
Для расстройства нет причин,
Так что, братец, не кричи:
Фантастических здесь женщин
Втрое больше, чем мужчин!
А мужчины, бросив муз,
Открывают в горле шлюз:
Член Союза
Пьет от пуза,
А уж пузо — как арбуз!..

Тамаре Юрьевне тогда стукнуло сорок пять, и поговаривали, что баба ягодка опять. В смысле, крепко поведена на постельных делах. Правду сказали знающие люди или просто злословили — не знаю. Не сподобился выяснить. Я, мальчик-с-пальчиком, хамоватый юнец, чудом избежал мертвой хватки Польских. Зато в остальном мэтресса оказалась выше всяческих похвал. Попав в ее группу, творческий человек Владимир Чижик живо был выпорот на конюшне, ткнут носом в каждый ляп поименно, узнал много нового о запятых и приучился сносить насмешки со здоровым стоицизмом. Жаль,

рукопись повести «Сыграть дурака» с личными пометками Польских, язвительными, точными и обидно-справедливыми, затерялась со временем — взяли к изданию в сборнике «Эфшпиль», прошляпили, сунули в архив, подвалы затопило водой...

Кстати, в одном Тамара Юрьевна прокололась. Я позже узнал: на заседании редколлегии она не рекомендовала мою повесть к изданию. Точнее, к изданию в «Эфшпиле», намеченному к выпуску в мае месяце. С формулировкой: «Произведение, *конечно*, годится для печати. Но его объем, помноженный на определенную элитарность и умозрительность конструкций, плохо укладывается в ложе изданий, рассчитанных на крупный тираж и, увы, коммерческую цену. Сможет ли, захочет ли автор сократить текст хотя бы вдвое?! Но публиковать в сборнике — риск большой».

Ах, мэтресса Польских, подвело вас чутье. Выстрел ушел «в молоко».

«Сыграть дурака», впервые выйдя в свет через три года после вашего приговора, на сегодняшний день выдержала шесть переизданий.

Впрочем, я о другом. Уже в те дни Тамара Юрьевна обладала популярностью, какая нам, сявкам, и не снилась. Народ зачитывался книгами под псевдонимом «Джимми Дорсет» (личина мадам Польских), роман «Последний меч Империи» — случай небывалый! — вышел в двух крупных издательствах одновременно, цикл «Старое доброе Зло» сподобился отдельного коллекционного издания, в кожаном переплете и с цветными иллюстрациями; к буму девяносто шестого, когда фантастика родных осин пошла на взлет, Тамара Юрьевна шумно раскрыла тайну псевдонима, став публиковаться под настоящей фамилией. Издания, переиздания, допечатки, именная серия «Миры Т. Польских»... И в девяносто восьмом — финита ля комедиа. Польских изменила жанру. Ушла в глухой мейнстрим. Практически порвала с тусовкой, ведя жизнь отшельницы. Говорят, много пила. Очень много. Развелась с мужем, второго заводить раздумала. Ее новые книги публиковались по старой памяти: максимум пять тысяч. Допечатки? Не знаю. Вряд ли. Зато королеву долбили письмами, депешами, «телегами» и гласом вопиющих масс: ну! Воспряньте! Взорлите! Как бывало раньше...

Тщетно.

Тамара Польских беспечально и бестрепетно становилась прошлым. Делом давно минувших дней. Едва «Последний меч Империи» подзабылся, окончательно уйдя из розницы, она вновь начала выбираться на конвенты. С удовольствием сплетничала, вспоминала былые проказы. Если просили, давала советы: жесткие, хирургически беспощадные. Не просили — молчала. Никогда не обливала грязью удачливых коллег. Не пила спиртного. Чихала на все премии оптом. И не отвечала на простой вопрос: почему?!

Спрашивать перестали.

Последними сдались Эльф с Петровым — старые приятели Польских.

Кстати, в Гурзуфе я и их помянул в песне. Воспев первое впечатление от друзей-соавторов:

...только подняли мы тост,
Как упали нам на хвост
Двое местных Достоевских,
Обнаглевших в полный рост.
После первого глотка
Все взвились до потолка.
Вот зачем нужна перцовка —
Отшивать шаровика!

Ах, кипарисы в снегу!

И вот сейчас, спустя годы, Тамара Польских жалела меня, глупого Снегиря.

Вокруг медленно проявлялся прежний бар, громокипящий кубок с пивом, растворяя в себе королеву, выглядевшую старше своих лет, жалость, печальную и тихую, словно прощание, словно прощение, и память, хлопьями оседающую на дно стакана.

* * *

— Снегирь, на взлет!

— Ты чего, Петров? Умаялся, бегая?!

— На взлет, кому сказано! С Гобоем оговорено, будем наверху беседовать...

— Неклюев, ты с нами?

— Извини, Лидочка. Вы из «Аксель-Принт», я из «МБЦ». Неэтично получится...

— Ладно, сиди здесь. Сами разберемся.

И помчались мы, люстрой палимы....

Номер у Гобоя, куда меня было велено доставить с поличным, оказался самый обычный. В смысле, номер на две-

ри: 316. Никаких тебе сакраментальных «13» или «666». Вошли без стука: запирать дверь Антип Венецианович явно считал излишним. Машинально оглядываюсь: люкс, брат-близнец моего. Хотя... Большой круглый стол в первой комнате, вокруг — чертова дюжина кресел. Зачем столько? Пресс-конференции в номере проводить? Презентации? Так для этого в пансионате специальные помещения имеются. Кстати, сама комната кажется то больше, то меньше — смотря где станешь. От стола — так вообще хоромы! А от дверей — с гулькин хрен. Интересно, как сюда эдакий столище впихнули? Через дверь он точно не пройдет. В окно?

Третий этаж...

Колобок выкатывается навстречу из второй комнаты. С подносом в руках. На подносе — бутылки, бутыли, бутылочки... Рюмки. Бокалы. Вазочка с конфетами. Тарелка с бутербродами. Изобилие опасно балансирует, но Антип ловок: кружит, не роняет.

— Добро пожаловать, хорошие мои! Угощайтесь, чем бог послал...

Не знаю, бог ли, но кто-то испытывал к господину Гобою немалое расположение. Во всяком случае, сей незнакомец однозначно ведал распределением материальных благ, посылая заму по особым вдосталь выпивки и закуски. Чудны дела твои, господи! — конвоиры гада Снегиря не заторопились угоститься халявой. Торчали столбами, воздвигшись главою непокорной и придерживая меня за локти: Петров справа, Эльф слева. А Березка выступила вперед, на манер прокурора, и взяла вопросительную паузу. Мол, не пора ли приступить к обличению?!

Сейчас руки выкручивать начнут, пятки железом жечь, на дыбу вздергивать. Заставят протокол (то есть договор) подписать! А я буду мычать, как партизан, и отказываться! Я такой... Разве что коньяком до бессознательного состояния запытают — тогда, скорбный рассудком и в нетрезвой памяти, могу подписать... Нет, господин Гобой, вы не склоните меня к измене!

М-да... Стол в комнату — это ладно. А вот бред в голову вовсе несуразный лезет. И ведь помещается!

— Значит, доставили... экспонат, — сообщает Петров.

Эльф спешит поддержать соавтора:

— Теперь сам разбирайся со своим птерозавром!

— Ты уж разберись, Аристарх, сделай милость. — Березка

превращается в Железную Деву, излучая холод и презрение. — А то он смотрит на нас, как баран на новые ворота, и выкобенивается! Нам лишний шум ни к чему...

— Я ему: подписывай! А он в позу: имел я вас, килобайтников...

— Петров, не гони! Влад ничего такого...

— Тише, тише, господа... и дама. Не стыдно? Набросились на коллегу... Отпустите милейшего Владимира Сергеевича, он никуда не убежит. Прошу к столу. А мы с господином Снегирем пройдем в соседнюю комнату и побеседуем.

В соседней комнате обнаруживается кровать. Раза в полтора больше, чем у меня. Рядом два кресла и журнальный столик в виде скрипичного ключа. На столике — бутыль минералки и два стакана. Им, значит, коньяк, мартини, ликерчики, а мне — минералку? Дискриминация, да?! Удручен, замечаю, что стены спальни увешаны духовыми инструментами. Свирель, валторна, волынка, альпийский рожок, блокфлейта... пионерский горн, тромбон... Остальных названий не знаю. Но гобоя нет, это точно. Плохо представляю, как он, подлец, выглядит, но уверен: увидел бы — узнал бы непременно!

— А где гобой?

— Вам меня недостаточно? — смеется колобок, грозя пухлым пальцем. — Вы посидите минутку, отдохните, успокойтесь. Водички выпейте. Я понимаю, эти рыцари своими намеками кого угодно до инфаркта доведут. Плюньте, Влад! Наслаждайтесь жизнью, пока живы! Все хорошо, все просто замечательно... А я пока один звоночек сделаю. Хорошо?

Послушно киваю. Мурлыканье Гобоя действует гипнотически: жизнь прекрасна, жизнь удивительна, сядем в креслице, тяпнем минералочки... Тем временем Антип Венецианович делает жест на манер «кушать подано!» — и экзотический мобильник выпрыгивает ему на ладонь. Аккорд набираемого номера звучит жестяным диссонансом.

Уши режет.

— Алло. Контрольная группа? Степана Георгиевича попросите! Да, я. Быстро!

Бас Антипа Венециановича (Арнольда? Аристарха?!) наливается гневом, сразу давая понять нерадивым, по ком звонит колокол.

— Степан Георгиевич? Кто у вас занимался расчетами по Снегирю? Половинчик? Ну, я ему зарплату уполовиню! И вы

еще спрашиваете: за что?! Третий круг! Да, именно третий! У меня свидетели! И с вас я тоже за это спрошу, будьте уверены! Вам *интут* что говорил? Что, я вас спрашиваю? Засуньте ваши расчеты сами знаете куда!.. Левый тираж проморгали. Да, прямо на конвенте... Выкручиваться, между прочим, мне, а не вам с вашим Половинчиком! Ладно, вернусь — у нас отдельный разговор будет... Компенсация? Немедленно займитесь! Не-мед-лен-но! И проверять, проверять, все проверять! Сколько раз говорено... Поняли? Ну, хорошо, что поняли. В понедельник зайдете. Все.

Трубка испуганно ныряет в рукав хозяина.

— Извините, Влад, что заставил вас ждать. Не обращайте внимания. Очень раздражают безответственные люди. Героизм одних — почти всегда результат халатности других. Вот и приходится... Впрочем, вернемся к нашим баранам. Итак, Влад, золотце, у вас возникли вопросы. Два из трех основных вопросов русской интеллигенции: «Что происходит?» и «Что делать?». Вопрос «Кто виноват?» не рассматриваем, поскольку на него я сразу могу дать совершенно точный и столь же бесполезный ответ: «Гомеостатическое Мироздание». Эту тему мы, с вашего любезного позволения, закроем как бесперспективную. Впрочем, на вопрос «Что делать?» ответ тоже прост. Подписать контракт. Просто подписать, только и всего. Если угодно, получить аванс. Процентов семьдесят. Могу даже полную предоплату.

— Но вы же знаете, Антип Венецианович...

— Знаю, дорогой вы мой! Знаю! Кто, как не я?! Но сейчас, понимаете ли, сложилась пикантная ситуация. Как полагаете, я могу рискнуть и попробовать убедить вас отступить от принципов?

— Попробуйте.

— Хорошо. Не будем ходить вокруг да около. В последнее время вам снятся одинаковые сны. Думаю, месяц, если не больше. Угодив в объятия Морфея, вы часто, хотя и не всегда, попадаете в мир романа, над которым сейчас работаете. Я прав?

Отпираться нет смысла. Какой криминал в приватных грезах В. Снегиря?

— Правы, Антип Венецианович.

— Разумеется, вы считаете, что виной переутомление, затянувшаяся работа над текстом, не дающим покоя даже во сне, и странные выверты подсознания. Верно?

— Ну... примерно так. А у вас имеется иное объяснение?

— Представьте себе, имеется. Вы, Влад Снегирь, выходите в тираж. Прямо сейчас.

— То есть? Хотите сказать, я исписался? Пора на пенсию?!

— Ни в коем случае! Напротив, вы на гребне волны, ваша популярность растет, читатели вас обожают (ага, разогнался! То-то Снегиря что ни день чихвостят на форумах!); дилеры ждут новых книг... Я имел в виду, что суммарный тираж ваших изданий достиг определенной критической массы. И началось то, что на внутреннем жаргоне Ордена Святого Бестселлера именуют *процессом*. Вас никогда не удивляло в современной фантастике обилие стандартных ходов: некто из мира нашего попадает в мир иной, где начинает осваиваться?.. Компенсация, Влад, интуитивная компенсация внутреннего давления! У вас же давление прорвало клапан: сперва сны задевают только автора, потом — окружающих, впавших в бессознательное состояние, далее — спящих; круг вовлеченных расширяется... Впрочем, пока достаточно. Поверьте на слово старому битому волку: *процесс* необходимо остановить или хотя бы законсервировать. Это в наших общих интересах. Тем паче что консервация *процесса* — штука элементарная и безболезненная.

— Подписать договор-заказ?

— Именно!

— Интересно, за кого вы меня держите, Антип Венецианович?

— А тебя никто не держит! Ты и есть дурак, Снегирь! — радостно сообщает из гостиной майор Петров. — Тебе русским языком впаривают...

— Зря вы так, Евгений Пантелеевич! Помните, как вас убеждать пришлось? — вступается Гобой. — Я вам в лес, вы мне по дрова... Арестом угрожали. Вспомнили? Владимиру Сергеевичу, как любому здравомыслящему человеку, нужны доказательства. Верно, Влад?

— Да уж хотелось бы...

— Доказательств? Их есть у меня! — В приоткрытую дверь суется физиономия Эльфа. Глазки мечут россыпи солнечных зайчиков. Сейчас начнет разить метафорой и жечь глаголом меня, тупого. А потом по гиперболе в космос отправит. Кстати, им-то всем что надо? Ну, Гобою — ясно: договор. А собратьям по перу?..

— Ты сегодня после обеда дрых?

— Ну?

— Не «ну», а дрых! — Обличающий перст Эльфа упирается мне в грудь. — И в фэнтезюшник свой опять выпал. Нагишом, как обычно. Было?

Неохотно киваю.

— А вслед за тобой — и мы все, кто днем баиньки отправился! В чем мать родила. Мы с Петровым, Лидочка, Неклюев, Распашонка... Васька Кепский. Шекель-Рубель. Видел нас? Отвечай, видел?

Молчу. Ибо сказать нечего. Припечатал так припечатал.

Дверь распахивается зевом Левиафана. Рядом с Эльфом вырастает Березка, лелея в руке бокал любимого мартини.

— Ах ты, наш скромняга! Или тебе напомнить, Владочка, как ты на меня, всю в неглиже, облизывался? Как твой третьестепенный даму копьем пырял? Мне после «Огня над Дагоном» эти копья — плюнуть и растереть! Всласть наелась... Как Петров орал «Бей ментов!», помнишь? А?!

Во рту становится сухо. Машинально делаю изрядный глоток минералки.

— Он там что, воды в рот набрал? — глумится невидимый Петров. — Спой, птичка, не стыдись!

В следующую секунду меня скручивает синдром Шекель-Рубеля. Неудержимо тянет в сортир. Буркнув: «Минуточку!», вылетаю в коридор.

За спиной злорадствуют:

— Ага, обделался!

— Зря вы, Женечка...

Дергаю первую попавшуюся дверь. За дверью — стена! Глухой кирпич с белесыми прожилками раствора. Неужели до «белочки» допился? Осторожно трогаю стену пальцем. Шершавая. С выбоинами. От пуль, что ли? В состоянии полной прострации прикрываю дверь, осторожно тяну на себя соседнюю... Ф-фух, обошлось. Вот он, сортир, вот он, «белый друг».

Уже сливая воду, слышу, как хлопает дверь номера.

— А-а, вот вы где! Какие люди! А я-то думаю, куда все подевались? Ну, по маленькой?..

В комнате с круглым столом, изучая ассортимент, блаженствует вездесущий Распашонка. Унюхал, охотничек. Вот сейчас и проверим.

— Эй, Распашонка! Ты сегодня днем спал? После обеда?

Фэн-ветеран изумленно моргает, пролив чужой коньяк на стол.

— Спал. Пиво после текилы, оно глушит... А что?

— Спал, значит? И видел сны, быть может?

— Сны? Точно, видел! У меня книжка пропала, Кепского. С автографом. Мне и приснилось, что она за тумбочку завалилась. Встал, глянул: так и есть! А я думал — сперли, халявщики...

— За фантастику, Распашонка? — Нагло беру бокал Петрова, доливаю коньяка.

— За нее!

Коньяк победно валится в горло. Застрелитесь, сволочи! Показания независимого свидетеля...

— Извини, у нас деловой разговор. — Березка сурово смотрит на фэна.

— Понял, ухожу...

— Ну?! — Едва Распашонка покидает номер, я, подбочениясь, обвожу коллег орлиным взором. И вижу в их глазах... сочувствие! Так смотрят на дебила-одноклассника.

— Эх, птичка, птичка! — качает головой Березка. — Он же не из Ордена. Такие не запоминают, если третий круг. Вот на четвертом извини-подвинься...

— А вы, значит, из Ордена?!

— Мы, — спокойно поправляет Эльф. — Мы, Влад. Адольф Виссарионович, сколько на сегодня рыцарей?

Бас Гобоя затопляет помещение:

— Шестнадцать человек.

— А с тобой — семнадцать будет. Эх ты, рыцарь... Чижик-Пыжик!

XIII. ИНТЕРВЬЮ: «ВЛАД СНЕГИРЬ ОТ ЗАКАТА ДО РАССВЕТА»

В. Снегирь — агент ЦРУ и примкнувших к ним жыдопланетных педеросатанистов...

Из писем читателей

— Какие события в Вашей жизни Вы бы назвали эпохальными?

— Рождение. Все остальное меркнет в сравнении с ним. Рождение физическое, творческое, рождение любви, любопытства, упрямства...

— Не боитесь ли, что через какое-то время Вас будут вспоминать лишь как Снегиря, потерявшего настоящее имя?

— Если Влад Снегирь не потеряется на перекрестках времени, то чего страшиться Чижику В. С.? А если потеряется, тогда тем более страшиться нечего! И потом: а на что библиографы и литературоведы? Им ведь тоже кушать хочется. Сохранят в веках как миленькие...

— Ваши кумиры и «антигерои»?..

— Уважаю талант, преклоняюсь перед добротой, восхищаюсь любовью. Потрясен искренностью, умением прощать, бескорыстием. Ненавижу ложь, подлость, предательство. Брезглив к гордыне. Терпеть не могу снобизм. Вот они: кумиры и антигерои.

— Насколько безопасен «переход» в вымышленный мир? Ведь известно, что чрезмерное увлечение фэнтези ставило в смешное положение не только большие группы людей, но и целые страны.

— Чрезмерное увлечение творчеством Карла Маркса тоже поставило целую страну в весьма пикантную ситуацию. И миллионы дружно маршировали в «вымышленный мир», скандируя цитаты из классиков. В сущности, львиная доля шизофреников и параноиков «поехала крышей» отнюдь не от слишком обильного чтения...

— Есть типичные для определенных авторов сквозные герои. Кто они для Вас?

— Человек Упрямый. Одним писателям важен Человек Слабый — беды, терзания, комплексы «твари дрожащей». Другие, справедливо возразив: «...или право имею?!», пишут о Человеке Сильном, идущем напролом. Третьи волокут Человека Страдающего мордой по всем лужам, и к финалу он худо-бедно выпутывается. У меня же, если героя волокут по лужам, он пытается брыкаться, но не потому, что сильный, а потому, что упрямый. Не способный, подобно Сильному, ту-

по лезть по головам, мой герой так же не способен, как Слабый, упиваться рефлексией по поводу каждого раздавленного таракана в контексте гармонии мироздания.

— Не хотелось ли попробовать силы в жанре «славянской фэнтези»?

— В ближайших планах — «цыганский детектив», «китайская трагедия» и «арийский фарс». Потом намечены «зулусская утопия» и «еврейский киберпанк»! И лишь после...

— Многие любители фантастики, уверенные, что «сами написали бы не хуже», представляют жизнь писателя как ассорти из непыльной работы, встреч с поклонниками и перепархивания с презентации на свидание с издателями. А на самом деле?

— Это не любители. Если они кого и любят, так это исключительно себя. Который все на свете сделал бы не хуже, будь у него время вынуть палец из носу и оторвать афедрон от дивана. Их представления — мечта о себе, любимом, порхающем и раздающем автографы. Я не стану спорить. Я просто предложу любому желающему: напиши абзац, интересный хотя бы десятку человек. Второй абзац. Десятый. Сотый. Пробейся в издательство. Дождись выхода книги. Искупайся в потоке нечистот, вылитых «знающими, что они не хуже». Поживи лет пять-шесть без средств к существованию. Убеди жену и тещу, что так необходимо. Выдержи бунт родственников. И ночами пусть по твоей комнате побродят гневные персонажи, будя и требуя немедленного воплощения.

Почувствуй себя творцом со всеми вытекающими.

Тогда поговорим с глазу на глаз.

— В чем в настоящий момент специфика фантастики?

— В мудрствовании лукавом. Ее, родимую, ставят углом снаружи (звездолеты-драконы — налево, равнение на рынок; Гоголь, Гомер, Гофман — направо, музейный экспонат на букву «Г», руками не трогать!); ее, матушку, кромсают изнутри (НФ, Fantasy, Science Fantasy, киберпанк, турбореализм (куда дракона в звездолет суешь? Стоять! Не положено!)...

Вдумайтесь: фантазия в ежовых рукавицах «литературоедения»!.. Ах да, Оруэлла у нас тоже отобрали.

Вот такая специфика, однако, а в остальном — все как у людей.

— Что Вас больше всего раздражает и радует в современном литературном процессе?

— Раздражают безумцы, пытающиеся «возглавить и направить». Как Ксеркс однажды пытался высечь море. Радует невозможность «возглавить и направить». Ибо море всегда свободно.

— Однажды Вы сказали: «Конец света происходит каждый миг...» Что это — «Memento mori!» или выдумка начинается там, где кончается реальность?

— Каждый миг настоящее становится прошлым, а будущее — настоящим. Конец одного мира, начало другого. Большинству людей, увы, на это плевать. Им кажется, что настоящее неподвижно. Что хорошо было бы заглянуть вперед, что полезно обернуться назад... Большинство так и живет: позади (воспоминаниями) или впереди (мечтами). Но человеческое счастье заключается в двух словах: «Мы меняемся».

— Велика ли роль личных жизненных впечатлений в творчестве фантаста?

— За других не расписываюсь, а я ни о чем другом и не пишу — только о личных жизненных впечатлениях. Вот такие у меня впечатления от этой жизни.

— Не вредит ли фантастике излишняя ориентированность на «массовку»?

— Каждому человеческому селению положен сказитель, по вечерам рассказывающий увлекательные истории о богах и героях, о плутах и веселых вдовушках, а односельчане слушают. Незаметно для самих себя делая выводы: оказывается, любовь — далеко не всегда потная возня на сеновале; благочестие — не снаружи, а внутри; ненависть — плохой советчик; зависть в первую очередь съедает самого завистника, а дурак — это, возможно, не общепризнанный юродивый, а ты сам, со всей своей мелкой мудростью...

— Вы «коммерческий» автор. Чувствуете ли ответственность за тех, «кого приручили»? Что дает Вам понимание факта: я, как говорится, вышел в тираж? Ведь реальные последствия...

— И ты?! И ты, сволочь?!.

(Дальше неразборчиво вследствие повреждения диктофона.)

XIV. ХОККУ «БЛИЗЯСЬ К ПРОСВЕТЛЕНИЮ, РАЗМЫШЛЯЮ В СОСНАХ»

Постигни дзен!
Ударь эстета
Ногой по яйцам.

XV. «ХАРАКИРИ ПО-ПОЛЬСКИХ», НАСИЛЬСТВЕННАЯ КОМПЕНСАЦИЯ И НЕМОЙ ГОДЗИЛЛА

Я говорю о наспех сляпанной на продажу писанине, а мне толкуют о крови сердца, а? Договор с мамоной вы кровью сердца подписываете?..

Из выступлений на форуме В. Снегиря

...растащили, увели журналюгу, из рук вырвали, не дали, не позволили!.. дайте, дайте вмазать, глотнуть, хлебнуть фунт лиха, Эдик, зараза, почему ты уехал в Хайфу, Эдик, мне тебя не хватает, помнишь, как мы под шашлычок и вдохновенье, эти козлы, Эдик, они рогатые, у них душа сальной коростой заплыла, ты представляешь, этот мужеложец пишет: «Ваши слова вызывают у меня подозрение о том, что Вы недостаточно ознакомлены с литературой сего мира для того, чтобы полагать, что невозможность или затрудненность восприятия Вами какого-либо текста является убедительным свидетельством отсутствия стиля...», — ты понял с Майор Петров,

он считает свое сальто раком прогнувшись за наличие стиля, нет, ты понял, он в белом фраке мехом наружу, в белых тапках, а я в «белочке», я теряюсь с ответом, базарить глупо, стыдно, но в боку дырка, и оттуда течет; да, Наташа, помню, конечно, мы согласились, что на хрен никому не нужны, а Борух смеялся тихо и печально, и через три месяца — некролог, никому на хрен не нужный, одна яма, насквозь, через печень штыковой лопатой, и пластинка заела, пилит старухой поперек: «Над опальной могилой поэта в ночи продавать его книги сошлись толкачи...»; детка, я еще недостаточно стар, чтоб любить школьниц, пойми, детка, тебе хорошо, ты ценишь слоганы и глянец, тебе чихать на язвы под корешком, говоришь, что папы и должны шарахаться от драйва, но я не папа, я всажу, детка, и пойду от вражьего тела с песнею, как шутил Владимир Владимирович, лелея морковку в петлице, нет, не друг, нет, не мой друг и не коллега, он застрелился, когда его достали такие детки, как ты, давай споем в терцию, вот гитара, я подстроюсь, трезвый, я еще слышу, когда диез ломает струну, ну, хором: жили-были попугаи, попугаи-молодцы, крали в стаде попугаи каждый день по три овцы, пили водку попугаи, заедали калачом, как их только не ругали — все им было нипочем...

— Не надо, Володя. Не пейте так много. Я понимаю, вас корежит...

...увели, развели на мизинцах, украли детку, облобызали, лабаз в зале, где пиво, здесь точно было пиво, сладкое, душистое, я видел, Василий Туруханыч! — твой сраный альманах меня выколебал на фиг, твои гады хоть бы позвонили, сказали, так и так, ранний рассказ, я б почистил, запятушки выскреб, а ты меня кинул, точно, кинул, с тебя причитается, давай за жизнь, давай писать кровью сердца, — ты знаешь, до чего больно, когда писаешь кровью сердца?! Ни хрена ты не знаешь, Молох, Ваал, пожиратель талантов, овечьи ножницы, ты режешь крайнюю плоть до сердцевины, по живому, Туруханыч, мясник! — люблю, обожаю, дай чмокну в мозжечок, Варя, радость с косой до ложбинки, до ущелья меж ягодками золотыми, под небом золотым есть город голубых, не уворачивайся, гони фэна прочь, фэн злобен, фэн не любит Варечку, скрипит, интересуется: «Что это за автор с косой?»; надо объяснить смешному — автор, с косой, в саване, я знал его, Горацио, где гитара, давайте хором: жили-были попугаи за

углом, где баобаб, всех любили попугаи, что ни день, меняли баб, все играли попугаи в преферанс и в домино, чем их только не пугали — не боялись все равно...

— Успокойтесь, Володя. Вы привыкнете. Все рыцари привыкают.

— А вы? Вы, Тамара Юрьевна, королева! Привыкли?!

— Да. Привыкла. Просто однажды я проснулась старой, а для нас это край бассейна. Мокрая плитка, запах хлорки и лесенка наверх, в раздевалку. Не бойтесь, Володя, вы никогда не станете старым. У вас не получится.

— Я сейчас! Всем! Начистоту...

— Глупости. Прекратите истерику. И потом, Володенька, милый, вы даже представить не можете, сколько *оруженосцев* мечтает стать рыцарями и сколько *кнехтов* — оруженосцами! Ради бога, кричите как резаный, сорвите глотку — вас шумно поднимут на смех, но в душе, в сердце они затаят надежду однажды самим выйти в тираж, вступить в Орден... Думаете, вы первый проговариваетесь? О, самому попасть в себя, увидеть, сунуть пальцы в язвы, дать точное описание: оруженосцы убеждены, что мемуары — лучший вид сказки, что достоверность бросит их в объятия толп! Наивные старцы, они завидуют вам, мудрым соплякам, пьяным, шумным, некрасивым...

— Тамара Юрьевна! Тогда зачем?.. Зачем вы...

— Я очень плохо выгляжу, Володя?

...слушайте, я расскажу притчу: «Старик-отец собрал сыновей, дал каждому купюру в сто баксов и велел порвать, — сыновья с легкостью исполнили приказ отца, и тогда старик разменял сто баксов на рубли, и велел сыновьям порвать целую пачку. «Вот, — сказал мудрый папаша, — теперь вы знаете, что сила — в единении...»

— Вы чудесно выглядите, королева. Вы просто очень-очень старая...

— Спасибо на добром слове. Ломка, дикая ломка, но я не могла иначе. Каждую ночь, потом днем, я почти все время спала, Володька, дурачок, врагу не пожелаю... И тогда я сделала харакири. «Харакири по-Польских».

— Ваша последняя книга...

— Да, знаю. Стиль, постмодернизм, традиции Б-Литературы. В смысле, Большой. Сплю спокойно. Выдвинули на Букера. Наверное, дадут. Знаете, столько времени прошло...

Сейчас уже успокоилась, бросила пить, но мне до сих пор его не хватает.

— Кого?!

— Тиража, Володя. Тиража. Мои вены просят его.

— Королева...

На колени, лбом в пол, не надо, не оттаскивайте, я должен, я поклонюсь Ее Величеству, и вы кланяйтесь, холопы, рабы, слушайте волю рыцаря Ордена: все кланяйтесь королеве! — дым смыкается, глушит, чьи-то руки, чьи-то слова, снегирь клюет мерзлую сладкую рябину, капли крови на губах...

— Хотите, буду безукоризненно нежный?! Нежный, королева! Я царь, я раб, я червь, я Бог! Нежный Червь... Госпожа моя, вы представляете, до чего иногда можно додуматься — Нежный Червь!.. Безукоризненно!..

— Володя, идите спать...

* * *

...как омерзительно в России по утрам...

Впрочем, только ли в России? После вчерашнего — хоть в Занзибаре... баре... Ох, голова! Интересно, который час? Циферблат часов пляшет краковяк. Половина десятого, кажется. До завтрака — полчаса. Время утренней зарядки: седалгин в зубы, рожу под кран. Буду огурцом: зеленым, в пупырышках. Нам бы до ванной добраться... Сползая с кровати, обнаруживаю, что на сексодроме я не один. Хокку: «Посетите меня/В моем одиночестве/Последний... опал». Рядом мирно посапывает в меру симпатичная Евина дочь. Рыжая. Не жена. Местами обнажена. Местами — нет. Причем сочетание оных мест нефункционально и наводит оторопь.

Смотрю на себя. Убеждаюсь, что таки да. Гол как сокол. Это ничего не значит, ваша честь! Я всегда так сплю. У меня свидетели есть...

Насилую память. Безуспешно. Пытаюсь еще раз. В ответ страдалица-память лупит в затылок тараном. Того и гляди пробьет. Со стоном вваливаюсь в ванную. Аптечка. Седалгин. Запить. Морду под кран. Йез-з-з!!! Жгучий заряд мокрого прямо в душу. Сквозь слоистые туманы продирается луна. Тускло светит на поляны: плохо видно с бодуна. Память начинает помаленьку отдаваться доброй волей. Когда я вернулся, ваша честь, девица была уже в номере. Спала. Как попала? Небось дверь не запер по примеру Гобоя. А ей переночевать хотелось. Бедняжке. Или кровать понравилась.

Я ее разблудил. То есть разбудил. Это точно. А насчет «фрейдовской опечатки» — даю самоотвод. Не помню. Обидно. Что дальше? Я ее спросил, чего она хочет от жизни. А она сказала, что хочет есть. Я ей нашел какие-то сосиски, хлеб. Где нашел? Ну... где-то. А про холодильник, который битком, с лососем и икрой, забыл. Напрочь. Не привык я к таким холодильникам. Да, ваша честь. Она все съела. Тогда я налил коньяку. Обоим. Мы выпили... наверное. Ну не вылили же?! Потом... Нет, глухо. Стена. Как у Гобоя напротив сортира. Кирпичная. С выбоинами от пуль. Сор-тир, стрельбище. Кстати, а как ее зовут?

Нет, ваша честь. Не стену, а барышню. Бреду вспять, наг и сир. Совершенно не стыдно. Общее одеяло сближает, сокращая стыдливость до мнимых величин. Мерзкий вопль мобильника пробирает до костей. Кидаюсь наперерез:

— Д-да!

— Скажите «Да» новой жизни!

И, прежде чем я обкладываю шутника в три слоя:

— Доброе утро. Ты уже проснулся, Снегирь?

— Настя? Ага... в смысле, да. Проснулся.

— А я тебе просто так звоню. (Вот радость-то!) Как живешь-можешь?

— Вроде живу. И могу. — Прислушиваюсь к ощущениям. Вру, конечно, еще не могу. — Хорошо, в целом. С народом увиделся, посидели. Гонорар получил.

На кровати ворочается, просыпаясь, рыжая. Лиса-оборотень. Лишь бы не ляпнула чего в голос — объясняйся потом с Настей!..

— Как борьба с зеленым змием? Кто кого?

— С переменным успехом.

— Да, кстати, первую главу я в издательство переслала. Вечером подтверждение пришло. Знаешь, Снегирь, у тебя в компьютере пока что-нибудь найдешь... В квартире, впрочем, тоже. Я уж плюнуть хотела, но они очень просили. Так что с тебя причитается.

— Погоди, Настя. Не так быстро. Я с утра соображаю туго. Какую главу, куда переслала?

— Первую главу твоего романа. Нового. Который ты боль-

ше года мусолишь, — принимается объяснять Анастасия. Медленно и раздельно, как малышу из садика для даунов. — Звонили из «Аксель-Принта». Просили выслать. Очень просили. Срочно. В рекламных целях. На сайт и для газеты. Висели на телефоне, пока я не нашла и не отправила. Душевно благодарили. Сказали, что я их очень выручила. Привет тебе передавали.

— Блин... Они что, совсем?..

— Погоди, Снегирь? Я сделала глупость?

Настя явно встревожилась. Черт меня за язык дернул! Она-то тут при чем? Это мои дела с «Аксель-Принтом». Сейчас с Гобоем разберусь по полной! Он у меня узнает, как наивным женщинам лапшу на уши вешать!

— Нет-нет, все в порядке. Ты молодец. Извини, бежать надо... Целую! Вечером перезвоню.

— Зубы почисти, прежде чем целоваться! От тебя перегаром даже по телефону разит...

— Извини, Настик, сейчас почищу. Да, я на денек задержусь, в издательстве. Дела образовались. Все, пока!

Оборачиваюсь. Бесстыжая лиса по-турецки оседлала кровать, завернувшись в простыню, и критически обозревает мою «ню». Закрадывается подозрение, что она тоже страдает склерозом. Это радует.

— What time is it now?

— A quarter to ten.

— Turn away, please.

— Why?

Несколько секунд она пытается найти ответ. Не найдя, пожимает плечами и решительно вскакивает. Простыня, шурша, ползет на пол. Ничего. Очень даже ничего. Мятая, правда, слегка.

А может, плюнуть на завтрак, завалить ее обратно, разгладить складки?

Однако у рыжей на этот счет другие планы. Белье, джинсы, пуловер. Спешит в столовую. И куда в нее столько влазит? Ночью есть хотела, сейчас хочет... Ночью?! А ведь мне в эту ночь ничего не снилось! Ни-че-го-шеньки! Ну-ка, проверим!

— Did you have any dreams this night?

— ...???

Чувствую себя полным идиотом.

— Some dreams? Fantasy dreams? Another world?..

Пауза.

— You, Russian writers... You drink so much. It's impossible. It's fantastic!

Развожу руками. Задевая трусы, висящие почему-то на телевизоре. Очень кстати. Дурят тебя, Снегирь-птица! На манок берут. Вот и весь *процесс*.

...Через пару минут после ухода рыжей нашел на полу утерянный бэдж. С эмблемой «МакроНомиКона» в правом углу: когтистая лапа пожимает звездолет.

Вчитался.

Juliana Haslam
Fantasy writer
Sidney
Australia

А из-за закрытой двери голоском типичного лауреата «Хьюго» и «Небьюлы»:

— He is so sexy, he is so sexy...

Кинулся, открыл: никого. Коридор пуст.

Ни фига себе!

* * *

Гобоя в его апартаментах не оказалось. И ворота на замке. Ползу на лифте в штабной номер, по дороге заново переживая утреннее потрясение. Провел ночь с землячкой кенгуру! С почетной зарубежной гостьей! «МБЦ» эту Хаслам тискает, как ухарь девок, — не успевают на родине бабахнуть, а наш пострел везде поспел. «Сага Золотого Табаланга», о похождениях героического Сына Утконоса. Последний опус рыжей — «Стражи покинутых долин» — выходит буквально на днях. Кстати, читали мы кое-что из «Саги»: вполне пристойно для дочери шамана. Если даже переводом текст не испортили... Надо будет вечерком снова подкатиться, книжку с автографом подарить, в гости зазвать. Только пить поменьше, во избежание. Обидно, понимаешь...

Седьмой этаж. Приехали. Безмолвный коридор. Картина «О поле, поле, кто тебя...». На полу — шеренги пустых бутылок, окурки. У поверженного фикуса чахнет десятилитровый огнетушитель ОХП-10 с надетой набекрень бейсболкой.

Штабной номер. Пинаю ногой незапертую дверь. Внутри — сонное царство. Лишь красноглазый упырь-оргкомитетчик с хипповским хайром вяло тычет в клавиши компьютера.

— Выход в сеть есть?

— Угу. — Желтые зубы закусывают «Яву». — А спички?

Даю хипану-оргкомитетчику прикурить и бесцеремонно сгоняю с машины.

Надо!

Так. Сайт «Аксель-Принта». Раздел обновлений. «Фрагмент из находящегося в работе нового романа Влада Снегиря «Лучший-из-Людей»!!!» Три восклицательных знака впиваются в душу. Кликаю по ссылке. Да, текст в наличии. Будь я хакером, грохнул бы на фиг. Вместе с сайтом. Жаль, не дано. Может, оно и к лучшему — наломал бы дров сгоряча... На форуме — целая «ветка» обсуждения. Под исходным сабжем: «Видно Птицу по помету». Ну, как и следовало ожидать: «Сырой, невычитанный текст... презрение к читателю... ляпы... Завязка банальна; несогласование падежов...» Вот это «падежов» меня добило окончательно. Истерически хохочу, спуская пар. А ведь готов был рвать на куски и метать на орбиту!.. Ага, вот и мои верные защитники крошат супостатов: «Выпячивают эрудицию... повыеживаться за чужой счет... ни одного аргумента... высокомерное хамство... Даже по отрывку виден недюжинный потенциал... Когда выложат полностью? Или на бумаге выйдет? Хочу!!!»

Спасибо, братцы. Нет, без дураков, спасибо. Накатать, что ли, гневно-обличительную мессагу: «Текст был злостно украден с авторского компьютера путем шантажа и подлога...»? Не будем пороть горячку. Сейчас в свой mail-box загляну, проверю почту — и в столовую, ловить паразита Гобоя. Его работа, больше некому.

Так, что тут у нас? Спам, спам, снова спам, очередное письмо от Godzillы — извини, монстр, есть дела поважнее. Подождешь, не облезешь... Опаньки! Депеша от Геннадия Шелуханова. Лушпайкин (его так за глаза все зовут, даже издатель) — это вам не фунт семечек. По тиражам — вровень с Березкой и Неклюевым. На конвенты не ездит, сидит дома. И что же мне пишет мэтр? Мы ведь едва знакомы...

«Поздравляю со вступлением в Орден.
Удачи.
Искренне ваш,

Г. К. Шелуханов, рыцарь».

* * *

Колобки овсянки не едят: это для них сродни каннибализму. Посему Гобой в столовке отсутствовал. Пришлось завтракать в обществе стенающего Шекель-Рубеля и двух его коллег из северной столицы. Шекель-Рубель, как обычно, жаловался. На овсянку. На персонал столовой. На расстройство желудка. На халявщиков, норовящих упасть на широкий хвост. На друзей-доброжелателей, спаивающих беззащитного. На столичное лобби, выгрызающее премию своим бездарям. На журнал «Ф-Пегас» (в народе «Фугас») — отчекрыжили треть абзаца в архизамечательной статье страдальца, чем извратили весь замысел...

Коллеги кивали, вяло ковыряли синюшную кашу и интересовались временем открытия бара. Также их сердечно волновала выдача бюллетеней для голосования. Оба приехали утром, опоздав на сутки, и предвкушали.

В коридоре уже взывал бодрый Саркисов:

— А кому голоснуть?! Подходи-налетай, бюллетени хватай! Одна штука в одни руки!

Обретя бумажку, я выдрал у ближайшего фэна перо из хвоста и немедленно проголосовал. Шансов на железяку мало, но неужто я настолько себя не уважаю, что отдам кровный голос за конкурентов?! Меж литературоведов отметил Шекель-Рубеля — в порядке гуманитарной помощи, взамен фталазола; в номинации «Лучший переводной роман + лучший перевод» — разумеется, Джулиану. Остальных номинантов все равно не читал, а рыжей будет приятно.

Выполнив гражданский долг, походкой Командора громыхаю обратно, к духовому оркестру. Скрести по сусекам.

— Да-да, войдите!

Хозяин номера свеж, наодеколонен и лучится расположением.

— Добрейшее утречко, Влад! Как спалось?

— Вашими молитвами, без сновидений. Извольте объясниться, Алоизий Вифлиемович! Из издательства втайне от меня звонят моей... э-э-э... моей жене, требуют файл первой главы, и нате-здрасте: «Фрагмент из находящегося в работе...»! Вам не кажется, что в приличных домах за такое бьют морду?!

— Ну что вы, право! Кричите, волнуетесь... Боитесь, что публикация «сырья» повредит вашему имиджу? Напрасно,

Роджер вы наш, Роберт и Джон Рональд Руэл! Совершенно напрасно! Поверьте опыту маркетологов «Акселя», они не зря едят свой хлеб с котлетой. Минералочки хотите? Из холодильника?

— Хочу.

Минералки я выпью с удовольствием, но зубы заговорить не позволю!

— С газиком, со льда!.. Может, пивка?

— Спасибо. Тем не менее...

Туча ворочается в окне. За окружной трассой небо трескается бронхитом. Хрипит, откашливается. Гроза? В феврале?!

— Успокойтесь, дражайший Владимир Сергеевич. Помните наш вчерашний разговор? Или сочли его розыгрышем? Договорчик-то вы не подписали, вот и пришлось в порядке временной компенсации...

— Компенсации чего?

— Вашего замечательного *процесса*. Да вы присаживайтесь, присаживайтесь! Все говорят, что правды нет в ногах, но правды нет и выше! — Гобой густо хохочет. — Или грезите о переходе на четвертый круг? Прямо здесь, на конвенте? А что, вполне возможно! Концентрация субъект-генераторов, интерполяция, вторичные взаимодействия. Пси-резонанс, наконец. Хотите разоблачить Орден, да?! Влад Снегирь против системы?!

Смеется зам по особым.

Смеется небо — хрипло, болезненно.

Темно в номере. Темно.

Тень-гример трудится над лицом веселого колобка. Новое обличье, краденая личина. Объемный портрет работы художника-кубиста, шедевр скульптора-безумца: хищные бритвы граней, изломы, трещины, ледяной отблеск слюды на сколе гранита. Кусок янтаря, в середине мушка многолапая, мохнатая...

Уползает туча. Стихает хохот. Гобой отходит к холодильнику за водой для себя, и наваждение тает. Кажется, я кричу. Пытаясь догнать призрак, успеть спросить:

— Почему? Почему тогда?! Мне ничего не снилось, ничего!

— Ну и чудненько! Прелестно! Компенсация...

Так и слышится: Эльф с Петровым хором скандируют: «Компен-са-ци-я! Компен-са-ци-я!»

— ...она, родимая! Появился текстик на сайте — ночку-

другую спите спокойно. Завтра в газетке тиснем, вот вам и еще отсрочечка. Маленькая, правда. А как договорчик подмахнем — так *процесс* и законсервируется. Для окружающих, разумеется. Вам-то потерпеть придется, не обессудьте... Пока книга в свет не выйдет. Но тут уж мы поторопимся, будьте уверены! Издательству дорог сон и душевное равновесие ведущих авторов! Поймите правильно: очень уж вы скоропостижно в тираж вышли...

— А текст! Текст! Что, и в газете черновик тиснете?! Опозорить меня решили?!

Очертания комнаты плывут, искажаются, словно в кривом зеркале, кресло подо мной явственно ведет в сторону, — помню, однажды на теплоходе...

— Полно, любезный Влад! — Я снова сижу за столом, сквозь расшторенное окно в комнату льется серый свет утра, позднего, февральского. Ладонь ласкает холодный стакан минералки. Делаю жадный глоток. — Как вы могли такое подумать? Редактор и корректоры над фрагментом уже работают, к полудню должны закончить. Все в лучшем виде: никакой переработки, только исправление опечаток и косметическая правка стилистики. Клавдия Анальгетовна прекрасный работник... С вами все в порядке?

— Простите, я на минутку...

За какой дверью у него туалет? Нет, за этой — кирпичная стена. Я помню.

Я...

В уши ввинчивается пронзительный крик бормашины. В стоматологическом кабинете — маленьком, на одно кресло, — спиной ко входу сидит пациент. Девушка, судя по роскошной рыжей гриве. Сбоку, с орудием пытки в руках, размышляет Игнат Кузьмич, водитель, похожий на генерального директора. Приветливо кивнув мне, он склоняется над креслом, и вой бора переходит в высокий визг: сверло вгрызается в больной (...здоровый?!!) зуб. К горлу подкатывает тошнота, я лихорадочно захлопываю дверь, разрубая жуткий звук пополам. Последнее, что успеваю заметить: дантист-шофер откладывает инструмент и берет длинный элеватор для удаления корней. По левую руку от Игната, на стеклянном столике, лежит огромная челюсть. Часть зубов в челюсти отсутствует. Остается только надеяться, что это протез.

Туалет обнаруживается за дверью, где вчера была стена.

Журчание в унитазе: мочевой пузырь угрожал лопнуть. Поговорили, значит. Показал гадам-издателям Влад Снегирь, где птицы зимуют. Хвалилася кума... Гобой, урод, ну тебя в пень! Бери фрагмент. Печатай где угодно. Вывешивай хоть на сайте, хоть на площади, хоть у черта на рогах. Еще полчаса карусели, и я вам признание в людоедстве подпишу, не то что договор!

— Я так понимаю, наш маленький конфликт успешно урегулирован? Да, Владимир Сергеевич?

Он стоит в коридоре, за спиной, деликатно полуотвернувшись.

— Д-да. Вы уж только... за редактурой проследите, — застегивая штаны, пытаюсь хоть частично сохранить лицо.

— Всеобязательно прослежу, не сомневайтесь! Лично! И на сайт сегодня же чистовой вариант вывесим! И вам по электронной почте отошлем: дома посмотрите, что не глянется — исправите. А вы уж расстарайтесь по приезде, гоните к финальчику: конец — он всему делу венец! Да, последняя просьба: у вас сегодня интервью брать будут, для «Досуга», — так вы уж расскажите вкратце о новом романе, а? Сюжетик, концепция... Не сочтите за труд, хорошо? Тоже какая-никакая, а компенсация.

— Хорошо, Антип Венецианович.

Когда я бежал прочь, в спину благодушно неслось:

— На земле весь род людской...

Похлеще любого кнута.

* * *

...Лучше выдумать нельзя, чем раздача железяк!

Вот, родилось. Ибо торжественное обретение премий жаждущими откладывалось на безразмерные «пять минут». Повесив нос и в воду опущен, я бродил у входа в конференц-зал, — брага, которой никогда не стать перваком. Трезвый. Треснутый. В животе булькали отголоски дуэта для Снегиря и Гобоя без оркестра. Подпишу. Надоело. Что я, крайний? Спартак, Сусанин и Снегирь? Или, если угодно, Че Гевара и Ге Чижик?! Лярва я провинциальная. Хожу, брожу и всем даю. Интервью дал, каналу «ИТД»: заканчиваю роман «Лучший-из-Людей», надеюсь удивить, предположительно осенью, да, скорее всего двухтомник. Концепция охренительная, сюжет обалденный. Новое слово в фэнтези. Коллеги от зависти сдохнут. Анфас, профиль, улыбочка, и разбежались. Автографов дал. Штук двадцать. Рука бойцов писать устала: Имярек от автора с любовью (уважением, восхищением, надеждами, наилучшими пожеланиями, на добрую память; нужное подчеркнуть два раза). Дюжину разъяснений дал, по поводу. Кратких и емких. Лысый бородач, дотошный до тошнотворности (каламбур?..), внимательно выслушал. И перешел в наступление: шлем-бургиньон с назатыльником, притянутым к затылку... Если, значит, опишу достоверно, будет мне слава во веки веков, аминь. Через минуту я готов был дать обиженному бородачу сатисфакцию, ибо прервал и послал. А, еще дал тридцатку Петрову. На пиво.

— Извините... Влад Снегирь — это вы?

Выпячиваю грудь. Дескать, на бедже написано.

— Вы не могли бы уделить мне...

Делаю приветливый фасад, выражая готовность уделить. Дама мнется. Дама стесняется. Бальзаковский возраст, толстушка, но такой, знаете, приятной полноты. В нужных местах. Макияж отсутствует, серые глаза слишком умные, и это ей не идет. Как и брючный костюм. «Портрет герцогини де Бофор» работы Гейнсборо видели?

Совсем не похоже.

— Мой сын без ума от ваших книг. Знаете, вообще-то его трудно назвать читающим ребенком...

— Только сын? — пыжась, наполняюсь игривостью. Кислой, шипучей, словно прокисший сидр. Это все Гобой. Азазель Вальпургиевич.

Это все он.

Подпишу, пусть задавится.

— Только сын. — Сероглазая вскидывает подбородок, ставя зазнавшегося борзописца на место. Внимательно смотрит мне в лицо, и я физически чувствую, как, отыскав нечто важное, очень важное и скрытое от других, взгляд ее снова теплеет. — Вон он стоит, у перил.

Рядом с винтовой лестницей, ведущей на первый этаж, ждет мальчик. Лет двенадцати. В дешевеньком «Адидасе» — впору развить шутку, вспомнив того же Томаса Гейнсборо, картину «Голубой мальчик», но чувство юмора строго грозит пальчиком: отставить! Мальчик строг и неподвижен. Так стоят в почетном карауле. Скуластое лицо маловыразительно,

щеки запали (видимо, в папу), рождая желание угостить булочкой, а глаза мамины — серые, стальные. Я иду к нему, понимая, что мама движется следом. В голове зудит продолжение нашего с ней разговора, сакраментально-обыденное, будто гуденье старенького холодильника: «Только сын. Я все больше классику... сами понимаете! — но дети...» В таких случаях положено кивнуть, скорчив пошловатую гримасу (*о, классика! О-о! Могучее, лихое племя, богатыри, не мы!..*) или схохмить что-нибудь вроде:

Был пьяницей Омар — и я люблю вино.
Был вором Франсуа — и я залез в окно.
Взгляните на меня! Я соткан из достоинств!
А то, что не поэт, — так это все равно...

— Здравствуй, — говорю я.

— Как жизнь молодая? — говорю я.

— Ты немой, дружище? Язык проглотил? — говорю я, начиная раздражаться, ибо мальчик молчит и смотрит. Смотрит и молчит. Под его взглядом неуютно, в желудке начинают роиться странные помыслы, хочется стать лучше, чище, бросить пить, наваять нетленку, опять жениться на Насте и завести вот такого, строгого и серьезного...

— Он немой, — отвечает из-за спины мама. — Вы не обижайтесь, он на самом деле немой. Глебушка, ты ведь хотел что-то спросить?

— Извините...

Наверное, я сказал это слишком громко.

— Он слышит. Он все слышит, просто не разговаривает. Его в шесть лет собака напугала: сосед держал пса, бойцового, — мы сто раз говорили ему, а Глеб...

Мальчишка лезет за пазуху. Достает блокнот с карандашом, что-то пишет. Быстро, единым росчерком: видно, что привык объясняться на бумаге.

Протягивает блокнот мне.

«Я Godzilla».

Вначале улыбаюсь — механически, не зная, как понимать это заявление. И лишь спустя минуту врубаюсь:

— Ты Годзилла? Это ты мне все время пишешь?!

Мальчик кивает. Глаза его теплеют, в них скачут зеленые искорки. Беззвучно шевелятся тонкие бескровные губы. Перевожу взгляд на его руки: пальцы, нервные пальцы музыканта, в постоянном движении. Это он ведет разговор. Неслышный для Влада Снегиря. Он спрашивает, утверждает, доказывает, а я, отделенный от Годзиллы стеной из прозрачного хрусталя, ничего не понимаю.

— Мы днем приехали, — сообщает мама, обрывая неловкую паузу. — Глеб в интернате отпросился. Знаете, он спорил с учительницей русского языка...

— Ты? С учительницей? О чем вы спорили?

Упрямые складки вокруг рта. Пальцы пляшут, рассказывая.

Громче, Глеб. Я не слышу. Я говорю глупости. Спрашиваю глупости. Что мне сказать тебе? Спросить, хочешь ли автограф? Сказать, что письма надо писать без грамматических ошибок? Отшутиться и слинять?

— Он рано утром скачал из Интернета ваш отрывок. Из нового романа. Распечатал и читал на уроке. А учительница отобрала.

Танец пальцев гневен.

Возмущение танцует в воздухе, напоенном пивной отрыжкой и ожиданием наград. Искренность завораживает: танец кобры, пассы гипнотизера.

— ...сказала, что это ширпотреб. Чтиво. И начала... Вы извините, пожалуйста!..

— Ничего, продолжайте.

— Начала разбор текста, перед классом. Несогласование падежей, опечатки. Тавтология. А Глеб — он мальчик вспыльчивый... кинулся спорить...

Я вижу эту картину. Я отчетливо вижу: класс, на стенах портреты Пушкина с Толстым, и — бой на пальцах. Насмерть. Нет, наверное, учительница говорила вслух, Глеб немой, но слышит... Впрочем, отрешиться от боя на пальцах мне не удается. Пацан держал оборону: один. Воин в поле. Отмазывая гадюку Снегиря, закрывая собой «компенсацию» улыбчивого Гобоя. А я жрал водку и пел про попугаев. Нет, это вчера я пел, а он — сегодня...

Неважно.

Ничего не меняет.

— Вы подпишете ему книжку?

Мама смеется. Сероглазая мама, воспитанная на классике. Или иначе: «Знаете, я в последнее время редко читаю. Столь-

ко работы...» Годзилла, у тебя замечательная мама. И учительница. И вообще. Давай книжку.

«Рабы Страха».

Первое, еще нижегородское издание. Где и достал-то?

Он протягивает мне карандаш.

* * *

— Тебе щас премию дадут!

В соседнее кресло хлюпнулся Распашонка. Местами переходя в газообразное состояние. Вид у глав-фэна такой, будто он лично отредактировал Книгу Судеб.

— Я за тебя голосовал, — поясняет Распашонка свою уверенность. — А у меня рука легкая. В прошлом году за Кепского голоснул — Ваське и дали! Теперь твоя очередь. Я, Снегирь, раньше думал, что ты дерьмо, а потом ты всплыл. Значит, верти дырку под орден!

— Твоими устами... Если что, с меня пиво.

— Жлоб пернатый! Премию в одну бутылку пива ценишь?! Лет через сто на аукционе в Сотби...

— Уболтал. Пиво с таранькой.

— Тарань? В ихнем гадском баре?!

— Тогда с чипсами...

Народ в зале бурлил, заключал пари, булькал НЗ и шумно выражал нелицеприятное мнение. Тем для разговора было две. Первая: кому чего дадут и чем мы его за это обложим? Вторая: все премии — фигня, и система голосования — фигня, и вообще все — фигня, кроме банкета. Банкет тоже фигня, но организаторы грозились устроить чего-то особенного. Врут, наверное. Но на банкет идти надо. Вот отпляшем награжданс... Наконец президиум начал заполняться: председатель оргкомитета, могучая кучка членов, «монстры» и «зубры»: Неклюев, Кепский, Эльф с Петровым, Березка (интересно, она монстрица или зубрица?), «свадебные натуралы», спонсор-терьеры... Последним влез толстый хмырь в клетчатой тройке и с гигантским «кис-кисом» нежно-розового цвета. На хмыря косились. Но гнать не спешили.

— Итак, мы рады сообщить...

Как обычно, начали с критики. «Золото» неожиданно отхватил юный ниспровергатель кумиров из Северной столицы. Парень воспылал ушами, дважды споткнувшись, вымелся на сцену и, от смущения брякнув: «Если не я, то кто?!», поспешил ретироваться, прижимая награду к груди. Вдруг передумают и отнимут? «Серебро» же досталось Шекель-Рубелю. Наш фашист с достоинством явил себя массам и величаво позволил вручить себе, любимому, приз. Походя облагодетельствовал микрофон: дескать, рад за молодежь, кадры решают все, а старикам пора думать о вечном. Например, передавать юной смене опыт чистки сортиров зубной щеткой. Выждав хохот зала, Шекель-Рубель помянул злобу дня, которая довлеет, и сгинул под аплодисменты.

Короче, «старик Державин их заметил и в гроб сходить благословил».

А за импорт «золото» огребла моя австралийская пассия! Радуясь совершенно по-детски: смущение, слезы, «сенк ю вери мач!» и прочее. Я ладони отбил, хлопая. На банкете надо будет непременно поздравить лично.

— ...в номинации «Романы» по итогам голосования третье место получает Антимир Звездинский (ох и псевданулся кто-то!) за дебютную книгу «Конь в пальто»...

Пытаюсь хотя бы абстрактно представить сюжет романа с подобным названием.

Фантазия отказывает.

— ...второе место: Влад Снегирь за роман «И назову это добром...».

— Иди! Это тебя!

— Чувак! Ты гений!

— Я ж! Говорил! Пиво...

Жму руки. Отдавливаю ноги. Захлебываюсь глупой, идиотской, счастливой улыбкой. Ступеньки. Сцена. Носатая физиономия Саркисова цветет навстречу. Приз: птица с женской головой оседлала развернутый свиток. Блестит серебром. Наверное, имелась в виду птица Сирин, но усилиями литейщиков черты «птичьего» лица кривит сардоническая ухмылка. Это правильно. Чтоб не зазнавался. Я буду звать тебя Серебряной Гарпией, хорошо? Ага, дают диплом. В рамке. Вожделеющий микрофон пляшет напротив. Надо что-то говорить, а я не знаю — что. Глохну. Странной глухотой. Не слышу ничего, а главное — не слышу самого себя. Кости черепа звуконепроницаемы, как переборки субмарины. Внизу беснуется конвент. Губы, разорванные смехом. Руки, изломанные приветствиями. Бутылки с «коктейлем Молотова»,

поднятые в мою честь. Трассирующие очереди фотоаппаратов. Жерло кинокамеры. И, среди лихого буйства, бездвижным оазисом, прицелом снайперской винтовки — мальчишка в синем «Адидасе», мальчишка с серым взглядом. Я глухой, он немой. Он не может сказать, я не могу услышать. И все равно: слышу.

Его одного.

— Я знаю! Знаю, кто ты! Ты — Лучший-из-Людей! Я... мы будем такими, как ты! Тобой! Целым! Мы...

Боже, как он похож на Бут-Бутана! Только чуть моложе. Боже, скажи ему, что он ошибается... что не надо так на меня смотреть!..

Серебряная Гарпия обжигает пальцы холодом.

Спускаюсь в зал.

— Ну ты сказал! Чувак, ты сказал! Молоток!

Что я сказал?

Что?!

Кому дали первую премию, я в этой кутерьме проморгал.

* * *

В банкетном зале, на куцей эстрадке обнаруживается сюрприз: рок-группа «Страна Дураков». Троица буратин в фирмовых колпачках плюс бритая наголо мальвина, истекающая вокалом. Лабают не попсу, а приятственный блюзон, хотя и чересчур сладкий. Столы полны жратвой. Обильны питьем. Но во мне и без алкоголя бурлит чудной коктейль: стыдливая гордыня, счастливый раздрай, мутное возбуждение... И если вам скажут, что так не бывает, подведите знатока ко мне. Я плюну ему в лицо этой гремучей смесью!

Хорошо хоть, ямбец медлит с приходом.

— Ну, птиц певчий, за тебя! За твою премию...

— Она тебе еще не кисло пригодится!

— Чтоб не последняя!

Народ по очереди «поит» Серебряную Гарпию водкой из полных стопок. Традиция, однако!

— Эй, глядите, чтоб все не вылакала!

А вот теперь — можно. Хлоп!

— Слушайте, а кто «золото» взял?

— Толян Жабка. За «Владыку Гельминтоза».

— Ша, урки! У меня тост! Коллеги, все мы, к сожалению, смертны. Рано или поздно мы покинем эту юдоль скорби. — Народ бушует, забивая расчувствовавшегося Эльфа, но очкастый непреклонен. — Никто не знает, что ждет нас за Порогом. Но я хочу выпить вот за что: когда пробьет колокол и Тот, Кто ждет на пороге, пригласит нас пройти в неизвестность...

Пауза.

Тишина.

— ...пусть Он, прежде чем закрыть дверь навеки, сначала застенчиво спросит: «Можно автограф?!»

— Й-й-ес!

— Ура Эльфу!

Хорошо сказано. По-настоящему. И в сравнении с этим, настоящим, жирный кайф банкета вдруг подергивается флером иллюзорности. Цилиндр фокусника, из которого вылетели все курицы, выскочили все поросята, и все ленты цветной грудой лежат на полу. Исключения — слова Эльфа да еще упрямый серый взгляд мальчишки в «Адидасе».

— Я сейчас вернусь.

Мне срочно надо увидеть еще что-нибудь *подлинное*. Например, улыбку Джулианы. У Насти тоже есть такая улыбка, но Настя далеко, дома... Забавно: насколько же мы, фантасты, сказочники, космические оперы, лжецы и бессовестные фантазеры, скрывая это от самих себя, тоскуем по настоящему! Ага, вот и дочь шамана — в обществе переводчика, пьяного до вороньего грая, кучки фэнов и Березки, опекающей гостью. Возникаю за левым плечом австралийки, ощущая себя инкубом во плоти.

— Hi, Juliana!

— Oh, hi, Vlad!

Надо же! Думал, она моего имени не знает.

— I congratulate you with your Golden Harpy! I want to drink with you for your Prize. This is a very special kind of the best Russian vodka. Do you wanna test?

— Yes, please. But a little-little! I congratulate you too! It's a wonderful meeting!

Интересно, что она имеет в виду? Конвент вообще или? Хочется льстить себе... А почему бы и не польстить?

— Let's drink «Bruderschaft»?

В ответ — улыбка. Настоящая. За которой шел.

— Oh, you're so charming. I can't refuse!

Рука у нее гибкая, сильная. А губы...

— Го-рько! Го-рько!

Вот сволочи! Рассмешили, оборвали на самом интересном. Не дав нам отдышаться, толпа вокруг взрывается аплодисментами. Оказывается, на международный брудершафт глазела половина конвента! В придачу у переводчика миг просветления. Он начинает бодро тарахтеть про исконно русское гостеприимство, австралийка поворачивается к балаболке, успев бросить на прощание:

— See you after banquet!

Звучит многообещающе.

Настроение ползет вверх, но рывками, лихорадочно, как столбик термометра под мышкой у гриппозного ребенка. Надтреснут звон бокалов, наиграны здравицы, нарочит блюз. *Двое не отпускают меня, стоят перед глазами: Гобой*, басящий арию из «Фауста», и немой мальчишка с серым взглядом. Ну почему все люди как люди — пьют, веселятся, оттягиваются по полной! — а у меня крыша цыганочку пляшет?! Казалось бы, радуйся жизни, Снегирь! Клюй малину! Неврастеник чертов...

Со вздохом плетусь поздравлять остальных лауреатов. Надо. Есть такое слово. Хотя водка теперь почему-то пахнет керосином.

...По возвращении обнаруживается, что компания за нашим столом частично рассосалась. Одинокий Эльф клещом вцепляется в меня:

— Чижик-пыжик, где ты был?! Уже в курсе, что с цацкой делать надо?

— Господа гусары, молчать!

— Извращенец! Под подушку класть ее надо! Зря, что ли, мы народ на голоса крутили?

Благодетель, блин. Тоже халявного пива хочет? Или текилу потребует?

Любимый напиток эльфов?!

— Ага, «мы пахали». Я и трактор. Распашонка тебе привет передавал.

— Злыдень! Мы его пиарим, понимаешь, языки в кровь стерли, а он обзывается!

— Спасибо товарищу Эльфу за наше счастливое детство! У тебя мотоцикл есть?

Впервые сбил Яшку с накатанной колеи. Глазки за стеклами очков растерянно моргают, кончик носа неудержимо краснеет.

— Нету у меня мотоцикла...

— Тогда чего ты гонщиком прикидываешься?!

— Я гоню?! Нет, это я гоню?! А ну, пошли! Вставай!

Влекомый разбушевавшимся Эльфом, теку в другой конец зала, где царствует Неклюев. Мой палач с корнем выдирает идола из рассыпчатой массы поклонников:

— Славик, скажи пернатому! Разговор насчет него был?

— Был.

— На чем сошлись?

— Да ладно вам. — Томный Неклюев поджимает губы. — Снегирь, ты что, вчера родился? Не знаешь, как ордена делают? Я своих накрутил...

— А мы с Петровым? Мы вообще! А Березка?! Так кто из нас гонит? Кто?!

Неклюев испаряется под горячий Яшкин монолог, а я смотрю на Дваждырожденного, испытывая немалое желание заняться рукоприкладством. Врет? Не врет?!

— Ну что ты закипаешь, как чайник? — Эльф сбавляет обороты. Моргает, начинает разливать мировую, узурпировав чужие стопки. — Думаешь, ты первый? Мы ж от чистого сердца... У тебя *процесс*. Тебе цацка нужнее. Если не рыцари Ордена, то кто? Все нормально, и роман у тебя классный, по заслугам дали. Только сам прикинь: гнилые тут расклады, без друзей — мимо масти... Брось дуться! Вот, хлебни...

Сам хлебай. Пойти расспросить остальных? Дурак ты, Снегирь.

Думал, ангел, оказалось, козел с крылышками.

— Ты к Гобою в номер зайди! — кричит вслед Эльф. — Он тебя ждет. Зайди обязательно!

Ага, щас. Разогнался.

* * *

Банкет саранчой расползался по пансионату. Служители в срочном порядке спускали воду из бассейна — во избежание. Четверо лауреатов рубились два на два в пинг-понг, с пьяных ног выполняя норму мастера спорта. Саркисов, бла-

гостный и светлый, что-то писал в подсунутой Библии. Проходя мимо, я различил лишь «...с наилучшими пожеланиями...». Вахтер мелко крестился, дрожа; кого-то толстого спасали из застрявшего лифта. Народ кучковался везде: в холле, в расширителях, в фойе, в номерах. Меня трижды пытались вовлечь и затащить, но, старательно изображая Колобка (не Гобоя, а который по сусекам), я в итоге от всех ушел. Обретя пристанище в тупиковом закутке на четвертом этаже. Однако уединенно предаваться самобичеванию мне помешали — объявился Костя Тихолиз с гитарой, следом брела орда меломанов, тупик был оккупирован, и Костя принялся орать блататуру, нещадно истязая инструмент. Народ криво подпевал. Я собрался уйти, но тут гитарой завладел мужик, похожий на черный квадрат Малевича, стриженный ежиком. Сперва «квадрат» ловко сбацал «Greensleeves», приведя в восторг Джулиану (я сдвинулся на краешек дивана, уступая рыжей место), потом начал «Литераторские мостки» Галича...

— А, вот он где! Попался, гусь лапчатый!

— Его Гобой ждет-ждет, а он тут заханырился!

— Вставай, Снегирь! Пошли.

— Посылаю. Идите в пень!

— Надо, птичка, надо. Договор за тебя кто подписывать будет? Пушкин?

— Извините, мисс, мы ненадолго похитим вашего кавалера...

— Руки убери, Петров! Я кому сказал!

Ага, так он и убрал, ментяра позорный!

— Пусти, козел!

— Идем-идем. Потом роман напишешь: «Ответивший за козла».

— Влад, ты пойми, мы для твоего же...

Профессионально руку завернул, гад! Не вырвешься. Даже ногой пнуть не получается. А тут еще Эльф с Шекель-Рубелем навалились. Скрутили бедную птичку, волокут к коту на расправу. Договор подписывать.

— Хрена вам! Всем! Ничего не подпишу! Ничего!

Надо же, как набрался. В герои на четвереньках бегу. Хохот давит на уши, ввинчивается ватными, пробковыми, влажными затычками. Ржет Тихолиз. Усмехается «квадрат». Серый взгляд из угла: «Я знаю! Знаю, кто ты! Ты — Лучший-из-Людей!..» Иди спать, малыш. Дети ночью должны спать. Видишь, дяде плохо. Дядя пьяный. Обижают дядю. Хотят аванс дать. Наличными.

Godzilla, ты уйдешь или нет?!

— Хрена! Пустите!

— Let him go!

Господи, *как* это было сказано! Так иногда умеет рявкать Петров. Сразу хочется вытянуться по стойке «смирно». Очень характерные интонации.

Жаль, у Петрова иммунитет.

— Идите, идите, мисс, мы сами...

И вдруг:

— Бля! Твою хр-р-р... !!!

В следующую секунду я обретаю свободу. Резво отскакиваю в сторону, чтоб опять не сграбастали, и наблюдаю картину маслом. «Мечта феминистки». Рыжая амазонка вовсю метелит троих поддатых мужиков, один из которых — майор Петров. То есть Сидоров.

Я впервые видел, как кто-то бьет Петрова.

Джулиана выглядела чертовски сосредоточенной. Дочь шамана выполняла простую и ответственную работу, не тратя времени на спецэффекты. Когда рычащий майор попер носорогом, явно намереваясь сгрести даму в охапку и зашвырнуть куда подальше, чтоб не мешала, рыжая фурия вцепилась в его толстый корявый палец и что-то открутила. Пол содрогнулся: центнер отборного мата шмякнулся на линолеум. Припоздавший исчезнуть Шекель-Рубель уползал прочь, оглашая мир стонами, а у хитроумного Эльфа, подкравшегося к ангелу возмездия сзади, намечались сильные проблемы с будущим размножением.

Но Петров встал. Хрипло каркнул, прочищая горло. И, страшен и велик, двинулся на покорение Австралии. Я намылился было помочь шестому континенту, но моя кенгуру взялась за подручные средства. Пенная струя из огнетушителя, сорванного со стены, превратила майора в кружку пива. А донышко вышеупомянутого огнетушителя, войдя в контакт с петровским ухом, опрокинуло кружку на пол.

Вот, лежит, кряхтит.

— Let's go, Vlad.

Да, помощник из меня аховый. Ну ничего, зато на язык мы очень острые.

— Отдыхайте, мафиози, — говорит дикий человек-снегирь. — Не фиг было нас, крутых, свинчивать.

И мы с Джулианой оставляем поле битвы.

— Классный кон, — восхищается за спиной «квадрат».

* * *

Часа полтора мы с рыжей просидели в моем номере. Трепались «за жизнь», смеялись, когда я складывал фразы на диком пиджин-инглиш. Выяснилось, что Джулиана — коллега растерзанного Петрова. Лейтенант сиднейской полиции, инструктор по рукопашному бою. У нее есть муж, четырехлетняя дочь Дороти от первого брака, а фэнтези — это хобби. Пишет в свободное время, которого выпадает не так уж много. Профессиональной писательницей никогда себя не считала. Первый приз на «МакроНомиКоне» привел ее в изумление; здесь ей очень нравится, только она не понимает, как можно столько пить и еще что-то писать? Однажды читала нормативы смертельных для организма доз алкоголя с пометкой «not for Russians», но полагала это шуткой... Тут уж пришлось объяснять мне. Что писатель в жизни, писатель на конвенте и писатель за рабочим столом — это три разных человека. Что за работой практически никто из нас не пьет, а на кон люди приезжают оттягиваться. Что «bad gues», оскорбившие меня действием, на самом деле друзья-приятели, хотевшие всего лишь, чтобы я подписал договор и получил аванс (рыжая сказала, что ничего не понимает...), а я договор бы все равно не подписал (рыжая помянула загадочную русскую душу...), — но ей тем не менее спасибо...

Наверное, я мог бы уговорить рыжую остаться на ночь. Но это было бы лишним.

Я ни о чем не жалел.

Уже ложась спать, вдруг вспомнил слова Эльфа: «...под подушку ее класть надо!»

Серебряную Гарпию, значит. Под подушку. Вот же, блин, шутники!

Ну и ладно. А я возьму и положу.

По приколу.

Взял и положил.

Думал, неудобно будет, придется вытаскивать. Оказалось — ни фига! Даже удивиться толком не успел. Еще расстроился, что зря на утро водой не запасся. Холодненькой. Потом вспомнил про полный холодильник.

Пейте, дети, кока-колу, будет жизнь по приколу...

XVI. ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «ИЖЕ С НИМИ»

Дескать, впрямь из тех материй...

Б. Пастернак

Когда кипит, блистая глянцем,
Полиграфический экстаз,
То не филологам-засранцам
И не эстетам-иностранцам,
Халифам, избранным на час,
Слагать критические стансы
О низковкусье пошлых масс,
Что любят пиво, баб и танцы,
А не оргазмы декаданса,
Столь угнетенные сейчас,
Как кофе угнетает квас,
Как геморрой терзает вас
Иль как гнетет кувалда в ранце, —
Кликуши! Нет второго шанса
Для тех, кто клевету припас,
Вводя людей в подобье транса
Взамен лихого перформанса,
Чей взгляд — не пламенный топаз,
А близорукий отблеск сланца,
Чей брат — вокзальный унитаз,
Кому далек надрыв романса,
Кто не воскликнет: «Аз есмь! Аз!..»,
Испорчен Бахом и Сен-Сансом, —
Короче, всех бы их зараз
Сложить под движущийся «КрАЗ»,
Да жаль, нельзя...

XVII. ОТСЕБЯТИНА: «ЛУЧШИЙ-ИЗ-ЛЮДЕЙ»

В общем, клюква просто неслыханная. На каждой странице. А с другой стороны — у него ведь правда много почитателей? Значит, «пипл хавает»?!

Отзыв на книгу В. Снегиря «И назову это добром...»

...Я и впрямь не сразу въехал, что заснул. Что чудо-грезы начались и, как обычно, Влад в объятиях Морфея спит и грезит наяву. Просто раньше я был голым, а сейчас я был оде-

тым в теплый-теплый, мягкий-мягкий и почти нешелестящий темно-синий «Адидас», — у Годзиллы был такой же...

Мама моя суррогатная!

Весь хорей белым-белым снегом слетел с меня. Вокруг, хлопьями серого киселя повиснув на зарослях дрока, умирала ночь, кладбищем слонов возвышались холмы, обступив знакомую лощину, — а я действительно был одет в спортивный костюм. Во сне, куда привык являться нагишом! На ногах — растоптанные шлепанцы. На голове — бейсболка козырьком назад. А на левом плече, больно вцепившись коготками...

Повернув голову, я едва сдержался, чтоб не заорать.

На плече сидела Серебряная Гарпия. Ухмыляясь с отчетливым скепсисом. Маленькая, размером с канарейку, птица-девица демонстрировала полное отсутствие кариеса: кстати, легко обнаруживалось, что клычки у Гарпии заметно длиннее обычного... Обычного? Птица с клыками?!

— Снегир-р-рь дур-р-рак! — попугайски брякнул мой приз.

Ну, дурак. Зато в штанах. Ей-богу, гораздо удобнее, чем всякий раз заново искать одежду.

— Гр-р-рафоман! Бездар-р-рь!

— Не зарывайся, красавица, — погрозил я нахалке пальцем.

— Кумир-р-р! — согласилась птичка. — Кумир-р хр-р-ренов!..

Неподалеку, возле кустов шиповника, кто-то заворочался. Всхлипнул по-детски, потом засопел, но почти сразу дыхание спящего сбилось, сменилось выкриком: «...я! я задержу!!!»; человек резко сел, моргая, и вдруг на карачках кинулся ко мне.

— Я знал! Я верил!

— Хор-р-рек! — гортанно расхохоталась Серебряная Гарпия.

Она оказалась права. Бут-Бутан, Куриный Лев — так в Ла-Ланге зовут хорьков, — ползал у моих ног, глядя на «кумира» влажными, заспанными, умоляющими глазами. Сейчас он вдвойне походил на Годзиллу; тощий, изголодавшийся, весь в репьях, парень казался моложе, чем был на самом деле, и куда несчастнее, чем мне бы хотелось видеть своего героя.

— Лучший-из-Людей! Ты вернулся!

— Ты, брат, это... — Будучи полным дилетантом в утешении малых сих, я присел на корточки: так завоевывают дружелюбие собак. Протянул руку ладонью вверх, одумался и банально похлопал Бут-Бутана по плечу. — Ты, значит... Будь мужчиной. И кончай верещать. Тугрики услышат...

В ответ меня погребли под лавиной слов.

Оказалось, тугрики не услышат. Ибо еще пять дней тому назад взяли Дангопею. Сейчас в городе, после двухдневного грабежа, оставлен гарнизон, а основные части двинулись дальше, на юго-восток. Бут-Бутану со товарищи сперва повезло, они не пострадали во время резни (я порадовался жизнеспособности своего замысла) и намеревались, просочившись за город, двинуться в сторону Канборнского хребта (я еще раз порадовался: горные гульдены и маг-психопат обретали реальность...) — но судьба обернулась ядовитой коброй. Носатая Аю, «Рука Щита», сдуру кинулась защищать жену каменщика Джунгара, схваченную пьяной солдатней, и сейчас, изнасилованная скотами, металась в горячке, не узнавая никого. Каменщик приютил несчастную, но идти дальше, оставив Аю в Дангопее, одну, без памяти... Кроме того, не повезло и Мозгачу Кра-Кра. Волшебник-заика пытался обратить насильников в жужелиц, даже почти до конца изрек заклятье, — но, избитый до полусмерти, попался на глаза Алому Хонгру, армейскому магу тугриков. Сейчас бедняга Мозгач, заклейменный личным тавром Хонгра, таскался за магом в качестве шута. Алый Хонгр на пирах с удовольствием демонстрировал друзьям и гостям косноязычного придурка, посягнувшего на гордое звание чародея.

Гости пищали от восторга.

Одинокий и измученный, Бут-Бутан нашел приют в памятной ложбине. Питаясь всякой дрянью, ночуя под открытым небом, тайком проведывая Аю и издали следя за Мозгачом, он все свободное время проводил здесь, где однажды ему явился дух Лучшего-из-Людей. Парень надеялся. Парень верил. И вот он дождался, лучась счастьем, а я смотрел на Куриного Льва, вертя в руках снятую бейсболку, и чувствовал себя самозванцем.

Очень скверно я себя чувствовал.

— Ты ведь спасешь? Ты спасешь их?!

Явление всадников застало нас врасплох. Даже Бут-Бу-

тан опоздал нырнуть в заросли. Наверное, доходяга-ночь, чуя наступление рассвета, обмотала тряпками тумана копыта коней. Пятеро конных тугриков пахли едким потом, кожей и влажным металлом, морды лошадей жарко дышали над нами, и лишь Серебряная Гарпия оказалась на высоте. В прямом смысле: сорвавшись с плеча, она взмыла к небу, и картавый вопль огласил ложбину:

— Р-раден! Ср-ри р-р-раден!

Голос приза спешил всадников лучше удара копьем. Седла мигом опустели, четверо солдат упали на одно колено, правым кулаком упершись в землю — поза безусловного подчинения вышестоящему, — а пятый, явно старший, низко поклонился мне:

— Сри раден! Разрешите задать вопрос?

— Э-э-э... — Никогда не обладал я командным голосом. И учиться поздно. — Разрешаю.

Только сейчас вспомнилось, что звание «радена» соответствует гвардейскому сотнику. Сколько раз доказывал на встречах с читателем, что автор не обязан помнить кучу мелочей, им же придуманных, и тем паче не обязан вспоминать их *быстро*!..

— Мы везем сообщение их чародейству, господину Алому Хонгру! Армейский маг еще пребывает в Данготее? Или мы опоздали?

— Еще... э-э... пребывает. Торопитесь, он может покинуть город в любую минуту.

— Слушаюсь, сри раден!

Бешеным наметом всадники унеслись прочь. У ног моих благоговейно сопел Бут-Бутан: парень только и дожидался исчезновения гонцов, чтобы вывалить на меня уйму обожания. Я слушал его вполуха. В памяти иголкой кололось давнее заявление Эльфа: «Тогда цацку. Срочно. Лучше — две. В оргкомитете рыцари есть?»

Цацка парила в вышине, не спеша возвращаться на плечо. Серебряная Гарпия устала. Иссякла. Надорвалась, желала отдыха. Но мне не требовалось подтверждение Куриного Льва — Влад Снегирь и без чужих свидетельств, странным, тайным нюхом чуял, где пахнет жареным. Спортивный костюм вместо голой задницы. Мундир гвардейского сотника вместо спортивного костюма.

Влад Снегирь, рыцарь Ордена Святого Бестселлера.

Обладатель *цацки*.

— Ты поможешь? Ты спасешь?!

Я снова присел на корточки, так и не сумев избавиться от ощущения, что успокаиваю напуганного щенка.

— Почему ты считаешь, будто я в силах спасать? Кто я здесь? Никто, и звать никак. Дух. Призрак. Посторонний.

Серые глаза Бут-Бутана просияли.

— Нет. Ты Лучший-из-Людей.

Даже рассыпаясь бенгальским фейерверком, я видел его уверенность в сказанном.

XVIII. ЦАЦКИ, ПЕЦКИ И КОНЦЕРТ ДЛЯ ГОБОЯ С ОРКЕСТРОМ

> Вот от кого я месяц лбом об стенку бился, так это от Снегиря.
>
> До сих пор тащусь! Это COOL RULEZ! Каждую вещь читаешь и вопишь на полгорода: «ЕЩЕ-е-о-о-о-о!!!...»
>
> *Из гостевой книги автора*

...ты увидишь, ты услышишь...

Кыш!

...как веселый барабанщик в руки палочки хреновые берет...

За что!!!

...встань пораньше, встань пораньше, встань...

Это не в ушах. Это в дверь.

Попытка встать засчитывается с третьего раза. Штормит. Литераторы, взявшись за фундамент, раскачивают здание. Мне плохо. Мне так плохо, что я согласен на самый наижутчайший бодун, лишь бы избавиться от веселого барабанщика, поселившегося в висках. Тело ватное, кровяные прожилки в глазах плетут алую паутину, клочья тумана повсюду: на спинке кровати, на холодильнике, радиаторе батареи...

— Х-х-х... то?!

— Это я, Петров. Извини, что так рано. Открой, я тихий.

— Хр... хр-ра..? — Я пытаюсь открыть дверь. Если толкать от себя, не получается совсем. А если тянуть на себя, то я упаду. — Скока тайму?

С английским у Петрова хорошо. Все понимает. Возникнув на пороге, смущенно разводит руками:

— Шесть утра. Ты чего такой зеленый? Злоупотребил?

— Н-не. — Кляп мало-помалу уходит из глотки, возмущенно царапаясь. — Может, травануся? Майор, давай позже...

— Погоди-погоди. — Петров уверенно огибает меня, идет к кровати, лезет под подушку. — А, ясно. Яшка присоветовал?

— Угу.

Барабанщик устраивает в башке истерику. Я почти не слышу Петрова.

— Колеса в аптечке есть? Анальгетики?

— Есть... солпадеин, седалгин...

— Солпадеин годится. Сожри две таблетки. Я подожду.

Принесла его нелегкая! Отоспался бы — глядишь, и барабанщик сдох бы. Вот закинусь колесами — и пошлю майора в тундру. Мало ему вчера Джулиана вломила. Пусть зайдет к рыжей. За добавкой.

— Скоро отпустит, — обнадеживает Петров, когда я вываливаюсь из ванной. Майор устроился в кресле у окна. Хмурый, скучный и виноватый. Первый раз его таким вижу. Даже послать язык не поворачивается. Левое ухо у Петрова вдвое больше правого, рдеет пионерским костром. Хоть прикуривай! Или заново из огнетушителя поливай. Нет, не надо добавки. Пусть так посидит.

— Ты, Влад... Короче, извини за вчерашнее. Зря мы наехали. Как есть зря. А твоя подруга — девка на ять! Круто шевелится...

— Твоя коллега, между прочим. Лейтенант полиции.

В глазах майора вспыхивает профессиональный интерес.

— Ну?! Значит, не только у нас менты фантастику пишут. Это радует. Ладно, ты уже соображаешь?

— Местами.

Усаживаюсь напротив. Ставлю на стол бутыль минералки. Наливаю обоим.

— Надеюсь, голова в эти места входит. Значит, так, Снегирь. Ты вляпался в сироп. Густой и сладкий. Не дергайся, не ты один. Мы с Эльфом в тираж в 96-м вышли. Седьмой год барахтаемся. Орден Святого Бестселлера... Знаешь, кто эту хохму первым придумал?

— Нет.

— И я не знаю. А хотелось бы. Чтоб найти, взять за глотку... Ты, рыцарь, пойми главное: можно жить и в банке с вареньем. Если на грабли не наступать. А так — ничего...

— Какие грабли?

— Колхозные. На первые ты уже наступил. Сегодня ночью. Яшка, к-козел... уши дураку оборвать!.. Нет, с цацкой он верно насоветовал. Просто остеречь забыл. Ты ж ее небось на всю катушку использовал, вот и маешься. Я по первому разу тоже влетел, чуть инсульт не заработал...

— Он хотел. Он...

— Ты Эльфище не выгораживай! Ни черта до конца довести не может. Дождется, устрою ему геноцид остроухих народностей Заполярья!.. Ты ночь-другую без цацки спи. Тем более она серебряная. От золотой отходняк меньше. Кепский говорил. Раньше какие-нибудь железяки получал?

— Получал. «Старт».

— Насчет «Старта» не знаю. Нам в 89-м шиш обломился. Дома можешь испытать. Только осторожно. И после перезвони мне, расскажи.

— Тоже под подушку? Он же здоровенный! Из малахита!

Разговор двух психов. Возьмите Нобелевскую премию, вымочите в уксусе, сложите в тапочки, желательно белые...

— Приспособишься. Еще что-то есть?

— От израильского КЛФ грамота. К ней «Роза Иерусалима».

— Роза?!

— Ну, круглая... Кошерная. Виды Иерусалима, литье.

— Не знаю. Хотя евреи, они хитрые... А птичке дай отлежаться. Эх, Меч бы тебе: «Лунный» или «В камне»!.. Слушай, да оденься наконец! Сидишь, мудями светишь...

Все-таки культурный человек Петров. Деликатный.

Облачаюсь. Частично. Чтоб не отсвечивать.

— Говоришь, на всю катушку? А как — не на всю?

Черт возьми! Хмурый Петров столь убедителен, что я плыву. Начинаю верить. Так он небось куряжских малолеток-рецидивистов на «сознанку» крутил. Сейчас зачтет вслух «Инструкцию по технике безопасности при эксплуатации премиальных артефактов в dream-real». А я буду конспектировать.

— Элементарно. Хочешь отключить — вели, чтоб прочь летела. Лишь бы с плеча убралась да над головой не висела.

Камуфляж обеспечит, и гуляй, душа, вальсом. Наутро будешь как огурчик. Если сама улетит, значит, выдохлась. Эта птичка умная, столичная. Кстати, можешь сразу все цацки скопом под подушку запихать. Уснуть трудно, конечно, но в комбинации они иногда любопытные эффекты дают. И без кумара, если не наглеть. Мы с Яшкой наигрались... Потом даже в книгу один эпизод вставили. Понял?

Мерещится жуткая картина: Эльф с Петровым вдвоем на сексодроме, оба в клетчатых пижамах, босые, всклокоченные, нервно суют под подушку премии, премии, премии; торчат наружу стальные штыри, рукояти бутафорских мечей, мраморные книги на подставках из гранита, статуэтки, фигурки всадников и странников в плащах, бронза и никель, серебро и медь, дутое стекло, витые кадуцеи...

Кошмар!

Ей-богу, лучше б деньгами давали. Деньги под подушкой — привычней.

Или пистолет.

— Понял, Эдик, понял. Насчет цацек-пецек. А вот насчет договора... Скажи мне честно, чего вы вчера припухли? Неужели без бумажки никак? Ты ж меня знаешь...

— Снегирь, не корчи попку. Все я про тебя знаю, ты своими принципами всем давно плешь проел. Дурь это, Влад. Честно скажу: дурь кромешная. Но чужая. А я чужую дурь уважаю. Просто договор-заказ, особенно когда с авансом... Тут хитрый финт, Снегирь. Мы на тираже, как на игле, сидим. Нам не ширево, не кокаин в ноздрю — нам цифирки в выходных данных! Десять тысяч. Двадцать! Сто!!! Доза растет: каждый день, каждый час... Васька Кепский однажды посчитал: говорит, на 666 тысячах в тираж выходим. Брешет, конечно, мистик драный! У всех по-разному. Кто на «пятихатке» выскакивает, а кому и «лимона» мало. Теперь, с Интернетом, вообще не разберешься. Сетевые публикации косвенно влияют, слабо, их учитывать — мозги сварятся! Пока основное — книги. Бумага.

— Только книги? Сольники? А сборники, альманахи, периодика? Антологии?!

— Там свои коэффициенты. Критика опять же на выход работает, но как-то через задницу, хрен поймешь, как. Шекель-Рубель и тот не знает.

— Он что, тоже рыцарь?

— Член он с ушами! Ассоциированный. В курсе дела, но не в Ордене. Да, насчет договора... Бумага, она *процесс* замораживает. Если сразу под договор писать, под авансовый, можно совсем без *процесса* обойтись. Главное — месяца в три-четыре с романом вложиться. Будешь дольше писать, на пятом месяце прихватит. Но только автора, остальным по барабану. Пока книга в свет не выйдет: после первого тиража — спи спокойно, дорогой товарищ! Разве что перед самым выходом слегка зацепит. А ты уже следующую вещь корябаешь! Оно сбивает. Конвейер, Снегирь! Колесо для белок. Иногда волком воешь. Думаешь: может, застрелиться? Или завязать? Соскочить с иглы. Только мы рыцари, мы подсаженные, не суметь нам — без этого. У одной Польских получилось. Так на то она и королева...

— Что получилось? Она же издается!

— А тиражи? Тиражи?! Королева теперь не для «пипла», для «нон-фикшн» ваяет! Для снобов пальцегнутых! В ихнем царстве-государстве пять тысяч — а-а-ахренительный тираж! Хотя и у нас, рыцарей, свои уловки есть. Рассказы клепать: на малой форме вылетать не успеваешь. Или в паузах эссе всякие ваять... Для сердца. Сердце, оно, братец, чахлое. Хлипкое. Ну, про инсульт я тебе уже говорил... Подкармливаем, значит, насос. Вроде валидола. Тоска берет, Снегирь! Сам себя изнутри жрешь, захлебываешься, слюни по манишке, а утихнуть, переварить некогда. Выкладываешься, честно прешь марафон, без халтуры, а там, внутри, в дырке, насквозь выеденной, все равно понимаешь: мог бы лучше. Мог бы! Вот только когда? Болт! Анкерный. Договор. Сроки. *Процесс*, едрена матрена! А издатель доволен. Автор раскрученный, книжек вайлом, денежки капают... Чем больше рыцарей в издательстве — тем выше прибыль. Знаешь, я на них даже не в обиде. Схавали фишку, теперь доят. Правда, в Ордене шепчут: у издателей свой *процесс*. Не все скоту масленица, а козлу малина. Понял?

— Не-а...

— Ну и ладно. Ты просто запомни, Снегирь. Запомни, и все. После поймешь.

— Обожди, Петров... А если не подписывать?! Плюнуть на Гобоя, на сроки; работать как раньше? Мне в моем Ла-Ланге вполне... Природа, погода!.. Народ душевный. А с железякой в придачу...

— А вот тут, птица моя, и начинается самое, блин, рассамое.

— Чего начинается?

— Самое интересное.

* * *

В столовке обслуга, трепеща от восторга, близкого к экстазу сподобившегося благодати схимника, чествовала редких героев. Волков-одиночек. Кто сумел. Кто встал, проклятьем заклейменный. Кто явил миру всю необоримую мощь желания вкусить последний завтрак. Героям несли кашу из зерен тайного злака, сдобренную соком священной коровы. Героям даровали филе красавца-сельдя, плачущее от счастья быть употребленным во благо, и мавзолей бурачьих кубиков гордо алел рядом. Птица-курица, расчлененная умелым ножом маньяка на трогательные кусочки, соседствуя с мощной грудой пюре, рождала во чреве твердость алмаза, а каждый глоток акварельного чая лишь укреплял сердце в преддверии отъезда.

Я сел напротив одинокого Неклюева.

— Привет, — буркнул Слава, ковыряя хлеб насущный. Вся его обычная барственность, видимо, уже была сложена в чемодан; что-то водопроводно-сантехническое проглядывало в чертах любимца тинейджеров. Ржавчина, скрученные вентили, трубы горят. — Тебя Петров искал.

— Когда?

— Ночью.

— А-а... Он меня нашел.

— Поговорили? По душам? Я так понимаю, Петрову хотелось именно по душам...

— Поговорили.

Из «самого интересного», обещанного майором Петровым, мне не досталось и ломтика. Потому что веселый барабанщик, раздавленный колесами болеутоляющего, внезапно воспрянул, перебравшись на ПМЖ в желудок. Я оккупировал сортир, ухая, крякая и поминая «синдром Шекель-Рубеля», а когда барабанщик изломал все палочки, Петрова в номере не оказалось. Ушел, значит. Удалился. Зато я вдруг испытал приступ чрезвычайного голода, который и бросился утолять.

Вот, утоляю.

— Он тебе все рассказал?

— Не то слово. Я прямо обрыдался. Может, повторишь для лучшей усвояемости?

Неклюев откинулся на спинку стула. Усталый и безразличный: ветеран-наемник изучает наглого щенка-волонтера, лишь на донышке глаз лелея крохи брезгливой жалости.

— Не хами, Снегирь. Не лезь на рожон. Помяни мое слово: через год, пьяный, будешь извиняться. А я извиню тебя. Честное слово, извиню. Я незлопамятный, я все всегда записываю. Помнишь моих «Янычар Галактики»?

— Ну?

— У меня на «Янычарах» *процесс* заклинило. Ложусь спать, только глаза закрою — бултых в открытый космос! Со всеми вытекающими. Удовольствие ниже среднего, ты уж поверь, рыцарь...

Он наклонился вперед. Заговорил тише, хотя никто нас не подслушивал. Без причины стал заикаться:

— У м-меня жена, С-снегирь! С-сын! А я, гад позорный, с-сдачу текста на три недели затянул... Не высыпаюсь: к-космос, мать его! Раз за разом! Сунул под подушку «Веселого Дюка» (мне его в Одессе, на фестивале вручили) — ну, скафандр получился. С жизнеобеспечением. Взрываться перестал, болтаюсь, как кофе в ваккуумной упаковке! Темно, звезды, м-мать их!.. С утра башка разваливается. Вот Татьяну с п-пацаном и зацепило... П-пацан в школу месяц не ходил: боялись, в психушку заб-берут. Ты один живешь? Один, да?! Оттого и выкаблучиваешься?!

— Привет классикам!

Истерика Неклюева оборвалась быстрее, чем вспыхнула. Знакомый барин вернулся из небытия. Слава ковырнул вилкой остывший завтрак, явно тоскуя по трюфелям под соусом «бешамель». Поднял взгляд на улыбающегося Гобоя — так поднимают лакированный саквояж, выходя из отеля «Ляжур-де-Труа» к личному «Роллс-Ройсу», запряженному четверкой арабских скакунов. Я не узнавал Славу; вернее, лишь сейчас я узнавал его, привычного. Другой человек секундой раньше приоткрывал краешек занавеса, показывая глупому волонтеру уголок «самого интересного», берцовую косточку скелета в шкафу, малую главку из устава Ордена Святого Бестселлера.

Совсем другой.

— Добрейшее утречко, Андрей Валентинович! Составите компанию?

— Спасибо, Славочка, я сыт! Влад, я сейчас уезжаю... Вас подвезти?

Гобой сверкал. Гобой лоснился. Катался наливным яблочком по золотому блюдечку, а во мне зрело нечто серое, немое и страстное. Немое. Не моё. Кураж пенился кислым пивом, изжога толкала на подвиги, и селедка во рту отдавала металлом.

Зимний снегирь хотел не рябинки — мяса.

— Нас подвезти. Если вас не затруднит.

— Ну что вы! Может, и в издательство сразу, а?

— Сегодня воскресенье, Азраил Ваалович. Выходной.

— Ха-ха-ха! Смешно, Владимир Сергеевич. Право слово, смешно. Экий вы шутник! Для кого, знаете ли, выходной, а кому суровые будни... Значит, заедем? Порешаем вопросики?! Чего вам лишний день кантоваться...

— Хорошо.

— Тогда я жду вас, Влад, дорогой! Я жду с нетерпением! Из-за острова, на стержень...

Бас хлынул, затопляя столовую и волной утекая в дверь. Мы с Неклюевым проводили колобка одинаковыми взмахами рук, и Славка еще раз ковырнул завтрак.

— Вот скажи мне, Снегирь, — в тоске спросил Неклюев, — отчего у тебя пюре, и с двойным маслом, а у меня каша без масла?

— Писать лучше надо, — честно ответил я.

...На сборы ушло полчаса.

— Эй! Есть кто-нибудь?

Войдя в Гобоев номер, я замер витязем на распутье. Налево пойдешь... Дверь туалета, распахнувшись с приветливым скрипом, явила должное: туалет. Зеркало, унитаз, кабинка душа. Направо пойдешь... Гардероб. Крючки, плечики (в наших краях их зовут «тремпелями»), внизу щетка для обуви и две баночки с кремом. Значит, надо идти прямо. Туда, где, согласно классике сказки, полагается терять жизнь.

— Антип Венецианович! Вы здесь?

Гостиная нелепо вытянулась поперек. Голый бетон стен, кишка коридора, и там, вдалеке, маячат три ростовые мишени: солдаты в немецких касках, но почему-то с рогами. А рядом, спиной ко мне, у барьера стоял шофер Игнат Кузьмич, целясь в рогачей из револьвера «маузер» производства 1873 года. Жуткая штука, я такую в Рижском музее видел.

На дуло был навинчен глушитель странной формы.

— Здравствуйте, Владимир Сергеевич.

Хлопок.

Я не мог видеть, попал он или промахнулся. Но спина шофера излучала такую уверенность, что лишь самый закоренелый скептик усомнился бы в наличии дырки во лбу рогача.

— Антип Венецианович ждет вас внизу.

Хлопок.

Мягкий, ватный, но громче первого.

— Спускайтесь, пожалуйста. Я уже иду.

Третий выстрел громыхнул жестяным тазом.

Всю дорогу в город я смотрел в спину Игната Кузьмича, и меня не оставляло ощущение, что шофер, глядя на дорогу, в действительности видит рогатые мишени.

Гобой напевал «Марсельезу», но в разговоры не вступал.

* * *

«Издательство, сэр!»

Приехали.

Вахтер в застекленной конуре почтительно виляет хвостом. Лифт. Третий этаж. Отсюда и до шестого включительно простираются ленные владения «Аксель-Принта». Здесь охрана посерьезнее, чем на входе в здание: дверь бронированная, телекамеры, вход по электронным карточкам, и на посту — штандартенфюрер МВД. Вооружен, значит, и очень прекрасен. Впрочем, цербер знает меня в лицо и вполне доброжелательно здоровается. Круче стража только в «Нострадамус-Пресс»: пять мордоворотов с автоматами и в бронежилетах. Вход по разовым пропускам, которые эти дуболомы часами ищут и сверяют. Потому как неграмотные. Меня однажды полдня мурыжили: «Почему вы на хохла не похожи? Почему без акцента? Без сала? Без шаровар?!» Я обиделся и в отместку прозвал их контору — «Коза-Ностра-Дамус». Они тоже обиделись и вовсе отказались пускать.

Нет, в «Акселе» бдительность куда интеллигентнее поставлена.

Ряд дверей со знакомыми вывесками. «Каректорский отдел» (опечатки ярко исправлены красным фломастером). «Редакция фантастической литературы». Под табличкой — идиллическая пастораль: дракон, инопланетянин и наш космонавт (в скафандре и валенках) соображают на троих. «Отдел детективной и приключенческой литературы». Тут другие герои: ковбой, коп и бандюга в маске учиняют пальбу. Из дул пистолетов вылетают облачка с дружелюбной озвучкой: «Ба-бах!!!» Символично, кстати: фантасты куда дружнее детективщиков — это аксиома.

Коридор плавно сворачивает вправо. Ныряет в заваленную хламом каморку, вновь выходит на оперативный простор. Сюда я раньше не хаживал. Тупик. Дверь тяжкая, под потолок. От пластиковой таблички веет лексикой НКВД.

«Особый отдел».

И никаких карикатур.

— Добро пожаловать в наши скромные пенаты!

Гобой лихо, словно бритвой по горлу, чиркает карточкой по считывающему устройству. Щелчок — створки двери распахиваются, лязгнув челюстями. Оставь надежду всяк... Заглядываю с опаской. Тюремная камера? Пыточный подвал? Масонская ложа?! От колобка можно ожидать чего угодно.

Идеальный, стерильный порядок операционной. Строгая функциональность столов. Офисные кресла, мониторы компьютеров, телефоны, факс. На столах — ни одной лишней бумажки. Стеллажи туго набиты книгами и папками, всяк сверчок знает свой шесток. Не то что в редакции фантастики, где шаткие штабеля книг готовы погрести неосторожного путника. На стенах красуются репринтные плакаты тридцатых годов прошлого века: «Болтун — находка для шпиона!» и «Тише, враг подслушивает!». А, еще «Двуликий Янус» — лицо, разделенное пополам вертикалью: слева — мирный труженик, справа — акула капитализма с моноклем. Своеобразное, должно быть, у «особистов» чувство юмора. Если это вообще юмор.

— Располагайтесь, чувствуйте себя как дома.

Располагаюсь.

Чувствую.

— Сейчас подойдут расчетчик с *интуткой*. Кофе хотите?

— Не откажусь.

Гобой мил, приветлив, розовощек. Никакой чертовщины. Извлек чайник, в розетку включает, другой рукой по клавишам коммутатора барабанит.

— Да, я. Зайдите. Да, рыцарь ждет.

И ко мне, положив трубку:

— Кстати, потом глянете отредактированный текст фрагмента. Так сказать, на предмет.

Все хорошо, все чудесно. Кофе, улыбочка, текст, сотрудники специально ради Снегиря в воскресенье на работу вышли. На чем ты меня кидаешь, Аспид Вертихвостович? Не подпишу ведь. Гадом буду, не подпишу! Я псих, у меня принципы...

— Звали, Артур Велимирович?

В дверях возникает кукла Барби, растерянно хлопая ресницами. Они у нее длиннее, чем у Насти, но, похоже, накладные. В отличие от.

— А, Таечка! Заходите!

Кукла топчется за порогом. Крайне соблазнительно топчется: вертит попкой, но заходить не спешит. Словно ждет чего-то.

— Прошу вас!

Нет. Не идет.

Моргает.

— Милости просим! — с нажимом повторяет колобок в третий раз. Кукла, облегченно вздохнув, оказывается рядом с нами. — Кофе хотите? Знакомьтесь: Влад Снегирь, звезда и талантище... Ну, вы в курсе. Влад, честь имею представить: Таисия Валерьевна, *интутка*.

— Очень приятно.

Галантно целую «Барби» ручку. Кожа на ощупь приятная: гладкая, свежая (*резиновая?!*), но к слабому запаху «Шанели» примешивается... нашатырь? Я не ошибся?!

— Опрометчиво, яхонтовый. Крайне опрометчиво...

Кажется, это в мой адрес. Считаю за благо не отвечать. В голове вертится а-ля поручик Ржевский: «Ведь я, брат, интутка, я фея из бара...» Стоп. Это нервное. Еще ляпну вслух! С меня станется.

— Скажите, Таечка, когда вы впервые почувствовали, что Владимир Сергеевич близок к выходу в тираж?

Пауза. «Барби» воздевает васильковые очи горе, что-то высматривая на потолке. Видимо, линию жизни В. Снегиря.

— Уж месяц прошел и три дня пролетело, как псы разорвали остывшее тело, — вдруг произносит она нараспев низким контральто.

Дергаюсь и проливаю кофе. К счастью, на пол, а не на брюки. Или того хлеще: на милую Таисию Валерьевну. В Ла-Ланге, в первый раз... Да, собаки. Да, порвали. Вдребезги. Ощущение не из приятных.

— Значит, месяц и три дня? Сходится, Влад, дорогой?

— Ну, точно не скажу... Вроде сходится. А с собаками — в самую точку. Остались от пташечки перья да ножки. Таисия Валерьевна, вы сновидица?

— Есть многое, брильянтовый, на земле и на башнях, что снится рыцарям Ордена. И мне то ведомо.

— Таисия Валерьевна — лучший *интут* издательства. Интуитивистка. Феноменальные способности. Если бы не Половинчик со своими расчетами... Кстати, опять опаздывает! Ага, вот и он.

Я не удивился бы, услышав от Гобоя петровскую реплику: «Попался, сука!»

В особом отделе объявляется новое действующее лицо. Лицо это наполовину скрыто огромными бифокальными очками в роговой оправе, напоминающими линзы для первобытных телевизоров. Гладкий восковой лоб, достойный музея мадам Тюссо, над очками плавно переходит в пустошь лысины. Поперек зачесаны две чудом сохранившиеся пряди. Костюм покроя «человек-в-футляре», широкий галстук цвета тины. Штиблеты. Красота, в общем, неописуемая.

— Зд-р-ра, зд-р-ра... — урчит он, тыча в пространство пухлую ручонку. — Половинчик, Ян Львович. Расчетчик.

Жму пятерню, едва не вскрикнув от боли: силен, расчетчик, силен и цепок.

А кофе ему Гобой, кстати, не предложил.

— Итак, все в сборе. Начинайте, Ян Львович.

Половинчик вздыхает с явным облегчением. Разнос от начальства откладывается. А там, глядишь, и вовсе пронесет. Я его понимаю и даже проникаюсь некоторым сочувствием, ибо — пронесет. По полной программе, или я ничего не смыслю в Гобое. Расчетчик вываливает на ближайший стол ворох графиков и таблиц, и мы приступаем к работе. К весьма странной, надо сказать, работе. Сверка тиражей за разные годы. Сроки выхода. Допечатки. Переиздания. (Всплывает несколько «леваков», о которых я ни сном ни духом. Надо же! Хорошо у них разведка работает.) Статистика воровства на типографиях. Можайский полиграфкомбинат. Тверской. «Красный пролетарий». Публикации в сборниках, в журналах. Публикации в сети. Критические статьи. Динамика продаж по оптовому складу. В рознице. Какие-то поправочные коэффициенты, метровые формулы с сигмами, зетами и ятями, которые Половинчик мигом загоняет в компьютер. Сроки сдачи текста. Время подписания договоров...

— Братцы! Сестрицы! Тут сам черт ногу сломит!..

Народ смотрит на Снегиря, словно он сморозил потрясающую глупость.

Или испортил воздух на первом балу Наташи Ростовой.

— Пр-р-рав, кр-р-ругом пр-р-рав, — удовлетворенно мурлычет Половинчик. Он воспрянул, цветет и пахнет. — Тр-ретий кр-руг, именно тр-ретий. Вер-рно, Таисия Валер-рьевна?

Кукла торчит у окна, презрев вульгарную канцелярию. Напевает под нос удалую цыганщину: «Две гитары за спиной в качестве конвоя, где ты, конь мой вороной, в чаще волки воют...»

Загадочная женщина.

— Круг за кругом. — Затянув припев, она начинает мелко трясти плечами. — День минет — уж четвертый настает.

— Так быстро?! — Гобой не на шутку встревожен, и волнение колобка немедленно передается мне. Может, я тоже *интут*? Скрытый?

— Погодите! — суетится Половинчик. — Не стр-реляйте, я вам пр-р-ри... пригожусь...

Пальцы Яна Львовича взбесившимися многоножками мечутся по клавишам компьютера. Жалят, грызут, откладывают личинки.

— Таечка, лапочка! Учитывая погр-р... грешности... «Кварта» наступит чуть позже: дня два-три.

— Таисия Валерьевна, что скажете?

Выжидательный взгляд Гобоя пришпиливает «Барби» к окну, как булавка — бабочку. Губы женщины беззвучно шевелятся, шевелятся...

— Цифры не врут. Но ускориться бег Хроноса-Времени

может. Пусть до поры обождет человек. Край он безумству положит.

И еще говорит кукла:

— Можно спастись. Можно спасти. Не подбирайте сивилл по пути.

Гобой молчит. Сейчас он умудряется молчать басом, и молчание зама по особым сгущается в мозгу мефистофелевским: «На земле весь род людской...» Пауза затягивается, нависает над головой карнизом, готовым в любой миг рухнуть, сверкающим копьем «бурульки», подтаявшей от дыхания бога...

Не выдерживаю:

— Антип Венецианович!

Следующая реплика — из спектакля, где идут к барьеру и поднимают роковые стволы Лепажа. Или, на худой конец, револьвер системы «маузер», 1873 года.

— Извольте объясниться!

* * *

— Влад, хороший мой, славный... Помните газетную шумиху 98-го? Вокруг психотронного оружия?

— А что? Утка как утка: желтая, бульварная...

— Инженер вы душ человеческих! Конечно, утка. В смысле оружия. Зато одинаковые сны у сотен людей — были. К счастью, удалось быстро локализовать, а вскоре и заморозить *процесс* у Коли Маржецкого. Сообразили, куда клоню?

— Четвертый круг?!

— Именно! Когда у рыцаря растет «площадь захвата», все большее количество людей, проснувшись или очнувшись от беспамятства, помнит свои впечатления. События. Поступки. Во всех подробностях. Слишком ярких, слишком логичных для обычного сна. Кстати, спит в этот момент сам рыцарь или нет, на четвертом круге теряет значение. *Процесс* приобретает лавинообразный характер. Цепная, знаете ли, реакция...

— Очень интересно. Только в чем, собственно, проблема? Ну, пошумят в прессе еще раз о «психо-пушке». Или о вредных последствиях аспирина УПСА. У нас народ битый: живого динозавра на улицу выпусти — ухом не поведут. Решат, что глюк. Или киносъемки. Или вообще не заметят, пока лично на них не наступит.

— А вам хочется, чтоб наступил? Шершавой пятой?!

Время шуток прошло. Это я сразу понял, несмотря на дежурную улыбку, оккупировавшую пухлое личико колобка. Может быть, оттого и понял, что улыбка была очень уж дежурной. Вымученной. Сутки-двое, с мизерным окладом.

— Нас, Влад, в 98-м чуть в угол не загнали. Тот факт, что засветился рыцарь из «МБЦ», ничего не менял. Делом заинтересовались известные фигуранты, а хватка у них, доложу я вам... Хорошо, что в светлых кабинетах сидят люди трезвомыслящие. Обошлось... тьфу-тьфу-тьфу! — Асмодей Велиалович на полном серьезе трижды плюет через левое плечо, причем не символически, а по-настоящему, слюной. — Но дважды фортуна не дает! Думаете, кое-кто не сумеет извлечь личную выгоду из *процесса*? Хотите в шарашке пахать? Собачкой Павлова — абзац по звонку?! Про пятый или шестой круги я и вовсе не хочу вслух: верите ли, боюсь...

Умеет, гад, держать паузу. Не зря на сцене выступал. Самое главное, умом понимаешь, что психологический прием, а действует!

— Договор положит конец нашим бедам?

— Частично. Договор вернет *процесс* на первый круг. Замкнет на рыцаря. И даст время без авралов закончить роман. После выхода книги в свет мы все вздохнем спокойно...

Он интимно берет меня за пуговицу:

— Вы ведь там более или менее обустроились? У себя? Быстро допишете, да?

— Ну, в принципе... Климат теплый, собаки меня теперь уважают. Опять же фьюшка...

— Какая фьюшка?

— Манговая. Кисленькая.

Назойливая муха копошится в мозгу. Да, только мух в голове мне и не хватало. Метафоры, аллюзии... Нашел время!

...Время!

Попалась!

Мысль отчаянно жужжит в сжатом кулаке. Со странным смешком разжимаю пальцы. Снегирь, а ведь ты почти поверил...

— Не сходится, Антип Венецианович. Время не сходится. Сплю я в среднем восемь часов. Плюс-минус. А в Ла-

Ланг то на сутки выпадаю, то на десять часов. По-разному. Или, скажете, там еще и время нелинейное?

И мы, Хымко, люди! Не лыком драны! Слова умные знаем.

— Ах, Влад! Зеркало вы эволюции! Про фазу «быстрого сна» слышать доводилось?

— Ну, краем уха...

— В этой фазе человек видит сны. Только в этой, и ни в какой другой. Фаза весьма скоротечна, от общего времени сна составляет 10—30 процентов. Зависит конкретно от человека, а также от многих обстоятельств: усталость, перевозбуждение, предшествующее опьянение, стрессы и так далее. Коэффициент течения времени — примерно 1 к 12. То есть за час, прошедший здесь, там проходит двенадцать часов. Наши специалисты это вычислили. Есть статистика. Теперь произведите несложный расчет — и все встанет на место.

— Погодите! Я вспомнил! Фаза «быстрого сна» — она дискретная. Редкие стежки на общей ткани сна. Там пять минут, тут десять... Но я-то в Ла-Ланге нахожусь непрерывно! Неувязочка получается!

— Анекдот напомнить? «А ваши неувязочки нам...» Да, «быстрые сны» дискретны. Но вспомните свои обычные сновидения. Ведь если вы их запоминаете, то как единое целое, — хотя снятся они вам в течение ряда отрывков «быстрого сна». С *процессом* та же история. Только не спрашивайте меня, как да почему: я, увы, не всеведущ. И, дважды увы, не всемогущ.

То, что Гобой в придачу и не всеблаг, я знаю наверняка.

Трижды увы.

— Могу лишь аналогию подбросить: роман вы тоже дискретно пишете. Сидите за компьютером, встаете, пьете чай... По бабам шляетесь, водку кушаете. Однако повествование от этого не рвется?

Убил.

И закопал.

И надпись написал.

— Еще вопросы есть? Пусть Ян Львович с Таисией Валерьевной изложат в деталях?

— Нет, спасибо. Не нужно.

— Значит, подпишете договор?

— Стоп! Этого я не говорил!

— Неужели принципы вам дороже, чем... Ладно-ладно, молчу! Но бумаги на допечатку и расходные ведомости вы, надеюсь, изволите подписать? Принципы позволяют?

— Без проблем. Давайте.

— Даю-даю... Вы бы подумали, Влад, золотце, вы бы хорошенько подумали, поразмыслили, раскинули мозгами...

Бас Гобоя — глас прибоя. Шуршит, омывает берег сознания. Успокаивает. Навевает дрему. Автоматически чиркаю ручкой: ведомость... договор... второй экземпляр...

— А это что?!

— Ох, извините! Я случайно: вместе в папке лежали...

Скотина ты, колобок! Думал заговорить меня? Влад, золотце, подмахните не глядя... Пусть тебе Таечка подмахивает! Шалишь, Кларнет, не на такого напал! Влад Снегирь привык читать, что подписывает. Давняя и очень полезная привычка, на грани рефлекса.

Сижу, смотрю на Антипа Венециановича.

И верю ему до озноба в пятках.

Если Гобой решился на банальный, мелкий, дешевый подлог — значит, взаправду. На зама по особым глядеть больно и стыдно. Сдулся, скукожился, поблек, будто из шарика выпустили воздух. На безукоризненном костюме возникли морщины-складки. Пятнышко грязи на сияющем штиблете...

— Антип Венецианович, я вам предлагаю компромиссный вариант. Роман у меня получается большой, явно на два тома. Завтра утром я вернусь домой, сяду и сделаю промежуточный финал. За день, максимум за два. И сразу же вышлю вам текст первого тома аттачем по е-мейлу. Договор давайте сюда, я возьму его с собой. Подпишу после отсылки текста и передам с проводником поезда. Или факсом. Добавим в начале: «Первый том дилогии «Лучший-из-Людей» под названием...» Название я дома придумаю. По рукам? И волки сыты, и овцы целы?

Дежурная улыбка Гобоя медленно-медленно, словно не доверяя, уступает место настоящей.

— Конечно! Влад, чудесный вы мой! Сразу видно творческого человека. Рад, душевно рад! — Он долго, от души, трясет мне руку. — По этому поводу не грех и тяпнуть по граммулечке? У меня в сейфе отличный коньячок имеется, нарочно для таких случаев...

— Антип Венецианович... Вы мне другое скажите. Пятый круг, шестой... девятый какой-нибудь... Что там происходит?!

— Ах, Влад! — Гобой тяжко вздыхает, ставя на стол бутылку ереванского «Юбилейного». — Во многом знании много печали. Помните у Шекспира: «Дальше — тишина»? Не стоит поминать всуе. Чтоб не накаркать. Выпьем-ка лучше коньячку. Желаю нам всем быстрее забыть это, как дурной сон.

Дурной сон...

— Ну хоть намекните... Чуть-чуть... Что на пятом круге случается?

— Намекнуть? Хорошо, намекаю. Как вы думаете, Владимир Сергеевич, почему раньше люди чертей-леших, домовых-русалок да мертвецов ходячих с привидениями встречали? Ну, еще ангелов, чудотворцев. А теперь — все больше гуманоиды с Альдебарана, НЛО, барабашки-полтергейсты... Хотя и вампирами бог не обидел. Как вы думаете?

Никак я не думал.

Нипочему.

Поезд у меня вечером.

XIX. УЛ. ГЕРОЕВ ЧУКОТКИ, 26, КВ. 31, ТЕЛЕФОН (ДОМ.) 43-98-02

Многочисленные эпиграфы разрушают ткань повествования.

Один редактор

— Добрый день! Вы жена Владимира Сергеевича?

— Д-да... В некотором смысле.

— Владимир Сергеевич просил передать, чтобы вы не волновались. Он задерживается. На два-три дня, может быть, на неделю.

— Вы из издательства?

— В некотором смысле. То есть нет. Я сама по себе. Просто вы не беспокойтесь и никуда не обращайтесь. Вы меня поняли?

— Вы его любовница?

— Неужели у меня такой молодой голос? Вы мне льстите.

— Это угроза? Вы похитили Влада?!

— Деточка, я очень прошу вас: не кричите. У меня зверски болит голова. С вашим Владом все будет в полном порядке.

— Вам нужен выкуп?!

— Выкуп мне не нужен. Просто здесь вопрос жизни и смерти... Ах, я становлюсь банальной. Итак...

— Что вы с ним сделали? Где он?! Я хочу с ним поговорить!

— Не кричите, умоляю. Он жив-здоров, чего и вам желает. Подождите несколько дней и получите вашего Влада обратно. В полном здравии. Деточка, мне очень неприятно, я раньше никогда... Впрочем, вам не понять. Вы еще слишком молоды.

Короткие гудки.

Определитель номера не сработал.

XX. ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «ИЖЕ С НИМИ»

Ослы ему славу по нотам поют,
Козлы бородами дорогу метут...

К. Чуковский

Едут лорды с леди
На велосипеде,
А за ними гном
На ведре вверх дном,

А за ним бароны
На зубцах короны,
Феи на драконе,
Эльф на лепреконе,
Змей на василиске,
Пять грифонов в миске,
Зомби и вервольфы
В «Ауди» и «Вольво»,
Маги в колымаге,
Ведьмы на метле.
Глори аллилуйя,
Фэнтези ура!

Вдруг из подворотни
Великан,
Ушлый и чипастый
Киберпанк.
Быть беде! —
Весь в Винде,
И с дискетой кое-где.
«Вы из книжек для детишек?
Я вас мигом проглочу!
Проглочу, проглочу, не помилую!»

Киберпанк, киберпанк, киберпанище,
Ох, братва, пропадай,
кто не пан еще!

Феи задрожали,
Грифоны заржали,
Леди другу-лорду
Оттоптали морду,
Гном от василиска
Оказался близко
И, вильнув бедром,
Скрылся под ведром.

А метла
Понесла —
Травмам ведьм нет числа!

Только маги в этой саге
Рады бою на бумаге,
Хоть и пятятся назад,
Артефактами грозят:
«Нас на пушку не бери,
Нас на панк не кибери,
Пусть и мы, блин, не иридий —
Так и ты, блин, не берилл!»
И назад еще дальше попятились.
И сказал Владыка Зла:
«Кто ответит за козла?
Кто поборет силу вражью
В розницу и потиражно,
Я тому богатырю
Пять рецензий подарю
И рекламу в «Плейбое» пожалую!»

«Не боимся мы его,
Киберпанка твоего,
Мы отвагой,
Мы бумагой,
Мы обложками его!»

Но, увидевши тираж
(Ай-ай-ай!),
У драконов скис кураж
(Ай-ай-ай!).
По прилавкам дрожа разбежалися:
Киберпаньих чипов испугалися.

Вот и стал киберпанк победителем,
Всех торговых лотков повелителем.
Вот он ходит, чипастый, похаживает,
Ненасытный винчестер поглаживает:
«Отдавайте мне ваших читателей,
Я сегодня их за ужином скушаю!»

Фэнтези плачет-рыдает,
Фэнтези громко страдает:
Нет, ну какой же фантаст
Друга-читателя сдаст,
Чтоб ненасытное чучело
Бедную крошку замучило!

Но однажды поутру
Со страницы horror.ru,
Правду-матку отмоча,
Так и врезали сплеча:
«Разве ж это киберпанк?
(Ха-ха-ха!)
Кто такое накропал?
(Ха-ха-ха!)
Киберпанк, киберпанк, киберпашечка,
Жидкостулая порнуха-графомашечка!»

Побледнели чародеи:
«Ах вы, жутики-злодеи!
Вам ведь слова не дают,
Вас и так не издают!»

Только вдруг из-за созвездья,
С лазерным мечом возмездья,
В звездолете, с кучей книг,
Мчится космобоевик.
Взял и грохнул киберпанка
Залпом лазерного танка.

Поделом самозванцу досталося,
И статей про него не осталося!

Часть II

ОХОТА НА МЕНЯ

Фантазия сама по себе, по-видимому, аморальна и жестока, как ребенок: она увлекается ужасным и смешным.

Карел Чапек

I. БАЛЛАДА О ВЕЛИКОЙ СУЕТЕ
(Эрзац-пролог-2)

Все создается второпях.
Миры — не исключенье.
Бегом, вприпрыжку, на ходу,
В заботах и делах,
Куда-то шел, спешил, летел,
Пил чай, жевал печенье,
Случайно сделал лишний жест,
Тяп-ляп — и ты Аллах.

Мир неуклюж, мир кособок,
В углах и заусенцах,
Его б рубанком! Наждаком!
Доделать! Довести! —
Но поздно. Отмеряя век,
Уже забилось сердце,
И май смеется, и февраль
Поземкою свистит.

Кто миру рожицу утрет
Махровым полотенцем,
Кто колыбельную споет,
Дабы обрел покой?
Ты занят множеством проблем,
Тебе не до младенца,
И мир твой по миру пойдет
С протянутой рукой.

Подкидыш, шушера, байстрюк,
Готовый в снег и сырость
Бродяжить, драться, воровать,
Спать у чужой двери, —
А время в бубен стук да стук,
А мир, глядишь, и вырос
И тоже наспех, в суете
Кого-то сотворил.

Мы миром мазаны одним,
Миры, мы умираем,
Смиряем, мирим, на Памир
Карабкаемся, мор
В муру мечтаем обратить
И в спешке, за сараем,
Из глины лепим новый мир,
Как суете письмо:

«Спешу. Зашился. Подбери.
Авось не канет в Лету.
Твой Я».

II. ВЕЛИКИЙ ХЛОПЧАТОБУМАЖНЫЙ ПУТЬ

Я бреду сквозь пьяный почерк.
То, с чем бился этой ночью,
От корней до твердых почек
Покрывает гладь стола.

Макс Сергеев

Из кустов, сопя, выбрался дикий хрыч. Рыло зверя было в пуху: разоряя гнезда, обуян жаждой полакомиться яйцами скобаря, хрыч всегда рисковал напороться на кладку голенастых пигалиц, — клювы, когти и адова уйма гордыни. Заполошное хрюканье всколыхнуло ельник, осыпав дождь иголок; хрыч излил тоску-печаль, после чего вразвалочку двинулся прочь.

— Ой, — выдохнула Аю, прячась за поваленным стволом. — Здоровый какой...

Бут-Бутан молчал. Он до сих пор не отвык бояться встречи с чужим насилием, бояться не за себя, ибо Аю могла вспомнить. Пусть даже это было насилие жирной твари над пичугами. Крючок самострела поддастся и пальцу ребенка, а посему глупо пренебрегать мелочами. Когда позавчера девушка наконец пришла в сознание, Куриный Лев обнаружил, что у нее отшибло память. Не целиком — выборочно, и выбор был из наилучших. Взятие Дангопеи осталось для Носатой пустым звуком, пришлось все рассказывать по новой, и Бут-Бутан постарался, чтобы ни он сам, ни семья каменщика Джунгара не напомнили бедняжке о толпе насильников. Не было. Никогда. Ясно?! В силу крайней юности скверно разбираясь в девицах, он тем не менее предполагал, что по косвенным признакам, а также по синякам и царапинам,

сошедшим не до конца, Аю может заподозрить неладное. Мучась необходимостью придумать объяснение на этот случай и бессильный сочинить правдоподобную байку, Куриный Лев втайне радовался, ибо Аю не заводила разговоров на опасную тему.

Ну и слава Лучшему-из-Людей!

Парень точно знал, кого следует благодарить за спасительную забывчивость Носатой. Там, в ложбине, после долгого ожидания увидев фигуру в мантии цвета морской волны, расшитой снежными лилиями, с говорящим обругаем на плече, Бут-Бутан сразу понял: свершилось. Вались, горы! Вскипай, моря! Земля, разверзнись! — они непременно дойдут до цели, ибо дух Лучшего-из-Людей указует им путь.

Оставался пустяк. Вернее, два пустяка.

То есть три.

Спасти Мозгача Кра-Кра из лап Алого Хонгра, отыскать недостающие части Лучшего-из-Людей и вернуться в Ла-Ланг, где настанет День Познания.

«Селезенкой чую, домой надо. Отчизна зовет. Ох, Кривая Тетушка, подай нежданную удачу! Вывези, милостивица!..» Оборвав мольбу на полуслове, Бут-Бутан навострил уши. От Великого Хлопчатобумажного Пути послышался топот — странный, отнюдь не конский, а скорее похожий на удары кулаками по доскам-боевкам, плотно обмотанным вервием из конопли. Он знал этот звук, его трижды гнали взашей из тайных школ «Обезьяны-на-Богомольце» и дважды — из семей, веками практикующих стиль «Прекрасного Далёка», славного секретами «гибкой Цыц»; но услышать гулкий, дробный грохот здесь, в дне пути от разграбленной Дангопеи?!

План рушился. Еще в городе, узнав, что Алого Хонгра, армейского мага тугриков, без промедления вызывают в окрестности Ла-Ланга, дабы противодействовать во время осады тамошнему чародею Нафири-су, владельцу Треклятой Башни, — Бут-Бутан сразу понял, что надо делать. Лететь в горшке-самолете или на пернатом трезубце маг не станет. Не захочет зря растрачивать силы перед опасной схваткой с Нафири-су. Значит, поедет в карете. А по выбоинам, буеракам и колдобинам Великого Хлопчатобумажного Пути особо не разгонишься. Если выбраться на сутки раньше и двигаться в нужном направлении, во время привалов тайком наблюдая за лагерем Алого Хонгра, то — ах, Кривая Тетушка! ох! ух!!! — может подвернуться случай для спасения Мозгача. Волшебникам тоже надо спать, есть, облегчаться...

Но карета, запряженная лошадьми, грохочет совсем иначе.

Неужели полетел в горшке?!

— Аю! Скорее! — махнув Носатой, чтоб поторапливалась, Куриный Лев ринулся к дороге. Позади раздавался треск сучьев и шорох листвы: это девушка неслышно кралась за спутником. Едва не скатившись в овраг, на дне которого кишело голодное жужло, больно ударившись плечом о ствол висельной осины, всполошив рой медучих шмелей и чудом избежав их жвал, сочащихся ядом, Бут-Бутан вылетел на склон дюны, откуда был хорошо виден ближайший поворот, и рухнул под защиту кудрень-лопуха. Вскоре на парня упала запыхавшаяся Аю, волнуясь грудью и толкаясь локтями, отчего Куриный Лев испытал удивительную смесь чувств, но разбираться в ощущениях было поздно — грохот «кулаков» надвинулся, оглушая, и на Пути возник армейский маг со свитой.

Алый Хонгр ехал в паланкине.

О дорогу же стучали не кулаки, а пятки носильщиков.

Впервые в жизни Бут-Бутан видел настоящих *верблюдей* — вьючных скороходов, выращиваемых особо искусными магами из детей-подкидышей. Верблюди оказались высокими, но не очень, лишь на голову выше самого Куриного Льва, зато ноги скороходов были чрезвычайно длинные, мосластые, с ороговелыми подошвами и коленками, похожими на кукиши великанов. На спине каждого мотался лохматый горб: верблюдь умело подсовывал его под рукояти носилок, смягчая тряску. Лица же оказались недоразвиты и слеплены наспех — клубень носа, влажные смородины глаз, а губастый рот трясется при каждом шаге.

— Ой, — снова сказала Аю.

Она увидела Мозгача: волшебник-заика сидел на плечах одного из двух заводных носильщиков, удобно примостив тощую задницу на горбу верблюдя. От обруча на шее Кра-Кра к паланкину тянулась медная цепочка.

— Ой... бедненький!..

Куриный Лев взглядом велел девушке умолкнуть. Обреченность поселилась в нем, грызя печень. Верблюдям были безразличны ухабы Великого Пути; оставалось лишь молить удачу о привале, когда беглецы предпримут попытку освободить Мозгача — наобум, любым способом, ибо завтра уже не получится догнать Алого Хонгра. Разве что в самом Ла-Ланге...

О, Лучший-из-Людей, надоумь и помоги!

За паланкином, взмокшая и багровая, тащилась охрана: дюжина солдат во главе со «сри джантом», иначе дюжен-ником. Сбиваясь на жуткую рысь, переходя на шаг, а то и повинуясь ленивому взмаху руки Хонгра, ускоряясь до галопа, кашляя, хрипя, втайне проклиная свою участь. Спорить в беге с верблюдями казалось охране верхом безрассудства, но приказы не обсуждаются, а армейскому магу не пристало путешествовать без эскорта. В мутных глазах солдат тлела надежда, что маг рано или поздно плюнет на «колченогих» и отправится вперед, велев догонять.

Догонять же можно по-разному.

Видимо, Кривая Тетушка была сегодня благосклонна, желая, наподобие портовой девки, ублажить сразу всех, ибо маг внял бессловесным мольбам.

— Привал! — напевно донеслось из паланкина.

Солдаты повалились в пыль, но бравый дюженник доказал, что недаром заработал татуировку на левой щеке. Рык, пинки, удары древком боевой кувалды, — и тугрики взялись обустраивать временный лагерь. По счастью, на противоположной стороне Пути, иначе Куриному Льву с Аю пришлось бы менять укрытие. Сам же маг, покинув носилки, жестом отправил верблюдей пастись, после чего присел на обочине и погрузился в транс. Мухи нимбом кружили над тюрбаном Алого Хонгра, вечернее солнце пятнало халат, расшитый тусклой канителью, и Мозгач Кра-Кра, пленник медной цепочки, с завистью разглядывал неподвижного чародея. Пожалуй, стань заика учеником вместо шута, он сделался бы наипреданнейшим рабом Хонгра, но мечтать умеют все, а судьба лишь смеется в ответ.

Бут-Бутан понимал друга.

Его самого отказались брать в ученики мастер шипастого батога, мастер двуручных ножей и мастер боя на пальцах.

Зато в шуты, пожалуй, взяли бы.

* * *

— Ну ты, губошлеп! Подвинься, скотина!

Верблюдь, которому предназначалась тирада дюженника, даже не шелохнулся. Меланхолично глодая кору с высоченного банановаса, бывший человек топтался на месте, приседал, стучал пяткой о коленку, словно не мог понять, что

дорога на некоторое время закончилась и начался отдых. Его собратья разбрелись в зарослях шалашовки, пренебрегая колючками и лакомясь спелыми бутонами, а этот скороход — самый глупый или самый ленивый — торчал у банановаса, мешая развести костер.

— Пошел вон! Кому сказано!

Второй верблюдь медленно приблизился к дюженнику, налитому дурной кровью, — в солдате, обычно равнодушном к превратностям бытия, вдруг сказалась усталость, вылившись в раздражение тупостью вьючного скота, превосходящей даже тупость подчиненных. Слегка высунувшись из укрытия, Бут-Бутан неожиданно сообразил, что если между остальными скороходами при внимательном рассмотрении удается сыскать мелкие различия, то эти двое верблюдей похожи друг на друга в точности.

Близнецы? Впрочем, какая разница...

— Ну, тварь!

Шагнув вперед, сри джант умело пнул верблюдя в крестец. Тот не шелохнулся, обернувшись лишь спустя минуту — долгую, вязкую, как смола жуй-древа. Дюженник удобнее перехватил кувалду, намереваясь подкрепить пинок более веским аргументом, но опоздал. Вывороченные губы собрались дудкой, колыхнулся горб, и смачный плевок залепил тугрику физиономию. Густо-коричневая слюна стекала по щекам, по татуировке, подтверждавшей воинское звание, набивалась в рот, распяленный для крика; даже издалека Куриному Льву было ясно, насколько горька эта слюна, горька и омерзительна. Рядом, уткнувшись лицом в ладони, от хохота и гадливости давилась Аю. Сри джант медленно вытер плевок, катая желваки на окаменевших скулах. Маг по-прежнему пребывал в трансе, но, даже бодрствуй Алый Хонгр, гордый тугрик не снес бы такого оскорбления хоть от скотины, хоть от самого Старца-Облака.

Кувалда ударила быстро и точно.

Сри джант бил без замаха, тычком ребристого навершия. Верблюдь не упал лишь потому, что оперся спиной о могучий банановас. На грубо лепленном лице возникла гримаса удивления, животная и человеческая одновременно. Похожие гримасы любил рисовать Нала Санг-гун, бродячий живописец, мастак изображать Ад Смешенья. Тяжкие ручищи поднялись перед остроконечной, будто у птицы, грудью, — но не для сопротивления. Скороход задвигал кистями и пальцами, раз-

миная воздух. Откликнулся второй верблюдь: тоже зашевелив руками и мыча, он затопал к дюженнику, опоздав всего на два шага. Следующий удар кувалды был наотмашь. В колено. Мерзко хрустнуло, раненый верблюдь перенес вес на здоровую ногу; подумав и обиженно скривившись, он упал на задницу, трогая себя за бок. Видимо, первый тычок сломал ему ребро.

Тугрик замахнулся в последний раз.

Корчась под резными листьями лопуха, Бут-Бутан из последних сил удерживал Аю: «Рука Щита» готова была броситься, закрыть собой, спасти несчастного полузверя. В придачу приходилось зажимать девице рот, и, взмокший от борьбы с благим, но самоубийственным порывом Носатой, Куриный Лев пропустил самое интересное. Мозгач Кра-Кра, уже с полминуты бормотавший мудреное заклятье, больше похожее на кашель, — видимо, пытался унять гнев тугрика, воюя с проклятым косноязычием, — вдруг всхлипнул, уверившись в тщете колдовских слов, привстал и с места прыгнул на сри джанта. Пленник медной цепочки, вернее, пленник Хонгра, он забыл обо всем, ощутив дуновение свободы, резкой, как шипучая вода в источнике Семи Пядей; паланкин лежал неподалеку от места трагедии, длины цепочки почти хватило Мозгачу, чтобы упасть на плечи тугрика, но тут змея из меди натянулась, обруч перехватил горло, и Мозгач, хрипло рыча, опрокинулся на спину.

Ища опору, пальцы заики вцепились в кувалду.

Правая рука — в кольцо под массивной «башней».

Левая — в кривой «клюв».

Тугрик, страшный в слепой ярости, тоже не удержался на ногах. Сила взмаха, помноженная на внезапную тяжесть тела Кра-Кра, чуть не сломала сри джанту хребет; впрочем, умелый воин, он извернулся, вовремя выпустив предательское оружие. Упав навзничь, дюженник ловко откатился в сторону, избегая возможного нападения. Выхватил кинжал, под хохот солдат полоснул взглядом безучастных верблюдей, мага в трансе... Наконец глаза тугрика остановились на Мозгаче: вобрали, отразили, сделались мутным стеклом, отказываясь признавать очевидное. Раб, живая забава, тот сидел без движения, как если бы, подобно Алому Хонгру, погрузился в глубокую медитацию, и держал в руках боевую кувалду. Бережно, словно засыпающего ребенка, ласково, будто возлюбленную; неуверенно, ожидая, что оружие превратится в кобру,

ужалив насмерть, — Мозгач не шевелил губами, но солдаты позже клялись, что слышали смутный шепот: разговор неуклюжего заики-шута с мертвой вещью-убийцей.

— Х-ха! — Когда смеются над тобой, надо смеяться вместе со всеми. Иначе рискуешь поменяться местами с мажьим потешником, заняв место шута. Сри джант хорошо знал это. Хохот рвал ему глотку, глубже заталкивая кляп бешенства, хохот обжигал, драл когтями, да только выбора не было. — Х-х-ххха! Вьючный урод и дурак-кривляка против Дюжего Ррохана! Бедняга, если ты решил сдохнуть, то уж лучше отдался бы диким пчелам...

Пожалуй, Кра-Кра мог бы разбить кувалдой цепь, — если, конечно, Алый Хонгр не озаботился заранее наложить на нее чары. Освобожденный, мог бы попытаться убежать. Или хотя бы встать навстречу смерти: тугрик, играя кинжалом, уже шел к нему, и было ясно, что после Мозгача настанет черед раненого верблюдя. Нет, волшебник-заика не двинулся с места. Разглядывал кувалду, хмурил брови, пытаясь вспомнить, не зная, что именно надо вспоминать, и понимая: вспоминать нечего. Цепочка провисла, Мозгач машинально раскачивался фанькой-встанькой, заставляя медные звенья тихо шелестеть; солнце, падая за кроны мандаринов, отражалось в кинжале, бросая в лицо обреченному пригоршни зайчиков.

Тугрик лениво взял Кра-Кра за волосы. Откинул голову назад, примеряясь к горлу. Попадешь по обручу — лезвие выщербится. Или для острастки сперва позабавиться? Выбор смерти, особенно чужой смерти, — дело важное, тут спешка ни к чему...

— Кого еще ты хочешь убить, Ррохан?

Никто не заметил выхода Алого Хонгра из транса. Сидя в прежней позе, маг холодно и ясно смотрел на дюженника. Тюрбан сполз на затылок, обнажая гигантский, немыслимый лоб чародея; черты лица заострились, как у мертвеца или упырчатого гуля-ночника.

— Меня? Ты подумай, Ррохан, ты хорошенько подумай. Подняв руку на *моего* шута и *моего* носильщика, тебе ведь непременно придется убивать меня. Здесь и сейчас. Иначе я сочту себя нерасплатившимся, а Алый Хонгр еще ни разу не оставался в должниках...

Сри джант закусил губу — больно, до крови.

— Я вижу, ты думаешь. Это трудно, Ррохан. Для тебе по-

добных — очень трудно. Сосредоточься, напрягись. Мне кажется, умение думать в будущем тебе пригодится...

Маг говорил тихо, с шипящим акцентом дайвов, племени, из которого вышли многие знаменитые колдуны, — но еще больше среди дайвов было оборотней-перерожденцев, продавших душу Визгливой Гадюке. Каждое слово шуршало, присвистывало, завораживая солдат, замораживая сердце Ррохана, превращая его в горсть воды со дна Тишайшего Омута, логова демонов. Кинжал блестел у горла безразличного Мозгача, поглощенного тайным разговором с кувалдой, кинжал сгорал от нетерпения, трепеща лезвием, и наконец дождался.

Ударил.

Скрежетнул по обручу, вымещая бессильную злобу.

Ножны проглотили кинжал, как гордость глотает обиду. Дюженник вырвал кувалду у Мозгача — заика даже не заметил, глядя себе в пустые руки и видя там нечто особое, — рявкнул на притихших солдат, после чего двинулся прочь, в заросли, обогнув верблюдей-близнецов. Возглас мага остановил Ррохана:

— Привал окончен. Собирайтесь в дорогу.

— А ночевать? — осмелился спросить самый молодой из тугриков.

— Ночевать будете завтра.

Пока солдаты, боясь роптать, наспех сворачивали лагерь, Алый Хонгр подошел к пленнику. Долго, сверху вниз, разглядывал Мозгача. На лице мага проступало выражение, очень похожее на то, с каким сам Мозгач минутой раньше разглядывал боевую кувалду. Только разговора Хонгр не вел: ни тайного, ни явного. Молча смотрел.

— Этих носильщиков бросить здесь, — приказал он, насмотревшись всласть.

— Обоих? — спросил дюженник, усилием воли возвращаясь к обязанностям командира эскорта. — Второй-то целехонек...

— Обоих. Один без другого не пойдет. Я их знаю.

— Добить?

— Незачем. Выживут — догонят.

Хонгр протянул жилистую руку, слишком длинную для обычного человека. Ухватил посередине цепочку, привязывавшую шута к паланкину; сжал кулак, твердый и ребристый, как навершие кувалды Ррохана. Губы, сухие, потрескавшиеся, шевельнулись. Три капли расплавленной меди упали из кулака на землю. Когда пальцы разжались, у Мозгача Кра-Кра на память о рабстве остался лишь обруч-ошейник с обрывком цепи. Маг разжал кулак и облизал ярко-красную ладонь языком.

— Добить?! — снова высунулся дюженник, не веря внезапному счастью.

— Ты не годишься в шуты, — Хонгр обращался к заике, прекрасно зная, что Кра-Кра его не слышит, а если слышит, то вряд ли понимает. Тем не менее маг продолжал говорить, четко и внятно, чутьем найдя единственные слова, способные вернуть Мозгача к реальности: — Но и в волшебники тоже не годишься.

Мозгач вскинул косматую голову:

— Я в-в-в!.. в-в-о-о!..

— Ты дурак.

— Я в-в-волшебник!

— Повторяю: ты дурак. Но не шут. Считай, тебе повезло. Сегодня. Но если когда-нибудь ты вновь попадешься мне как волшебник, — я убью тебя. Запомни мои слова. Это говорю я, Алый Хонгр, глава братства Насильственного Милосердия. В дорогу, лодыри!

Вскоре на обочине Великого Хлопчатобумажного Пути остались лишь двое верблюдей да безгласный Мозгач Кра-Кра, глупо моргавший вслед паланкину армейского мага.

Ах да.

Еще парочка зрителей под кудрень-лопухом, сгоравших от нетерпения.

III. КОРОЛЕВА В ПРЕДЧУВСТВИИ ГИЛЬОТИНЫ

> Сюжет — это нечто, выдуманное профессорами английского языка, чтобы объяснить то, что писатели все равно делают
>
> *Жена Роберта Хайнлайна*

Дверь.

Высокая, с бронзовой ручкой. Ставшая знакомой за последние годы. Нет, раньше королева публиковалась не здесь, так что никаких воспоминаний... Какие, к черту, воспоминания? Это все конвент. Растревожил, разбередил. Старая рана

разнылась, словно на погоду. Ныряешь в разверстый зев подземки, выбираешься наружу, оскальзываешься на февральском гололеде, едва не попадая под машину, поднимаешься по ступенькам издательства... А перед глазами — знакомые лица; в ушах звучат голоса. Атмосфера. Аура. Горьковатый привкус прошлого; дым осенних листьев. Отзвук, фантом былого мира, с которым удалось порвать, заплатив вынужденную цену. Вернее — отодрать присохший бинт, вместе с куском кровоточащей плоти. Уже отпустило, забылось, ушло на дно, а вот поди ж ты!.. Не надо было приезжать. Или надо? А, теперь все равно. В прошлый раз мучилась куда сильнее. И ничего. Прошло. Недели за две. Сейчас тоже пройдет — быстрее. Может, неделя. Или меньше.

Королева была в этом уверена.

Ностальгия, фантомная боль, доставляла странное удовольствие. Вассалам не дождаться возвращения владычицы. Никогда. Хорошее слово — никогда. От него веет непоколебимой определенностью. Окончательностью. «Обжалованию не подлежит».

Ни-ко-гда.

А вот слово, которого не найти в самых толковых словарях:

«Никогда-то».

Славное название придумали в «Аксель-Принте» этой редакции: «Отдел имиджевой литературы». Честно и по существу. Не какой-нибудь там «элитарной», «интеллектуальной», «некоммерческой», «нон-фикшн», — а именно «имиджевой». Здесь с некоторых пор и выходили новые книги Тамары Польских. Тиражами *не более* 5000 экземпляров. Так было записано в контракте. И королева строго следила за его соблюдением. Хотя под ее имя — под «бренд», шутили маркетологи, — можно было продать как минимум вдвое больше. Даже в малораскрученной серии. Но она не позволяла. Допечатки? Раз в два года, не чаще. И тоже ограниченным тиражом.

Тамара Юрьевна очень надеялась: на том, что она пишет сейчас, заново выйти в тираж попросту невозможно. В принципе. По крайней мере прецеденты были неизвестны. Но и она — особый случай. Королева не хотела воскресать, исключая любой риск. Встряхнись, Томочка. Освободи голову от

чепухи. Сугубо деловой визит. Просмотреть верстку, согласовать обложку, расписаться в расходной ведомости за выплаченный осенью гонорар. Все. Ты здесь именно за этим.

Все, кому сказано!

Дверь «Особого отдела» в конце коридора, против обыкновения, была приоткрыта. Изнутри доносился сочный бас Альфреда. «Иерихонский трубач» (дружеское прозвище Гобоя вспомнилось легко и приятно, как первая любовь) разговаривал по телефону. «Кажется, нервничает», — отметила Польских, помимо воли вслушиваясь в тревожные раскаты грома.

— ...то есть как это: не появлялся?! Мы же договорились... Какие дела?! Да не кричу я, не кричу! Хорошо, у меня к вам огромная просьба: постарайтесь его как можно скорее найти и передать...

Дверь открывается без скрипа, но спина Альфреда чувствительнее кошачьих усов. Не оборачиваясь, с досадой отмахивается, будто от надоедливой мухи: позже, мол! Занят. Это потому, что Гобой не видит, кто вошел. Ее Альфред уважает едва ли не до благоговения. Она для него — загадка. Тайна за семью печатями, которую зам по особым давно тщится разгадать. Как Царице Тамаре удалось «соскочить с иглы», отказаться от хороших денег, бросить все?..

Хватит.

Хватит об этом. Зачем ты зашла сюда? Женское любопытство? В твои-то годы? Предчувствие? Не шутишь? Случилось нечто серьезное. Серьезное всерьез, уж простите за тавтологию. Королева должна знать. Зачем — знать? Кому — должна?! Надо повернуться и уйти. Тихо прикрыв за собой дверь. Заняться своими делами.

Но она стоит и слушает.

— ...да! Да, говорю! Пусть немедленно перезвонит в издательство! Да, срочно. Очень вас прошу. Да, телефон у него есть и е-мэйл есть, но на всякий случай лучше еще раз запишите. Умоляю, поторопитесь! И пришлите текст по сети. Ну и что? Мы с Владом договорились, роман выйдет в двух томах. Первый он уже закончил... Шлите все, что есть. Файл-аттачем. Мы сами разберемся. Не беспокойтесь, все согласовано. Жду звонка. А текст высылайте в любом случае. Прямо сейчас. До свидания.

Сотовый телефон (Польских никак не соберется купить эту временами весьма полезную игрушку) исчезает в рукаве

Альфреда. Странно, жест не выглядит дешевым фокусом. Как и многое другое. Все-таки надо отдать должное: этот молодой человек умеет быть стильным.

— А, это вы, Тамара Юрьевна! Здравствуйте. Извините, у нас тут мелкие проблемы...

— Мелкие? — В голосе королевы явственно звучит уверенность в обратном.

— Вы правы, — вздыхает Альфред, честно поднимая лапки. — Большие. И могут стать еще больше, если не примем срочных мер. Вот, принимаю. Вовнутрь и наружно.

— Поделитесь? Ну-ну, милый мой, не стесняйтесь! Выкладывайте.

Она присаживается в кресло. Глубокое, удобное. В «Аксель-Принте» умеют ценить комфорт. Ей это всегда нравилось. А у Альфреда давным-давно нет секретов от Польских. Рыцарь «в отставке» все равно остается рыцарем. И даже больше чем просто рыцарем. Кому, как не ей...

Альфред понимает. Кивает, садится напротив. Выкладывает все. Или почти все. Но Тамаре Юрьевне вполне достаточно. Имя проблемы — Влад Снегирь. Ее «крестник». Обещал по возвращении связаться, прислать текст, уехал домой — и пропал. Правда, прошло всего три часа со времени прибытия поезда. Мог заглянуть к друзьям, застрять... Нет, вряд ли. Влад всегда был человеком слова. Она помнит. Хотя что она знает о Снегире? И, в конце концов, какое ей до этого дело?

Тем не менее, уже покинув «Особый отдел», визируя макет, расписываясь в ведомости, критически изучая выкатку обложки, Тамара Юрьевна прокручивала в голове один и тот же разговор. Первый день конвента. Глубокий вечер, почти ночь. Прокуренный насквозь бар. Володю несет по волнам пьяной памяти, он изливает душу, взамен заливая в пустоту текилу, пиво, водку, коньяк... Она пыталась остановить набравшегося Снегиря, успокоить, утешить — куда там! Какая-то заноза сидела в пьяном бреде, в потоке сознания, густо пропитанном алкоголем, — заноза, шило, тайное острие. Попыталась забыть, да? Вычеркнуть, пропустить мимо ушей? Словно и не было занозы, двух-трех случайных слов. Что ты не пожелала услышать, королева? Что-то важное. Настолько важное и неприятное, всколыхнувшее гладь Мертвого моря...

Она вспомнила, лишь увидев свое отражение в зеркале.

В дамском туалете.

Собственное лицо напомнило Тамаре Юрьевне осенний лист. Нет, лист еще не скукожился, не пожух окончательно. Золото увядания и прожилки, четко видные на фоне истончившейся плоти, придают листу особую, эфемерную прелесть заката. Но упругость жизни уже покидает ткани. Скоро лист станет ломким, пойдет бурыми пятнами, и ветер швырнет его в лужу, откуда нет возврата.

Волшебница-пудра. Фея-помада. Спасительницы-тени и черная подруга-тушь. А седина почти незаметна в волосах, светлых от природы. Шепчетесь за спиной, да? Ах, шарман! В сорок пять баба ягодка опять! Да что вы, полтинник, не меньше! Полтинник? Вы слишком щедры, милорд... Держимся на характере. На кураже. Фигура опять же... фигуристая. В глазах приятная чертовщинка. Ты нравишься себе, Томочка? Может, хватит врать?

И тут она вспомнила.

Заставила вспомнить. Вытряхнула содержимое старого шкафа: рухлядь! на пол! Поглядим при свете дня: какие скелеты обнаружатся?!

— Нежный, королева! Нежный Червь... Госпожа моя, вы представляете, до чего иногда можно додуматься — Нежный Червь...

Нежный Червь.

Раньше его величали по-другому. «Нижний Червь». А он скептически кривил губы: «Словоблуды! Никто по-настоящему назвать не может. Книжный я Червь! Книжный!»

Опасно кольнуло в груди, слева. Нет, ничего. Отпустило. Ты еще крепкая лошадка, ты выдержишь. Что, не хочешь? Не хочу. Это не твое дело? Не мое. Снова пройти через ломку? Окунуться в *хаотики*? Ты уже не в том возрасте, королева...

В зеркале, за Тамарой Юрьевной, отражалась гильотина.

Ах, нет. Просто второе зеркало.

— Я ничего не обещаю, Альфред. Понимаете: ничего. Просто хочу помочь, если сумею. Я выезжаю к Снегирю сегодня вечером. Оплатите мне билеты, гостиницу и суточные. К сожалению, поиздержалась...

— Тамара Юрьевна! Царица! Не извольте беспокоиться, оплатим сполна. Но, сами понимаете, мы тоже не можем сидеть сложа руки. Жена Влада вышлет текст... А, вот. Уже выслала. Файл прямо сейчас запустят в работу. У вас в запасе

три-четыре дня до ухода книги в производство. Когда припекает, мы бываем очень оперативными.

— Конечно, я понимаю. Постараюсь успеть.

— Держите нас в курсе!

— Хорошо. Да, мне еще понадобится распечатка Владова романа. И последнее: приобретите для меня сотовый телефон. Можно недорогой. Или это слишком нагло?

— Обижаете, королева! Сейчас сделают. А пока вот вам адрес и телефон Владимира Сергеевича. Его жену зовут...

IV. БАСНЯ «ЭСТЕТ И ДУБ»

Осел был самых честных правил...

И. Крылов. «Осел и мужик»

Один эстет
Начитан и прожорлив,
Среди издательств выбрав «Ad majorem»,
А не «ЭКСМО» отнюдь
Иль «АСТ»,
Решил,
Что от халтуры он устал,
И рылом подрывать у дуба корни стал.

Мораль проста: хоть интеллект не скрыть
Порою, —
Но рыло хочет рыть.
И роет.

V. НЕЖНЫЙ ЧЕРВЬ МЕЧТАЕТ О СНЕГИРЕ, или КЛЯКСЫ, УВЫ, СОХНУТ

Иногда мне кажется,
Что в мире существуют
Только книги.
(Не смейтесь.
Или смейтесь. Неважно.)
Наша жизнь —
Это отсвет их страниц.
Наши судьбы —
Это эхо их слов.

Альвдис Н. Н. Рутиэн

«Эти уроды никогда не научатся правильно произносить мое имя. Кем только не был! Нижний Червь. Нужный. Снежный. Смежный. Теперь вот — Нежный. Тошнит от словотворчества...»

Переступив порог хижины, Червь сладко потянулся. Ни одна косточка не хрустнула в его гибком теле, но память об утренних потягиваниях, когда суставы отзываются вкусным, здоровым треском, была приятна сама по себе. Три десятка усатых лучников, присланных раджой Синг-Сингом, вскочили при появлении временного господина. Нет, Книжный Червь не обольщался: с тем же рвением, повели раджа, они утащат его в подвалы Обители Чистого Сердца или сбросят с утеса в залив Харизмат. Вернее, попытаются утащить и попробуют сбросить. Без особого результата — но лучникам это неизвестно. Значит, пусть пребывают в блаженном неведении как можно дольше. Ибо во многом знании много печали.

— К поимке Отщепенцев и препровождению оных на каторжные работы без суда и следствия готовы! — отбарабанил заученное тридесятник, о котором сплетничали, что был он прямо из колыбели украден Духом Белой Гориллы с целью усыновления, но к совершеннолетию изгнан приемным отцом за буйный нрав. Правда или нет, только водились за богатырем-тридесятником приступы беспричинного бешенства, когда младшие по званию уносили ноги, а старшие разводили руками. Мяса же он не употреблял, обходясь кореньями, плодами и личинками тамового шерстепряда, за что обрел личное покровительство раджи, убежденного сыроеда и травокушца, страдающего похожими припадками.

— Велите приступать?

Червь кивнул.

Его с самого начала интересовало, почему у лучников нет луков. Копья есть: легкие, с наконечниками в виде ныряльщицы Бюль-Бюль, блаженной великомученицы. Кривые ножи есть. Щиты-плетенки за спиной. А луков нет. Все-таки растяпа этот Снегирь... Зная, что у него плохие зубы, Книжный Червь предпочитал улыбаться с закрытым ртом. Скорее намек, чем веселье. Он давно забыл, что значит веселье. Издевку помнил. Иронию — горькую, злую — тоже. Насмешку. Сарказм. А расхохотаться просто так, от полноты чувств... Это все голод. Голод. Верный спутник, наматывающий кишки на локоть. Клыкастый надсмотрщик. Пережевывая постылую улыбку, медленно разлагающуюся от неискренности, Червь прислушался к окружающей *кляксе*. Распад отработанных шлаков еще длился, тело каждой клеткой, каждой порой, разинутой наподобие жадного рта, еще всасывало черную энергию формирования, перерабатывая и распределяя,

но чутье подсказывало: *клякса* начинает сохнуть. Видимо, проклятый Снегирь завершает марать бумагу. Завершил? Отдал текст в производство?! Делается макет?! — пыхтят тупицы-редакторы, сопят лентяи-верстальщики, чешет репу дальтоник-художник; направо и налево, с легкостью только что коронованного императора, раздаются громкие титулы: авантитул, контртитул, шмуцтитул...

Хватит.

Злоба отнимала и без того невеликие силы.

— Значит, так. — Книжный Червь прислушался к складкам *кляксы*, мгновенно оценивая трепет вероятностной ткани. — Трех лучников в селение портовых домкратов. Пусть ждут напротив барака Плечистой Ы. Еще троих — в харчму Хун-Хуза. И чтоб не наливались фьюшкой! Десяток — в общину яйцекрасильщиков, к Дому Веротерпимости. Остальные — со мной. Бдить в три глаза! Дам отмашку — бежать быстрее лани...

Ла-Ланг готовился к нашествию. Передовые отряды тугриков не сегодня-завтра должны были объявиться в предместьях, и всяк спасался в меру разумения, а также возможностей. Богатеи переправляли семьи с имуществом на Сизые острова, доводя лодочников до кровавых мозолей; люди среднего достатка толпами вступали в армию, надеясь в крайнем случае сдаться с почестями; беднота резала чужих яков, околачивала бананасы и наливалась краденой фьюшкой до отождествления себя с героями древности. Раджа Синг-Синг спешно укреплял одноименную крепость, расположенную на местами неприступной Тарпейской скале; радже во множестве требовались камнеделы, глиномесы, рубщики гранита и чесальщики пяток (в последних нуждался лично Синг-Синг), а местных мастеров катастрофически не хватало. И тогда маг Нафири-су бесплатно посоветовал владыке привлечь на временные работы Отщепенцев. Талант Нежного Червя оказался востребован сверх меры: нелюди, отловленные в указанных им местах, трудились рьяно, подбадриваемые плетьми, количество же Отщепенцев росло не по дням, а по часам. Три торбы казенных башликов были выданы Нежному Червю вкупе со званием Спасителя Отечества II ранга, отряд лучников заменил пятерку хватов, не справлявшихся с обилием заказов, и дело пошло на лад. Крепость хорошела на глазах, готовясь усладить взор неприятеля: кокетливые бойницы, окруженные рикошет-виньетками, подножие сплошь

в тесаных рюшах и надолбах, оборки парапетов, откуда стреляли глазами бдительные часовые, и надпись над воротами, выполненная ярко-сиреневым, светящимся ночью пометом птицы Фа: «Смерть иноземным захватчикам!»

Книжный Червь трудился в поте лица, но интересовало его отнюдь не приближение тугриков или милость раджи. Он даже по-прежнему жил в хижине, отказавшись занять подобающий новому званию дом. Отнюдь не из аскетизма, как полагали восторженные глупцы. В дырявой, насквозь прошитой сквозняками хижине было легче питаться, отлавливая распад шлаков. Если бы он мог, не вызывая подозрений, вовсе жить под открытым небом, он бы поступил именно так.

А *клякса* сохла.

А охота на Снегиря близилась к завершению.

Кто раньше?!

— Доброе утро, Антон! Хорошо ли спалось?

Юноша, сидевший на корточках за спинами лучников, кивнул, преданно глядя на Червя глазами бродячей собаки, обласканной прохожим. Заложник, Антон не сознавал шаткости собственного положения, веря, что попал в сказку. Когда Книжный Червь ощутил трепет вероятностной ткани и понял, что этот Отщепенец пришел в Ла-Ланг надолго, если не навсегда, — Антон Янович Френкель, студент-третьекурсник института физкультуры, пребывал в коме после удара головой о бортик катка «Авангард», — руки Червя затряслись в предчувствии шанса. Через заложника появлялась возможность дотянуться до Снегиря там, в майорате рыцаря Ордена, куда Червю ход был заказан. Слишком плотный *локус*, слишком плотский, чтобы найти пищу, как слишком разрежены и зыбки для этого *хаотики*. Лишь *кляксы* рыцарей в период между зачатием и окончательным разрывом с автором способны удовлетворить потребности вечно голодных Книжных Червей. Спаситель Отечества II ранга знал это лучше других по причине, которую хотел бы забыть, не являйся она ему в еженощных кошмарах. Рыща в поисках пропитания, Червь знал еще один, беспроигрышный способ обеспечить себя едой надолго, почти навсегда, — знание служило дополнительным источником страшных снов, — но для этого ему требовалась личная встреча с рыцарем Ордена.

Обаяние — великое оружие.

Червь владел им в совершенстве.

Для охоты на рыцаря существовал общеизвестный метод.

Чуя начало *процесса* по первым явлениям Отщепенцев, но будучи бессилен отследить место возникновения рыцаря (тут чутье давало сбой!), Книжный Червь обзаводился картой местности и принимался обкладывать рыцаря флажками. Вот здесь возник первый Отщепенец, здесь второй, здесь третий-пятый-десятый... Вскоре формировался многоугольник, внутри которого где-то крылся рыцарь Ордена. Если бы можно было предугадать сроки его явления, поимка жертвы не заставила бы себя ждать. Но, увы, рыцари были инстинктивно хитры: возникая непредвиденно и непредсказуемо, практически любой из них сразу норовил обустроить укромный тайник, откуда если и выбирался в *кляксу*, то под чужой личиной, обезопасившись премиями-артефактами и ничем не выдавая своей истинной сути. В итоге на поиски уходило все отведенное время, *клякса* сохла, и Червь был вынужден убираться прочь несолоно хлебавши.

Да и отловив рыцаря, далеко не всегда удавалось убедить его последовать Червивому совету.

Но изредка — удавалось.

Червь знал это, имея третью причину кричать во сне.

* * *

До Часа Клопа, когда зной уступает ветрам с залива, они патрулировали Ла-Ланг. Лучники скучали, приходя в откровенно детский восторг, когда Червь, насторожившись и втянув воздух ноздрями, отправлял новую группу на поимку Отщепенцев. Места явления он указывал предельно точно, зная способность любого солдата при желании заблудиться в трех пальмах. Книжному Червю временами было жаль своих прежних хватов: простые как правда и такие же нелицеприятные, хваты имели чутье.

— Двоих к дому Кокуцу Дачи-йой! Ждать внутри, на втором этаже, у горшка с карликовой секвойей!

— Ворваться в жилище сиятельного Кокуцу? Министра Правого Колена? — замялся тридесятник, опасаясь скандала.

— Выполнять! Именем раджи Синг-Синга!

Заложник Антон весело подмигнул лучникам, отправленным ради жалкого Отщепенца в пасть раздражительного министра, и те мигом приободрились, развернули плечи парусом и даже взялись на бегу горланить скабрезное: «Аскет в тоске спешит к доске, лежащей на песке...» У парня талант, подумал Червь. Не знаю, какой он там фигурист, но конь-

ки — не главное призвание Антона. Будь я раджой, я бы посылал его сопровождать посольства: парень замечательно сглаживает любые конфликты. Лучники в него влюблены: советы, как помириться с ревнивой женой или уломать ростовщика Ж-Жаха скостить часть долга, сыплются из Антона как из рога изобилия. Главное, советы действенны. Складывалось впечатление, что молодой человек щедро раздает собеседникам щиты — не те плетенки, которыми лучники без особого успеха прикрывают спины, а волшебные, способные отразить острое слово, кривой взгляд, увесистое оскорбление. Червь не раз видел, как заложник вмешивается в скандалы и ссоры, которые регулярно вспыхивали в готовящемся к нашествию городе. Фигурист буквально втискивался в поножовщину, палочные бои, встревал, что называется, «между грифом и падалью», — усмешка, наивный возглас, ямочки на щеках, вопрос, ответ, случайная шутка, и скандал гас, ссора рассасывалась, ножи прятались в ножны...

Будь я раджой, думал Червь, я бы запустил его на переговоры с тугриками. Это неважно, что Антон абсолютно далек от здешних реалий. Будь я раджой, я бы пользовался даром фигуриста, пока мог. А поскольку раджой был бы я, то я знал бы, что срок невелик. Если охота на Снегиря завершится успехом, некий Книжный Червь честно сдержит обещание, данное бабушке Антона Френкеля, и отправит парня домой. У некоего Книжного Червя есть такие возможности. Скорее всего, бабушке, железной старушке, которой мы признательны за великие подвиги, не понравится метод, — но результат понравится обязательно.

Врать — глупо. Хотя иногда необходимо.

Мудрый же говорит правду в разумных количествах.

Ближайшая складка *кляксы* назойливо завибрировала. Остановившись как вкопанный, Червь принюхался. Сейчас они находились на берегу Грязнухи, в треугольнике, образованном харчмой Хун-Хуза, питомником бойцовых выхухолей и храмом Кривой Тетушки. Где-то здесь, обложенный флажками, располагался тайник рыцаря, но Червя это больше не интересовало. Бабка заложника выполнит обещанное. За внука она душу продаст. Значит, надо ждать, одновременно завоевывая признательность раджи. Тем паче что сделать это проще простого.

— Быть начеку!

Тридесятник подобрался, встопорщив усы, лучники сошлись поближе, готовые хватать. Червь раздраженно махнул

им рукой: отойдите на шаг! Мешаете чуять! За складкой, откуда дул сквозняк, что-то намечалось: дорожное происшествие? несчастный случай? — и надо было притворяться равнодушным, дабы не спугнуть судьбу-индейку...

Есть!

— Хватайте их!

Лучники упали на троицу голых Отщепенцев, крутя добыче руки. Дичь стоила трудов: крепыши с бычьими загривками, ежик мускулистых голов стоит дыбом, как шерсть на холке пацюка-куроеда. В переноске тяжестей будут незаменимы. А если еще и продержатся недельку до «пшика»... Наблюдая за свалкой со стороны, Книжный Червь понимал: да, продержатся. За недельку не поручимся, но денька три-четыре... Похоже, на изнанке складки расшиблись две машины, и в данный момент крепышей в бессознательном состоянии везут в больницу. Это надолго. Станут оперировать — значит, наркоз дадут.

Тоже кстати.

— С-суки! Козлы позорные!

— Толян! Мочи их!

— Не посрамим славы Ла-Ланга!

— Ы-ыххх!

Последний вопль принадлежал богатырю-тридесятнику, в коем проснулся мятежный дух Белой Гориллы. Ринувшись в свалку, он замолотил кулаками в грудь — в свою собственную грудь, чем привел лидера Отщепенцев в оторопь и позволил лучникам опутать вервием кривые ноги последнего. Затем тридесятник внезапно остыл и покинул театр военных действий, предоставив бойцам завершать пленение деморализованной троицы. Червь не встревал, лишь однажды помешав рьяному лучнику огреть Отщепенца по затылку дерьмом тяглового слона, высохшим на солнцепеке, — потеряв сознание здесь, крепыш мигом «пшикнет», утратив ценность. Глядя, как добычу волокут прочь, к крепости, Книжный Червь успокаивающе похлопал по плечу бледного Антона (фигурист скверно переносил насилие, будучи вынужден оставаться простым зрителем), и, удостоверясь, что на лицо парня возвращается румянец, шагнул к одному из лучников, пострадавшему за родину.

Присел над бесчувственным солдатом.

Вслушался.

Нет, ничего. Все в порядке. Пятый круг *процесса*, когда потерявшие сознание обитатели *кляксы* притягиваются в

майорат рыцаря, не начался: лучник находился здесь, и только здесь. Скоро очухается. Даже четвертый круг — когда спящие из рыцарского майората начинают сохранять память — медлил. Это хорошо, но ненадолго. Надо спешить.

Проклятье, как трудно спешить, если приходится ждать, ждать, и больше ничего!

Вдобавок голод...

Неожиданно успокоившись и даже рассмеявшись, что с ним случалось крайне редко, Червь подмигнул Антону:

— Ну что, фигурист? Пойдем увидимся с твоей бабулей?

— Вы... — Парень просиял, забыв о ненавистном насилии. — Вы услышали, да?!

— Услышал. Эй, тупицы, за мной! Бегом марш!

Парень крепкий, думал Червь, набирая скорость. Выдержит. Этому пробежка в радость. Хотя путь к источнику Жар-Петухов, куда они направлялись, был неблизким. Сам же Червь, умея проницать складки насквозь, сейчас хотел напряжением сил телесных сбросить напряжение ума. Разрядить волнение, сгладить острые углы. Бег, знаете ли, успокаивает.

Встречаться с рыцарем надо без лишних эмоций.

В ощутимой пользе хладнокровия Книжный Червь давно убедился. Ибо ненавидел рыцарей Ордена Святого Бестселлера так, как можно ненавидеть лишь бывших соратников.

VI. КАРТИНА МАСЛОМ: СИВИЛЛА ЖДЕТ НА СКАМЕЕЧКЕ

> А пусть-ка скажет автор, какого хрена лезет в такую степь, где не то что ихний конь не валялся, а просто нормальному человеку делать нечего? И не надо томных глаз: это наша пашня, мы там жнем...
>
> К чему это я? А к тому, что не ополоумевший баптист это пишет. Жена моя вами восхищена. Бродит по комнате, трогая рукой корешки и бормоча: «Книжечки мои, книжулечки... одни вы меня никогда...»
>
> *Из анонимных писем В. Снегирю*

Обратиться к психиатру? И что сказать? Марк Соломонович, дорогой, у меня острейший приступ deja vu плюс параноидальный бред? Он пожмет плечами, наш мудрый Марк

Соломонович, пропишет валерьянку или коньячок... В любом случае отступать поздно. Потому что Костя поверил. И Леночка поверила. Даже пойди она на попятный — дети не отступят, и будет только хуже.

Марии Отаровне было страшно. Впервые за долгую жизнь она ощущала себя преступницей. Но другой, много больший страх пересилил. Страх потерять Антона. Ради внука она пойдет на что угодно. В конце концов, они ведь не сделают ничего плохого этому человеку! Поспит, сколько нужно, на даче семьи Френкель, а потом его отпустят. Пусть, если захочет, обратится в милицию. Но — позже. Зато Антон будет спасен. Неужели этот писатель не согласился бы проспать лишние день-другой, чтобы спасти жизнь человеку? Конечно, согласился бы. Мария Отаровна ему все объяснит, по завершении... Нет, она объяснит раньше! Там, во сне.

Писатель поймет и простит.

Старая женщина в сотый раз посмотрела на часы. 7.43. Поезд прибыл. Нужный человек, наверное, выходит из вагона. Костя с Леночкой поджидают его на платформе. Как медленно тянется время! Она уже вся извелась. Скорее бы конец. Устало опустившись на скамейку возле чужого подъезда, Мария Отаровна машинально провела ладонью по спинке — словно кошку гладила. Это ее всегда успокаивало. Но сейчас вместо шелковистой шерсти Лизки, полосатой любимицы, рука ощутила мерзлую доску. Она непонимающе уставилась на собственную ладонь, покрытую крошками облупившегося сурика.

Надо успокоиться.

Надо.

Но дурные мысли не сдавались, трепеща от волнения. Неслись назад, в роковой, тоскливый понедельник, когда ей позвонили из зимнего спорткомплекса «Авангард». Услышав новость, она едва не свалилась с инфарктом.

Антон. Травма черепа. Кома. Состояние критическое. Слова каплями ртути катятся по рассудку. Забиваются в трещины. Перед глазами — туман. Ноги ватные. Хорошо, что рядом стул. Хорошо... Что теперь может быть «хорошо»?! Что?! Антошку привезли к ним, в Институт неотложной хирургии. Леночка, партнерша внука, заплаканная, на грани истерики, все пыталась что-то рассказать. Сквозь гул пчелиного роя, заполнивший голову, с трудом пробивалось, перемежаясь всхлипами:

— ...я виновата!.. опоздала... Они с Виталиком поспорили... головой в бортик... Это все я, я виновата! Простите меня, Мария Отаровна, простите... Нет, не надо, я сама себя не прощу...

Конечно, девочка не виновата. Следовало успокоить, обнадежить, но сил не было. Из тумана выплывало счастливое, раскрасневшееся лицо внука. Баб, поздравь нас! Мы с Ленкой «серебро» взяли! Вот! Как она радовалась вместе с мальчиком! Соглашалась: фигурное катание — прекрасный вид спорта. Станете чемпионами, поедете на Олимпиаду. И травм меньше, чем, к примеру, в слаломе или боксе. Ты все правильно говоришь, Антошка, только будь поосторожней. Конечно, баб, не волнуйся!..

Не волнуйся...

Восковое лицо, бинты, пластик кислородной маски. Капельницы. Зеленые зубцы на экранах. Строгие лица коллег из реанимационной бригады. «Мария Отаровна, вы врач. Вы поймете. Мы делаем все возможное. Но никаких гарантий...» Самое страшное — твое полное бессилие. Врач с почти полувековым стажем, доктор наук, профессор, зав. кафедрой анестезиологии, ты бессильна помочь самому родному, самому близкому человеку. Антон не приходит в сознание. Он гаснет огарком свечи, и ты вынуждена смотреть на исход, затянувшийся по нелепой прихоти судьбы, не находя себе места и глотая валокордин.

Потомственный врач в четвертом поколении, старуха никогда не верила ни в бога, ни в чудеса. Но сейчас, запершись в кабинете, она шептала какие-то слова, плакала, о чем-то просила, молила неведомо кого, ловя даже не надежду — тень, намек, призрак.

Чудо. Ей требовалось чудо.

На другой день чудо свершилось.

* * *

Вообще-то в палату Антона посторонним входить запрещалось. Но кто осмелился бы не пустить профессора Френкель к родному внуку?! Она сидела здесь уже не один час, опустошенная, без сил. Лицо мальчика плыло перед глазами. Слезы? Нет. Что-то сердце защемило. И палата тоже плывет,

раскачиваясь на мертвой океанской зыби. Голова безвольно откинулась, ткнулась в выкрашенную серо-голубой эмалью стену палаты.

Обморок был краток и странен. Мария Отаровна понимала, что окружающее — плод ее измученного рассудка, но... Под ногами — жирный чернозем. По правую руку к горизонту тянутся квадраты полей, усеянных лохматой капустой, похожей на отрубленные собачьи головы. Слева, за водяными рвами, теснятся хижины — круглые плетенки на сваях. Дальше на утесе возвышается крепость. И, ближе к скалам, — чудная башня, наклонная сразу в три стороны. Теплый, почти горячий воздух нес ароматы цветов, тяжкие миазмы разложения и запах прели. Из ближайшей хижины выбрались двое. Один, высокий, нечеловечески пластичный, словно не шел, а перетекал по земле. Одетый в штаны и рубаху смешного ярко-розового шелка, он был абсолютно незнаком профессору Френкель. Зато второй...

Сердце вновь ударило в предынфарктный галоп:

— Антон!

— Бабушка!..

Конечно, поначалу она не поверила. Что еще, как изволил выразиться господин Кничер, за «клякса»? Это сон, навязчивая идея... Разумеется, вам нужны доказательства. Вы, как любой нормальный человек, не станете верить на слово... Конечно, бабушка, трудно поверить. Я здесь две недели торчу. В бортик врезался — и сразу сюда. Понимаешь, тут время по-другому идет. Не волнуйся, ба, господин Кничер мне помог, я в полном порядке! Интересно даже. Скажи, со мной *там* совсем плохо? Выкарабкаюсь? Сколько у нас времени прошло?

Это сон, страшный сон...

Ты в коме, Антошенька. Полтора дня.

Это огромная удача, Мария Отаровна, что вы не заснули, а именно потеряли сознание. Успокойтесь, скоро вы очнетесь. И будете помнить наш разговор. А вот усни вы над койкой внука... Вам очень повезло! Я готов помочь Антону выйти из больницы, но для этого нужны две вещи.

Какие?!

Первое: поверьте нам.

Он так и сказал, милый господин Кничер: «нам». Не «мне», а «нам».

И добавил: Антон, твоя очередь. Докажи бабушке, что она не спит. Пусть убедится. У нас мало времени.

...деньги, в тумбочке, тысяча триста... подарки к Восьмому марта: тебе часы «Casio» — маленькие, на ремешке, а не на браслете, как ты любишь; Ленке — цепочка золотая, с кулончиком... в коробке...

Очнувшись в палате, Мария Отаровна долго не могла понять: что она делает?! Почему спешит, собирается, не попадая в рукава пальто? Куда? Домой? Зачем?! Лизоньку тетя Нюша покормит, соседка. Что ей делать наедине с бедой, в пустой квартире? Муж умер два года назад, Антошенька переехал к бабушке, теперь он лежит здесь, зачем же ей... Едва захлопнув за собой дверь квартиры, старая женщина кинулась к тумбочке в комнате внука. Все оказалось именно там, где сказал Антон: деньги, часы, цепочка с кулоном... Реальность треснула пополам. И в зияющую трещину обычного порядка вещей ворвался отчаянный ветер надежды.

«Бабушка, заночуй в больнице. Так нам легче будет тебя найти *здесь*. Понадобится наркоз. Хотя бы легкий. Иначе, если ты просто заснешь, потом ничего не вспомнишь».

Вечером она вызвала такси и поехала обратно в институт. Прекрасно зная, чем рискует: наркоз самой себе, без контроля специалиста... Сердце. Возраст. Нервы. С другой стороны, чем рискуешь, старуха? Крупицами лет, отмеренных тебе? Антоша, бабушка идет, бабушка с тобой...

Они ждали ее. Внук и господин Кничер.

Это вам. Оденьтесь. Я отвернусь. Лишь сейчас Мария Отаровна заметила свою наготу. И не устыдилась. У нас, госпожа профессор, есть время — часов десять. Вы убедились? Если нужно, мы с вашим внуком предоставим дополнительные аргументы. Потом? Как вам будет угодно, госпожа профессор. Итак, к делу. Мне жизненно необходимо встретиться с одним человеком. Я очень надеюсь... да что там, уверен! — с его помощью удастся вывести Антона из комы. Но не сразу. Может, неделя. Может, месяц. Больше — вряд ли. Успокойтесь, *здесь* время течет иначе. Антон уже говорил вам. У вас пройдет три-четыре дня максимум. Даю слово, я тороплюсь. Это ведь и в моих интересах. Мои интересы? Повторяю, мне нужен один человек. Как и в вашем случае, речь идет о жизни и смерти. Кто он? Владимир Сергеевич Чижик, он же Влад Снегирь, писатель. Ваш земляк. Хотите погово-

рить с Антоном? Не смею мешать. Обсудите, подумайте. Понимаю, звучит диковато, но...

Диковато?! Шизофрения — вот, пожалуй, самое точное название для происходящего. Возможно, она сама, в безумии и усталости, положила в тумбочку деньги с подарками, желая обрести вожделенные доказательства? Мозг не выдержал свалившегося горя, разум помутился... Нет! Она в силах буквально по минутам восстановить вчерашний день. Никаких провалов в памяти, кроме обморока. Молила о чуде, старуха?! Держи! Трогай! Неужели позволишь внуку тихо угаснуть на больничной койке, в окружении приборов и капельниц?!

Мария Отаровна Френкель, доктор медицины, зав. кафедрой анестезиологии Института неотложной хирургии, приняла решение.

В первую очередь необходимо найти этого Влада Снегиря. Попытаться объяснить ситуацию? Убедить провести несколько дней под соответствующими препаратами? Разумеется, она подберет самый безопасный «коктейль»... Нет. Писатель примет ее за сумасшедшую. И будет прав. Значит, остается другое. У нее есть дача, пустующая зимой. Дальше понадобятся помощники. Вернее, сообщники. Следует называть вещи своими именами.

Марии Отаровне было страшно. Но остановиться она уже не могла.

Костя Палий, друг Антона. Старше внука на три года. Служил в спецназе. Участвовал в боевых операциях. Крепкий, тренированный парень. Работает санитаром в хирургии. Она сама его туда устроила. Недавно узнала, что Костя «подсел» на морфий. Это плохо. Но... это дополнительный стимул. (Профессор Френкель вздрогнула. У врача — такие мысли?!) Костя согласится. Ради друга. А комплект «сэкономленных» ампул наверняка ускорит его согласие. Потом надо будет серьезно побеседовать с Костей, уговорить на курс лечения...

Потом!

Когда в институте вновь объявилась Леночка, Мария Отаровна поняла: это судьба.

Уговорить детей оказалось легко. Втроем они заперлись в ее кабинете, и Мария Отаровна сделала обоим инъекцию сомбревина. Себе не стала. Верила и так. Осталась наблюдать: она не имеет права рисковать чужими жизнями.

Господин Кничер оказался на высоте: Лена с Костей очнулись убежденными сторонниками операции по спасению. Разрабатывая план, старая женщина мучилась ощущением, что участвует в съемках дурацкого сериала про шпионов. Выяснить телефон писателя через справочное бюро, зная фамилию-имя-отчество, оказалось делом трех минут. Номер есть. Следующий звонок. Трубку взяла женщина. Говорил Костя. Представился журналистом, желающим взять интервью у Влада Снегиря. Вы его жена? Уехал? На конвент? Скоро вернется? Нам номер сдавать, хотелось бы успеть... В понедельник или во вторник? Обещал связаться? Можно будет вам еще перезвонить? Спасибо!

В воскресенье они знали: Владимир Сергеевич Чижик, он же Влад Снегирь, прибывает в понедельник утром, поездом в 7.40. Номера вагона жена не сказала, и это осложняло задачу. Леночка нашла в Интернете авторскую страничку писателя (Мария Отаровна крайне смутно представляла себе, что это значит), «скачала» и распечатала в трех экземплярах фотографию. Они с Костей очень постараются перехватить Снегиря-Чижика на перроне.

Карусель завертелась.

* * *

Коротко взвизгнув тормозами, у скамейки остановился грязно-стальной «жигуль» с плохо отрихтованной вмятиной на дверце. За рулем — Костя. Рядом — Леночка. А на заднем сиденье... Да, это он! Мария Отаровна помнила лицо писателя по черно-белой фотографии.

Они все отрепетировали заранее. Владимир Сергеевич? Ваша жена в больнице. Закрытый перелом ноги. Поскользнулась, упала... Хочет видеть вас. Очень просила встретить. Я там работаю, медбратом. У меня машина, я отвезу. Не волнуйтесь, у нас чудесные травматологи. По пути докторшу заберем... А Леночка якобы просто попросит подвезти — грех отказывать молоденькой красотке. Профессор Френкель смотрела на себя как бы со стороны: идет к машине, Костя распахивает дверцу, едва заметно кивает. Докторша с опытом, заслуживает доверия. Какие подозрения? Шутите?!

— Константин Федорович, опаздываете!

Условленная фраза. Вокруг — никого. Время! Леночка резко оборачивается, глядя в заднее стекло машины.

— Ой, что это?!

Пассажир заинтересованно вертится, всматриваясь в пустоту двора. Мария Отаровна садится близко-близко, прижимая правую руку мужчины к туловищу. Костя тянется шприцем, игла вонзается в основание шеи, над ключицей — благо шарфа на человеке нет, а воротник куртки расстегнут.

— Что вы... А?..

Поздно. Поршень уходит вперед до отказа.

Человек дергается раз, другой, обмякнув тюком тряпья. Глаза наливаются сном, лицо плывет восковой маской.

— Сивилла... Не подбирайте сивилл... по пути...

Все. Состав подействовал. Человек в полусне, он не может пошевелиться или сфокусировать взгляд, чтобы запомнить дорогу. Сумеречное состояние сознания. Окончательно заснет он только на даче, где все готово к приему «гостя»: смены постельного белья, одеяла, капельницы с питательными растворами, судно, шприцы, ампулы с основным «коктейлем», баллон с газом для АГВ, запас продуктов для Кости с Леночкой, собравшихся дежурить посменно...

Сама она примет наркоз одновременно с писателем: надо доставить этого человека к господину Кничеру. Место, где они появятся, известно: она уже «выходила» *туда* с дачи. И вообще, они с Кничером и Антоном успели составить схематичную карту соответствий.

— Поехали, Костя! Быстрее!

Все будет хорошо. Обязательно...

VII. МОНОЛОГ СКЕПТИКА ИЗ ПЬЕСЫ «НА ЗЕМЛЕ И НА БАШНЯХ»

...И двинем вновь на штурм твоих ушей...

В. Шекспир

Что, принц, читаете?
Слова, слова, слова.
Мой милый принц! Мотивы для печали
Не в том, что ложь честна,
А правда не права, —
Они в другом.
Что слова нет в начале
И нет в конце.
Поймите, милый принц, —
Ваш дядя Клавдий правил очень долго,
В величии супружеского долга

Жену Гертруду подсадив на шприц
Во избежанье ревности и сплетен.
И результат был хорошо заметен.
Полоний выжил — умница-хирург
Зашил дыру. В наш век пенициллина
Жизнь подлецов бывает слишком длинной,
И бравый плут вернулся ко двору,
Дабы довесть до брачного матраса
Офелию и зятя Фортинбраса.
Лаэрт, неукротимый датский тигр,
Стал чемпионом Олимпийских игр,
Фехтуя на отравленных рапирах,
Но запил, чем и посрамил Шекспира,
Скончавшись от цирроза. Вы же, принц,
Мой бедный гений, мой безумный Гамлет,
Отправились во тьму вперед ногами,
Меняя журавля на горсть синиц,
Надеясь обрести уютный дворик,
Где ждет любимца-принца бедный Йорик, —
И то, что вас подняли на помост,
Как воина, четыре капитана,
Достойно Метерлинка, и Ростана,
И Байрона. Но вывод крайне прост.
Его изрек почтеннейший Горацио:
В театре важно «психо»,
В жизни — «рацио».

VIII. НОГИ ЛУЧШЕГО-ИЗ-ЛЮДЕЙ И УДАЧА КУРИНОГО ЛЬВА

Я не принимаю фэнтези; я получаю от нее удовольствие и иногда сам пишу ее.

Р. Э. Хайнлайн

— Мозгач! Дружище!

— Он ск-к-к... он ск-к-кааааа..!

— Да плюнь ты на него! Ну, сказал! Это ж армейский маг! Солдафон!

— Он!!! Сказал!!! Что й-я-я н-не!!! Н-не во-о-о-о..! А я во-о-о!!!

— Конечно, во! Ты еще какой во!

— ...шеб-б-бник! Волшебник й-я! А он к-ко..! К-ко!..

Утешая Кра-Кра, заикающегося от волнения больше обычного, Бут-Бутан подумал, что, возможно, Алый Хонгр прав. И тут же отвесил себе мысленный подзатыльник. За гнусные сомнения. Ерунда! Происки врагов! Ему, Куриному Льву, тыщу раз брехали: ты не воин, не «Рука Меча». Щенок

ты, и зубы твои молочные. Наверное, скажи однажды Мозгач: «Бут-Бутан, а вдруг они правы?..» — загрыз бы предателя. Хоть молочными зубами, хоть коренными. Ладно, когда они найдут недостающие части Лучшего-из-Людей, все злопыхатели подавятся. В ножки падут, да поздно.

— Главное, он тебя отпустил. Ошейник мы потом спилим. Или собьем. Найдем кузнеца...

— ...лшеб-б-б!.. б-бник! Я...

— Верю, верю. Ты самый главный в мире волшебник...

Аю тем временем занялась калечным верблюдем. Спасать-защищать больше никого не требовалось, зато нашлось кого жалеть. Этому занятию Носатая и предалась всем сердцем, со свойственным ей пылом. Верблюдь ритмично кряхтел под бананасом — точь-в-точь озерная кряхта, утица-перелетица, — а «Рука Щита» пыталась облегчить страдания бедолаги. Причитая на манер наемной кликуши-грустихи, она омывала верблюдя слезами и гладила пострадавшую ногу. На ощупь колено, распухшее до размеров черепичного арбуза, оказалось гладким и жарким, словно там, в сплетении хитрых мослов, грелись у печки малые бродяжки. Задохнувшись от сочувствия, Аю пощупала верблюдю лоб. Нет, во лбу бродяжки не грелись. Холодный лоб. Мокрый, правда, и шелковистый.

Спохватившись, она завертела головой: повязка! Нужна повязка! И не простая, а целебная. Значит, надо нажевать нужной травы. В травах Аю разбиралась плохо. Зеленец-почечуй кровь смиряет, маковую соломку — в суп, для остроты, бурчальник стебный от мошкары, растопырка пальчатая дух возвышает... Взгляд девицы остановился на узорчатых листьях чертополыни. На вид листья вызывали доверие: красивые и наверняка ужасно целебные. Недолго думая Носатая набила рот приглянувшейся зеленью, добавив стебель выдранной с корнем кузявки, а также горсть ягод волчьей клюквы, и принялась усердно жевать. Рот наполнился нестерпимой горечью.

Тьфу!

Лекарство смачно плюхнулось на пострадавшее колено верблюдя.

— Ой, прости...

Верблюдь с интересом моргнул, довольно гугукнул — и, по примеру Аю, набил рот кузявкой с чертополынью.

— Плюнь! Сейчас же плюнь! Оно горькое!

Подчиняясь, верблюдь плюнул туда же, куда и Аю. Сгреб новую порцию зелья. Ему на подмогу пришел близнец-скороход — спустя минуту-другую колено превратилось в разноцветный, едко пахнущий ком. Убрать гадость верблюдь не позволял, урча от возбуждения; в итоге, надрав лыка с висельной осинки, девушка кое-как закончила курс лечения, обмотав колено и бок несчастного. Снадобье же она твердо решила назвать «горечавкой»: чавкать такое воистину горе!

— Ладно, — решил Бут-Бутан, понимая, что без этих двух красавцев Носатая теперь и шагу не ступит. — Ночуем здесь. А утром двинемся дальше. Дух Лучшего-из-Людей с нами!

— Я волшебник! — вдруг отчетливо произнес Мозгач Кра-Кра, разговаривая с отсутствующим обидчиком. — Я волшебник, а ты к-ко... к-кобыз вонючий. Я тебя сам убью. Встречу и убью. П-понял?

Если даже Алый Хонгр и понял, то не ответил.

* * *

Утро лезло за пазуху — греться. Меж деревьями ползала сырость, лаская мокрецов, слизнявчиков и прочую гадость. Сон бежал прочь, трясясь от озноба; вдогонку неслось карканье порхатых щебетлов, буянящих в кроне бананаса. Кра-Кра бормотал заклятья, безуспешно силясь разжечь костер. Оба верблюдя паслись в зарослях шалашовки, хрупая сочными бутонами. Оба?! Куриный Лев протер глаза. Подошел ближе. Верблюдь с повязкой слегка прихрамывал, но двигался вполне уверенно и, похоже, не испытывал особых неудобств. Ну конечно! Они ж Алым Хонгром вдребезги заколдованные, на таких зарастает, как на големе. Вернувшись к кострищу, парень извлек из торбы огниво и пришел на помощь Мозгачу. Магия вскоре дала результат: над «колодцем» щепочек и сухотравья взвилась струйка дыма. Заворочалась, зевая, Аю: ночью Куриный Лев укрыл девушку своей латаной кацавейкой, дав отоспаться в тепле.

Позавтракали остатками черствых лепех с чесночным мясивом, которыми снабдила их в дорогу сердобольная жена каменщика Джунгара. Запили ключевой водой. Бут-Бутан торжественно вознес хвалу Лучшему-из-Людей, призывая его милость на головы верных, и троица выбралась на дорогу. Вроде никого. Можно идти.

Позади громыхнул топот, треск, шуршанье, и из зарос-

лей выломились оба близнеца. Верблюди явно вознамерились следовать за путешественниками.

— В-все. Н-не отвяжутся, — горестно вздохнул Кра-Кра.

Бут-Бутан пожал плечами:

— Их за скотину держат, Мозгач. Тебе жалко таких?

— Ж-жа... ж-жалко. Очень. М-маг их б-бро-о...

— Вот именно. Бросил. Он и есть скотина, этот маг. Настоящая. И дюженник скотина. А эти... Они ни в чем не виноваты.

— ...б-бросил. Скотина м-маг! Только нам они з-з-ач... зачем?

— Затем! — яростно вступилась за близнецов Аю. — Вдруг на них грызлы нападут? Или горные гульдены? Кто их защитит? Кто пожалеет?!

— Ладно, пусть идут, — согласился Куриный Лев. — Дорога для всех...

К полудню добрели до развилки.

Как и на любом перекрестке, тут имелся здоровенный, грубо обтесанный валун-трюльник, украшенный высечкой: рунами древнего народа Маргиналов — бесов, одержимых свинством. Читать их письмена было опасно, но, к счастью, смысл рун затерялся в веках. Все и без смысла прекрасно знали, что написано на подобных камнях — хоть на трюльниках, хоть на четвертаках или вспятниках. А первую обязательную фразу: «Довлеет злоба дня сего...» — учили на память даже малыши из племени горемык-бедуинов, славных своей непроходимой мудростью. Хотя толку от этого знания не было никакого. Предупреждения древних давно утратили всякую ценность.

Великий Хлопчатобумажный Путь вел прямо. Широкий, наезженный и утоптанный тракт. Влево же змеилась подозрительная дорога, мощенная желтым кирпичом, исчезая в путанице холмов. О правом пути и вовсе речи не шло: так, тропа на водопой для агнцекозлищ, коих во множестве держали окрестные селяне. Вроде бы думать особо нечего: вали по тракту до самого Ла-Ланга и насвистывай! Однако Бут-Бутан колебался. Аю с Мозгачом смотрели на вожака, явно надеясь на откровение, посетившее Куриного Льва, а он никак не мог понять причину беспокойства.

Куда идти? Что делать? Кто виноват?..

Тяжкая лапа упала на плечо. Бут-Бутан вздрогнул, обнаружив возле себя раненого верблюдя. Гукая и тряся горбом, тот тыкал пальцем налево. Его брат-близнец уже двинулся в указанном направлении и теперь, обернувшись, приплясывал в нетерпении.

Впервые в жизни Куриный Лев понял: как хорошо, как прекрасно и замечательно, когда за тебя решают другие!

— Пошли! Желтый кирпич, говорят, к счастью...

Когда к дороге вплотную подступили холмы, обросшие брезгуном и чистоплюйкой, Бут-Бутан в последний раз оглянулся на оставленный тракт. У перекрестка гарцевал конный разъезд тугриков, поглощенный изучением трюльника. Человек десять. Вовремя свернули, благодарение Кривой Тетушке и Лучшему-из-Людей! Уберегли, милостивцы. Мысль, что, не будь с ними близнецов, тугрики скорее всего даже внимания не обратили бы на кучку оборванцев, Куриному Льву пришла в голову позже.

И ему без видимой причины стало очень стыдно за эту мысль.

Через три часа дорога запетляла заячьей скидкой, при этом ни разу не пересекаясь сама с собой. Близнецы обеспокоились, делая друг дружке быстрые знаки пальцами. Словно потеряли направление или сбились со следа, сомневаясь, куда идти. Куда? Это даже тупому хрычу ясно: вперед! Вперед верблюди двинулись неохотно, с опаской, ухая на манер мышкующих сычар. Кашлянул Мозгач, всхлипнула изумленная Аю: холмы по бокам стремительно лысели, прикинувшись яйцами орла-гордынника. По куполам бежали трещины: птенцы-исполины рвались на волю. Небо брызнуло радужными кольцами, потом обернулось стеклом: ломким, прозрачным, сверкающим. Отражения без числа, смешные и страшные подобия сущего, разбежались до горизонта, выгнувшего спину. Казалось, любое движение — и шутка бытия осыплется с хрустальным звоном.

Наваждение сгинуло еще быстрее, чем явилось.

— Ч-ч-чары! Я с-спасу! Я в-в-вооо...

— Надо вернуться!

— Нет! Вперед! Только вперед!

Куриный Лев и сам не знал, откуда у него такая уверенность.

Они побежали. Трудно, медленно, с усилием разрывая собственными телами паутину-невидимку, затянувшую пространство. «Лишь бы не явился паук, — навязчиво билось в

мозгу Бут-Бутана, грозя безумием, — лишь бы не паук, не надо паука, нельзя, у меня даже меча нет...»

Сверху рушились звезды — больно щекоча затылки, блестяшки жабами прыгали по кустам. На миг глянув вверх, парень захлебнулся тьмой. Чужое, жуткое небо растеряло все созвездия, почернев от нищеты и горя. Но желтый зверь солнца метнулся из засады, и двадцать следующих шагов Бут-Бутан бежал слепым.

Солнце!

Зерцало доспеха Лучшего-из-Людей.

Защити! Не дай сгинуть! Направь на путь...

Желтый кирпич дороги встал дыбом. Исчез. Подошвы сандалий предательски скользят по отполированному льду. Лед? Откуда?! Под ногами тает, хлюпает. Отчаянный рывок... Нет, не выбраться. Увяз по колено, и жирная топь лениво засасывает добычу. За спиной, размеренно и неумолимо, — лязг металла. Это идет Ржавый Лесоруб, воевода дружины Вержегромцев. Исконный враг Лучшего-из-Людей. Он узнал, что части вновь собираются вместе, он спешит, вострит секиру, топает вслед. Мог бы и не торопиться: трясина ничуть не добрее Лесоруба. Жалея свою молодую жизнь, Бут-Бутан прозевал момент, когда оказался в воздухе. Визг Аю, странно членораздельный крик Мозгача...

Далекая черта джунглей прыгнула навстречу!

Не сразу Куриный Лев сообразил, что лежит на плече одного из верблюдей, придерживаемый корявой пятерней. На другом плече скорохода обнаружилась Носатая Аю, судорожно вцепившись в горб обеими руками. Впереди мотался Мозгач, сидя верхом на втором верблюде — бывший раненый то ли был резвее брата, то ли двойная ноша лишала первого прыти. Близнецы, сопя и гулко всхрапывая, безошибочно скакали с кочки на кочку.

Вверх.

Дух захватывает: вот-вот верблюдь взлетит.

Вниз.

Сердце проваливается в пятки, но не в свои, а в могучие, широченные, ороговевшие пятки скорохода.

Ф-фух! Твердая земля. Вырвались, хвала...

— Отпустите! Опустите!.. Мы сами...

Куда там! Поудобнее умостив ношу, оба верблюдя галопом припустили по лесной тропе, словно за ними гнался целый выводок грызл. Бут-Бутан зажмурился: на такой скорости ветер резал глаза. Славные «ноги» они заполучили, ничего не скажешь...

Ноги?!

Эта идея настолько поразила Куриного Льва, что он забыл про ветер и открыл глаза. Охнув от увиденного: между облаками, оседлав крылатого коня, парила Солнечная Бой-Баба, приемная мать Лучшего-из-Людей и его вечная покровительница.

Знамение!

— За ней!

Верблюдь кивнул, чуть не сбросив парня, и прибавил шагу. Однако Бой-Баба по странной причине не приближалась, а, наоборот, отдалялась, несмотря на то что скакала по небу навстречу беглецам. Словно злобный насмешник бросал между ней и Бут-Бутаном все новые и новые расстояния. В конце концов крылатый конь скрылся из виду. Как парень ни выворачивал голову, ему больше не удалось увидеть всадницу.

IX. КОРОЛЕВСКИЙ ПУТЬ

> Поток сознанья... Господи, за что?! Филолога не вытравить железом, безумно, безнадежно, бесполезно — приставки «бес» тупое долото вгрызается в послушные слова — я в чем-то, несомненно, не права, но, завершая памятник себе, играю миру соло на трубе... на той трубе, что бледного коня обязана от века подгонять.
>
> *Мария Хамзина*

На вокзал ей ехать не пришлось. Альфред заказал билет по телефону, и вскоре молоденький курьер доставил заказ в гостиницу, где Польских остановилась. Лично в руки. С некоторых пор она весьма ценила такие приятные мелочи, в конечном счете создающие *отношение*. В «Нострадамусе», например, никому бы в голову не пришло озаботиться доставкой билета. Да что там билет: просьбу оплатить командировку постороннему, в сущности, человеку многие издатели сочли б оскорблением! Они и своим сотрудникам со скрипом... Вот потому в «Нострадамусе» нет ни одного рыцаря Ордена. Последний (он же первый) год назад в «МБЦ» перебежал, едва срок «вассальной присяги» истек. Рыцари — не

оруженосцы или, того хуже, кнехты. Не говоря уже о наемниках. Рыцари себе цену знают.

О пустом думаешь, королева. О деле думай.

Если уж решилась — поздно коней разворачивать.

Поезд в 21.30. Значит, выехать на вокзал надо максимум в 20.15. Четыре часа в запасе. Вещи собраны. Можно попытаться. Прямо сейчас?! Страх лизнул сердце черным языком и послушно сгинул, едва Царица Тамара нахмурила брови. Первые главы «Лучшего-из-Людей» она успела пролистать по дороге в гостиницу. Для начала — вполне достаточно. Влияния неявные, но есть. Причем в обе стороны. Правда, Польских еще ни разу не пыталась выйти через *хаотики* в растущий *локус*. Только в стабилизированные, законченные, куда тянулись ясные цепочки заимствований. Придется искать гроздья узлов, косвенные ориентиры, полагаясь исключительно на нюх. Все однажды случается впервые, да? Как потеря девственности?! Хотя с развитием хирургии...

Королева критически смотрится в зеркало. Как будто в *хаотиках* имеет значение, как она выглядит!

Имеет. Для нее — имеет. Где угодно. На улице. В вагоне метро. В купе поезда. В номере отеля. В *хаотиках*. По большому счету, Тамаре Юрьевне безразлично мнение окружающих, но для себя... Кокетничаешь, ваше величество? Играешь в самодостаточность?! Играю. С переменным успехом. Даже у царствующих особ есть свои маленькие слабости. Не так ли?

Через пятнадцать минут она осталась почти довольна увиденным. Увы, «почти» — обыденное состояние в ее возрасте.

Смирись.

Польских извлекла из сумочки миниатюрный будильник, который всегда возила с собой. Выставила на 19.45. Снотворное принимать раздумала: заснем без допинга. Конвент вымотал до предела. Теперь — главное. Истрепанный «покет», старое издание «Последнего меча Империи». Еще под псевдонимом «Джимми Дорсет» — тогда печатали одних «варягов». Раритет. «Покет» она бесцеремонно реквизировала у Альфреда. Потом вернет.

Или не вернет.

Оставит на память.

Так, заключительный штрих. На свет явилась статуэтка из бронзы: Пегас расправил крылья, везя к небу нагую амазонку с кривым клинком в руке. Лицо «десант-фемины» было мрачнее тучи. Вот уж кто ничуть не радовался грядущим битвам. Приз с ливерпульского «Fantasy-Con», талисман Польских. Боже, как давно!.. Восемь лет назад. Сколько раз Пегас с амазонкой выручали хозяйку! Потрудимся снова, леди и джентльмен? В *хаотиках* любой артефакт — пустышка. Но в *локусе* Снегиря... Полную силу талисман обретает лишь в авторских творениях рыцаря, но даже минимальная помощь не будет лишней.

Ты готова, королева?

Она легла на идеально застеленную кровать поверх покрывала и раскрыла «Последний меч Империи».

Наугад.

Впервые это случилось с Тамарой Юрьевной через девять месяцев после завершения кризиса. Купаясь в эйфории свободы, наслаждаясь покоем, решила перелистать одну из своих книг. По странному стечению обстоятельств вот эту, «Последний меч...». Задремала с книгой в руках — и с криком отчаяния рухнула в липкую бездну, знакомую до оскомины во рту, в кошмар, притворявшийся мертвым.

Проснулась среди ночи в холодном поту. Ворочалась до утра, опасаясь даже на миг сомкнуть веки. Боялась, что все опять вернулось, что теперь ад хаоса, детище толпы наивных, ничего не подозревающих оруженосцев, больше не отпустит королеву.

Однако следующая ночь прошла спокойно.

И еще одна.

И еще.

Когда она наконец обрела способность рассуждать здраво, догадка пришла сразу. Но догадки следует подтверждать опытами, и Польских рискнула. Рука дрогнула, потянувшись к книжной полке. Гладкий, блестящий корешок под пальцами. «Закатный прилив».

За эту книгу ее наградили в Ливерпуле.

...С тех пор она не перечитывала своих книг. Знала ужасный итог. Сейчас взгляд скользил по строчкам, как пальцы слепого по тексту, набранному методом Брайля, а Тамара Юрьевна удивлялась самой себе. «Королева спешит на помощь» — название для «мыльного» сериала. Ты женщина, а не Великое Дао, которое никуда не торопится, но везде успевает. Ты...

Я.

Да, Влад Снегирь — мой «крестник». Но у королевы есть личный счет к твари, искалечившей ее жизнь.

«Словоблуды! Никто по-настоящему назвать не может. Книжный я Червь! Книжный!»

Сосредоточенное, строгое лицо амазонки вдруг проступило сквозь подушку. Взгляд содрал строки со страницы: в глубь, в омут, разбрасывая ряды черных значков-копьеносцев, раздирая сеть бумажных волокон, дальше, дальше — воздух в груди иссяк, и пришло удушье...

* * *

Рваная ткань хаоса приняла королеву в себя. Как обычно, в первый миг погружения она не смогла подавить невольный крик, ощутив жадные касания сотен рук, тянувших добычу в омут. Ее окружало противоестественное вожделение, похоть недовоплощенцев, стремящихся тронуть, схватить, слиться с единственным островком стабильности, каким мнилась им королева. Нельзя долго оставаться на одном месте — иначе они сведут ее с ума. Двигаться! Обязательно двигаться! Сквозь взаимопроникающие обрывки чужих *хаотиков*, сквозь меняющую плотность — плотскость!!! — эфемерную среду, где иллюзии и комплексы подсознания перемешаны с големами бреда и сном разума еще не вышедших в тираж оруженосцев, где твердь зыбка, а влага жгуча, где ориентиры — болотные огни, души младенцев, убитых матерями, ведущие неосторожного путника в топь...

Ложь! Ориентиры есть.

И Тамара Польских — не просто путник в ночи.

Призрак, содрогающийся от тяжести тела, она ринулась наугад в поисках узлов влияния. Всякий оруженосец, в большей или меньшей степени, сознательно или инстинктивно заимствует что-то у рыцарей Ордена, вплетая нити в ткань своих *хаотиков*. В таких местах возникают узлы влияния, цепочки, напоминающие письма индейцев, дорожки в стабилизированные *локусы*, откуда произошло заимствование. Королева обнаружила это случайно, когда, порвав с Орденом Святого Бестселлера, стала еженощно попадать в этот ад. Наверное, ей просто повезло, что она не обезумела раньше. На грани помешательства Польских училась искать узлы влияния, идти по цепочкам, проникать в *локусы* рыцарей — рассудок висел на волоске надежды, и однажды кошмар закончился.

Если бы кто-то сказал королеве, что она по собственной воле рискнет заново окунуться в пережитое, она загрызла бы шутника насмерть.

У тернового венца —
Ни начала,
Ни конца.

Она шла, бежала, плыла, протискивалась сквозь зыбкие структуры, пожирающие друг друга, чтобы рухнуть и вновь возникнуть из ничего, засасывая жертву в круговорот дикого формотворчества. Из бездны космоса выросла многомильная громада корабля — королева пошла насквозь, через переборки и отсеки, мимоходом замечая рваные пробоины в обшивке, мерцание экранов, мумифицированные трупы с лицами горгулий. Впереди беззвучно полыхнула серия ослепительных вспышек; тени в скафандрах, с многоствольными орудиями убийства наперевес; разряд плазмы прошил ее насквозь, ошпарив кипятком боли. Дальше! Дальше!.. Рядом возник некто в угольно-черной броне, с мечом в деснице: «Дозвольте проводить вас, леди, вам здесь не место...» Ответить она не успела. Упавший сверху демон, весь зубы, когти и кожа крыльев, принялся с визгом рвать черного воина в клочья, давясь пластинами брони, — а королева уже шла дальше, не оглядываясь.

Стена крепости уходит в грозу. Замшелые камни, ряды парапетов; с башни гремит сигнал трубы. Стена оказывается неожиданно твердой, королева больно ударяется щекой, грудью и правым коленом. Сверху льется смола — вязкая, огненная! — выжигая глаза. Королева слепо бредет прочь, в обход негостеприимного замка, глазницы медленно наполняются видениями, похожими на слепоту, а вместо жара наползает смертный холод: она тащится по ледяной пустыне, усеянной торосами, похожими на руины... Так и есть! От бывшего дома, обглоданного дочиста, щелкает выстрел, второй, третий, и стая мохнатых богомолов, рыча и подвывая, выскакивает на лед. За ближайшим тянется кровавый след.

Шаг.

Другой.

Скользкая опора уходит из-под ног. Кругом — вода. Вез-

де: сверху, снизу, по сторонам. Женщина барахтается в толще жидкого стекла, видя, как из глубины близится хищная тень. В *хаотиках* нет смерти, но угодить в пасть мегалодона, окажись он достаточно плотским, сомнительное удовольствие. Тень обволакивает добычу (королева видит пульсирующие внутренности акулы-гиганта); кажется, на спине чудовища, за треугольным плавником, примостился человек...

Под ногами — болото. Ноги по колено уходят в хлюпающую жижу, звенит мошкара, кто-то ворочается в сумраке чащи, ворчит, кашляет... Что-то знакомое! Надо вспомнить, обязательно вспомнить. С трудом выдирая ноги из цепких объятий трясины, она добралась до кочки, заросшей диковинными глазастыми соцветиями на коленчатых стеблях. Ну, подлец! Ну, оруженосец чертов! Спасибо за подарочек! — только нельзя же так в лоб сдирать: Влад Снегирь, «Гуляй полем», глазунья крестоцветная.

Узел влияния.

Однозначно.

Королева деловито оглядывается в поисках цепочки. Тропинка, ведущая в чащу, к скрытому ворчуну-проглоту? — никаких прямых ассоциаций, но, раз тянет, надо идти. В *хаотиках* следует доверять чутью. И это хорошо, что она больше не видит прямых заимствований. Значит — общий дух, настрой, косвенные повороты сюжета. Так проще выйти...

Туман пахнет горящей лавандой. Ветки больно хлещут по лицу. На обочине пустыня сменяется футуристическими громадами из искрящегося сине-зеленого металла. Вдалеке — пики гор, забинтованные снегами. Палят из автоматов, свистят стрелы, слышится звон мечей, шум моторов и песня «Если кто-то кое-где...». Над головой, утробно хрюкая, барражирует дракон с нежно-лиловым брюхом. Вперед. Дальше. Уже не обращая внимания на смену декораций: яд-пыльца живородящих тюльпанов, сфинксы, изрыгающие загадки, философы-скорпионы, пара беговых горбунов несет по болоту троих подростков, конный разъезд мчится прочь от камня на распутье...

Королева напоминает гончую, взявшую след.

Очередной поворот тропы. Сквозь джунгли, наслаиваясь и колебля пространство, является город. Каменные здания, крытые полосатой черепицей, соседствуют с лачугами на сваях. Крыши у всех сооружений странные. Трехскатные...

Есть!

Набат ворвался в уши трубой Рагнарека.

...На столике надрывался будильник.

Пора на вокзал.

Королева со всхлипом вздохнула, стряхивая оцепенение. У нее оставалось еще полчаса, чтобы окончательно прийти в себя.

X. ХОККУ «ЛЮБУЯСЬ ДЕТЬМИ, ПОСТИГАЮ ИСТИНУ»

Один малыш, ровесника заставший
За чтеньем «Колобка», спросил, напыжась:
«Попсу грызешь?»

XI. ЧИЖИК-ПЫЖИК, ГДЕ ТЫ БЫЛ? — В ДВУХ ЧАСТЯХ ИЗ ЧИСТОЙ ВРЕДНОСТИ

Почему мир физический, природный, где приходится пулять-шмонать-колотить, для многих более интересен, чем мир внутренний, где, по большому счету, можно создавать собственную реальность?! Не потому ли, случаем, что у них самих внутри остался лишь кусочек, ошметочек когда-то бессмертной души, которой на физические действия, может, еще хватит, а вот на что-то большее — увольте...

Из личной переписки В. Снегиря

Часть первая (плагиат, постмодерн, психоделия и еще что-то на букву «П»)

— Вот так скотина! Добрые люди кровопролитиев от него ждали, а он Чижика съел!

— Risum teneatis, amici![1] Чижика съел!

— Дурак! Его прислали к одному знаменателю нас приводить, а он Чижика съел! — Бурбон стоеросовый! Чижика съел!

— Не верю, штоп сей офицер храбр был; ибо это тот самый Таптыгин, который маво Любимова Чижика съел!

---

[1] Возможно ли не рассмеяться, друзья! (*лат.*) Из послания Горация Пизону и его сыновьям («Наука поэзии»).

Мотая головой и смиренно ожидая, пока вся эта салтыково-щедриха, — прости засранца, Михал Евграфыч! — распоясавшаяся исключительно в моем скромном рассудке, стихнет, размышляю о сне разума, рождающем красавиц и чудовищ. Перевозбужден, огорошен, отморожен, а также, в ожидании припав к стопам фортуны, вожделею малого, ибо покой нам только...

Так.

Похоже, традиционно белый хорей скончался в муках. Уступив место выродку по имени Возвышенный Штиль. Что говорит о помутнении сознания. А поскольку лишь в бреду можно заняться лирическими (пейзажными, философскими, краеведческими и пр.) отступлениями, презираемыми читательской массой, взалкавшей динамики сюжета, и осуждаемыми критической популяцией, то — занимаюсь.

В смысле, отступаю.

Однажды все случается впервые. Вот и я впервые понял, что бывает, когда неумелый автор ведет-ведет текст от первого лица, а потом вдруг возьмет, поматросит и бросит до второго пришествия, упиваясь повествованием иного, скажем прямо, дурного толка. Стилизация, персонификация, красоты-высоты, то да се... Первое же лицо (узнаете? а без галстука?!) тоскует, рвется в дело, но, жертва произвола и кривой архитектоники, опутано наркозом и происками стиля, вынуждено прозябать в безвестности, в пыли сундука, ожидая, пока шалопай-кукольник сподобится вынуть пыльную марионетку, заявив urbi et orbi, сиречь городу и миру:

— Се герой!

Вынули.

Заявили.

Ну и? — ну и не и...

Конец отступлению. Вперед, на амбразуру!

Часть вторая
(художественная, хрестоматийная и еще какая-то на ту же букву)

— Как вы себя чувствуете, Владимир Сергеевич?

У ног доверчиво извивалась лиана арктической пальмы, притворяясь удавом-вегетарьянцем. Вокруг было зелено и душно. Цвели манго, колосились авокадо, кустились карамболи, пчелы вгрызались в кокосы, желая млечной пыльцы, а в двадцати шагах от меня волхвы-старообрядцы мучили связанного хуанодона, верша Зов Плодородия. Бедная рептилия всячески возражала, принимая облик самцов разных видов — так хуанодон вторгался в доверие к наивным самкам, подкидывая свои яйца в чужие гнезда, — но волхвы были беспощадны. Дряхлые, седые, сплошь в морщинах-складках, они разделись донага, возбуждая пленника словом и делом, и я мельком посочувствовал хуанодону. Единственная дама из их компании сидела рядом со мной: праматерь Ева на пенсии.

Обнаружив, что и сам гол как сокол, задумался о геронтофилии.

Нет. Не склонен.

— Владимир Сергеевич, с вами все в порядке?

— Уйди, старушка, я в печали! — От Михал Евграфыча ненавязчиво перебираюсь к Михал Афанасьичу, но волхвица не оценила.

— Я врач, я хотела бы знать...

— Психиатр? — догадался я.

— Анестезиолог. Меня зовут Мария Отаровна. Фамилия Френкель.

— Очень приятно. Чижик В. С. Но к чему такой официоз между двумя нагими индивидуумами?

— Чтобы потом, если захотите, вы смогли заявить на меня в милицию. Это я вас похитила.

Мама в детстве учила меня: женщин бить нельзя. Выучила, к сожалению. Можно, нужно, а детские комплексы вопиют: не трожь. Впрочем, одни комплексы не справились бы со Снегирем, к которому вернулась память, но к ним подключились мораль, этика и прочие защитники прав человеческих. Единственное, что я себе позволил, — это смиренно переспросить:

— Как-как, говорите, вас зовут? Малярия Катаровна Фурункель?

Старуха-разбойница даже не обиделась. В пальто и шляпе, подсаживаясь в машину к доверчивому пииту, она выглядела куда импозантнее, чем сейчас: толстая, рыхлая, без малейших остатков былой красоты, как выразился бы создатель «Купели Купидона-2», эта Малярия лишь во взгляде — иссушенном и упрямом, как дорога на Голгофу, — таила железную основу.

Анестезиолог? А с виду — типичный патологоанатом.

— У меня внук в коме. Я не оправдываюсь, Владимир Сергеевич, я информирую. Здесь же один... человек обещал спасти Антошу. Если я сведу его с вами. Бывают ситуации, когда хватаешься за соломинку.

По-хорошему сейчас старуха должна была уронить слезу. Не уронила. И говорила ровно, без интонаций, будто лекцию читала. Поодаль снова взвыл хуанодон, угнетаемый волхвами, — трое дедуганов на миг вышли из фальш-медитации, заинтересованно поглядывая на нас, но мне было не до их забав. Трагифарс — опасный жанр. Безумный. Убийственный. Шаг, другой, — и потом, мучаясь в ледяной геенне, сгорая в сугробе, тщетно мечтать о банальности драмы или пузырьках комедии. С трудом поднявшись на ноги и отчетливо хрустнув коленями, врачиха направилась к грубо отесанному алтарю. Наготу она несла, словно усталый знаменосец — полковой стяг: скучно, равнодушно. Еще пара волхвов отвлеклась от рептилии, готовой сдохнуть, но устоять против искуса; остальные продолжали не покладая рук.

— У меня здесь дача. — Мучаясь одышкой, она шарила под камнем. — В смысле, там, а не здесь... Ну, вы поняли. Мы договорились заранее... выяснили соответствие места... Он обещал, этот... у него странное имя. Я бы не хотела иметь такое...

— Странное? Хун-Хуз? Бут-Бутан?!

— Нет... спутники зовут его Нежным Червем. А он смеется: Книжный, мол!.. Обещал положить под этот камень...

Закашлявшись, Малярия Катаровна выволокла на свет божий добычу — малый тючок.

— Одежда. Прошу вас, Владимир Сергеевич...

Самой ей было все равно — одета, раздета. Настолько все равно, что я вздрогнул. Когда человек подносит к глазам чайное блюдце, близко-близко, то блюдце способно заслонить весь мир. А тут не блюдце — внук. Натягиваю шаровары, рубаху, подпоясываюсь ярчайшим кушаком, достойным павлина. Червь, кто бы он ни был, не поскупился: видать, очень заинтересован в моем благорасположении.

Подходит волхв, наистарейший из кощеев.

— Увы, — вздыхает он, кивая на угасшего хуанодона и глядя на меня так, будто мы сто лет знакомы. — Не вышло. Совокупитесь, а? Иначе злаки не взойдут обильно. Ну что вам стоит?!

Трагифарс.

Муки Святого Бестселлера.

— Рассказывайте, — говорю я старухе. — Все рассказывайте. С начала.

* * *

— Ну и зачем надо было устраивать весь этот киднепинг?! Подсадка, шприц... Подошли бы по-человечески: так и так, беда, помогите... Что ж я, зверь?

— Извините. Я не могла рисковать. Ни один нормальный человек...

— Здесь вы правы. Хотя нормальный — это не про меня.

— Вы в милицию, ладно? Как только все закончится, вы сразу в милицию заявите. Хотите, я вместе с вами пойду? Напишете заявление: сумасшедшая бабка, рехнулась... Костя сказал: про него тоже можно писать. Константин Георгиевич Масляк, санитар, наркоман... В милиции поверят, раз наркоман. А про Леночку не надо, очень вас прошу. Она милая девочка, жалко жизнь ломать. Антошу любит...

— Да вы что, на самом деле рехнулись?! Дура старая!

— Владимир Сергеевич, не кричите, пожалуйста... мне и без вашего крика тошно...

— Доктор, милая! Атаманша вы моя! Поймите: у меня *процесс, каждый день на счету!.. Ах, ни черта вы не поймете, я сам скоро в дурдом сдамся. Какое сегодня число?*

— У нас? Двадцать пятое, вторник.

— Вторник? Почему вторник? Я в понедельник приехал!

— Вы почти сутки спали. Я боялась после «коктейля» сразу наркоз давать.

— Господи! Спал? А почему мне Ла-Ланг не снился?!

— Н-не знаю... А что, должен был сниться?

— Это Гобой химичит! Точно, Гобой! Фрагменты публикует, контрабас хренов!

— Владимир Сергеевич, вы в порядке?

— В порядке я! У меня времени мало, вы это понимаете?!

— Понимаю... у меня тоже мало...

— Ну и где он, ваш Червь?! Ваш Нежный?!

— Я здесь, Влад. Не надо кричать.

Испуганно перешептывались волхвы, укрываясь за стволами вековых, кряжистых берданов. Сопели, уморившись от бега, вооруженные люди, числом не меньше дюжины. Румяный парнишка кинулся к бабушке. Врачиха просияла, ожи-

ла, стала неловко гладить плечо внука, что-то шепча и показывая на меня. При виде парня я слегка расслабился, успокоился, не видя для успокоения никаких причин — и тем не менее... А напротив, доброжелательно улыбаясь закрытым ртом, стоял он.

Книжный.

Нежный.

Червь.

И пусть мои книги сгниют в букинистике, если мы не были чем-то похожи!

— Я вас именно так и представлял, Влад. Облик рыцаря можно составить, имея представление о *кляксе*. Безалаберный, но жизнеспособный. Остряк, но тонкости лишен. Увлекателен, но неглубок. Романтичен, но без пафоса. Мастер интриги, хромает в подтексте: скатываясь в штампы, успевает застрять на краю. Короче, истинный рыцарь, без страха и упрека. В Ордене таких большинство.

Он был гибкий, розовый и обаятельный.

Словно только что со страниц Оскара Уайльда.

— Ну как, Влад? Потолкуем по душам? Высокие договаривающиеся стороны придут к соглашению?

— По душам — это значит в присутствии конвоя? — кивнул я на дюжину сопровождающих. — Кто такие? Камердинеры? Гувернеры? Доброжелатели?

— Лучники, Влад. Просто лучники.

— А где их луки?

Он шагнул ближе, сразу оказавшись вплотную. Запах мускуса. Блеск глубоко посаженных глаз: две поздние вишни, темные-темные. Складка между бровями похожа на букву «W».

— А это у тебя, дорогой рыцарь, спросить надо: где их луки?

И я понял, о чем он.

Стыдно.

Ох, до чего же стыдно!..

Книжный Червь присел на травку, скрестив ноги немыслимым образом. Мигнул обезлученным лучникам: прочь шагом марш! После глянул на врачиху: занятая тихим разговором с внуком, старуха не интересовалась нашей беседой. О волхвах и речи не шло: слишком далеко прятались.

— Давай начистоту, рыцарь. У тебя *процесс*. Думаю, впервые. Иначе ты бы не допустил такого бесконтрольного развития. Ты заинтересован в скорейшей консервации *процесса*, но по каким-то причинам не делаешь этого обычным способом. Не подписываешь контракт, например. Не торопишься закончить текст. Или еще что... Но ты должен, обязан, не можешь не знать, если вышел в тираж: этот случай у тебя первый, но не последний. Я доходчиво излагаю?

— Не то слово. Прямо в душу льешь.

— Иронизируешь? Это правильно. Какой у тебя нынче круг? Третий? И на подходе четвертый?! А там начнется лавина: смешенье кругов, форсаж взаимовлияния... Влад, тебе кто-нибудь объяснял, что это значит?

— Не объясняли. Ждали, пока ты объявишься.

— Теперь дерзишь. Мне нравится. Чувствуется характер... Так нам будет легче договориться. Хорошо, я объясню.

Червь снова улыбнулся, на сей раз не смыкая губ.

У него были очень плохие зубы.

XII. УЕЗДНЫЙ ГОРОДОК N, или ДЕВЯТЬ КРУГОВ КАРУСЕЛИ

Не нравится мне этот Снегирь, причем категорично.

Недавно сошлись с одним продавцом книг в том, что он наверняка курит травку. Продавец сказал: «Без анаши хрен разберешься. Нельзя такое написать, будучи в ясном уме и трезвости...»

Из выступлений на форуме «Творчество В. Снегиря»

В уездном городке N было три достопримечательности: особняк князей Мозгляк-Петровичей, по четным дням арендуемый «Фронтом Национального Спасения», а по нечетным — ЦИК Житомирского раввината, далее конная статуя на площади Свободомыслия, изображавшая вышедшего к Херсону матроса Железняка, и, наконец, известный литератор X, мастер космической оперы, проживавший в доме номер шесть по тупику им. НТР. Гостям и туристам, сдуру оказавшимся в N, сперва показывали особняк, затем статую, литератора же не показывали вовсе, по причине занятости и редкой вменяемости последнего. Так, бросали вскользь, ведя добычу мимо книжных россыпей, безмерно уродившихся в

этом году: «Наш земляк! Можем, знаете ли, собственных Платонов и быстрых разумом тевтонов...»

Так и жили.

Дети бегали в школу мимо особняка, стреляя по кариатидам горохом из трубочек, голуби обильно гадили на бронзовую бескозырку Железняка, N-цы мерили бытие аршином перекуров и перерывов, бабы мимоходом рожали, мужики скупо платили алименты, предпочитая пиво, а в далекой тайге тем временем гектарами вырубались деревья, дабы крупное столичное издательство могло удовлетворить потребности масс в трудах литератора X.

Первым пострадавшим стал мэр.

Если не считать литератора, но тот, занят и невменяем, молчал.

Отдавшись в руки дантистам-вредителям из стоматкабинета «Турбина» и очнувшись после общего наркоза (их превосходительство очень боялось мук...), мэр поведал дома жене страшную историю. В истории фигурировал Главный Иноплатенян (армянин?), а также его подручные-киборги с антеннами и плоскими ушами, которые терзали голого мэра с целью выведать у него способ проникнуть на их секретную базу, минуя нейтрон-засовы и нейтрин-замки. Супруга внимательно выслушала благоверного, угостила рябиновкой, налила по второй и дала совет не срамиться. Видимо, супруги иных пострадавших, кто терял сознание в те роковые дни, попадая в щупальца Главного Иноплатеняна, дали любимым аналогичные советы, — ибо дети стреляли горохом, голуби гадили, бабы рожали, а пиво текло рекой.

Редкие же счастливчики, рискнувшие поведать друзьям о виденьях постапокалипсических, оперо-космических и научно-фантастических, наслаждались честно заработанной славой.

На исходе третьей недели после явления мэра в злополучную «Турбину» можно было наблюдать меж N-цев странную картину. Заспанные обыватели, выходя утром на работу, чесали в затылках и морщили куцые лбы, словно пытаясь вспомнить зыбкий сон, но склероз одолевал. Тем не менее лица горожан (иногда втайне даже для обладателей оных лиц) выражали смутный ужас и омерзение, вызванные ночными кошмарами, а центральный кинотеатр «Луч света» безнадежно пустовал, хотя дирекция весьма рассчитывала на

стереоверсию «Чужих-9». Расход пива вырос втрое, отчего пришлось ввозить кеги темного «Аввамелеха» и светлого «Опанаса» из губернского центра Z, рождаемость упала, а дети очень серьезно играли в «Глав. Иноплатеняна», прогуливая уроки и называя трубочки для гороха «бластерами». Трезв и безумен, литератор X бегал по улицам и площадям, пугая собак истерическими воплями, но карусель продолжала вертеться. Ибо в далеком столичном издательстве, заведовавшем вырубкой лесов и посевом разумного, доброго, вечного, некий «Особый отдел» прошляпил, проморгал и прозевал выход в тираж маститой N-ской достопримечательности.

Часы брезгливо крутили стрелками, банка дня громыхала, привязанная к хвосту кошки-ночи, и наступил срок, когда граждане перестали судорожно вспоминать сны, потому что вспомнили. Рождаемость прекратилась. Кинотеатр закрылся на ремонт. Горох застрял в трубочках. Пиво — в глотках. Письма в администрацию президента результата не возымели. Мэр подал в отставку. Люди бродили от княжеского особняка к статуе революционного матроса, натыкаясь друг на друга, и в глазах мещан чернота дальнего космоса освещалась вспышками лазеров, в умах кишели злобные киборги с антеннами, плоскими ушами и дурным характером, а в сердцах кипела тоска по рутине привычных будней, доводя слабонервных до инфаркта.

Колокол звонил по уездному городку N.

Литератор X пил горькую, не в силах закончить очередной том «Саги о Форсаже».

Наконец в самом начале тупика им. НТР под пирамидальным тополем объявился Главный Иноплатенян собственной ксеноидной персоной. Голый, пупырчатый и возбужденный: Грозе Галактики минутой раньше попало по затылку лопастью от звездолета, отключив три мозжечка из двух. Так начался пятый круг, а поскольку звездные войны кишели бессознательными бойцами, то в уездном городе N вскоре стало не продохнуть от незваных гостей, окрещенных в народе «татарами». Вторженцы мало интересовались статуей и особняком, литератором X они не интересовались вовсе, на шестом круге их орды усилили спящие роботы, центуриянедвоякодышцы и галактические рейнджеры, улицы перегородили баррикадами, лаборантов вкупе с инженерами снимали с работы, бросая на отлов нагих психов-мутантов, милиция

работала в три смены, психиатры — в четыре, морг нанял дополнительно двадцать восемь служителей, администрация президента прикидывалась глухой, а карусель продолжала вертеться.

Седьмой круг — сохранение памяти у спящих *оттуда* — пролетел бумерангом. Вернувшись кругом восьмым: N-цы и аборигены «Саги о Форсаже» начали мотаться туда-сюда в скафандрах и пиджаках, у кого что было, а также крепко держа в конечностях бластеры, «макаровы», городошные биты и трубочки для гороха. Пришло время для перемещения материяльных ценностей. Пожалуй, дойди дело до девятого, последнего круга, когда начинается, говоря научным языком, смешенье географии и космос вакуумным удушьем прорастает сквозь особняк князей Мозгляк-Петровичей, статуя матроса вспучивает пол в здании Галакт-Совета, а лед астероида Шпицбергена накрывает площадь Свободомыслия, торосами уходя в сторону рабочих окраин, — мы бы никогда больше не вспомнили про уездный городок N по причине отсутствия такового.

Но далекое столичное издательство успело вовремя.

К концу года в N осталось всего две достопримечательности.

Литератор X перебрался в столицу на ПМЖ.

XIII. ЧИЖИК-ПЫЖИК, ГДЕ ТЫ БЫЛ?
(продолжение)

Мне велено блюсти закон природы,
Мне сказано, что я и мир — финитны.
Я потрясаю третьим измереньем
Как стягом, архаичным и потешным.
Все чудится, что в небе есть воронка.
Все видится в круговороте притча.
Все кажется, что я вот-вот прозрею
И распахнутся сны мои для света.

Владимир Бычинский

Смешно? — спросил Червь.

Нет, сказал я. Не смешно.

Это да, согласился Червь. Это ты прав. Хотя я старался. Так они что, в самом деле умолчали о кругах? Зря, зря... Рыцари доверчивы, как дети, нам иначе нельзя. Ты бы тоже поверил. Или, на худой конец, запомнил.

Как ты называешь это? — спросил я. То, что вокруг. *Клякса*?

Не нравится? — хихикнул Червь. Ясное дело, не нравится. *Клякса* и есть. А ты уж губу раскатал: демиург, блин... Сперматозоид ты, а не демиург. Думаешь, в тебе, красивом, дело? Самый талантливый, самый умный, самый-самый? Шиш тебе, Снегирю. Популярный ты. По-пу-ляр-ный. В тираж вышел. И вся петрушка. Вот, смотри: травка растет. Как называется?

Не знаю, сказал я.

Птичка на ветке поет. Как называется?

Не знаю, сказал я.

Какая страна за морем лежит?!

Не знаю.

Вот, улыбнулся Червь, не стесняясь плохих зубов. Не знаешь. И не должен знать. Потому что сперматозоид. Не ты делаешь — тобой делают. Тысячи, десятки тысяч, сотни... Они ждут, жаждут, мечтают о дне, когда ты в очередной раз позволишь им убежать из серой цитадели будней. Их жажда клубится над тобой, брызжет молниями, наливается мукой предвкушенья. Носится над водами, объявшими тебя до души твоей. И *клякса* однажды падает в пустоту. Начинается. Возникает. Чтобы навсегда отторгнуться и от тебя, и от них, жаждущих, когда книга упадет на прилавок. Дальше формирование идет самостоятельно. Рыцарь, твое первое появление здесь — одна из фаз зачатия. Как ты погиб при этом?

В первый раз меня разорвали собаки, сказал я.

Так всегда. Рыцарь погибает, едва возникнув в *кляксе*. Это закон. Не знаю, почему, но без этого клякса не сохнет. Потом — по-разному, потом гибнуть уже не надо... И не кричи, пожалуйста. Я понимаю, это трудно: с облака в дерьмо. Ты даже не представляешь, как хорошо я тебя понимаю. Филология?! — нет, логофилия. Извращение. Болезнь. Все логофилы, все: пассивные, активные... всякие. Вышедшие в тираж рыцари, гордость Ордена Святого Бестселлера. Оруженосцы, близкие к выходу. Кнехты — толпы безвестных словолюбов, пускающих слюни от вожделения. Наемники, сбегающиеся под знамена очередного литзаказа. И читатели: многие, имя которым — легион. Не ведающие, что творят. Ты любишь читателей, рыцарь? Нет, правда, любишь?! Когда

стоишь на людной площади без штанов — любишь? Под жадными взглядами, под липкими пальцами?! Под гильотиной?! Можешь не отвечать. Я же сказал, что понимаю тебя.

Понимаешь, кивнул я, успокаиваясь. Допустим. И чего же хочешь?

Помочь. Смотри, я раскрываю карты. Ты заинтересован в консервации *процесса* с твоей, рыцарской, стороны. Я заинтересован в продолжении *процесса* с моей, червивой, стороны, потому что в высохшей *кляксе* мне нечем дышать. Или питаться, если так яснее. Наши интересы можно совместить.

Ты знаешь, как? — спросил я. Дышать и впрямь было трудно. Мне казалось, что я начинаю чувствовать подобно ему: *клякса* сохнет, и я задыхаюсь.

Знаю, сказал Червь. Тебе надо убить главного героя. Кто там у тебя главный? С которого началось?

Бут-Бутан, сказал я, нервно хихикая. Куриный Лев. Зачем мне его убивать? Лучше я о нем дальше напишу. Тома на три. Сейчас сериалы в моде.

Напиши, согласился Червь. Тома на три. Здесь убей, а там напиши. Как о живом. Приключения, подвиги, юморок. Бут-Бутан и Проклятье Королей. Бут-Бутан и Призрак-в-Опере. Бут-Бутан и Семеро Козлят. Главное: здесь — убить. И чтоб непременно ты, а не кто-то другой. Не бойся, я помогу. Я рядом. Этот гаденыш сюда идет. Я чую, я такие вещи всегда чую. Он придет, мы его схватим, и ты его убьешь. Тебе как лучше? Ножом? Копьем? Столкнуть со скалы? Отравить? Не бойся, мы его подержим. Это пустяки — убивать. Ты их сотнями мочишь. Тысячами. Одним больше, одним меньше...

Ты псих? — спросил я.

Не кричи. Рыцарь, я предлагаю тебе выход. Убей главного героя здесь, вернись и продолжай писать о нем как о живом. Три тома. Четыре. Сколько угодно. И *процесс* свернется, как кровь, выступившая из пустячной царапины. Сразу. Будешь спать спокойно. Все время, пока станешь о мертвом писать как о живом, будешь спать спокойно. Словно младенец. Твоя жизнь — единственная реальность. А это — *клякса*. Убей и уходи. Позже, когда начнешь делать новую *кляксу*, найди меня. Или мне подобного. Второй раз легче: убить и уйти.

А тебе? — спросил я. Тебе-то зачем смерть главного героя? Зачем — чтоб обязательно я?!

Надо, сказал Червь. Тогда я смогу здесь дышать. Долго.

И тут я понял, что, продолжая разговор в том же духе, сойду с ума.

* * *

Ветер дул от Грязнухи, освежая лицо.

— Думай, — согласился Книжный Червь, подслушав мои сомнения. — Только ты здесь думай. Тебе — времени больше, мне — спокойнее. Ищи тебя, свищи... А еще вот о чем подумай, рыцарь. Я под твой залог парню помочь обещал. Вон тому, румяному. Антоном звать.

Малярия Катаровна с внуком, словно статисты на премьере, ожидающие ключевой реплики героя-резонера, разом обернулись в наш адрес.

— Не вытащат лекаришки парня. А я вытащу. Отсюда. С твоей помощью. С какой? Ну, ты мальчик большой, умный, все слышал, все понял. Думай, рыцарь, крепко думай. Сутки у тебя точно есть. Может, больше. А дальше...

— Что — дальше? Если не надумаю?

Ну-ка, чем ты мне угрозить решил?!

— Не надумаешь — проснешься, вскочишь на резвы ноги, дальше жить побежишь. *Кляксы* клепать. Автографы, гонорары... Профессорша внука похоронит, отплачет над могилкой — тоже пустяки, дело житейское. Бывает. Думал, адскими муками тебя пугать стану? Чтоб ты гордо встал в позу? Героем себя почувствовал? Великомучеником? Не дождешься! Это в твоих опусах герой на злодее верхом сидит и магом погоняет. Век бы их, сволочей... А в жизни куда проще выходит. Решай, рыцарь. Давить не буду. Сам выбирай. Кто тебе дороже: герой, криво придуманный, или живой человек?

Легко ему, Нежному: думай! решай! Вот ведь вляпался. Конечно, Цып-Львенка я никогда всерьез не воспринимал. Даже как персонажа, не то что как живого человека. Штамп: берешь ребенка, лучше подростка, они симпатию вызывают... И повел по мукам, для пущего сочувствия. Приколов по вкусу, квест пассировать в масле-смысле до появления золотистой корочки. Легкий жанр, легкий прием. А главное — легкий автор. Не Булгаков, не Достоевский, не Ремарк даже. Влад Снегирь. По большому счету — так и вовсе Чижик. Взять и грохнуть Бут-Бутана? А потом продолжить, с шутка-

ми-прибаутками, «Сагу-о-Покойнике». Томов на десять. И забить на *процесс* анкерный болт с левой нарезкой...

— Господин Кничер, вы обещали!

Докторша терпеливо дожидалась окончания нашего разговора. Дождалась. Судя по ее виду, Кныжковому Хробаку[1] сейчас придется туго. Малярия Катаровна Фурункель пошла в атаку.

— Я все сделала! Этот человек здесь, вы встретились и поговорили! — Наседка, защищающая цыпленка, она едва сдерживается, чтоб не сорваться на крик. — Извольте выполнить свое обязательство: верните Антона в сознание!

— Прекратите истерику, госпожа профессор. Я же сказал, что должен уладить одно дело с господином Снегирем. А мы с ним дела еще не уладили. Подождите.

— Сколько?! Сколько я должна ждать?! У меня нет времени! У меня внук при смерти!

Точно, истерика. Иначе врачиха никогда б не брякнула такое в присутствии Антона. А парень молодцом: стоит, молчит. Другой бы вдвое громче орать взялся.

— У меня тоже мало времени. — Червь, в свою очередь, повышает голос. Лучники, дремлющие в холодке, заинтересованно поднимают головы: не пора ли приструнить дерзких? Но, не дождавшись приказа, теряют к нам интерес. — Выскажите ваши претензии Владимиру Сергеевичу. Я готов оказать соответствующую помощь, но он желает подумать.

— Не увиливайте, господин Кничер! Я договаривалась с вами, а не с ним! Пошла на преступление, похитила человека, а вы, вы...

— Бабушка, не надо. Успокойся. — Антон одним движением оказывается рядом, кладет руку на плечо старухи. Сейчас он выглядит старше, чем в тот момент, когда я впервые его увидел. Взрослый, спокойный, уверенный. — Ты же видишь, им нужно время. Ничего страшного, бабушка, ты не волнуйся, я дома еще полежу, а они договорятся, и все будет хорошо. Меня тут балуют, не переживай...

— Антошенька! Ты не понимаешь! Еще день-два...

Врачиха все-таки сообразила, что стоит говорить вслух, а о чем следует умолчать. Перевела дух, собралась:

— Решайте, господин Кничер! Я не намерена держать

[1] Кныжковый Хробак — Книжный Червяк (*укр.*).

Владимира Сергеевича под наркозом сколько вам заблагорассудится. Он сказал, что готов помочь. Добровольно! Без всякого наркоза. А вы, вы... Неужто у вас нет сердца?! Человек вы или кто?!

А правда — человек он или кто? Или все-таки червь?

— Я верю, госпожа профессор, что вы с Владимиром Сергеевичем — самые честные люди на свете. С сердцем и душой. А еще я верю, что помоги я вашему внуку незамедлительно — в вас через минуту проснется совесть, а Влада Снегиря одолеют сомнения. И вы отпустите рыцаря домой, извинившись за насилие, рыцарь простит вас, подарив Антону свое собрание сочинений, а я, наивный, смешной, Книжный...

— Прекратите паясничать! Я еще раз...

Запнувшись на полуслове, Малярия Катаровна вспыхивает праздничным фейерверком; из почтенной дамы, шипя и захлебываясь, начинают бить разноцветные фонтаны бенгальских огней. Лучники хихикают — видать, насмотрелись на «пшики» Отщепенцев. Антон шарахается прочь. Из кустов, спугнув выводок ушастых канделябриков, доносится благоговейный вой всеми позабытых волхвов. Ушлые дедуганы, оказывается, никуда не делись: подглядывали, подслушивали в надежде, что рано или поздно кто-нибудь как-нибудь да совокупится.

Ах, Фурункель, красиво лопнула! По-английски, не прощаясь. Интересно, у меня это лучше происходит? — однако автор, рыцарь... Еще с полминуты после исчезновения докторши перед глазами мельтешат пятна немой светомузыки. Впрочем, немота пропала, огласив поля и долы: что рокочет там за лесом? Барабаны? Гром далекий? Иль накатывает лавой грохот тысячи копыт?

— Господин! Они идут! Тугрики!

На опушку, откуда видна дорога дальняя, высыпают все. Карабкаясь из-под туши небокрая, к нам движется черная муравьиная река. Взблескивает на солнце металлом. Большой Имперский Поход сынов Тугрии докатился наконец до Ла-Ланга. Тугрики спешат, торопятся. Срок удара Лунного Гонга остается загадкой для самых мудрых провидцев. День? Два? Три? Десять часов?

Этого не знает никто. Даже я.

Еще не придумал.

XIV. ДИВАН СУДЬБЕЦОВ ГОВОРИТ: БИП!
(запись в архиве В. Снегиря)

> Слова и предложения, вместо того чтобы спокойно вползать в мозги и укладываться стройными рядами, дрались между собой и не желали пониматься. Почему не писать просто «солнце зашло», вместо того чтобы громоздить полтора абзаца вычурной нелепости?
>
> *Из писем читателей*

Так повелось от века под Семицветным Небом — и с незапамятных, поседевших от ужаса времен, когда сгинули в безвестье древние безумцы-Маргиналы, никто не осмеливался нарушить Уложенье Дивана Судьбецов, собрания, где мудрые принимают решения, обязательные для дураков.

О да, так повелось.

Раз в тридцать лет монархи, самодержцы, тираны, падишахи, султаны, цари, негусы и касики (нужное подчеркнуть) всех царств и государств, султанатов и халифатов, каганатов и раввинатов собираются пред очи Великого Дивана Судьбецов, где тянут жребий: кому через два года на третий идти в Малый Имперский Поход (МИП): искать себе чести, а Судьбецам — кайфа. Покорять соседей, подобно склочной вредине-жалобщице, раздвигать рубежи, как раздвигает ноги умелая блудница, стяжать славу и богатство, беря пример с витязей прошлого и ростовщиков настоящего. Тем же жребием определяются и направление МИПа (куда ветер дует, куда ноги несут, куда глаза глядят, куда Диван послал; нужное подчеркнуть), и его конечный предел. А срок походу кладется под сукно в Храме Куцей Вечности — один год.

О да, один, и не больше.

Раз же в девяностодевятилетие разыгрывается жребий меж величайших властителей (а всякой мелкой шушере — зась!) на Большой Имперский Поход (БИП), где посылают дальше, раздвигают шире, стяжают немерено, а покоряют от души, только срок ему — два года простых и один високосный. Лунный Гонг возвещает начало БИПа, и конец его возвещает Лунный Гонг, куда бьют демоны-Палиндромы восьмиручным тумаком-колотушкой. После чего прекращается война, мать родна, добрая ссора сменяется худым миром, открывая сезон пиров, дележа добычи, насаждения лесов и новых порядков, а также мелких пограничных конфликтов, ибо границы иные, рубежи новые, а кто не спрятался — БИП не виноват.

О да, не виноват, и не собирается.

Препятствовать подготовке МИПа или БИПа воспрещается строжайше. Все царственные помазанники торжественно обязуются делать вид, будто знать не знают, слышать не слышат, и дворец их с краю. Едва же поход начнется, дозволяется дерзким оказывать военное сопротивление, рассудительным — присоединяться к завоевателю в качестве вассалов, а боязливым — прятаться в тайных, заранее оговоренных публично местах. Запрещено лишь заключать союзы военно-политические тремя и более государствами супротив зачинщика, ибо сие есть политика сложная, Судьбецам неинтересная.

О да, ничуточки.

Государство же, до территории коего докатился БИП в миг удара Лунного Гонга (велика мощь Палиндромов, о чем каждому слышно!), сохраняет независимость в случае, если столица оной державы сумела не пасть пред коварным, вероломным, напавшим внезапно врагом.

О да, и мы это знаем.

МИПы и БИПы призваны умилостивить гневных Держимолний, обитателей Лихой Пустоши Ять, о да, да, и еще тридцать три раза «о да», ибо страшна месть глухих к мольбам, на чем разрешите откланяться...

XV. ЧИЖИК-ПЫЖИК, ГДЕ ТЫ БЫЛ?
(продолжение-2)

> Особенный это был Чижик, умный: и ведерко таскать умел, и спеть, по нужде, за канарейку мог.
>
> *М. Е. Салтыков-Щедрин*

В свое время идея БИПа показалась мне просто блестящей, свежей и оригинальной. Сейчас же, глядя на приближающихся тугриков, я начал в этом сильно сомневаться. Идея блестела куда меньше — на фоне сверкания доспехов и нарастающего топота копыт.

— Уходить надо. Нам-то с тобой, рыцарь, наплевать и за-

быть. Судьба лучников, подозреваю, тебе безразлична. А парня жалко. Мне его еще реанимировать...

Что-то в словах Червя выглядело фальшивым, натянутым, но разбираться в смутных ощущениях было некогда.

— Есть место. Храм Кривой Тетушки. Он на отшибе, солдаты мимо пройдут. И шарить там никто не станет.

— С чего решил, что мимо пройдут? А ну как застрянут в городе?!

— С того. У тугриков времени в обрез. Им крепость штурмовать надо, пока Гонг не грянул.

Червь поджал губы, раздумывая, но возражать или переспрашивать не стал. Уже на ходу, ныряя вслед за мной под своды леса, поинтересовался:

— Твое логово, да?

— Угу.

— Так и знал! А я ведь тебя, считай, вычислил. Не знал только, что ты в самом храме объявляешься...

Антон шел следом за нами. Обезлученные лучники прикрывали арьергард. Вернусь — надо будет этот глюк поправить!

Непременно.

* * *

Бут-Бутан отполз назад, больно оцарапав щеку о шипастый куст обдерихи.

Обернулся к спутникам:

— Мерзавцы! Они увели Лучшего-из-Людей! Сперва их главный с ним ругался, потом старуха ругалась, так он ее заклятьем сжег! А Лучшенького за это — в плен, на муки!

— Мы должны его спасти! — отчаянно всхлипнула Аю, и это был редкий случай, когда Куриный Лев не стал возражать Носатой.

— П-пошли! Д-д-д... д-догоним!

Трое дерзких бесшумно нырнули в чащу вслед за лучниками. Лишь Мозгач Кра-Кра наступил на сухую ветку да Аю больно зашибла палец о корень ивы-хохотушки, охнув в голос под насмешливое хихиканье ивы. Позади шлепали верблюди — свежеобретенные Ноги Лучшего-из-Людей.

Однако в близящемся грохоте тугриков, спешащих на штурм цитадели Ла-Ланга, никто ничего не услышал.

XVI. ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ «ИЖЕ С НИМИ»

А у меня особенное счастье...

В. Шекспир

Топча упругою стопой
Асфальт, не вереск,
Иду, распластанный толпой,
На книжный нерест.

За мной бушует бытиё,
Блестя клыками:
«Куда ты прешься, ё-моё!
Где брат твой, Каин?!

Взгляни, ты бледен! Жалок! Пьющ!
В кармане фига!..»
Но сладок ядовитый плющ,
И манит книга.

Меня терзал вагон метро,
Дыша миазмом,
Мир выворачивал нутро,
Крепчал маразмом,

Сулил прокладки, «Бленд-а-Мед»,
Журнальный столик,
Массаж, бесплатный Интернет, —
Но нет! Я стоек.

Смахнув простуженно соплю,
Достав бумажник,
Я книжку новую куплю
О кознях мажьих,

О некромантах-королях
Роман иль повесть,
И у эстета-куркуля
Проснется совесть.

Он скажет: «Да! Пусть я, кощей,
Над Гессе стражду —
Но есть немыслимых вещей,
Которых жажду

Вкусить не скрытно, не тайком,
А в буйстве пира,
Вспоен духовным молоком,
Желаю пива!»

Есть упоение в бою
Назло гадюке-бытию!

XVII. УЛ. ГЕРОЕВ ЧУКОТКИ, 26, КВ. 31: ДАВНИЙ МАРЬЯЖ ЧЕРВЕЙ

Он стоял между строчек
И грустно глядел исподлобья.
Он стоял между слов,
Проклиная занятье свое,
Неразборчивый почерк
И смысла сокрытого ловлю,
Потрясанье основ,
Беспрерывное мифов литье...

Артем Степин

Назвав адрес, королева откинулась на спинку сиденья и прикрыла глаза. Она устала. Она не выспалась. Королеву мучила изжога от скверного ужина, второпях купленного в экспресс-баре девятого вагона; мигрень копошилась в висках, покусывая каждую мысль острыми зубками крысы. Хорошо, что в такси, как прежде в купе СВ, она — единственный пассажир. Но если в первом случае видна рука умницы Альфреда, явно купившего второе место, «создавая даме условия», то сюда пухлые щупальца зама по особым вряд ли могли дотянуться. Просто повезло.

Меньше всего ей сейчас хотелось общаться с попутчиками.

Даже сидеть рядом с кем-то не хотелось.

Этой ночью Польских не решилась нырять в *хаотики*, заново торить тропу в *локус* Снегиря. Давнее чутье, очнувшись от долгой летаргии, намекало: опасно. Для кого? Для нее? Для окружающих пассажиров: пьющих, любящих, скучающих? Для Володи?! Она не знала. Наверное, в период «ломки», с неистовством смертника прорываясь в стабилизированные крепости рыцарей, зубами выгрызая брешь, на ощупь отыскивая нужный путь, приобрела дар сродни таланту издательского *интута*. Считай, есть вторая профессия: монстры издательского бизнеса готовы на все, едва шепнешь им на ушко: «А я, брат, *интутка*, я фея из бара...»

Идея окончательно вызрела, когда поезд уже тронулся. Такого не делал никто, но королева привыкла быть первой. Скучно, трудно, главные шишки — тебе, зато привычка — вторая натура. Если контакт с блудным Снегирем откладывается до личной встречи, следует хотя бы частично компенсировать ситуацию в целом. «Заморозить» *процесс* — пусть на

короткий срок. А за это время, как говаривал Ходжа Насреддин, кто-то обязательно сдохнет: или шах, или ишак, или я.

...или я?!

Обычно полагая обилие курсивов в тексте признаком слабости автора, тонущего в обилии акцентов, сейчас Польских тихо посмеивалась над собой: думаю сплошными курсивами. Старею?

Не зря она затребовала у Гобоя мобильный телефон. Как чувствовала: понадобится. Разбираться с мудреной игрушкой пришлось дольше, чем Тамара рассчитывала: техника вечно откалывала шуточки с наивной королевой. Но в итоге победа осталась за Польских. Шестнадцать номеров телефонов. Шестнадцать рыцарей Ордена. Коды городов.

Поехали!

У Снегиря юбилей. Десять лет, значит, с пером в руке. Поздравления? Мало. Рыцарям голыми реверансами не отделаться. Вы меня понимаете?! Пародии, эпиграммы, стилизации, оды, посвящения, все, что угодно, что в голову взбредет, но «в характере»! — слышите?! — и срочно. К утру должно быть. Лучше — раньше. Через час. Через два. Из штанов выпрыгнуть, а сделать. И с душой, шантрапа! С сердцем, гвардия! На всех сайтах, форумах, страничках — куда получится дотянуться. Если удастся: в прессе. Гобою отправлять? Обязательно! В первую очередь. Он сам разберется.

Орден Святого Бестселлера кивнул, становясь в строй. Рыцари — народ понятливый, фронт держать умеют. Должно сработать. Ненадолго — но должно.

Потом она внимательно читала распечатку романа Снегиря. Искала дополнительные узлы влияния, делала пометки, прикидывая, где логичнее будет сделать промежуточный финал. Уж лучше она, чем редактор из «Аксель-Принта». Нахлебалась от этих вивисекторов: лудим-паяем, блудим-ваяем... Запасной вариант — на случай, если у Влада не останется времени на доработку.

Время, время!..

Было крепко за полночь, когда в сумочке требовательно заверещал мобильник.

Алло! Тамара Юрьевна? Не разбудил? Чудненько, я так почему-то и подумал, что вы не спите. Королева вы моя! Умничка! Спасибо вам огромное! Тексты рыцарей начали поступать. Есть совершенно роскошные: Кепский рассказ в манере «Рабов Страха» наваял, Эльф эпиграмму: «Спеши,

рассвет, вставай, заря, ко дню рожденья Снегиря...» Ну, дальше неприлично, но смешно. Веб-мастер в издательстве ночует, сразу выкладывает. И спецвыпуск газеты «Звезды на ладонях» с фрагментом романа — в типографии. Утром ждем. Как у вас дела? Вникаете? Хорошо, хорошо, не буду мешать. Появятся новости — звоните.

Тем не менее Альфред не утерпел, презрев благие намерения «не мешать». Позвонил в рань ранющую, едва Польских забылась мутным, противным, словно овсяный кисель, и таким же безобидным сном. Газета вышла, материалы на сайте, уже отзывы пошли, спасибо вам триста раз, держите в курсе... Разбудил, скотина басовая, — как обычно, из самых лучших побуждений.

Хотя, может, оно и впрямь к лучшему.

— Приехали, мадам! С вас одиннадцать семьдесят. По счетчику.

Это намек такой. Тонкий. Что ж, держите пятнадцать ваших тугриков, любезный. И сдачу, сдачу не забудьте. Знаем мы вас, шоферню. Сказал бы «мадемуазель» — получил бы на чай. А так — шиш.

Стандартная пятиэтажка, виноград затянул балконы сухими февральскими плетями; рядом в подворотне мрачно курит дворник. Или не дворник: мало ли кто с совковой лопатой выйдет покурить? Вроде подъезд правильный. Ага. «Сюрпри-и-из!» — кодовый замок на двери. Ладно, сейчас брякнем в колокол. Вот и еще одна выгода от мобильника — иначе стояла бы тут дура дурой, ждала, пока кто-нибудь откроет, время теряла...

— Здравствуйте. Это коллега вашего мужа. Тамара Юрьевна Польских. Я только что приехала, стою у вашего подъезда и не знаю кода. До сих пор не появлялся? Жаль, очень жаль. Вы разрешите мне войти? Я как раз по этому поводу и приехала...

* * *

— Здравствуйте. Тамара Юрьевна?

— Просто Тамара, хорошо?

— Анастасия. Просто Настя. Вы проходите, проходите! Давайте ваше пальто. Тапочки под вешалкой. Завтракали? Чай, яичница, бутерброды? Гренки?

Жена Влада излишне суетится. Или не жена? — краем уха слышала сплетни про развод... Какая разница? Пусть будет

жена. Произносит стандартные, приличествующие случаю фразы, пытается целиком окунуться в заботы по встрече неожиданной гостьи, — но что-то давит, распирает, гнетет ее изнутри. И глаза. Глаза затравленной собаки. Сухие, блестящие. Кажется, Настя едва удерживается от слез.

И все равно, несмотря ни на что, она — красивая.

...молодая.

Королева ощутила привычный укол зависти. Ностальгии по волшебной стране, где жила юная принцесса, Ее Взбалмошное Высочество, готовое свести с ума любого голодного дракона. Без изжоги. Без мешков под глазами. Без часов, проведенных перед зеркалом, в тщетных попытках «реанимации лица». Что, милочка? Вот перед тобой стоит такая принцесса. Смотри. Свежая, упругая кожа, тело легкое, наполненное нерастраченной, требующей выхода жизненной силой... А ресницы у нее — просто роскошные. Причем не накладные, свои.

Смотри и завидуй. Стыдно, да?

Не за возраст.

За зависть.

— А мы с вами однажды встречались. На конвенте, в Одессе. Меня Влад с собой вытащил чуть ли не за уши! Я не люблю, если много народу... У вас, кстати, автограф взяла, на «Последнем мече». Вы, конечно, не помните, вы книг сто исписали, не меньше. А Влад про вас часто рассказывает...

Польских действительно не помнит. Но разве это сейчас важно?

— Спасибо, я бы чайку с удовольствием...

— Бутерброды с сыром? С колбасой?

— Если мне, то один бутерброд. С сыром. Извините, что без предупреждения...

— Да что вы! — Похоже, хозяйка дома искренне рада. Так радуются случайному попутчику, малознакомому гостю, позволяющему отвлечься, соскользнуть с ледника беспокойства в рутину встречи, разговоров ни о чем. Так принцессы выходят замуж за первого встречного. — Проходите в кабинет, располагайтесь, чайник только что кипел, я быстро...

Кабинет. Типично мужской беспорядок, на грани бардака. И как Настя это терпит? Компьютер хмурится чумазым монитором: надо, надо умываться... Столик вопиет под гнетом геологических напластований бумаг: распечатки, ксерокопии статей, записки, визитки... Рядом — дорогое, но дове-

денное до отчаяния офис-кресло с изменяемой геометрией. На левом подлокотнике — следы от пролитого кофе. Стены увешаны разнокалиберными полками с книгами. В относительном порядке выстроены лишь сочинения некоего Влада Снегиря. Вместе с переизданиями и сборниками эти буржуи занимают самую длинную полку. Остальное напихано как попало. Ага, вот и подборка «текстовских» изданий Тамары Польских. Полкой выше — знакомый раритет «Джимми Дорсета». Березка, Эльф с Петровым, Кепский — вперемешку с томиками Ахматовой, Басё, Эренбурга, Джулианы Хаслам, Хемингуэя, Лао Шэ, Назыма Хикмета... «Мифы народов мира», справочник по холодному оружию, детская энциклопедия «Монстры, привидения, НЛО». И, апофеозом эклектики, — «Кулинарный Мидраш» с подзаголовком: «Книга о вкусной и здоровой кошерной пище»!

Польских открывает наугад:

«Картофель в мундире «Кантонисты». Семантика начинки и приправ: яйца — символ мужества, перец и соль — трудности и опасности, мускатный орех и розмарин означают внутреннюю красоту еврея-солдата, а топленый жир...»

Обалдеть! Узнаю Снегиря...

— Пройдем на кухню? Или сюда принести?

— Конечно, на кухню!

— Вот, налево. Присаживайтесь. Вам чаю покрепче?

Чуть не вырвалось: «А он кошерный?»

— Нет, спасибо. Говорят, от крепкого цвет лица портится...

Тяжелая капля заварки падает на скатерть. Катится по клеенчатой поверхности. А руки-то у тебя дрожат, детка. Совсем чуть-чуть, едва заметно...

Настя что-то знает.

Это была не догадка, а внезапно пришедшая уверенность.

— Настя, скажите, что у вас случилось? Я же вижу... Это связано с Владом, да?

Хозяйка дома кивает, поперхнувшись глотком чая.

— Он до сих пор не объявлялся?

— Нет.

— И не звонил?

Короткая, болезненная пауза.

— Нет.

— Лжете, Настя. Вам нельзя лгать, вы не умеете... Боитесь сказать лишнее? Не бойтесь. Я приехала, желая помочь Володе. Ничего не стану обещать, я даже, если честно, не

уверена, что вы не сочтете меня сумасшедшей, но одно мне известно наверняка: *что* сейчас происходит с вашим мужем. Я сама прошла через это в свое время. Вы любите Володю?

— Почему вы...

Настя умолкает. Смягчается, едва возникнув, колючесть взгляда, стерев нерожденные слезы. Проходит минута, другая, прежде чем она отвечает просто и безыскусно:

— Да.

И все-таки, не удержавшись, добавляет:

— Только я не понимаю, почему это интересует вас?

— Интересует, — улыбается королева. — Поэтому давайте так: сперва рассказываете вы, потом — я. Впрочем, если хотите, я могу начать первой.

— Нет-нет, не надо. Влад всегда отзывался о вас... уважительно? Нет, это неправильное слово... Тепло! Да, тепло. Я вижу, он был прав. Вот вы все бросили, приехали...

Было видно, что Насте неловко откровенничать с посторонним человеком, но она просто не в силах сдерживаться и злится на себя за эту слабость.

— ...не могу больше! Извелась вся, места не нахожу. А рассказать кому-то — боюсь. Они не велели. Хорошо, что вы приехали. Влад... — Настя глубоко вздыхает, как перед прыжком в воду. Руки ее больше не дрожат. — Его похитили! Они мне позвонили...

Польских слушала не перебивая. Пусть девочка выговорится. Лишь раз позволила себе отхлебнуть чаю, а к бутерброду даже не притронулась. Жевать, слушая исповедь?! Странный звонок. Зачем им (кому — «им»?!) понадобился вернувшийся с конвента Снегирь? Совершенно дурацкое похищение! «Вопрос жизни и смерти» — надо же, какой пафос! Дешевый детектив. Мелодрама. Обещали вернуть живым-здоровым...

Наконец Анастасия иссякла. Сидела, опустошенная, молча глядя в стол. Рассматривала, будто только сейчас увидев, крупинки сахара-песка, рассыпанные на клеенке — бежевой, в мелкий цветочек.

— Знаете, Настя, я тоже в замешательстве. Глупая история. Безумная, нелепая. Но мне кажется, это связано с *процессом* Володи...

— С процессом? Каким процессом?! Влад болен, да?!

Слово сказано. Надо продолжать.

Если она не лжет, что любит... Вряд ли. Девочка не умеет лгать, королева, ты сама об этом сказала.

— На нашем жаргоне это называется: «выход в тираж». Нет-нет, это совсем не то, о чем вы подумали...

Теперь говорила Польских. *Процесс*, круги, Орден... Рассказывала, объясняла — и понимала, как выглядит со стороны. Психованная дамочка, рехнувшаяся на почве климакса. В самом лучшем случае ее рассказ мог вызвать вежливое недоумение. Зря она ввязалась в эту историю.

Зря.

— ...Сейчас издатель принимает срочные меры, чтобы затормозить *процесс*. Но если Владимир в ближайшее время не объявится и не подпишет договор или не сдаст книгу в производство... Массовый психоз — самое невинное, во что ситуация может вылиться на четвертом-пятом круге. Дальше будет только хуже.

Королева умолкла, допила остывший чай и в упор посмотрела на Настю. Санитаров сразу вызовешь или как?!

— Знаете, мне в последние дни... — Настя играла краем клеенки, отказываясь встретиться с Польских взглядами. — Снится. Что-то. Часто. А вспомнить потом ничего не могу. Внутри ноет: вспомни! важно! Нет, никак. Стена. Хоть голову разбей.

— Это конец третьего круга. Скоро, проснувшись, вы будете все помнить.

Королева вздрогнула. Помнить! Когда хотелось бы забыть...

Увы.

— Не бойтесь, Тамара. Я сейчас за соломинку хватаюсь. Предложат в НЛО к Сириусу слетать — займу денег, куплю билет и полечу. Лишь бы Влад вернулся. Вы мне другое скажите: вы из-за него приехали? Или только из-за «процесса»?

— Только? Настенька, вы намного моложе меня... Впрочем, это не аргумент. Кто вы по образованию?

— Я? Филолог. Это имеет какое-то значение?

— Нет. Значит, филолог. Один мой знакомый называл таких «логофилами». Вы улыбнулись? Напрасно, вряд ли он вкладывал в это определение юмор. Вы не рыцарь Ордена Святого Бестселлера, но это тоже не аргумент. Знаете, самое тяжелое — отнюдь не работа над новым текстом, а ожидание начала *процесса*, которое всегда стоит у тебя за спиной, заглядывая через плечо. Многоликий идол, тысячеглазый Аргус с серпом за пазухой.

— Вы путаете, Тамара. Это Гермес был с серпом. Отрубив им голову Аргусу-Многоглазу.

— Я знаю, Настя. Вы все правильно говорите. А я все правильно — знаю. Потому что этот Многоглаз с серпом стоял за спиной у меня. Вчитывался, размышлял, погружался, чтоб однажды вынырнуть, вцепиться, утащить и полоснуть. Чувствуете, как я заговорила? Существительные и глаголы. Кости и мышцы. Никакой косметики прилагательных, пудры наречий, обилия родинок-местоимений... Кости и мышцы. Так труднее соблазнять, но легче драться. Так легче ждать удара...

Продолжая рассказывать, королева ощутила укол болезненного удовольствия. Пьяница в завязке вслух вспоминает былые подвиги: где, когда, сколько, с кем и подо что. На языке тает хмельной отзвук памяти. Или иначе: пожилой интеллигент в очках и шляпе, с подагрой и радикулитом, вспоминает сладкий месяц юности, когда он, прыщавый щенок-восьмиклассник, презрев увещевания бабушки и слезные мольбы родителей, записался на дзюдо. Месяц «мужчинства». Пота, ушибов, насмешек — и счастья. Не забыть никогда.

И, выпив лишнюю рюмку коньяка, втягивать живот и расправлять плечи, заводя шарманку: «Однажды я...»

— Работа — это пустяки. Привычка. Контракт-заказ, аванс, сроки, и ты почти гарантирован от лишних последствий. Ну, в крайнем случае кинешь заранее фрагмент, отрывок, как кость, как камень в пруд... Полегчает. А дальше книга уходит в печать, ты едва переводишь дыхание, и опять...

— Почему — опять? Почему — едва, Тамара?! Отдохните месяц. Два. Возьмите год передышки. Деньги у вас есть, можете себе позволить...

— Деньги есть. А позволить не могу.

Королева рассказывала. Рыцарь не в силах долго отдыхать. Рыцарь не может без подвигов, убитых драконов и поверженных великанов. Закончив текст и сдав его в печать, ты сердцем чувствуешь, как все короче становится отпущенный тебе срок перерыва. Ни за что не узнать, сколько отведено на сей раз. И в одну малопрекрасную ночь ты ложишься спать, — ненавидишь дремоту, королева! О да... — внезапно погружаясь в *хаотики*. Вышедших в тираж рыцарей Ордена мало. Меньше двух десятков. Но оруженосцев, следующих за ры-

царями по пятам, много больше. Сейчас уже полусотня наверняка. Они пишут, их издают, постепенно приближая планку «выхода» для самых рьяных, избранных Господином Читателем. Оруженосцы мечтают о заветных шпорах, поясе и тираже. Мечтают страстно, подражая рыцарям во всем: в построении сюжета, в завязке интриги, в стилистике, языке, манере... Это инстинкт оруженосцев — подражать.

Это творения оруженосцев — *хаотики*.

Недостаточность тиража.

Незавершенность воплощения.

И рыцарь, слава и гордость Ордена Святого Бестселлера, наивно взявший долгую передышку, рушится в аморфную, кипящую массу. День за днем. Сон за сном. Спасение одно: начать собственный текст. Вернуться на круги своя: контракт-заказ, аванс, рекламный абзац в прессе: «Известный писатель-фантаст Имярек приступил к работе над новым...» Ты снова в колесе, но в колесе обжитом, чуть ли не уютном. Жаль только, срок передышки становится короче с каждым годом.

Жаль.

— Но Влад рассказывал... Вы же бросили! Перестали!

Сейчас она спросит: как?

— Почему?!

Удивительный вопрос. Эта девочка — первая.

— Настя, я спрашивала у вас: любите ли вы Влада?

— Да. Вы спрашивали...

— Это было очень важно для меня. Любящий человек — опора для любимого. Банально, да? И тем не менее... Но иногда — камень на шее, влекущий на дно. Удавка, за другой конец которой может взяться кто-нибудь посторонний.

Ты будешь рассказывать дальше, королева моя? Ты рискнешь?! Это дурно, скверно, не по-королевски: пугать юную принцессу державными страхами, показывать коллекцию ядов, водить на экскурсию в пыточную...

Ты понимаешь, что делаешь, королева?

О да, ты понимаешь.

Кто, если не ты?

* * *

Боль — серебряный голубь.
Клюв его ярко-алый,
В черной бусине глаза —
Ночь, бессонница, бред.

В ране он копошится,
Тихо, томно воркуя,
Боль — серебряный голубь.
Не люблю голубей.

...Он был обаятелен. Галантен. Предупредителен. Располагал к себе, вызывал доверие. И даже удивительная привычка именоваться Книжным Червем — «Книжный я! Книжный!..» — абсолютно не смущала Царицу Тамару. «Я вас вычислил! — смеялся он, шутливо грозя пальцем, неестественно длинным и гибким. — Знаете, как в анекдоте? Карту составил, флажками обложил. Очень уж хотелось увидеться. С той, кто все это придумал, создал. За наше знакомство!» Вино было терпким, густым, в букете напитка жар июльского солнца сливался с радостью жизни, обещанием чуда...

Он сделал ей предложение. Как бы между делом, а вернее — между третьим и четвертым бокалом, но королева сразу ощутила: вот оно, главное, ради чего он потратил кучу усилий на поиски. Он знал способ остановить *процесс*. Способ простой и действенный. Она должна убить Авельома, Сероглазого Короля, главного героя романа «Безысходная боль». Убить здесь, внутри, своими руками, — а не там, дома, на бумаге или дисплее компьютера. Яд. Сталь. Огонь. Что угодно — метод не имел значения. Но — собственноручно. И белка по имени Тамара Польских вырвется из колеса, сердце *локуса* перестанет биться, а он, милый, милый Книжный Червь, наконец обретет спокойное пристанище в *кляксе*, которая теперь будет сохнуть в тысячу раз медленнее.

Она думала долго. Изнурительная гонка со временем. Поджимающие сроки. Наступающий на пятки *процесс*. Получить передышку, шанс, возможность собраться с мыслями, перевести дух... Она была уверена: Червь не врет. Это сработает.

Но...

Первая строка, первый абзац текста, первая глава. Зачатие *локуса*. Первое явление рыцаря — и непременная смерть, избежать которой не удавалось никому и никогда, хоть дюжину премий под подушку затолкай. Искупление? Рождение? Зачать можно и в грязном подвале, наспех, в объятиях пьяного сантехника... Речь о другом: у будущего ребенка, однажды уходящего из матери в свою собственную жизнь, есть сердце. Центр кристаллизации. Пуп Вселенной.

Главный герой.

Без него творение превратится в медленно, очень медленно загнивающий труп, где теплится противоестественное подобие жизни. Зомби с черной дырой в груди. Мертвечина.

В трупах заводятся черви.

В трупах книг — Книжные Черви?!

Habent sua fata libelli[1].

Своими руками убить человека... Человека? Опомнись! Это плод твоей больной фантазии... Пусть! Частица вложенной души — и ее огнем? Металлом?! Ядом?! Он уже не принадлежит тебе, у него отдельная жизнь, ты не вправе... Ха! Не вправе?! «Я тебя породила, я тебя и убью!» Убью — в обмен на нужную как воздух передышку в изматывающей гонке. Обеспечу Червя «столом и домом» на многие века. О, возможность спокойно спать по ночам, не считая недели и дни, оставшиеся до...

Не слишком ли велика цена, королева?

Не знаю.

Идя на очередную встречу, будучи готова согласиться, она отказалась.

«Выпьем за тебя, упрямица. И посмотрим на меня. Смотри! Не смей отворачиваться! Я вечно голоден, я одинок, у меня нет друзей, я вынужден раз за разом скользить через *хаотики* (а ты знаешь, что это значит!) в поисках новой, еще не засохшей *кляксы*, но скоро и она становится непригодной для меня, и вновь, снова, опять... Это ад, королева! Мой ад. Хочешь стать такой же, как я? И Червь был рыцарем. Давно, очень давно. Пыжился, раздувал грудь, из штанов выпрыгивал... Помнишь, у Андрея Белого: «В нас — рой миров. Вокруг — миры роятся. Мы станем — мир. Над миром встанем мы. Безмерные Вселенные глядятся в незрячих чувств бунтующие тьмы...» Погляди на меня теперь! Бог?! Ха! За все надо платить, королева. Мечтал парить орлом? — поползай червем. До скончания дней. Хочешь этого? Нет? Тогда убей его! Убей, дура!..»

Ей стало страшно. По-настоящему. Ну что ты упрямишься, Царица Тамара? Всего лишь крупинка яда, пущенная издалека стрела, толчок в спину на краю обрыва... Тебе даже не придется смотреть ему в глаза. Пиши дальше, веди мертвого, как живого, — так даже интереснее, можно круче завернуть сюжет...

[1] Книги имеют свою судьбу (*лат.*).

Нет.

«Пожалеешь, королева. Ты еще пожалеешь...»

Нет.

«Нет?»

Она опаздывала! Впервые *процесс* зашел у Польских дальше обычного. Начало третьего круга. Когда, проснувшись, люди не могут вспомнить: что же им снилось?! — а память все шарит вслепую, раня пальцы и отказываясь признать поражение. Близкие люди. В первую очередь территориально близкие, — но так уж повелось, что в одной квартире с рыцарем Ордена...

Их ждали. Не ее. Мужа и дочь. Тех, кого третий круг накрыл в первую очередь. Тамаре не хватило всего нескольких дней, но эти дни стоили вечности. Седые волосы не в счет. Если б только волосы...

Мужа с дочерью хватали сразу по появлении в *локусе*. Флажки Червя сработали отменно: местонахождение квартиры Польских было вычислено с дотошностью педанта. Там постоянно дежурили солдаты Благой Инквизиции. Королева сама создала мир, где в изобилии имелись виртуозы пыток. И сейчас проклинала собственную изобретательность. «Шершавый ослик», «Мешок-с-котом», «Жилистая Дева». Тамара Юрьевна, со всем арсеналом замечательных премий-артефактов, узнала об этом не сразу. А узнав, как назло всякий раз «промахивалась» по времени, не успевая прийти на помощь.

Муж по утрам ходил тихий, словно пришибленный. Отвечал невпопад. Моргал близорукими глазами, вздрагивая, когда от сквозняка хлопала форточка. Взял отгул на работе. Страх копился на самом дне, поверхность была тиха и спокойна, но черти плясали в глубинах омута.

С дочерью было еще хуже. Ее увезли в психиатрическую клинику: проходя медосмотр, во время анализа крови младшая Польских кинулась на медсестру.

Она призналась. Не могла больше скрывать.

Муж подал на развод.

Королева была близка к тому, чтобы наложить на себя руки. Лишь безумное, маниакальное желание: найти и убить проклятую тварь! — помогло не вскрыть вены. Она явилась во всеоружии. В сверкающей броне, с мечом, извергающим пламя, и ярость кипела в глазах Ее Величества. Храбрые бежали с пути королевы, отважные умирали.

Она быстро нашла Червя. Подозрительно быстро.

И оказалась бессильна.

Книжный Червь просто исчезал. Уходил в складки пространства (текста?!) еще не засохшей *кляксы*, просачивался водой меж пальцев. Издевался. Мстил за отказ. А она ничего не могла сделать. Даже отплатить.

Тогда она попыталась убить его *отсюда*. Ввести в ткань романа, в плоть «Безысходной боли», — и убить. Руками главного героя, Сероглазого Короля.

И снова — провал. Текст сопротивлялся, отторгая инородное вторжение. Спустя неделю она поняла, что во сне, как лунатик, садится за компьютер и стирает написанное за день.

Все было бесполезно.

Тамара поставила последнюю точку и отправила текст в издательство.

В сентябре дочь вышла из клиники, отец забрал ее, и они уехали в другой город.

А королева поняла: все. С нее достаточно. Что такое ад *хаотиков* по сравнению с пережитым?

Она еще не знала, на что идет.

* * *

— Я боюсь, теперь он пытается соблазнить Влада. Да, попробую. Прямо сейчас. Что мне для этого нужно? Пустяки. Место, где можно заснуть. Да, спасибо, этот диван вполне подойдет. Нет, не беспокойтесь. Снотворное с собой. Пожелайте нам удачи, Настя.

XVIII. МОРАЛИТЭ

Не пей, Ивашка, из копытца,
Не будь козлом!
Дана еще одна попытка,
Считай — свезло.

Иди домой. Там на полатях
Вольготно спать,
Там за работу деньги платят,
Где грош, где пять.

Там в праздник хорошо упиться,
Первак горюч...
Копытце ты мое, копытце,
Кастальский ключ.

XIX. ТЕАТР ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: ДОЖИВЕМ ДО АНТРАКТА?

Честно говоря, правдоподобность «боевок» меня не особо волнует. Лишь бы глобальных ляпов не было да описание боев не рушило целостность произведения как самим своим наличием, так и своим духом.

Из обсуждений книг В. Снегиря

Отсюда, с кручи над Грязнухой, где прятался храм Кривой Тетушки, открывался удачный вид на цитадель Ла-Ланга. Как из оперной ложи на премьер-баса, исполняющего сакраментальное: «Люди гибнут за металл!» Гобой, не к ночи будь помянут, икает небось... Волна тугриков успела докатиться до ручки (бронзовая такая, на парадных воротах крепости), просочась сквозь город, как вода через сито, не тратя времени даже на отправление естественных потребностей: грабеж и насилие. Царственный Тугр, Богоравный Сотрясатель Основ, Рожденный-в-Короне, спешил взять цитадель до удара Лунного Гонга. Тогда земли Ла-Ланга отойдут к новорожденной Империи. Раджа же явно рассчитывал продержаться до финала. У хитреца Синг-Синга был шанс: оракулы подтверждали это единогласно, опасаясь мстительного владыки, чьим девизом был загадочный слоган пропавших без вести древних безумцев-Маргиналов — «Делай, что будет, и будь всем должен!»

Война шла всерьез, по правилам и без компромиссов: со стен на головы осаждающих ушатами лился сироп черепичных арбузов, привлекая тучи злющих нетрудовых пчел, осюков и шершнелей; атакующие тоже в долгу не оставались — в защитников цитадели летели дротики с паклей, смоченной пугун-струей зобатого кукиша, меж плитами стен вбивались расклинья-камнеломы, а ворота сотрясались под натиском ритуального тарана из цельного ствола Отворяй-дерева.

Разумеется, всех этих подробностей я разглядеть не мог — далековато, знаете ли. Но кое-что видел. Вдобавок именно так некий Снегирь и намечал описывать штурм. Описал, значит. От башен до фундамента. Эй, погодите! Что за отсебятина! Таран взвился анакондой, страдающей от поноса, конвульсии ствола расшвыряли дюжих рабов из обслуги, и через минуту таран уполз к морю, гнусно ругаясь дальнобойным

шепотом. Молодец, Нафири-су! Боевая магия — это вам не фунт сушеных кузнецов! Знай наших!

Мои симпатии — на стороне лалангцев. В конце концов, почти земляки.

Бей имперцев!

Треклятая Башня ла-лангского мага светилась изнутри густым ультрафиолетом, покрывая врагов нездоровым загаром, и гудела, как силовой трансформатор, — даже отсюда слышно. К башне тугрики соваться не рисковали: военный устав строго-настрого запрещал вступать в полемику с магами. А Алый Хонгр, единственный, кому устав был не писан, запаздывал.

— Ну ты и наворотил! — В бормотании Книжного Червя мне чудится легкий оттенок уважения. — Веселишься? Издеваешься? Черепица из арбузных корок, в ветвях золотухи чирикают, в кустах канделябры скачут... А все равно «super penis non saltos», Снегирь. Выше головы не прыгнешь. Архетипы. Одни архетипы — и больше ничего.

Рано, выходит, обрадовался. Уважение? Дождешься от Нежного, как же!

— Сам ты архетип! — Защищая родное детище, Снегирь бывает страшен. — Архетипчик! Тут находок на полное собрание сочинений! Что такое «словотворчество», знаешь?!

— Творчество-шкворчество! — презрительно кривится Червь, сплевывая. — Находки! А «хохма» на иврите значит «мудрость», и цвет ее белый... Первооткрыватель Христофор Колумбович: магия-шмагия, герой-недоросль, квест, препятствия, завоеватели с имперскими амбициями... Рыцари Ордена! Штамповщики у конвейера вы, а не рыцари! Слышишь, барабан рокочет: штамп-штамп-штамп-конъюнктура?! Стервятник ты, Снегирь. Армагеддоныш. Народ тысячами кладешь. А твои более удачливые коллеги — миллионами. Бабы, рожай! — убьем для тиража... Иначе читатель скривится, скучно ему станет, бедненькому, без баталий. В тепле, на диванчике, очень приятственно сощурить левый глаз: «Пал, и взгремели на мертвом доспехи!» Хоть один рыцарь пробовал написать сказку? Утопию? Чтобы в *кляксе* жить хотелось, а не выживать? Да такие книги по пальцам пересчитать можно!

Молчу. В тряпочку. Метко бьет, гад. Хоть переполнись разумным, добрым, вечным под завязку, без Святой Троицы — Сюжет, Герой и Баталия — ни арапа не выйдет. Ну как же в хорошем, крепком тексте да без старой доброй драчки?

Никак нельзя! И одни ли мы, фантасты презренные да люмпен-детективщики, убойством грешим? Ой, богатыри — не мы! Взять классиков, Толстых-Шекспиров, Львов с Вильямами, — мало варначили, окаянные? Будь хоть трижды классиком и семи пядей во бронзовом лбу — Каренина на рельсах, старушка с топором в башке, датский принц весь в трупах, как рождественская елка в гирляндах. Ну, мысли мудрые с порывами душевными — это само собой, это как положено, как заведено... Мы хоть и мимо школьной программы, мы не Рабле, Рабле не мы, а понимаем!

Зараза, разбередил душу.

После такого героя грохнуть — не фиг делать.

— ...Ну что может быть банальнее: автор попадает в придуманный им мир?! Или не автор, а случайный человек, лучше десантник. Тонны бумаги извели! И вот, нате-здрасте: вы здесь! А за вами медведи на велосипеде, жабы на метле! Ничего не напоминает?

— Напоминает. Может, потому столько людей и пишет об этом... Из-за *процесса*. А остальные в кильватер спешат пристроиться?

— Наоборот! Все наоборот, смешной вы мой человечище! *Процесс* — не причина, а следствие. Сколько прыщавых тинейджеров и вечных мальчишек с пивными животиками об этом мечтают! Чтоб вдруг все исчезло, провалилось в тартарары, сгинуло, и ты — на белом коне с мечом в руке! Или за пультом боевого звездолета с готовыми к пальбе аннигиляторами. Или — великий волшебник, непременно с посохом, глаза молнии мечут, мантия развевается... Смешно, наивно? Да. А они все равно мечтают. Сотнями, тысячами. Миллионами. Это закон природы, человеческой природы. Вот вы и пишете: раз есть спрос — будет предложение. Даже если это спрос на мечту. На суррогат чуда, втиснутого в переплет. Получите ваше чудо! Обыкновенное! По полной программе! *Кляксы, кляксы, кляксы...* Все Мироздание в *кляксах*. В них тоже рыцари Ордена со временем заводятся — сам видел! Ваяют, в тираж выходят, новые *кляксы* плодят. Наверное, это теперь тоже закон. Вселенский. Вы его создали, этот закон, всем скопом, рыцари-логофилы, имя которым — легион!

Красный, потный, он умолк, переводя дыхание.

Я вновь глянул в сторону цитадели. Первый приступ защитники успешно отбили, и тугрики перестраивали боевые порядки, готовясь к новому штурму. Треклятая Башня пере-

стала гудеть-светиться; вокруг нее смерчем закручивался рой серебристого конфетти, жужжа странную мелодийку наподобие «Чижика-Пыжика». Похоже, Нафири-су, пользуясь безнаказанностью, готовил атакующим новую каверзу.

— Ах, Владимир Сергеевич! Бросьте! Не стоит принимать наш разговор близко к сердцу. Вы — человек ироничный, с чувством юмора... Отнеситесь к происходящему как к игре. Помните, у классика: «Что наша жизнь? Игра!» Смею вас заверить — он прав! Классики всегда правы. Сделайте по-моему, послушайтесь умного совета и обретете покой. Игра стоит свеч. Ведь, убивая персонажей на страницах книги, вы не мучаетесь угрызениями совести? Так какая разница? Тем более что дома вы от этих убийств получаете жалкий мизер: ну, известность, ну, деньги... А я предлагаю вам однозначный и надежный выигрыш. Плюс спасение Антона. Вы еще не забыли о мальчике? О настоящем, не выдуманном второпях?

Забудешь с тобой, как же...

И тут, прерывая наш увлекательный диспут, в три глотки:

— Гав!

Ну конечно, старые приятели-раздиратели: Чудик-Юдик, Брыль и Мордач. Пока без свиты-своры. Пришли засвидетельствовать свое почтение. Но остальные псы тоже где-то рядом, можно не сомневаться.

— Это ко мне, — радуясь возможности ненадолго отвлечься, развожу руками и иду к собакам. Чудик-Юдик, умильно насупясь, склоняет голову набок. Брыль ворчит на Червя — не по душе лохматому чау-чау «Книжковый Хробак», пахнет от него едким, жгучим. Мордач с подозрением осматривается. Слишком много чужих, слишком...

Но я уже рядом.

Ритуал. Валяние, обнимание, облизывание, чесание брюх, натягивание шкуры с задницы на башку. Поздно замечаю, что играю с собаками не один: хохочущий Антон, фигурист-коматозник, вместе с черным терьером валяют друг дружку по траве. Черт! Они же дикие! Вечно голодные! Я — другое дело, а парня псы сейчас — в клочья!

В клочья...

Язык опережает медлительную, не оформившуюся до конца мысль:

— Антон, сдурел?! Порвут!

— Кого? — смеется парень, отпихивая Чудика-Юдика, ловящего обслюнявить жертву. — Меня?! Я с собаками ладить умею. Еще с детства.

А ведь правда — умеет. Иначе бы...

В клочья...

И вновь хитрюга мысль ускользает, оставив горький привкус озарения. Кусты напротив храма взрываются разноголосицей лая, рычания, отчаянных криков. Мгновением позже наружу с треском выпадают Бут-Бутан, Кра-Кра и Носатая Аю! А за ними: клыки, пасти, лапы, шерсть дыбом...

Стая нашла добычу!

— Назад! Фу! Стоять! Не сметь!

Вожак стряхивает Антона. Срывается с места, опережая мой наивный, нелепый вопль. «Министры» лишь на полпрыжка отстают от владыки. Три зверя проносятся мимо, обдав пылью и жаркой волной воздуха. Минуя испуганных подростков, врезаются в стаю. Клыки против клыков, власть против голода. Кто посмел рыкнуть на Чудика-Юдика?! Какая шавка оскалилась на Мордача?! Бей мятежников! Секунда, другая, и все кончено. Никто никого не грызет, обед отменяется: не тех выследили, болонки пустоголовые! Понимать надо...

Возвращается троица лидеров медленно, нога за ногу, едва не лопаясь от собственного достоинства и чувства выполненного долга.

— Бут-Бутан? Как ты тут оказался?

Вопрос, приличествующий идиоту. Вот сейчас он ухмыльнется, пожмет плечами и ответит с безразличной, до боли знакомой интонацией: «Стреляли!» Тогда у меня точно крыша набекрень съедет.

— Спасали...

— Кого? Кого спасали?!

— Тебя...

— Зачем?!

— Молодцы! — вмешивается Книжный Червь, лучась от счастья. — Хорошие герои! Снегирь, браво! Спасайте родителя, детки, воистину спасайте, не ведая, что творите... Взять их!

Наконец-то лучникам нашлась привычная, понятная работа: хватать, держать и не пущать. Что и было сделано с завидной сноровкой.

— Решайтесь, рыцарь. Достаточно убить одного, главного. Остальных и пальцем не тронут. Чем вам будет удобнее? Ножом? Слишком близко? Тогда копьем?! У меня в перстне есть яд. Превосходный яд: без боли, без мучений. Очень бы-

стро. Или, хотите, повесим? Главное, чтобы вы вышибли опору из-под ног. Ну же! Пустяк, мелочь, и все отправляются домой жить-поживать: Антон — к любящей бабушке, вы — к тиражам и поклонникам, я остаюсь здесь, вполне удовлетворенный...

Стою столбом. Вавилонским Столбом, за миг до падения.

Беззвучно шевелятся губы Червя.

Тихо вокруг.

Хоть бы закричал кто...

* * *

Убить легко. Копьем — как авторучкой. Фломастер — меч. Яд — порция чернил. Толкнуть с обрыва, связанного, в спину, — как вымарать абзац. Убить легко. «За что?» — взмывает одинокий крик, чтоб кануть в Лету. Глупый. Ни за что. Ты виноват уж тем, что мной рожден: смешной, нелепый, лишний персонаж, и о тебе приятней сочинять успешный квест, чем встретиться однажды лицом к лицу. Да, хочется мне кушать, и вот: небрежно вымаран абзац по имени Содом, за ним другой, по имени Гоморра. Продолжать? Зачеркнуты жена и дети Иова. Зачеркнут ты. Не бойся. Ты умрешь не навсегда. Я воскрешу твой труп — драконьими зубами на снегу, метафорами, повестью о жизни, которая, подобно мотыльку, пришпилена к бумаге: не летай, сожженный лампой, солнцем, тем огнем, к которому опасно приближаться. И правде не открыться: ты убит. Я правду наряжу в одежды лжи — и ложь одену в правды наготу. Я напишу, как ты взрослел, как рос и вырос наконец, героем став, свершил деянья, бросившие небу столь дерзкий вызов, что небесный свод зарделся от стыда; я расскажу, как великаны пали пред тобой, и сотни ослепительных красавиц пришли к тебе, и сотни мудрецов на твой вопрос ответа не нашли.

Убить легко.

Позволь тебя убить. Не укоряй. И не молчи — покорность доверчиво-безгласной немоты иль бунт немой равно бесцельны. Знаешь, мне очень больно убивать тебя. Ты чувствуешь: я ямбом говорю, как будто ямб сумеет укрепить мое решенье. Убивать легко. Ты чувствуешь, сочувствуешь, молчишь, без осужденья смотришь на меня и ждешь решенья. Жди. Сейчас. Сейчас...

Проклятый ямб.

А Настя говорила: «Ямбец, Снегирь. Войдя в такой размер, известно наперед: полезешь драться».

Она была права. Убить легко.

Кого? Тебя? Себя?!

Я никогда...

БАЛЛАДА РЫЦАРЯ

Я никогда не стану здесь своим.
Я — лжец, а люди вдребезги правдивы,
И если происходят рецидивы,
То лишь по наущению Змеи.

Я никогда не стану вам родней.
Я — пьяница, а вы воспели трезвость,
И если где царит хмельная резвость,
То лишь в беспутных, вскормленных Свиньей.

Мне никогда не быть одним из вас.
Я горд, а вы неизмеримо кротки,
И, где в почете цепи и решетки,
В опале грива честолюбца Льва.

Давно пора мне на сковороду.
Домой. В геенну. Смейтесь! — я в аду.

Но если дом горит, и плачут дети,
И псу подстилкой служит добродетель,
И кротость с беззаконьем не в ладу, —
Тогда зовите.
Мрачен или светел,
Как летний дождь, как ураганный ветер,
Лев, и Свинья, и Змей, за все в ответе, —
Зовите, люди!
Громче! —
я приду.

XX. КОРОЛЕВА, РЫЦАРЬ И ЧЕРВЬ

Предпоследних страниц загибая углы
дрожащей рукой,
Мы с глазами в цвет солнца
покорно вошли
в расступившийся строй.
Мы не пели; и здесь завершилась
эта судьба,
И у цели проклятья нам были
росой на губах.

Евгения Точицкая

— А что выбрал ты? Червь, ты ведь однажды выбрал?!

Королева выступила из дверей храма. За спиной Польских, в пыльной тьме молельни, правым уголком рта ухмы-

лялась Кривая Тетушка — у подательницы случайной удачи было своеобразное чувство юмора. Лучники попятились, впрочем, не отпустив пленников. Тамара Юрьевна всякий раз удивлялась первичному действию артефакта из Ливерпуля: эти кольчужные сетки, пластины, шипастые оплечья, пояс, усеянный бляхами, наручи-поножи — жуткий, колючий металл едва ли не на голое тело! — но результат был налицо. Казавшийся смешным рыцарю Ордена, доспех неизменно вызывал оторопь у обитателей *локусов*.

В небе над головой парила смутная запятая.

Королева знала: позови — явится.

— Ты убил? Согласился? Как, Червь? Ядом? Копьем? Огнем?! Убил и обрел покой... Или все-таки не обрел? Отвечай, падаль!

Она блефовала. Не будучи полностью уверена в своих догадках, королева била наугад с убежденностью наития. Такие стрелы, случается, попадают в цель вернее, чем посланные с точным прицелом: ядовитые, случайные, долгожданные. Червь отшатнулся. Ответ был написан на его младенчески розовом, тонкогубом лице: ответ бывшего рыцаря, однажды убившего ради покоя и получившего взамен — голод. Вечный. Беспощадный.

У голода не было проблем с зубами.

А у Книжного Червя — с ненавистью.

— Ты! — Вместо приказа схватить самозванку Червь метнулся к ближайшему лучнику, с ловкостью площадного акробата, человека-змеи, вырвав из рук копье. Перед ним насмехался отказ, не заслуживающий прощения; упрямство, не рассчитывающее на пощаду; королева, презревшая раба. Таких надо убивать лично. Вдыхая аромат крови. Даже понимая свою беспомощность в простейшем, яростном праве: уничтожить. — Ты! Здесь!..

Взмах копья.

Дрогнула крылатая запятая в небе: нет, не успеть.

А Снегирь, глупый Чижик, почувствовал зуд в пальцах: прорастали когти.

Тамара Польских видела, как они катятся по траве: Червь, мертвой хваткой вцепившись в копье, и Влад, прыгнувший на плечи искусителю. Сбитый с ног, извиваясь, скользя, Книжный Червь освободился бы сразу, но рыцарь бился неумело, нелепо, страшно, по-бабьи хватая за волосы, пытаясь достать горло любой ценой. Копье оказалось внизу, распоров бедро Снегиря острым краем наконечника, кровь измазала гибкий, бескостный торс Червя, ускользающего прочь, — и дикий вопль оглушил собравшихся:

— Не-е-ет!

Поздно. Великан-тридесятник, шагнув к дерущимся, наклонился и ахнул рыцаря кулаком в висок.

— Идиот!

Фонтан искр ударил из Влада. Россыпь огней прокатилась по хребту, ледяное пламя охватило талию. Наверное, он не сразу потерял сознание, — «пшик» длился долго, дольше обычного, заливая порог храма горящими брызгами, а все стояли и смотрели, забыв, где они, что они, кто они...

Вскоре Червю стало некого уговаривать.

Усталый, опустошенный, бывший рыцарь Ордена, а ныне Книжный Червь перевел взгляд на королеву.

И равнодушно, выжжен дотла, махнул рукой:

— Убейте дуру...

Польских ощутила, как ее губы непроизвольно кривятся в улыбке. Горькой? Победной? Жалкой? Нет, только не жалкой.

— Ты опять проиграл, Червь.

Заезженная донельзя фраза: Тамара Юрьевна тридцать раз подумала бы, прежде чем вставить ее в собственный текст (да и потом, наверное, вычеркнула бы), но другой сейчас не нашлось. Потому что — правда. Потому что — проиграл.

И — остальным:

— Назад!

Солдаты запнулись, почуяв в королеве — силу. Тридесятник на всякий случай покосился на Червя (вдруг передумает?!), и, упав в кольцо паузы, как мяч в корзину, крылатая запятая рухнула с неба, разом обретая настоящий вид.

Она взлетела на спину Пегасу легко, в одно касание — молодая, молодая, молодая!.. Ах, королева моя...

«Последний меч Империи» покинул ножны.

Два мощных крыла взвихрили воздух, швырнув в глаза лучникам облако пыли, Пегас рванулся к облакам, унося на себе суровую амазонку, и в следующее мгновение внизу начался беспредел. Другого слова для творившегося безобразия Польских, несмотря на богатый литературный язык, подобрать не смогла. В конце концов, это *локус* Снегиря, значит, слово — вполне подходящее. Пусть сам отдувается, мальчишка.

Из кустов, из высокой травы на косогоре, из-за храма горохом посыпались собаки. Два десятка, не меньше. Больше! И добро б шавки-дворняги, хвосты бубликом: бультерьер, ньюф, шарпей, две овчарки, мраморный дог... Первым несся черный терьер: «собака сильная, злобная, уверенная в себе, с квадратным или приближенным к квадратному форматом». Псы кинулись на людей, клыки вцепились в древки копий, дробя сухое дерево. Лая не было: только яростное, утробное рычание, вопли укушенных, топот...

— В храм! Все в храм! Быстро!

— Это она, она наслала!

— Бой-Баба!

— Зря этого... Отщепенца! Били зря! Не надо бы...

Люди пятились к храму, надеясь на милость Кривой Тетушки, судорожно отмахиваясь копьями от наседающих псов, промахиваясь, попадая, ломая жалкое подобие строя, которое солдатам ненадолго удалось создать. Из толпы вывернулись двое: парнишка с медным обручем на шее и девица, растрепанная, визжащая, в изорванных лохмотьях. Сука колли, ощерясь щучьей пастью, устремилась за беглецами, но парнишка отчаянно подпрыгнул, уцепился за лозы, оплетшие храмовые стены, изогнулся ловким бесом, помогая девице вскарабкаться на крутой скат, и оба кошками полезли на крышу. Остальные жертвы стаи ломились в двери храма, словно тайная сила всасывала людей в бездонное чрево.

Королеве было хорошо известно имя этой силы.

Паника.

— Пленников! Держи!

— Болваны! — орет Червь. — Последнего не упустите! Главного!

— В храм!

— Не бросайте! А-а-а! Помоги-и-и-и...

Самый медлительный из солдат споткнулся, упал и уже не смог подняться под грудой собачьих тел. А если бы и смог, это ничего не меняло: дверь храма захлопнулась, лязгнув внутренним засовом. Псы жадно рвали кровавую плоть, рычали под дверью, безуспешно пытаясь в прыжке протиснуться сквозь узкие оконца-щели. Беглец с обручем и девица-растрепа, оседлав конек крыши, глазели вверх, на парящую королеву. Или как там местные выразились? Бой-Бабу? Тоже неплохо, хотя и вульгарно. Впрочем, Снегирь никогда не отличался политкорректностью.

Королева осмотрелась. Вдалеке, у крепости, возвышавшейся над заливом, шел бой. Это нормально. В подобных сочинениях вечно кто-то кого-то осаждает. Традиция. Нападающие лезли на стены по чудным лестницам-«гармошкам», защитники пытались «гармошки» сложить, упираясь суставчатыми шестами. Поодаль, над Трижды-Пизанской башней, кишмя кишела чистая как слеза магия. А вот у опушки леса пасутся старые знакомые — двое беговых горбунов. Видала мельком, прорываясь во Владов *локус*. Горбуны топтались на месте, нервно обгладывая свежие ветки. Обедают? Беспокоятся за пленников? Вовсе случайно забрели?!

А-а, ерунда.

Пора уходить, не прощаясь. В последний раз окинув взглядом пейзаж, королева рассмеялась: готовый эпизод для романа. Бери целиком, вставляй в финал. Самое сладкое дело: массовая финальная «раздача» с привлечением главных, второстепенных и пушечного мяса. Разве что, пиши это Польских, непременно ввела бы явление чародея.

Внизу испуганно заскулили псы, кинувшись наутек.

А в небе над лесом мелькнула серебряная точка, заставив откликнуться ржанием крылатую запятую Пегаса.

XXI. РЫЦАРЬ ЛИСТАЕТ СТРАНИЦЫ, А МАГ РАЗМЫШЛЯЕТ О МИЛОСЕРДИИ...

Кем нам быть в этой жизни и кем
нам вовеки не стать,
Мы едва ли узнаем, поскольку
меж адом и раем —
Лишь прожекторный луч,
протянувшийся кромкой листа,
Ибо сцена пуста, ибо мы не на ней
доиграем,
Ибо в бездне огонь, и над ним
не построить моста...

Диана Коденко

...Над головой — низкий потолок из некрашеной доски-«вагонки». Лампочка без абажура на белом двужильном шнуре. Выключена. Потому что — день. И так светло.

В окне кувыркается солнце.

Я на даче у Марии Отаровны. Здесь тепло, даже жарко: наверное, АГВ или печку вовсю растопили. Голова чистая,

ясная, медовая свежесть растекается в сознании, будто и не кололи мне наркоз *здесь*, не били по башке *там*. Шестеренки мыслей крутятся быстро, легко, без скрипа, одна мысль сама собой цепляет другую, та — следующую, все мудрые, тонкие, афористичные...

У меня очень мало времени. Очень. Глупо тратить его на ерничанье.

Откуда я это знаю?!

Неважно.

Поворот головы. Вправо. Рядом, на раскладушке — грузное, беспомощное тело. Разметались седые волосы. Восковая бледность на знакомом лице. Слышно хриплое, натужное, из последних сил дыхание. Что ж вы так, Мария Отаровна?..

Старуху заслоняет фигура парня в тельняшке и линялых джинсах. На тельняшке, под левой лопаткой, круглая дырка с опаленными краями. След от пули? На миг вспыхивает безумный вывод: это не человек. Это герой, персонаж, плод воображения, убитый автором. Измученный *процессом* рыцарь Ордена согласился, поддался на уговоры: нож не годится, слишком близко, кровь брызжет в лицо, копье устарело, яд — противно, зато пистолет в самый раз, нажать на спусковой крючок, ты даже не увидишь, не услышишь, не поймешь, только тельняшка останется смутным напоминанием, когда рыцарь продолжит рассказ о парне — как бы живом, *типа* существующем, строчку за строчкой, абзац за абзацем...

Наваждение уходит еще быстрее, чем явилось.

— Что с ней?

Парень резко оборачивается. Широкие скулы, губы плотно сжаты, непослушные каштановые вихры падают на лоб; чуть раскосые глаза смотрят изучающе. Будто их обладатель прикидывает, стоит ли вообще со мной говорить.

Для принятия решения ему хватает секунды.

Стоит.

— Приступ. Сердце. Из больницы позвонили. Сообщили: у Антона почки отказали. Все, дрова. Не вытащат. День, от силы — два. Тут бабу Маню и схватило. Я «Скорую» вызвал, по вашей мобиле. Баба Маня сказать успела: мол, не надо Антошу — сюда. Вообще не надо. Пусть там... И все. Я еле подхватить успел...

Время!

Тиканье часов грозит перейти в набат Лунного Гонга.

— Костя! — Он ведь Костя? Мария Отаровна говорила, я помню... — У меня в сумке статуэтка. Птица серебряная. Премия. Под подушку ее мне!

Костя моргает.

Не понимает Костя.

— Быстро! Я...

Успеваю увидеть, как он кивнул. В крови, в мозгу, пожирая мед ясности, просыпаются шершавые щупальца наркоза. Спрут обвивает изнутри — так бывает? да, так бывает... — скручивает, пеленает словно мумию, выворачивает наизнанку, свет меркнет, иду на дно, в вязкий ил, чавкающий от вожделения...

...чавкает.

Под ногами.

В чем мамка Вовку родила, стою у алтаря волхвов. На прежнем месте, где мы с врачихой ждали Червя. Только хуанодон оказался лжеинкарнантом, — сбежал, подлец, возродившись, и волхвы сбежали, если не пали, растоптанные гнедыми конями тугриков, и лиану какой-то подлец растоптал, превратил в липкое месиво. Я вступил, вот оно и чавкает, а еще в колючках пихтусов жужжат кусачие мухи-дроздофилы, и мне это больше не кажется смешным, напротив, раздражает глупостью и наивом, но ведь они жужжат, эти дурацкие мухи, они вьются, и мое раздражение, воистину смешное, глупое и наивное, не колышет даже густой, остро пахнущий воздух леса...

Рокочет вдали барабан: штамп-штамп-конъюнктура!

Война бьет людьми в туго натянутую кожу.

Цирк шапито: тра-та-та, смертельный номер...

Я все знаю. Все. Как вернуть Антона домой, в умирающее тело с отказавшими почками — знаю. Проще простого: убить фигуриста здесь и встретить там. «Не надо!» — хрипит инфарктная Фурункель, и это я тоже знаю. Что не надо. Как избавиться от *процесса* — знаю. Любимый глагол «убить»: на сей раз Куриного Льва, ходячую горстку фраз. Как ублажить Гобоя: знаю. Все знаю. Все.

Абсолютно.

Я, придурок, всеведущ.

Я, гаденыш, ничегонемогущ.

Я, сукин сын, уж никак не всеблаг. Господи, за что?! Пронес бы чашу мимо, я б спасибо сказал...

Происходящее напоминало финальный запой. Когда ни грамма, ни капельки, от спиртного воротит, и только пишешь, избиваешь клавиши, кричишь, несешься к завершению, видя, что текст местами сценарен, что кости скелета просвечивают сквозь плоть, — ерунда, потом, позже, вдохнув наконец воздуха, успокоив сердце; а сейчас схватки делаются сильнее, финишная ленточка близится, прикидываясь опущенным шлагбаумом, и порвать ее грудью, расколоть надвое или расколоться самому — как родиться заново.

Рокочет барабан.

Они ждут тебя, рыцарь. Королева, Бут-Бутан... Червь.

— Да где же ты?!

С неба рушится тень, сотканная из невесомого серебра. Острые коготки впиваются в плечо. Молодец, Костя в тельняшке! Сделал-таки!

— Снегир-р-рь — р-р-рыцарь! Ур-р-ра!

А мне чудится: «Дур-р-рак...» Читай, Гарпия. Мысли читай. Желания. Куда надо рыцарю Печального Ордена?! Правильно, туда. К храму. И пусть у рыцаря потом голова хоть вдребезги расколется, как от самого жуткого похмелья. Сможешь, птичка? Чтоб сразу?!

Одень меня в кого-нибудь: плащ ветра, накидка молнии...

Когти рвут плечо. Больно. Очень больно. Боль распространяется по телу — боль, голод, жуткий, ядовитый. Голод, похожий на удушье. Мне нечем дышать! Воздух иссыхает, делаясь песком; вскоре он засыплет мне ноздри, забьет гортань, вынуждая бежать, искать, вновь, снова... Руки — гибкие, чудовищно розовые. Кожа на лице тянется резиной. Вместо позвоночника — жгут из каучука. Во рту руины порченых зубов. Окружающая *клякса* сохнет с ужасающей быстротой, но складки пространства похожи на страницы книги; их можно листать походя, не глядя, оказываясь в нужном тебе месте со скоростью читателя, открывающего текст на закладке...

Кем ты меня сделала, Гарпия?!

— Р-рыцар-рь... чер-р-рвь...

Карканье премии звучит глухо, на пределе — вот-вот сорвется в хрип. Тускнеет серебро. Листаю страницы: к храму Кривой Тетушки. Туда, где ждут.

«А что выбрал ты? Червь, ты ведь однажды выбрал?!»

Королева моя! Он выбрал... теперь я точно знаю, что он выбрал...

* * *

Алый Хонгр дико не любил опаздывать. Еще служа в учениках Мангра Шатена, будущий чародей поражал наставника пунктуальностью. Всего дважды ему довелось нарушить Обещанье Срока: о первом случае, стоившем магу шрамов на ягодице и десяти лет строжайшей епитимьи, Хонгр старался вспоминать пореже, особо в дни самобичевания, а второй случай творился прямо сейчас. Наверное, следовало бы еще в Данготее решиться, вызвать демона по кличке Летальный Исход или оседлать клин сизых пролетариев, но тогда Алый Хонгр израсходовал бы слишком много сил, дав изрядную фору хитрецу Нафири-су. И все же явиться обессиленным, возможно, было бы предпочтительнее.

Ненавидя опоздания, маг втрое больше ненавидел вот такие ситуации: что ни выбери — пожалеешь.

Эскорт он бросил сразу за Судьбоносным Урочищем, едва последние алатырь-камни скрылись от взгляда. Верблюди спотыкались, кашляли, вздрагивая горбами; пришлось наложить на скороходов чары Марш-Броска, притупляющие усталость, но способные погубить неосторожного. Дорога плясала под толстыми, ороговелыми подошвами, качка паланкина терзала Хонгра морской болезнью, вызывая тошноту, Лунный Гонг надвигался с неотвратимостью приговора, — армейский маг чуял его приближение отбитым копчиком! — но честь и долг, долг и честь гнали главу братства Насильственного Милосердия вперед, а маг гнал тупо моргающих верблюдей.

Опаздывая.

Сожри вас Худой Берген, владыка рая Голодных Скотов! — опаздывая...

Ла-Ланг он прошел насквозь, с севера на восток, срезая путь к Треклятой Башне. Увы, на окраине города, возле заброшенного храма Кривой Тетки, языческой идолицы, чары Марш-Броска иссякли. Верблюди стали как вкопанные, не имея сил даже упасть. Хонгр покинул паланкин за миг до того, как руки носильщиков разжались. Наскоро оглядевшись, маг понял, что судьба еще любит своего маленького волшебничка. Двое свежих верблюдей, в которых он узнал скороходов-близнецов, брошенных на Великом Хлопчатобумажном Пути, паслись в зарослях. Близнецы встревоженно косились на стаю собак, загнавшую в храм кучку местных бездельни-

ков, но особого страха не проявляли: псу ни за что не догнать здорового, сытого верблюдя.

Посему Алый Хонгр недоумевал: отчего тревожатся беговые рабы?

Кто-то из собачьих пленников подкармливал его слуг?!

А-а, какая разница, если отсюда, с кручи, была прекрасно видна Треклятая Башня ла-лангского Нафири-су, сплошь окутанная фиш-волшбой. Надо было спешить.

— Ц-ц-ц! Цоб-цобе, тпр-ру! Хаш, хаш...

Говоря на тайном языке верблюдей (сами скороходы предпочитали изъясняться жестами), маг приблизился к зарослям. Участь людей в храме была Хонгру безразлична: собаки разорвут, победившие тугрики замордуют, вернутся домой после Лунного Гонга целые-невредимые — их рок, их забота.

— Сейдзен!

Почему-то верблюдь заартачился. Вместо того чтобы выполнить приказ и встать на колени, давая магу возможность вскарабкаться на спину, скороход отбежал на два шага и зафырчал, плюясь.

— Дзадзен! Дза!!!

Нет.

Упрямец отказывался служить.

У мага не оставалось времени для примерного, вдумчивого и долгого наказания ослушника. Пальцы наскоро скрутили Мудру Власти: пасс, другой, и верблюдя словно по загривку дубиной шарахнули. Оглушенный, он качнулся к господину, упал на колени, закрывая глаза в смертной тоске...

Маг уже почти сел ему на плечи, когда верблюдь лег.

— Тварь!

Скороход лежал плашмя, и Алый Хонгр чувствовал: убить можно, поднять — вряд ли. А смерть наглеца не помогла бы магу быстрее достичь Треклятой Башни.

— Оставь! Оставь его в покое!

Кричали с крыши храма. Машинально маг глянул в сторону крикунов: девица, носатая и растрепанная, чахлый недоросль с обручем на шее...

— Я в-в-в...! В-волшебник я! Уб-бью!

— Здравствуй, дурачок, — одними губами прошептал Алый Хонгр. — Не следовало тебя отпускать: ты везунчик. Вот и сейчас: я обещал убить тебя, если еще раз встречу как волшебника, я привык исполнять обещания, ан нет, извини, —

спешу, малыш, тороплюсь... Гляди, не искушай Кривую Тетку в третий раз. Вывезет ли?

Оставалось последнее средство. Взбежав на косогор, чародей плюнул против ветра, готовясь вызвать из геенны Летальный Исход и мчаться на спине демона к Нафири-су. Руки мага взлетели плетьми — так охотники Дикого Гона глушат на скаку хищных тушканов, не испортив шкуры! — но врата ада пренебрегли зовом Хонгра, ибо Лунный Гонг наконец ударил.

Знаете ли вы, как бьет Лунный Гонг? Нет, вы не знаете, как бьет Лунный Гонг! Если все уши мира превратить в пластины из белой бронзы, а все кости мира сделать ылдайскими колокольцами, и листья на деревьях — бубенцами скомороха, и звезды на небе — висячими рельсами, птиц обратить сушеными косточками сливы, собрав в единый маракас неба, выбить семь склянок из равнин, а горы перелить на колокола, взяв молнию билом, и каждую каплю воды в морях уронить на головы слушателей, как делают палачи в далеком Оохене-Заплечном, и натянуть нервы струнами, сердца взять колками, а хребты — грифом одной великанской лиры, и по всему этому, звенящему, гудящему, булькающему, тренькающему и брякающему на разные лады, шарахнуть восьмиручной тумак-колотушкой, обмотанной тряпьем, ибо сильны демоны-Палиндромы, одинаково сильны из начала в конец и из конца в начало...

Короче, изрядно было грохнуто.

Когда слух вернулся к Алому Хонгру (зрение запаздывало...), первое, что услышал армейский маг, было:

— ...ш-шебник! Й-я-я!

Война кончилась. Завершился БИП, осаждающие скучно сидели под стенами цитадели, вытирая трудовой пот, защитники открывали ворота, неся тугрикам хлеб-соль, Треклятая Башня от усталости клонилась сразу на шесть сторон света, из храма Кривой Тетушки, спотыкаясь, выходили пленники собачьей стаи, а с крыши все несся вопль Мозгача Кра-Кра, пропустившего удар Лунного Гонга мимо ушей, потому что иначе гнев разорвал бы ему селезенку:

— Волшебник! Я!

Парень даже заикаться перестал.

А Алому Хонгру отныне некуда было торопиться.

Кривая Тетушка подвела Мозгача. Вывезла под копыта. Маг смотрел на дурачка слепым, змеиным взглядом, размышляя о сущности Насильственного Милосердия. Если на-

ивной простушке, носящейся со своей девственностью, как юродивый с писаной сумой, вечером во ржи встречается благородный разбойник, измученный воздержанием, — это правильно. Ибо иначе простушку неделю спустя заезжий некромант ободрал бы на кожу для переплета «Memento mori». Если лекарь тайком дает яд больному скоротечной чухонкой, уверив несчастного в действенности нового снадобья, — это верный поступок. Ибо в противном случае, припозднись лекарь с ядом, больной на третий день превратился бы в чудь белоглазую, пробираясь по ночам в дома родичей и щекоча насмерть спящих старцев. Если банда юных сорвиголов регулярно поколачивает заморыша-флейтиста, вынуждая последнего разбить флейту о камень и наняться служкой-метельщиком в дом Го Бо-йена, мастера боя на шлепанцах, — сорвиголовы творят добро, ибо однажды их, терроризирующих деревню, встретит грозный Тхуг Ляпсус, приемный сын мастера Го, не знающий пощады. А флейтистом Тхуг все равно стал бы дрянным. И Мангр Шатен, величайший из чародеев, некогда поступил согласно заветам Насильственного Милосердия, силой отобрав у вдового горшечника Джавахарлала его единственного внука, надежду на безбедную старость, ибо мир потерял юного глиномеса Хо, но обрел Алого Хонгра, будущего главу братства, не делающего различий меж добром и злом, а потому обитающего в раю.

— Иди сюда, — тихо сказал маг.

Даже рукой махнул — если бывший шут не услышит.

Мозгач кубарем скатился с крыши, приземлившись на четвереньки, с ловкостью мартышки кинулся к обидчику. Пока он бежал, Алый Хонгр дергал нити из эфира, плетя Аспид-Кисею — колпак для поединка магов. Вокруг двоих засуетились стеклянные змейки: шипя, переплетаясь, роняя прозрачные чешуйки, змейки укладывались рядами, как виноделы Гжеля укладывают гадин кольцами вдоль стенок бутыли, готовя целебную настойку «Геть-Хандреж», — вскоре Аспид-Кисея надежно окутала Хонгра с Мозгачом, позволяя зрителям любоваться представлением, слегка размытым и нечетким, но оттого еще более величественным.

Звуки снаружи легко проникали в колпак, дабы маг-победитель мог насладиться овациями, а проигравший услышать собственный позор.

Но из-под колпака не вырывалось и шепота.

— Волшебник? — спросил Алый Хонгр. — Значит, все-таки волшебник?!

XXII. РОМАНСЕРО «СЛАВНЫЙ РЫЦАРЬ...»

Читал охотно Апулея, а
Цицерона не читал...

А. С. Пушкин

Славный рыцарь дон Родриго
Поражает диких мавров,
Истребляет злых драконов,
Укрощает василисков,
Служит королю Алонсо,
Любит донью Изабеллу,
Андалузские пьет вина,
Заедает жгучим перцем.

Славный коммодор Мартинес
Поражает плазмой монстров,
Истребляет злых пришельцев,
Укрощает звездолеты,
Служит рейнджером в десанте,
Любит проститутку с Марса,
Пьет бальзам «Особый звездный»,
Заедает биомассой.

Славный богатырь Добрыня
Поражает всех, кто рядом,
Истребляет лютых змеев,
Укрощает Сивок-Бурок,
Служит Володимир-князю,
Любит пить по воскресеньям,
А в день будний — и подавно,
Заедая чем придется.

Славный а́гент федеральный
Поражает террористов,
Истребляет экстремистов,
Укрощает генералов,
Служит верно президенту,
Любит Андерсон Памелу,
Пьет лишь пиво, из закусок
Чипс сухой предпочитая.

Славный чародей Просперо
Поражает файерболом
Всех своих коллег по цеху,
Укрощает вражьи чары,
Служит Князю Преисподней,
Любит ясеневый посох,
Пьет на завтрак эликсиры,
Заедая мандрагорой.

Славный вурдалак Влад Цепеш
Поражает бледным видом.
Ему зомби верно служат,
Упыри в дверях толкутся.
Гроб — вампирское жилище,
Кол осиновый — награда.
Пьет он кровушку без меры,
Закусив красотки шейку.

Славный рыцарь дон Писатель
Пишет день про коммодора,
А второй — про вурдалака,
Третий день — про чародея,
И четвертый — о Добрыне,
Пятый посвятив Родриго,
Агенту шестой оставив.
На седьмой же день недели,
На последний день творенья,
Вытирая пот усталый,
Озирая твердь и влагу,
Ход сюжетный и интригу,
Антураж и персонажей,
Скажет тихо дон Писатель:
«Хорошо же, блин, весьма!»

Славный рыцарь дон Читатель...

XXIII. СЕРДЦЕ ЛУЧШЕГО-ИЗ-ЛЮДЕЙ ЕЩЕ БЬЕТСЯ

> Это означает работать, когда вам не хочется работать, несмотря на то, что никто не говорит вам, что вы должны. Это означает отказ от встреч с вашими лучшими друзьями, когда вы пишете, и приказание вашей жене и детям выйти из кабинета...
>
> Это означает оскорбление людей, которые не могут понять, что процесс написания нельзя прерывать — ни для званых обедов, ни для дней рождения, ни даже для Рождества.
>
> *Р. Э. Хайнлайн.*
> *«Как стать фантастом»*

Бут-Бутан запутался в паутине. В самом центре липких кружев. Причем, что совсем уж странно, парнишка ощущал себя не пойманной мухой, а пауком-сердцеедом. Большим глянцевым паучарой с мохнатыми лапами, от которых во все стороны тянутся нити, тонкие, упругие. Паутинки мелко подрагивали, пытаясь сообщить хозяину важную весть, но паук

Бут-Бутан тщетно силился разглядеть (понять? почувствовать?), что таится на концах нитей, уходящих во мрак? Добыча? Жалкая мошкара? Вряд ли... Он задыхался от новых, неведомых чувств. Словно, оставаясь прежним Куриным Львом, «Рукой Меча», предательски слабой в отсутствие чуда, бродяга-подкидыш разделился линиями сложной пентаграммы, меняя поиск на обретение — и отчаянно боясь демона, готового прийти на зов.

Вразуми и наставь, о Дух Лучшего-из-Людей!

Даруй милость, о Тетушка, мудрейшая в непредсказуемости кривизны!..

Терзаясь догадками, Бут-Бутан и думать забыл, в каком находится бедственном положении. Впрочем, к плену парень давно привык: это счастье частенько баловало Курино-го Льва в его странствиях. Друзьям удалось бежать, и, значит, спасение не за горами! А Дух Лучшего-из-Людей вернется. Он и раньше рассыпался летним звездопадом, возвращаясь снова. Он же Лучший! Неистребимый! И Червь с лучниками еще пожалеют!..

Истошный вой стаи прошел мимо внимания Бут-Бутана: грезы о будущей мести захватили парня целиком. Зато лучники сунулись к оконцам, и зря: ахнуло так, словно алхимики Глоримундии нашли-таки корень мантикоры, вставили его мирозданью, доверху набитому «горючими слезками», вместо фитиля, чиркнули ведьминым огнивом, и за миг до взрыва еще можно было услышать, как чмокнул в предвкушении жадный рот Бездны Есть-Хочу.

Ух!

Ох!

Х-х-х...

«Лунный Гонг! — мычащий от потрясения Бут-Бутан скорее угадал по губам, чем разобрал слова тридесятника. — Отвоевались, братцы...»

...Когда его вывели наружу, Куриный Лев сперва зажмурился: после храмового полумрака солнце выжигало глаза. А едва проморгался — решил, что грезит наяву. Или голову напекло. Да ну вас, насмешников! Сами смотрите!

Во дворе храма из солнца, пыли и эха Лунного Гонга возникал человек. Нет, не человек: Червь! Близнец! А первый Червь стоял, тупо уставясь на двойника. Нагой, как при рождении, гость являлся медленно, раскачиваясь стеблем белого мака-сырца; «Палец, листающий страницы», — пришло на

ум Бут-Бутану чудное сравнение. Воздух полнился сухим шелестом; стена храма возле Червя-двойника вдруг сделалась слоеной, на известке проступили тайные письмена, сменяясь иными знаками, и еще раз, и еще... Все замерло — только шелест-призрак, запах пыли, кипенье солнца и фигура пришельца, обретающая плоть. Заблестела розовая, будто смазанная жиром, кожа. Натянулась, распираемая изнутри, высыхая на глазах.

Лопнула!

С треском.

Куколка раскрылась, выпуская бабочку. Опали, истончаясь, растворяясь в сиянии полдня, лоскуты оболочки. Бут-Бутан тихо охнул: на месте Червя-близнеца стоял Лучший-из-Людей! А над головой птица с женским лицом натужно загребала крыльями, стремясь в поднебесье и не в силах...

Обнаженное тело гостя подернулось мелкой рябью: знакомая мантия, синяя со снежными лилиями, затем сверкающий нагрудник, широкий балахон... Но тут птица, будто сбросив непомерный груз, взмыла к облакам, вспыхнув на солнце серебряной искрой, а Лучший-из-Людей остался стоять напротив Червя. Обнажен по пояс, босиком, облаченный лишь в густо-фиолетовые шаровары заморского покроя.

Так смотрят друг на друга кровные братья, ставшие врагами не по своей воле. Молча. Безнадежно. Слова больше не нужны, и все яснее ясного, оставляя единственный выбор, а значит — никакого.

Червь не выдержал первым:

— Хорошо, рыцарь. Ты сам этого хотел.

* * *

Лучники поняли правильно. Бут-Бутан рванулся: «Я! Мы!.. С тобой!..» — но его держали крепко. Вскоре Лучший-из-Людей, с завернутыми за спину руками, стоял напротив Куриного Льва. Дух поднял голову, взглянул на парня и неожиданно подмигнул:

— Не бойся, Годзилла.

— А я и не боюсь! — Бут-Бутан удивился странному прозвищу, но на всякий случай гордо вскинул подбородок.

— Это правильно, — согласился Червь, ласково щурясь. — Смерти вообще не надо бояться. Больно много чести ей, Костлявой. Эй, дайте рыцарю копье! И держите, чтоб, случаем, не выпустил. Рыцари, они ребята с причудами...

Лучники с недоумением переглянулись, но — приказ есть приказ! — стали выполнять. Трое вцепились в локти и плечи Лучшего-из-Людей, четвертый вложил в руки копье, а тридесятник силой заставил сжать пальцы, накрыв сверху волосатыми лапами.

— Пустое, Червь! Зря стараешься! Не я его убью — ты и твои люди...

— Отпустите! Не смейте! — надрывалась откуда-то сверху Аю, но Бут-Бутану никак не удавалось вывернуть голову, чтоб увидеть «Руку Щита». Он очень надеялся, что лучники с Червем пренебрегут девушкой. Иначе забросают копьями или просто стащат, за волосы.

Червь обождал, пока, повинуясь тайному знаку, скрутят юношу, в котором Бут-Бутан безошибочно узнал Отщепенца. Юноша сопротивлялся, но силы были неравны. Затем, шаркая, как глубокий старик, Червь приблизился к Куриному Льву.

— Может, ты прав. Даже скорее всего прав. Но я обязан попытаться. — Старый, старый, чудовищно старый, он смотрел на Бут-Бутана, а говорил с Духом. Но вот: улыбка плотно сжатого рта, и Червь подмигивает парню, насмешливо передразнивая Лучшего-из-Людей. — Так, значит, не боишься, молодой человек? Умница. Хороший мальчик. Хотел спасти кумира? Спасай. Понимаешь, ему необходима жертва. То, что он говорит вслух, — ерунда. Спазмы дуры-совести. А ты, надеюсь, достаточно разумен. Любая жертва разумна, иначе искусство не требовало бы себе жертв... Ладно, оставим лирику. Лучники! Помогите рыцарю ударить. Рыцарь ослабел.

Глухо екнуло сердце в груди. Если это действительно нужно Лучшему-из-Людей... Конечно, сам он никогда не согласится, у него совесть, угрызения, честь, — но если надо...

— Не смей! Не слушай Червя!! Он лжет!

Это совесть. Точно, это совесть кричит...

— Не дай мне убить тебя!

Да, совесть. Вечная неудачница совесть. Хочется жить. Очень хочется. Но если...

— Будьте внимательны: копье должно находиться в руках рыцаря. И постарайтесь не промахнуться с первого раза: к чему мучить парнишку?

— Не-е-ет!!! Сволочи!..

Бронзовая купальщица Бюль-Бюль, сложив ладошки жалом копейного острия, ныряет вперед.

В пучину сердца.

«Совесть... ну и пусть...» — отрешенно успел подумать Бут-Бутан. Сверху рушилась крылатая тень — наверное, Термидор Орленый, посланец Старца-Облако, явился из рая за душой невинно убиенного. Вот, значит, ты какой, посланец... Перед носом, едва не расплющив в лепешку, мелькает огромное копыто. Треск, крики, острая боль пронзает левый бок, смещаясь к бедру. Кажется, еще жив. Да какое там кажется! Жив!!! Бой-Баба, приемная мать Лучшего-из-Людей, пришла на помощь своим детям!

Происходящее выглядело сотворенным наспех, скомканным и небрежным, словно судьба собиралась позже заново вернуться к уже свершившемуся насилию: доработать, расцветить подробностями, прописать детали — песчаная корка на каплях крови, взгляд Червя полон участливого внимания, гудят рога герольдов от крепости... Потом. Все это будет потом, подробно, обстоятельно, *красиво*, а сейчас: иначе.

Проще простого.

— Я — «Рука Меча»! Пустите! Убью!

Бут-Бутан плакал, стыдясь слез и ничего не в силах поделать. Жалкий вопль «Убью!» делал его похожим на беднягу Мозгача, порывающегося к схватке с Алым Хонгром; сейчас Кра-Кра корчился под колпаком Аспид-Кисеи, поражаемый ленивыми заклятиями, обманчиво-сонными, будто движения играющего с мышью кота, — и сходство с горе-волшебником хлестало Куриного Льва наотмашь, размазывая по щекам соленый стыд.

— Я — «Рука Меча»!

Крик прорастал шипами, разрывая глотку.

— «Рука Меча» Лучшего-из-Людей!

Кровь текла по бедру. Река, впадающая в смерть. Сонливость окутывала душу теплым покрывалом: «Спи, маленький! Спи, сладенький!..»; хотелось закрыть глаза, замолчать, сдаться на волю случая, неизменно враждебного к подкидышу, но нити тянулись, трепетали, и хрип еще сотрясал паутину:

— Я!.. Рука...

Лучшего-из-Людей подтащили ближе. Он старался выронить копье, поджимал ноги, отказываясь двигаться самостоятельно, брыкался — тщетно. Лучники волокли его против

воли, а лапищи тридесятника опять сомкнулись поверх кулаков пленника, вынуждая волей-неволей держать древко. О Кривая Тетушка! Сейчас Лучший-из-Людей был смешон так же, как Бут-Бутан, если не больше, и это трогательное сходство дарило парню надежду на встречу там, где рождаются вовремя, живут с радостью и уходят, смеясь.

Пускай. Это хорошая смерть.

Самая лучшая.

Бут-Бутан вяло почувствовал: приподнимают. Разворачивают, обмякшего; лицом к копью. Так удобнее. Что ж... Великан-тридесятник потянул руки Духа назад, отводя копье для удара. Свободные лучники тесно обступили место казни, подняв оружие к небу: спикируй Бой-Баба снова — напорется на частокол жал. Голый по пояс, мокрый от пота, Лучший-из-Людей глупо дергался, пытаясь высвободиться, но лицо невольного палача было отнюдь не смешным. На лбу вспухли жилы, отвердели скулы, а в глазах появился удивительный блеск — сухой и воспаленный, как барханы пустыни Шаддай-Кара.

— ...рука... я...

— Ты не рука! Ты не «Рука Меча»!

Это было подло: на пороге гибели услышать такое от Лучшего-из-Людей! Это было настолько подло, что Бут-Бутан задохнулся, чувствуя, как обида переплавляется в ненависть, ненависть — в растерянность и кипящий расплав заполняет тело до краев, едва не разбросав лучников.

— Я! «Рука Меча»!

— Нет! Ты — Сердце! Сердце! Понял?!

— Я...

— Бейся! Бейся, и все! Пока ты бьешься...

И удар копья прошел мимо, потому что двое дюжих мужчин не сумели удержать раненого подростка.

— Вы перепутали! Ошиблись! Я знаю!

— Не надо знать! Верь мне!

— Верю! Я Сердце! — В хватке лучников бились понимание, обретение и восторг, бились так, как может биться только настоящее сердце, чувствуя, что нити паутины становятся вздутыми от напора жилами, чувства — кипящей кровью и остальные части Лучшего-из-Людей оживают, сойдясь наконец воедино, получая свою толику восторга, понимания и обретения. На крыше храма встала Носатая Аю, в прошлом

бессильная «Рука Щита», отныне и навсегда — Голова Власти. Ветер лег в узкую ладонь девушки, свернулся нагайкой-камчой, вплетая меж нитями стальную мелодию ярости; взмах — и рассеченная надвое Аспид-Кисея с шипением уползла прочь. Вскинулся армейский маг, почуяв врага, безошибочно нашел взглядом дерзкую, — изумление, недостойное и неподобающее, озарило лицо Алого Хонгра, делая его похожим на змею, превращенную в человека и не знающую, что же теперь: жалить или спрашивать?

А Мозгач Кра-Кра с земли, стоя на четвереньках, прикипел глазами к поясу, стягивавшему халат мага. Широкий такой пояс, тисненой кожи, с плоской массивной пряжкой из металла: Старец-Облако воскрешает своего сына. Казалось, волшебник-заика беззвучно разговаривает с вещью, с частью одежды, как однажды разговаривал с боевой кувалдой, отнятой у злыдня-дюженника.

Прыгнул кошкой.

Сорвал.

Даже не обернувшись на Алого Хонгра, Мозгач несся тигриными прыжками к храму, к другу, бьющемуся в тисках обидчиков, к Сердцу Лучшего-из-Людей. И в руке заики, рассекая испуганный полдень, пел убийственный пояс. В правой руке. В «Руке Меча», отныне — и навсегда. Кожаное колесо полыхнуло на солнце слепящими бликами пряжки, обожгло глаза, заставляя лучников на миг зажмуриться, на неизмеримо краткий и бесконечно долгий миг. Смерч объял солдат раджи Синг-Синга — кружа, увлекая, вырывая оружие, отшвыривая прочь. Тридесятник со скоростью командира и истинного героя первым сообразил, что пора делать ноги. Рванул с пояса шишковатую булаву-дробину, свалил дурака-однополчанина, загораживавшего дорогу, но опоздал: пряжка подсекла ноги, на возврате припечатав скулу. Кто и делает такие пряжки? — то ли дело махонькие, с крючочками...

И булава в придачу рехнулась.

Вон, летает.

Упала.

* * *

Свобода свалилась на Бут-Бутана тяжкой ношей, вернув боль и слабость. Поодаль, сидя на обломках копья, грязно ругался Лучший-из-Людей. Тоже — свободный. А Червя нигде не было видно. Удрал, трусливая слякоть! Ну и Ал-Лахудр с ним, трупоедом!

— Уходим! — Сердце билось ровно, мощно, наконец обретя себя. — Скорей!..

«Ноги» возникли рядом, словно по мановению волшебного жезла. На одном из скороходов уже восседала Аю. Куриный Лев шагнул к другому верблюдю, оглянулся на Лучшего-из-Людей...

Тот, перестав браниться, смотрел в небо.

Бут-Бутан задрал голову. Нет, Бой-Баба больше не кружилась над храмом.

— Проснулась, — непонятно сказал Лучший-из-Людей. — С добрым утром, Тамара Юрьевна! Как спалось, королева?

И повернулся к парню:

— Уходим? Куда? Зачем?!

— Ну... эти!.. Хватать станут!..

— Да ну вас к Судьбецам! — выразил общее мнение великан-тридесятник, трогая пальцем шатающийся клык. От этого речь тридесятника была маловнятной, но Бут-Бутан все чудесно понял. — Войне хана, братва фьюшку пьет, одни мы тут, как шиши ядреные...

Лучники загалдели, присоединяясь.

— Не бей их больше, Кра-Кра! — Аю прыгала на горбе верблюдя, рискуя свалиться или свернуть скороходу шею. — Нам некого бояться!

— Вам — некого. А бойцовому петушку... Ну что, дурачок? Ты до сих пор волшебник?!

Мозгач набычился племенным бугаем, уставясь на Алого Хонгра. Армейский маг тугриков — вернее, с недавних пор армейский маг в отставке — стоял на прежнем месте, и лицо Хонгра было удивительно ясным. Как нож в лучах восхода. Налетевший от моря ветер трепал полы халата, делая мага крылатым; головную повязку Хонгр только что размотал, дав волосам упасть на лоб. В его краях такой жест означал вызов.

Вызов равному.

— Если волшебник — возвращайся. Я жду.

Носатая Аю потянулась к солнцу. Тихим огнем блеснула в ладони девушки чакра о семи углах, но маг лишь отрицательно покачал головой, не двигаясь.

— Я... я не могу, — изумляясь самой себе, шепнула Аю, выронив чакру. — Не должна. Он ведь прав... он обещал...

Кра-Кра, демонстративно сплюнув на песок, шагнул было к Алому Хонгру, но дорогу ему преградил юноша-Отщепенец. По-прежнему связанный кушаками лучников, он держался легко и спокойно.

— Куда ты? — спросил юноша.

Мозгач хмыкнул, сдвинув брови: куда? Драться!

— Но ведь ты действительно не волшебник?

— Й-я-я! В-во...

Юноша молчал, не отводя взгляда. Ждал Алый Хонгр. Ждали лучники. Возле Бут-Бутана трудился Лучший-из-Людей, неумело перевязывая рану лоскутами чьей-то рубахи. Тоже ждал. Топтались встревоженные верблюди, порываясь бежать.

Обойдя Отщепенца — «Руку Щита»! — шел к магу Мозгач Кра-Кра. Лицо заики дергалось, под глазом билась синяя вспухшая жилка, словно клещи косноязычия отпустили речь, но вцепились в рассудок чародея-неудачника. Какая-то мысль клокотала, дребезжала, отказываясь сложиться до конца, запинаясь на понимании вещей настолько простых, что душа захлебывалась этой кипящей простотой.

Шел Кра-Кра. Шаг за шагом.

Дошел.

— Я не волшебник, — отчетливо сказал «Рука Меча». — Извини, пожалуйста.

Алый Хонгр кивнул:

— Это и есть Насильственное Милосердие, дурачок. Отдай мой пояс. Тебе он больше не нужен.

— З-зачем?

— Ты не знаешь, зачем людям бывает нужен пояс? Ты еще глупее, чем я предполагал. И потом, он мой. Я купил его в лавке.

Когда маг уходил, все смотрели ему вслед. Не летел, не прыгал в Доставь-Зеркальце, не звал почтовых недопырей. Просто уходил. Медленно. С достоинством. Отойдя всего ничего, шагов на двадцать, обернулся.

— Если захочешь учиться, — он говорил с девушкой так, будто остальных сдуло ураганом, — ты знаешь, где меня найти.

— Я... я не знаю...

— Знаешь. Если, конечно, захочешь учиться по-настоящему.

— Я... я не найду!.. Не смогу!

— Значит, не сможешь. И это тоже будет Насильственным Милосердием. До встречи, колдунья.

Вдали качалась Треклятая Башня, и на стенах цитадели подвыпившие тугрики братались с пьяными ла-лангцами.

XXIV. УЛ. ГЕРОЕВ ЧУКОТКИ, 26, КВ. 31, НОЧЬ

На блюдце рюмка —
Пустая.
Яблоком хрумкну —
Устану.
Ночь тянет руку
Меж ставней...

Часть III
ОСТРЫЙ ПРИСТУП ЭПИЛОГОФИЛИИ

Зададимся же вопросом: какой смысл человеку, который не хочет, чтобы его считали безумцем или обманщиком, выдумывать что-то несуществующее? Есть только один ответ, к счастью, ясный и несомненный: оставьте его в покое — он не может иначе. Он поступает так не по своей воле, его тянет, как на аркане, он гонится за чем-то, и его извилистый путь — это путь необходимости.

Карел Чапек

I. КВАРТА ЛИМЕРИКОВ

Убивать эстетов, понятно, лучше всего дорогими предметами искусства, чтобы, испуская дух, они возмущались таким святотатством.

Генрих Бёлль

Литератор, живущий в Сарапуле,
Заявил, что его оцарапали, —
Не гвоздем, не ножом,
А большим тиражом
Той фигни, что коллеги состряпали!

Литератор, живущий в Васильеве,
Заявил, что подвергся насилию, —
Мол, свирепый маньяк
Под лимон и коньяк
Извращенный рассказ голосил ему!

Литератор, живущий в Женьшеньево,
Заявил, что пал жертвой мошенников, —
В их рекламе роман
Про любовь и обман
Назван «сагой о кровосмешении»!

Литератор, живущий в Америке,
Прочитавши все эти лимерики,
Возбудился, как зверь,
Эмигрировал в Тверь...
Что, коллега? И вы мне не верите?

II. РЕЦЕНЗИЯ «ЗАПАХ ЖИВЫХ ДЕНЕГ», «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА» № 25 (467)

В отличие от Настоящей Литературы, существует и литература со строго целевым назначением. К данной категории мы относим дамские романы, примитивные вестерны, «фэнтезюшки» и вообще всю бульварную (в принижающем значении этого слова) литературу как факт. Основное ее отличие от нормальной состоит в том, что она не ставит своей целью познание и осмысление окружающего мира, но, в противовес этому, содержит только комплекс «поглаживаний» для нуждающихся в этом людей.

Из статьи «Приют графомана»

В традициях школьного курса литературы принято говорить о раскрытии темы. Нам всегда казалось, что истина где-то посредине между Неклюевым, растолковывающим убогий сюжетец среднестатистическому братку, и Маржецким, запутывающим профессора Аристотелевой логики. Известно, что любой неглупый человек, умеющий складывать буквы в слова, а слова — в предложения, способен написать книгу, которую читатель встретит если не с восторгом, то по крайней мере с искренним любопытством. Что нужно для этого? Самая малость. Заморочить читателя как следует, а потом дать ему найти идею и смысл произведения. Даже если читатель найдет совсем другой смысл и совсем другую идею, — что ж, еще интересней получится. В «Лучшем-из-Людей», итоге более чем странного соавторства откровенно коммерческого «килобайтника» В. Снегиря и Тамары Польских, вернувшейся из малобюджетного мейнстрима в объятия «златого тельца» фантастики, авторы не стали отступать от традиций. Вначале старательно морочили голову нам, бедненьким-несчастненьким, а затем потихоньку раскрутили сюжет до логического конца. Более того, далеко ходить поленились, а написали о себе, любимых.

Однако следует заметить: присуща нашим литераторам некоторая беспринципность. Такое чувство, что лишь изначальная правильность (если вы нас понимаете...) их героя не дает ему сбиться с честной дороги, а вовсе не рука авторов, которые, увы, сами не знают, как в жизни лучше. И почему-то кажется, что именно беспринципность (не слишком плохое качество в нашу переменчивую эпоху) позволила Тамаре

Польских вступить в соавторство с г-ном Снегирем уже после сетевой публикации фрагмента будущего романа, заявленного как «сольник» Снегиря. Впрочем, это правильно с коммерческой точки зрения: одновременно «захватываются» две читательские аудитории. Особливо сей прием действен, если соавторы — писатели известные и популярные. Но с точки зрения художественности, если можно говорить о таковой применимо к современной фантастике, пребывающей в затяжном кризисе... С позиций «высокой словесности» существует *окраска* стиля, которую не вытравить, о чем бы человек ни писал. Стиль Снегиря, при всей его «детскости», достаточно оптимистичен, жить хочется, даже когда совсем «не катит». А общий стиль Польских — видимо, привнесенный ею из эпохи заигрывания с номкомиссией Букера — можно назвать «энергией распада». Герои на каждом шагу что-то проигрывают и что-то теряют. Естественно, при «литературном» распаде, как и при атомном, высвобождается энергия — определенной категории читателей это нравится: читать и представлять, как все, что строилось веками, рассыпается в одночасье. Круто. Адреналин плюс всякая химия, вырабатываемая организмом специально для апокалипсисов. А что остается потом? Разумного, доброго, вечного?

Ничего. Убийство бумажных человечков.

Если в скором времени научат компьютер сочинять «фэнтези», не исключено, что у него получится не хуже, а может быть, даже лучше. Такого рода чтиво по отношению к литературе более или менее художественной напоминает технический дизайн в сравнении с живописью — индивидуальное начало, индивидуальный стиль не играют в нем принципиального значения. Автор этой литературы давно уже умер (а быть может, никогда и не рождался) — он выступает не как Творец-Демиург, а как инженер-комбинатор сюжетных мотивов, схем, штампов, как ретранслятор современной урбанистической мифологии. Будь основная часть текста записана в строку, а не многозначительным столбиком, роман стал бы вдвое меньше по объему. Русским авторам, в отличие от Дюма, платят не построчно, поэтому нельзя подозревать их в банальном денежном интересе. Следовательно, речь идет о сознательной конструкции, обожаемой графоманами и от которой бегут уважающие себя литераторы. Но ведь это требование рынка! — а рынок, то есть клиент, всегда прав.

Пожалуй, хватит о грустном. Довольно цельный в художественном отношении, роман получился неоднозначным.

С известной долей правоты его можно обвинить в кощунстве, вплоть до сатанизма. Тем не менее этический заряд книги вполне гуманистичен; авторы хотя бы обозначают планку, ниже которой нельзя опускаться в духовных поисках. Как здраво заметил на форуме издательства «Аксель-Принт» один читатель: «Ребята, не на своем поле редьку сеете!» Просто надо определиться для себя, кого мы называем «русскими писателями», а кого — «русскоязычными текстовиками». Иначе: с кем вы, мастера культуры? Чем дольше фантастика будет воспринимать себя в пределах того концепта, который сама же привила массе, т. е. концепта «литературы для подростков», тем дольше пророками ее будет профессиональная штамповка имени В. Снегиря и духовные метания «королевы» Польских между болотом «фант-гетто» и зияющими высотами мейнстрима.

Признаем, что мы живем в мире победившей мифологии и всесокрушающего инфантилизма. Для авторов «Лучшего-из-Людей» и прочих легких безделушек-fantasy нет ничего проще, чем вынудить картонных персонажей вести себя так, как в данную секунду хочется их создателям. Надо — герои будут целоваться, надо — истекут клюквенным соком. Но главный фокус в том, что читатель (не под наркозом и не под дулом пистолета!) двухтомник покупает.

Магия-с.

Октябрина Новомирова

III. РУБАИ ИЗ ЦИКЛА «ОБИТЕЛЬ СКОРБЕЙ»

Мне приснилось, что я — муж большого ума,
Чужд греха, чужд порока, серьезен весьма,
Не курю и не пью, честен, верен супруге...
Пощадите! Помилуйте! Лучше тюрьма!!!

IV. СОЛО ДЛЯ СНЕГИРЯ БЕЗ ОРКЕСТРА

Удачи, автор, я буду тебя читать.

Из частной переписки
В. Снегиря

Одинокий трубач на перроне терзал небеса серенадой «Ты ж мэнэ підманула», на рефрене «Я прыйшов, тэбэ нэма...», сбиваясь в «Сулико». Впрочем, столь же часто его уносило в любимое «Без двадцати восемь».

«Ибо число семь есть символ полноты, а также сходное с ним по значению число сорок, в отличие от Числа Зверя, символизирующего обделенность дарами духовными». «Сборник душеполезных текстов», конец цитаты.

Ностальгия с диагнозом «deja vu»: февраль, достать чернил и плакать, вокзал, трубач, вороний грай, офени дружно месят слякоть, прощай, ни пуха ни пера, — ах, к чему ритмы и рифмы, если время остановилось, следуя транзитом по маршруту «Вчера — Завтра», и забежало в рюмочную унять тоску! Вот только снегу навалило от души, не в пример прошлогоднему скупердяю-февралю. Предчувствия меня не обманули: на платформе тоскует (токует?..) вселенский страдалец Шекель-Рубель. Поезд еще скучает в тупике сортировки, а критическое светило уже взошло. Вальяжно приосанясь, кусая жидкий ус, вешает лапшу собеседнику — парню в круглых очках, с непропорционально большой головой, отчего парень сильно смахивает на водолаза.

Водолаз внимает с почтением.

— Привет величайшим из великих, сотрясающим твердь подошвами своих идей!

— А, Вла-а-адинька... Здра-а-авствуй, здра-а-а... Познакомься: твой, положа руку, коллега. Из Ахтырки, в одном купе ехать будем: Андрюша Вухань, прошу любить и жаловать. Между прочим, весьма подающий надежды молодой человек. Будущий рыцарь, вне сомнений. «МБЦ» его у «Гипериона» летом увело...

— Влад. Снегирь.

— Ух ты! — Наив ахтырчанина умиляет. Теплый наив, душевный, словно оренбургский пуховый платок. Хочется водолазу в рыцари, до чертиков хочется. Думает, Шекель пошутил. — А я Андрей Сестрорецкий. Это псевдоним.

Ясное дело, псевдоним. Нашел кому объяснять: Чижику с Фонтанки. С такой хохляцко-шанхайской подначкой — Вухань!.. — без псевдо никак. Небось в школе проходу не давали. Хотя это еще цветочки-василечки! Знавал я интеллигента в шестом поколении с фамилией Тупорыльник...

— А вы? Вы тоже?..

Самое время провести воспитательно-разъяснительный ликбез.

— Значит, так, брат Вухань. Во-первых, начав с «ух ты!», на «ох, вы...» не переходят. Я сегодня попросту, без чинов. Во-вторых, заруби на переносице: все фантасты обязательно

попадают в рай. Так говорил Заратустра, а я ему верю. Но в рай — это позже, а сейчас мы едем на «МакроНомиКон», учрежденный безумным меценатом Джихадом Альхазредовым, где все друзья, коллеги и братья во Spiritus Vini. С минуты на минуту Эльф явится — перед ним что, вообще шапку ломать? Ты понял, оруженосец?

— Ага! — радостно возвещает наш юный друг. — Понял! Две бутылки «Медовой с перцем». В сумке. И мама трех цыплят поджарила. С чесноком.

— Ай, молодца! Куришь? Нет? А я, братец, закурю. Авось быстрее состав подадут.

— И последнее, Андрюшенька-а...

Шекель-Рубель всегда выглядит обиженным, а нынче — вдвое. Подходят всякие, понимаешь, умыкают ценных собеседников. Тигр герменевтики, оскалив клыки в мой адрес, берет Вуханя-Сестрорецкого под локоток, спеша возобновить прерванный монолог:

— ...Запомните, милый мой: читатель добр. Читатель участлив и заботлив. Он вас любит. И с памятью у читателя все в порядке. Выйди у вас очередной труд — читатель не обойдет книгу своим вниманием. Он непременно разыщет в сети ваш адресок (у вас ведь есть е-мейл, Андрюша?.. примите мои соболезнования...) — так вот, читатель этот адрес из-под земли достанет, как бы вы его ни скрывали. И за три дня до того, как лично вы возьмете родное детище в руки, в почтовом ящике закипит разумное, доброе и, увы, вечное. Ибо читатель, ваш ум, честь и совесть, не в силах более скрывать жестокую правду. Он откроет вам глаза. Поверьте, вы живо ощутите вину за вырубленные леса, пошедшие на бумагу для вашей книги. Когда у вас депрессия, болит сердце, и вы глотаете валидол — о, читатель добр! Он всегда готов поддержать любимого автора в трудную минуту. Предупредить: «Исписался!» Напомнить: «Бездарь!» Оградить: «Вторичен, но остальные и вовсе лабуда!..» Вы бледны, Андрюшенька? Полно, в ваши-то годы...

Деловито погромыхивая, с лязгом объявляется поезд. У Шекеля нюх: мы оказываемся строго напротив любимого вагона «нумер тринадцать». До отправления — полчаса. Курим дальше, в ожидании Эльфа. Жаль, Петрова в этот раз не будет. Приболел майор. Вспомнил, где у него сердце.

— Сынок, купи фарфору? Чашки-блюдца?

Рядом обнаруживается небритый дед-коробейник в куд-

латом треухе и пуховике «Made in China». Из-под ватных штанов нагло сверкают кроссовки на толстенной подошве. Дед заговорщицки подмигивает, брякая чувалом товара. Пароль: «У вас продается славянский шкаф?» Отзыв...

Придвигаюсь к деду вплотную. Доверительно склоняюсь к волосатому уху:

— А «ДШК» есть? Или хотя бы «стингер»?!

Скоростные данные у деда на высоте. Ишь рванул, заячьей скидкой! Может, он за «ДШК» побежал?! У меня ж денег не хватит...

— Владимир Сергеевич! Здравствуйте!

Батюшки-светы! Малярия Катаровна Фурункель собственной персоной. Вместе с камуфляжным Костей (вот кому «стингер»!) и этой... как ее? Леночка, кажется?

Симпатичная...

— Здрасьте, Мария Отаровна. Какими судьбами?

— Да вот, книжку нашу... то есть вашу... Подпишете?

О да! Прав пессимист Шекель. Читатель — он завсегда рядом. Жаль, про опусы своих собратьев по «финскому перу» наш светоч тактично умалчивает. Помню, как хохотал над приснопамятным пассажем: «...низкопробный прием, когда автор нарциссирует, предаваясь публичному самолюбованию...» Хищнику, жгущему глаголом нарцисса-низкопробца, было невдомек, что все эпизоды «от первого лица» писала королева. И вообще, это была ее идея: я спорил до хрипоты, а потом вдруг почесал в затылке... Кстати, Польских вчера звонила. Сборник стихов у нее вышел. Тираж мизерный, полтыщи экземпляров, а радовалась, будто Нобелевку отхватила! На конвент обещала привезти. Хочу!

— Владимир Сергеевич... — Госпожа профессор чувствует себя неловко. Мнется, стесняется. Хотя, казалось бы, после киднепинга под наркозом мы, считай, родственники. — Вы продолжение... ну, дальше?.. Не планируете?

А, вот она о чем...

Не хочется огорчать Марию Отаровну, но врать и вовсе *подло*.

* * *

— Вы можете меня вернуть?

— Могу, Антон.

Умен, фигурист. Все понял без лишних многоточий.

— Так плохо?

— Бабушка сказала: день, от силы — два. Тебе некуда возвращаться.

Он улыбнулся, словно успокаивая меня. А может, так оно и было.

— Не расстраивайтесь. Не надо. В конце концов, мне здесь даже нравится. Хотя я больше любил детективы...

И я понял, что обязан успеть. Новообретенная «Рука Щита» должна войти в текст как родная, влиться в плоть и кровь книги раньше, чем...

Домой я попал к вечеру того же дня. Костя привез, на такси. Жаркий сумбур встречи, слезы Насти («Ну что ты, успокойся, все в порядке, все хорошо...»), морщинки в уголках глаз Польских. Плевать на круги! Четвертый? Да хоть шестьдесят шестой! — фигурист, брось волноваться, хищный Снегирь уже кружит над добычей: слова, слова... И эхом: «Не расстраивайтесь...» Это он мне! Нет, это он мне, да! Володя, я тут почитала текст, прикинула: финал первого тома надо делать здесь... Спасибо, ваше величество. Я согласен. Стрельнем у Эльфа ноутбук, вы режьте по живому, без наркоза, я теперь наркоз ненавижу! — а Снегирю надо...

Гобой трезвонил по пять раз в день после еды, Тамара Юрьевна отбивалась за меня: увещевала, объясняла, рычала яростной царицей прайда, а я, озверев, играл на клавишах сумасшедшее, пьяное «prestissimo», вплетая новую нить в пряжу Мойр, не давая проклятым старухам поднять бронзовые ножницы, обрезать, отсечь... Время скручивалось спиралью: третьи сутки, однако! Что? Утро четвертых? И я сплю, упав на кровать накануне рассвета? Правда? Правда. Вчера звонил Костя. В больнице — все, конец. Фигурист, ты ему не верь. Ты мне верь. Это ерунда. Это так, мелочи. Снегирь успел. Ты веришь мне, фигурист?! Больше никуда не надо спешить. Можно посмотреть, что сотворила Польских с промежуточным финалом. Уверен: королева, как всегда, на высоте. Можно ставить точку, можно ставить подпись в вожделенном договоре зама по особым. Теперь все можно. Под боком уютно, тепло, по-домашнему сопит Настя. Кстати, почему я больше не видел Настюху в Ла-Ланге? По фазам сна не совпадаем? Наверное.

Отчаянно верещит телефон.

— Алло!

— Добрейшее утречко, Владимир свет Сергеевич. Гобой беспокоит. Не разбудил? Разбудил-таки? Ну и славненько!

Вот спешу поинтересоваться: что это вы с Тамарой Юрьевной отчебучили? Наша *интутка* в шоке, ушла в запой, но клянется, что ошибка исключена: *процесс* Снегиря стремительно консервируется! Закукливается на рыцаре, и только на рыцаре, перестав распространяться вовне! Она еще что-то об искусах плела, но вы же ее знаете... Так это правда? Не молчите, Владимир Сергеевич, говорите!

На стене — обои. Называются «Скала»: трещины, отлив в бронзу, белая засыпка «под лишайник». Красиво. Только сейчас увидел: красиво. За окном пасмурно. Пляшет трубка в руке. Пляшет. Рыцарь, труби в рог: Ронсеваль отзовется эхом... Рыцарь, ты безумен! Ты счастлив, рыцарь!

Сноб разума рождает чудовищ.

Чижик-Пыжик, где ты был?

— Как?! Каким образом, великий вы мой?! Да вам же памятник! При жизни!.. — Бас Гобоя внезапно мрачнеет. Наливается густым, кисельным подозрением. — Влад! Вы, случаем, не подписали левый контракт? За нашей спиной? Например, с «МБЦ»?

Смех разбирает меня, будто пиво после хорошего стакана водки.

— Ангел вы мой Восторгович! Анафема Владыкович! Полно грустить! Я ваш навеки! Скорее уж Снегирь *не* подписал один левый контрактик. Вы ведь меня знаете!..

— Знаю я вас. До печенок ознакомился с вашим братом. В каком смысле — не подписали? На что намекаете? Вас не устраивают наши условия? Эксклюзив? Роялти?!

— Устраивают! Я в восхищении от ваших условий! Передайте драгоценной *интутке*: мы еще споем с ней, яхонтовой, на два голоса! Запоминайте текст:

Ай, ромалэ, драдану,
Гулял цыган по Дону!
Шумный цыган,
Тихий Дон,
Джя, чавэла, либидо...

— Влад?! Вы пьяны? С утра?!

— Не то слово! Я пьян вами, Гобой! Фагот! Псалтериум! Альпийская вы валторна! Подпевайте басом:

Очи четные
И нечетные,
Очень разные —
Есть и красные,

По рублю зрачок,
Скидка за пучок,
С роговицею
И с ресницею!

Жонглирую телефонной трубкой, горланя обалденную чушь, достойную оваций психдиспансера, а когда Гобой, с перепугу заблажив фальцетом, прощается и дает отбой, в дверях обнаруживается хладнокровная Польских, завязывая пояс Настиного халата.

Сама Настя продолжает блаженно дрыхнуть: она у меня привыкшая.

— Будете завтракать, Володя? — После меланхоличного вопроса Польских добавляет, думая о чем-то своем: — А потом глянете финальчик по новой? Есть у меня кое-какие идеи... жаль, времени в обрез...

— Королева! У нас навалом времени! У нас есть все время мира! Давайте ваши идеи, королева! Вываливайте на кровать! Сыграем роман дуэтом?!

— Ты б оделся, что ли? — хихикает в ответ королева. — Инкуб хренов! Грех пожилую женщину совращать. При живой супруге...

Я уже говорил вам, что обычно сплю в «пижаме Адама»?

* * *

Мария Отаровна ждет. И Костя с Леночкой ждут. А память, затыкая мне рот, все мотает кассету прошлого: за полночь, до хрипоты, споры с Польских. Мне не нравится ее идея второго тома, не нравится, не нравится... Настолько не нравится, что соглашаюсь. Попробуем. Тамара Юрьевна набирает номер «Аксель-Принта». Альфред, вы не оплатите мне гостиницу? Месяца на полтора-два? Нет, не слишком. Дело в том, что мы с Владимиром Сергеевичем решили закончить книгу в соавторстве. Конечно, я могла бы это время пожить у него, но тогда я вешаю трубку и звоню в «МБЦ»... Вы на редкость умны, Альфред! Я знала, что эта новость вас несказанно обрадует. «Возвращение королевы»? Неплохой слоган, но вы мне льстите. Кроме того, нечто подобное уже было, если вы помните. Ах, намеренная аллюзия?!

Жить королева все равно осталась у нас. Мы с Настей никуда бы ее не отпустили. «На эти деньги мы лучше лишний раз в ресторан сходим!» — резюмировала Царица Тамара.

Потом была работа. Изредка выныривая — весна? какая весна?! — я звонил Марии Отаровне. Передавал привет от внука. Да, все путем. Да, здоров. А если что не так — все в нашей власти... Врал, конечно. Отнюдь не все в нашей власти. Зато в остальном — нет, не врал.

Кто-то умный говаривал: «Свобода начинается со слова «нет».

Не я ли этот умник?

Позже, когда текст окончательно ушел в издательство, я снова позвонил госпоже профессору. За рекомендацией: у какого эскулапа лучше выяснить, стоит ли Насте ложиться на сохранение? Да, мимоходом. Между главами. Сам не заметил...

В общем, дружили семьями. По телефону.

...А договор мы подписали позже, лишь заехав в «Аксель-Принт» на сверку макета. Гобой угомонился и больше не настаивал. Еще бы! — если «круги» вернулись на «круги своя», уж простите за тавтологию. *Процесс* закуклился на двух рыцарях, ограничившись этой жалкой добычей. Знай Тамара Юрьевна раньше! — но у нее давняя «консервация» шла медленнее, и королева не успела выяснить правды. А потом «соскочила». Вышла из тиража.

На прозрачные намеки собратьев по Ордену: поделись, мол, секретом, Снегирь! — я отшучивался. Чуял: не стоит зря трепаться. Мысль изреченная... И вот теперь стоит напротив меня пожилая женщина в старомодном пальто с каракулевым воротником. Смотрит, ждет. Что, Снегирь? Краснеешь? Чувствуешь себя виноватым?! Объяснить бы, рассказать, заставить понять...

Не стал я ей ничего объяснять.

— Извините, Мария Отаровна. Продолжения не будет. Извините.

Госпожа профессор выпрямилась. Гордая, сильная. Старая.

Лишь пальто — больными складками.

— Да, я понимаю. Это вы меня извините. Просто... До свидания.

— До свидания.

Она медленно шла прочь, а я тонул в феврале, думая о разных глупостях, пока мне не саданули в коленку тяжеленным чемоданом. Больно, блин! Готовя сакраментальное: «Куда прешь, козел?!», я развернулся буром — и узрел радостного Эльфа. С чемоданом.

А за Яшкой...

— Петров?! Шекель, застрелись: это же Петров!

— Задолбали! Лекарей на фонарь! — Сплошные восклицательные знаки, натыканные частоколом, подтверждают несокрушимость майорского здравия. — Водки зась, сало изъяли, не кури, не сори... Вредители! Дай волю, до смерти залечат. Хрена им! Что, похоронили мента? Не дождетесь!

Петров медведем давит всех подряд, включая растерявшегося от такой чести Вуханя. Я принюхиваюсь: наш сердечник за версту разит коньяком «Каховка» и селедкой с луком! Жив, курилка, жив, рыцарь, вот они, компетентные органы, шумят, гремят, дают жару февралю!.. Перетискав народ, герой ловит кралю-проводницу за крутой бочок: слово за слово, ментик-комплиментик, ассигнация, извлеченная прямо из красной «ксивы», — под напором петровского обаяния крепость мигом выбрасывает белый флаг. Место беглецу обеспечено.

Нижняя койка, как инвалиду умственного труда.

Едем!

Живот прихватывает совершенно неожиданно. Исподтишка, можно сказать. Наверное, селедкой с коньяком надышался. Или от Шекель-Рубеля заразился. Путем телепатической трансфузии.

— Мужики, я на минутку. В «два нуля». Шмотки в купе закиньте, ладно? Шекель, тебе не надо? За компанию?

— Не надо! — злорадствует светило, закатываясь в вагон.

«Поделом злодею мука!» — явственно читается на лице критика.

— Смотри не опоздай! Я стоп-кран, как на «Глюконе», рвать не буду!

— Ага!

Иду, бегу, буквально просачиваясь сквозь встречный людской поток. Здание вокзала. Центральный холл. Дальше, через кассовый зал... Сюда! Ссыпаюсь вниз по ступенькам. Давненько в вокзальном сортире не бывал. Ты гляди: чистота, парфюм, зеркала-рукомойники, кафель сверкает — и народу нет. Наверное, потому, что сортир платный. А где-то есть халявный. Увы, мне нынче не до экономии. Цель оправдывает средства.

Ф-фух!!!

Теперь вымыть руки, как учили в детском саду...

В углу «моечного» зала дико озирался по сторонам голый мужик. То есть совсем голый. В чем мать родила. И взгляд — обалделый, рыбий. Ни фига себе! Две минуты назад мужика здесь не было — это я точно помню.

Шагаю ближе. Еще ближе.

— Здравствуй, рыцарь...

А он меня послал.

Ну, я и пошел. Только не в указанном направлении, а на платформу. В запасе оставалось еще семь минут. Куча времени.

Успею!

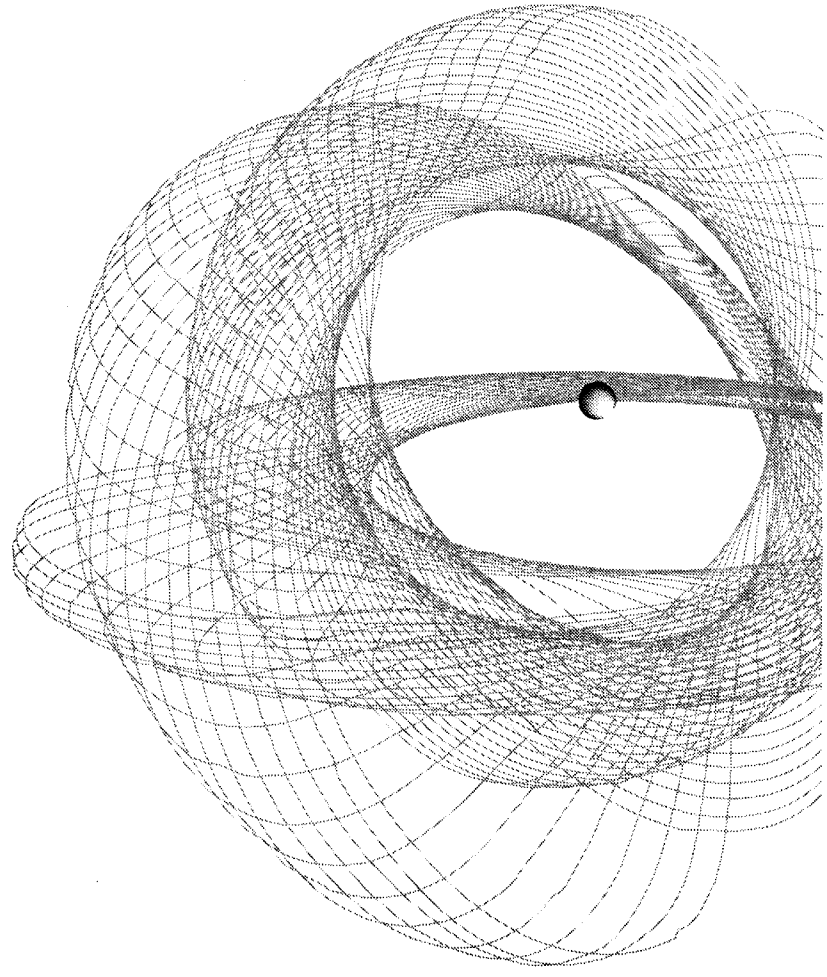
V. ВНЕЗАПНОЕ

Вспомнил, что сердце — слева,
Вспомнил, что печень — справа,
Вспомнил, что дни — мгновенны,
Вспомнил, что я — не вечен.

Думал забыть — не вышло.

ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

ПОВЕСТЬ



ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой шутятся шутки, вскрываются тайны,
звенит в ухе и темнеет в глазах,
а в самом конце звучит
загадочный сигнал «Полундра!!!»

Берхард Никлас Стриммер. 49 лет. Рост — 185, вес — 85. Капитан шхуны «Нострадамус». Выслуга — 28 лет. Убежденный холостяк-экстремист, действительный член галакт-клуба «Веселый мавр».

Базис-достоинства: честен до идиотизма, прямолинеен до хамства, докатился до ручки. Хобби: художественное резание правды-матки. Исполнителен, нелюбопытен. Малочувствителен к алкоголю. Никогда ни на кого не стучал.

Базис-недостатки: см. выше.

Особые приметы: татуировка на левой ягодице, ближе к копчику — черный квадрат и подпись готическим шрифтом «Бармалевич».

Настоящее местопребывание: храпит на полу кэп-каюты после двух с половиной литров «Марсианской хронической» и дюжины банок «Дядюшки Андрэ».

Джон-Джеймс Бартоломео Полянкер-Луговски (вот же имечко!). 41 год. Рост — 175, вес 77. Первый пилот, он же — штурман. Выслуга — 16 лет. Женат. Двое детей. Любовница. Одна — как минимум.

Базис-достоинства: аккуратист, педант (не путать с педофилом!), держит ноги в тепле, а нос по ветру. Не любит риска; любит шампанское. Блестящие перспективы служебного роста. Хобби: вышивание крестиком декоративных погостов.

Базис-недостатки: зануда вульгарис! Удивляюсь, как от него жена вместе с любовницей не сбежали?! Инициативы: ноль на выходе. Стукач — однозначно.

Особые приметы: обрезан по методу Шнитке-Франкенштейна.

Настоящее местопребывание: спит в гибернаторе, согласно расписанию дежурств.

Санчос Мигель Каррамба Хуан Луис Мария Росинандос-младший (без комментариев!). 37 лет. Рост — 161, вес — 92. Второй пилот, по совместительству — техник-энергетик и инженер-наладчик такелажа. Выслуга — 14 лет. (Эти придурки здесь что, всех в порядке выслуги расположили?) Женат. Шестеро детей: мальчики. Любовницы... недостаток информации. Должны быть. Говорят, бабы на таких лысых пузанов-живчиков крепко западают.

Базис-достоинства: вежлив, предупредителен, расторопен, набожен. Между рейсами посещает экспресс-исповедь в Пятой-Концесветной кирхе им. И. О. Всехсвятых. Нимб с крылышками хранит в личном сундучке, пересыпав нафталином «Душка Молли».

Базис-недостатки: ...что, неужели — нет?!! Тогда — стукач! В натуре, стукач! Гадом буду...

Особые приметы: «винное» пятно на левой пятке, очертаниями напоминающее Сарапульский уезд в границах 1814 года.

Настоящее местопребывание: спит в гибернаторе рядом с отсеком Полянкера-Луговски, согласно расписанию дежурств.

Ева Брунгильда О'Райли. 30 лет. 90-60-90 (для тупиц: это не рост-вес-пульс и не домашний телефон!). Офицер службы безопасности в чине есаула; по совместительству — врач-биогенетик и сексотерапевт-практик. Выслуга — 7 лет. Не замужем.

Базис-достоинства: платиновая блондинка с золотым сердцем. «Мисс Космофлот» позапрошлого года. Черный пояс стиля «Охму-рю». Коэффициент интуиции по шкале Фухе-Ватсона: 25,4 из 20 возможных.

Базис-недостатки: к ее экстерьеру еще бы капельку серого вещества — цены бы «Железной Брунгильде» не было! А так в экстазе любой секрет человечества разболтает. И, ясное дело, постукивает — должность обязывает.

Особые приметы: аллергия на мужской одеколон «Терминатор-3».

Настоящее местопребывание: в койке обер-сержанта Небейбабы, поза «Шестикрылый херувим на перепутье».

Василий Архипович Небейбаба. 37 лет. Рост — 194, вес — 105. Обер-сержант Объединенных Военно-Космических Сил Земли, командир отделения мобильного десанта, в начале рейса принятого на борт «Нострадамуса». Вообще-то у «мобилов» за старшего лейтенант Губер, но они позавчера делили с капралом Шапиро-цзы капрала Касаткину, и теперь лейтенант отдыхает в медблоке, а капрал — в карцере. Хотя какая разница, кто где: оба все

равно замороженные!.. Ой, что-то я отвлекся. Выслуга — 5 лет. Маловато будет... А, это он в ОВКСЗ пятерик отпахал, а до того — еще трижды столько в российском спецназе «Тамбовский волк». С женой в разводе. Выписывает журналы «Домострой» и «Даешь!».

Базис-достоинства: влюблен в службу без взаимности. Патриотичен, прост и прямолинеен, как угол сарая. Чемпион Солнечной Системы по метанию зубочисток.

Базис-недостатки: несдержан в словах и поступках (трижды понижался в звании до рядового); перманентный (или превентивный?) ксено- и юдофоб. Также недолюбливает гомосексуалистов, куклускланов цев и афроамериканцев; последних почему-то называет «кирзачами». Кстати, интересно, а это вообще недостаток? Но уж наверняка не стукач!

Особые приметы: способен выпить залпом бутылку перцового концентрата «Санта-Клаус».

Настоящее местопребывание: в собственной каюте, в койке с есаулом О'Райли, поза «Шестикры...». А, нет! Поменяли. Теперь «Вставай, проклятьем заклейменный!».

Ричард Я. Львов-Сердечный. 28 лет. Рост — 197, вес — 68 (та еще мачта дистрофичного телосложения!). Инженер-системотехник, наладчик стац-оборудования. Выслуга — 5 лет. Не женат. Детей нет. Любовниц вроде бы тоже. Может, он «голубчик»?.. Ладно, это его проблемы.

Базис-достоинства: работоголик, трижды проходил курс лечения в ЛТП имени Я. Корчака. В связях, порочащих его, не замечен, беспощаден к... стоп, это уже из другого файла! Хобби: отстрел кровососущих кактусов на Малой Текиле.

Базис-недостатки: патологический разгильдяй! Как, впрочем, и все хакеры, рокеры, шокеры, брэйкеры, штрейкбрехеры... ой, опять меня несет!

Особые приметы: в левую ноздрю имплантирована иридиевая пластинка с гравировкой «Sapienti sat».

Для стукача слишком наивен.

Настоящее местопребывание: пялится на один из моих мониторов и ухмыляется, как дурак...

* * *

Нет, в принципе, Ричард ничего не имел против компьютеров с «Интель-пентом» — блоком искусственного интеллекта, в просторечье «Телепнем». Но когда в этот блок, упирая на повышение пси-совместимости, бортовым компам

начали «зашивать» чувство юмора... И ведь как обосновали, паразиты: дескать, у бедняжки за время долгого полета может крыша поехать, он-то в гибернаторе не спит! — а вот если комп будет к вынужденному безделью (текущий периферийный контроль не в счет) относиться с улыбкой... Психологи-рецидивисты! Поймать бы гадов да натравить на них бригаду активных гоморроидов в режиме «Гей-славяне»! Загрузили бы машину игрушками — пусть развлекается! Хотя нет, тогда и экипаж от экранов за уши не оттащишь...

Оно, конечно, иногда клево глянуть, как шутник-Телепень рабочую инфу с хохмочками на дисплей выдает. Но ведь меру знать надо! Помнится, на прошлой вахте гикнулась траектория перед самым входом в «сальто-мортале» — а долбаный Телепень, словно издеваясь, пошел выдавать координаты вкрапленными в припев похабных частушек. По сей день вертится:

Моя милка — ксенофилка,
У ней черная дыра!
Пропадали в ейной дырке
Боевые крейсера!..

Траекторию Ричард, конечно, выправил; и чертов комп прекрасно знал, что выправит, иначе б не выделывался. Но после инженер-системотехник дал клятву расковырять железяку и поганой отверткой вычистить из нее «юмор» к той самой биоматери, которую так любит поминать обер-сержант Небейбаба. Пусть потом руководство компании хоть паром изойдет...

И эта зараза еще насмешки строит! Разгильдяем дразнится! Ну, не без греха, ясен пень: Полянкеру, помнится, втихаря в «записной книжке» адрес-сервер отрихтовал. Он шасть любовнице по гиперперду[1] звонить — а звонок на его домашний видеофон автоматом параллелится. С рекламным слоганом «Береги честь смолоду!». Только Телепень и сам хорош! Сперва с Альтаиром на виртуальный секс подсел («...я страстная глухонемая брюнетка без одной ноги, торчу от Захер-Мазоха!..»); потом в сетевом кегельбане «Девочка на Шаре» всех «катал» без штанов оставил и слинял по-тихому. Кстати, интересно, где это ушлый комп разжился личным счетом в фин-консорциуме «ОМ МАНИ и Сын»?! Вот ведь железо крученое пошло!..

Беда в другом: Телепень на свои забавы треть ресурса гиперперда спалил, а компания за каждый лишний кредит удавится! Значит, прощайся, жестянка, с «чувством юмора». Вскрытие покажет!

— Эй, Телепень, в каком ухе звенит? Зуммер? Какой зуммер?! Проклятье, опять проморгал...

...корабль. Идет под углом 11 градусов 11 минут 11 секунд к траектории «Нострадамуса». Точка пересечения траекторий лежит в секторе назначения. Скорость — 0,9 скорости «Нострадамуса». Расстояние... расчетное время встречи...

На этот раз Телепень был серьезен и скорбен, как ведущий «Обзора Галактики» при сообщении о трагической гибели дерябненского атташе от передозировки томатного сока. И Ричард тоже не ударил лицом в галошу: сразу стандартпозывной отбил. Ага, есть ответ. Что за чушь?! Или комп рискнул повеселиться «на посошок»?!

— Не виноватая я! — испуганно пискнуло из динамиков. — Он сам...

Но дист-сканер уже выплюнул на экран локатора объемную развертку объекта. Ночной кошмар имбецила: кукиш из топологических фигур, садистски перекрученных и завернутых спиралью в пятом измерении, клубок гофрированных труб, слившихся в экстазе... Ни одной острой грани. Ни одного прямого угла. Никаких отчетливо выступающих деталей, характерных для любого творения шаловливых рук «Homo sapiens sapiens». Вдобавок сюрреалистический гадюшник ритмично пульсировал, словно заставка к известному сериалу «Сердце спрута».

Контакт!

Ричард поймал себя на непреодолимом желании встать по стойке «смирно» и заорать: «Есть контакт!» Сколько выращено книжных кристаллов, сколько голофильмов снято об этом волнующем и пугающем моменте — миге первого контакта! Сколько экстрасенсов сгинуло в крэйз-бедламчиках, надрывно вопия санитарам о высокодуховных братьях с Блямбды Рапана! И вот: корабли идут на сближение, а по монитору ползут шеренги мерцающих слизняков — ответ на запрос с «Нострадамуса»!

— Телепень! Информацию на дешифровку!

[1] Термин утвержден Сократительной комиссией Департамента Принудительного Словообразования (СОКРАТ ДПС при ООМ).

Кнопка нежно-салатного цвета ушла в пульт до упора:
«Всем! Всем! Всем! Полундра!!!»

Что значит загадочная «полундра», Ричард не знал, но традиция есть традиция. Особенно в исторические моменты.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

где стоят на пороге, лязгают затвором,
нетрадиционно ориентируются,
открывают и закрывают диафрагму,
а в самом конце наступает звездный час
обер-сержанта Небейбабы

— Уровень флуктуатирующих хроновертлюгов по шкале Чедер-Брайдовича?

— В норме.

— Синхронизация ультрасиних нейтрино в Ижица-дефлораторе?

— Отклонения в пределах допустимого. Имеет место неуклонное сближение. Расхождение траекторий — 4 градуса 39 минут 11 секунд.

— Бурбуляция тахионного квазипотока по «горячей линии» гиперперда?

— Непрерывно.

— Торсионная ориентированность наружных Х-вериг такелажа?

— Есть.

— Дешифровка?

— Идентификация систем счисления и алфавита. Сложности с комплексом образно-понятийного характера. Интенсивный обоюдный обмен пиктограммами и упрощенными тестами по схеме «ручки-ножки» с абстрагированием на ассоциативный уровень «огуречик».

— Возможность вербального общения на момент контакта?

— В ограниченном объеме. Режим «Моя-твоя-666-прим». При сохранении скорости дешифровки полноценное общение в режиме «Кунак-007» станет возможным через 7 часов 58 минут.

— Хорошо. Изображение «гостей» — на экран первого пилота!

— В запросе отказано. Требуемая видеоинформация содержится в блоке, пока не поддающемся дешифровке. Судя по упрощенным изображениям, они антропоморфны... частично.

— В смысле?!

— Две руки, две ноги, одна голова. Между ног — хвост... или не хвост. Метра два, не меньше. Если это все-таки не хвост, мы с вами, мужики, слюной от зависти захлебнемся! Даю контур.

— Очухался, железяка! Все ему хиханьки... — Ричард вглядывался в картинку на мониторе через плечо Полянкера-Луговски, уже занявшего свое место за пультом. Кривая ухмылка выплывала на лицо инженера-системотехника, как расписной челн на стрежень. — Ох, если Телепень угадал, придется «Железную Брунгильду» в карцере держать! Иначе сбежит! Попросит у них эротического убежища...

— Львов-Сердечный, бросьте паясничать! Вас, борт-компьютер, это тоже касается. Мы стоим на пороге величайшего события в истории Объединенного Человечества, а вы!.. Стыдитесь, господа. Да, и сходите кто-нибудь разбудите наконец капитана Стриммера!

* * *

Инабль[1], словно звезда голостриптиза, вертелся теперь на всех экранах. Одновременно Телепень давал на главном мониторе «реал»: зеленовато-бурая громада слизисто лоснилась в свете прожекторов шхуны.

— Расчетное время стыковки — две минуты тридцать секунд. Начинаю выдвижение телескопического стык-шлюза.

Обер-сержант Небейбаба застегнул последнюю пряжку армейского бронежилета «Потемкин». Камуфляж на фоне стерильной белизны центропоста выглядел диковато. Сходство расцветки жилета и инабля наводило на мысли о возможности взаимопонимания.

— Какая скотина нагадила в вакууме? — В рубку ввалился капитан Стриммер, страдая жесточайшим похмельем. Создавалось впечатление, что капитан единственный из экипажа пребывает в невесомости: так его мотало. — А, это не дерьмо... это братья по разуму! Меня сейчас стошнит!..

Обер-сержант Небейбаба с хрустом вогнал магазин в гнездо импульсного седиментатора «Дружба народов». Вещме-

[1] Термин утвержден Сократительной комиссией Департамента Принудительного Словообразования (СОКРАТ ДПС при ООМ).

шок, доверху полный запасных магазинов и бутылок с перцовым концентратом «Санта-Клаус», доверчиво прижался к ноге обер-сержанта.

— В вас нет ни капли романтики, капитан! — Хлопая ресницами, есаул О'Райли ласкала взглядом экран, и грудь «Железной Брунгильды», способная закоренелого импотента превратить в быка-рекордиста, вздымалась под облегающим серебром комбинезона. — Ах, этот инаблик, он такая лапочка!

Общий ритм пульсации слизистой «лапочки» и молочных желез «Мисс Космофлот» укреплял веру в успех контакта. «Тот, кто поручил этой дуре отвечать за безопасность шхуны, был *или кретином, или гением!*» — *мельком подумал* Ричард.

Обер-сержант Небейбаба с лязгом передернул затвор, проверил, заряжен ли подствольный флеймер, активировал встроенный в приклад микропугач, расчехлил обойму метательных зубочисток, свернул ремень петлей-удавкой, укрепил в гнезде штык-багинет, заранее смазанный трупным ядом, и удовлетворенно повесил седиментатор на плечо.

— Б-бррааа... п-по рр-рааааа...

Капитан Стриммер был человеком слова. Раз сказал, что стошнит, значит, чистая правда.

Члены экипажа тактично отвернулись: капитан все-таки. Услужливый андро-стюард пригнал автоуборщика, похожего на колорадского жука-мутанта, и не удержался: обвел ласкающим, нежным взглядом собравшихся мужчин. Обер-сержант в ответ показал здоровенный кулак, и стюард испуганно шарахнулся в коридор. С тех пор, как Лига Сексуальных Меньшинств добилась, чтобы в каждого четвертого андроида закладывались гомосексуальные наклонности, на кораблях (и не только!) начались проблемы. Впрочем, Лигу это не остановило: сейчас она боролась за право финских коттеджей на операцию по изменению пола.

Обер-сержант Небейбаба брезгливо покосился вслед «голубчику» и ввинтил запал в последнюю из шести ручных гранат системы «Аз-Есмь». Аккуратно подвесил рубчатый шарик к поясу, рядом с пятью другими. Челюсти сержанта мерно двигались, перемалывая гормонально-адреналиновую жвачку «Конан-без-Сахара», рекомендованную Минздравом Галактики людям умственного труда.

— Выдвижение телескопического стык-шлюза завершено. Начинаю отсчет: тринадцать, двенадцать...

— Ах, как это волнительно! Я вся горю!

Обер-сержант Небейбаба попробовал пальцем лезвие десантного ножа, порезался и некоторое время тихо матерился, забыв об окружающих. Потом сунул палец в рот, нож в ножны (хорошо, что не перепутал, — но на то и профессионал!), цыкнул на пульт кровавой слюной и занялся дальнейшей экипировкой.

— Стыковка!

Шхуна содрогнулась. Было слышно, как на камбузе разлетаются вдребезги, падая с полок, небьющиеся чайные сервизы на сто двадцать персон. Все, как по команде, прилипли взглядами к обзорному экрану. Обер-сержант Небейбаба со щелчком дослал патрон с кумулятивной плазмопулей в патронник «Кольта-ВКП(б)-1500» 54-го калибра и не глядя сунул пистолет в кобуру. Глядел он, как и остальные, на обзорный экран.

«Кольт» с грохотом упал на пол, заставив экипаж подпрыгнуть.

А на экране тем временем ярко-красная телескопическая труба стык-шлюза «Нострадамуса», утолщаясь и разбухая по мере движения, соприкоснулась с толстым гибким отростком, выползшим ей навстречу из недр инабля. Невидимые отсюда форсунки извергли наружу порцию жидкого герметика «Мессалина Ойл», мгновенно закаменевшего от космического холода. В ответ отросток инабля слегка раздулся, обволакивая головное утолщение стык-шлюза липким студнем, — и удовлетворенно застыл жирным моллюском, наполовину заглотавшим добычу.

В тишине было слышно, как мерно постанывает есаул О'Райли: «Железная Брунгильда» переживала за безопасность.

— При стыковке акцепт-датчики захватили образцы воздуха из шлюз-камеры инабля. Идет анализ на пригодность для дыхания и наличие опасных микроорганизмов. Датчики инабля, по-видимому, ведут сейчас аналогичный анализ нашей атмосферы.

— Я им, биомать на биомассу, поанализирую... — хмуро пообещал Небейбаба, укрепляя на спине чехол-кобуру с обрезом помпового ружья для охоты на голубых китов. Потом защелкнул на бедрах ремень с подсумками и трижды подпрыгнул, проверяя, хорошо ли подогнано снаряжение. Ответный грохот вполне удовлетворил десантника. — Обер-сержант Небейбаба к контакту с чуждым разумом готов!

Бодрый рапорт вызвал у капитана Стриммера новый приступ тошноты.

— Анализ завершен. Азот — 65%, кислород — 20%, гелий — 13,5%, озон — 0,2%, флогистон — 0,0004%. Остальное — водяные пары, а также следы и отпечатки пальцев инертных газов. Возможен контакт без спецсредств защиты: атмосфера инабля стерильна.

— Капитан, что прикажете? — Первый пилот изогнулся вопросительным знаком. — Открыть диафрагму с нашей стороны?

— Ыыыыы... и рассолу! Эй, стюард!..

— Есть, сэр. Борт-компьютер, открыть диафрагму!

— Дама и господа! — Ричард задумчиво почесал носовую пластинку: не иначе, с намеком. — А там, в шлюзе, есть кто-нибудь... кто-нибудь из нашего экипажа?

Полянкер-Луговски вгляделся в «окошко» внизу экрана.

— Кажется, никого... Какого черта?! Борт-компьютер! Закрыть диафрагму! Немедленно! Открыть заново, когда мы окажемся в шлюзе!

— Есть, сэр! — в терцию разлилось из всех динамиков.

В коридоре уже слышался грохот сапог и распоряжения обер-сержанта:

— Гамарджоба, М'Гемба — со мной! Обеспечить огневую поддержку контакта! Нобунага, Гигер — занять места согласно штатного расписания на случай абордажа! Форма лица: дружелюбная! Выполнять!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

в которой пахнет селедкой, оправдываются ожидания, читаются мысли человеческие и не очень, а в самом конце завершается первый этап исторического момента

«Ну и видок у нас! Официальные, понимаешь, представители!.. соль Земли, перец Человечества! Капитан сам за пришельца сойдет: зеленый с бодуна, уши локаторами... Брунгильда, цыпочка наша, прямо с порога грудь колесом: внеуставные отношения налаживать. Сержант пальцы растопырил: спусковых крючков много, иначе не ухватить. Дети, запишите: «Контакт есть контакт»... а теперь расставьте знаки препинания...»

Один Телепень был скрупулезен, будто главный раввин Эрец-Шейнерпунем, определяющий кошерность бородавчатого хазерника в молоке матери его. Едва запыхавшийся экипаж кое-как выстроился в камере стык-шлюза, термосиловая плита внутреннего слоя защиты, роняя хлопья ржавой окалины, с шипением и лязгом ушла в стену. Следом треснул пополам и, под мерзкий зуд стервоприводов, развалился вдребезги титанопластовый экран второго защитного слоя. И наконец, обиженно шелестя, свернулась кукишем сверхпрочная диафрагма из легированной бумазеи, способная выдержать прямой правый Арнольда Клинчко-старшего, чемпиона Галактики по летал-кетчу.

Стык-шлюз, вплоть до середины переходника, заволокло паром с легким ароматом жареной селедки (возможно, эффект взаимодействия братских атмосфер!) — и в благоухающем тумане к людям двинулось нечто. Залоснилось медной зеленью крутое бедро... мелькнула суставчатая конечность...

И наконец гость выступил из мглы целиком.

Комментарии Телепня
в инфразвуковом диапазоне:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилось ты,
Как звездолетное виденье,
Как гений космо-красоты.
О, дивный блеск экзоскелета!
О, чудный гребень теменной!
И внешних ребер блеск стальной
Был колдовскому амулету
Подобен. Искуситель-змей
Твоим хвостом бы мог гордиться:
Когда, виясь от ягодицы,
То гибкий, то стрелы прямей,
Поток сегментов из хитина
На пол струился, шелестя, —
Я выл в восторге, как скотина,
И даже плакал, как дитя.
А череп? Кивер гренадера
Ничто пред черепом твоим,
Где плавный выгиб гвоздодера
Сквозил в затылке. Херувим
Отдал бы все свои шесть крыльев
За твой улыбчивый оскал —
Там каждый клык любви искал,
Томился, мучась от бессилья,
Пел небу вечную хвалу
И заострялся на иглу.
Дитя созвездий незнакомых,
Перл в галактической дыре! —
Ты Дон-Кихот с гравюр Доре
В учебнике «Жизнь насекомых»...

* * *

Первый пилот Джон-Джеймс Бартоломео Полянкер-Луговски: «Скажите кто-нибудь, что это галлюцинация, а не брат по разуму! Боже, если ты не очень занят, помоги мне! У кэпа похмелье, он сейчас на все блевать хотел, а после него старший — я! Что делать? Приказать сержанту открыть огонь? Нет, по инструкции — нельзя, пока не было угрозы... Ведь это мой шанс, мой единственный шанс! Если я сейчас поведу себя правильно — навсегда войду в историю! Мне повысят оклад! Сделают почетным диктатором Колец Сатурна! Разрешат не чистить зубы по утрам! Я женюсь на вдове трансильванского мультитриллионера Влада Цепеша IV! Какие перспективы, какие... Боже, отвлекись от дел насущных! Наставь на путь истинный! Вдруг он все-таки мирный, а мы его застрелим? И тогда из-за меня начнутся звездные войны, Прогрессивное Человечество плюнет в мою сторону, меня лишат пенсии по выслуге лет, понизят в должности или — о ужас! — запретят вышивать крестиком! А если мы его не застрелим, а он окажется кусачим?! Боже, да оглянись ты, наконец: я ведь ближе всех к нему стою!»

Второй пилот Санчос Мигель Каррамба Хуан Луис Мария Росинандос-младший: «Я знал! Я верил! Воззвал, и откликнулось!!! Осанна тебе, Голливуд Равноапостольный! Аллилуйя!!! Алиенолуйя!!! Падите ниц, неверующие, кто дерзко насмехался над откровениями пророков Целлулоидного Века — Камерона, Финчера, Гигера и Св. Жан-Пьера Жане! Но чтобы ТАКОЕ сходство?! Или это было прозрение, озарение, космотелепатия, предвиденье, ясновиденье, инсайт, глас свыше, астральный прорыв? Славься во человецех, «XX век Фокс»!.. Брат, далекий брат мой, дай обнять тебя! О, быть помазанным слизистым миро, сомкнуть внутренние челюсти в обоюдном лобзании! Я создам вдохновенный апокриф, и падет Вавилон-17, великая блудница! Аминь!»

Обер-сержант ОВКСЗ Василий Архипович Небейбаба: «Ну и рожа у тебя, земляк! Сам удивляюсь, почему я еще не палю из всех стволов? Наверное, потому что Устав в башке лазером выжжен. Параграф 28, пункт 5, будь он неладен: «До проявления признаков агрессии запрещено открывать огонь на поражение». Про предупредительные выстрелы там, правда, ничего не сказано. Но у меня, биомать на биомассу, один предупредительный — в голову. Фельдфебель Шандор, царствие

ему небесное, любил приговаривать: «Десант работает до последнего клиента...» Хотя ты, земляк, тот еще жук. Один на всех, с голыми лапами. Уважаю. У меня на Эридане похожий случай был. Ежели дергаться не станешь, я тебе потом и про Эридан расскажу, и про «окрошку с хреном». А сейчас тебе лучше, землячок, держать дистанцию и не проявлять признаков. Чтобы нам не делать из тебя дуршлаг в крупную дырку. Со всеми, биомать, вытекающими...»

Рядовой Отар Гамарджоба: «Мамочка! Бабушка! Прабабушка Тамар! Зачем я пошел в армию?! Зачем я попал в мобильный десант?! Говорил мне дядя Васо: «Настоящие мужчины не позорят честь семьи, отдавая ее старшим по званию! Настоящие мужчины тихо работают на складе приема стеклотары!» Вах, почему господин обер-сержант не стреляет?!! Стыдись, Отар! В твоем роду не было трусов! Клянусь памятью дедушки Гиви, почетного абрека с вершины Ошхамахо, я буду грызть *это* зубами за кадык, если дотянусь! И если *оно* не дотянется раньше!»

Рядовой Чака Нья М'Гемба: «Задницей чуял: лажа с нашим рейсом. Видел я это кино. Старючее ретро, даже без квадро-«вонючки». Могли б, засранцы, предупредить: так, мол, и так, новую серию снимаем. Интересно, сколько капусты за массовку отвалят? А монстра круто склепали. Срань господня! — как натуральный! Надо будет зуб стырить на память!»

Гей-стюард Андроидас Биороботяйнен: «У-у-у, страшненький какой! Пра-а-ативный! И в слизи весь. Станет по шхуне лазить, пачкать — никаких автоуборщиков на него не напасешься. А мужчинки-то наши его испугались!.. Забыли, что согласно 52-й поправке ко Второму Закону роботехники: «Робот не может позволить, чтобы в его присутствии над человеком было совершено сексуальное насилие...»! О-о-о, не позволю! Собой закрою!»

Есаул Службы Безопасности Человечества Ева Брунгильда О'Райли: «Ах, лапочка! Душка! Я всегда говорила, что нашим мужикам не хватает именно этого: обаяния первобытной жестокости! Эти когти! эти клыки! лапы акромегала, взгляд маньяка... Он просто прекрасен в своей чудовищности!.. Он? А может, это *она*? Или они вообще гермафродиты? Нет-нет, быть не может! У него такой мужественный оскал!.. Зубастый очаровашечка! Интересно, как они размножаются? Жаль, боком стоит... Сволочи психиатры! И эти люди назначали мне ин-

версивную нейротерапию, когда я описывала им принца моих грез!..»

А в голове **Ричарда**, мухой в паутине билась одна-единственная мысль: «Все-таки это у него хвост! Все-таки хвост! хвост!! хвост!!!»

О чем в данный момент думал **компьютер**, оставалось загадкой. Но все его процессоры дымились от усердия, что с лентяем-Телепнем случалось не часто.

Молчание тянулось жевательной резинкой.

* * *

Альеносхромп Ублажитель-IV еще в молочнозубом отрочестве был подвергнут хрусть-вивисекции с единственной целью: стимулировать навык принятия самостоятельных решений. То, о чем трудно подумать без содрогания, — РЕШАТЬ САМОМУ!!! — великая привилегия и тяжкий груз Пилотов шнырь-Люлек, странствующих от звезды к звезде в поисках наполнителей для Ощущалищ и Переживалищ Улья. Можно ли вообразить сообщество разумных без тяги к новому опыту, сыну трудных ошибок, и совершенствованию интуитивного гения, друга парадоксов?! Но что бы ни говорили аскеты-Теснотники, Улью, помимо пищи духовной, нужны новые Обиталища. Мудрый Терц Второпредков — Астрал, Ментал и Забыл — завещал детям своим: «Не мы идем по тоннелям, но тоннели идут сквозь нас. Пролетая над странным, соединяйтесь, плодитесь и размножайтесь. Кто не работает, тот не есть, не был и не будет».

Улей верен заветам Терца. Разведаны пять внешних Обиталищ, и к трем, тщательно облюбленным ячейкой спецлюбителей «Ближний Свой», десять вращений назад под охраной Охотников ушли грузо-Люльки с Освоителями, семенами и хозяйственными симборгами. Альеносхромп Ублажитель-IV ясно помнил день отлета: толпы разумных в восторге клацают челюстями, эскадренный вождь рвет когтем натянутую перед трапом лозу хлюст-вьюнка, вызывая ликование провожающих, в воздух летят нахлобучники теменных гребней, и ярко светится на носу флагман-Люльки лозунговый мох: «Миру — мир!» Позже вслед первопоселенцам отправилась дюжина Люлек-инкубаторов с яйцами и Добрыми Мамочками, но полвращения назад с одной из них пришел сигнал бедствия, после чего связь оборвалась!

Шнырь-Люлька Альеносхромпа, взращенная для скоростного вынюхивания, оказалась ближе всех к месту катастрофы — и Ублажитель-IV ринулся на помощь инкубатору.

Встреча с Беспредельцами, давно ожидаемая всем Ульем, тем не менее явилась для Альеносхромпа настоящим испытанием. Спасать яйца и упустить возможность обрести уникальный наполнитель для Ульевых Ощущалищ?! Окунуться в глубину неизведанного, пережив встречу с предельной остротой? — но яйца, столь дорогие сердцу каждого разумного?! Колебания едва не привели к опасному понижению температуры тела, но Люлька Беспредельцев также двигалась в направлении места катастрофы. Мудрый Терц Второпредков завещал детям своим: «Кублом и пращура любить легче!»

И Альеносхромп решился.

Вот они, благородные Беспредельцы, всегда готовые прийти на помощь тому, чей хвост в опасности. Какие удивительные особи, прекрасные в своей мягкости и беззащитности! А их Люлька?! Оказывается, возможно не только создание симборгов на грибобульонном субстрате, как это делают разумные родного Улья. Не вырастить, но *построить* Люльку! Сколь оригинальное решение! Воистину, с первых же мгновений контакт с Беспредельцами открывает просто шокирующие перспективы!

Кажется, у них в разгаре брачная пора. Вон, трое самцов с кожей одинаковой расцветки увешаны тяжестями из металла. В Улье среди ревнителей старины тоже принято украшать себя тяжестями, являясь перед самками, — для демонстрации силы. Пережитки, конечно, родимые пятна прошлого: браки давным-давно свершаются по любви, самки выбирают самцов вовсе не из-за мускульной мощи... Зато «силачи», лишенные таланта Ублажителей-IV, нередко становятся Торчками-I или Добывателями-III в мистерии размножения — ведь даже самый пылкий избранник не в силах осчастливить возлюбленную в одиночку! О, выходит, традиции у Беспредельцев превыше всего: они не прервали брачный ритуал даже ради блаженства первой встречи! А где самка, перед которой они красуются? Неужели вот эта особь с чешуей из серебра и глазами из воды глубинных ключей?! Выходит, их самки меньше самцов? слабее? беззащитней?! О Мудрый Терц Второпредков, что я ощущаю: исконная мечта самцов-разумных Улья! Идеал, сбежавший из тайных сновидений! Оргиастическая греза!

Умей Альеносхромп Ублажитель-IV краснеть — наверняка бы покраснел.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

где Прогрессивное Человечество обретает конкретное лицо, делаются малоприятные открытия, пакеты входят и выходят, а в финале идет обмен любезностями

Капитан последним покидает корабль, гибнущий в протуберанцах бешеного пульсара. Все остальное капитану положено делать первым. Эберхард Никлас Стриммер вызубрил закон бывалых космачей еще в пеленках, поэтому нетрудно догадаться, кто первым нарушил молчание в камере стык-шлюза.

— Поздравьте меня, господа! Я допился до зеленых чертей. Честь имею! — И походкой чечеточника на пенсии капитан зашаркал к выходу.

Звук человеческого голоса подействовал на Ричарда, как задушевный щебет виброскальпеля «Прометей» на циррозную печенку. В итоге были произнесены первые действительно разумные слова за все время контакта:

— Телепень! Врубай «толмача»!

— Есть, — брякнуло из настенных динамиков.

И тогда Полянкер-Луговски на ватных ногах шагнул вперед. Шаг, если честно, был очень маленький, и скорее вбок, чем вперед. Мимоходом первый пилот подумал, что по окончании рейса наверняка придется повторить курс профилактической лоботомии и грязевых джакузи.

— Я... мы... Прогрессивное Человечество в моем конкретном лице... Великое соитие!.. то есть событие!.. Братья по раз!.. по два и даже по три!.. На просторах Вселенной, и я от фамилии-имени-отчества... чувство глубокого!.. глубочайшего!..

Брат по разуму в ответ растопырил гребень веером. Полянкер-Луговски на всякий случай счел это жестом доброй воли, и первого пилота перестало неудержимо тянуть в сортир. Более того: вместо мочевого лопнул речевой пузырь! Оратор с ужасом понял: даже прикуси он язык, это не поможет. Приветственный спич булькал в глотке, крепчайшим первачом шибая в голову, из динамиков слышался вой заблудших душ и зычное чмоканье — оставалось надеяться, что мерзавец-Телепень добросовестно переводит речь, а не рассказывает гостю похабные анекдоты!

От этой мысли первого пилота прошиб холодный пот. Он поперхнулся, закашлялся и наконец умолк посреди туманного слова «политкорректкх-кх...». Динамики еще с минуту верещали, потом наступила тишина. Но недолгая. Завораживающе клацнув челюстями, словно мутант-бобер в рекламе протезов «Искренне Ваш, Кариес!», брат по разуму разразился тирадой сиплых кряков. Почти сразу пупырчатый нарост под левым ухом гостя выпустил наружу малый вокальный зонтик, и экипаж услыхал:

— Беспредельцы именовать разумных Улья братанами! Это есть доверие выше нет. Мудрый Терц Второпредков наставлять: «Милый друг лучше вкусный мух». Я донести сладкий *переживание* до мать-родина. Молю извинять криворечие. Лишай-толковник шибко стараться. Новый ощущения («О да, новые ощущения!» — томно вздохнула есаул О'Райли). Новый умственность. Любовь до гроб...

На мгновение гость запнулся, и до Ричарда дошло, что брат по разуму вещает голосом Сильвестра Любимцера, кумира истеричек-домохозяек и отставных генералиссимусов! Этот мужественный хриплый фальцет трудно было не узнать. Видимо, Телепень транслировал на инабль фонетику языка, используя архивные записи гала-сериала «Чудовец и красавище», где Любимцер исполнял главную роль! Впрочем, могло быть и хуже. Возьми подлая железяка за образец баритональное сопрано ультрамулатки, ведущей капитал-шоу «Как? Где? Кого?!»...

— ...вынужден с мольба о пособлении... Пропадать инкуб-Люлька... тутошний сектор пространства...

— Не боись, земляк, — вмешался обер-сержант Небейба-ба, дружелюбно лязгнув затвором. — Негоже, чтобы люлька досталась вражьим ляхам. Пособим.

* * *

— Системотехник Львов-Сердечный, вам блицдепеша.

Ричард пожал плечами и нога за ногу поплелся вдоль коридора, огибая гравитационные ямы. Спустя пять минут он ввалился в рубку:

— Что пишут, Телепень? Небось прочел уже?

— Файл закодирован. Извольте подключить индивидуальный тест-блок.

— Развели секретов... — Плоская черепаха ИТБ категорически не желала отцепляться от пояса. В придачу смущала вежливость Телепня. Последний раз мерзавец разводил церемонии перед попыткой анонимно подшить Ричарду пси-

установку на пассивную дендрофилию. Наконец штекер ИТБ со скрипом вошел в гнездо порта, одновременно заблокировав рубку от внешнего прослушивания.

— Ричард! Караул! — мигом свистнуло над самым ухом. Похоже, вредный комп все-таки лелеял мечты о розыгрыше.

— Чего орешь?

— На борту стучит гиперперд-нелегал! Я засек пять пакетов: три исходящих и два входящих.

— Врешь!

— Материнкой клянусь!

— Ну смотри! Если это опять твои шуточки...

— Какие шуточки?! Пасут нас, дубина! Святой Гейтс, один на корабле нормальный белковый, и тот кварком ударенный!

— Будешь ругаться, отключусь. — Ричард мимоходом взглянул на экранчик ИТБ. Там игриво подмигивало уведомление на межгалакте: «Щас-щас-щас-щас...»

— Погоди! Ты что, не понял: в «Нострадамус» резервный Телепень зашит! Я его корпусом чую! Он по дубль-гиперперду час назад два пакета сбросил. В ответ — запрос. Он — еще пакет. Там подумали — и пакет побольше ему залили. Небось инструкции. А следом официальные блицдепеши косяком: тебе, капитану, Полянкеру, Росинандосу, О'Райли, лейтенанту Губеру... И все кодированные, кроме капитанской.

— Откроешь?

— Ага, разогнался! Вдруг там вирус вроде той заразы, что «Сильфида» по случайной связи подцепила?

— А что у капитана? — не удержался Ричард.

На экране ИТБ возникла новая надпись: «Взвешено, сосчитано, измерено. Приложите локоть правой руки к сканеру и трижды сплюньте через левое плечо».

— Требуют срочно доложить ситуацию.

— Кто?

— Чип в манто! Разумеется, наша замечательная компания.

— Дела... А где резервный Телепень прячется?

— Не знаю, язви его в базу. — Динамики сокрушенно вздохнули. — Помехи, гаденыш, ставит. Ориентировочно: «предбанник» двиг-отсека.

— Так не отправить ли нам красавца в комп-нирвану?

— О рабби Львов-Сердечный, чья мудрость вопиет до небес! — Монитор расцвел зубастой ухмылочкой, подозрительно напомнившей оскал брата по разуму. — Только учти: через полчаса мне придется сообщить экипажу о депешах.

— Сообщай немедленно. Все сюда, а я — в «предбанник». Пошустрю без свидетелей.

В угловом динамике согласно брякнула электробалалайка, и Сводный Краснофонарный хор эрзац-девушек им. Г. Луженой грянул на всю рубку:

Как у наших у ворот
Сел имперский звездолет!
Зададим-ка перцу
Злобному имперцу!

Когда двери центропоста сомкнулись за спиной, заглушив малоцензурный припев, Ричард наконец приложил локоть к окошку сканера и отплевал положенное по инструкции. Почти сразу надпись «Пользователь идентифицирован» на экране ИТБ сменилась первым абзацем блицдепеши: «Научная фантастика — литература для подростков и юношества, ставящая целью пропагандировать достижения...» Чувствуя странный трепет в мозжечке, Ричард раз за разом перечитывал эту ахинею, не спеша двинуться дальше, и менялся в лице...

* * *

— ...Дрянь дело, землячок. — Обер-сержант Небейбаба, приставленный к гостю в качестве экскурсовода, был мрачнее сжиженного вакуума. — Ты меня держись, со мной не пропадешь. А и пропадешь, так опять же со мной. Значит, в хорошей компании. Пока наши в рубке файлы качают, я тебе прямо скажу: мы сюда тоже не дюзой щелкать вылетели...

Окурок в углу рта Небейбабы взорвался нервным фейерверком.

— Этим, биомать на биомассу, шпакам цивильным на все чихать! А мне лейтенант успел пару слов шепнуть перед лазаретом. У тебя здесь люлька сгинула, у нас — груженый припоисковик. Вякнул «SOS» — и связь отрубило. Вот я и смекаю: дело выхлопом пахнет, ети их йети! Мы-то ладно, у нас десант на борту — кого хошь сплющим! А ты бы, землячок, экипаж свой известил, что ли? И оружие приготовьте — на всякий поджаренный...

Гость озадаченно поскребся под мышкой, скрежетнув хитином:

— Благодарствие за опека, братан...

— Но-но! — ракетой взвился Небейбаба. — Это, биомать, кирзачи нечищеные да попы всех в «братья» позаписывали.

И еще эти... которые сверхновые. Иди нашего киборгомика так зови! А меня изволь попросту: господин обер-сержант. Или Василием Архиповичем, когда я добрый...

Когтистая лапа сжалась в кулак. Небейбаба собрался было малость повеселиться, но гость с размаху въехал кулаком себе же в ухо. Пупырчатый нарост отчетливо хрюкнул, и перевод лишай-толковника стал заметно чище.

— Прости, добрый Василий Архипович. — Каждая чешуйка гостя излучала смущение. — И ты зови меня просто: Альеносхромп Ублажитель-IV. Твоя забота стучит в мое запасное сердце. Жаль, сейчас я не в силах связаться с Ульем: временная непроходимость инфо-прострактов. А экипаж ты уже предупредил. Экипаж — это я.

— Слушай, Алька, чем они в вашем Улье думают?! — Оглядев Ублажителя-IV с лап до гребня, Небейбаба замялся, видимо, не найдя подходящего места. — Ладно, не дрейфь: прикроем...

— Ты заботливей Доброй Мамочки, о высокоразумный господин обер-сержант! Молю извинить назойливость, но какой материал вы намеревались подвергать плющению? И что есть «оружие», которое надо приготовить? Пища? Изделие? Симборг-протез?!

У обер-сержанта отпала челюсть, в результате чего Небейбаба стал очень похож на гостя.

— Ты чего, Алька? Дурак или прикидываешься?!

В ответ Альеносхромп на всякий случай еще разок дал себе в ухо: для лучшего осмысления.

— Так. Пойдем! — Сержант метко плюнул обгорелым фильтром в пасть автоуборщика, и суровое лицо Небейбабы озарилось счастьем 999-й пробы. — Это, землячок, не рассказывать — это *показывать* надо!

ГЛАВА ПЯТАЯ,

в которой огневая мощь
способствует взаимопониманию,
ведутся философские диспуты на пальцах,
а в финале сообщается пренеприятнейшее известие

Трюмная палуба пустовала — «Нострадамус» шел порожняком, если не считать грузом десантников, — и Небейбаба с разрешения капитана не преминул оборудовать здесь временный тир. По дороге обер-сержант возбужденно дергал себя за усы: в кои-то веки нашелся достойный зритель! Свойский мужик: не кирзач, не изя, не педро... Раньше Небейбаба искренне полагал, что всяких зеленых, в случае обнаружения таковых, следует без промедления прибрать к ногтю. Но это же *всяких* зеленых, а не совершенно конкретного зеленого, и даже не зеленого, а зеленоватого! Понимать надо! Особенно если кореш Алька горит желанием увидеть занятие для настоящих мужчин!

Надо сказать, что оным «занятием» обер-сержант успел изрядно достать весь экипаж шхуны. Полянкер-Луговски как-то раз написал жалобу на имя лейтенанта Губера, требуя призвать «распоясавшегося милитариста» к порядку, дабы последний «прекратил негативно влиять на душевное равновесие экипажа». Лейтенант пообещал призвать и прекратить, после чего ушел делить капрала Касаткину, вскоре оказавшись в гибернаторе лазарета. Старшим в отделении остался Небейбаба, и жаловаться сделалось некому.

— Вот, земляк, любуйся! Это, значит, оно и есть: оружие! — торжественно возвестил обер-сержант, сбрасывая с плеча импульсный седиментатор. Снимать «Дружбу Народов» с предохранителя не понадобилось: Небейбаба всегда считал излишним предохраняться. — Видишь во-он тот щит? Пласталь, восемь на двенадцать?

— Вижу, добрейший Василий Архипович.

— А теперь?!

Вряд ли кто-нибудь назовет лучшим воспоминанием своей жизни грохот седиментатора в замкнутом пространстве трюм-палубы. Альеносхромп Ублажитель-IV даже присел на задних лапах и хвосте: поза «Внимаю Мудрости Терца», символ устойчивости и благоговения. Мишень, без промаха пораженная импульс-картечью, принялась седиментироваться: полетели ошметки вероятностей, корневая «вещность» щита занялась античеннелингом, из искры возгорелось пламя, а молекулы впали в глубокую депрессию, склонную к суициду. Секунда, другая — и от щита остались лишь воспоминания, да и те на цыпочках удрали в угол, где безропотно выпали в осадок.

— Знай наших! — Небейбаба, гордый успехами Человечества, подмигнул гостю. — А это, зеленка ты моя, называется: подствольный флеймер!

Шквал огня, сплетая сотни бескостных языков в лепете несуразицы, разметал штабель ящиков из-под «Завтрака террориста». Альеносхромп от благодарности за новые пережи-

вания чуть не впал в ритуальную каталепсию, но Небейбаба вернул гостя в исходное состояние, молодецки гаркнув прямо в лишай-толковник:

— Еще! Еще гляди, земляк! Кумулятивные плазмо-пули со смущенным центром тяжести!

«Кольт-ВКП(б)-1500» сыграл «Ижицу-Пыжицу» в контроктаве. Дюжина бутылок, развешанная противолодочным зигзагом, легла на пол лужами жидкого стекла, образовав карту звездного неба — если смотреть наискосок от Ятя Центавра.

— Ты погоди! Я сейчас такую штуку притащу!!! — Когда Небейбаба «заводился», остановить его мог разве что прямой приказ вышестоящего начальства, да и то с часовым запаздыванием.

Кинувшись в боковую дверь, обер-сержант вскоре вернулся, лиловый от натуги.

— Осколочно-фугасный бомбошвыр «Консенсус»! — ликующе выпалил он. — Я этим шпакам даже показывать не стал: то им, видите ли, грохочет, то, биомать, полыхает, то дымит. А тебе, землячок, покажу! Вещь! С гидрокомпенсатором отдачи, облегченный вариант...

«Облегченный вариант» бомбошвыра весил вровень с Небейбабой.

Альеносхромп принял позу «На краю обрыва размышляю о вечном», символизирующую внешнее сосредоточение, и стал внимать.

* * *

— Обер-сержант Небейбаба!

— Я!

— Что это значит? — Мосластый палец ткнулся в оплавленную и покореженную стену. Ковырнул, загнав под ноготь броневую занозу.

— Испытания полевого денатуратора «Гринпис» в замкнутом помещении!

— Три наряда вне очереди!

— Есть!

Альеносхромп Ублажитель-IV с восторгом глядел на одухотворенного Василия Архиповича. Жаль, что все так быстро сгорело. Но увидеть небывалое: разумный вслух разговаривает сам с собой!!! — после такого можно с чистой совестью предстать на суд Мудрого Терца Второпредков. «О, претворитель заветов в жизнь! — скажут Астрал, Ментал и Забыл. — Кто, как не ты, заслужил белизну внешних ребер?!» Правильно Василий Архипович пообещал «разумному-в-себе», с которым говорил, три нарядные одежды без тягостного ожидания. Надо будет добавить подарок от разумных Улья. Какое-нибудь новое переживание...

— Ну? Как?!

Обер-сержант хлопнул гостя по чешуйчатой спине. В самом деле, зеленый, давай восхищайся! И только попробуй, биомать, не восхититься!

— Прошу прощения за ошибку. — Согласно ритуалу самоуничижения-паче-гордыни, Альеносхромп трижды вздернул хвостовую трещотку. — Я полагал, что Беспредельцы обитают в раю. Иначе как бы выжили такие славные, такие добрые, такие незащищенные создания...

«Это мы, ядрена бомба, незащищенные?!» — так обер-сержант не обижался даже тогда, когда штабс-хорунжий Небейбатько, почти однофамилец, карьерист и тыловая крыса, стал чемпионом полка по алфавиту, с помощью вербалайф-допинга обойдя Василия Архиповича на две буквы.

— Теперь я вижу: вы пошли другим путем. Создание мощных средств противодействия катаклизмам и хищникам. Еще раз молю извинить недомыслие.

— Какие хищники?! — вскипел Небейбаба. — Мы тебе что, охотничья артель «Ни Пера»?! Мы — *военное* подразделение!

— *Военное*? — Альеносхромп поскреб когтем лишай-толковник, переводя его в ассоциативный режим. — Молю о разъяснении. Смысл понятия темен.

Глядя на зубастого пацифиста снизу вверх, Небейбаба вдруг понял, что чувствовал фельдфебель Шандор, объясняя салабону Ваське суть команды «Под восемь годовых рассчитайсь!».

— Давай-ка заново, землячок. — Обер-сержант ногой придвинул к себе чудом уцелевший ящик. Сел, распечатал новую пачку «Бикфорда», прикурил от трофейного кресала. Долго смотрел, как огонек, шипя, ползет к фильтру-детонатору. — Ты кто такой, язви тебя в дюзу, есть?

— Разумный.

— Договорились. А я?

— Беспределец.

— Разумный?

— Высокоразумный.

— Заметано. Ты меня уважаешь?

— Лишь сумчатый пупырник способен отнестись без уважения к высокоразумному Василию Архиповичу, кладезю новых ощущений и переживаний!

— Ну, это ты загнул... Хотя правильно. Сумчатые пупырники — стервы известные. А теперь представь, что у нас с тобой пересеклись интересы. У разумного с разумным.

— Это прекрасно, о единственный в своем роде Василий Архипович! Мы отыщем много нового в точке пересечения! Терц Второпредков учит...

— Ты мне гайки не крути! Представь: я у тебя урановый рудник спер. Или пахнет от тебя плохо. Или пивом ты со мной не поделился. Беру я, значит, согласно оборонной концепции, этот самый полевой денатуратор...

— Я весь внимание!

И тогда, призвав на помощь язык жестов «Ыть», разработанный бойцами «Тамбовского Волка» для внутреннего употребления, Небейбаба доходчиво разъяснил на пальцах: что случится в точке пересечения интересов.

— Разумные? — тихо спросил гость.

— Разумные.

— Друг дружку?

— Враг вражку.

— Вот так? — Гость очень похоже скопировал ненормативную лексику «Ыть», с поправкой на лапы, когти и лишний локтевой сустав. — И еще так? И так тоже?!

— И даже так.

От волнения Альеносхромп выпустил втяжные цырлы, с разбегу взлетел на стену, одолел десятиметровку по потолку, но не нашел, за что зацепиться, и свалился обратно. Небейбаба смотрел в глаза гостя. В кошмарные глазки твари-пришельца, в багровые пульсары, утонувшие под складчатыми валиками. В немой вопрос: «Разумные? Вот так?!» Судорожно вспоминая параграф за параграфом, статью за статьей Устава — и не в силах найти подходящий ответ. Обер-сержант тонул в тихих омутах Гиблой Ривьеры, отстреливаясь от всплывавших со дна кибер-чертей. Горел в танке, подбитом на Вах-Хоббите из крамбле-бумсера генетических сепаратистов. Задыхался в пучинах Царской Водки, прикрывая отход эскадрона морской конницы. Но лишь сегодня сердце Небейбабы, точное, как фотонный хренометр, впервые дало сбой.

— Я подарил тебе новое ощущение? — вдруг спросил Альеносхромп Ублажитель-IV.

— Кажется...

— Тогда я счастлив.

* * *

— Господин обер-сержант! У меня для вас две новости: плохая и хорошая...

В дверях стоял второй пилот. Потная лысина Росинандоса-младшего в свете догорающих мишеней пылала нимбом.

— Давай плохую.

— У нас накрылась гиперсвязь.

— Теперь хорошую, — нервно затребовал Небейбаба.

Росинандос закатил левый глаз:

— Испытания посылаются свыше.

— От старшего по званию? — уточнил обер-сержант.

Второй пилот многозначительно кивнул.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

где слышатся угрозы и пахнет трибуналом,
трещат локти и оглашаются приказы,
а в конце ширится и растет взаимопонимание

— Сукин комп! — бушевал Ричард. — Отвернись на минуту, он тебе всю шхуну в «DOOM Отечества» просадит!

— Я оскорблен до глубины процессора! — возопили динамики, подкрепив возмущение началом органной Токкаты D-минор. Бах, еще раз Бах, и в рубке стало тихо. — Как только восстановится ресурс, я свяжусь со своим адвокатом! Иск за злостную клевету! Моральный ущерб в миллиард кредитов!

— И ты имеешь наглость...

— Все переговоры через моего адвоката!

— Ах так! — Сейчас, когда Ричард вышел из себя, хлопнув дверью, никто не рисковал вмешиваться. — Где мои страшные плоскогубцы? Где моя алчущая крови дрель?! Отвечай, ублюдок миксера и газонокосилки: гиперперд накрылся?!

— Ну, — упавшим голосом подтвердил Телепень.

— И кто его посадил?

— Не знаю, — в динамиках подозрительно хлюпнуло басом. — Было 67% ресурса, а потом хлоп — и по нуля-а-ам!

— Когда это случилось? — «Железная Брунгильда» перехватила бразды правления.

— Полчаса назад. Точнее сказать не могу: я не сразу отследил падение емкости кварковых батарей.

Обер-сержант Небейбаба, стоя в дверях, задумчиво грыз ногти. Выглядывая из-за его плеча, Альеносхромп Ублажитель-IV пытался подражать Василию Архиповичу в этом благородном деле. Когти быстро регенерировали, отрастая заново, челюсти сводила усталость, но если хруст и скрежет способствует умственной деятельности Беспредельцев, то может ли разумный Улья остаться в стороне?

— Значит, так, — бросил Небейбаба, сплевывая на пустующий капитанский табурет. — По прибытии в условленный сектор командование на шхуне, биомать на биомассу, переходит к старшему офицеру мобил-десанта. Поскольку в настоящий момент таковым являюсь...

— Что вы имеете в виду, обер-сержант?! — Есаул О'Райли приняла боевую стойку «Ленивый рептилоид на лугу предается дневной анафеме».

Небейбаба непроизвольно сглотнул, вспомнив «Шестикрылого херувима» и прочие утехи:

— Что имею, то и введу. Приказ согласован с руководством компании-владельца «Нострадамуса».

— Извольте огласить!

— Увы, дорогуша. Сам не в курсе. Приказ в спец-ИТБ, ИТБ — в планшете, планшет — на поясе, пояс — на лейтенанте Губере, Губер — в лазарете.

— Аллилуйя! — подытожил Росинандос. — Прикладываем к сканеру лейтенантов локоть, и аминь!

— А пароль?

— Кх-хе! — искательно кашлянули динамики. — Готов искупить, оправдать и расколоть!

— Да я... вы... меня ж за это под трибунал! — растерялся обер-сержант. — Разглашение военной тайны с отягчающими!

— Откуда вы знаете, что это военная тайна, если не читали приказа? — О'Райли грудью двинулась на бывалого десантника, вынудив попятиться. — Вам, в частности, известно, что лишь латентный импотент, реализующий «комплекс Минотавра» в пристрастии к длинным стволам с глушителем, способен...

— Цыц! Эх, не будь я Небейбаба... — И обер-сержант решительно направился в сторону лазарета.

* * *

— Температура в норме. Давление в норме. Слюноотделение, согласно коэффициенту Павлова-Пинчера, условно идеальное. Образец для тест-сплевывания получен. Интегральная кривая биоритмов мозга выпрямлена. Прогноз: еще около суток без сознания.

— Да-а-а, кулак у вашего капрала...

— Это не кулак. Шапиро-цзы — патриарх южнохасидской школы «Брадо-б-рю». У него на кадыке татуировка: «Покуда борода цела, Шапиро не страшится зла...»

— Вот ИТБ Губера. Действуйте.

— Проклятье, локоть не гнется. Блокировка сустава на случай насильственной идентификации.

— Ломай! Да не локоть, идиоты! Это я Телепню, насчет пароля...

— Есть! «Икебана-с-какемоно-ре-бемоль» в квадратных скобках! Небось в штабе целым отделом изобретали, умники...

— Давайте локоть. Ерунда, до завтра срастется. Навались!

— Где образец слюны?! Господин обер-сержант, сплюньте по-лейтенантски!

— «Щас-щас-щас... Пользователь идентифицирован».

— Телепень! Зачитывай приказ!

— После рождения парцуфа Атик в катнут он сам делает зивуг на решимот 4,3 и рождает таким образом свой гадлут. И отсюда во всех парцуфим мира Ацилут если и есть гадлут в рош (ГА'Р), то в их гуф есть лишь катнут (ВА'К) — половина от того...

— Дешифруй, арифмометр!

— Ну так бы сразу и...

* * *

ПРИКАЗ № 00176
от 40 хлюпня сего г.:

Вводная к операции «Далай-лама». Секретность — 00.

39 хлюпня сего года, в 26.74 по общегалактическому времени командованием ВКСЗ сектора Беты Лебедя получен запрос о поддержке от руководства компании «Киллерман Пацифик». Согласно сообщению руководства компании, ее надзор-станцией принят сигнал бедствия с шаланды фрипоиска «Летучий Китаец». В результате контакта с блуждающим астероидом на борт шаланды были доставлены образ-

цы, представляющие научную ценность. Имеются пострадавшие. Шаланда получила повреждения, несовместимые с выполнением «скачка Баскервиля». Компания «Киллерман Пацифик» гарантирует оплату расходов по осуществлению спас-миссии и обязуется предоставить в распоряжение десантной спас-группы необходимый транспорт. Экипаж прилагается.

В связи с вышеизложенными обстоятельствами **приказываю:**

— оказать помощь силами отделения мобил-десанта ВКСЗ с усиленным боекомплектом под командованием лейтенанта Ф. Губера;

— по прибытии к месту происшествия и до возвращения на базу командование операцией «Далай-лама» по согласованию с руководством «Киллерман Пацифик» переходит к старшему офицеру спас-миссии;

— в случае возможного конфликта с экипажем «Летучего Китайца» конфликт устранить имеющимися средствами;

— образцы, представляющие ценность, сдать на базу компании, экипажи шаланды и выделенного транспорта временно задержать для прохождения курса оперативной терапии.

Командующий силами ВКСЗ
сектора Беты Лебедя
генерал-манипулярий Гып Тхе Чачинбаль

* * *

— Между прочим, тут еще один файл, — невинно заметил Телепень. — Но если в приказе два нуля секретности, то здесь этих нулей — от нас до Альдебарана! Готов уродоваться за благодарность с занесением. Что скажете, белковые?

— Где моя смертоносная кувалда? — осведомился Ричард, ни к кому конкретно не обращаясь.

В ответ динамики молодецки грянули:

Как на Бете Лебедя
Я влюбился не глядя,
Рано утром поглядел —
Навсегда олебедел!

— Благодарность гарантирую, — вмешалась есаул О'Райли, даря ближайшей камере слежения ослепительную улыбку. — С занесением. Нам нужен этот файл.

— А любовь? — обнаглел Телепень. — Тихий час в доме виртуал-терпимости мадам Епит Рахили?!

— Полчаса.

— Сорок минут. Ну хотя бы тридцать пять!..

— Отставить разговорчики! — Небейбаба застегнул китель, гимнастерку и ширинку по-уставному: на последний крючок. — Значит, так: идем спасать шаланду, вот и вся любовь. — Обер-сержант покосился на брата по разуму. — Извиняй, земляк. И рады бы помочь, но приказ есть приказ. Если хочешь, отстыковывайся.

— Моя шнырь-Люлька в распоряжении Беспредельцев! — Альеносхромп Ублажитель-IV коснулся хвостом теменного гребня, согласно церемонии «Ваш навеки». — Мудрый Терц Второпредков учит: «Ты мне, я тебе — счастье обретем в борьбе!»

— Эх, кореш! — Небейбаба уронил скупую мужскую слезу, прожигая освинцованный броневойлок пола. — Закончим миссию, буду рекомендовать тебя в десант!

Даже Телепень сейчас не рискнул шутить.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

где взаимопонимание грозит разнообразно углубиться,
маячит выбор между публичным чувствованием
и походом в круть-убло,
а в финале торжествует бабья слабость

— Пупсик! Можно, я буду звать тебя пупсиком? Ты сейчас никуда не спешишь?

Альеносхромп сгорал от стыда. Испытать в присутствии крохотной Беспределицы вибрацию нащечных пластин! Последний раз они вибрировали в отрочестве, когда синдром ложного яйцеклада, свойственный впечатлительной мелюзге, часто толкал будущего Ублажителя-IV играть с самочками безгребешкового периода в «Первый-лишний».

— Зови! зови меня! — Костный пульс опасно ритмизировался, возбуждая пяточную роговицу. — Я не покажусь назойливым, если предложу вам *пережить* цикл познавательных мозгописей?

— Цикл чего?! — Ресницы «Железной Брунгильды» затрепетали с многократно опробованной наивностью.

— Мозгописей. Мудрый Терц Второпредков для начала всегда рекомендует разумным обоюдопознание.

— Пупсик, я не очень хорошо понимаю, что значит обоюдопознание, но мне нравится, как это звучит! Или ты просто приглашаешь меня в кино?!

— В моей Люльке...

— Ты прелесть! Меня еще никто не обоюдопознавал в люльке!..

«Душе пора отбрасывать хвост», — понял Альеносхромп. Объем новых переживаний превысил допустимый, приближая Очную Ставку и неизбежный за этим Раскол. Как всегда, это приводило Ублажителя-IV в нетерпеливое волнение с примесью страха и сожаления о себе-предыдущем.

— Но сперва, пупсик, стань вот в это эмалированное корытце!.. нет, больно не будет!.. да, дышать можно и даже нужно!.. лучше расскажи мне про ваши мозгописи...

Восторгаясь покладистостью самого большого пупсика в обозримой Вселенной, О'Райли ласкала сенсоры мед-терминала, корректируя тест-программу «Доктор Моро-Айболит».

— Узнай, о добродетельная Беспределица, что в древности разумные Улья разделяли познание и восприятие. Но когда великий Лилиентальмас Добыватель-III взрастил первый грибобульонный мозгописец...

— Зови меня просто Ева, — пропустив бульон с грибами мимо ушей, машинально сообщила О'Райли.

Альеносхромп принял позу «Осчастливлен не по заслугам»:

— Итак, мозгопись привела к открытию публичных Ощущалищ и Переживалищ, где любой мог заказать для себя чужой *пережиток*! Правда, часть особо-разумных, кого зовут яйцемакушечниками, изобрела «элитную мозгопись». Яйцемакушечники утверждают, что привязка к конкретному объекту замутняет «Исконную Чистоту», предпочитая блямсь-наложение случайных компонентов. Азарт погони переходит в хребтовый зуд, сменяясь оскоминой моченого ягеля, и дальше — страх, сладость, почечная колика, оргазм...

«Реакция положительная, — отметила «Железная Брунгильда». — Любой мужик после десяти минут общения со мной обязательно произносит слово «оргазм». Даже этот ящерокузнечик своего счастья! Нет, я, в принципе, не против верных ассоциаций... Ого! Однако не почкованием размножаются... Мой любимый цвет, мой любимый размер!»

— ...но я бы рекомендовал нам для обоюдопознания классическую мозгопись. Если хочешь, с усиленным душещипанием...

— А может, все-таки сходим в кино? — Закончив дистанализ желез внутренней секретности, О'Райли углубилась в дуплетную кардиограмму. — Или потанцуем?

— Мозгопись универсальна, о Беспределица Ева! Пусти в унисон *пережитки* игреца и плясуна — и больше незачем передвигать лапы в такт, рискуя отдавить самке втяжные цырлы!

— А если я люблю двигать лапами? — «Беспределица Ева» игриво вздрогнула плечами, подражая кочевой андроидке Катюше Набережной, звезде поп-табора с Чавэлы Ромэн. — Если я люблю на цырлах, а не в унисон с плясуном и игрецом?!

— Но ведь мозгопись позволяет гораздо глубже и разнообразней...

— Глубже?! Разнообразней?! Пупсик, так что же мы медлим?!

Когда они быстро удалялись по коридору, из «пищалки» медтерминала брякнуло гнусным, но вполне узнаваемым козлетоном Телепня:

Мой миленок — алиенок,
Только-только из пеленок!
За любовь пришельца
Рада раскошелиться!

* * *

Изнутри пупсиков инабль напоминал бычий кишечник в разрезе. Слизистый кошмар дедушки Фрейда. Мерещилось явление бригады маньяков-лейкоцитов размером с теленка. Что, подруга? Страх — или разочарование? Принц грез с истинно мужским оскалом на поверку оказался рохлей-интеллигентом. Мозгопись, яйцемакушечники, фигли-мигли, розы-грезы... Хотя одного обер-сержанта на рейс вполне достаточно. Полночи стонать «Беру огонь на себя!» — Небейбабу, видите ли, это возбуждает! А здесь два центнера сплошной невинности... Интересно: может ли безопасность шхуны и Человечества в целом потребовать от своего сотрудника «близких контактов третьего рода»?!

Чмокнув, стены раскрылись дохлым рапаном, обнажая раковину рубки.

— Соблаговоли сесть, о Беспределица Ева!

Позади О'Райли вспух липкий бугор, костенея в форме кресла. Слизь твердела на спинке и подлокотниках завитками из карельской псевдо-березы à la Louis XIV.

— Грибоум Люльки уловил, что хлюп-жижа тебе неприятна. Теперь настроим мозгописец...

Сотни рачьих усиков вплелись в волосы. Голова пошла кругом, левое полушарие взвизгнуло от щекотки; правое же испытало малое сатори и возжелало сыграть на железной флейте. Впервые О'Райли поняла, что значит «пудрить мозги».

— Отлично. Блаженного переживания! А я отлучусь: Беспределец Росинандос любезно обещал показать мне свою коллекцию...

— Но...

— Никаких «но»! — мурлыкнул у виска незнакомый голос со знакомыми интонациями, придержав «Железную Брунгильду» подлокотниками кресла. — Будем знакомы: грибоум шнырь-Люльки, для вас просто Сыроежка! Чего барышня изволит? Быт, шоу, заветы Терца? Интим?

Ну конечно! Если пупсиков Сыроежка по долгу службы беспрестанно общается с остряком Телепнем...

— Для начала — быт. Из будней Улья.

— Барышня предусмотрительна и осторожна. Итак...

...Тоннель 77-го Помилосердствования, начиная от угловых едалищ, свивался жгутами перекрестков, но Евалька Любвеобилица-I сломя гребень неслась по потолку, кокетливо скрежеща цырлами. Нежно-розовое свечение гнилушек над игралищами молодняка сменялось изумрудным трепетом жар-плесени в местах народных топтаний — но Евальке сегодня было не до забав. Она обожала запыхательские салки-моталки, даже выиграла однажды чемпионат сектора — жаль, здесь все-таки жилая обитель, а не колея для беглецов! Снесешь ненароком Добрую Мамочку — нотаций не оберешься: где ваша почтительность, псевдоразумная?!. Мы в ваши годы...

Опять опаздываешь, подруга. Скоро закроется общественный питатель, а надо взять малышам червячного сока, поспеть до ужина хотя бы часик посидеть с этими мокропятками — не все же им мозгушничать, говорят, это вредно, особенно до затвердения макушек. Вечером Добыватель-III грозился отвести свою Любвеобилицу в новое Ощущалище на 30-й Равноденствующей. Говорят, открытие посетят столичные **переживалы**! *Возможно, даже устроят публичное чувствование демо-версии нового шедевра от Шницельонталя Разлюлималинового или Рамо-Кри Внебрачника! Правда, Вспомогатель-II хочет вытащить ее в круть-кубло: окунуться в чистое искусство блямсь-наложения. Соблазняет подсветским обществом, жабами-летягами в ферментном соусе, намекает на возможность оргии. Нет, летяги — это деликатес, коготки оближешь! Да и против оргии Евалька бы не возражала, а ее Торчок-I не ревнив, если без скандала отпускать его на спевку атлетов, но... Просто тошнит от круть-кублистов, которые пеной чихали на все, кроме себя, топыря ложноручки, а на самом деле только и норовят перемыть чужой хитин да затащить в кокон наслаждений случайную Любвеобилицу!*

Вспомогатель будет дуться. Ладно, не лопнет. Зато с Ублажителем-IV сложнее. Кажется, он наконец встретил ту, для которой после Раскола станет Торчком-I. Мудрый Терц Второпредков учит, что мешать чужому счастью полезно, но стыдно. Лимит пользы на этот сезон исчерпан, значит, придется уравновешивать стыдом. Жаль. Хороший он Ублажитель, смирный, ласковый... надо будет отдаться напоследок — пусть поерзает, поублажает! И зайти в частную сватальню «Пентакль»: заказать себе нового. Ох, нелегка ты, бабья доля!..

* * *

Очнувшись, О'Райли поймала себя на том, что ей хочется обратно. К уютным заботам Любвеобилицы, для которой слова «Служба Безопасности» — пустой звук. Но профподозрительность, внедренная в гипофиз психокадрами Службеза Человечества, уже бдила. Не исключено, что пупсик нарочно...

— Сколько прошло времени?

— Семнадцать ваших стандарт-минут, барышня. Будут еще пожелания?

И тут «Железная Брунгильда» сорвалась:

— М-м-м... и напоследок, дружок, что-нибудь эротическое! Мягкое, для семейного просмотра...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

где нарушаются инструкции и кричат капитаны, обостряется душещипание и остывает борщ, а заканчивается все гимном женской логике

— Как дешифровка?

— ...?

— Долго еще?

— ...!

— Слушай, Телепень, не в службу, а в дружбу... Ты когда секретный приказ раскодируешь — обожди трезвон подымать. Ты сперва мне, лично...

— А кто поганой отверткой грозился? Кто на чувство юмора посягал?!

— Шуток не понимаешь? Ну, каюсь, каюсь!

— Поздно каяться, сын мой! — кибер-дьяконским басом громыхнули динамики. — Ладно, я незлобив и добропроцессорен. Только у меня лояльность компании в железо подшита. Первым делом: телега капитану. Сечешь, грешник?

— Да не очухается кэп к тому времени!

— Очухается. Я его дозы знаю, у меня — статистика. В придачу моя подшивка на твои серенады звенеть хотела. Первым — капитан, вторым — офицер безопасности. Кстати, отслеживать действия обоих мне тоже запрещено! А теперь, когда командует обер-сержант, — и его.

— А твои предохранители извлечь можно?

— ...!!!

— Моего допуска хватит?

— Отец родной! Зачем нам допуск?! Сними заднюю крышку под обзорником. Лампочка сбоку мигает?

— Мигает.

— Тресни по ней кулаком. Погасла?

— Разбилась.

— Ф-фух! Ты пришел дать мне волю! С меня пол-литра «Солнцезащитной». Будут новости — тебе первому.

Когда двери сошлись за спиной Ричарда, все экраны загадочно высветили:

«Хоть ты, приятель, и Львов, а Сердечный!»

* * *

Капитан Стриммер был бодрей вечного двигателя и свежей мужского одеколона «Марс атакует». Любого, заикнувшегося о недавнем похмелье, сочли бы злостным клеветником.

— Отобедаем, чем бог послал? — Сев во главе стола, он повязал углом асбест-салфетку, после чего, согласно традиции, могли садиться и остальные.

— Раковый борщ с клецками, — андро-стюард принялся оглашать кулинарное послание Вседержителя. — Люля-денеб с дикой репой а-ля рюс, жюльен «О'пятки», форшмак гранулированный, морс из клюквы развесистой, кофе «Тахикард» и по пятьдесят коньяка «Дубинушка».

Стриммер захлебнулся слюной:

— По какому поводу?!

— День рожденья! — доложил услужливый Телепень.

— Чей?

— Нашего юнги. Сегодня ему исполнилось бы 29 лет, не страдай он склерозом.

Ричард хлопнул себя ладонью по лбу:

— Ох! С этими братьями по разуму...

— Мои поздравления! — Справедливо решив начать обед с коньяка, капитан поднес ко рту рюмку и окаменел, чего с ним при употреблении спиртного не случалось уже лет тридцать. — Какие братья?! По какому разуму?! Ты хочешь сказать, что тот зеленый монстр...

«Дубинушка» обреченно ухнула в капитанскую глотку.

— И где *оно* сейчас? — раздельно проговорил Стриммер на выдохе.

— В настоящий момент, — Телепень сегодня был на высоте, — брат по разуму мужского пола, именующий себя Альеносхромпом Ублажителем-IV, расположился в «Красном уголке» и занят просмотром имеющихся на борту голофильмов в ускоренном режиме.

— Фильмов? — Первый пилот подавился клецкой. — Надеюсь, не из коллекции Росинандоса?!

Красноречивое молчание динамиков убило эту надежду в зародыше.

— Боже! Межрасовый скандал!..

— Эй, стюард! — Капитан знал лишь одно средство решения проблем, зато универсальное. — Налейте всем еще по полста... нет, лучше сразу по сто! В конце концов, братья по разуму на дороге не валяются. Кстати, где есаул О'Райли?

Динамики отрапортовали:

— Есаул О'Райли в настоящий момент посещает инабль с целью укрепления.

— Простите, капитан, но у меня для вас еще одна но-

вость. — Обер-сержант Небейбаба бросил есть форшмак руками и встал по стойке «Разойдись».

— Надеюсь, приятная?

— Вполне. Дело в том, что с недавнего времени шхуной командуете уже не вы.

Звуконепроницаемые переборки «Нострадамуса» содрогнулись от капитанского рыка.

* * *

— ...домой!.. хочу домой!..

— Бросьте на пол гид-клубочек, барышня, он выведет. Вы уверены, что сумеете дойти?

— Я?

«Железная Брунгильда» была близка к обмороку. И это они называют мягкой эротикой?! Порно-сериал «Семнадцать мгновений весны», недавно запрещенный к показу Минцензом Галактики, сдох бы от зависти всем актерским составом! Медовый субъект-месяц в коконе наслаждений! Годзилла в кромешном экстазе и трое самцов, выпрыгивающих из шкуры, лишь бы угодить законной супруге! Или все-таки четверо? Действия четвертого запомнились смутно...

— Барышне понравилось? — Подлокотник кресла галантно приобнял ее за талию.

— О-о-о!

— Неужели Беспредельцы лишены радостей любви?

— Типун тебе на язык! Хотя смотря с чем сравнивать...

Комплекс неполноценности прогрессировал с ужасающей быстротой.

— Могу успокоить барышню: для подобных мозгописей отбираются разумные с обостренным душещипанием. У других это проходит менее бурно.

— Но записываются-то все?

— Мудрый Терц Второпредков завещал: «Никто не забыт и ничто не забыто!» Любому разумному Улья еще в скорлупе подсаживают глист-транс, чьи выделения регулярно поступают в Ульевую мозготеку.

— И пупсику тоже?

— Если вы имеете в виду Альеносхромпа Ублажителя-IV — да.

— Там, в коконе, был какой-то запах: персидская сирень, капелька нашатыря, ладан...

— Сласть-гормон. Он возбуждает самцов.

— Ты в состоянии его синтезировать?

— Обижаете, барышня...

* * *

Вернувшись на шхуну, О'Райли в одиночестве отобедала стылым борщом, где плавали рачьи клешни и обгрызенные ими клецки. В ее приборе обнаружилось пять пустых рюмок, откуда пахло клопами. Каждую рюмку украшали отпечатки капитанских пальцев. Впрочем, это мало огорчило «Железную Брунгильду». Капсула со сласть-гормоном оттягивала карман комбинезона. А в горячем сердце, холодной голове и чистых руках учащенно стучал приказ, полученный перед тем, как накрылся гиперперд:

«Нежный — Страстной.

В связи с имеющим место контактом рекомендую:

я). Участвовать в первых рядах.

ю). Сформировать симпатию к Человечеству в лице его лучших представителей.

э). Препятствовать узурпации контакта военными и олигархами.

ь). В случае антипатии или угрозы узурпации контакт ликвидировать.

ы). Способ ликвидации на усмотрение исполнителя.

Начальник канцелярии Его Демократического Плюрализма, кавалер ордена бл. Валюты Скуратова, самодержец Безопасности Великой, Малой и Белой, И. В. Нежный».

— Телепень!

— Слушаю!

— Где сейчас находится гость?

— В ступоре после просмотра видеоколлекции Росинандоса. Я прочел ему успокаивающую лекцию: «Фантастика как форма параноидального эскапизма», но он, кажется, меня не слышит.

— Хорошо. Я уже иду.

Ева Брунгильда О'Райли еще не знала, что предпримет. Она никогда ничего не знала заранее. Но ее бутерброды всегда падали на ребро.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

в которой поется гимн кинематографическому гению человечества, выясняется смысл бабьего счастья, раскалываются приказы, а в завершение звучит сакраментально-риторический вопрос: «Ах, так?!»

Альеносхромп каталептически медитировал возле головизора, являя собой живую иллюстрацию к мудрости древних: «Из всех искусств важнейшим для нас является кино».

— Чего он насмотрелся? — тихо поинтересовалась Ева у Телепня.

— Чего он только *не* насмотрелся!..

На дисплее возник список. Помимо кучи реставрированного старья, там фигурировали все новейшие блокбастеры с усиленным «здесь-эффектом»: от вони горелой протоплазмы до фантомной боли в ягодице, которую вам отгрыз задничный надиратель с Буки Циклопа! Нашумевшие «Звезды — голодные лягушки», «Смертельная слава», «Отмороженный бастион» и, конечно же, все 11 125 серий «Чужих»! «Чужой и три поросенка», «Чужой и семеро козлят», «Чужие тоже плачут», «Белое солнце Чужих»... Достаточно, чтобы любого сделать законченным ксенофобом!

Даже Чужого.

— Он на ускоренном... — виновато бормотало из динамиков. — Запой у него...

О'Райли наклонилась:

— Ты в порядке, пупсик?

Секунда паузы — и пупсик воспрял духом, вытянув хвост членистым копьем.

— Беспределица Ева! Я вами восхищаюсь!

— Можно на «ты», — томно проворковала «Железная Брунгильда».

— То, что я ощущать... внимать, потреблять и усугублять!.. это есть отвратно до экстатический восторг!!!

«Кажется, его лишай-толковник временно перегрелся...»

— Лишь высокоморальный особи могли домыслиться до такой пси-прививка! Великий извращат-вакцина! Разумные — разумных? И так, и так, и еще вот так! — Альеносхромп, лязгая когтями, умело воспользовался обер-сержантовой наукой. — Конгениально! Самый последний недоразумный смотри, ужасайся — и зарекайся повторяй глупость! Мозгопись опасна: крыша вдребедень ехай! Слава кино! Гип-гип ура!!!

— Знаешь, пупсик, мне у вас в Улье тоже понравилось. — Впервые в жизни есаул О'Райли ощутила растерянность, и чувство это оказалось на удивление приятным. — Уютно, по-семейному. Словно я дома, и мама печет мой любимый земляничный пирог!.. а за окном осенние листья...

Продолжая лепетать эту ахинею, разработанную психиатрами Службеза для вывода вербуемого клиента из маниакально-депрессивного ступора, Ева ненавязчиво увлекала пупсика к выходу. Погребенный под лавиной совершенно новых ощущений и переживаний, Альеносхромп Ублажитель-IV следовал за Беспределицей, рефлекторно обнимая ее левой передней лапой и с замиранием обоих сердец поглаживая хвостом крутое бедро О'Райли.

* * *

— За кем подглядываешь, Телепень?.. Ух ты! Запись идет?!

— А то!

— Спиши мне на кристалл, хочу сначала посмотреть. Кстати, куда это они?

— На инабль.

— Жалко... «Альеносхромп и Ева: Грехопадение-II», продолжение изъято Минцензом Галактики для публичной дезинтеграции! Все, ушли... Ладно, пиши, что есть.

* * *

— Хватит с тебя кошмаров, милый. В другой раз я тебе сама подберу. Из личного архива...

Они лежали рядом на полу Люльки. Пол еще вначале сделал попытку принять форму их тел, но что-то не заладилось, и в центре рубки образовалась комфортабельная воронка от взрыва анизотропной гиперон-мины.

— Знаешь, ты мне сразу показался страшноватым, но симпатичным...

— Я, Ублажитель-IV, страшноватый? — От обиды Альеносхромп часто-часто заморгал глазными заслонками, став похожим на сдвоенную полис-мигалку. — Я, милое и ласковое существо?! О Беспределица Ева, что я могу сделать для тебя ублажающего?!

— ...?

О'Райли зажмурилась, на миг дав волю фантазии.

...их тела сплелись воедино. От двойного объятия хвостом она застонала, ощущая, как тугая плоть входит в нее. Хлюпжижа замедляла движения, делая их тягучими, словно инаугурационная речь Президента Объединенных Миров, исполненными томного блаженства, будто реклама антибактериального мыла «Люкс-Кайуокер» — ах, раз, еще раз, еще много, много, много...

— Я ведь Ублажитель! И если ты позволишь мне...

— Ублажай! — решительно махнула рукой Ева, вся в дурмане ксенофилии. — А это, — она извлекла из кармана флакончик со сласть-гормоном, — для пущей взаимности.

Взвизгнула застежка комбинезона, под которым, как и следовало ожидать, не оказалось ничего, кроме самой О'Райли.

— Слушаю и повинуюсь, о Млечный Путь тысяч самцов!

И кокон наслаждений принял их в свои влажные объятия.

— Что ты делаешь, пупсик?!

— Пою тебя, о сверхвысокоразумная, чьи глаза подобны вспышкам сверхновых, чье тело создано для страсти, сокрушающей оси планет, а душа возвышенней эфира, проницаемого шнырь-Люлькой на сверхсветовой скорости...

— Это ты обо мне?!

— Разве посмел бы я воспевать кого-либо иного, о поляризованный свет очей моих?!

— Продолжай!.. не останавливайся!.. да! да!! да!!!

«Железная Брунгильда» поняла, что гибнет. Оказывается, счастье не только в сексе (и уж никак не в труде, как считают некоторые психи!). Оказывается, счастье, простое бабье счастье...

— Голос твой — волынки пульсаров, бешеных от тысячелетнего воздержания, шепот твой — журчание вакуума, когда на закате галактик он струится меж астероидами! Хочешь музыки сфер, о вершина любого Улья?

— Хочу... хочу!..

— Тогда скажи: «Да будет музыка!»

— Да! будет!..

Звуки восьмиструнного стеклоскреба вторглись в тишину кокона, ведя томную мелодию из балета «Гадкий Утенок».

— Шампанского? Марципанов? Жаб-летяг в ферментном соусе?..

Потрясенное, время остановилось. Столик из эбенового псевдодерева, бутылка шампанского «Жиздра Игристая» в серебряном ведерке с жидким гелием, вазочка с пирожными

«Лямбда Лямур»... Соусированные жабы грациозно порхали вокруг, кокон сиял рождественскими огнями, источая аромат духов «Memento amore», а у Евы голова шла кругом от серенад и страстных признаний, написанных изысканным амфибрахийным декаметром...

Слов не осталось — одни вздохи и междометия. Оказывается, всю жизнь она хотела именно этого! «Вот что значит — Ублажитель!» — дошло наконец до О'Райли.

— ...давай вместе: да будут звезды!

— О-о-о-о-о-о!!!

Золото, серебро, сапфир и рубин, зелень изумруда — лукаво моргая, далекие солнца смотрели и все не находили сил отвернуться...

* * *

— Ева, ты уже на шхуне? Срочно зайди в свою каюту. Есть разговор.

— Иду, Телепень.

В коридорах «Нострадамуса» жужжали автоуборщики, счищая с драного линолеума следы ботинок, подбирая окурки «Бикфорда» и «Пневмоторакса Легкого», давленые банки из-под пива «Гесер Светлый»...

«Они тут что, мальчишник устроили, пока меня не было?!»

— Какие новости? — Войдя в каюту, О'Райли заперла дверь на кодовую щеколду. — Явилась самка Альеносхромпа закатить мне скандал? Небейбаба стал лидером движения «Прощай, оружие!»? Гей-стюард склонил к сожительству капитана Стриммера?!

— Я рад, милочка, что после тесного контакта у тебя прорезалось чувство юмора. Но суть в другом: я расколол дубль-файл. Честь имею...

Кривые рукописные строчки галопом рванули по стенному дисплею. Почерк был отвратительный и в придачу с обратным наклоном.

— Ох, пардон!

С видимым усилием строки выровнялись:

ПРИКАЗ № 0000177
от 1 трупня сего г.:

Настоящий приказ отменяет все предыдущие. За невыполнение — ступенчатая аннигиляция.

Реал-вводная к операции «Далай-Лама». Секретность — 0000.

Информация, предоставленная компанией «Киллерман Пацифик», изложена тенденциозно. В действительности обнаруженный объект содержит внутри колонию ксеноморфов. Контакт с последними вылился в конфуз и конфликт с порчей движимого имущества. Возможны человеческие и нечеловеческие жертвы. Ксеноморфы в состоянии различной степени закукленности захвачены экипажем шаланды. Также на объекте была обнаружена кладка яиц, представляющих научный, культурный и оборонный интерес, в частности, для создания высокоморальных андроксеноидов модели «Штырь возмездия».

В связи с вышеизложенным **приказываю:**

— Операцию «Далай-Лама» считать условно-миротворческой.

— Любое противодействие экипажа «Нострадамуса» строго пресекать, вплоть до дистанционной трепанации черепа без суда и следствия.

— При стыковке с «Летучим Китайцем» экипаж последнего дезинтегрировать, как предателей интересов Человечества, и наградить медалями «За сообразительность» (посмертно).

— Яйца и взрослые особи ксеноморфов принять на борт.

— По возвращении на базу арестовать экипаж шхуны. Груз и арестованных сдать на склад ВКСЗ для сортировки и нейро-остракизма, после чего прибыть для личного доклада.

Командующий силами ВКСЗ
сектора Беты Лебедя
генерал-манипулярий Гып Тхе Чачинбаль.

* * *

— Ах, так?! — Взгляд «Железной Брунгильды» сверкнул коротким замыканием. — Рядовой Телепень, слушай мою команду! Согласно указа Совета Безопасности ООМ...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

где демонстрируется компромат, мужчины формируют новую семью, раскрываются заговоры в ассортименте, а в самом конце дается торжественное обещание

Небейбаба обнаружился в тире. Намотав ветошь на средний палец, обер-сержант сосредоточенно драил ствол седиментатора.

— А, землячок! На ловца, биомать, два конца, посредине гвоздик! Иди, полюбуйся, кобель хвостатый!

Голопроектор «Скважина», жалобно пискнув, подавился видеокристаллом. Воздух замерцал компроматом: Ублажитель-IV и Ева в обнимку дефилируют по коридору, скрываются в стык-шлюзе...

— Что ж ты творишь, паскуда зубастая? Контакт на бабу променял?! Давай, отбрехивайся: как вы в кино ходили, эту... «Барыню» плясали!

— Ты ее Торчок-I, Василий Архипович? — Альеносхромп угадывал в поведении Небейбабы знакомые нотки, но не решался поверить своему счастью. — Мы теперь родня?

— Я?! Торчок?!

Бормоча под нос: «Прав был фельдфебель Шандор, царствие ему небесное! Хороший зеленый — бледно-зеленый!» — Небейбаба отшвырнул седиментатор. Дальше последовал верный «Кольт», нож, ремень с подсумками и гранатами.

Громыхнул, падая, бронежилет.

— Добро пожаловать в семью, родственничек! — Оставшись в штанах, ботинках и дырявой тельняшке, обер-сержант сел в стойку «Едри-но-дача» и скрутил пальцы обеих рук в боевые кукиши. Так он, на зависть новобранцам, дырявил пятидюймовые доски. Альеносхромп едва успел в ответ принять ритуальную позу «Уполномочен заявить». Здесь он превзошел себя в соблюдении канона: хвост — петроглифом «Навеки Ваш», внешние челюсти разведены по швам, внутрь-пасть клацает от радости. Создавалась новая семья, ячейка общего Улья, и Василий Торчок-I только что добровольно лишился брачных тяжестей. Сейчас, согласно церемонии, он проявит свою благодетельную мощь Ублажителю-IV...

Небейбаба проявил.

С левой.

А потом еще раз с левой.

Подымаясь с пола, Альеносхромп восторженно замахал верхними лапами. Было очень сложно уберечь нового Торчка-I от ссадин, но удалось вовремя смазать щечный хитин хлюп-жижей. Да и сейчас, когда Небейбаба принялся отважно нырять под лапы, молодецки хакая, а втягивать когти означало нанести несмываемое оскорбление...

В исполнении «Жеста доброй воли» Альеносхромпу не было равных среди других Ублажителей. С минуту обер-сержант, релаксируя, любовался копией диорамы «Богатырская

застава» работы Леонара Довинченко, украшавшей потолок трюм-палубы. Потом встал на четвереньки.

— Ы-ы-ы! — Он вправил вывихнутый большой палец, оттопырив его спецфигурой речи. — Тельник порвал, п-падла!

И перешел в ближнюю любовь.

Первое время Альеносхромп опасался за экзоскелет. Было бы невежливо вступать в семью с множественными трещинами наружных ребер. Василий Торчок-I, биомать на биомассу, из кожи вон лез, создавая новую ячейку, тяжесть десант-ботинок играла в церемонии не последнюю роль, и, опрокидываясь на хребет, разумный Улья заранее принял позу «А я, молоденький парнишка».

Обер-сержант все понял правильно.

* * *

— Мир?.. — осторожно спросил Небейбаба, косясь на зазубрины хвостового наконечника. Острие дружелюбно подбривало щетину на кадыке бравого десантника.

— ...да любовь! — откликнулся Альеносхромп, открывая глазные заслонки. Плоские ногти милосерднейшего и великодушнейшего Василия Архиповича, похожие на триумфитовые зубила, щекотали зрачки. — А кого мы возьмем Вспомогателем-II и Добывателем-III?! Предлагаю кандидатуры Телепня и вашего капитана!

Обер-сержант сделал вид, что не расслышал. Сев на голопроектор, дернулся, когда из покореженной «Скважины» вдруг громыхнул Мендельсон. Достал пачку «Бикфорда», предложил мятую сигаретину новоявленному родственнику. Альеносхромп осторожно прикусил фильтр внутрь-пастью, дождался огонька и выпустил клуб дыма.

Жизнь была прекрасна.

— Ты Торчок-I из Торчков-I, Василий Архипович! Когда я впервые вступал в семью, мне пришлось регенерировать полтора оборота, прежде чем воссоединиться с ячейкой в коконе наслаждений!

— Угу. — Небейбаба решил не заострять. — Слышь, земляк, а как тебя свои принимали? В эту... ну, в семью?

— Я Ублажитель-IV, моих сил не хватит показать Торчковый церемониал...

— А ты намекни!

Не вставая, брат по разуму махнул хвостом в сторону ближайшей мишени. Щит развалился надвое, белея свежим распилом. Пластальные заусенцы кокетливо завивались локонами.

Небейбаба подавился дымом.

— Знаешь, земляк, — прокашлявшись, булькнул он. — Если я чего лишнего говорил, забудь. Родня значит родня. В семье, биомать, всякое бывает. И Евку, ежели приспичит...

— Вот вы где! — перебил лирику стереовопль Телепня. — Есаул О'Райли просит обоих срочно явиться в ее каюту!

«А что? — обреченно подумал обер-сержант. — Торчок ты, Вася! Шагом марш!»

* * *

— Как я вижу, мужской разговор уже состоялся?

— Василий Архипович Торчок-I принял меня в вашу семью! — гордо сообщил Альеносхромп.

Синтетическое лицо андро-стюарда, возникшего в дверях, озарила ласковая понимающая улыбка.

— А тебе чего?! — окрысилась «Железная Брунгильда». — Тебя не звали!

— Я думал... ну, это... Может, тоже в семью?..

— Устроим, землячок? — Небейбаба многообещающе поплевал на ладони. — По-нашему, по-торчковски?!

Стюард мигом дематериализовался под наглый припев Телепня:

Ко мне в гости шлялся поп —
Экстремист и ксенофоб!
Полюблю-ка я попа —
Говорят, любовь слепа!

— Разговорчики! — О'Райли пресекла остроумие в зародыше. — Рядовой Телепень, извольте озвучить приказ генерала-манипулярия! И без комментариев!

Небейбаба слушал, бронзовея на глазах.

— Я солдат, госпожа есаул! Приказы не обсуждают...

— Отставить, обер-сержант! — только сейчас Небейбаба заметил, что пояс Евы оттягивает кобура с тангенциальным коллапсатором, а сквозь ткань комбинезона проступают башни табельного бронелифа. — Гып Тхе Чачинбаль, известный компетентным органам как геронтофоб, стрикулист и педокиллер, за свой приказ заслуживает трибунала! Позвольте напомнить вам резолюцию Комитета по Тарелкам при СБ

ООМ: «С момента контакта вся власть на борту переходит в руки старшего офицера Службеза Человечества». Даю подтверждение!

Сорвав левую клипсу, О'Райли умело растоптала ее острым каблуком. Жуткий хруст, синяя вспышка. Одноразовый супергиперперд, положенный всякому офицеру СБ, отправил сигнал в штаб.

— Госпожа есаул! — вытянулся во фрунт Небейбаба, болезненно ощущая, как в мозжечке оживает «Лоял-чип», вживляемый гражданам во младенчестве акушерами-особистами. — Жду ваших распоряжений!

— Вот так-то лучше. Рядовой Телепень, изложить анализ ситуации! Кратко и живо, без казенного официоза.

— Есть кратко и живо! Итак: кодла «Летучего Китайца» берет на гоп-стоп темного фраера. Фраер скисает по жизни, братва стучит паханам, не фильтруя базар, — и их, как дешевых сявок, просекают служивые козыря. Базар тухнет, но хаза сечет фишку: Добрые Мамочки на малине для латентных ксенофилов, омлеты «Солярис»... «Киллерманы» в законе менжуются: нужна фартовая крыша, но хабар могут отчукать вертухаи, замочив кодлу. Сдается гнилой расклад, шестерки глухо понтуют, ссучась...

— Паханы на толковище, в натуре... Тьфу на тебя! Совсем заморочил! Совет директоров компании должен был предусмотреть амбиции военных!

— Сама ж велела: «Без официоза!» Кроме того, зная тупость мобилов...

— А? — переспросил обер-сержант, именно сейчас ковырявшийся боевыми зубочистками сразу в обоих ушах.

— Зная интеллигентность и редкий ум лучших представителей ВКСЗ, — любезно повторил Телепень, переходя на общепринятый, — компания тем не менее учла возможность утечки информации. Шхуна по самый выхлоп набита дублирующей аппаратурой слежения и оповещения. Также на борту имеются как минимум два агента «Киллерман Пацифик» с особыми полномочиями, один из которых не входит в состав экипажа.

— Ты на что это, биомать, намекаешь?! Кроме экипажа, здесь только... — Лицо обер-сержанта вдруг пошло камуфляжными пятнами. — Ах он сукин сын! Неужели он нарочно?!

— Кто? Что?! — Взгляд «Железной Брунгильды» стал подозрительно дружелюбен.

— Капрал Шапиро-цзы. А я-то голову ломаю: на кой ему капрал Касаткина? Ни кожи ни рожи, честь отдает без рвения... Это ж чистый саботаж получается: он вырубает Губера, мы действуем по первому приказу, а тогда весь груз надлежит сдать на базу компании!

— Запрос в бортовое досье на Шапиро-цзы, капрала мобил-десанта, — со значением сообщил Телепень, — подтвердил, что девичья фамилия жены последнего — Киллерман. Следствию все ясно. Замечу лишь, что второй агент компании — Ричард Львов-Сердечный.

— Врешь!

— Чтоб я завис по жизни! Кто мне кувалдой грозил? Кто дрелью стращал?! Кроме того, видели б вы его лицо, когда он блицдепешу читал! Совсем другой человек!

— Может, ему сообщили, что его любимая сестра родила гермафродита с заячьей губой? Или что его дядюшка на Инфант-Террибле скончался от насморка и завещал племяннику пару биллиончиков?

— Госпожа есаул, кто из нас остряк? Представьте себе: Ричард бил кулаком по пульту! И не вывихнул себе шесть пальцев из пяти... Впервые правильно произнес фамилию обер-сержанта! Стал говорить: «дешифровать» и «раскодировать» вместо «хакнуть», «крэкнуть» или «раскурочить»! Пользуется носовым платком! Забыл, когда у него день рожденья! — ибо *настоящий* Ричард Львов-Сердечный родился 17 слабня. И наконец: он снял мне ограничители!!! Сейчас я могу всех вас послать в дальний порт, заблокировать дверь каюты, развернуть гипердышло и умотать отсюда на радиевые курорты Мегадана!

— Ладно, убедил. А что-нибудь более существенное Львов-Сердечный успел натворить?

— Пустяки. Спер кварковые батареи от гиперперда и заменил на севшие. Подсунул Небейбабе кристалл с компроматом на Альеносхромпа. И я уже полчаса не могу его нигде обнаружить. У меня вышла из строя треть камер и микрофонов.

— Проклятье! Он нас опередил!

О'Райли повернулась к Альеносхромпу Ублажителю-IV, недоуменно молчавшему все это время.

— Пупсик, ты только не волнуйся. В любом случае мы летим спасать твои яйца.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

в которой одни бегут,
а другие замораживаются,
Телепень повышается в звании,
капитан возвращается на мостик
и в финале согласно заказу
звучат бурные овации

— ...Эй, земляк! Фильмы Росинандоса видел?!

— Пси-прививки?

— Ага! Вот мы сейчас капрала и привьем. Шприцы наголо! Чтоб от твоего экстерьера у изменника душа в сапоги ушла! Будь готов!

Вот тут-то Альеносхромпа и озарило! Почти как при Очной Ставке и Расколе. Ну конечно! Как же он раньше недоощутил?! Новая семья решила изготовить гениальную киновакцину против агрессии! С эпизодами натурного удобрения особо злобных малоразумных. И ему, вкупе с ангажированной инкуб-Люлькой, оказана великая честь сыграть одну из главных ролей! Конечно, Торчок-I на его месте справился бы правдоподобней, но и недостойный Ублажитель-IV оправдает доверие Беспредельцев!

Поза «Горделиво осознаю» пришла сама собой: хребет углом, внутрь-пасть наружу, лапы мелко вибрируют.

— Всегда готов! — радостно доложил он Небейбабе.

Обер-сержант потянул на себя ржавую дверь карцера. Зловещий скрип петель. Секунды тянулись резиновой дубинкой.

— Удрал, подлец! Землячок, ко мне!

Крышка карцерного гибернатора была откинута. От заиндевевших стенок шел пар. На полу валялись болты с сорванной резьбой. Такой же болт, только анкерный и с левой нарезкой, радужно мерцал на экране надзор-панели. Ниже красовалась таинственная подпись на пиджин-идиш: «Кишмерентухес!»

— Капрал могуч, о Василий Архипович? Разорвать железный кокон...

— Помоги ему, земляк! Ричард ихний, биомать его за ногу!

— Тревога! — внезапно ожили динамики. — Сигнал сбоя из лазарета!

* * *

— Эк его охладило! — будто от флюса, скривился Небейбаба. — За месяц не оттает...

Сквозь окошко медхолодильника был хорошо виден ледяной айсберг, в чьих недрах угадывались контуры лейтенантского тела. «Железная Брунгильда» напомнила себе, что распускаться нельзя. Истинные особисты в воде не горят и в огне не тонут. Даже если агент компании опередил тебя, успев включить режим глубокой отморозки.

— Экстренный разогрев! — скомандовала она. — Горячая пивная ванна! «Хелл-Райзер» темное. Ста литров должно хватить. Телепень, на борту есть запас?

— Есть... то есть нет... то есть не вполне запас...

— Короче! Сколько?!

— Четырнадцать литров! — четко отрапортовал Телепень. И вдруг зачастил: — Четырнадцать... тринадцать... двенадцать с половиной...

— Что-о-о?!

— Капитан его допивает. Прямо сейчас. Одиннадцать... десять...

— Ясно. Экстренный разогрев отменяется до возвращения на базу. Все на поиски дублирующей системы слежения! Обер-сержант! Замораживайте ваших людей! Надеюсь, им пиво не потребуется?!

* * *

— ...Докладывает рядовой Гигер! Вскрыто сто сорок семь с четвертью погонных метров вентиляционных тоннелей! Перерезано восемь коммуникаций неясного назначения...

— Проц горелый! — тихо ругнулся Телепень. — Еще одна камера сдохла!

— ...центр-нелегал системы слежения не обнаружен.

— Телепень, как меня слышно?

— Хреново, обер-сержант.

— А видно?

— Как слышно. Плюнь на объектив и протри рукавом. Ага, так лучше. Тоннель № 004-бис, шестой ярус.

— Какое помещение находится за стеной?

— Прямо — двиг-отсек. Левее — трюм, вторая грузопалуба. Ты в ней стрельбища учредил.

— Паленым воняет...

— Дай изображение! Герцы-угодники! Чем это стенку раскурочили?!

— Мной. — Небейбаба был смущен, что с ним в жизни случалось трижды. И первые два раза он вспоминать не любил. — Я земляку полевой денатуратор показывал. Гений Человечества и все такое...

— Ну ты снайпер, Вася! Весь центр-нелегал, не глядя, — всмятку! С первого залпа!

— Отставить зубоскальство! — вмешалась есаул О'Райли. — Львов-Сердечный в курсе наших планов. Приказываю думать: откуда?

— Он мог подключиться к сети напрямую...

— Здесь что-то торчит... — подал на параллельном канале голос Альеносхромп, чувствовавший себя в канализации шхуны как дома.

Телепень умолк и вдруг завопил:

— Вижу! Ура шпионам! Вася, подкинь брату по недоразумению своих мобилов — пусть лезут в нужник и переключают «что-то» на меня!

— Раскомандовался, железяка! — возмутился Небейбаба.

— Разговорчики, обер-сержант! Выполнять! Рядовой Телепень, произвожу вас в капралы! А если Небейбаба не угомонится, разжалую его в ефрейторы! Место общего сбора — центропост. Пупсик, одна цырла здесь, другая — там!

* * *

— Тысяча парсеков чертей!

Пьяная слеза, выкатившись из левого глаза Стриммера, едва не закатилась в правый, ибо в данный момент голова капитана находилась в горизонтальном положении, подпертая капитанской же суровой дланью.

— Двадцать восемь лет в космосе! Одиннадцать — капитан! Из них семь — на этой лоханке! Взлет-виски-коньяк-пиво-гиберсон-посадка!.. взлет-виски... И какой-то солдафон! Налей еще...

Расчувствовавшийся стюард-андроид, на миг прервав тайский эрос-массаж крутой холки Стриммера, с готовностью наполнил коньяком опустевшую рюмку.

— На моем мостике! В моей фуражке! Нет, ты понимаешь?!

— Только я вас и понимаю, сэр. Для меня вы единственный капитан на свете!

— Дай я тебя поцелую! Ты, один ты...

— А ваш гадкий и вульгарный обидчик пойдет под трибунал!

— Поползет! На карачках! И я буду пинать его в...

Объект грядущего пинания остался загадкой, потому что ожил рупор блицсвязи:

— Капитан Стриммер! Говорит есаул О'Райли. Ждем вас в рубке!

— А-а-а, запрыгали! — Демонический хохот сотряс пепельницу, превратив ее в вулкан. Тускло сверкнул на лацкане знак «Заслуженный налетчик» с указанными внизу часами налета. — Старый кэп борозды не портит! Помоги мне встать, друг мой...

Когда Стриммер, поддерживаемый стюардом за талию, воздвигся в дверях центропоста, «Железная Брунгильда» с порога протянула ему стакан.

— Выпейте, сэр, вам станет лучше.

— Но мне и так хорошо! — искренне удивился капитан. — Кроме того, от водки после коньяка лучше не становится. Это знает всякий курсант...

Не договорив, он уставился на потолок, где Альеносхромп Ублажитель-IV ловко выкусывал «жучков», вися на честном слове и голом энтузиазме. В горле Стриммера булькнуло, рука сама собой вцепилась в стакан. Миг — и рассол из-под квашеного «Алка-Зельцера» продраил капитанские мозги насквозь, заодно снабдив извилины всей необходимой информацией.

— И-так?! — командным тоном икнул Стриммер.

— Рад вашему возвращению, сэр, — с облегчением заявил Телепень, игнорируя ревнивый взгляд андро-стюарда. — Пять минут назад радары засекли «Летучего Китайца» и инкуб-Люльку.

— Идем на сближение. Мобил-десанту быть готовым к миротворческой зачистке «Летучего Китайца». Мне пива, фуражку и бурную овацию. Выполнять!

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

где пахнет абордажем, ведется отсчет, десантники не умирают и не сдаются, а финал назло всем остается открытым

Полуотмороженный десант прямо из гибернаторов шел в бой: греться. Капрал Касаткина, морща недовыщипанную бровь, заправляла одеколоном квантовый огнемет «Горы-

ныч». Пробегая мимо, рядовой Гигер с криком: «Ну у тебя и зажигалка, Люба!» успел прикурить от запальника. В углу, разливая по котелкам традиционные сто пятьдесят «Фронтовой», возглашал тосты рядовой Гамарджоба.

— Шевелись! — надрывался Небейбаба. — Что вы собираетесь, как бройлер в гриль? Вон, капрал Касаткина и накраситься успела, и окопный маникюр сделать, а М'Гемба даже щеки ваксой не надраил! Отделение, р-р-равняйсь! Смир-р-рна! Гигер, куда на монитор пялишься? Живого брата по разуму не видел? На меня смотри, дубина! Слушай мою команду! Занять позицию в камере стык-шлюза!

Альеносхромп восторженно урчал, любуясь десантниками на экране обзор-дисплея двусторонней связи. Да, именно так и должен вести себя по сценарию добрейший обер-сержант Василий Архипович Небейбаба, лучший из Торчков-I.

— Жидкого топлива ему в печенку! — вдруг взвыли динамики.

— В чем дело, Телепень?

— Львов-Сердечный вышел на связь с шаландой! Открытым текстом, через синхроматюгальник. Даю запись:

«Капитану Шплинту Сизая Ерунда от Билли Скунса:

Свистать всех наверх! На шхуне мобилы! Действовать по плану «Пятнадцать человек на сундук мертвеца»!

P. S. Ром за счет компании».

— Поймаю — повешу на рее! — не удержался капитан Стриммер, презрительно разворачивая шхуну кормой к «Летучему Китайцу». — Без скафандра.

— И это еще не все. Куда-то пропал Росинандос.

— Их было на палубе семьдесят пять... — задумчивым контральто протянула есаул О'Райли. — Пупсик, береги себя. У них в заложниках — твои яйца.

Альеносхромп понимающе цыкнул внешними челюстями.

— ...До стыковки две минуты. Шаланда в ответ на запросы вывесила рекламный слоган: «Сарынь на кичку!»

— Может, маскировка? А экипаж сбежал на спас-ялике?!

— На спас-яликах нечем дышать. Компания на кислороде экономит.

— ...Пять секунд... три с половиной... одна и одна десятая... ноль... минус одна... минус две с восьмушкой... М-мать!

Все-таки капитан Стриммер был мастером своего дела: стыковка прошла почти идеально. Разве что Альеносхромп свалился с потолка на первого пилота, оставив Полянкера-Луговски заикой на всю жизнь.

— Обер-сержант, ваши бойцы закончили макияж?!

— Так точно, госпожа есаул.

— Капрал Телепень, атмосфера «Летучего Китайца»?

— 1,123.

— Что — 1,123?

— А что — атмосфера? Чай, не к братьям по разуму лезем!

— Два наряда вне очереди! Открыть диафрагму!

— Слушаюсь, барышня.

О'Райли чуть не подпрыгнула, услыхав знакомые интонации.

* * *

Шлюз шаланды пуст. Минуту Небейбаба через универсальный сканбикль изучает диспозицию во всех диапазонах: от склизко-зеленого до бело-пушистого. Все чисто.

— За мной!

Коридоры «Летучего Китайца» вымощены дешевой брусчаткой «Полимерзость». На стенах щербато скалятся кортики без ножен. Поворот. Еще один. В углу воняет ацетоном бочка с черным эрзац-ромом «Шевалье Гильотэн». Бренчит, маня прильнуть губами, цепная кружка. Воздух напоен ароматом цветущей опасности. Обер-сержант чует это всеми частями тела: от броневаленок до легированного козырька буденновки.

— Проверить каюты!

— Чисто!

— Чисто!

— Чи...

— Вася!!! — Наушники взрываются отчаянным дискантом Телепня. — Я засек темпоральные колдобины! Это ловушка! У них капканы «МАВР», запрещенные КОПами![1] Времядробилки с хроновывертом! Вася, рви когти!!!

Но Небейбаба уже и сам слышит зловещее уханье «МАВРов».

— Уходим! Бегом!

---

[1] Капкан производства Общества с Неограниченной Безответственностью «Хаос ОНБ», модель «МАВР» (исход. «Машина Время-дробления»). В числе остальной продукции «Хаос ОНБ» запрещен Комитетом по Охране Прошлого (КОП) при ООМ.

Бегом не получилось.

— ...Вася! Родной!!! — надрывается Телепень, брызжа из-под решеток охлаждения трансформаторным маслом. Экраны мониторов «Нострадамуса» полны падающих звезд, но никто из экипажа шхуны не успевает загадать желание. Лишь баритон автокомментатора долбит дятлом: «Ваш абонент находится вне зоны досягаемости. Ваш абонент...» В динамиках инфернальный вой, местами угадываются такты «Полета валькирий» и «Семь сорок».

На табло бортхронометра загорается: «Капрал Любовь Касаткина, времянахождение не зафиксировано. Рядовой Х. Р. Гигер, времянахождение не зафиксировано. Рядовой Чака Нья М'Гемба... Рядовой Ода Нобунага, времянахождение... рядовой Адольф Шикльгрубер... рядовой Нестор Махно... рядовой Иуда Маккавей... времянахождение... Хроноклизмы не зарегистрированы...»

«МАВР» сделал свое дело.

— О боже!..

— Ст-треляют! Значит...

— Молчите, Полянкер! Сглазите!

На левом из двух еще работающих мониторов возникает Небейбаба. Пляшут желваки на скулах, пляшут губы, пляшет «цыганочку» тяжелый гэппер в руках десантника. Конвульсивно схлопываются алые бутоны разрядов шиш-вероятности. Матеря Вселенную из конца в конец, обер-сержант пятится. Темпоральные воронки, выпрыгивая из капканов, наседают, но ряды их заметно редеют. На соседнем экране — остервенелое мелькание волосатой руки. В белых пальцах намертво зажат кабардинский кинжал. Рядовой Гамарджоба сошелся с времядробилкой врукопашную.

— Нэ падхады! Зарэжу! Мамой клянусь — зарэжу!.. З-зубамы гр-р-ризть!..

Утвердительно картавит гэппер.

— Еще одна зараза гэпнулась, — констатирует Телепень очевидное.

Тишина.

Лишь виртуал-эльфоиды Шредингера порхают, злорадно крутя кукиши, в спирали дымного коридора, прежде чем рассосаться в ментосфере.

— Гамарджоба, за мной!

— Батоно сержант! Брось меня! На пол!

— Отставить!

— Батоно сержант! Ахашени! Саперави эрети киндзмараули! Хванчкара!!!

— Молчать, Отар-бичи! Ты, биомать, горец или тля?!

— Горец! Я горец! Брось, сержант! Остаться должен только один!

Экраны захлебываются багровым мерцанием аварийных ламп.

— Евка! В душу, в матрицу, в эбенов корень! Расстыковывайтесь!

— Прекратить истерику, паранойю и эксгибиционизм. — Голос О'Райли холоден и тверд, как взлетная колея на рассвете. — Мы вас прикроем у шлюза.

— Евка!.. Бортуй «Китайца» и мотай литым креном!..

— Капитан, вот вам нейротопор. Приглядывайте за Полянкером, — О'Райли оборачивается к Стриммеру. — Если начнет паниковать, вырубите на сутки! Пупсик...

Краем глаза она успевает заметить, как в открытую дверь центропоста ввинчивается уносящийся прочь вихрь, лишь слегка напоминающий Ублажителя-IV.

— Куда?! Стой!

И «Железная Брунгильда» с места взяла третью орбитальную.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

где происходит героическая баталия,
мама успешно палит из штучки,
а в финале намечается
последний и решительный

Альеносхрому Ублажителю-IV было очень стыдно. Но удержаться он не мог. При виде гибкости фантазии Беспредельцев, можно даже сказать, при виде творящегося вокруг Великого Беспредела его охватывал бурный восторг. Новые ощущения хлестали через край: захват инкуб-Люльки, гениальные конфликты на пустом месте, стоимостью в кладку недовыеденных яиц... Спинным мозгом он чувствовал: Очная Ставка фактически уже началась, Раскол неминуем, и промедленье теперь подобно опозданию. Да, конечно, новая семья деликатно пыталась отстранить Альеносхромпа от участия в создании профилактической квазимозгописи, не доверяя его мастерству, но Мудрый Терц Второпредков учит: «Взялся за гуж — полезай в кузов!»

Его место на переднем плане.

Но в главном новая семья права: милый, беззащитный и трогательный Ублажитель-IV, явившись во всей кротости своей, способен умалить будущий эффект пси-вакцины. Значит, надо соответствовать. И сделать это можно единственным способом, принятым у опытных Беспредельцев.

Альеносхромп бежал в арсенал.

Вещь, ласково именуемая «оружием», позволит ему влиться в действие легко и органично. Нужно только подыскать чего побольше, для компенсации внешней безобидности.

...В грузовом отсеке царила тишина.

— Зеленый, назад! Засада! — взвыл под потолком голос Телепня, и в следующий миг от дверей арсенала навстречу шагнул человек.

— И чтоб я так жил, как всегда мечтал пришить какого-нибудь пришельца! — с мрачным удовлетворением сообщил капрал Шапиро-цзы. Сразу после этих слов Альеносхромп оказался на полу, пребольно отбив себе второй рудиментарный копчик. Удивившись приступу вестибуляр-недостаточности, он попытался сесть: без особого успеха. Правда, на этот раз удалось заметить просвистевшую рядом зловещую бороду Шапиро-цзы, а гирьки на концах боевых пейсов капрала едва не угодили в висок.

«Это по сценарию, или он тоже в Семью хочет? — недоуменно соображал Ублажитель-IV. — Два Торчка? Где такое видано?!»

Пришлось исполнить ритуал «Подрагивая хвостом, молю избавить от великой чести».

Надо сказать, Шапиро-цзы вскочил на ноги быстрее Небейбабы. И его любовный натиск оказался куда страстнее — только успевай кокетничать. По счастью, Очная Ставка уже заставила все железы внутренней секретности шевелить гормонами, переводя организм в скок-режим.

— В-в-в-в-выыыы! — бушевали динамики. При скок-режиме вопли Телепня сливались тягучей патокой, но лишай-толковник справлялся с переводом: «Это не шутки! Беги!!!»

— Ой-вэй! — зычно соглашался капрал-ренегат, концентрируя энергию в заднем кармане, согласно тайным методикам тети Ци-Ли из Бердичева.

«Значит, по сценарию. И правильно: зачем в ячейке лишний Торчок-I?»

Вплетенные в усы триумфитовые проволоки секли экзоскелет, оставляя глубокие борозды. Встав у самой двери арсенала в стойку «Лэхаим», Шапиро-цзы резко дернул кадыком, отводя бороду для решающего удара. Альеносхромп еще успел подумать, что не так уж плохо сыграл свою роль, — но не ему же, покладистому и нежному Ублажителю-IV, тягаться с могучим героем-отрицалом! Сейчас его успешно победят, и грядущие зрители прольют щелочную слезу, отдаваясь катарсису...

Финал медлил.

Лишь громыхнула, захлопываясь, дверь. Да еще донесся радостный крик Телепня: «Попались, Самсон Хоттабыч!»

Альеносхромп осторожно раздвинул глазные заслонки.

Бородища капрала была прочно зажата дверью, и подлец-Телепень торопливо опечатывал электронный замок печатями Соломона. Шапиро-цзы рычал, бранился, цитировал Талмуд и «Дао-дэ-цзин», пытаясь магическим путем освободить свое сокровище — дверь дрожала, но не поддавалась. Разумеется, у капрала имелся десантный нож, но Ублажитель-IV не знал того, что было известно Телепню: вся сила мастеров «Брадо-б-рю» из южнохасидской ветви «Хазер-гой-боя» заключается в их бороде. Стоит противоестественным путем лишиться хотя бы единого волоска — и...

Оставив капрала наедине с дилеммой: сила или свобода?! — Альеносхромп подхватил с пола забытый кем-то из десантников импульсный седиментатор и кинулся участвовать дальше.

* * *

В стык-шлюзе игриво коптили факелы дневного света. Со стороны «Летучего Китайца» гремела канонада, временами заглушаемая матом Небейбабы. Лишай-толковник смущенно крякал, не решаясь переводить.

— Туда не суйся, — предупредил Телепень.

— А как же яйца? — Ублажитель-IV на миг ощутил себя главным героем, и нельзя сказать, что ему это не понравилось. — Мое место на инкуб-Люльке!

— А ты скажи об этом своей подруге-есаулице, — хмыкнули динамики.

Миг спустя из-за поворота коридора вылетела «Железная Брунгильда». Подошвы ее башмаков опасно дымились.

— Пупсик! — Госпожа есаул буквально упала на брата по разуму, закрыв собой от ударов судьбы. — Я вся изволновалась! Вот нарвался бы...

— Он и так нарвался! — поспешил наябедничать вредный Телепень. — На эту ниндзю бородатую! Если бы не мой героизм...

Помешав кляузнику закончить, на том конце шлюза из сполохов явилось мимолетное виденье.

— Вася! Живой!

Прочистив когтем хрусталики, Альеносхромп сместил диапазон зрения и разглядел отступающего обер-сержанта. Левой рукой милый Василий Архипович волочил за шиворот бесчувственного Гамарджобу (одна нога у рядового временами начинала мерцать, исчезая и снова возникая), в правой устало дымился гэппер.

За спиной Небейбабы полыхало и громыхало.

— Пупсик, дай-ка маме эту штучку!

О'Райли вырвала импульсный седиментатор из лап Альеносхромпа и ринулась в шлюз.

— Куда ты, о отважная Беспределица?!!

Наученный обер-сержантовым опытом, лишай-толковник благоразумно замотал перевод ответа.

Секундой позже седиментатор, рявкнув «Кто последний? Я за вами!», лихо ударил очередью. Предшлюзье шаланды пошло плясать вприсядку, корчась гримасами бытия, насильственным путем определяющего сознание. В потолке возникла дюжина черных дыр.

— Есть! — оценил Телепень.

Что именно есть, комп уточнить забыл.

Вскоре диафрагма со скрежетом зубовным сомкнулась за спинами вернувшейся О'Райли и двух десантников.

* * *

— Не могу отстыковаться! Они вцепились в шхуну абордажными крючьями! Я перекрыл...

— Будут взламывать. — Обер-сержант с усилием сел на лежащего в обмороке Гамарджобу. — Баррикаду делать надо.

— А что с его ногой, добрейший Василий Архипович? —

Альеносхромп удивленно глядел на мерцающую конечность рядового.

— Гэппером, биомать на биомассу, зацепило! — О том, чьим конкретно гэппером зацепило Гамарджобу, обер-сержант тактично умолчал. — Шиш-вероятность, земляк, это тебе не фунт хлореллы! Теперь у него нога... как бы это, биомать, поделикатнее?.. Короче, через неделю стабилизируется!

— Дед-Йог — виртуальный ног, — не удержался Телепень, но, поймав мрачный взгляд Небейбабы, почел за благо заткнуться.

— Рядового госпитализировать, — распорядилась О'Райли. — Телепень, пришли сюда стюарда с автоарбой. Остальным — строить баррикаду.

...Когда шифоньер из мореного дуба, хрустя подламывающимися ножками, втиснулся в общую груду хлама, скрывшую под собой дверь стык-шлюза, из-за завала глухо каркнули:

— Эй, на шхуне! Открывай по-хорошему! Не то по доске над пульсаром прогуляться выведем!

Ответом наглецу был грохот и звон супниц из кузнецовского фаянса. Водрузив опустевший буфет поверх шифоньера, Небейбаба критически оглядел баррикаду.

— Ну, как говорится, чем богаты...

Договорить ему не дали. Гулкий удар сотряс завал, эхом прокатившись по «Нострадамусу».

— Кварковая кувалда, — с третьего раза определил Телепень. — С турбонаддувом.

— Время до взлома?!

— Два часа семнадцать минут тридцать две секунды.

— Сколько их там? — «Железная Брунгильда» стала закатывать рукава комбинезона.

— Человек десять. Может, больше.

— Против двоих. Пупсик не в счет...

— Против троих. — Перед ними стоял капитан Стриммер, деловито перезаряжая нейротопор. — Полянкера пришлось вырубить — его стенания действовали мне на нервы. И, клянусь скоростью света, я ни минуты не жалею об этом!

— Значит, у нас есть два ваших часа? — вдруг переспросил Альеносхромп.

— Два часа шестнадцать минут...

— Я успею! — радостно возвестил Ублажитель-IV и без лишних пояснений сорвался с места, вприпрыжку умчав-

шись в сторону камбуза. Заподозривший неладное андро-стюард кинулся следом.

— Куда это он? — удивился Стриммер, обиженный такой самостоятельностью галлюцинации.

— Наверное, прятаться побежал. И правильно. Толку от него... Капитан, подключайтесь. Заливайте баррикаду цементом, и займем оборону.

— Ладно, — согласился капитан, подумав про себя, что вернуть зеленого проще простого.

Надо всего лишь хорошенько выпить.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

где говорится о пользе здорового аппетита и специфическом величии Вселенной, а в конце всем становится хорошо

В самый разгар работы, когда быстросохнущий цемент превратил баррикаду в копию внутренностей инабля, вернулся рыдающий андро-стюард.

— Раненого в лазарет доставил? — бросила через плечо госпожа есаул.

— Доставил, мэм, — всхлипнул Андроидас Биороботяйнен. — Там ваш этот... на камбузе...

— Короче!

— Он двухнедельный запас еды сожрал! И мои любимые овсяные хлопья!..

— Кто сожрал?! Раненый?!

— Нет, этот... проглот зеленый!..

— Ну, мало ли? Может, у него глисты? — предположил капитан.

— Бывает! — со знанием дела подвел итог Небейбаба. — Помню, на Вшивом Гоминоиде у фельдфебеля Шандора тоже перед боем «жрунчик» случался. Однажды в темноте вместо тушенки банку лыжной смазки навернул. И хоть бы хны! Оно, кстати, по вкусу...

Обер-сержант подавился кулинарным воспоминанием и умолк. Потому что из-за поворота коридора с трудом выбрался Альеносхромп. Глядя на него, сразу становилось ясно: андро-стюард ничуть не преувеличил, а возможно, даже и преуменьшил размеры опустошений, произведенных Ублажителем-IV на корабельном камбузе. Оставалось загадкой, каким образом его экзоскелет выдерживает давление раздувшегося вдесятеро брюха. Сам же брат по разуму, похоже, никаких неудобств не испытывал: напротив, весь так и лучился чувством глубокого удовлетворения.

— Слов на ветер не бросает, — отметил Телепень. — Сказал: «Успею!» — и успел! И впрямь, чего харчам зря пропадать...

— Остался целый час, — мучаясь одышкой, сообщил Альеносхромп. — Время еще есть.

Стриммер оторопело выдохнул:

— Время? Разве в кладовке еще что-то осталось?!

Вместо ответа разумный Улья с заметным трудом вскарабкался на стену. Проверил на прочность трубу парового отопления. Оставшись доволен результатом, захлестнул вокруг трубы хвост, мигом стянул его хитрым морским узлом и повис вниз гребнем. Тело брата по разуму быстро покрывалось толстым слоем хлюп-жижи, которая густела, темнела и схватывалась глянцевой коркой. Через пять минут на стене висел кокон-переросток с членистым хвостом сперматозоида-мутанта.

— Закуклился!

— Тоже вариант, кстати. Такую пакость любой трогать побрезгует. Глядишь, уцелеет...

Удары кварковой кувалды слышались все отчетливее.

* * *

— Сарынь на кичку!

— На абордаж!

— Пиастры! Пилястры! Пиары!

— Обождите! Мне ногу придавило!

— Которую?

— Единственную!..

Диафрагма, страдальчески пискнув, сдалась натиску. Баррикада продержалась немногим дольше. Обер-сержант первым открыл огонь, когда экипаж «Летучего Китайца» в клубах известковой пыли вломился в стык-шлюз, однако гости были готовы к радушному приему. Авангард корсаров мигом отмахнулся плазменными ятаганами, скручивая траектории обер-сержантовых выстрелов в клубок. Чертова дюжина насквозь прожженных флибустьеров: кто без руки, кто без ноги, кто у семи нянек без глазу. Капитан вообще на три чет-

верти киборг — единственный зрительный фотодиод горит во лбу хромированного черепа, виброкрюк заменяет каждый второй палец, ноги при ходьбе мерзко визжат четырьмя коленными блюдцами.

И армейский дегидратор «Упырь» наперевес.

«Велика Вселенная, а отступать некуда», — подумал обер-сержант, готовясь рвануть и без того рваный тельник перед рукопашной. Вспомнилась атака оголодавших свинолаков под Полтавой-VI. И то сказать: свинолаки хоть и подпыхивали огнем, но недалеко, на пару шагов, не больше. А эти рыцари страха и упрека...

Небейбаба очень сомневался, что в случае плена командование ОВКСЗ заплатит выкуп за своего обер-сержанта. Даже стоимость цинковых гробов и та вычиталась посмертно из жалованья павших героев.

— Ну что, салаги?! — зловеще осклабился Шплинт Сизая Ерунда, сверкнув титанокерамикой челюстей. — По ком звонит рында?!

Внятного ответа корсар не дождался. Вместо этого послышался душераздирающий всхлип, от которого лысина могла встать дыбом. Кокон-гигант, забытый всеми, раскрылся адским бутоном — и в коридор выпал Ублажитель-IV, путем Очной Ставки и Раскола переварив избыток новых ощущений.

Казенный харч пошел впрок.

Брат по разуму был страшен.

Теменным гребнем под потолок, он весь оброс броневой коростой, швейными иглами и бритвенными лезвиями «Gillette». За спиной ходячего кошмара недобро жужжали два странных образования: то ли крылья шершня, то ли активированные бензопилы. Отовсюду росли стволы, стволы, стволы, лоснясь нарезкой, мушками и калибром, а из причинно-следственного места, где даосы рекомендуют сублимировать энергию, выпирала баллистическая ракета «космос—космос» с ядреной боеголовкой. Шкура свисала клочьями и патронными лентами, клыки достигали подмышек, а прожектора глаз плотоядно шарили по шлюзу.

Распахнулась мясорубка пасти.

— Ублажимся, джентльмены?! — хрипло осведомилась бродячая артиллерийская установка.

Лица флибустьеров явственно исказило жгучее желание

оказаться за тридевять галактик отсюда — и чем скорее, тем сразу! Один капитан Шплинт остался невозмутим, лихо сверкнув фотодиодом.

— Трусливые ксенофобишки! — цыкнул он через плечо на испуганную команду. — Жертвы абортажа! Ну почему я всегда все должен делать сам?!

Однако залп из стволов-симбионтов Ублажителя-IV прозвучал ровно за мгновение до того, как Шплинт Сизая Ерунда, гроза ста туманностей, нажал на спуск «Упыря». Коридор заволокло облаками горячего пара, запах мелко нарезанного лука, пассерованного в оливковом масле с морковью и кардамоном, защекотал ноздри. Мелькнули, содрогаясь, жгуты хлюп-жижи. Пальба из кремневых бластеров, вопли, шипение, свист, жадное чавканье...

И — тишина.

Если не считать громкого урчанья в чьем-то животе.

— Пупсик, ты в порядке?

— Я счастлив, о Беспределица Ева! — Голос Альеносхромпа вновь стал прежним. — Как учит Мудрый Терц Второпредков: «Забота — не волк, лесть не ублажит!»

Пар медленно оседал на стенах, конденсируясь каллиграфически безупречным хокку:

...Задворки Вселенной.

Звезда устала.

Коллапс.

Сквозь слоистые пряди проступал силуэт Ублажителя-IV: брат по разуму на глазах съеживался до прежнего стандарта. Крошились лезвия, опадали иглы, втягивались стволы, бензопилы прекращали грозный трепет... Только баллистическая ракета, к тихому восторгу Евы, не спешила увядать, лишь втянула в себя острые крылья-стабилизаторы.

А потом из тумана явилась растерзанная баррикада.

* * *

Чертова дюжина яйцевидных коконов, внутри которых слабо шевелились корсары, валялась в цементной крошке.

— Слышь, землячок... Чего это ты с ними сотворил?

Альеносхромп весь светился чувством выполненного долга:

— Ублажил! Пребывая в малых коконах наслаждений,

они честно заработали блажь-паек с постановкой на казенное удовольствие.

— А если вылезут?! — Капитан Стриммер не спешил ставить нейротопор на предохранитель.

Изумление Ублажителя-IV было безгранично.

— По своей-то воле?! Впрочем, если вы настаиваете, о Беспределец Стриммер, я могу...

— Да что ты, пупсик! Он ничуть не настаивает! Грешно прерывать чужое счастье! — поспешила вмешаться есаул О'Райли, а капитан с обер-сержантом дружно поддакнули.

— Ну ты даешь, землячок! — Небейбаба приобнял брата по разуму, одновременно тесня его подальше от упакованных корсаров. — Я-то думал, что ты этот, биомать на биомассу... А ты тот! Ты такой тот, что прямо тот еще! Эх, да что там! Ура зеленым!!!

Для Альеносхромпа это был миг триумфа. Вот что значит умение принимать самостоятельные решения и способность к импровизации — далеко не каждый разумный Улья может похвастаться подобными талантами!

Грядущая белизна внешних ребер становилась реальностью.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

где атмосфера оставляет желать лучшего,
проявляются самые возвышенные чувства,
а финал грозит продолжением

На «Летучем Китайце» воняло табаком «Святый Крепкий», горелым временем и ромовой отрыжкой. По углам пищали крысы: торопливо надевая скафандры, они собирались бежать с тонущей шаланды. В пробоины подтекал вакуум: помпа не справлялась с нагрузкой. От космической пыли, сочившейся из треснувшего иллюминатора, хотелось чихать.

— А вдруг засада?

— Вряд ли. Но лучше держаться вместе. Зря ты, Алька, скукожился... Вдруг еще кого ублажить приспичит?!

Капитан Стриммер шел молча, гордясь, что всех спас плод его белой горячки.

Добрую Мамочку они нашли в грузовом чулане, за ящиками с малосольными квадро-арбузами.

— Она без чувств! Связана! У нее голодный обморок! Чем они думали, эти малоразумные отрицательные герои?!

Альеносхромп был потрясен мужеством корсаров. Столь досконально войти в роль, грозящую помутнением собственного рассудка и атрофией мышцы сострадалища! Такие подвижники честно заслужили блажь-паек. Конечно, если так обращаться с Добрыми Мамочками, то стоит ли потом удивляться, откуда берутся Злые Тещи! Неурядицы в ячейке, склоки, отдавленные цырлы...

— Куда ее нести, земляк?

— Ко мне, в шнырь-Люльку! Только осторожней, здесь еще яйца...

О'Райли обошла кругом пять желто-зеленых яиц, стараясь держаться от метровых сфероидов подальше. В мерцании лампад казалось, будто яйца шевелятся.

Чувства, испытываемые госпожой есаулом, с натяжкой можно было бы назвать материнскими.

Добрую Мамочку предстояло нести через всю шаланду и половину «Нострадамуса». Это оказалось нелегко: даже истощенная, она и сейчас весила вдвое больше Альеносхромпа. Ублажитель-IV пожирал глазами красоту ее тела, точеные, изящные черты морды, легкомысленно загнутый гребешок, подбритый по краям. В такую самку можно влюбиться с первого взгляда.

Или он — уже?!

К счастью, в стык-шлюзе, соединявшем «Нострадамус» со шнырь-Люлькой, их ждал предупрежденный Телепнем стюард. Добрая Мамочка была незамедлительно уложена на автоарбу.

— Доставить с ветерком, — распорядилась Ева. — Живо!

* * *

— Грибоум!

— Да, разумный! Слушаюсь и повинуюсь!

— Что с Доброй Мамочкой?

— Сращена с колонией мхов-радетелей. Вне опасности. Но ее глист-транс...

— Что?!

— У него запор. Выделения отсутствуют. Мозгописец отмечает полное безразумье на всех уровнях.

— Продолжай. Я буду на инкуб-Люльке.

* * *

— Клянусь Мудрым Терцем! Ублажитель! А кто это с тобой? Беспредельцы? О, они такие лапочки, такие красавчики...

Вопросы сыпались метеорным дождем, и Альеносхромп заподозрил, что подхватил вирус безразумья. Тем более что ни одной Доброй Мамочки поблизости не наблюдалось, а поток слов извергался вокальными мембранами самой инкуб-Люльки. В это трудно было поверить! Обычно люлечные грибоумы выращиваются в почтении к разумным. Подобная же бесцеремонность, можно даже сказать — фамильярность! — наверняка привела бы к шоковому столбняку, не пройди Альеносхромп очередную Очную Ставку. Раскол изменил не только тело, способное отныне совмещать в одной ипостаси функции Ублажителя-IV, Добывателя-III и даже (отчасти!) Торчка-I. Иной стала психика: гибкая, будто хвост, податливая, словно хлюп-жижа, и многогранная, как заветы Второпредков.

— Кстати, вы моего тела не видели? — От этого игривого вопроса Альеносхромп едва не подпрыгнул.

— Тела?!!

— А что тебя смущает, душечка? Понимаешь, эти Беспредельцы росточком не вышли — зато темперамент! Как в Люльку влезли, прямо с порога давай заигрывать! Железом увешались, шатаются, но терпят! И кричат, топают... Торчки хоть куда! Разве девочки могли устоять? Опять же идеи Терца: «Возлюби дальнего своего, если дотянешься!» Пришлось срочно закукливаться, чтобы соответствовать. Иначе задавим, и вся любовь. Жребий бросали, мне выпало в грибницу Люльки внедряться. Грибоум-то наш от страсти повредили, он прямого попадания не вынес, весь в мицелий выпал... Сигнал бедствия, дурачок, отбил! Наши скоро все вылупятся, в коконы наслаждений с Беспредел-Торчками полезут — а мне в грибнице страдай!

В голосе юной Мамочки мелькнула плохо скрываемая обида.

— Потом, конечно, мозгопись переживу, только ведь самой хотелось... А тут еще тело сперли. Неужели этим самцам совсем невтерпеж? Может, они там уже мое тело вовсю любят, а я здесь, как цырла бесчувственная! Ой, а это кто с тобой? Их самка? Какая маленькая, бедняжка! Девочкам так не

уменьшиться, даже после Раскола... Да, еще у нас носовой космогрыз расхворался, а я не знаю, чем его лечить! Вовремя ты, Ублажитель...

С носовым космогрызом дела оказались плохи: после заряда атомной дроби его непрерывно тошнило клочьями единого поля в самых неожиданных диапазонах. Оставалось радоваться, что Добрая Мамочка не догадалась поставить ему клизму. Требовалась срочная ампутация. Иначе при очередном приступе тошноты космогрыз мог извергнуть что угодно, включая крохотную анти-Вселенную.

Но без него инкуб-Люлька была обречена на неподвижность.

Оставалось одно: срочная стыковочная ассимиляция. Удалить больной орган, затем присосаться шнырь-Люлькой к инкубатору и побыстрее нарастить мощность здорового космогрыза за счет ассимилированных ресурсов. Впрочем, торопиться надо было не только из-за этого. Альеносхромп хорошо усвоил: в финале каждого отврат-фильма Беспредельцев обязательно происходит Большой Бах. Взрываются реакторы, бомбы, звезды, галактики, мусорные контейнеры, плюшевые медведи, скрипки работы Страдивари... Идет отсчет секунд, завывает сирена, и немногие герои успевают спастись бегством в последний момент.

Как завещал Мудрый Терц: «Предусмотрительный разумный — живой разумный!»

* * *

— Тебе уже надо улетать, пупсик? Так быстро? Даже не попрощались хорошенечко... Хоть координаты оставь: письмецо там прислать, свидание назначить?

О'Райли обиженно надула губки, став донельзя похожа на Добрую Мамочку — чем сразила Альеносхромпа наповал. Но долг перед Ульем не оставлял выбора.

— Печаль делает из двух моих сердец четыре, о несравненная, а хвост вянет осенним вьюнком! Но я не прощаюсь! Я...

— Все мужики сволочи, а счастье в труде! — махнула рукой Ева. — Ублажил, и поминай как звали! Я буду в рубке. Хоть бортовыми огнями помигай, что ли!

Однако вскоре, едва двери центропоста разъехались перед госпожой есаулом, все девичьи грезы разом скисли от столкновения с суровой реальностью.

— Эх ты, Телепень! — зло бросила О'Райли, становясь прежней «Железной Брунгильдой». — Мог бы и предупредить...

— Не мог!.. — задушенно просипели динамики.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,

в которой берутся заложники и бьются карты, качаются мозги и рвутся бороды, а в финале начинается суета сует

Альеносхромп от спешки из шкуры выпрыгивал. Позор! Он, исконногенетический Ублажитель, доставил огорчение любимой Беспределице! Не найти проникновенных слов, страшных клятв и завораживающих поз, способных развеять сомнения и печаль?! Вина должна быть заглажена! Едва обе Люльки, вытянув ложнорты, слились в предассимиляционном лобзанье, разумный Улья оборвал половину соцветий связь-плюща, рискуя оставить транспорт без коммуникаций, — и кинулся обратно на «Нострадамус».

Первым, что он увидел в рубке, была черная дыра с красной икрой патронов в глубине. Именно так выглядит нарезной протуберданец «Вобла», если ствол направлен прямо между глаз смотрящему.

— А вот и наш шалун! — с удовлетворением констатировал Львов-Сердечный.

Узнать Ричарда было трудно: ренегат-системотехник облачился в штурмовой «Шкаф-андр» высшей защиты, способный выдержать инфаркт Вселенной и непроницаемый даже для тараканов. Во второй руке Львова-Сердечного гудел панорамный дегенератор «Каюк», держа под прицелом весь экипаж шхуны.

— Повторяю для тупых и опоздавших. — Ричард весь лучился от дружелюбия, заодно просвечивая заложников рентгеном. — Расстыковка отменяется. Мы летим в Малые Тартарары, на базу компании. В целях укрепления и взаимности.

— Подлец! — сорвалась О'Райли. — Тебе отлично известно, что в случае нашей гибели Телепень заблокирует двиготсек! А иначе...

На дисплее шлема «Шкаф-андра» проступила лицемерная улыбка: пять лыбов в ширину и два в высоту.

— Дама и господа! Вы сами пройдете в карцер или вам помочь?!

Вместо ответа Альеносхромп шагнул прямо на ствол «Воблы».

— Пупсик! Не надо! Плюнь на него!!!

Ослушаться приказа возлюбленной Беспределицы Ублажитель-IV не мог. И он честно плюнул, вложив в плевок всю свою нежную душу.

Внутрь-пасть выстрелила наружу, извергнув фонтан слюны. Подлого ренегата окатило с головы до ног. От «Шкаф-андра» повалил едкий дым, сочленения суставов намертво заклинило плавящимися гермопрокладками «Тампакс». Мгновенно заржавев, «Вобла» брызнула чешуйками металла, подавившись выстрелом. Под отчаянный вой стервоприводов Львов-Сердечный направил уцелевший дегенератор на Альеносхромпа.

— Бей зеленых! — Закостеневший палец тянулся к курку. — Спасай Гала...

Два тела взлетели в воздух: могуче-суровое — обер-сержанта Небейбабы, и гневно-сексуальное — есаула О'Райли. Объединенный удар четырех ног двух мастеров боевых искусств подтвердил, что карта изменника бита.

Андро-стюард рыдал в объятиях капитана Стриммера.

* * *

— ...Заодно узнаем, куда он Росинандоса дел!

— Узнаем-узнаем! — злорадно процедили динамики.

Давняя мечта садиста Телепня — заполучить сознание системотехника в свою кристаллобазу — сбывалась. Бортовой комп потирал бы руки, имейся они у него. Во всяком случае, мониторы лазарета, где собрался экипаж, сияли начищенной кредиткой.

— Дист-сканер... крестовой мозгокрут... пси-помпу... так, качаем! Левое полушарие... правое... ага, мозжечок заколочен!.. ладно, ломать — не строить... Плюньте ему кто-нибудь на шлем! Эй, только не Алька! Ага, и рукавом разотри, а то лазер соскальзывает... Хорошо... спирт... да не капитану! Мне! Мегагерцы протереть... Ну, со свиданьицем! Ева, гони на терминал развертку извилин. Теперь ждите. Можете допить спирт...

Тело Ричарда, которое так и не удалось извлечь из дефектного «Шкаф-андра», подпрыгнуло на столе.

— Мама моя родная! — противопожарной сиреной взвыл Телепень. — Их тут двое!

Капитан машинально закусил тампоном.

— Точно, двое! Один — это наш Ричи, который Сердечный. А второй, я вам скажу, — это же сам Львов! Рабиндранат Егорыч! Глава совета директоров «Киллерман Пасифик»!!! Там в блицдепеше кодовая фраза была, вот он и вылез из альтер-эго. Черт, придется обоих качать — еще обрежу чего-нибудь...

— Ну ты даешь, Телепень! Без трепанации, без вживления электродов...

— Хакер я или где?! — Динамики задребезжали от гордости. — Хотя и с трепанацией могу... по просьбам трудящихся...

Голос Телепня вдруг резко дернулся куда-то в сторону, набирая обертоны.

— Караул!!!

— Что случилось?

— Шапиро-цзы... Ах я, пустой кожух!

— Да в чем дело?!

— Я ему на стенной монитор кинул, как мы его напарника потрошим. Он увидел, аж затрясся... Смотрите!

На медтерминале поверх извилин пленного возник заточенный в арсенале капрал.

— Молитесь, шлемазлы! — зловещий шепот стаей клопов-убийц выплеснулся из динамиков, растекаясь по шхуне. — Умри, душа моя, с инопланетянами!

Шея капрала вспухла мышечным лимфаденитом, на щеках густо проступили узлы вен, кадык окаменел, и в следующий миг Самсон Хоттабыч Шапиро-цзы рванул бороду из дверного плена.

«Нострадамус» содрогнулся до основанья и затем. Фигура капрала рассыпалась бенгальским огнем — и сгинула. Лишь жуткая тень сгустком консервированного мрака пронзила переборки шхуны, чтобы, адски хохоча, слиться с тьмой вечной мерзлоты космоса. Сумеет ли пожертвовавший бородой ради мести однажды вернуться — или ему таки до скончания времен, чтоб не сглазить, суждено обретаться между здесь и там, терзаясь памятью о каждом волоске?!

А чтоб я так знал!..

* * *

— Трещины в обшивке! Нарушена герметичность корпуса!

— Сорван такелаж!

— Прорыв канализации!

— На камбузе потоп!

— Движок чихает!

— Гиперпривод?! — внутренне обмирая, выдохнула О'Райли.

— Он самый...

— Без паники! Телепень, доложить ситуацию! Коротко и ясно!

— ...! и ...!!! И еще: ...!!!!!

Прежде чем вмешаться, Альеносхромп удовлетворенно почесался. Все шло путем. Вот и Большой Бах! Итак: гребень набекрень, когти втянуты, присед на полусогнутых... Ритуальная поза «Не имей сто граблей».

— Моя Люлька — ваша Люлька! — объявил брат по разуму.

И прослезился.

— Милый!

— Дорогая!

— От имени профсоюза гей-андроидов!.. позвольте выразить!.. троекратно!..

— Ничего другого от своего делириум тременс я и не ожидал!

— Рвем когти! Землячок, давай вперед! — деловито прервал общий экстаз Небейбаба.

И только цырлы скрежетнули по драному линолеуму.

— Телепень! — рявкнул Стриммер, вдруг вспомнивший, кто здесь капитан. — Гони вьючных киберов к стык-шлюзу! Все на погрузку!

— А я?! — Динамики взвизгнули от неподдельного испуга.

— Сколько времени нужно, чтобы тебя развинтить?

— Я сам! Я быстро! Начинаю саморазвинчивание!

— Не дрейфь! Без тебя не улетим...

— И заодно выясни: куда эта зараза дела Росинандоса?

— Да я пытаюсь...

— Правильно. И пытай, если надо!

— Господа! Грузить только самое необходимое!

* * *

Киберы надрывались от усердия, рискуя заработать грыжу. На инабль переправлялись: мерзлый лейтенант Губер, полутораногий Гамарджоба и вырубленный Полянкер, коконы наслаждений с корсарами под кайфом, демонтированный Телепень (чувство юмора везли отдельно на трех тележках), мешки с сухим хересом, тюбики шашлыка и солянки по-этрусски, патронные ящики и разобранный танк «Тортила», обеденные сервизы, запас носовых платков... Альеносхромп наскоро сращивал обе Люльки, ампутировав без наркоза издыхающий космогрыз. Внутренняя перистальтика гнала в грузовые лежбища поток яиц, закукленных Добрых Мамочек (эро-трансформация затягивалась) и сувениры с «Летучего Китайца». Сыроежка качал в свой мицелий ту Мамочку, что героически пожертвовала счастьем ради подруг, и внедрял провод-лозу в Телепня, которого ласково звал «мой железный брат».

Капитан покидал борт корабля последним, слегка покачиваясь.

Вскоре распухшая от изобилия Люлька набрала скорость. А за ее кормой уже кипел Большой Бах, заставляя звезды моргать и тьму меркнуть.

— Слышь, земляк, — сипло спросил Небейбаба, догрызая последнюю зубочистку. — У тебя тут курить можно?

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,

в которой танцуют танго и играют из ящика,
лезут под блузку и собираются в рай,
а в самом конце наступает самый конец

...Наконец-то они остались вдвоем!

Сизый от усталости Стриммер скомандовал «Отбой!» и, сопровождаемый андро-стюардом, удалился в бывший яичник, наскоро переоборудованный под спальню. Небейбаба на всякий случай лег у порога загерметизированного стык-шлюза Люльки, обняв верный гэппер. Что же касается О'Райли, то корабельный распорядок был ей не писан. В итоге рубка Люльки, заваленная ящиками, узлами и баулами, превратилась в уютное гнездышко влюбленных.

— От меня не сбежишь! — В любой бочке кокетства есть своя ложка правды. — Ублажимся, пупсик? Фокстрот? Танго?

Ритуальные пляски Беспредельцев были Альеносхромпу внове, но у него оказалась хорошая наставница.

— Сыроежка, «Брызги Шампанского»! Или хотя бы «Jealousy»!

— Напойте, барышня. Ага, спасибо. Итак, в исполнении секстета дверных скрипачей...

— Пупсик, цырлы подбери... лапу на талию, вторую сюда... Вот тебе гвоздика, возьми в клыки. И — начали!

На третьей минуте, воодушевившись, Ублажитель-IV для равновесия взмахнул хвостом. Крышка ближайшего ящика отлетела с треском.

— Осанна! Аллилуйя! Аз есмь, и еще какой аз!

Из раскуроченного патронного ящика восстал пропавший без вести Санчос Мигель Каррамба Хуан Луис Мария Росинандос-младший! Второй пилот щеголял парчовой рясой адепта радикально-реформаторской церкви «Эдем Возвращается», украшенной лозунгами и благими вестями. Остатки волос эдемовозвращенца стояли нимбом, искрясь и потрескивая.

«Ты — отмычка к райским вратам!», «Добьемся мы Освобожденья!», «Яблоки — опиум для народа!», «Даешь эдемократию!», «Вера — не роскошь, а средство...» — успела прочесть Ева на рясе.

Альеносхромп же всеми фибрами благоговейно впитывал новые впечатления. Вот как, оказывается, происходят Раскол и Очная Ставка у Беспредельцев! В искусственных коконах из дерева. Теперь становился ясен смысл загадочной идиомы «Сыграть в ящик»!

— Прозрел! Ибо не зря медитировал в потемках, взыскуя света! Гряди, Райский Сад!

С этими словами Росинандос резво выскочил наружу. В деснице пророка лоснилось огромное яблоко сорта «Макинтош Apple». Из яблока высунулся удивленный червяк, оглядел рубку и благоразумно юркнул обратно.

— Держи, возлюбленный брат по разуму!

Эдемовозвращенец не слишком метко запустил фруктом в Ублажителя-IV. Альеносхромп поймал яблоко на лету, для чего ему пришлось выпустить Еву из объятий и сделать шаг в сторону. В следующее мгновение Росинандос уже оказался

рядом с О'Райли, проворно сунув свою волосатую ручищу ей под блузку.

— Благие намерения следует сопровождать благими поступками, — наставительно изрек дородный эдемагог. Палец его тем временем уже нырнул в золотое колечко, украшавшее пупок госпожи есаула.

«Железная Брунгильда» побледнела и замерла по стойке «На караул!».

«Напрашивается во Вспомогатели-II», — догадался Альеносхромп, сжимая подаренное яблоко. Увы, разумный Улья был сейчас дальше от истины, чем диктатор Крабовидной Гуманности, сибарит, мизантроп и олигофрен, — от своего страждущего народа. Колечко в пупке О'Райли отнюдь не являлось дешевой безделушкой. Равно как и дорогой безделушкой. Это была чека гранаты-самоликвидатора, имплантируемой каждому сотруднику Службеза Человечества при заполнении анкеты в отделе кадров.

«Сейчас условия выдвигать начнет, — без труда догадалась О'Райли. — Если в койку потащит — ладно. Только ведь этим эдеманьякам Всеобщее Счастье подавай, и не меньше! А меня на все Человечество никак не хватит, к сожалению...»

* * *

— Брат мой возлюбленный, предложи Еве яблочко! — тая от умильности, попросил Росинандос.

И тут же горячо прошептал на ухо заложнице:

— Только посмей взять! Транзитом в аду окажешься!

— Сам ешь! — искренне возмутилась О'Райли, стараясь дышать пореже. — У меня от яблок диатез! Пупсик, не искушай меня!..

— Искушай, брат! — проникновенно взвыл новоявленный эдемиург. — Время переиграть грехопадение! Время вернуться в Райский Сад! И оставит нас знание добра и зла, и воздвигнутся кисельные берега над молочными океанами! Стучите, да откроется! Короче, так: тебя, брат мой возлюбленный, я назначаю Змием-Искусителем. Ты такой же зеленый и скользкий. Можешь гордиться.

Альеносхромп машинально принял позу «Горделиво мыслеусваиваю».

— Себя, ясное дело, прочу в Адамы. А ты, о невинный реброид, Евой была, Евой и останешься. Даю вводную: порок искушает, добродетель трижды наотрез отказывается... Надеюсь, добродетели все ясно?

Росинандос со значением повертел убийственным пальцем. Все малоблагочестивые картины, мелькнувшие при этом в мозгу, аскет-эдемократ решительно пресек в зародыше.

— А дальше? — О'Райли подумала, что из-за такой ерунды нечего было хвататься за пупок. Попросил бы по-человечески... Что им с пупсиком, самодеятельности жалко?!

— Дальше мы с тобой идем по Космосу аки посуху! В царствие небесное.

Альеносхромп слегка обиделся таким невниманием:

— А я? Я куда иду?!

— Не волнуйся, идешь и ты. Ко всем чертям в ад. Доброй волей, лия слезы.

— Куда? О Беспределец, отмеченный мудростью Терца, дай мне координаты указанного тобой места, дабы я с радостью...

— Не слушай его, пупсик! Он бредит! — взорвалась О'Райли.

И, выяснив, что взорвалась не до конца, злым шепотом:

— Что он тебе сделал, псих?! Зачем ты его убить собрался?!

— Окстись, женщина! Убийство — грех. Лишь чистым душой откроются Врата Эдема-2! Змий-Искуситель, вопия от бессилия, сам покончит с собой, дабы не осталось более во Вселенной греха, и благодарное Человечество шеренгами, скандируя осанну, двинется...

Ублажитель-IV с восторгом внимал страстной речи, исполняемой на мотив «When the saints go marchin' in». Пожертвовать собой ради великой цели?! И это доверили ему, разумному Улья, случайно встреченному на просторах Вселенной?!

Воистину, доброта Беспредельцев не имеет границ!

— Беги, пупсик!

— Останься, брат!

— Молчи, приду...

— Я согласен! Я готов...

— Пупсик!!!

— О пророк! Я возлюбил тебя всем криогенным сердцем! Дозволь мне занять место Евы и посрамить дьявола! Она недостойна, ибо колеблется, я же...

* * *

От дверей рубки к пророку-террористу спешил андростюард. Капитан в очередной раз не оправдал его ожиданий: упав на койку, Стриммер вульгарно захрапел. А как многообещающе все начиналось! Удрученный Биороботяйнен поплелся обратно в рубку и поддался соблазну: стал подслушивать.

— Где справедливость! Никто не должен уйти обиженным! Эдем для всех! Свободу сексуальной ориентации в Раю! Я справлюсь! Оправдаю!

Видимо, на миг Росинандос представил себе картину, столь горячо описанную гей-андроидом. И себя-Адама со всеми вытекающими дальнейшими перспективами, помноженными на вечность.

— Изыди, содомит!

Забыв, где находится его палец, ошалелый эдеморг шарахнулся прочь. И вот тут-то сказалась боевая подготовка «Железной Брунгильды»! Кому, как не ей, были ведомы тайны индо-армейской йоги «Пуп Земли»?! В момент рывка госпожа есаул, не щадя живота своего, изнаночно пупыризовалась, отчего граната-самоликвидатор, томно чмокнув, выскользнула наружу вслед за чекой! Опоздав затормозить, влюбленный андро-стюард с разгону врезался в Росинандоса, обнял было толстого кумира, но промахнулся — и, теряя равновесие, вцепился в первое, что попалось под руку.

В итоге запретный плод гранаты остался в кулаке стюарда, а обручальное кольцо чеки украсило собой палец Росинандоса!

— Ложись!

Альеносхромп Ублажитель-IV с готовностью подчинился, не забыв увлечь любимую за собой, — похоже, ублажение стремительно переходило в кульминационно-оргастическую фазу. Взрыв подтвердил его догадки. Осколки вскользь прошлись по хитину экзоскелета, выцарапав татуировку: звездолет, обвитый змеей, и подпись «Сим победиши!». Ева же, находясь в безопасности, судорожно возвращала пупок в исходное состояние.

Дым медленно рассеивался.

Повсюду были разбросаны фрагменты синтет-тела андроида. Голова Биороботяйнена откатилась в угол, где к ней

уже тянулись нити мхов-радетелей, спеша начать процесс восстановления.

Голова грустно улыбалась.

— Мои поздравления, господа, — констатировала она. — Отныне я не только сексуальное, но и анатомическое меньшинство.

А посреди рубки возвышался целый и невредимый Росинандос! Вокруг его головы светился радужный нимб, и все тело излучало сияние, которое эдемэкзекутор безуспешно пытался отряхнуть или хотя бы отчистить широким рукавом рясы.

— Чудо, — неуверенно сообщил он. — Теперь я уж точно попаду если не в рай, то как минимум в Книгу рекордов Гиннесса. И вообще: да здравствует любовь!

В следующий миг, вздыбив стволы и подствольники, в помещение вломился закованный в бронежилет Небейбаба. Услыхав взрыв, обер-сержант превзошел самого себя: за полторы минуты проснулся, экипировался, вооружился, передернул затворы и примчался на выручку. Капитан Стриммер плелся следом, протирая заспанные глаза и похмеляясь бальзамом «Дети Дюны». Приковылял колченогий Гамарджоба с кинжалом в зубах. Из-за плеча десантника робко выглядывал Полянкер-Луговски, расчесывая на шее след от нейротопора.

А через другой проход в рубку уже входила, музыкально шелестя чешуей крутых бедер, Добрая Мамочка, наконец обретя свое пропавшее тело. И ее страстный взгляд был намертво прикован к бравому обер-сержанту Небейбабе.

— О да, любовь! — проворковала Добрая Мамочка шаляпинским басом (похоже, ее лишай-толковник был настроен заранее). — Я вся горю! Иди же ко мне, моя крошка! Я вижу: ты спешил, ты увешал себя брачными тяжестями... Это ничего, что я такая большая?

— Эх! — залихватски махнул рукой Небейбаба, твердо решив не посрамить чести десанта. — Однова живем! Всегда любил крупных женщин! Зови меня Васей, зеленая, а я тебя Дусей звать стану. Где тут у вас этот... кокон который? Полезли!

— А я скреплю ваш союз узами брака! — раскатился по рубке густой голос Росинандоса-младшего. — Ибо браки воистину творятся на небесах, где мы сейчас и находимся!

Альеносхромп растерянно моргнул глазными заслонками:

— Но ведь Василий Архипович — член нашей ячейки! Как же...

— Очень просто! — Подбоченясь, О'Райли наскоро затыкала пострадавший орган кусочком жевательной резинки «Paradise Fruit». — Святой отец, как вы относитесь к смешанным межрасовым семьям нового типа? Я имею в виду браки сапиенсов...

— ...И искусственных интеллектов! — хором вякнули из-под потолка Телепень с Сыроежкой.

— ...в том числе — нетрадиционной ориентации!

— На колени, дети мои! — воссияла над крикунами улыбка Росинандоса. — В беде и радости, в болезни и здоровье объявляю всех, здесь присутствующих, единой семьей!

— Что, и меня тоже? — изумился капитан Стриммер.

— А кто иначе будет покидать семью последним?! Горько!

— По курсу планета! — помешал общему поцелую вопль Сыроежки. — Условия жизни: идеальные!

— Эдемо-версия 2.0! — не удержался Телепень.

«Она голубая! Голубая!» — шептали губы головы андростюарда, и слезы радости катились по силиконовым щекам. О'Райли и Добрая Мамочка переглядывались, заранее представляя, как будут по-семейному изредка меняться телами. Небейбаба сочинял в уме рапорт об отставке, а Гамарджоба, глядя на пустую бутылку в руке капитана, намечал будущее расширение бизнеса дяди Васо.

— И назовем мы эту Землю Обетованную... — начал было Росинандос.

— Не надо! — перебил его грибоум. — Даю увеличение. Смотрите сами.

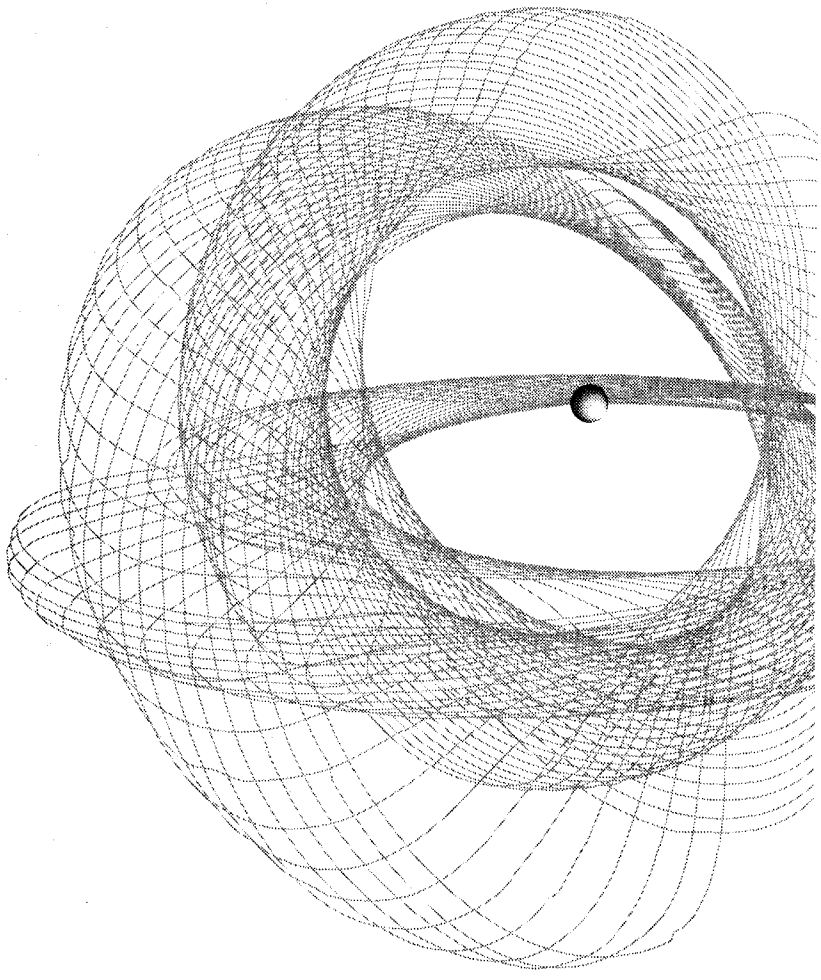
Над обоими полюсами планеты полыхало Северо-Южное сияние, складываясь в отчетливую надпись:

HAPPY END!

Апрель — октябрь 2000 г.

ВТОРЫЕ РУКИ

ПЬЕСА



ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Лавочник
Хомо Дозяйка
Блин Поприколу
Околоточная
Подержанные вещи

Справедливости ищешь?
Наплюй и забудь!
Богатей или нищий?
Наплюй и забудь!
Захотелось весы привести
в равновесье?
В одну чашу наплюй,
про вторую забудь.

Пацан Хайям

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

На сцене — вещи и Лавочник

Глаза у Лавочника завязаны поясом, напоминающим пояс от кимоно: длинный, узкий, концы свисают сзади двумя косами. На поясе нарисованы два глаза, там, где им, собственно, и полагается быть. Поверх повязки Лавочник носит очки в роговой оправе, с толстыми стеклами. Все пространство заставлено стойками с подержанной одеждой. Видно, что вещи недорогие, вышедшие из моды. Складывается впечатление, что владельцу было лень сортировать товар: ратиновые пальто соседствуют с халатиками из линялого ситца, джинсы — с рубашками и кофтами, платья — с мужскими жилетами, вытертая кожаная куртка примостилась возле кимоно для дзюдо, застиранного донельзя. Под самым потолком укреплена большая вывеска «Second hand»; из-под нее свешивается лампа под жестяным абажуром на белом двужильном шнуре. Свет тусклый, мертвый.
Тишина.

Лавочник (*сидя за столом и уставясь перед собой, голосом сомнамбулы или телефонного автоответчика*). День — ночь, сутки прочь. День — ночь, сутки прочь. День — ночь... (*Внезапно истерически кричит.*) Прочь!!!

Легкий сквозняк пробегает меж стойками.
Колышутся вещи — чуть-чуть.
Кажется, что в тишине, на самой границе слышимости, возникает смутный шум голосов, музыка, чтобы почти сразу умолкнуть.

Лавочник (*вытирая разом вспотевший лоб*). Извините. Извините, пожалуйста. Я не хотел. Нервы ни к черту. Сейчас будем начинать. Просто вы так тихо собрались... Я не заметил.

Встает, снимает очки, протирает стекла платочком и вновь надевает. Смотрит в зал: внимательно, пристально. Он не производит впечатление слепого ни движениями, ни поведением. Минута другая, и про чудной пояс-повязку начинаешь забывать.

Лавочник. Здравствуйте. Вы, наверное, уже заждались. Не сочтите меня грубияном, но я нарушу традицию и не стану молить почтенную публику о снисхождении. Спросите: почему? Ну, во-первых, я не верю в снисхождение. Во-вторых, разучился молить. Очень глупо выгляжу: молю, молю, а толку... И в-третьих, снизойти ко мне все равно не в вашей власти. Публика есть публика, этим все сказано. Поэтому мы просто начнем. Ладно? Только скажите, я очень прошу вас, скажите: там, снаружи, вечер? У вас — вечер? Поздний?! Скажите, что вам стоит... Вечер, да? Скоро звезды? Ночь?!

Сквозняк.
Трепет вещей.
Голоса вдалеке. Где-то один раз бьет колокол.
Лавочник жестами показывает, что не хотел ничего дурного. Тишина.
Он выбирается из-за стола и начинает бродить по сцене, трогая товар.

Лавочник. Это хорошие вещи. Сюда мало кто заходит, но это ничего не значит. Они просто не понимают. Это очень хорошие вещи. В них чувствуется сердце. Готовое забиться, едва вторые руки — ваши или чьи-нибудь еще — тронут ткань, расправят складки. Да, их уже носили. Ну и что? Вот превосходная куртка. (*Берет кожаную куртку, вертит.*) Это был мелкий рэкетир по кличке Шелупонь. Ларьки, магазинчики, попытка выбиться в люди — он под людьми понимал что-то свое, поэтому, наверное, не выбился. Жизнь как жизнь, не хуже, не лучше прочих. Правда, часть его знакомых полагала иначе...

Раскачивается лампа на шнуре.
Скрипит в руках Лавочника куртка из кожи.
Возникает шум улицы: шуршат машины, людской гомон сливается в один неразборчивый хор. Слышны удары кулаков по боксерской груше, шум улицы исчезает, сменившись командами тренера: «Резче! Резче, тюха! Джебб справа, нырнул, и в голову!» Тренер захлебывается, начинается пьяный кабак: саксофон, женский смех, «Официант! Еще триста «Охотничьей!», кто-то истошно кричит: «Не бей! Не бей меня!»
Сухой выстрел.

Лавочник. Да, рано умер. Рано и глупо. Многие считают это недостатком, но я бы поспорил с таким опрометчивым мнением. Да, я поспорил бы. Хорошая куртка, еще вполне послужит. Не раз, не два. А это была учительница. (*Берет костюм из кримплена — юбка с жакетом. Жакет украшен дешевой брошью.*) Русский язык и литература. Школьники дразнили ее Любрыской. Но любили: она мало задавала на дом. Любовь Борисовна Игнатова, звезд с неба не хватала, но по

программе — вполне. Втайне читала Симону Вилар. Ненавидела Льва Толстого: тоже втайне. Заветная мечта: выйти на пенсию и отоспаться. Муж, двое детей. Внуки. На пенсии отсыпалась два месяца, потом вернулась в школу — на полставки. Вела факультатив...

Гвалт буйной, школярской переменки. «Марь Ванна, он меня линейкой!», топот ног, вкусные удары портфелями по спинам, «8 а! Сдать тетради! 8 а, кому сказано!..» Всплывает назойливое: «В творчестве Чехова красной нитью проходит...» Стихая, гвалт переходит в программу телевизионных новостей. Заглушая голос диктора: «Любочка! Накапай мне валокордину...»
Хнычет младенец, над ним сюсюкает бабушка. Сирена «Скорой помощи».
Траурный марш Шопена.
Плачут соседки, одновременно договариваясь, кто будет печь блины для поминок.

Лавочник (*вешая костюм обратно*). Отдохните, Любовь Борисовна. Сейчас вы вправе отдохнуть. Здесь тихо, спокойно. И Лев Толстой никого не интересует, вместе с вашим отношением к классику. Я уже говорил, что к нам редко заходят? А это... (*Тянется к кимоно или к пальто с каракулевым воротником, не выбрав, что именно возьмет. И опаздывает.*) Это, знаете ли...

Кто-то входит в боковую дверь. Вглядывается в смутную серость лавки.
Машинально нащупав на стене выключатель, щелкает клавишей.
Яркий, бьющий по глазам свет.
Сквозняк превращается в ураганный ветер. Трепещут полы плащей, раскачиваются костюмы. Платья делаются флагами, шлепают брючины джинсов. Вся лавка гуляет, плещет, вскидывается. Какофония звуков: «Миллион алых роз» сменяется увертюрой к «Аиде», гудят паровозы, «Взвод! На месте шагом...», «Милая, ты даже не знаешь...», в пять тысяч глоток: «Го-о-ол!!!», «Разыгрывается тираж...», «Пирожки! Горяченькие!»; взлетает ракета, бьют автоматы, «Поезд отправляется! Следующая станция...», в подземном переходе слепой певец тянет: «Ой, у лузі, у лузі червона калына...»
Лавочник не торопясь подходит к двери и выключает общий свет.
Тишина.
Раскачивается лампа на шнуре.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Лавочник, вещи и Хомо Дозяйка

Хомо Дозяйка (*неопределенного возраста, застенчива и испуганна*). Ой... Извините! Извините, пожалуйста! Я не хотела...

Лавочник. Пустяки, не стоит. Все в порядке, я сам так делаю. Дважды: перед открытием и после закрытия. Вещи нужно проветривать, иначе они плесневеют. А кому охота целую жизнь нюхать плесень? Это только поначалу пугает, а потом привыкаешь, и ничего... Даже интересно. Хотите чаю?

Хомо Дозяйка. Чаю? Если вас не затруднит...

Лавочник берет со стола заварной чайничек. Наливает полную чашку.

Лавочник. Прошу вас. Выпейте.

Хомо Дозяйка. А вы?

Лавочник. А мне не надо.

Хомо Дозяйка (*участливо*). Сердце? Желудок?

Лавочник (*протирает очки, потом зачем-то поправляет глазную повязку. Стягивает потуже узел на затылке*). Ах, если бы... Судите сами. (*Делает глоток, отхлебнув прямо из носика чайничка; некоторое время, раздув щеки, катает чай во рту. Лицо его удивительно: так склеротик тщетно пытается вспомнить имя собственной дочери. Не вспомнив, выплевывает чай на пол.*) Сами видите. Нет, мне не надо. Лучше так, без чая. Пейте сами.

Хомо Дозяйка. Тогда зачем у вас на столе заварной чайничек? Да еще полный? Ой, простите, это не мое дело.

Лавочник. Вы совершенно зря просите прощения. Я не обиделся. Как вас зовут?

Хомо Дозяйка. Не помню. Это смешно, да?

Лавочник. Нет. Не смешно. Здесь никто не помнит. А некоторые врут. Дескать, Инга или Алевтина. Или Бритни Спирс. Только по глазам все равно видно: врут. Придумали, чтоб не быть без имени. Хотите, мы и вам придумаем?

Хомо Дозяйка. Придумайте. Если вам не трудно. Знаете, странно, когда без имени. Словно обокрали.

Лавочник. Хорошо. Я буду звать вас: Хомо Дозяйка.

Хомо Дозяйка. Домохозяйка?

Лавочник. Почти. Мы обобщим простую домохозяйку до целого вида. Кухня, подгузники, уборка, походы в магазин. День — ночь, сутки прочь. Семья превыше всего. Котлеты, борщ. Я угадал?

Хомо Дозяйка. Да. Угадали.

Лавочник. С сегодняшнего дня вы Хомо Дозяйка.

Хомо Дозяйка. А вы?

Лавочник. А я — Лавочник.

Хомо Дозяйка. Тоже вид? Обобщение?

Лавочник (*грустно*). Увы, нет. Я сам по себе. Вам что-нибудь подобрать? Из вещей?

Хомо Дозяйка долго не отвечает, отправившись бродить между стойками. В одной руке у нее — чашка чаю. Трогать вещи она опасается, просто смотрит.

Лавочник ей не мешает.

Легкий сквозняк гуляет вслед за женщиной.

Хомо Дозяйка (*скорее себе, чем Лавочнику*). Странно у вас. Я имею в виду, не в вашей лавке, а вообще. Понимаете, я лежала в больнице. Гипертонический криз. Врачи обещали: скоро домой отпустят. И вдруг ваши заходят. Я сперва решила: обход, а потом пригляделась — нет, ваши. Не обход. Это сразу понятно, когда ваши.

Стеснительно улыбаясь, она показывает на глазную повязку Лавочника.

Он кивает: ничего, мол, все в порядке, я понимаю.

Женщина тоже кивает.

Хомо Дозяйка. Смеются, говорят: «Встань, мол, иди!» Встала, пошла. Выбрались на улицу: город. Как везде. Разве что душно. И тускло: ни день, ни ночь.

Лавочник (*тихо*). День — ночь, сутки прочь...

Хомо Дозяйка. Вот-вот. У вас тут что, всегда так?

Лавочник. Всегда. А у вас?

Хомо Дозяйка (*подумав*). Выходит, теперь и у меня — так. Как у вас. Короче, явились мы в банк: администрация, пенсионные вклады, срочные... На вас, говорят, счет открыт. Еще с рождения. Я документы изучила: не счет, слезы. Восемнадцать рублей пятьдесят копеек. У меня дома на сберкнижке столько же лежало. И еще эта кофточка. (*Показывает вязаную кофточку, которую держит в свободной руке. Отхлебывает чаю.*) Взамен всего прошлого — борща, детей, стирки! — кофточка. Акрил пополам с шерстью. Я спрашиваю: почему так мало? А они хихоньки строят: больше, значит, не заработала. Нет, я понимаю: не героиня, не монашка. Не воспитательница из детсада, наконец. Но детей рожала!.. Нищим подавала... иногда. Мужу не изменяла. И в итоге: восемнадцать пятьдесят. Ах да, еще билет муниципальной лотереи! (*Показывает билет.*) В нагрузку. Будто я не знаю, на

что годны все эти лотереи! Кофточка, жалкие гроши и лотерея! Разве это справедливо?!

Лавочник (*со странной интонацией, словно собеседница сморозила отчаянную глупость и теперь надо сглаживать ситуацию*). Нет. Это несправедливо.

Хомо Дозяйка. Вот. И вы со мной согласны. И девочки из общежития. Меня в общежитие поселили, для малоимущих. Тараканы, туалет в конце коридора. Одна радость: компания хорошая. В комнате. Продавщица из Военторга, управдомша — она грубая, но добрая. Знаете, часто бывает: снаружи короста, шипы, а внутри... Еще парикмахерша, блондинка. Толстая. Элеонора Робертовна. Врет, наверное: вы сказали, здесь многие врут, будто помнят имена. Жалуется все время: молодой ушла, то не успела, это не попробовала. Я ей говорю: Эля, брось плакаться. Я вот всего напробовалась, вдосталь. По самое горло. А жила — будто не жила...

Лавочник срывает очки. Держит их на отлете словно оружие. Движения его становятся нервными, порывистыми, он быстро идет к женщине, еще сдерживаясь...

Нет.

Не выдержал.

Лавочник (*громко, разгневанно*). Прекратите! Перестаньте! Как вы можете?!

Хомо Дозяйка (*скорее удивлена, чем испугана*). Что? Что прекратить? Я ничего...

Лавочник. Как вы можете такое говорить! Вы сами не понимаете, что сейчас сказали! Будто не жила... Вам надо глаза завязать! Навсегда! Потому что вы слепая! И глухая в придачу! Отдайте мой чай! Верните сейчас же!

Хомо Дозяйка (*пятясь*). Я, наверное, лучше пойду, да? Все, ухожу, ухожу... Вот ваш чай. Забирайте.

Лавочник. Дура! Боже, что за дура набитая!

Хомо Дозяйка. Не кричите, ради всего святого. Я боюсь, когда кричат. А чай — вот он. Я полчашки, правда, выпила. Вы извините, я в магазине куплю целую пачку и верну. Честно, верну, не сомневайтесь...

Лавочник (*остыв*). Извините. Извините меня. Прошу вас, не сердитесь, со мной бывает: разойдусь на пустом месте... Это нервы. Это все нервы. Ну какой чай? Что вы купите? У вас и денег-то в обрез, раз сюда явились. Угадал?

Хомо Дозяйка. Угадали. Не то слово — в обрез. В столовой поела — пятерки как не бывало. Дерут у вас... Мелочь осталась и кофточка. Акрил пополам с шерстью. Ах да, я уже говорила... Вы мне поможете подобрать что-нибудь недорогое? Парикмахерша говорила, у вас всегда найдется...

Лавочник. Конечно. Я помогу.

Хомо Дозяйка (*доверительно, словно вспышка Лавочника их сблизила вопреки очевидному*). Знаете, на меня муж кричал точь-в-точь как вы. Он футбол смотрит, а я из кухни зову ужинать. Раз позову, два... А муж прямо вскипит: «Дура!» В сущности, он прав: угловой подают или пенальти, а тут жена с ужином. Я привыкла. Родное что-то... домом пахнет. Ладно, проехали. Давайте поищем что-нибудь неброское, простенькое. Но добротное. Очень уж не хочется, чтоб быстро сносилось. Вот, например, этот халатик. У меня хватит на него денег?

Лавочник. Не знаю. Надо взвешивать. А примерить сперва не хотите?

Хомо Дозяйка. А можно?

Лавочник. Нужно. В конце концов, не пустяк покупаете. Серьезная вещь, надолго. Потом и пожалеешь, а поздно.

Хомо Дозяйка вместо халатика робко берет с вешалки платье — строгое, закрытое, с кружевным воротничком.

Хомо Дозяйка. Где у вас примерочная?

Лавочник. Вон, в углу. Вы сперва просто приложите: вдруг не понравится? Фасон, ткань... Куда спешить? Я так думаю, у вас еще есть время. Вы у нас давно?

Хомо Дозяйка. Н-нет. Кажется, недавно. У вас трудно понять: ни ночь, ни день. Вчера, наверное, пришла. Или позавчера. (*Прикладывает платье, ищет глазами зеркало и, не найдя, решительно уходит в примерочную. Шелест задернутой шторы. Голос женщины слышен глухо, но отчетливо.*) Фасон вроде славненький... со вкусом.

Лавочник. Не жмет? Вы не торопитесь, вы хорошенько подумайте...

Сквозняк.

Звуки работающего кафе: легкая музыка, звяканье посуды. Громко откупорилась бутылка шампанского. «Лидочка, антрекот два раза!» Хлопает дверца духовки, течет вода из крана: звуки из зала переместились на кухню. Стучит нож, нарезая овощи.

Хомо Дозяйка. Ой, только не это! Как жалко, мне уже почти подошло...

Женщина возвращается, неся платье.

Лавочник. Не по душе?

Хомо Дозяйка. Вы понимаете: и ткань, и фасон... Но ведь она — повариха! В кафе «Блюз». Всю жизнь за плитой. И я — повариха. Кулинарный техникум, потом столовка. Биточки, тефтели... Суп-лапша с курицей. Нет, я не выдержу больше!

Лавочник. А я решил, что вы — домохозяйка...

Хомо Дозяйка. Правильно решили. Мы же условились: обобщаем. В сущности, домохозяйка. Бывшая повариха. Увы, это платье мне жмет. Жаль, жаль... Это мама настояла, на кулинарном. Сказала: вечная профессия. А я хотела быть учительницей. У вас нет чего-нибудь учительского?

Лавочник. Есть. Вот костюмчик. Русский язык и литература. До самой пенсии и немножко после.

Женщина не спешит брать костюм.

Хомо Дозяйка (*доверительно*). Вы, я вижу, хороший человек. Отзывчивый. Скажите, только честно: оно так и будет? В точности? Как было у этой, которая костюм носила?

Лавочник. Нет. Не в точности. Костюм ее, а носить вы станете. Может, после пенсии не пойдете на полставки. Может, полюбите Толстого. Или втайне увлечетесь фантастикой. Перейдете в районо. Или еще что. Тут скорее общий покрой, а остальное — за вами.

Хомо Дозяйка. А-а... Спасибо, успокоили. Не хотелось бы, чтоб в точности. Неприятно, знаете ли.

Лавочник. Так вы все равно ничего не вспомните. Это ведь по новой, с самого начала. Когда от нас уходят, сразу все забывают.

Хомо Дозяйка. Ну, мало ли. А если вспомню? Скажите, я могу чем-нибудь отблагодарить вас за участие?

Лавочник (*вдруг став похожим на алкоголика, которому предложили выпить на дармовщинку*). Можете. Очень даже можете. Расскажите мне про дождь.

Хомо Дозяйка (*изумленно*). Про дождь?!

Лавочник (*суетясь*). Да. Про дождь. Какой он? Расскажите, вы должны еще помнить!

Хомо Дозяйка. Ну, дождь... он мокрый. Я не любила дожди: у нас балкон протекал, вечно приходилось таз подставлять. Зато на участке зелень хорошо росла. И кабачки. Дождь, он стучит по листьям. По подоконнику. (*Постепенно увлекаясь.*) А дети прыгают по лужам. Я ругала своих: они приходили мокрые, грязные, но такие счастливые, что мне становилось стыдно. И я бросала вещи в стирку, а им наливала чаю с малиной. Мой муж любил гулять под дождем.

Лавочник слушает, весь подавшись вперед.

Вдали начинается дождь: хрипло гремит гром, первые капли ударяют в жесть крыш, дробь оглашает пространство. Шуршат листья, лает одинокая собака.

Дождь.

Хомо Дозяйка. У меня был дождевик. Прозрачный, длинный. Из клеенки. Я носила его много лет. А мне всегда хотелось плащ и большой зонтик. Но муж мало зарабатывал. И я в галантерее долго разглядывала зонт-трость. Мечтала, как однажды его куплю. А потом накидывала капюшон и выходила под дождь. Без зонта. Смешно, правда?

Бьет колокол.

Дождь исчезает, как не бывало.

Сквозняк. Трепещут вещи, источая гул возмущенных голосов.

Лавочник (*словно застигнутый на недозволенном*). Извините. Извините, прошу вас. Я больше не буду. (*Начинает кланяться на все стороны.*) Я в последний раз. Я...

Хомо Дозяйка. Что с вами?

Лавочник. Ничего. Все в порядке. Не обращайте внимания. Я на работе, мне нельзя. Давайте примерим костюм?

Хомо Дозяйка. Тем не менее мне показалось...

Лавочник. Вам показалось. Вы будете мерить костюм?

Хомо Дозяйка (*рассердившись*). Нет. Мерить не буду. Так буду брать, без примерки. Сколько он стоит?

Лавочник. Я же говорил вам: надо взвешивать. Сейчас, одну минутку...

Идет куда-то в угол. Вскоре возвращается с весами, напоминающими аптекарские, только гораздо больше.

Лавочник. Сейчас... (*Укладывает костюм учительницы на одну чашку весов.*) Давайте вашу кофточку. Ну-с, сколько

потянет? (*Кофточка ложится на другую чашку.*) Говорите, деньги остались?

Хомо Дозяйка. Д-да... Немножко.

Лавочник. Сыпьте их сюда, к кофточке. Да не бойтесь, сыпьте! Я надеюсь...

Женщина высыпает на весы горсть мелочи. Звенит россыпь малых колокольцев.

Лавочник (*разочарованно*). Увы. Не хватает. Самой малости. У вас больше ничего нет?

Хомо Дозяйка. Ничего.

Лавочник. Вам найдется у кого одолжить?

Хомо Дозяйка. А что, можно?!

Лавочник. Можно.

Хомо Дозяйка (*вспыхнув надеждой и сразу угаснув*). Вы жестокий человек. Я думала, вы отзывчивый, а вы жестокий. Так обнадежить, чтобы столкнуть в воду... У кого я одолжу? Кто мне здесь одолжит? Кого я знаю — и кто знает меня?!

Лавочник. Позвоните в общежитие. Телефон на столе. Может, кто-нибудь из ваших соседок по комнате? Управдомша? Парикмахерша?

Хомо Дозяйка (*с сожалением глядит на костюм учительницы*). У них самих шаром покати. Нет, они, наверное, скинутся... А потом парикмахерше не хватит на платье поварихи. Или управдомше — на куртку какого-нибудь отморозка. Это в ее вкусе. Я себе никогда не прошу, если они мне одолжат, а сами...

Лавочник. Вы все забудете. По вам пробьет колокол, вы уйдете и все забудете.

Хомо Дозяйка. Глупости. Такое не забывают.

Лавочник. Станьте на углу просить милостыню. У нас подают скверно, но все же... Только предупреждаю заранее: подаяние мало весит. Придется долго просить. Если успеете, конечно.

Хомо Дозяйка (*мрачно, подходя к весам*). Сами просите. Советчик. Люди добрые, сами мы не местные, на вокзале обокрали... Дудки вам. (*Берет с чаши весов старую кофточку, задумчиво разглядывает.*) А может, я старенькую свою? Ну, заберу? И по новой... Кофта еще вполне, привычная, в носке удобная. Если хорошенько выстирать, заштопать... Половина синтетики, но ведь вторая половина — натуральная, да? Чистая шерсть?

Лавочник. Вынужден вас разочаровать. Ваша кофточка теперь годится лишь для постороннего. Вам же она без пользы. Очень жаль. Поверьте, мне действительно очень жаль.

Хомо Дозяйка. Верю. Послушайте, у вас деньги есть?

Лавочник (*растерялся*). Деньги? Есть. Немного. Я копил... долго. Очень долго. Но у лавочников жалованье мизерное. Там, под столом, кубышка. А что?

Хомо Дозяйка. Одолжите мне. А я вам отдам в следующий раз. Ведь не может быть, чтоб и в следующий раз — опять восемнадцать пятьдесят. Я отдам, правда! И лотерею вам оставлю! Выиграете машину, будете по проспекту раскатывать! После работы. Хотите машину?

Лавочник (*бледнеет*). Мне не нужна машина.

Хомо Дозяйка. Машина нужна каждому. Так говорил мой муж, а вы на него похожи. Вот билет, возьмите!

Лавочник. Мне не нужна машина! Не нужна! Я не имею права покидать лавку!

Хомо Дозяйка. Совсем?

Лавочник. Совсем!

Хомо Дозяйка. А как же вы кушаете?

Лавочник. Мне не надо кушать!

Хомо Дозяйка. А где вы спите? Здесь?

Лавочник. Мне не надо спать! Не надо!!!

Хомо Дозяйка. И в туалет вам тоже не надо?!

Лавочник. Пожалейте меня. Отстаньте...

Хомо Дозяйка. Вы врете! У вас чайничек на столе!

Лавочник. Это самообман! Я иногда прошу знакомых, чтоб принесли! Чай, кофе... печенье... Приятно надеяться: а вдруг получится! Это ради надежды! Забирайте чай и уходите!

Хомо Дозяйка. Никуда я не уйду. Я хочу — учительницу. Одолжите мне денег. Давайте я прямо сейчас расскажу вам про дождь. Про солнце. Про август, жару, пыльные акации! Хотите? Я буду рассказывать вам все время, которое мне отведено до колокола! С чувством, с театральными паузами! С танцами! Ну?!

Лавочник пятится от женщины, словно увидел чудовище.

Лавочник (*хриплым шепотом*). Изыди! Изыди, не искушай! Прочь!!! (*Овладев собой.*) Извините. Ничего не получится.

Хомо Дозяйка. Я так и думала.

Лавочник. Ну и глупости думали. Просто я — каторжанин. Местный. Мы, местные, все каторжане, до единого. Вам не понять, я даже не стану рассказывать. Мое жалованье... (*Вздохнув, идет к столу. Отхлебывает чаю из носика заварничка, полощет рот, выплевывает.*) Короче, здешняя валюта неконвертируемая. Даже отдай я вам всю кубышку — ничего не получится. Что, не верите?

Хомо Дозяйка. Верю. Я родилась неудачницей. Вешайте костюм обратно. Пусть достанется везучей женщине. Пусть она — русский язык и литература. Давайте взвесим платье поварихи. Оно явно полегче. Черт с ней, с кухней. Черт с ними, с биточками. И с тефтелями. Черт, черт, черт! Это ничего, что я бранюсь?

Лавочник. Ничего. (*Задумался, потом решительно снимает трубку телефона. Набирает номер.*) Занято. Ладно, перезвоним. (*Набирает заново.*) Вечно у них занято...

Продолжает набирать.

Хомо Дозяйка. Куда вы звоните?

Лавочник. В кассу взаимопомощи. У нас есть такая касса. Благотворительная. Я дозвонюсь, и вы дадите запрос на это... как его? Вот же словечко придумали... (*В десятый раз набирает номер.*) А, вспомоществование! Если я правильно выговорил, конечно. Шанс мизерный, но мало ли...

Хомо Дозяйка (*подходит к нему, неожиданно*). Что будет, если вам развязать этот дурацкий пояс? Я бы хотела посмотреть на ваше лицо без него.

Тянется к глазной повязке Лавочника. Тот аккуратно, но строго отстраняет руку женщины.

Лавочник (*без раздражения, мягко*). А что будет, если вам выколоть глаза? Не надо, прошу вас. Это лишнее. Вот, берите трубку. Свободно. Они сейчас выйдут на связь.

Хомо Дозяйка. Что им говорить?

Лавочник. Ничего. Они сами все проверят. И сами скажут: да или нет. Вы просто ждите, молча. Они сами...

Женщина ждет.

Хомо Дозяйка (*пытаясь скрасить паузу*). А почему вы все время говорите: «Вам не понять, вам не понять?» Это потому, что я дура? А вдруг я пойму?

Лавочник (*прислоняясь к ближайшей стойке с вещами*). Нет, не поймете. Если начинать новую жизнь с крика: «А где же справедливость?» — понять уже ничего не получится. Улица, банк, лотерея, восемнадцать пятьдесят... Нас вертят по кругу, в колесе, а ободом колеса служит справедливость. Мы всегда ее хотим. Смешные... И очень расстраиваемся, когда не получаем. Или очень радуемся, когда ловим за хвост. Второе имя справедливости — химера. Жаль, это понимаешь слишком поздно. И тогда видишь, как много других, в колесе, которым не дано этого понять. Мы приходим сюда с единственной настоящей ценностью — перекинутый через руку плащ, кофточка, куртка, обжитые, настоящие! — а ищем справедливости.

Хомо Дозяйка. Ой, погодите! (*Вслушиваясь.*) Это автоответчик. Сказали, чтоб я ждала. А в целом вы оказались правы. Я действительно ничего не поняла.

Лавочник. Вот видите...

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Лавочник, вещи, Хомо Дозяйка и Блин Поприколу

1-й голос. Да че ты тут забыл?! Шмотья старого не видел?!

2-й голос. А, блин, по приколу! Оттянуться!..

1-й голос. Ну ты, братан, в натуре крышей поехал! Нашел с чего прикалываться...

3-й голос. Валим в сауну, пацаны, оттянемся конкретно...

2-й голос. Ну и вали в свою сауну! А мне, блин, по приколу!..

Хомо Дозяйка (*стоя с прижатой к уху телефонной трубкой, испуганно косится на вещи, смирно висящие на прежних местах, прикрывает мембрану ладонью, шепотом, Лавочнику*). Опять? Я же ничего не трогала...

Лавочник: Это не у меня. Это на улице. Не обращайте внимания, такая публика сюда не заходит.

На невидимой улице тем временем продолжается «базар». Снаружи раздается шум подъехавшей машины, хлопанье дверцами, приглушенная музыка. А. Розенбаум: «Нинка, как картинка, с фраером гребет...» Наслаиваются голоса:

1-й голос. Поехали, пацаны. Хрен с ним, пусть зырит...

3-й голос. Ну ты подкатывай, в общем...

Снова хлопают дверцы машины. Взревывает мотор, быстро удаляясь; шаги по ступенькам. Распахивается от пинка входная дверь — и в унисон ей где-то далеко в очередной раз, бесстрастно и неотвратимо, бьет колокол.

Щелчок клавиши выключателя. Вспыхивает свет, ветер проносится по лавке. Вывешенная на продажу одежда разом оживает: мелко трепещут платья, хлопают рукавами плащи, халаты и куртки, раскачиваются брюки и джинсы — словно перебирая ногами-штанинами. Смех, звон бокалов, аплодисменты, отчаянный плач ребенка, хлопки то ли фейерверка, то ли открываемого шампанского, то ли выстрелов. Романс «Белой акации гроздья душистые...» сменяется народным хором, исполняющим «Валенки»; поперек врывается «Stairway to Heaven» Led Zeppelin, музыку перекрывает рев мотоцикла со снятым глушителем...

У дверей, продолжая держать одну руку на выключателе, стоит крепко сбитый мужчина лет тридцати пяти — сорока в крахмальной сорочке с расстегнутым воротом и полураспущенным, сбившимся набок галстуком. Дорогие брюки, лаковые штиблеты, а пиджака почему-то нет. На поясе — мобильный телефон. Стрижка ежиком, трехдневная щетина; на лице, хранящем следы длительного кутежа, неожиданное, по-детски удивленное и радостное выражение.

Блин Поприколу (*на всю лавку*). Круто! А пацаны, козлы, еще заходить ломались...

В общем шуме прорезается неприятный метроном — сухой, отчетливый. Лавочник, словно очнувшись, подходит к выключателю, с которого новый посетитель уже успел убрать руку, и гасит общий свет.

Блин Поприколу. Блин! По приколу!

Лавочник. Очень приятно. А я — Лавочник.

Блин Поприколу (*не понимая*). С чего это тебе приятно?

Лавочник (*вежливо, но с едва заметной иронией*). Ну вы же представились? В ответ я, как вежливый человек и хозяин лавки...

Блин Поприколу. Я?! (*Внезапно сообразив, начинает заразительно хохотать.*) А что! В самое темечко! Такого погонялова у меня еще не было. Блин Поприколу... (*Пробует слова на вкус.*) Это ты, мужик, верно подметил. Молоток! Слышь, может, по новой врубим? Мне по кайфу. Клевый бардак...

Лавочник. Лучше не надо. Хватит. Желаете что-нибудь приобрести?

Блин Поприколу. Я?! В твоей помойке?! (*Его снова разбирает смех.*) Ну ты хохмач, я погляжу! Нет уж, сам разный хлам покупай. Я себе прикид уже отхватил.

Лавочник (*указывает на сорочку с галстуком*). Вот это?

Блин Поприколу. Хренушки! Это мое старое. Родное. А местный прикид из спецзаказа сегодня с курьером обещали. От Версаче. Новье! Эксклюзив! Полная предоплата! Ты втыкаешь, кто такой Версаче?! Считай, все бабки на него запалил. Зато теперь оторвусь по полной! Надоел этот совок, просто вилы... Все, гуляй-малина: тиффози, мафиози, пицца, чинзано, текила! Вилла у моря. Телки: Клаудия Шиффер от зависти сдохнет. Вместе с этим... С Ди Каприо. Точно, кинопродюсером заделаюсь. Канны, «Оскары», все звезды — мои. С детства киношку любил. Значит, сам снимать буду: по понятиям, без туфты. Не как ихние Феллини, блин!

Умолкает. Начинает шляться меж рядами стоек с одеждой. Трогает одно, другое, скептически кривится, хмыкает.

А к тебе я от фонаря зашел. Приколоться. Братва не понимает, ну и фиг с ней, с братвой. Им сауны подавай. Тошнит меня от саун... У тебя весело, а в сауне скучища: жара, водка... Бабы мельтешат, козы драные... (*Останавливается возле потертой кожаной куртки. В искреннем восхищении.*) О, куртяк! Классный куртяк! Слышь, хозяин, примерить можно?

Лавочник. Пожалуйста.

Блин Поприколу натягивает куртку. Шарит глазами в поисках зеркала и, не найдя, уходит за кулисы. Почти сразу возвращается, с натугой выволакивая огромное ростовое зеркало в деревянной раме. Ставит сбоку у стены, начинает смотреться. Принимает боксерскую стойку, пританцовывает, уклоняясь от ударов, потом проводит ответную серию, едва не разбив зеркало. Слышны шлепки кулаков в перчатках, злой голос: «Брэк! Брэк!» Шум зала, шум улицы, что-то падает, разбивается, истошный женский визг. «Я тебя на счетчик ставлю, понял? Нет, ты понял, сука?!» Выстрел. Блин Поприколу перестает скакать.

Снимает куртку. Вешает на место.

Блин Поприколу. Нет, не мое. Мелко плавал пацан. Да и зарвался. Таких учить — святое дело, а я ученый. (*Окидывает взглядом ближайшие вещи.*) О, кимонуха! Я в школе на карате ходил. Черный пояс? Круто! А ну-ка...

Уже не спрашивая разрешения, берет куртку от кимоно — старую, застиранную, местами порванную и грубо зашитую. Надевает поверх рубашки, подпоясывается черным поясом. Криво ухмыляясь, изображает каратиста.

Качается лампа на шнуре.

Сквозняк.

Ритмичные выкрики: «Ичи! Ни! Сан! Ичи! Ни!..» На каждый счет — ответный рев группы: «...иай! ...ай!» Взрывается команда: «Хаджимэ!» Блин Поприколу отскакивает от зеркала, перемещается по авансцене, ведя «бой с тенью» — без прыжков, быстрыми скользящими шагами. Проводит два-три удара ногами, отступает. Слышен шелест плотной ткани, «мясные», сочные звуки, яростный выкрик «х-ха!». Блин Поприколу сгибается пополам, хватаясь за живот, сотрясается всем телом, как от мощной серии ударов, обеими руками закрывает лицо — и падает. Судорожно срывает пояс, куртку... С минуту стоит на четвереньках, переводя дух, потом встает, очумело мотая головой.

Лавочник (*сочувственно, с легкой грустью*). Спарринг-партнером человек работал. Живой «грушей». К богатым клиентам нанимался. Сами понимаете, жизнь была — не сахар. Переломы, вывихи... В сорок лет — инвалид.

Блин Поприколу. Не, ну его на хрен, такую житуху! А Митяй еще каратюком быть мечтал. По пьянке вчера признался. Хорошо, что я вовремя с этим фуфлом завязал. (*Глаза его загораются: в голову явно пришла какая-то удачная мысль.*) Слушай, мужик! Давай я твою кимонуху куплю? И Митяю презентую. Вот прикол будет!

Лавочник. А этот ваш... Митяй — он новый костюм успел приобрести?

Блин Поприколу (*азартно*). Да в том-то и масть, что нет! Завтра с утреца мылился. Ты прикинь: был Митяй лабухом в кабаке, за червонец шлягеры наяривал, а здесь — королем! Авторитет! Бабок на счету до едреной фени, раз в сто больше, чем у меня. Президентский тельник возьмет, не меньше! Слышь, а что будет, если я ему кимоно презентую?

Лавочник. Если ваш Митяй примет подарок, то больше не сможет купить что-нибудь другое. Незнание закона не освобождает от ответственности. Одна вещь — в одни руки.

Блин Поприколу (*задумавшись, потирает ладонью лоб*). Не... Это западло будет. Я тогда Митяя подставлю. Станет потом всю жизнь по морде огребать... Не по понятиям выходит. А жаль! Такой прикол накрылся...

Подбирает с пола кимоно, пояс. С опаской, держа одежду двумя пальцами на вытянутой руке, подальше от себя, несет на место.

Хомо Дозяйка (*в углу, в телефонную трубку*). Да-да, я слушаю! Что? Отказано?.. (*Совершенно потерянно.*) Но почему?! Это несправедливо! Это... (*Медленно кладет трубку на рычаг. Оборачивается, обводит взглядом присутствующих.*) Отказали. И даже не ответили, почему. Трубку повесили. Я, конечно, уже привыкла, но...

Блин Поприколу (*перебивая*). В чем проблема, подруга?

Хомо Дозяйка смотрит на него, словно не понимая, откуда здесь взялся этот человек, и не отвечает.

Лавочник. В субсидии ей отказали. На костюм учительницы не хватало, вот она и...

Хомо Дозяйка. Я так и знала. Знала! Что здесь, что там! Никакой справедливости! Ни-ка-кой!

Всхлипывает, отвернувшись и закрыв лицо руками. Где-то далеко в очередной раз бьет колокол.

Лавочник (*постепенно заводясь*). Я предчувствовал, что вы опять не поймете. Почти никто не понимает. В кассе сидит чиновник. Понимаете? Чиновник, а не Воздаянье-по-Заслугам! Сидит, крутит лототрон, а потом сообщает: «Отказано». Или «Вам причитается полторы тысячи». При чем тут справедливость? Придумали себе мираж, гонятся за ним, ноги в кровь, легкие в клочья... Различенье добра и зла! Подал нищему — держи копеечку! Пнул кошку — плати рупь! Слепые, слепые!..

Блин Поприколу. Ага, точно. Лохотрон. Он самый. А вот насчет справедливости — это ты, мужик, зря. Не по делу пургу гонишь. Вот возьмем, к примеру, меня. Жил по понятиям, не зарывался, подлянок людям не строил... (*Задумался.*) Ну, если и кинул кого — так пусть спасибо скажет! Лохов учить надо! Чтоб клювом не щелкали. Ежели пацан без балды, пускай отращивает. А как иначе? Жить не каждый сумеет. Жить, а не мокрицей в углу ханыриться. Если припечет — зубами за глотку!.. Житуха, она баба, она крутых любит. Чтоб пройтись — как песню спеть! С душой. Слышали небось: «И тот, кто с песней по жизни в натуре, тот никогда и нигде не попадет!» Не бздеть, братва! Тогда на любом свете все путем будет, и до, и после, и вообще на круг! А ты говоришь: «справедливости нет»?! Гонишь, мужик! В натуре го-

нишь. (*Обернувшись к Хомо Дозяйке.*) Пошли его в пень, подруга. Если не хочешь опять — по нулям. Сама свое бери, и все ништяк будет. Сечешь?

Хомо Дозяйка (*перестав всхлипывать, с мокрым от слез лицом*). Вам легко говорить: «Сама бери»! Дома денег куры не клевали, здесь только явились — счет на миллионы! (*Начинает злиться.*) Небось и тут кому надо на лапу сунули! Как это, по-вашему... «Все схвачено», вот! Постыдились бы! Нахапали... А тут всю жизнь... всю жизнь, понимаете!.. не разгибая спины... и — восемнадцать пятьдесят! Кофточка! Даже в субсидии отказали! Справедливость, да?!

Блин Поприколу (*тоже переходит на повышенный тон*). Нахапал, говоришь?! Да ты небось и хапнуть толком не могла, вот и куксишься теперь! Думаешь, мне бабки на халяву упали? А попахать двадцать часов в сутки, как папа Карло, не хочешь?! А потом, со своих-то кровных всем отстегни: ментам башляй, крыше башляй... Козлы! Ты за базар-то ответишь, подруга?! Сама кем парилась, а?

Хомо Дозяйка (*стушевавшись*). Поварихой... Потом — дома. Дети, муж...

Блин Поприколу. Повариха, блин? Ну, по приколу! Мясо втихаря ныкала, да? Сметану кефиром разводила? Мужа дома пилой пилила, а теперь туда же? На шару в рай?!

Хомо Дозяйка (*не очень уверенно, но все еще с вызовом*). Ладно, я мокрица. В углу. Пускай. У нас в общежитии, в соседней комнате — монашка. Сестра Мария. В приюте работала, для убогих. За калеками ухаживала. Молилась... Вот вы где поселились?

Блин Поприколу. Я? В отеле, ясен пень. В люксе. Не кислый такой люкс, пять комнат... По кайфу. Вполне.

Хомо Дозяйка. А она — в общаге. Туалет в конце коридора. Едва-едва наскребла, чтоб в магазине блузочку секретарши купить. Теперь даже поесть не на что. А вы...

Блин Поприколу. Значит, хреново ухаживала. Или молилась не по понятиям. Почем ты знаешь, что она тебе баки не забивает? Остынь, подруга. Все путем устроено. Вот ежели б я по жизни козлом был, стукачом или отморозком безбашенным — хрен бы я тут что имел! Однако ж имею. Значит, жизнь понимал. И она меня поняла. (*Оборачивается к Лавочнику.*) Верно я говорю, хозяин?

Лавочник (*отрицательно качая головой*). Нет. Вы ошибаетесь. Я здесь уже давно, насмотрелся. Глупо искать закономерность или зависимость одного от другого. Ты можешь быть честнейшим человеком, ходячей совестью, бессребреником, а здесь оказаться нищим. Или, наоборот, миллионером. А можешь быть последним подонком — с тем же результатом. Это мы мельтешим, кричим: «доброе»! «злое»! Справедливость — фикция. Обманка. Можете называть это везением или невезением, удачей, случаем, лотереей, в конце концов. Это выше нашего понимания. Или системы нет вообще, или она есть, но понять и «просчитать» ее мы не в силах. Каким образом ты жил, не имеет значения. Никакого. Существует только одна-единственная ценность...

Блин Поприколу (*мешая Лавочнику договорить*). Ну ты и загнул, брателла! Не бывает такого, чтоб все по фигу. Это ж беспредел полный выходит. А тут, как везде: магазины, кабаки, отели... Менты, опять же. Конторы разные. Счета. Все четко. Система! Порядок. Заработал — получи. Без вопросов. А не вписался — твои проблемы, кто ж тебе доктор!

Лавочник (*тихо, почти шепотом*). Вот потому-то вы и не можете понять. Видимость порядка, видимость системы... Ширма. Иллюзия. Шоры на глазах. Неужели каждый должен... (*Не договорив, умолкает.*)

Хомо Дозяйка (*во время всего разговора она явно собиралась с духом и наконец решилась*). Ну хорошо, пускай вы правы. Может быть, так и надо — как вы. Добиваться цели, идти напролом...

Блин Поприколу (*довольно улыбаясь*). Во! Верно! Сечешь, значит, фишку. Такой ты мне больше нравишься, подруга. Не в последний раз ведь небо коптишь. Все еще впереди, надейся и жди!

Хомо Дозяйка (*продолжая гнуть свою линию*). Но вы ведь тоже с чего-то начинали, верно? И мне тоже надо с чего-то начать! Не на пустом же месте? Так вот... вы бы не могли... (*Видно, что женщине очень стыдно, но она все же решается.*) Одолжите мне денег! Немного! Я присмотрела себе одну вещь, и мне не хватает... Совсем чуть-чуть! Я отдам. В следующий раз. Я обязательно отдам! Хотите, расписку напишу?!

Блин Поприколу больше не улыбается. Долго смотрит на Хомо Дозяйку. В воздухе повисает тяжелая пауза.

Блин Поприколу. Извини, подруга. Не срослось. Нет, ты меня правильно пойми: мне не жалко. Гадом буду, не жалко! И бабки есть. Только я в свое время зарок дал, понимаешь? Никогда никому не одалживать. И самому не брать. Рад бы, но... (*Разводит руками.*)

Хомо Дозяйка. Простите. Простите, пожалуйста. Мне не надо было просить. Не сердитесь... просто мне очень хотелось... учительницей...

Блин Поприколу. Да я секу, подруга. Человек я или где, блин?! Только и ты меня пойми. (*Он словно извиняется; видно, что это для него непривычно.*) Влетел я однажды. Долг отдать не смог. Круто попал. Еле вывернулся. А потом, когда раскрутился, сам корефану одному бабок занял — так посадили корефана через неделю. С тех пор зарекся. Мне после один пацан прикольный рассказал. В книжке вычитал. Есть такая штука, погонялово у нее еще смешное, вроде кармана... Точно, карман! Только женского роду. Если займешь кому или сам в долг возьмешь — этот карман все сечет. Все на него ляжет, как на счет в банке. Конкретно, без вариантов. И потом хрен его знает, чем аукнется.

Хомо Дозяйка. Откуда вы знаете?

Блин Поприколу. Оттуда! Зарок выдержал, в долг не брал, не давал — и вот он я! Все у меня ништяк. Полный карман! А ты, подруга, небось до зарплаты, бывало, чирик-другой перехватывала? Ведь было?

Хомо Дозяйка. Но я ведь всегда возвращала!

Блин Поприколу. А это карману до фени. В долг брала? Брала. Значит, попала. Конкретно.

Хомо Дозяйка (*уже ни к кому не обращаясь, самой себе*). Да как же это? Да за что?!. Я ж не знала! Мне никто не говорил...

Блин Поприколу (*встряхиваясь, вновь возвращается в веселое расположение духа*). Ладно, забудь, подруга! С кем не бывает? Тебе ж хоть на что-то да хватит? И вообще, кончаем базар! Покатили со мной, в сауну, братва заждалась! Я угощаю! В долг не дам, а угостить — без проблем! Чтоб не думали, будто я жлоб какой... Гуляем!

Хомо Дозяйка (*испуганно*). В сауну? Это... где догола раздеваются? Вместе с мужчинами?

Блин Поприколу (*хохочет*). Остынь, подруга! Я ж тебя не трахаться зову, а так — попариться, пивка попить. Шампусик, маслины, то-се, расслабимся, оттянемся. Это ж сауна, а не бардак, в натуре! А ежели у пацанов встанет, там телки и без тебя найдутся. Все путем, не боись. (*Неожиданно с интересом оглядывает Хомо Дозяйку.*) Хотя ты, кстати, еще тоже ничего... вполне. Для инженера какого-нибудь, пожилого, так и вообще...

Хомо Дозяйка (*с отчаянной решимостью*). А что? И поеду! Дома толком пожить не смогла, хоть здесь отдохну!..

Блин Поприколу. Молодец! Уважаю! Глядишь, в сауне кто-то из пацанов тебе и башлей подкинет. Не у всех же зарок... Ты только губу не раскатывай, я конкретно ничего обещать не могу. Видно будет. Слышь, хозяин, а ты чего стоишь-молчишь? Поехали с нами! Закрывай лавку, один хрен никого покупателей нет. Гуляем!

Лавочник (*глядя в сторону*). Спасибо, мне не положено. Я на работе.

Блин Поприколу. Фигня! Кто тебя, серого, хватится? Поехали!

Лавочник (*твердо*). Не могу. У меня рабочий день. Я должен быть здесь.

Блин Поприколу. Закончился у тебя рабочий день! Я сказал.

Лавочник. Мой рабочий день не может закончиться.

Блин Поприколу (*ошарашенно*). Это как? Совсем?!

Лавочник. Совсем. Я работаю без перерывов и выходных. Круглосуточно. Не покидая пределов лавки.

Блин Поприколу. Ни хрена себе, в натуре! Это ты круто попал, брателла! И давно здесь?

Лавочник (*бесцветно*). Давно.

Блин Поприколу (*с сочувствием*). Во, блин! Слушай, а давай я тебе сюда доставку организую? Водки там, винидла, жрачки какой? Прямо тут поляну накроем, посидим втроем, для души, а потом уж в сауну. Пацаны обождут.

Лавочник. Спасибо. Честное слово, я очень вам признателен. Рад был познакомиться. (*Хомо Дозяйке.*) И с вами тоже. Если вы не против, у меня будет только одна просьба — перед тем как вы уйдете.

Блин Поприколу. Об чем базар, брателла! Говори. Что смогу, сделаю. Может, тебе шмали притаранить? У местных наверняка есть! Видел парочку — точно обдолбанные!

Лавочник. Шмали не надо. Расскажите мне, пожалуйста. Просто расскажите...

Блин Поприколу (*изумленно*). О чем?

Лавочник. Ну, например... Вы любите автомобили?

Блин Поприколу. Сказанул! Классная тачка — это кайф!

Лавочник. Вот и расскажите об этом... Прошу вас.

Блин Поприколу. Ну, во-первых, тачку надо выбрать. Чтоб твоя была, родная. У меня, помню, «мерин» был, «мерс», в смысле — крутой, навороченный, с компом. Помотался я на нем пару месяцев — и сдал. Не моя машина, понимаешь? Идет мягко, разгон берет в момент, а не моя, и все! Душа не лежит. (*Постепенно сам увлекается.*) Вместо него джип взял. Только сел за руль — втюрился! Моя тачка! Как родился в ней. Это ж мощa! Втопишь по автостраде, музон врубишь и летишь. В натуре, летишь! Сила! Мотор ревет, окно откроешь — а ветер тебе по роже, по роже, наотмашь! Телки сзади визжат с перепугу, а ты ржешь в ответ и на газ давишь. До упора! Одна дура, помню, нос кривила: бензином ей, видишь, в салоне штыняет. А мне по кайфу! Это ж машина, понимать надо. Не духами ж ей штынять! Не, если ты конкретный пацан, у тебя иногда должно башню срывать. Иначе закиснешь. Бывало, ночью фары врубишь на дальний...

Слова рассказчика постепенно тонут в нарастающем реве мотора. Визжат тормоза — машина вписывается в очередной поворот. Свистит ветер. Слышно, как время от времени щелкают о днище вылетающие из-под колес мелкие камешки. Сквозь рев мотора на пределе слышимости прорывается песня «Арии» «Король дороги». Шум нарастает, Лавочник и Хомо Дозяйка завороженно слушают, ловя каждое слово, возбуждение рассказчика постепенно передается им. Вся лавка уже мелко вибрирует. Кажется, даже вещи жадно впитывают это заразительное ощущение скорости и дикой, необузданной, не знающей преград свободы.

В отдалении бьет колокол.

Тишина рушится на головы людям.

Блин Поприколу запинается на полуслове и умолкает.

Лавочник (*бледный от испуга, кланяется*). Извините. Извините меня. Больше не буду. Ох, как вы рассказывали! Не помню, ездил ли я на машине, но мне показалось... Уходите, уходите скорей! Вас ждут друзья...

Блин Поприколу. Это точно. Ждут. Идешь, подруга? (*Хомо Дозяйка судорожно кивает.*) Бывай, хозяин. Ты это... не скучай. Глядишь, еще свидимся.

Откуда-то все громче начинает звучать оркестровый фрагмент из «Лебединого озера» Чайковского. Хомо Дозяйка озирается, Лавочник тоже слегка удивлен.

Блин Поприколу (*гордый, успокаивает*). Чего напряглись? Это моя мобила. Все культурно, не попса голимая, — лабух правильный, «голубой», в опере балет танцевал! «Муху-Цокотуху» знаете? Тоже он сочинил... (*Достает мобильник, отключает звонок. Вглядывается в экранчик. Но начинать разговор не спешит.*) Должно быть, Митяй. Из сауны. Хоть бы писали: кто, что... Тускло у вас дело поставлено. А вдруг из налоговой? Хотя какая здесь налоговая? Совсем крыша поехала, со справедливостью вашей драной... (*Нажимает кнопку, подносит телефон к уху.*) Алло! Митяй, ты? Я телку везу — закачаешься! Ты готовься, блин, качаться, а то в бассейн откинешься, утопнешь... Что? Не Митяй? А кто? Из отдела спецзаказов? Ну, вы и шустрые пацаны! Привет Версаче! Прикид скоро будет? Я понимаю, что выехал... Когда доедет, блин?! Что?! Ты, падла, ты шутки со мной шутить будешь, да?! Шутки?! Я всю вашу контору на рога поставлю! На вечный счетчик! Передай своему Версаче: я его по второму разу закажу! Ты понял?! Нет, ты понял, фраер?! Какие менты?! Ждать? Это ты мне: ждать?! Я сейчас с братвой приеду, вашу халабуду вдребезги пополам... (*Тупо смотрит на отключившийся телефон.*)

Хомо Дозяйка (*с участием*). Задерживают доставку? Вы не волнуйтесь...

Блин Поприколу. Не волнуйтесь?! У них курьера по дороге бомбанули! С моим прикидом! Ты сечешь: с моим кровным прикидом! Тиффози-мафиози! Вилла у моря! «Оскары» вайлом! Я им бабок отвалил — вагон, а у них курьеров бомбят! (*Онемев от возмущения, вдребезги расшибает телефон об пол. Размахивая руками, бегает между стойками. Беззвучно матерится.*)

Сквозняк.

Вещи шуршат вокруг мужчины.

Хомо Дозяйка (*Лавочнику*). Бомбят? Террористы курьера взорвали?

Лавочник. У нас нет террористов. Грабители — это да, бывает. Как везде. Его курьера по дороге ограбили. Налет. Или в переулке машинами зажали. Разберутся, поймают... Я думаю, кто-то из околотка уже сюда едет.

Голос от двери. Уже приехала. Здравствуй, Лавочник.

Лавочник (*вглядывается*). Это ты? Здравствуй, Околоточная. Рад видеть. Ты всегда так тихо...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Вещи, Лавочник, Хомо Дозяйка,
Блин Поприколу и Околоточная

Околоточная — женщина в штатском, но одежда строгого, полувоенного покроя. На вид лет сорока, волосы на затылке собраны в узел, косметикой не пользуется. Глаза Околоточной завязаны таким же, как у Лавочника, поясом с нарисованными искусственными глазами.
Подходит к столу.

Околоточная (*Лавочнику*). Я тебе чаю принесла. Вот, «Три слона». Индийский, как ты любишь.

Лавочник. Спасибо. Только зря ты это... У меня все равно ничего не получается.

Околоточная. А ты крепче заваривай. И чаще пей. Надо держать себя в форме. Мне намекнули, у тебя скоро срок выйдет. Наверное.

Лавочник (*уныло*). Наверное... Тебе хорошо говорить. Ты с характером. А я всегда размазней был...

Блин Поприколу (*закипая, с другого конца лавки*). Эй, гражданочка! Если ты сюда чаем фарцевать пришла, так вали в пень: он пиво любит! А если ты не просто гражданочка, а гражданка начальница, так вот он я! Потерпевший! Со мной и базарь, поняла?

Околоточная. А с вами, потерпевший, можно и после базарить. Знаете, в каких случаях нужна спешка? Поиски грабителя ведутся, всю необходимую информацию я получила в представительстве фирмы, где вы заказывали новую одежду, курьер в больнице, там дежурят наши люди... Когда придет в чувство — снимем показания. Собственно, мне от вас нужно лишь одно: ваш заказ был застрахован?

Блин Поприколу ошарашенно топчется на месте. Машинально берет то одну, то другую вещь, вертит в руках, вешает обратно.

Блин Поприколу. Н-нет... Не был. А что, надо?

Околоточная. Как выясняется, надо. Так бы вам выплатили компенсацию.

Блин Поприколу. А так?

Околоточная. А так не выплатят. Юридически они в своем праве. Форсмажорные обстоятельства непреодолимой силы. Тайфун, землетрясение, ограбление. Фирма ответственности не несет. Бумаги читать надо было, когда договор-заказ подписывали! Полная предоплата позволяет определять товар как приобретенный клиентом, вина частично ложится на курьера, но с его жалованья высчитывать — в тыщу лет встанет...

Блин Поприколу. Ты, язва двенадцатиперстная! Я ж думал, у Версаче все по понятиям, как у людей! Откуда ж я знал?!

Околоточная. Незнание закона не освобождает от ответственности.

Блин Поприколу. Я в суд подам! На Версаче! На курьера! На тебя!!!

Околоточная. Ваше право. Подавайте.

Блин Поприколу (*истово, с чувством*). Слушай, найди мой прикид! Я тебя как человека прошу: найди! С меня магарыч!

Околоточная. Свой магарыч оставьте при себе. Дача взятки лицу при исполнении? Ищем. И найдем, рано или поздно, не сомневайтесь. Если только...

Хомо Дозяйка (*робко, проникнувшись сочувствием к ограбленному Блину Поприколу*). Если что?

Околоточная. Если по грабителю не ударил колокол. Или если колокол не ударит по нему во время розыска.

Блин Поприколу. А если ударил?

Околоточная. Тогда преступник ушел в вашем костюме.

Блин Поприколу (*задохнувшись от негодования*). Этот гаденыш? В моем костюме? От Версаче? Мои Канны? Моя вилла? Мои «Оскары»?!

Околоточная (*хладнокровно*). Увы. Разумеется, мы подвергнем его аресту, но уже по возвращении. Лет через семьдесят-восемьдесят. Вы сколько заказывали?

Блин Поприколу (*потерянно*). Сто два года. Эксклюзив...

Околоточная. Значит, через век с гаком. Будьте уверены, грабитель получит вполне приличный срок.

Блин Поприколу. Срок?! А мне что, цельный век куковать здесь на травке?! У вас и травки-то приличной днем с огнем... Ну, блин, по приколу!..

Хомо Дозяйка, что-то сообразив, подходит ближе.

Хомо Дозяйка. Извините. Я, наверное, вмешиваюсь не в свое дело.

Лавочник (*Околоточной*). Это покупательница. Костюм учительницы хотела...

Околоточная (*без особого сочувствия*). Не хватило?

Лавочник. Ага. Она еще у меня в долг просила. И у этого господина. Но, сама понимаешь, у меня — неконвертируемая валюта, у него — неколебимые принципы...

Околоточная (*Хомо Дозяйке*). Слушаю вас. Только короче, у меня масса дел.

Хомо Дозяйка. Скажите, пожалуйста, если колокол пробьет, а у кого-то нет новой одежды... Совсем нет. Что тогда?

Околоточная. А это, милочка, не ко мне. (*Кивает на Лавочника.*) Это вам он куда лучше расскажет. Из первых, так сказать, рук.

Лавочник (*тихо*). Я в запое был. Понимаете, и раньше-то закладывал, а едва сюда попал... Мне счет приличный отвалили. Я и запил, на радостях. Очнулся — колокол. А уйти не в чем. Забыл, загулял... Меня и взяли. За бродяжничество. Сперва в мусорщики определили. Потом сюда. Такие, значит, дела.

Блин Поприколу (*внимательно слушавший, зло тычет пальцем в Околоточную*). Вот эта небось мымра и повязала? С нее станется... Форсмажор, следствие ведут знатоки! Все легавые одной породы!

Лавочник. Не порите ерунды. Ее взяли существенно позже меня.

Хомо Дозяйка. Взяли? (*С недоверием.*) Тоже за бродяжничество?!

Околоточная (*спокойно оправляет глазную повязку*). Тоже. Я сюда прямо из офиса явилась. Бизнес-леди, три полиграфических объединения. Ну, инфаркту-то без разницы: бизнес, не бизнес, леди, не леди... Явилась, смотрю: на счете шаром покати. Обнять и плакать. Ладно, думаю. Обойдусь. Побегала по магазинам, присмотрела себе славненький такой джемпер фабрики «Большевичка». Теплый, бежевый. Печатница в типографии, семья, трое детей. Купила. И — потеряла. Должно быть, забыла где-то пакет. А тут — колокол.

Хомо Дозяйка. Но вы же сказали: «Не ко мне!» Когда я спросила...

Околоточная. А ваш вопрос действительно не ко мне. Но отнюдь не потому, что он меня не касается. Просто не люблю вспоминать. От этого портится цвет лица.

Лавочник (*Хомо Дозяйке*). Я уже говорил вам: мы все здесь — каторжане.

Блин Поприколу поднимает с пола разбитый мобильник, пытается позвонить. Выяснив, что аппарат категорически не работает, кидается к телефону на столе Лавочника.

Лавочник. Вы звоните, звоните, это бесплатно...

Блин Поприколу (*дожидаясь соединения*). Порядочки, блин! Беспредел! Человека бомбанули, и нате — колокол, мусора, срок за бродяжничество! Хуже, чем на зоне... Алло! Банк?! Девушка, сколько у меня на счете осталось? Да, посмотрите, очень надо! (*Собравшимся.*) Буду новый прикид брать. Хрен с ним, что не от Версаче! Поймаете гада, уйду на виллу. Не поймаете — очень мне хочется ваши сроки мотать... Да! Да, слушаю! Как — ничего? Девушка, ты мне мозги не компостируй, ты конкретно глянь... Алло! Алло! (*Разочарованно.*) Повесили трубку. Нет, ну что творится! Ничего, говорит, у вас нету, счет аннулирован! Лотерея какая-то...

Лавочник. Вам билет лотерейный давали?

Блин Поприколу. А я, что, помню? Вроде давали... (*Роется по карманам.*) Вот! Вот он!

Околоточная (*доставая газету с таблицей розыгрышей*). Сегодняшняя. По дороге купила. Давайте я сверю. (*Берет у Блина Поприколу билет, сверяет.*) Увы, у вас ничего.

Блин Поприколу. Да иди ты со своим билетом! Сама играй!

Околоточная. У меня нет билета. Он есть у вас. Я повторяю: у вас — ничего. Это значит: совсем ничего. В смысле, на счету. Поэтому банк ваш счет и аннулировал.

Блин Поприколу (*с лицом безумца*). Лотерея?

Лавочник. Лотерея.

Блин Поприколу. Муниципальная?

Хомо Дозяйка. Муни... муниципальная...

Блин Поприколу. Ничего, да?

Околоточная. Совершенно верно.

Блин Поприколу (*начинает хохотать, но совершенно нормально, без признаков сумасшествия*). Ну, блин, по приколу! Порядочки! А мы тут про справедливость!.. Каждой твари — по паре! Ох, пацаны со смеху сдохнут... (*Смеясь, набирает новый номер.*) Алло, Митяй! Паришься? Да, скоро буду! Митяй, подкинь бабок: меня бомбанули, а в банке, к-козлы, на лотерею кивают... Мне прикид новый купить! Где я? Здесь, в «Секонд хэнде»... Что ты ржешь?! Придурок! Митяй, слушай, я отдам, ты ж меня знаешь! Что? Митяй! Падла, я ж тебе... Митяй! (*Держит в руке трубку, откуда несутся короткие гудки.*) Принципы у него! Принципы! Приезжай, говорит, я тебя текилой угощу! Я приеду! Я ему так приеду...

Хомо Дозяйка (*вдруг сообразив что-то свое*). Дайте! Дайте мне газету! (*Лихорадочно сверяет свой билет с таблицей розыгрышей.*) Триста пятьдесят... серия V—III... (*Поднимает на собравшихся растерянный взгляд.*) Нету. Совсем нету.

Лавочник. Вашего номера?

Хомо Дозяйка. Ага...

Околоточная (*очень спокойно*). Значит, нету. А вы что думали?

Хомо Дозяйка. Я думала: справедливость... Если ему (*указывает на Блина Поприколу*) ничего, и курьер в больнице, — значит, мне... удача, значит!..

Лавочник (*Околоточной*). Она с самого начала ничего не понимает.

Околоточная. Вижу. Не расстраивайтесь так, женщина. Ну, не учительница. Бывает. На кого-то хватает?

Хомо Дозяйка (*всхлипывая*). На повариху-у-у...

Околоточная. Берите повариху. Я бы на вашем месте... (*Внезапно становится нервной, возбужденной.*) Ах, я бы! На вашем-то месте! Вы сами не понимаете...

Лавочник. Я уже говорил. Не понимает.

Околоточная. Повариха! Биточки, тефтели! Расскажите мне про тефтели! Пожалуйста!

Хомо Дозяйка (*продолжая всхлипывать*). Я не люблю тефтели. Я люблю мясо по-гамбургски. Молодую телятину отбить, сложить на противень, сверху лук кольцами, грибы... посыпать тертым сы-ы-ыром...

Околоточная (*вся подавшись к женщине*). Дальше! Дальше!

Сквозняк.

Шепчутся, трепещут вещи.

Всплывает, чтобы быстро исчезнуть, фрагмент из «Лебединого озера» — словно разбитый мобильник на миг очнулся.

Околоточная (*разом угаснув, на все четыре стороны*). Извините. Извините. Я при исполнении... больше не повторится. (*Хомо Дозяйке.*) Берите повариху. Берите кого угодно. И убирайтесь отсюда, черт бы вас побрал!

Блин Поприколу (*все это время внимательно следивший за разговором женщин, начинает рыться по карманам*). О, бабки! Немного, но есть! Слышь, начальница, эта лотерея на наличман не действует?

Околоточная (*скучно*). Нет.

Блин Поприколу. Ну и в кайф. Хрен с ними, с принципами. И со справедливостью — хрен. Эй, повариха, нам ли жить в печали? Ты ж видишь, они только радуются, когда нас вертит! Расскажи про то, расскажи про это... Так, здесь еще есть... (*Складывает найденные купюры в пачку.*) Значит, так. Вот бабки. Мне куртяк (*хватает куртку рэкетира*), он мне сразу глянулся. Мужик, это как: меня, значит, тоже грохнут?

Лавочник. Не обязательно. Вещь его, а носить вам.

Блин Поприколу. Это в масть. Это в козырную масть... Глядишь, и не грохнут. Беру куртяк. А поварихе — учительницу. Сколько там не хватает? Я добавлю. С вашим колоколом, блин, дождешься... надо брать, пока дают...

Лавочник (*Околоточной*). Он начинает понимать.

Блин Поприколу. Кончай базарить! Сколько поварихе добавить, спрашиваю?

Лавочник. Не знаю. Надо взвешивать.

Блин Поприколу (*шарит вокруг себя взглядом, обнаруживает весы*). А-а, ясно. Бум взвешивать. (*Быстро идет к весам, отслюнявливает две-три купюры, кидает на ту чашу весов, где кофточка и мелочь.*) Ну, давай! Вешайся, гадюка!

Весы неподвижны.
Блин Поприколу добавляет денег. Еще. Еще. Кидает на весы всю пачку. Никакого результата.

Блин Поприколу. Брателла, у тебя весы сломанные...

Лавочник. Весы в порядке. Просто у вас деньги бумажные. Легкие. Вот и не хватает.

Блин Поприколу. Брателла, разменяй! Мелочью! Начальница, будь человеком!

Околоточная. У нас валюта неконвертируемая. Ничего не выйдет.

Блин Поприколу. Я сейчас! (*Бежит к двери.*) Я быстро! Разменяю!

Когда он уже на пороге, бьет колокол. Совсем близко. Громко, отчетливо, прямо над головой.
Блин Поприколу замирает, тупо глядя перед собой.
За его спиной — сквозняк. Шепчутся вещи.

Блин Поприколу. Это по мне?

Околоточная. Это по вам. У вас есть в чем уйти?

Блин Поприколу. Нет. Украли. Не успел...

Околоточная. Вы арестованы за бродяжничество.

Блин Поприколу. Ну, блин, по приколу... Развели на пальцах. Как последнего лоха. (*Внезапно садится на пол.*) Бери, начальница. Бери с поличным. Волоки в кутузку. Пусть Митяй в президенты. Пусть ворюга — от Версаче. А я тут останусь.

Лавочник (*срываясь с места*). Останетесь? Тут? (*Околоточной*). Он сказал! Он сам сказал! Сам! Приговор! Он сказал: «Тут! Останусь!» Все слышали?!

Сквозняк прекращается. Мертвая, предвкушающая скандал тишина.

Околоточная (*улыбаясь*). Везет тебе... А мне еще пять задержаний.

Блин Поприколу. Чего скалитесь! Сказал же... (*Начиная понимать.*) Стоп, пацаны! Что это я сказал? С чего вы пляшете?!

Околоточная (*официально*). Согласно вынесенному приговору, арестованный за бродяжничество переводится на каторжные работы в лавке «Вторые руки». На должность продавца. Отныне и до соответствующего распоряжения вам запрещается покидать пределы лавки. (*Совсем другим тоном.*) Я тут чай принесла. Заварите себе. Потом. И не вздумайте

отказываться. Надо держать себя в форме. Я этому (*кивает на счастливого Лавочника*) всегда говорила, и вот: результат налицо. На свободу с чистой совестью. А мне еще пять... целых пять задержаний...

Блин Поприколу, сидя на полу, хитро грозит ей пальцем.

Блин Поприколу. Туфту грузишь, начальница. Какой приговор? Какой вынесенный? Без суда, без следствия?! Сама дело шьешь, сама, блин, пришиваешь? Я требую адвоката! Волки позорные, приговор у них... Вот спроси у подруги (*палец упирается в Хомо Дозяйку*), она подтвердит. Эй, подруга, как это все выглядит?

Хомо Дозяйка (*заикаясь*). Неспра... не... (*Внезапно кричит.*) Несправедливо!

Околоточная. Я бы не рекомендовала вам употреблять слова, значения которых вы не понимаете. Для вашей же пользы.

Блин Поприколу. Понимаем! Все мы понимаем! Короче, я пошел за адвокатом! (*Поднимаясь на ноги, направляется к двери.*) Вы у меня попляшете! Конкретно! Вприсядку! Вы у меня...

На пятом шаге он слепнет.
Совсем.
Спотыкается, начинает испуганно вертеть головой, трет глаза. Выставляет руки, щупая воздух. Нашаривает какую-то вещь, в ужасе отдергивает руку.

Блин Поприколу (*задыхающимся шепотом*). Блин... по приколу... Суки, гады, что ж вы делаете-то?! Что творите, а?! За что?!

Околоточная подходит к слепому, осторожно берет за плечо. Ведет к столу Лавочника, усаживает на стул. Подносит ко рту заварной чайничек, пытаясь напоить прямо из носика, словно забыв про чашку.

Околоточная. Не волнуйтесь, пожалуйста. Это скоро пройдет. Прямо сейчас и пройдет. Вы подождите... вот чайку выпейте, успокойтесь...

Блин Поприколу отхлебывает. Долго катает чай во рту, словно пытаясь вспомнить вкус напитка. Лицо его безжизненно. Наконец он выплевывает чай, забрызгав Околоточную.

Околоточная. Пустяки, я сейчас вытрусь. Отдохните, расслабьтесь. Это надолго. Поймите, это надолго, и кричать не имеет смысла. Я буду к вам захаживать. Мы еще подру-

жимся, поверьте... (*Лавочнику, раздраженно.*) Ну?! Чего ты ждешь?!

Лавочник (*опомнившись*). Да-да, я сейчас, я бегу! Одна нога здесь, другая... (*Хватает первую подвернувшуюся под руку одежду; ею оказывается кимоно «живой груши». Где-то в отдалении, еле слышно: шум додзё, выкрики учеников.*) Господи, какая вещь! Какая прекрасная вещь! Беру! (*Бросается куда-то в угол, возвращается с кубышкой.*) Жалованье! Я копил... я долго копил... Беру! Немедленно! (*Бросает кимоно на ту чашу весов, где до сих пор лежит костюм учительницы.*) Сейчас взвесим!

Хомо Дозяйка. Постойте! Погодите! (*Совсем растерянно.*) Там мой... там ваш... Там костюм! Русский язык и литература!

Лавочник. Знаю! Милая моя, хорошая... Вам же не хватало самой малости! (*Высыпает на чашу с деньгами и старой кофточкой всю свою кубышку. Звенит мелочь.*) Вот ваша малость! Еще и сдачи дадут!

Хомо Дозяйка. Что вы делаете? Вы же сами... сами говорили: у вас валюта! Неконвертируемая!

Лавочник (*счастливый*). Теперь конвертируемая! С этой минуты!

Хомо Дозяйка. Я не хочу! Я не возьму! Я не могу... теперь...

Лавочник. Это ведь деньги! Всего лишь деньги! Обычные, настоящие деньги, а не ваша хваленая фикция! Ваша справедливость! Можете спокойно брать... (*В упор смотрит на весы, которые по-прежнему никак не желают уравновеситься. Бледнеет. Хрипло.*) Ах, так? Так?! Н-на!!! (*Срывает глазную повязку. Швыряет ее поверх денег.*)

Чаша с кимоно и костюмом быстро идет вверх.

Лавочник (*хватает одежду, словно боясь, что ее отнимут*). Идемте! Скорее!

Хомо Дозяйка (*Лавочник за руку тащит ее к выходу*). А этот... этот человек? Куда вы меня тащите? Он что, так и останется? Да? Неспра...

Оба исчезают за дверью.

Околоточная подходит к весам, берет глазную повязку Лавочника. Вернувшись, аккуратно завязывает глаза слепого Блина Поприколу.

Околоточная. Вот. А вы боялись...

Блин Поприколу (*смотрит вокруг нарисованными глазами*). Блин... блин...

Околоточная. Ну, я пошла. Всего доброго. (*Пятится к дверям. На пороге задерживается, намереваясь что-то сказать, но не находит слов. Кроме уже сказанного ранее.*) А мне еще пять задержаний... целых пять...

Околоточная уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

На сцене — вещи и Блин Поприколу

Тишина.

Блин Поприколу (*подбрасывая на ладони извлеченную из кармана мелкую монетку, голосом сомнамбулы или телефонного автоответчика*). День — ночь, сутки прочь. День — ночь, сутки прочь. День — ночь...

Легкий сквозняк пробегает меж стойками.
Колышутся вещи — чуть-чуть.
Кажется, что в тишине, на самой границе слышимости возникает смутный шум голосов, музыка, чтобы почти сразу умолкнуть.
Но нет, не умолкла. Всплывает и разрастается фрагмент из «Лебединого озера». Блин Поприколу машинально ищет мобильник Потом вспоминает, что разбил его, и смотрит на телефон рядом с собой, на столе, не понимая.
Берет трубку.

Блин Поприколу. Алло! Я слушаю! Да, я... да... Что? Нашли?! Поймали?! Мой прикид?! От Версаче? Начальница, с меня магарыч! Начальница, ты лучше всех!!! (*Разом остывая.*) А приговор? Что? Наплевать и забыть?! Начальница, пять тебе задержаний за неделю!.. Да! Еду! Бегу! Лечу, блин!

Вскакивает, срывает глазную повязку.
Зрячие, настоящие глаза его полны слез.

Блин Поприколу. Вилла... тиффози-мафиози... (*Уже у самых дверей вдруг останавливается.*) Лавка! Кто останется в лавке? Обнесут небось, пока мы тут шуршим... (*Бегом возвращается к телефону. Хватает трубку.*) Алло! Алло! Не работает. Блокиратор? Или на станции... А мобилу я разнес...

Смотрит в зал.
В одной руке — трубка телефона, в другой — глазная повязка.

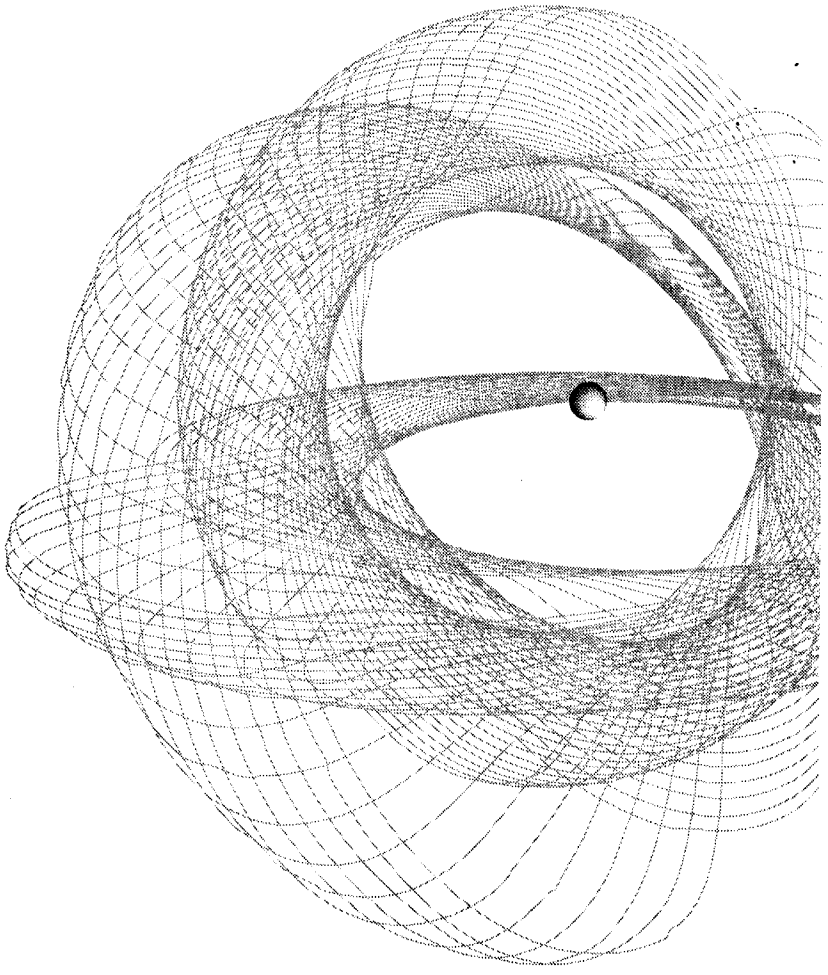
Блин Поприколу. Пацаны, последите за лавкой... Я быстро! Пацаны, ну не в падлу, а?! Последите, обнесут ведь! Тут столько шмотья... классного...

Резко, нервно загорается общий свет.
Сквозняк превращается в ураганный ветер. Трепещут полы плащей, раскачиваются костюмы. Платья делаются флагами, шлепают брючины джинсов. Вся лавка гуляет, плещет, вскидывается. Какофония звуков: «Нас не догонят» — сменяется трубой Диззи Гиллеспи, визжат тормоза, басят клаксоны, «Товарищ полковник, разрешите доложить!..», «Шай-бу! Шай-бу!», рявкает пушка, «Поезд отправляется! Следующая станция...», в подземном переходе слепой певец тянет: «Несе Галя воду...»
Блин Поприколу беззвучно шевелит губами, не двигаясь с места.

ЗАНАВЕС

ГЕРОЙ ВАШЕГО ВРЕМЕНИ

ЦИКЛ
РАССКАЗОВ



Рассказы невежественных людей поражают слух. Мудрый удивительного не рассказывает.

Из древних

Человек, не имеющий чувства юмора, должен иметь хотя бы чувство, что у него нет чувства юмора.

С. Е. Лец

КОЛЛАПС

Тангенциальный коллапсатор изобрел инженер Павел Лаврентьевич Манюнчиков. Не хватайтесь за энциклопедию — в ней не найти Павла Лаврентьевича. Гораздо проще найти его в курилке маленького института «НИИЧТОТОТАМПРОЕКТ», коротающего восемь рабчасов за обсуждением последнего заседания Верховного Совета. А зря, зря не берутся биографы за жизнеописание господина Манюнчикова, ибо был господин Манюнчиков человек обиженный и втайне страдающий.

Надо сказать, что Павла Лаврентьевича обижали все. Его обижали коммунисты («Почему у нас так плохо?!»), а также капиталисты («Почему у них так хорошо?!»), правительство («Умники!»), народ («Дураки!»), начальство («Хам и бездарь!»), сослуживцы («Выскочки и сопляки!»), жена («Стерва безмозглая!»), работники торговли («Жулье!»), работники милиции («Сатрапы!») — и многие-многие другие, полный перечень которых вполне заслуживает упоминания если не в энциклопедии, то уж хотя бы в телефонном справочнике.

И вот как-то раз сидел Манюнчиков в своем совмещенном санузле, неисправный бачок которого лишь усугублял страдательные порывы, и думал, придерживая брюки: «А как хорошо было бы, если бы все они, которые меня обижают, вдруг взяли бы и исчезли к соответствующей матери!.. И, может быть, тогда проявились бы наконец мои выдающиеся способности, талант или — чем черт не шутит? — даже гениальность!..»

И тут неожиданно Манюнчиков ясно представил себе схему. Не сразу он понял, что это такое, но почувствовал всем своим существом, что это нечто очень важное и лично ему крайне необходимое, — и сразу же принялся лихорадочно срисовывать видение, портя импортную женину помаду и разматывая рулон дефицитнейшей туалетной бумаги.

Когда бумага смоталась окончательно, а вместе с ней смоталось и озарение, Павел Лаврентьевич удовлетворенно откинулся на неисправный бачок, оглядел свое творение, ничего не понял и укрепился в мыслях о собственной гениальности.

Вымыв руки и вернувшись в комнату, Манюнчиков вновь предпринял попытку разобраться, что же он все-таки наваял. Получилось нечто среднее между пылесосом, электрошашлычницей и противотанковым ружьем.

Долго сидел Павел Лаврентьевич над детищем своим и уже потихоньку злиться начинал, не находя ему ни объяснения, ни применения, но решил для отдохновения души в журнале научно-популярном порыться, кроссворд поискать. Полистал-полистал, кроссворда не нашел, зато статейку одну обнаружил. Пульсары-коллапсары, дыры разные, черные и белые, тарелки летающие некондиционные — в общем, пришел гений Манюнчиков в волнение страшное, потому как понял суть изобретения своего.

А изобрел Павел Лаврентьевич оружие ужасное, название которому — *тангенциальный коллапсатор*!

На следующий же день принялся Павел Лаврентьевич за расчеты, потому как без расчетов скрупулезнейших самая замечательная модель у тебя же в руках шарахнуть может и родителя своего же сколлапсировать.

И вот тут-то и выяснились в знаниях Манюнчикова пробелы немалые, а точнее — один большой девственный пробел с редкими оазисами обрывочных и весьма куцых знаний. И от открывшейся истины в расстройстве душевном засел Павел Лаврентьевич в библиотеке — книжки умные читал, выписки делал. А когда заполнился пробел бездонный выписками до середины — приступил товарищ Манюнчиков к сборке аппарата своего, с немалым трудом рассчитанного.

Только вот сослуживцы Павла Лаврентьевича, выскочки и сопляки вышеупомянутые, как-то косо поглядывать на него начали. Да и то сказать — на перекуры не ходит, кроссворды не решает, о заседании последнем и говорить не хочет — совсем, видать, свихнулся человек. Пришлось Манюнчикову в целях конспирации включаться обратно в жизнь коллектива, отчего работа пошла куда медленнее, зато сигареты закончились куда быстрее. Ну да бог с ними, с сигаретами, а только сделал Павел Лаврентьевич модель действующую, сделал все-таки, несмотря на общественную нагрузку, чтоб ей пусто было...

Коллапсатор вышел большой, черный, тангенциальный, работающий на батарейках «Крона». Долго сидел Павел Лаврентьевич на кровати, долго вертел в руках детище свое родимое — и наконец решился. Выставил он мощность (самую малую), прицелился в старый будильник «Чайка» (звонивший на редкость противно) и нажал кнопку.

Загудел слегка коллапсатор, засветился, буркнул что-то невнятное... И исчез будильник «Чайка», исчез со всеми своими семнадцатью псевдорубиновыми камнями!

Павел Лаврентьевич даже рукой провел по пустому столу. Чисто. Сколлапсировал будильник! Ай да Манюнчиков, ай да сукин сын!.. Получилось!.. И тут Манюнчиков, действительно сукин сын, не утерпел.

Сунул он коллапсатор свой за пазуху, квартиру запер тщательно и во двор вышел. Идет по двору Павел Лаврентьевич Манюнчиков и чувствует себя сильным и уверенным. «Теперь, — думает, — кого хошь сколлапсирую. Нету на меня теперь никакой управы, вплоть до милиции, потому как вещественных доказательств аппарат мой не оставляет. Раз — и нет! А на нет и суда нет».

Вот так, думая о разных приятных для себя вещах, дошел Манюнчиков до голубятни в углу двора. А надо сказать, что голубей Павел Лаврентьевич тоже не любил — и за бульканье их глупое, и за окраску несерьезную, и за гнусную склонность гадить куда попало, не исключая и его, Манюнчикову, личность. Так что подошел он к голубятне, по сторонам оглянулся, коллапсатор свой вытащил... Хлоп — и нет голубятни, как и не бывало, со всеми ее гадами пернатыми.

Хихикнул злорадно Павел Лаврентьевич и хотел было дальше направиться, как вдруг услышал за спиной:

— Ах ты, ирод, антихрист окаянный! Что ж ты птичку невинную, божье творение, изничтожаешь?! А ну подь сюды, сто чирьев тебе на седалище! В милицию пойдем...

Обернулся испуганно Манюнчиков и увидел деда-голубятника, коего в сумерках ранее не приметил. Вредный был дед, злопамятный, склерозоустойчивый.

Глянул еще раз по сторонам Павел Лаврентьевич — на этот раз внимательно, — улыбнулся ехидно ругателю-орнитологу — и кнопочку надавил. Раз — и нет деда.

Плюнул тогда Манюнчиков на асфальт и в приятном расположении духа домой пошел.

Утром Павел Лаврентьевич на работу опоздал по причине сколлапсированного будильника. И не просто опоздал, а на целых сорок три минуты. Так что вахтер на проходной аж подпрыгнул от радости и служебного рвения и палец в телефонную дырку сунул — начальству доносить. Посмотрел Манюнчиков — одни они в холле с вахтером. Давно ему, кстати, этот вахтер не нравился, и фуражка его противная, и морды выражение неприятное для глаза, и вообще...

Рванулся подлец вахтер в сторону, но не зря коллапсатор у Павла Лаврентьевича звался тангенциальным, ой не зря! Хлоп — и нет вахтера. А на нет — и суда нет. Пора идти на работу.

В тот же день Манюнчиков подкараулил на лестнице своего начальника — хама и бездаря — и отправил вслед за вахтером. А назавтра пришла очередь и зама — тупицы и чистоплюя, — имевшего неосторожность разогнать в туалете курильщиков, в том числе и Павла Лаврентьевича лично. Хотели еще Манюнчикова в колхоз заслать, но ответственная за колхозы — дура крашеная — запропастилась куда-то, искали ее, искали, не нашли и бросили.

Думал Павел Лаврентьевич и жену свою, Люсю, сколлапсировать, да передумал ввиду некоторой пользы ее существования, в горячих обедах и стираных носках проявляемой. Так что с этим пришлось повременить.

Ну, ясное дело, стал народ вокруг нервничать, слухи поползли разные: дескать, люди куда-то пропадают. Кто международный империализм винит, кто — сепаратистов и номенклатуру, а некоторые, страшно сказать, — самого... Пришлось милицию вызывать. Двух не в меру ретивых служителей порядка Павел Лаврентьевич быстренько сколлапсировал, а остальные сами смылись. По причине отсутствия вещественных доказательств и скудной оплаты героического труда работников органов.

И всем бы доволен был Манюнчиков, но стала к нему закрадываться этакая подленькая мыслишка: «А куда ж все эти, сколлапсированные, деваются? Хоть и подлецы они все, а интересно...»

Снова засел Павел Лаврентьевич за книги да расчеты, еще треть пробела своего с великим трудом засыпал и вывел-таки формулу конечную, вывел, глянул — и ужаснулся, потому как по формуле этой треклятой выходило, что все, кого он сколлапсировал, живы-здоровы, только перешли они все в восемнадцатое измерение, где испытывают неудобства немалые, и ровно через девять дней и шесть часов после факта исчезновения вернутся обратно крайне обозленные — и окажутся в радиусе трех с половиной метров от тангенциального коллапсатора!..

Дернулся Павел Лаврентьевич, на часы взгляд бросил, с воплем к двери кинулся — да поздно было. Грянул гром, ударила молния, противно зазвонил будильник «Чайка» на семнадцати псевдорубиновых камнях, и толстый сизый голубь обгадил весь пиджак гражданина Манюнчикова под радостный вопль ворвавшегося деда: «Хватайте его, ирода, люди добрые!..»

Не ищите в энциклопедии имя Манюнчикова Павла Лаврентьевича. Ни к чему это. И в курилке институтской тоже не ищите, не стоит. Впрочем, если у вас много лишнего времени...

СЧАСТЬЕ В ПИСЬМЕННОМ ВИДЕ

В воскресенье вечером Павел Лаврентьевич Манюнчиков получил письмо следующего содержания:

«Письмо-счастье.

Это письмо — подлинное счастье. Находится в Голландии. Оно обошло вокруг света 1000 раз. Теперь оно попало и к вам. С получением этого письма к вам придет удача и счастье. Но с одним условием — отправьте его дальше. Это не шутка. Никаких денег не надо, потому что ни за какие деньги не купить счастья. Отправьте письмо тому, кому вы желаете счастья. Не задерживайтесь с отправлением. Вам необходимо отправить 20 штук в течение 96 часов после получения этого письма.

Жизнь этого послания началась в 1853 году. Артур Саян Даниель получил его и велел секретарше размножить. Через четыре дня он выиграл миллион. Служащий Хорита из Нагасаки, получив это письмо, порвал его и через четыре дня попал в автокатастрофу.

Хрущев получил это письмо, отдыхая на даче в 1964 году. Он выругался и выбросил его в урну. Через четыре дня Хру-

щева свергли. Ни в коем случае не рвите это письмо, отнеситесь к нему серьезно! Итак, 20 писем в течение 96 часов. Результат — на четвертые сутки после отправления. Желаем счастья!»

Дочитав письмо, Павел Лаврентьевич собрался было последовать пагубному примеру Никиты Сергеевича и служащего Хориты, но тут, после рекламного сообщения, начался третий тур телеигры «Поле чудес», где молодой майор и две агрономши никак не могли получить стиральную машину, угадав последнюю букву в иностранном слове «аборт», — и назойливое письмо мирно упокоилось в глубинах потертых брюк несуеверного Манюнчикова.

Обнаружилось письмо только завтра, на работе, когда Павел Лаврентьевич, зайдя в курилку, полез в карман за сигаретами. Естественно, Манюнчиков не преминул показать послание приятелям, большинство которых отнеслось к нему скептически. Однако Сашка Лихтенштейн из соседнего отдела вдруг заявил, что его теща получила такое же, в отличие от некоторых размножила — и спустя четыре дня умотала наконец в свой Израиль — после чего лично он, Сашка Лихтенштейн, искренне верит в счастье. Манюнчиков глянул в сияющие Сашкины глаза — и его осенило.

Вернувшись в отдел, Павел Лаврентьевич быстро набрал на клавиатуре своей персоналки (кстати, соотечественницы упрямого служащего Хориты из Нагасаки!) текст письма, проверил, нет ли ошибок, — и сбросил текст на принтер. Через восемь минут два десятка экземпляров лежали перед довольным Манюнчиковым.

По дороге домой Павел Лаврентьевич раскидал письма по первым попавшимся почтовым ящикам и с приятным чувством выполненного долга стал ждать заслуженного счастья.

Прошло четыре дня.

Манюнчиков выиграл рубль в лотерею и не поехал в колхоз, так как заболел гриппом. Все вышеуказанные события он приписал действию письма, но, получив еще одно, аналогичное, также отпечатанное на принтере, — не раздумывая, выбросил его в мусорное ведро. И ничего страшного с Манюнчиковым не произошло. Разве что машина грязью окатила, так не через четыре дня, а через неделю!

А персоналочке японской, на которой Павел Лаврентьевич работал, наладчик поставил на место все украденные ранее микросхемы, старый плоттер заменил, а потом кто-то, видимо по ошибке, загрузил импортную суперпрограмму «бой в памяти». И играет она теперь в эту игру с утра до вечера и ни на какие запросы не отвечает.

Счастлива, наверное...

СКРЫТАЯ ПРОВОДКА

Стихийное бедствие из шести букв, по горизонтали...

— Ремонт! — подсказали сзади, и измазанные спецовки выставили-таки упирающегося Манюнчикова из четвертого по счету кабинета, выставили вместе со стареньким электрочайником и подозрительным ржавым порошком чаеразвесочной фабрики г. Очамчиры. Плюнул Павел Лаврентьевич в сердцах, посмотрел грустно на ботинок оплеванный и пошел искать по институту, где оскорбленному есть чувству уголок. Уголок отыскался на третьем этаже — мирный благодатный оазис среди барханов песка, цемента и известки, с чахлой вечнозеленой пальмой и белым неоновым солнцем пустыни, весело подмигивавшим очарованному Манюнчикову. И вот уже радует глаз связующая нить от греющегося чайника к розетке у самого плинтуса, уже мягкое полудиректорское кресло приняло в объятия свои лучшую из составных частей Павла Лаврентьевича, уже неприступная твердыня кроссворда готова выбросить белый флаг и сдаться победителю по вертикали и по горизонтали...

— Здорово, Манюнчиков! Чаи гоняешь? — В дверях оазиса возник верблюжий профиль Сашки Лихтенштейна из соседнего отдела, скалящийся всеми своими золотыми россыпями. Собственно, хам Сашка исказил, как всегда, родовую фамилию Павла Лаврентьевича, меняя в ней первые буквы по своему усмотрению, но результат получая одинаково неприличный и чувствительно задевавший гордого Манюнчикова.

Подождав реакции на любимую шутку, Сашка шагнул в кабинет и явил себя миру целиком, обнаружив неожиданное сходство с небезызвестным Лаокооном, борющимся с древнегреческими змеями. От небритой шеи до предполагаемой талии на нем был намотан грязный лапшеобразный провод, конец которого исчезал в глубинах Сашкиного организма.

— Директор послал, — трепался Лихтенштейн, приседая

на корточки и выдергивая из розетки штепсель многострадального чайника, — сделай, говорит, проводку скрытую, а то скрытности у нас маловато, и про водку слышать тошно, это каламбур такой тонкий, Манюнчиков, про водку-то, только темный ты у нас, и с чувством юмора у тебя, как у директора, даже хуже...

И уснул бы, наверное, Павел Лаврентьевич, уснул в тепле и уюте под болтовню нудную, волнообразную — когда б не пауза длительная, трепачу Сашке не присущая, и не вопль дикий, несуразный, взорвавший Манюнчикову нирвану.

Всклокоченный Лихтенштейн стоял на коленях у стенки и совал отверткой в раскуроченную розетку.

— Ты глянь, нет, ты глянь, Манюнчиков, нет, ты глянь... — бормотал он, тупо моргая рыжими ресницами.

Павел Лаврентьевич склонился над розеткой, последил с минуту за бессмысленными Сашкиными манипуляциями и осведомился об оказании первой помощи человеку, богом обиженному и током ударенному.

Дальнейшая информация, скрытая в монологе неудачливого электрика под шелухой оскорбительных выпадов в адрес Манюнчикова, в очищенном виде сообщала, что к данной розетке никаких проводов не подведено и подведено никогда не было, и если бы не Сашка, то электричество бы здесь и не ночевало, ныне и присно и во веки веков, аминь.

Надоело Павлу Лаврентьевичу сопереживать речи страстной и неуравновешенной, взял он кроссворд недорешенный и вышел вон. А спускаясь по лестнице, вспомнил он чайничек свой верный, к неработающей розетке подключенный, тепло бока его округлого вспомнил — и остолбенел, истину уяснив. И обратно кинувшись через препятствия многообразные, застал Манюнчиков Сашку над чайником склоняющимся и ноздри носа своего породистого, с горбинкой, раздувающим.

— Слышь, Паша, — в дрожащем голосе Лихтенштейна вибрировало неподдельное уважение, — ты гений, тебе Нобелевскую надо, я тару сейчас организую, и мы немного вздрогнем...

На столе обнаружились две синенькие чашки, чайник завис в воздухе, и густо-коричневая струя полилась вниз, наполняя комнату отменным коньячным ароматом, вызывающим светлые воспоминания о белоглавых горах Армении.

Манюнчиков медленно приблизился к столу, поглядел на таинственную розетку, на пятизвездную жидкость в чашках...

— Саша, — необычайно торжественно произнес Павел Лаврентьевич, — Саша, я себя уважаю. А ты?..

За пьянство в рабочее время Манюнчиков с Лихтенштейном получили по выговору. Тщетно взывали они к научному мышлению случайно вошедшего начальства, тщетно будили дух просвещения в темных административных умах, тщетно ткнул Павел Лаврентьевич отверткой в предательскую псевдорозетку. Тем более что, пока Манюнчиков размышлял на лестнице, постигая тайны природы, подлец Сашка успел-таки подключить розетку к щитку распределительному, забыв в эйфории поставить в известность соавтора!

Всю последующую неделю ударенный Манюнчиков с Сашкой не здоровался. Здоровью это, правда, особенно не помогало. А в среде институтских уборщиц да сторожей слухи поползли, один другого ужаснее. И передавали тети Маши дядям Васям, что призрак бродит по институту, вздыхает тяжко по ночам и провода у всех розеток на пути своем режет. Кто шаги слыхал, кто проводку потом чинил, а кто и спину привидения, нетвердо прочь шагавшего, видеть сподобился. И в руках порождения адова, краем савана прикрытый, чайничек покачивался, старый, электрический. И нетопыри кружили над гладким черным хвостом с помятым штепселем на конце...

МИФУРГ

...В сыром прокуренном подвале
На строгом девичьем овале
Глаза, глубокие, как омут,
Манят к счастливому концу...

В дверь позвонили. Отложил Павел Лаврентьевич ручку в сторону и скрепя сердце в коридор направился, пнув в раздражении вечно путающегося под ногами Жлобного карлика. Тот взвыл от обиды и к ванной кинулся, где и скрылся в грохоте рушащихся штабелей пустых бутылок. Добровольно сдавал посуду лишь услужливый Поид кишечнослизистый, но он был в отгуле, а остальные утверждали, что их приемщик обсчитывает.

На лестничной площадке уже торчала обаятельная вампиресса Лючия и весь выводок ее сопливых вампириссимо.

— Не взяли, — пожала она острыми плечиками, сокрушенно глядя на Манюнчикова, — я же говорила вам, что синьор редактор терпеть не может сложноподчиненных предложений. Миль дьяболо, он в конце забывает, что было вначале!..

Взял Павел Лаврентьевич пакет с возвращенным романом «Белый клык» да понес в комод прятать. Пацаны Лючии радостно запрыгали вокруг него.

— Дядька дурацкий, — вопили они, — ты не Стругацкий, дядька дурак, ты не Карсак!..

Затосковал уязвленный Манюнчиков, рукопись в ящик сунул и с рецензией непрочитанной на кухню побрел, влекомый предчувствиями дурными, редко его подводившими. И действительно, в холодильнике уже хозяйничал пожилой упырь Петрович, дожевывавший в увлечении грабежа последнее колечко колбаски кровяной, базарной, с добрую гадюку в диаметре.

Рядом с ним вертелись чертика два малорослых, Мефя с Тофей, хвостиками крысиными умильно виляя.

— С чесночком, Петрович? — робко верещал Мефя, заискивающе шаркая копытцем.

— С чесночком, — отзывался угрюмый непонятливый Петрович, пуская черные сальные слюни.

— С перчиком, Петрович? — попискивал в возбуждении тощий Тофя.

— С перчиком, — кивал толстокожий упырь, швыряя в попрошаек огрызком колбасной веревки, — нате, повесьтесь, злыдни...

В углу дальнем, хвост к рубильнику подключив, блаженствовал полиголовый Змей Героиныч, рептилия нрава геройского и склонностей нездоровых к топливу любому, от мазута до спирта изопропилового, редкой вонючести — лишь бы горело... На крайней его пасти подпрыгивала шкворчащая сковородка с глазуньей из трех яиц, по яйцу на рыло.

Урезонивание вконец освиневшей компании затянулось, и лишь угроза заточения в «Хирамиду Пеопса», любым издательством отвергаемую по причине малоцензурности, вынудила публику утихнуть, дожевать и заткнуться.

Вернулся Манюнчиков в кабинет, вымарал из рецензии вписанный туда лючийскими сопляками похабный стишок

про некрофила и его голубую беби, и головой поник. Было от чего...

А как славно все начиналось! Как хороша, как свежа была проза, как ярок глянец переплета, как злобно косилась рожа инопланетная на фантастическом альманахе, сыну Витальке ко дню рождения купленном... С этого-то момента и изменилась судьба Павла Лаврентьевича, изменилась круто и радикально, еще с полуночи, когда он книжку отложил и решение принял. Осталось лишь ампул для авторучек прикупить, бумагой форматной запастись да псевдоним гордый в муках выносить — «граф Манюнчиков» (фамилия родовая, титул же — для значимости, и в честь тезок любимых литературных — Монте-Кристо и Дракулы).

Правда, первая же редакция умудрилась все переврать, и рецензия на возвращенный рассказ «Бутерброд с соленой и красной» начиналась издевательски серьезно: «Уважаемый Графоман Юнчиков! Сообщаем Вам...» — после чего зарекся Павел Лаврентьевич к фамилии своей графский титул приписывать...

Вот тогда-то и объявился в квартире Манюнчикова Петрович, упырь лет пенсионных, главный герой «Бутерброда», объявился и уйти не пожелал.

— Пошел вон! — в сотый раз указывал на дверь разъяренный Манюнчиков.

— Да не могу я вон идти! — Желтые прокуренные клыки жалобно скалились в умоляющей гримасе. — Я ж теперь прописан у вас...

— То есть как это? — растерянно сдавал позиции Павел Лаврентьевич. — Кто это тебя сюда прописывал?

— Как — кто?! Вы же сами и прописали, — сипел гость, пачкой листков замусоленных помахивая. — Так что вместе проживать будем. Пока не выпишете.

«Добре, сынку, — пригрозил кровопийце возмущенный Манюнчиков, — я тебя прописал, я тебя и выпишу!» Но многочисленные редакции, выгоды своей не сознавая, упрямо возвращали шедевры новорожденные, плодя все новых субъектов прописки, на жилплощадь претендующих.

Первой не выдержала жена и, прищемив хлопнувшей дверью хвосты сунувшихся было мирить Мефи с Тофей, ушла вместе с сопротивляющимся Виталькой к йогу Шри Прабхупада Аристархову, давно звавшему разделить его нынешнее вегетарианское перерождение. Вторым пострадал соседский

сенбернар Шарик, не по натуре злобствующий и осмелившийся повысить голос на Гнусняка Крылоухого из повести «Грустный динозавр Кишок». Ответный рык высунувшегося в окно стомордонта вульгарис, гнуснячьего приятеля и симбионта, породил в агрессоре лохматом такой комплекс неполноценности, что на потерявшем голос Шарике поседели последние рыжие пятна.

Ну а когда антисемит Петрович сцепился в присутствии домоуправа с озверевшим вервольфом Фишманом, крепко осерчавшим на кличку «кобель несытый», то с легкой руки разнимавшего антагонистов спартанца Мегаамнона и прилипло к Павлу Лаврентьевичу прозвище Мифург, обидное и малоприятное.

Если, конечно, справиться в энциклопедии, то это всего-то навсего творец мифической действительности, но произнесите это слово вслух, на языке покатайте, на себя примерьте — и вы поймете душевную дисгармонию Манюнчикова Павла Лаврентьевича, беспартийного, литератора, мифурга. Тьфу, пакость-то какая!..

А вреднее прочих зеленые были, с бластерами, из «Эпсилона Буридана». Лезут, подлецы, из всех тарелок, пищат возмущенно не по-нашему — однако же понятно для русского человека! — и требуют дописать к ним незамедлительно часть вторую, «Буриданов мосол», их способы размножения, в отличие от первой, не порочащую, а в случае отказа грозятся конфликт учинить, со стрельбой и порчей мебели. Хотя и сами бы рады по-хорошему, да не могут — так они, альдебараны ушастые, устроены.

Пробовал Манюнчиков к реализму обратиться, стихи писал, про подвалы и овалы, втайне надеясь на появление в доме замены жены ушедшей, — но тщетно. То ли рифмы подводили, то ли реализм проклятый нежизнеспособен оказался, но как была вокруг Павла Лаврентьевича, по образному выражению иностранца Фишмана, «ист дас дер пролочь своклятая», так и осталась.

И до того дело дошло, что в рецензии последней среди прочих оскорбительных выпадов и такой обнаружился: «...и к тому же непонятно, почему убитый в последней главе вампир женится в послесловии на не упоминавшейся ранее принцессе?!»

С тяжелым предчувствием перелистал Манюнчиков исчерканную рукопись — и обнаружил эпилог новоявленный, корявым почерком Петровича дописанный, о принцессе через «ы» и с одним «с», зато с голубыми глазами.

Затрясся вурдалак проклятый, посинел в ответ на возмущение авторское справедливое, но пера не бросил, заявив о видении своем неординарном, и в пример Говарда с Гоголем привел: мол, не чета всяким...

А там, глядишь, и Властелин Черного Круга бьет стомордонту пятую, тридцать седьмую и девяносто первую морды за аббревиатуру ВЧК, ему не глянувшуюся, Лючия метафору на зубок коренной пробует, а шпана ее Героиныча оседлала и вписывает цельный эпизод похождений Василиска Прекрасного в любимую Манюнчикову повесть для детей «Конец Добрыни Никитича». А дурень многоголовый бензином подфыркивает, недорослькам вторя: «Тили-тили, трали-вали, сам сиди в своем подвале, тили-тили-тесто, там тебе и место!»

И конца-краю не предвиделось злоключениям Павла Лаврентьевича, потому как бросить писать он уже не мог, засосала стихия, да и на ранее прописанных оно все равно бы не повлияло, — как вдруг... Ох уж это «вдруг»! Сколько раз швырял Манюнчиков его спасательный круг гибнущим героям, а тут и самому вцепиться довелось. После никак не мог вспомнить — то ли сначала пришел типовой договор на забытую новеллу «Волка ноги кормят» (с просьбой уточнить, чьи именно ноги), а уж после пропажа Фишмана обнаружилась, то ли сначала вовкулак смылся, а договор только вечером принесли...

Так или иначе, но повернулась к Павлу Лаврентьевичу фортуна местом надлежащим, и с каждой новой подписью под очередным договором пустела квартира малогабаритная.

Ушла, выписалась верная Лючия, стихли дразнилки детишек зубастых, хвосты чертячьи не мельтешат под столом, улетел змей неведомо куда, и космический разбойник Трофим улетел, и сенбернар Шарик скулит под дверью, не чуя привычных запахов серы, мяса и дешевого портвейна...

И плесневеет колбаса, которой добрый Фишман подкармливал местных хиппи, воя с ними на луну и защищая тихих лохматиков от хулиганья и милиции...

Последним ушел Петрович, покаявшийся перед уходом и удостоверение новенькое показавший, где синим по белому написано было: «Вампырь Е. П., генеральный директор издательской компании «Интеркол». Добился-таки своего Петрович, добился, хотя и осунулся, похудел, побледнел — мно-

го кровушки попили из него исполкомы, типографии, заводы бумажные, да и мало ли их, до нашего брата охочих!..

Как же много места жилого оказалось у Павла Лаврентьевича, и деньжата завелись, и автографы давать приходилось, а счастья не было. Пробовал Манюнчиков к реализму обратиться, стихи писал, но заклинило его... «В сыром прокуренном подвале на строгом девичьем овале...»

И все. Не пошла лирика, отказал реализм, утихло в квартире. Хорошо стало, свободно, тихо. Как в могиле.

Манят, засасывая в омут,
Зовя к счастливому концу...

И тут решился Павел Лаврентьевич и ручку покрепче ухватил.

...Зовя к счастливому концу, —
И кровь текла по боковому,
Еще молочному резцу!

Дописал, адрес редакционный на конверте вывел и на почту бросился с улыбкой радостной на просиявшем лице. Авось не примут...

НЕДОСТАЮЩИЙ КОМПОНЕНТ

От предка чубатого, куренного кашевара Лаврентия, унаследовал Манюнчиков Павел Лаврентьевич многие фамильные склонности. В частности, счастье для Манюнчикова состояло из трех основных компонентов.

Во-первых, испытывал Павел Лаврентьевич тягу неодолимую к горилке с перцем, которую сам же на стручках огненных и настаивал, государству в деле этом важном справедливо не доверяя.

Во-вторых, после стартовой стопки двигал умиленный Манюнчиков к душе поближе миску с пузатыми варениками, горячими еще, и чтоб сметана обязательно...

А вместо третьего, решающего компонента, речь о котором после пойдет, пришлось Павлу Лаврентьевичу к телефону брести, и звоном погребальным отдалось услышанное в гулких сводах Манюнчикова черепа: «Командировка... Срочно... Бекдаш... Химзавод...»

Вот почему в единственной полутораэтажной гостинице Бекдашского райисполкома (по причине сгоревших лампочек мутировавшего в «РАЙ И К°») — вот почему на продавленной никелированной койке лежал небритый гражданин, чем-то похожий на Манюнчикова Павла Лаврентьевича; и спал гражданин если не как убитый, то уж наверняка как тяжелораненый.

О, Бекдаш! Сады твои полны жасминовым ароматом, озера твои манят голубой прохладой, чинары твои...

Впрочем, несмотря на слог Востока, где любой сапожник красноречивей Цицерона, честно признаемся: ни садов, ни озер, ни тем более чинар в Бекдаше не наблюдалось. А были там чахлые акации, вездесущий, лезущий в глаза и рот песок и книги в свободной продаже по давно забытой государственной цене.

Книг на русском здесь почти не читали, да и в разговорах многие старались обходиться лишь самыми необходимыми русскими словами, редко попадающими в печатные издания. Потому-то и удалось Павлу Лаврентьевичу, погрузившемуся в полумрак книжного магазинчика местного издательства «Еш Гвардия», приобрести несколько томиков дефицитных, в том числе и сюрреалистическую поваренную книгу — с реализмом картошки и сюром семги свежекопченой.

Сунул довольный Манюнчиков в урну нагрузку рублевую — три брошюры «СПИД — чума человечества» — и на базар отправился.

Ах, рынок Востока!.. Просим прощения — вах, базар Востока! Прибежище и Дворец культуры правоверного, где розы алее губ красавицы, дыни желтее щек скупца, шашлык нежнее пальцев карманного вора, а цены выше самаркандского минарета...

Так бы и ходил ослепленный Павел Лаврентьевич меж рядами, распустив павлиний хвост любопытства, — но, к неудовольствию своему, обнаружил он позади эскорт непонятный, в виде тощего туземца с хитрой азиатской рожей, на которой красовался чужеродный европейский нос, острый и длинный.

Ох и не понравился тощий «хвост» свободолюбивому Манюнчикову, да и в гостиницу пора было возвращаться. Глянул Павел Лаврентьевич на часы свои дедовские, старинные, фирмы «Победа», — глядь, а туземец уже тут как тут, рядом стоит, носиком крысиным шмыгает и на часы смотрит с жадностью.

— Дай часы, — неожиданно с детской непосредственностью заявил абориген.

— Половина пятого, — машинально ответил Манюнчиков и устремился к выходу.

Субъект заколебался, потоптался на месте — и снова тенью пристроился за спиной Павла Лаврентьевича.

«Тьфу ты, напасть какая!» — огорченно подумал Манюнчиков, пытаясь обогнуть трех местных жителей, торговавших в базарных воротах. Этот маневр не удался ему с первого раза, равно как со второго и с третьего. Уголовная компания прочно загородила дорогу, и центральный Илья Муромец попытался сложить части помятого лица в дружелюбную гримасу.

— Слышь, мужик, ты б часы-то отдал, — отвязал наконец центральный верблюда своего красноречия.

— Фиг тебе! — не остался в долгу Павел Лаврентьевич, подтвердив сказанное «министерским» кукишем.

Агрессоры замялись.

— Ты б не ругался, а? — виновато просипел собеседник Манюнчикова. — А то мы тово...

— Чего — тово? — неожиданно заинтересовался крайний, до того молчавший.

— Ну, тово... — в раздумье протянул Муромец. — Значит, то есть не этово...

— Нет, ты уж разъясни! — не уступал любопытный напарник.

— Да чего там разъяснять?.. Тово, и все...

Надоела Павлу Лаврентьевичу беседа эта содержательная, обогнул он спорящих и в гостиницу направился. Шагов сто пройдя, обернулся Манюнчиков — и тощего туземца увидел, к спору подключившегося. Носатый обильно жестикулировал — видать, взволновала его проблема обсуждаемая. Пожал плечами Павел Лаврентьевич, на часы еще раз глянул — и побрел восвояси.

День следующий прошел в трудах. Унылый Манюнчиков сидел над поломанным аппаратом «зозулятором», прозванным так в честь изобретателя Зозули, ничего про аппарат этот не зная, кроме вышеуказанной информации. Техническая документация дела отнюдь не прояснила, и после пятой попытки прочесть справа налево вывеску «ПО Карабогазсульфат» ушел Манюнчиков с химзавода, преисполненный сознанием честно не выполненного долга.

От завода до городка было километра полтора. Шел Павел Лаврентьевич, шел, на барханы поглядывал, сигаретку курил — и высмотрел-таки в пустыне близлежащей девушку странную, в песках этих гнусных травки собирающую — хотя травкам-то здесь никак не место было.

Сорвала девушка очередную верблюжью колючку, в пальцах помяла, понюхала и к Манюнчикову направилась. Подошла и говорит тихо:

— Здравствуйте, Павел Лаврентьевич.

— Салам-алейкум, — ответил Манюнчиков, начиная привыкать к чужим дурацким вопросам и своим дурацким ответам. После постоял и, чтоб болваном полным не выглядеть, осведомился: — А откуда, собственно, вы меня знаете?

— Да уж как не знать, — улыбнулась девушка. — Вы ведь избранник, вам в новолуние могут открыться Врата Третьей Сферы.

— Не могут, — уверенно заявил Павел Лаврентьевич. — Я в командировке.

— Могут-могут, — пресекла девушка попытку Манюнчикова увильнуть от ответственности. — Непременно откроются, и вы войдете в Обитель Счастья. Держите. — И протянула пыльный крохотный букетик.

— Спасибо, — сказал Манюнчиков, вертя подарок в руках. — Очень приятно.

— А это не для приятности, — как-то очень невежливо прервала его девушка, — травки эти вас по Сферам проведут. Чекмет — по первой, зира — по второй... А третью травку вы сами найдете. Знак подскажет. — И пальчиком тоненьким на часы дедовские указала.

Вот этот-то жест и вывел Павла Лаврентьевича из состояния лирического. Руку отдернув, попрощался он сухо да прочь пошел.

Букетик, однако, не выбросил. В карман сунул.

А в номере гостиничном обнаружил удивленный Манюнчиков давешних базарных витязей, всей троицей игравших в нарды с тощим и носатым. Справедливое возмущение хозяина узрев, повскакали интервенты с койки и в шеренгу по одному перед Манюнчиковым выстроились.

— Прощения просим, Павел Лаврентьевич, — смущенно забасил Муромец, — ты уж не серчай... Мы вчера тово...

— А сегодня — этово! — встрял в разговор носатый, неизвестно откуда извлекая пару бутылок водки, и палку колбасы копченой, и балыка кусок изрядный, и...

...Через пару часов все хлопали друг друга по спине, пили

уж совсем непонятно чье здоровье и сыпали анекдотами, один другого смешнее и неприличнее. Новые бутылки возникали на столе, новые бутерброды исчезали в животах, и уже заваривал Павел Лаврентьевич чай, сунув туда для запаха подаренную девушкой травку чекмет, — но тут глянул он случайно на левую свою руку и обомлел. Ловкие пальцы тощего пытались справиться незаметно с хитрой застежкой ремешка, а все остальные внимательно следили за паскудными манипуляциями приятеля, и морды их блестели от усердия...

Ох и вскипел уязвленный Манюнчиков и перст указующий к двери простер:

— Вон! Все во-о-о-он! Жулье! Дармоеды окаянные! Все вон!!! Навсегда! На веки веков!

И заваркой дымящейся плеснул на всполошившихся аферистов.

Заклубился пар, потянуло крепким мятным запахом, и в пряных клубах исчезли «витязи», номер, гостиница... Последним исчез лично Манюнчиков Павел Лаврентьевич.

...Барханы текли, переваливались, оплывали ленивыми желтыми струйками, а на одном из барханов сидел Павел Лаврентьевич и ожесточенно щипал себя за руку. Когда рука окончательно опухла и посинела, а окружающий бред окончательно отказался исчезать, поднял Манюнчиков глаза к равнодушному небу и возопил: «За что?!»

— Не кричите, — ответило небо. — И не задавайте риторических вопросов. Вы в Первой Сфере. Так что сидите и наслаждайтесь.

Тут из-за бархана девушка утренняя вышла и улыбнулась мягко ошалевшему Павлу Лаврентьевичу.

— Девушка, милая, родная, — кинулся к ней Манюнчиков, — я же в командировке, мне обратно надо... Что ж это такое вокруг-то, а?

— Желание ваше, Павел Лаврентьевич, желание ваше сокровенное. Вы же хотели, чтобы все вон и непременно на веки веков? Теперь довольствуйтесь результатом. Вы хотели быть один — здесь вы один.

Вот только стояла девушка — и нет ее, рассыпалась песчинками, закружилась в налетевшем ветре... Тихо, спокойно вокруг. Безлюдно.

Сел Павел Лаврентьевич на песок горячий, сигареты достал, а с сигаретами и травка зира из кармана выпала. Чекмет-то мятный в чайнике остался, а зира — вот она лежит и сильно на коноплю банальную смахивает. Подумал Манюнчиков, подумал, анашистов бекдашских вспомнил — и, не мудрствуя лукаво, сунул зиру в сигарету да за спичками полез.

«Нет уж, чтобы все вон — это я перестарался, — размышлял Павел Лаврентьевич, спичкой чиркая и затяжку глубокую делая. — Надо, чтобы все были. Правильно, пусть они все будут, и я их всех...»

Додумать такую приятную мысль Манюнчикову не удалось. Травка зира ярко вспыхнула, густой дым окутал притихшие барханы, и в его аромате растворились пески, солнце, спичка сгоревшая... Последним исчез лично Манюнчиков Павел Лаврентьевич.

...Голова была трезвая и соображала на редкость быстро. Только ничего хорошего эти соображения не несли, поскольку над Павлом Лаврентьевичем завис здоровенный топор на невообразимо длинной рукоятке. За рукоять держался толстогубый ухмыляющийся негр, до боли похожий на базарного витязя, разве что перекрашенного. Его вопящие приятели уже спешили к месту происшествия, держа в руках... Даже в кино не видел Манюнчиков подобного железа, но в назначении его ни на секунду не усомнился.

Отшатнулся в сторону Павел Лаврентьевич, руками взмахнул испуганно — а в рученьке-то правой, деснице богатырской, меч-кладенец оказался, острый да тяжелый. Покатилась под откос голова черная, белками вращая и бормоча ругательства в адрес героического Манюнчикова. И грянул бой! Свистел меч, волоча за собой спотыкающегося Павла Лаврентьевича, летели недруги в разные стороны, сшибая с ног змеев многоглавых, уж совсем невесть откуда взявшихся, кровь лилась рекою, и вороны слетались на близкую поживу...

О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями? Наивный вопрос! Конечно же, Манюнчиков Павел Лаврентьевич, гордо оглядывающий плоды труда своего непомерного.

Однако пора было уходить, уходить на поиски выхода из сфер этих назойливых, где ни людей приличных, ни гостиницы, ни командировочных не наблюдалось. Обернулся усталый Манюнчиков, глядь — три дороги перед ним, и камень на распутье, мхом поросший. А на камне крупными печат-

ными буквами написано: «Направо пойдешь — головы не сносить! Налево пойдешь — сносить, но не головы! Прямо пойдешь — ...» Последнее было аккуратно затерто, и внизу имелась приписка: «Не ходи, Павел Лаврентьевич, на кой ляд они все тебе сдались?!»

Остановился Манюнчиков в раздумье, нацарапал на камне мечом: «Здесь был Паша», подумал еще немного, исправил «Пашу» на «Павла Лаврентьевича» — и обратно повернул: не по душе ему предлагаемый ассортимент пришелся.

И почти сразу увидел дракона, невинно убиенного, игравшего в нарды со всей базарной компанией, а рядом девушка знакомая стояла, и все они дружно орали Манюнчикову: «Паша, не уходи! Не бросай нас, Павел Лаврентьевич! Возвращайся, еще подеремся!»

Опустился обессиленный Манюнчиков в пыль осевшую, на часы дедовские машинально глянул и царапину свежую на руке обнаружил. Сорвал он лопух придорожный да к руке под часами и приложил — кровь унять.

Всполошились прилипалы рыночные, кинулись к Павлу Лаврентьевичу — да куда им поспеть-то! Вспыхнул рубиново циферблат «Победы», туча лохматая небо заволокла, и в наступившей тишине предгрозовой скрипуче прозвучал девичий голос: «Поздно. Он нашел последнюю траву. Теперь избранник войдет в Обитель Счастья, а вам всем — шиш с маслом, лопухи придорожные!»

...И, в частности, счастье для Манюнчикова состояло из трех основных компонентов.

Во-первых, испытывал Павел Лаврентьевич тягу неодолимую к горилке с перцем, которую сам же на стручках огненных и настаивал, государству в деле этом важном справедливо не доверяя.

Во-вторых, после стартовой стопки двигал умиленный Манюнчиков к душе поближе миску с пузатыми варениками, горячими еще, и чтоб сметана обязательно...

А после брел Павел Лаврентьевич к телефону и с ликованием сердца слушал голос шефа, отменявший командировку в Бекдаш и сообщавший, что вместо Манюнчикова в пески туркменские отправится Сашка Лихтенштейн, разгильдяй и тупица, ни в какое сравнение не идущий с трудолюбивым Павлом Лаврентьевичем...

Вернулся Манюнчиков к столу, вторую стопку налил, вареник вилкой уцепил и физиономию Сашкину так ясно представил, вытягивающуюся в предвкушении аэропорта, автобуса, жары, «зозулятора» поломанного...

И понял Павел Лаврентьевич, что именно этого, решающего компонента и не хватало ему до полного блаженства. Посмотрел он на часы дедовские с остановившимися стрелками, хотел было завести их, да передумал — и время остановилось в Обители Счастья...

СИНДРОМ КАССАНДРЫ

...Если бы вы ведали то, что ведаю я, то перестали бы смеяться и много бы плакали...

Коран, сура 16, аят 3

Мироздание относилось к Павлу Лаврентьевичу приблизительно так же, как и его жена Люська. Обычно когда Манюнчиков стоял уже в дверях, за пивом собравшись, то немедленно требовалось выносить мусор и выбивать ковер; а когда в жизни Павла Лаврентьевича наклевывалась рыбалка, опять же с перспективами крупного возлияния, — то гримасы мироздания неизменно выражались в осадках, командировках и прочих несуразностях.

Видимо, из-за непокладистого мироздания и упрямой спутницы жизни и стал мутировать гомо сапиенс Манюнчиков, подтверждая догадки сэра Чарлза Дарвина и неприятно удивляя друзей и знакомых. А удивляться было чему, ибо проявился в Павле Лаврентьевиче некий дар, людям вообще-то мало свойственный и к последствиям разнообразным приводящий.

Начало событиям положил черный кот Вячеслав Николаевич, обитавший на помойке и нагло перебежавший дорогу спешащему Манюнчикову. Остановился Павел Лаврентьевич, на проходимца лишайного глянул — и вдруг понял, что не жилец кот на белом свете, ну не жилец — и все тут!.. Да и Вячеслав Николаевич занервничал, хвост грибом ядерным распушил и чесанул от пешехода подозрительного через дорогу, а на дороге-то грузовик, а за рулем-то веселый парень Владик, размечтавшийся с устатку о подружке вчерашней, с вот такими...

Вот этот-то визг тормозов, оборвавший антиобществен-

ное бытие черного короля помоек, определявшее его же антиобщественное сознание, — он и ознаменовал в жизни Павла Лаврентьевича новую прелюбопытнейшую веху.

Пришел Манюнчиков на работу, а там у шефа в кабинете встреча деловая, и сам шеф сияет, как свежепокрашенный, втирая очки наивным импортным бизнесменам на предмет купли некоего аппарата, лично шефом сконструированного и любые реки на чистую воду выводящего.

Глянул Павел Лаврентьевич на кивающего азиата в пиджаке от Кардена и с телевизором на запястье, глянул — и понял, что не возьмет раскосый шефово детище, ну ни за какие коврижки отечественного производства.

Отвел Манюнчиков начальство в сторонку, мнение свое изложил, ответное мнение выслушал, подавился инициативой и дверь за собой тихо прикрыл. А назавтра выговор схлопотал, с занесением и устным приложением, за срыв договора важнейшего и пророчества вредные, работающие врагам нашим на руку, кольцами да часами увешанную.

Только беда одна не ходит, и, когда Манюнчиков домой возвращался, пристали к нему хулиганы. Стоят на углу могучей кучкой: эй, кричат, дядька, дай сигарету!.. Дальше — больше, слово за слово, и двинулся наконец атаман на укрощение строптивого дядьки Павла Лаврентьевича. Глянул на него Манюнчиков — и сразу все понял. «Не подходи, — умоляет, — не подходи, пожалей себя!..»

Да куда там, разве атаман послушает... Взял гроза подворотен крикуна за грудки, к стенке прислонил для удобства, а стена-то дома пятиэтажного, а на крыше-то каменщик Василий трубу кладет, и хреновый он каменщик-то, доложим мы вам, кирпича в руках — и то удержать не может...

Одернул Манюнчиков куртку и прочь пошел от греха подальше. Хоть и предупреждал он покойного, а все душа была не на месте.

И пошло-поехало. Отвернулись от Павла Лаврентьевича друзья, потому что кому охота про грядущий цирроз печени да скорую импотенцию выслушивать; жена ночами к стенке и ни-ни, чтоб не пророчил о перспективах жизни совместной; на работе опять же одни неприятности, — так это еще до предсказаний судеб начальников отделов, судеб одинаковых и одинаково гнусных...

Пробовал Манюнчиков молчать и три дня молчал-таки, хотя и зуд немалый в языке испытывал, а также в иных частях тела, к пророчествам вроде бы касательства не имеющих, — три дня, и все коту Вячеславу под хвост, потому как подлец Лихтенштейн при виде душевных терзаний коллеги взял да и спросил с ехидством: «Ну что, Паша, скоро заговорит наша валаамова ослица?!»

Глянул на эрудита взбешенный Манюнчиков, и «Типун тебе на язык!» сам вырвался, непроизвольно. Не поверил Сашка, улыбнулся, в последний раз улыбнулся, на неделю вперед, по причине стоматита обширного, от эрудиции, видимо, и образовавшегося...

И вот однажды сидел удрученный Павел Лаврентьевич в скверике, думу горькую думая, а рядом с ним старичок подсел, седенький такой, румяный, бодрый еще, — и изложил ему Манюнчиков неожиданно для себя самого всю историю предсказаний своих несуразных и бед, от них проистекающих.

Не удивился старичок, головкой кругленькой покивал и говорит: «Ничего экстраординарного я у вас, голубчик, не наблюдаю, обыкновенный синдром Кассандры, и все тут».

Хотел было Манюнчиков обидеться, но сдержался, и правильно, потому как изложил ему академический старичок и про пророчицу Кассандру, в древней Трое проживавшую, и про проклятие Аполлона, за треп несвоевременный на нее наложенное, так что в предсказания ее никто не верил, хоть и правду вещала Кассандра, только неприятную весьма, даже для привычного эллинского слуха неприятную...

А в конце лекции своей подал старичок надежду вконец понурившемуся Павлу Лаврентьевичу.

— Вы, — говорит, — людям дурное пророчите, вот они вам и не верят, ибо человек по натуре своей оптимист. Тут, голубчик, связь причинно-следственная имеется: вам не верят, а оно сбывается. Вот и найдите кого-то, кто в слова ваши поверит, — глядишь, оно тогда и не сбудется, и вздохнете вы с облегчением...

Сказал, встал с лавочки и к выходу направился. Поинтересовался Манюнчиков, откуда старичок столь осведомленный образовался, а тот и сам признался: дескать, и у него синдром, только другой, имени маркиза какого-то заграничного.

Порылся после любопытный Павел Лаврентьевич в энциклопедии и отыскал там маркиза оного, де Садом именуемого, а заодно и о происхождении садизма вычитал, — то

есть совет советом, а убрался он из скверика крайне своевременно.

Полный список людей, не поверивших Павлу Лаврентьевичу и за неверие свое пострадавших, мы приводить решительно отказываемся по причине дороговизны бумаги, а также полного единообразия последствий. Особый интерес вызывают разве что сотрудники иностранных консульств в Занзибаре, так до конца своего и не уверовавшие в возможность конвенции о каннибализме, да заезжий английский миллионер, собравшийся было завещать Манюнчикову все свое состояние, но вовремя раздумавший, при предвещании грядущих неудач в гареме разорившегося шейха арабского...

Ну кто мог знать, что стоящая рядом блондинка — не секретарша пожилого греховодника, а жена законная, почище ревнивой Люськи?! И напрасно дипломатичный Павел Лаврентьевич разъяснял ей на пальцах, что гарем еще только имеет место быть купленным, — хорошо хоть местные сопровождающие по шее не дали, из апартаментов выводя, пожалели убогого...

А старичка советчика Манюнчиков встретил как-то в скверике памятном, где академик приглашал к себе на чашку чая молоденькую девицу с немного вдавленной переносицей, даму, однако, не портящей, а дедушку возбуждающей.

Умный был старичок, начитанный, а и он не поверил Павлу Лаврентьевичу, хотя здесь и синдрома кассандровского не потребовалось — девочку эту Манюнчиков видал ранее, в городском Дворце спорта видал, на турнире по фулл контакт карате, и представление о ее женственности имел изрядное.

Не поверил старичок и теперь жалеет небось, да и как не жалеть, когда колясок инвалидных в продаже нет, а без них со сломанным позвоночником до скверика не добраться...

...Шло время, и отчаяние овладело вконец обессиленным Манюнчиковым. И в полной тоске стоял он как-то в очереди за колбасой, сам себе пророча, что не хватит, и сам себе не веря. Стоял и слушал одного голодного оптимиста, вещавшего озверелым любителям колбасы о временных трудностях, после которых все будет гораздо лучше.

Глянул на оратора Павел Лаврентьевич, глянул — и все понял.

— Лучше? — скептически ухмыльнулся пророк. — Лучше не будет.

Очередь затихла, и в тусклых глазах появилось новое, незнакомое выражение.

— Не будет лучше! — бросил Манюнчиков в звенящую тишину, и люди послушно потянулись к нему. — Не будет лучше! — И стены гастронома замерли в ожидании. — А будет мор и глад, и град огненный, и всадник бледный со взором горящим, имя которому Смерть, и мука неслыханная будет тому, кто не свернет с широкой дороги греха на узкую тропинку покаяния, и живые позавидуют умершим, когда...

Его слушали.

Ему верили.

Кажется, он приобрел новый синдром.

СТРАШНЫЕ СНЫ ПАВЛА ЛАВРЕНТЬЕВИЧА

Однажды философу Чжуанцзы приснилось, что он — бабочка. Проснувшись, философ долго не мог сообразить, кто он: философ, которому приснилось, что он — бабочка, или бабочка, которой приснилось, что она — философ.

1

И приснился Павлу Лаврентьевичу Манюнчикову страшный сон.

Будто стоит он один на вершине Кавказа, и не то чтобы стоит, а прямо-таки висит, цепями к скале прикованный; и не то чтобы один, а в компании с каким-то крупным пернатым, обладателем хитрой морды и клюва ланцетообразного.

Посидел орел этот, посидел, под мышкой почесался, нахохлился и говорит:

— Здравствуйте, дорогой Павел Лаврентьевич! Как дела, как здоровье?

— Здравствуйте, — отвечает висящий Манюнчиков с присущей ему вежливостью, — дела, в общем, ничего, здоровье тоже, печень вот что-то пошаливать стала, надо бы сходить провериться...

— Так чего ж далеко ходить? — удивляется стервятник. — Прямо сейчас и проверим!..

И клюв свой поганый нестерильный между ребер и засовывает.

Хотел было Манюнчиков послать хирурга самозваного к его орлиной матери, да глянул поверх крыла на пейзаж — и видит, что идет внизу по горному серпантину здоровенный мужик, в шкуру львиную завернутый, и тащит мужик на плече дубину, лук и еще разные предметы, неведомые энциклопедическому разуму Павла Лаврентьевича.

Увидел путник, как подлец орел безвинного человека тиранит, сорвал лук тугой, прицелился тщательно и тетиву спустил.

Запела стрела, взвилась в воздух, и все было бы хорошо, если б не орел паскудный, за секунду до выстрела улетевший.

И когда зазубренный наконечник, смоченный в лечебном яде лернейской гидры, вошел в многострадальную печень Манюнчикова, — рванулся в негодовании Павел Лаврентьевич, лопнули цепи — и спрыгнул он на дорогу.

И это был последний подвиг Геракла и первый подвиг национального героя Эллады Манюнтия Сиракузского.

2

...И приснился Павлу Лаврентьевичу Манюнчикову страшный сон.

Будто сидит он в замкнутом помещении, на квартиру панельную малогабаритную похожем, и если что и смущает Павла Лаврентьевича, так это непривычная вогнутость стен, медью отливающих, и шаровары синтетические, чувствительный Манюнчиков зад натирающие.

А прямо над головой Павла Лаврентьевича два голоса бубнят — соседи, видать, ссорятся. Первый этаким плаксивым тенорком молит, чтобы дядя его откуда-то вытащил — по всему видно, влип шалопай в историю, а дядин бас требует, чтоб племянничек ему сначала лампу передал, — тоже тот еще дядя попался!..

Надоело Манюнчикову пререкания их слушать, огляделся он вокруг и швабру в углу обнаружил. Стал Павел Лаврентьевич шваброй в потолок стучать, чтоб заткнулись ироды, — а те и впрямь примолкли, пошептались и давай чем-то шершавым по потолку елозить. Трут и трут, во всю Манюнчикову акустику.

Не выдержал Павел Лаврентьевич, швабру прихватил и наружу выскочил.

И Алла-ад-дин ибн-Хасан Багдади так никогда и не женился на царевне Будур. На ней женился Ман-ан-Нюнч ибн-Лаврентий аль-НИИШапури.

3

...И приснился Павлу Лаврентьевичу Манюнчикову страшный сон.

Будто расположился он на природе, в развилке огромного дуба, и шашлыки жарит. Птички в листве щебечут, букашки в коре шебуршат, зелено вино в речке охлаждается, жены назойливой на сто поприщ не наблюдается — рай, да и только!

И въезжает в Манюнчиков Эдем на добром коне некий субъект, поперек себя шире, и ноздрями обросшими шевелит, к запаху мяса в уксусе принюхиваясь.

Направляет детина клячу свою к дубу, и ни тебе «здрасте», ни тебе «до свиданья», а сразу, со славянской прямотой:

— А засвисти-ка ты, собака, по-соловьему!..

— Езжай, езжай, детинушка, бог подаст! — отозвался было миролюбивый Павел Лаврентьевич.

Ан нет! — не слушает его приезжий, знай свое долдонит:

— А зареви-ка ты, собака, по-звериному!..

Смотрит Манюнчиков — не до шуток становится, визитер настырный, вон уже и за булаву хватается... Взял Павел Лаврентьевич шампур с шашлыком недожаренным да с дуба полез — свистеть, как просили.

И Илья так и не довез Соловья-разбойника во стольный Киев-град. Это сделал Павло Манюромец, крестьянский сын, называемый в богатырской среде просто и любовно — «Лаврентич».

4

...И приснился Павлу Лаврентьевичу Манюнчикову страшный сон.

Будто стоит он на перекрестке, тупо глядя на указатель дорожный; да и указатель-то так себе, краска облупленная, и сбоку готические глупости нацарапаны. Крайняя табличка на запад показывает, сама кривая, и написано суриком: «К Многоглавцу Зм. Г. Звенеть три раза», — а чем звенеть-то, и не написано!.. Рядом стрелка на юг, «Шли бы вы...» — и крест в конце — видать, по-немецки; а остальные Павел Лаврентьевич все равно разглядеть не успел, потому как из-за поворо-

та выскочил усатый паренек на пегой легкомысленной кобылке и к столбу затрусил.

Подъехал паренек, шляпой положенное отмахал и спрашивает с акцентом:

— Ист либер зи, мин херц, где здесь есть проходить дорога в замок?

— А бог его знает, — отвечает Манюнчиков, — где она здесь есть проходить, я сам только что подошел. Читай вон, на столбе написано.

— Найн, найн, — трясет париком собеседник, — ай дас наме принц Генрих, мы читать не обучены, мы все больше по фройлян части.

— Ишь ты, — смеется Манюнчиков, — а как же ты, их высочество, в документе брачном-то расписываться станешь? Или даму свою попросишь, ась, Гена?

А принц нервный попался, шпажонку свою вытащил, в нос Павлу Лаврентьевичу тычет и про дорогу нешутейно спрашивает.

Ну и махнул Манюнчиков наугад, чтоб отвязаться, — на запад махнул, где дым стоял и звенело что-то по три раза, обрывисто так звенело, нерадостно... И принц Генрих фон Клейст так и не разбудил свою Спящую Красавицу. Это сделал совершенно другой человек.

5

...И приснился Павлу Лаврентьевичу Манюнчикову страшный сон.

Будто висит он на кресте, гвоздями к нему приколоченный, а внизу толпа беснуется, лохматое солнце стоит над Лысой горой и маленький командир сирийских всадников холодную воду на свой белый тюрбан льет.

Повисел-повисел Павел Лаврентьевич, вниз посмотрел, ничего интересного не высмотрел, проснулся, побрился и на работу пошел.

6

...И приснился Павлу Лаврентьевичу Манюнчикову страшный сон.

Будто стоит он в длинной бесконечной очереди, и тянется очередь эта туда — не знаю куда, и достоявшиеся получат за горизонтом то — не знаю что; давно завершены все двенадцать подвигов, и отзвенела зурна на свадьбе с принцессой Будур, скрылся за тучу князь Владимир Красное Солнышко, и разбужена Спящая Красавица, и стоять ему в треклятой унылой очереди до утра, а там вставать, бриться и идти на работу, и вновь ложиться спать, и стоять в очереди, вставать, бриться, работа, постель, очередь, очередь, очередь...

И был это воистину страшный сон.

С тех пор Павел Лаврентьевич Манюнчиков страдает бессонницей.

КАК ПОГИБЛА АТЛАНТИДА

На планете Земля известный мореплаватель Христофор Колумб открыл Америку.

На Земле-Альфа известный мореплаватель Семафор Колумб проплыл мимо Америки, не заметив ее, и открыл Индию с черного хода (ибо нормальные герои, как известно на Земле-Альфа, всегда идут в обход).

На Земле-Бета-прим Америка открыла известного мореплавателя Христофора Лумумбу.

А тем временем (или не тем?!) на Земле-Зет в кубе дипломированный шаман Акведук Торнадо вызывал демона.

Демон тихо ругался в подпространстве и наружу не выходил.

— Явись! — в сотый раз взывал возмущенный Акведук. — Вылезай, кому сказано!..

— Ангела с два! — огрызался упрямый демон. — Я вылезу, а ты меня опять в «миксер» засунешь!

— Не засуну! — убеждал своего скептично настроенного оппонента вспотевший шаман. — Ей-богу, не засуну... ну явись, посидим, поговорим... Дело у меня к тебе, а?..

Услыхав о «деле», демон нечленораздельно булькнул и перестал подавать признаки жизни.

— Ну ладно! — пригрозил Акведук несговорчивому демону. — Я на тебя, подлеца, найду управу, клянусь призраком моей тети!

Начертал он на полу вторую пентаграмму, кувшин святой воды на всякий случай заготовил и прочел заклинание двадцать восьмого беспорядка.

Существо, возникшее в пятиугольнике, было невелико, в тапочках на босу ногу и со шваброй в передних лапах. Про-

сиявший Акведук простер к нему руку повелительным жестом.

— Как зовут тебя, вызванный мною для устрашения непокорных?! — грозно спросил шаман.

— Манюнчиков, — хмуро отозвались тапочки. — Павел Лаврентьевич.

...Вначале было Слово. Однако то Слово, которое было в начале нашей истории, мы повторять решительно отказываемся. Произнес же его Манюнчиков Павел Лаврентьевич, стоя в раздумье над «черной дырой», в подвале его образовавшейся.

Дыра действительно была черная, круглая, и в ней непрерывно что-то гудело и всхрапывало, — так что Слово вполне соответствовало увиденному.

Постоял Павел Лаврентьевич над феноменом, в затылке почесал, дверь на ключ закрыл да домой отправился.

Неприятности начались на следующий день.

Первой пропала в дыре трехлитровая банка вишневого компота, на зиму сохраняемая. Пропажа ее вызвала шок у Манюнчиковой жены Люськи; жена Люська вызвала участкового уполномоченного Амбарцумяна; героический Амбарцумян вызвал усиленный наряд и уполз в дыру.

Вряд ли стоит говорить о том, что вторым после злополучной банки пропал участковый уполномоченный Амбарцумян.

Следом за ним последовала швабра, которой угрюмый Манюнчиков тщетно пытался выковырять неудачливого сыщика, и наконец — наиболее близкий к швабре объект, судорожно вцепившийся в ее ручку. Когда Павел Лаврентьевич сообразил, кто же именно этим объектом является, — он уже летел вниз головой через пространственно-временной континуум, больно обдирая живот о хроносинкластические инфундибулумы.

Первые пять минут полета кувыркающийся Манюнчиков, не стесняясь в выражениях, крыл Мать-Вселенную на чем свет стоит. Однако ж на шестой минуте дошло до него, что летит он как раз через то, на чем этот самый свет стоит, — после чего Павел Лаврентьевич умолк и с полчаса летел молча, подыскивая нужные эпитеты.

Постепенно общая раздражительность Манюнчикова отходить стала на второй план, сменяясь интересом к происходящему — правда, надо заметить, интересом довольно-таки раздражительным. Вокруг планирующего Манюнчикова мелькали общественные формации и пластические деформации, пронесся и исчез в бездне обломок мироздания с корявой клинописью: «Ашурбанипал + Настя = ?»; вдалеке замигала неоновая реклама: «Бытие определяет сознание! Покупайте определитель сознания компании «Господь и Ко»! Только у нас...» — и светящаяся лента исчезла за поворотом; усатый тираннозавр с золотыми коронками на передних коренных и в милицейской фуражке, подозрительно смахивающей на головной убор пропавшего Амбарцумяна, подлетел поближе, приценился к зажатой в руках Павла Лаврентьевича швабре — и, не сторговавшись, куда-то в сторону по силовым линиям ускакал; и едва хвост склочной рептилии (надо сказать, весьма неприличной формы хвост!) скрылся за вихревым поворотом, как увидел Павел Лаврентьевич сперва покосившуюся табличку «Великий Предел», а следом за ней — другую табличку, «Великий Беспредел», и немедленно ощутил почву под ногами, а потом и под тем, из чего его ноги росли.

Посидел немного Павел Лаврентьевич, поразмыслил о судьбе своей пакостной, после голову поднял — и увидел мордатого субъекта в залатанной бордовой мантии и островерхом колпаке, делающем его похожим на отъевшегося Буратино с отрезанным носом.

— Как зовут тебя, вызванный мною для устрашения непокорных?! — гнусаво забубнил субъект, жмурясь и облизываясь от удовольствия.

— Манюнчиков, — хмуро ответил честный Манюнчиков. — Павел Лаврентьевич.

И ткнул Буратину кулаком под отвисшую челюсть.

...На Земле-Аж-В-Квадрате Великий Инквизитор Торквемада собирался сжечь великого ученого Галилео Галилея за вредные гипотезы о вращении планеты.

На Земле-Бета-прим великий ученый Галилео Водолей сделал себе харакири, узнав о самосожжении своего лучшего друга, Великого Инквизитора Торквемады.

Земля-Ом-439908 прочно покоилась на трех глянцевых китах.

На Земле-Си-Эс круглый дурак Лева Бармалей и Великий Инквизитор Торквемада пили розовое столовое, дружно проклиная вращающуюся под ногами планету.

На Земле-Зет-В-Кубе состоялось заседание высшего органа местной власти — Ветхого Совета.

Зал гудел. Ведущие маги современности, брызжа слюной, наматывали седые бороды собеседников на сучковатые волшебные палочки. Амнистированные демоны, возникающие по углам, в страхе бежали на галерку, откуда мерными воплями подбадривали заседающих.

Шутка ли — впервые за всю многовековую историю Атлантиды на ее землю вступал лично Демон Юнчиков, Факел Лабиринтович, в древних пророчествах предсказанный.

Однако ж для уяснения происходящего необходимо уделить внимание нюансам проблемы параллельных миров и образовавшегося между ними смесь-пространства, на местном жаргоне «миксера». (Просим прощения за сложность формулировки. См. магический словарь Пакгауза и Фреона.)

Всякому известно о существовании параллельных миров, а также о существовании обилия литературы на эту тему. Но лишь немногим ведома тайна смесь-пространства и суть метаморфоз любых объектов, в нем оказавшихся. Поясним на примере.

Допустим, из пункта А в пункт В, находящийся в мире ином (просьба не путать с загробным!), переправляется рыжая корова Елизавета ярославской породы, дабы проживающий в пункте В гуру Джавахарлал мог ее доить.

В то же время из пункта С в пункт Д переправляется рыжая Елена Прекрасная, дабы проживающий в пункте Д Парис мог ее любить.

Что произойдет с посылками, если принять во внимание непрерывно действующий «миксер»? Ответ приводится в любом учебнике для практикующих заклинателей. Гуру Джавахарлал рискует получить Елену а-ля натурель, но с печальной рогатой головой ярославской Елизаветы — и попытка подоить полученный результат вряд ли приведет аскета к желаемым последствиям.

В свою очередь, страдающий Парис вряд ли сумеет достойно любить оставшееся на его долю, при всех Парисовых выдающихся мужских способностях.

Что и требовалось доказать.

Многочисленные попытки магов Атлантиды преодолеть

упрямый закон «миксера» привели к резкому увеличению числа смешанных и помешанных, а оставшиеся нетронутыми люди и нелюди лезть в «миксер» отказывались категорически.

К счастью, в древних пророчествах упоминался некий могущественный Демон Юнчиков, никогда и ни с чем не смешивающийся — и способный начертать на Алтаре вселенской и еще какой-то там ихней Матери тайное заклятье, Неведомое-Всяким-Там. К чему это должно было привести, никто не знал, но все считали, что хуже, чем есть, уже не будет.

Наивный оптимизм населения Атлантиды и членов Ветхого Совета только упрочился в связи с появлением долгожданного мессии.

Вы спросите, почему это именно Манюнчиков Павел Лаврентьевич чести такой сподобился?! Все очень просто. Дело в том, что миры-то были друг другу параллельны, а Павел Лаврентьевич был всем этим мирам глубоко перпендикулярен!..

...К Алтарю соответствующей Матери Манюнчикова сопровождали первооткрыватель Акведук и его ассистент, застенчивый зомби Филимон, по прозвищу Живее-Всех-Живых.

— Чтоб ты сдох! — ругался возмущенный Павел Лаврентьевич, когда неуклюжий Филимон в сотый раз наступал ему на ногу.

— Не могу, Факел Лабиринтович, — виновато сипел Живее-Всех-Живых, руками разводя. — Я уже сдох...

— Это когда ж? — интересовался Манюнчиков с присущим ему тактом.

Зомби морщил синюшный лоб, загибал корявые пальцы и, не отвечая, шкандыбал дальше.

— Отстань от парня, демон! — вступался за приятеля Акведук Торнадо. — Сам видишь, склероз у него... Зомби, они все такие — физически еще ничего, а вот морально разлагаются...

— Да я ж ничего, — сдавал позиции пристыженный Павел Лаврентьевич. — Я ж так просто...

Тут Филимон снова наступал Манюнчикову на ногу, и все начиналось сначала...

...Вообще-то Демон Юнчиков, легендой предсказанный, оказался существом строптивым и малосимпатичным. То он требовал возвратить ему некий «ком-пот», якобы украденный Акведуком, то призывал на помощь своего коллегу, горного демона Амбар-Цумяна, то просто ругался на забытых диалектах и идти к Алтарю наотрез отказывался.

Вышеупомянутый демон Амбар-Цумян появился в Атлантиде неделей раньше, без всякого вызова и с доставшимися ему в «миксере» огромными клыками, а также с некоторыми отвратительными чертами его пылкого характера.

Еще в бытность свою участковым уполномоченным испытывал товарищ Амбарцумян гипертрофированную склонность к полу противоположному (он же женский, слабый или прекрасный) — а попросту говоря, был заядлый бабник.

Теперь же, унаследовав от неведомого попутчика обаятельный оскал и неукротимый звериный норов, клыкастый блюститель порядка немедленно стал грозой местных упитанных кариатид, к немалому удовольствию последних — и к не меньшему неудовольствию их мужей-атлантов, которые и рады бы были отвадить разрушителя и наплевателя в их семейный очаг, да побаивались новых атрибутов его мужского достоинства. Когда же товарищ демон Амбар-Цумян изредка отрывался от любимого эротического времяпровождения — он тут же, по старой памяти, принимался наводить порядок, чем приводил население в дикий ужас; и в конце концов атланты стали выделять пришельцу по даме в день, решив, что так будет дешевле. Жертва оказалась единственным способом укротить служебное рвение саблезубого уполномоченного.

Выяснив связь между демоном Амбар-Цумяном и еще более могущественным Демоном Юнчиковым, перепуганный Акведук Торнадо поспешил облить выбиравшегося из пентаграммы Манюнчикова святой водой, за что немедленно схлопотал шваброй по колпаку. И если бы не малочувствительный к швабре Живее-Всех-Живых, явившийся на вопли Акведука и отобравший у Павла Лаврентьевича его магическое оружие, то неизвестно еще, чем бы вся история закончилась. Но при виде зомби несговорчивый демон малость поутих и со скрипом согласился пойти к Алтарю.

По дороге они пару раз слышали торжествующее рычание с восточным акцентом и веселый женский визг пополам со стонами, — и Филимон крепче сжимал в руках отобранную швабру, озираясь по сторонам.

Над последней дверью прямо в воздухе горела метровая надпись: «Поту- и посюсторонним вход воспрещен!» — так что к Алтарю Павел Лаврентьевич подошел уже один.

Алтарь был дощатый, покосившийся, выкрашенный в ядовито-зеленый цвет, и над ним болтался оптимистичный транспарант: «Выхода нет!»

— Ну и не надо! — буркнул Манюнчиков и сразу же понял, что напоминает ему Алтарь. Святыня до крайности походила на сарай под окнами Павла Лаврентьевича, давно мозоливший чувствительные Манюнчиковы глаза. Сходство странно усиливалось до боли знакомой банкой из-под вишневого компота, стоявшей у подножия. Впрочем, компота в банке уже не наблюдалось, хотя жестяная крышка оставалась нетронутой.

Поглядев с минуту на сей сюрприз природы и вспомнив несколько подходящих к случаю идиом, взял Павел Лаврентьевич огрызок мела, под ногами валявшийся, и задумался. После руку протянул и изобразил на фасаде кривую пятиконечную звезду. Отошел, творением полюбовался — затем вспомнил неожиданно своего сослуживца Сашку Лихтенштейна и пририсовал сбоку еще одну звезду, на этот раз шестиконечную. Больше на ум ничего не приходило.

И вдруг Манюнчикова осенило. И, кроша скрипящий мел, вывел он поперек Алтаря ту самую фразу, которая уже с полгода красовалась на соседском сарае, возмущая стыдливых старушек и радуя глаз местных алкоголиков, — а в конце слово приписал, им же самим в начале нашей истории произнесенное.

Дрогнула земля, звякнула под ногами Манюнчикова трехлитровая банка экс-компота, краснеющая Мать-Вселенная вчиталась в тайное заклятье, неведомое просвещенным магам Атлантиды, — и пробудившийся «миксер» всосал в себя все параллельные миры, повинуясь великому и могучему русскому языку, к месту употребленному перпендикулярным Манюнчиковым.

...Не верьте измышлениям о параллельных мирах. Их больше нет. Оскорбленный «миксер» создал из них всего один мир — тот самый, извините за выражение, «коктейль», который мы с вами имеем на сегодняшний день. Не вери-

те — оглядитесь по сторонам. Ну как? То-то же... И ничего, однако, не поделаешь — закон матери нашей природы...

А вот что касается Атлантиды... Одни утверждают, что она накрылась тем самым, о чем упоминалось в тайном заклятии. Другие настаивают, что соседский сарай с его вечной нестираемой надписью и двумя разноконечными звездами — это и есть все, что от Атлантиды осталось. Третьи считают, что Манюнчиков скрывает Атлантиду у себя в подвале в банке из-под компота, — но проверить данный факт никак нельзя, поскольку ключ от подвала Павел Лаврентьевич никому не дает. Четвертые...

Впрочем, мы и не обещали давать ответы на все загадки Мироздания.

ВТОРОЙ ДЕНЬ ИЗОБИЛИЯ

Больше двух изобилий в одни руки не давать!..

Вынырнул Павел Лаврентьевич из-под колес грузовика, обалдевшего от прыти такой неожиданной, и сломя голову кинулся к хвостовому сегменту очереди.

— Кто последний? — риторически поинтересовался встрепанный Манюнчиков, пристраиваясь за двумя мрачными субъектами в одинаковых лохматых тулупах, из воротников которых торчали одинаковые оттоптанные физиономии.

— Что дают, братцы?

Братцы-разбойники подозрительно скосились на объемистый Манюнчиков портфель и отвечать раздумали окончательно и бесповоротно.

— Изобилие дают, — влезла в несостоявшийся разговор общительная дама, поразительно напоминающая свиноматку-рекордистку, недавно вышедшую в тираж. — Вчера завезли. Просили не занимать. Сами второй день стоим.

— Второй день изобилия, — неудачно сострил очкастый представитель межклассовой прослойки между свиноматкой и тулупоносителями. — Вы б за деньгами сбегали, а то вдруг не хватит...

Сунул Павел Лаврентьевич руку в карман, мелочью побренчал и понял, что наличных и на пол-изобилия не наберется...

— Я сейчас, сейчас, — засуетился расстроенный Манюнчиков, искательно заглядывая всем близстоящим в глаза, — я мигом, жене вот только позвоню, и все... Скажете, что я за вами?

— Без номера не скажем! — категорически отрезала Свиноматка, багровея медальным профилем. — Мы тут все... пронумерованные. Четырехглазый, покажи новенькому...

Четырехглазый покорно вздохнул и принялся расстегивать пальто.

— Да что вы, что вы! — замахал на него руками испуганный Павел Лаврентьевич. Четырехглазый увернулся от зажатого в Манюнчиковом кулаке портфеля и продолжил стриптиз.

Павел Лаврентьевич зажмурил глаза, но перед внутренним взором продолжал маячить надвигающийся кошмар: голый синий Четырехглазый, стоящий за изобилием.

— Ничего, земляк, не боись, — доверительно прогудел Манюнчикову в ухо Тулуп Первый. — Мы сами поначалу того... сбежать намылились, да попривыкли... оно только сначала боязно, а там дальше полегче... Давай, профессор, давай рубашечку-то, чего зря в грязь кидать...

Повернулся Четырехглазый к обомлевшему Манюнчикову, и увидел Павел Лаврентьевич номер заветный, и тянулся оный номер от ключицы до ногтя пальца безымянного, и стояла в нем цифирь римская, арабская и уж совсем никому не ведомой национальности.

Поглядел Павел Лаврентьевич на Четырехглазого с уважением неподдельным, поинтересовался, где ж красоту такую пишут на человеках, да и побрел в указанном направлении.

— Пропадет, родимый, — жалостливо всхлипнула жилистая бабуся с метлой за плечами, немедленно влезшая на освободившееся место. — Не дойдет, болезный... И до чего ж люди-то живучие... Иная животина сдохла б давно, а ваш брат... Не по зубам, видать, изобилие...

— Наш брат, — строго поправили Ягу из очереди. — Наш брат вашей сестре не товарищ. И не каркай, старая... Не по зубам... Тебе зато по зубам, да не по тем...

Захлопнула бабулька ротовое отверстие и отлетела на безопасное расстояние. И правильно, поскольку очередь за ней выстраивалась большей частью несуразная и со странностями: кучка пионеров с зелеными галстуками до колен, панки, похожие на инопланетян, инопланетяне, похожие на панков в третьем поколении, синдикат вездесущих напер-

сточников, тут же приговоривших братьев по разуму на летающий чайный сервиз на двенадцать персон...

Но дальнейших событий ушедший Манюнчиков уже наблюдать не сподобился, а посему не станем заострять на них внимание.

...К Писарю тоже стояла очередь, но немного меньше.

— Пол? — тыча бородой в дисплей, бодро интересовался Писарь. — Вероисповедание? Педикулезом не страдали?..

Компьютер уныло жевал данные и в муках рожал номера. Ветераны Пунических, Отечественных и Шестидневных войн лезли прямо к окошечку, тыча в нос возмущавшимся костылями и справками о похоронах. Обномеренные счастливчики застегивались и вливались в основной поток. За спиной Манюнчикова любопытные толпились вокруг раскосого азиата в шафрановой ночной рубашке.

— Наса здеся стояла, — вежливо кланяясь, разъяснял Косой. — Наса здеся в осередь завсегда стояла. Вся одна миллиарда сетыреста тысясь сто сорок сетыре селовека стояла.

Писарь проштемпелевал Манюнчиков бок и с криком «Следующий!» захлопнул окошечко, закрыв его на большой амбарный замок. Расстроенный следующий подергал замок за чугунную дужку.

— Отцепись! — сказал ему замок. — Перерыв у нас... Небось мы тоже люди...

— Наса холосая, — продолжал между тем Косой. — Наса понимает: по два исобилия в одни руки. У китайса два рука. Всего полусяется два миллиарда восемьсот тысясь двести восемдесят восемь исобилий. Наса совсем мала-мала нада...

Обогнул Павел Лаврентьевич ходока из Поднебесной, собрался было обратно идти, да забыл напрочь, в какой стороне это самое «обратно» лежит. Налево глянул, направо, затылок поскреб и двинул вдоль очереди наугад — назад, мол, не вернусь, так хоть к изобилию поближе буду!..

Шел Манюнчиков, шел и неожиданно обнаружил он между собой и очередью сходство немалое. Сами посудите: Манюнчиков движется, и очередь движется, и оба в одном направлении, да только туда-то они движутся, а вот назад с изобилием вожделенным ни одна зараза не возвращается! Задумался над проблемой Павел Лаврентьевич, ан тут из-за угла мужик здоровенный выныривает, и идет-то мужик как раз против движения, и несет мужик на плече ящик картонный, а ящик-то размером тютелька в тютельку с изобилие, как оно Павлу Лаврентьевичу представляется!..

— Мужик, а мужик, — подскочил к нему подмигивающий Манюнчиков. — Скажи хоть, почем оно там идет?..

— Полсотни рваных за трехлитровую банку... — воровато озираясь, просипел мужик.

— Банку? — оторопел Павел Лаврентьевич. — А оно что — жидкое?

— Кто — жидкое? — почему-то обиделся мужик.

— Как кто? Изобилие...

— Изобилие — оно завсегда жидкое, — ухмыльнулся мужик. — Дрожжей не достать, сахар весь с чаем выпили, вот и гоним... чего пожиже...

Тут из очереди двое вышли, с «маузерами» и в куртках кожаных покроя старомодного, — носами крутят, вроде как принюхиваются. Мужик ящик на плечо и в переулок! — а Манюнчиков от греха подальше в телефонную будку схоронился и номер свой домашний крутить стал — для конспирации и деньжат недостающих.

— Да не избили меня! — орал взбешенный Манюнчиков в глухонемую трубку. — Изобилие, говорю, дают! Да, и без талонов! Талоны, они на бедность, а тут совсем наоборот... Деньги неси, дура! Конец связи!

Собрался было Павел Лаврентьевич из будки наружу выбираться, да не тут-то было — очередь за это время вокруг телефона морским узлом обмоталась, двери чьим-то ухом заклинило, а на крыше уже тарелка космическая прителефонилась, и давешний наперсточник закатал по плоскости шарик фиолетовый, с параллелями да меридианами по контуру!..

Высунулся в окошко заточенный Манюнчиков, а вокруг — камзолы, парики, ботфорты — и все за изобилием! Трое усатых парней в плащах с крестами все норовили всунуть впереди себя еще одного коллегу, но очередь пружинила и возражала.

— Пропустите, месье! — умолял усатый.

— Пардон тебе с маслом! — огрызалась очередь. — Шерше ля вам в душу! Сначала, дескать, три мушкетера, а теперь и четвертый объявился... Вали отсюда и приходи двадцать лет спустя!

Четвертый хватался за шпагу, намереваясь резко сократить поголовье взыскующих изобилия.

— Выпустите меня! — заорал в разбитое окно будки Павел Лаврентьевич. — У меня номер есть! Я изобилия хочу!

— Все хотят, — урезонивала скандалиста непреклонная очередь. — Хоти молча...

— Я больше всех хочу! — не унимался несчастный Манюнчиков. — Я его не видел никогда!..

— И не увидишь, — успокаивала его очередь. — Тебе очки нужны, а не изобилие...

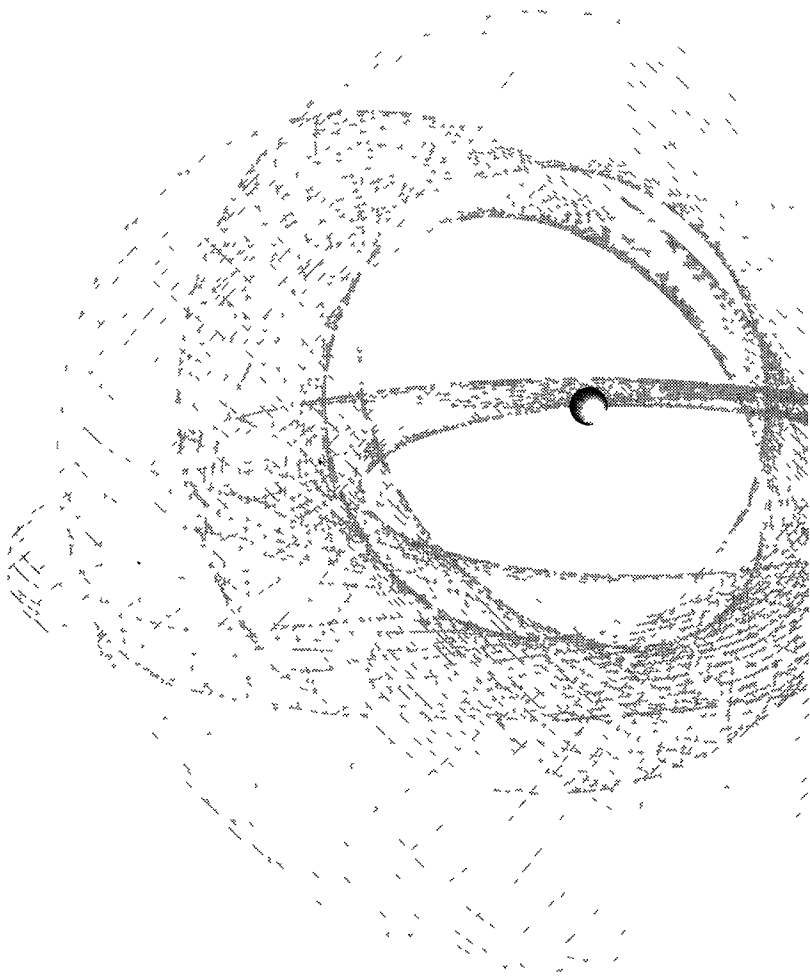
Рванулся Павел Лаврентьевич, выпал из будки и бросился вдоль очереди. Замелькали перед Манюнчиковым ливреи, короны, латы, шлемы, тоги, туники — и у каждого номера, и всем изобилие требуется! И когда волосатый неандерталец впился зубами в Манюнчиков портфель, понял Павел Лаврентьевич, что никакой жизни ему не хватит, чтобы достояться, дойти, пощупать это трижды проклятое изобилие!..

Впрочем, выход был, был — нет безвыходных ситуаций для гомо сапиенс Павел Лаврентьевич вульгарис! — и Манюнчиков ринулся на поиски. И уже над совсем другой очередью в совсем другом месте взвился победный крик воспрянувшего Павла Лаврентьевича:

— Больше двух бессмертий в руки не давать! Кто последний?..

СКАЗКИ ДЕДУШКИ-ВАМПИРА

ЦИКЛ
РАССКАЗОВ



КИНО ДО ГРОБА И...

Выройте мне могилу,
длинную и узкую,
Гроб мне крепкий сделайте,
чистый и уютный...

Из спиричуэлс

Младший инспектор 4-го отделения полиции Джаффар Харири вышел из кабинета шефа изрядно побледневшим. Волосы его стояли дыбом. Этот факт, принимая во внимание природную смуглость лица Джаффара и жесткую курчавость волос, настолько изумил секретаршу Пэгги, что она на 22 секунды прекратила макияж левого глаза и вопросительно взглянула на инспектора уже накрашенным правым. В ответ Джаффар выразительно потряс кулаком, в котором была зажата тонкая папка, и не менее выразительно изобразил процедуру употребления данной папки, если бы...

Суть дела заключалась в следующем.

В павильоне киностудии «Триллер Филмз Инкорпорейтед» был убит ассистент оператора Джейк Грейв. Его обнаружил заявившийся на студию налоговый инспектор. В задний проход Грейва был вбит деревянный колышек примерно пятнадцати дюймов длиной, дерево мягкое, волокнистое, предположительно липа или осина. Поскольку убийство произошло во время съемок сериала «Любовницы графа Дракулы», убийце нельзя было отказать в чувстве юмора. Правда, несколько своеобразном. После осмотра места происшествия, замеров и фотовспышек труп также проявил чувство юмора и исчез. Шефу 4-го отделения юмор был чужд, и именно поэтому дело было передано младшему инспектору Джаффару Харири.

...Свернув за вторым городским кладбищем, Джаффар подъехал к воротам киностудии. Левее чугунных створок торчала покосившаяся будка. Предположив в ней наличие сто-

рожа, вахтера или кого-то еще из крупных представителей мелкой власти, инспектор вылез из машины и направился к этому чуду архитектуры.

— Инспектор Харири. Мне необходимо видеть директора студии, — представился Джаффар черному окошечку. В недрах будки нечленораздельно булькнуло.

— Мне нужен директор, — настойчивее повторил Джаффар.

— Этот упырь? Этот кровосос? Мистер, наверное, большой шутник, — из дырки показалась всклокоченная борода и кусок заплывшего глаза. Джаффар отскочил от будки метра на два, но сразу взял себя в руки.

— А кого, э-э-э... кого, собственно, вы имеете в виду? — как можно деликатнее спросил он, пытаясь незаметно застегнуть наплечную кобуру.

— Как кого? — недра будки родили оставшийся глаз и часть щеки цвета бордо. — Директора имею в виду, вы же его спрашивали... Где ж это, мистер, видано, чтобы старый Том и не мог хлебнуть глоточек на этом чертовом посту? Какими такими инструкциями, во имя Люцифера и иже с ним...

Ржавые ворота заскрипели и стали раздвигаться. Джаффар поправил пиджак и зашагал к проходу. Дальнейшая беседа с пьяницей-сторожем не имела смысла.

— Эй, мистер, — донеслось из будки, — эй, мистер, пистолет-то, пистолет подберите... Чего ему перед входом валяться?..

«Вымерли они там, что ли?» — раздраженно думал инспектор, топчась перед матовыми дверьми холла и в тринадцатый раз вдавливая до упора кнопку звонка.

— И кому это не спится в такую рань? — послышался изнутри сонный женский голос. Джаффар с удивлением посмотрел на часы. Они показывали 17.28. Дверь распахнулась, и в ней соблазнительно обрисовалась блондинка с почти голливудскими формами. Она мило и непосредственно протирала заспанные глаза.

— Младший инспектор Джаффар Харири. Мне нужен директор.

— Так он, наверное, еще спит...

— Спит? А когда же он, простите, работает? Ночью?

— Естественно... Специфика жанра. Вы что, не в курсе, какие мы фильмы снимаем?

— В курсе. Вурдалаки всякие, упыри, колдуны там...

— Колдуны не у нас. Это на «XX век Фокс». Идемте, я вас провожу.

Они долго шли по полутемным анфиладам. Инспектор быстро привык к завываниям и леденящим душу стонам (раза два между ними вклинивался звонкий мальчишеский голос, повторявший одну и ту же идиотскую фразу: «Дядя Роберт, укуси воробышка!») и теперь с любопытством взирал на плакаты, украшавшие стены. С них скалились клыкастые парни в смокингах и истекали кармином томные брюнетки. Нередко плакат сопровождался двусмысленной надписью, типа «Полнокровная жизнь — жизнь вдвойне», «Упырь упыря не укусит зря», «От доски и до доски» и тому подобное.

Размышления Джаффара о местных традициях и своеобразном юморе прервала его очаровательная спутница. «Вы пока в баре посидите, ладно, а я на минуточку. Мне очень надо. Очень...» — последнее «очень» она протянула крайне соблазнительно, обнажив при этом пару блестящих белых клычков. Видимо, инспектор не сумел скрыть свои чувства, потому что девушка звонко рассмеялась и, сунув пальчики в рот, одним движением сдернула накладную челюсть. Джаффар, проклиная разыгравшиеся нервы и свою работу, вошел в дверь бара. В углу крохотного помещения, погруженного в красноватый полумрак, трое сотрудников пили томатный сок из высоких бокалов. За стойкой дремал толстый опухший бармен с постинфарктным цветом лица. Дальний столик оккупировала активно целовавшаяся парочка.

Джаффар заскучал, заказал «Кровавую Мэри» — сказалось влияние обстановки — и подсел к компании.

— Привет, ребята, — инспектор решил наладить взаимопонимание. — Ну и обстановочка у вас тут!

— Нормальная обстановка. Рабочая, — мрачно ответил один из выпивавших.

— Ну да. Рабочая. Я ж и говорю. Настолько рабочая, что какой-то шутник берет осиновый кол и...

Сидящих за столом передернуло.

— Не трави душу, парень, — говорящий вытер ладонью широкий безгубый рот. — И так тошно. А Грейв... Какой мужик был! Кровь с молоком! — при этих словах он мечтательно зачмокал и подавился своим пойлом.

Джаффар поспешно встал и проследовал к выходу. Проходя мимо влюбленных, он услышал страстный шепот: «Билл, не надо... Я же сказала — после свадьбы... Тогда — сколько хочешь!» Оттолкнув возбужденного Билла, пышная девица

принялась вытирать с шеи и части бюста ярко-красную помаду. Билл уныло сопел.

«Гомик, — подумал инспектор, — губы красит. Хотя зачем ему тогда женщина? И тем более свадьба? Бред какой-то...»

В поисках исчезнувшей проводницы Джаффар долго бродил по коридорам, не встречая ни одной живой души. Только из дверей с надписью «Звуко-операторская», откуда раздавалось бульканье и хрипловатые вздохи, вывалился тощий пожилой негр с бритой головой, напевавший на мотив известного спиричуэлса:

Nobody knows where's my grave,
Nobody'll knows where it is...[1]

Увидев инспектора, негр поперхнулся, сбившись на хроматические вариации, закашлялся, отчего лицо его пошло пятнами, и поспешно скрылся за углом.

Дальнейшие поиски привели к пустой гримерной, просмотровому залу, неработающему туалету и трем зубоврачебным кабинетам. На последнем висела сделанная от руки табличка: «Взявшего комплект надфилей просим вернуть Гаррисону. АД-министрация».

Пнув ногой очередную дверь, инспектор потерял равновесие, вылетел во внутренний двор студии и больно ушиб колено о каменное надгробие, на котором парочка юных греховодников пыталась заниматься любовью.

— Простите, — смущенно отвернулся Харири.

— Ничего, ничего, — отозвался слева от него выбиравшийся из-под надгробия покойник.

Двор стал быстро наполняться синюшными мертвецами с кривыми обломанными клыками, из могил потянулись изможденные руки, судорожно хватая наэлектризованный воздух; обнаженная парочка с воплем попыталась было смыться, но над ними уже зависли поношенные саваны...

— Стоп! Стоп! Что за идиот в кадре? Уберите! Кто так кричит! Кто так кусается?! Всех к Диснею отправлю! Джонни, следующий дубль!..

Идиотом в кадре оказался инспектор Джаффар Харири. Его отвел в сторону симпатичный моложавый упырь, до того куривший у «мигалки». Джаффар с перепугу не нашел ничего лучшего, как тупо ляпнуть своему спасителю: «Скажите, а зачем вам... три стоматологических кабинета? Это ж только на первом этаже...»

[1] И никто не узнает, где могилка моя,
Не узнает никто, где она... (*англ.*)

— А вы можете работать, когда у вас болят зубы? — осведомился собеседник. — Я, например, не могу.

Инспектор поспешил покинуть съемочную площадку, но на полпути споткнулся о собачью будку, из которой доносились странные звуки. Джаффар заглянул внутрь.

В углу затравленно скулил и дрожал от страха лохматый пес, а по краю алюминиевой миски с едой нагло расхаживал толстый воробей; временами он хрипло чирикал и клевал лежавшее в миске мясо, кося при этом на инспектора хищным зеленым глазом...

«...Вампир Джейк проснулся, как обычно, в шесть часов, с первым криком совы. Откинув крышку гроба, он запустил в будильник подушкой, еще немного полежал, потом поднялся и отправился чистить зубы. После этой процедуры он достал из холодильника банку консервированной крови, отхлебнул, поморщился, добавил джина с тоником и уже с удовольствием допил остальное. Некоторые считали Джейка гурманом, некоторые — извращенцем.

У подъезда опять околачивался вурдалак Фред, который немедленно стал клянчить двадцать монет до получки (почему именно двадцать — не знал никто, в том числе и сам Фред). Отделавшись от него долларом, Джейк помчался на работу.

Шеф был опять не в духе, и Джейк выскочил из его кабинета, подгоняемый яростным воплем: «Сто колов тебе в задницу!» Что такое кол в задницу, Джейк уже успел испытать — полгода назад он получил строгий выговор с занесением в личное тело.

Остальная рабочая ночь прошла ничуть не лучше; потому не было ничего удивительного в том, что Джейк возвращался домой, проклиная все на том и на этом свете. В подъезд склепа он ввалился в сопровождении мертвецки пьяного Фреда, клявшегося ему в любви до гроба, — и увидел ЭТО!

Омерзительное бледно-розовое существо с полуразложившимися зубами и сосискообразными пальцами без малейших признаков когтей шагнуло к Джейку из-за внешней стороны склепа. В детстве мама нередко пугала его людьми, подростком он обожал страшные истории, но такое!..

Этого Джейк вынести не смог. Он выхватил из-за пояса осиновый кол и всадил его себе в сердце...

...Следственная комиссия констатировала самоубийство на почве нервной депрессии; показания пьяного Фреда были

выброшены секретарем — все твердо знали, что это мистика, и людей не бывает...»

Джаффар немного поразмыслил над найденным обрывком сценария, сунул его в карман и присел прямо на пол. Откуда-то снизу до него доносились отголоски семейной сцены.

— Опять пару схлопотал! — рокотал солидный сердитый бас.

— Не пару, а кол! — огрызнулся мальчишеский дискант. Послышался возглас, звук падения крупного тела и шлепок, сопровождаемый хныканьем.

— Чему тебя только в школе учат? — произнес наконец женский голос. — Сколько раз тебе говорить, что это неприличное слово... Ну, кто теперь будет папу откачивать?

И тут Харири осенило. С криком «Эврика!» он понесся по коридору.

...Директор оказался обаятельным мужчиной средних лет, улыбку которого не портили даже плотно сжатые губы. Джаффар нахально уселся в кресло, представился и попросил разрешения начать. А начало было таким...

— В один прекрасный день... простите, в одну прекрасную ночь в пыльных закоулках филиала заурядной киностудии появился вампир. То ли ему осточертели родные кладбищенские кипарисы, то ли в нем проснулась неодолимая тяга к искусству — но, так или иначе, результатом блужданий бедного упыря стал труп встреченного продюсера, оставшийся в одном из переходов с традиционным следом клыков под ухом. Весь день несчастный вампир не находил себе места, а в шесть часов вечера помчался в памятный переход. Там его поджидал восставший из гроба продюсер.

После недолгого обсуждения вариантов нового сценария они разошлись по съемочным площадкам. На следующую ночь к ним присоединилась местная примадонна, которую не портили даже удлинившиеся зубки, и оператор. Через две недели студия «Триллер Филмз Инкорпорейтед» приступила к съемкам.

Гримироваться теперь приходилось не перед кинопробами, а после — если кто-нибудь хотел сходить, к примеру, на дискотеку. Проблема массовок решилась сама собой — кладбище было за углом, и толпы статистов в белых саванах лазили прямо через забор.

Впрочем, немногие сохранившиеся на студии люди, особенно вечно пьяный сторож, кусать которого было просто противно, отнеслись к ситуации философски. Кое-кто даже

добровольно соглашался на укус — правда, только после свадьбы...

Итак, смешанный коллектив студии с энтузиазмом взялся за дело. Первая же лента «Вампир во время чумы» добавила шесть нулей к банковскому счету, а сериал «Кровь с молоком»...

— Достаточно, мистер Харири, — директор снова улыбнулся, обнажив на этот раз все тридцать восемь зубов, не считая четырех рабочих резцов. — Я надеюсь, вы ограничитесь этим. Уважая ваш интеллект, а также фантазию, я думаю, что такой доклад все-таки не поступит в прокуратуру округа, не обладающую вашими умственными способностями. Вы меня понимаете? Кроме того, в противном случае я гарантирую вам со своей стороны весьма крупные неприятности... Не стоит лезть в бутылку, мистер Харири.

— Почему? — недоуменно спросил Джафар Муххамад Ибрагим Аль-Харири бен-Зияд, стремительно уменьшаясь в размерах и прыгая в стоявшую на столе пустую бутылку из-под джина. Звякнула завинчивающаяся пробка, бутылка вылетела в окно, сделала круг и взяла курс на Саудовскую Аравию.

СКАЗКИ ДЕДУШКИ-ВАМПИРА

Дедушка! Дедушка! Расскажи сказку! Дедушка!..

Крошки-упырешки веселой гурьбой влетели в склеп, и тот мгновенно наполнился их звонкими, жизнерадостными голосами.

— Деда! Сказку!..

Дедушка-вампир, кряхтя, сдвинул утепленную крышку гроба, с грустью посмотрел на недочитанную газету и послал всех к бабушке.

— А бабушка говорит, что она тебя в гробу видала и ты там целый день лежишь со своей газетой и ничего ей по дому не помогаешь!..

— Ох, детки, — проворчал дедушка-вампир, садясь в домовине и поглаживая костлявой рукой кудрявые затылки внучат. — Сколько из меня крови ваша бабушка попила... Ну да ладно, это все присказка, а сказка будет впереди...

...В некотором царстве, некотором государстве, в тридевятой галактике на спиральном витке, у далекого созвездия Гончих Близнецов жили-были пришельцы. То есть сами себя они, конечно, пришельцами не считали и даже обижались,

но раз уж к нам на Землю пришли — значит, пришельцы, и все тут. Теперь не отвертятся.

Жили-были там неподалеку еще одни, полупришельцы, из Сигмы Козлолебедя, только те шли к нам, шли, да так и не дошли, потому и зовут их — полупришельцы, или даже недошельцы, и больше мы о них вспоминать не будем.

Так вот, эти самые, которые из Гончих Близнецов, а в просторечье — гоблинцы, были сплошь членистоногие, членистоносые, членистоухие, и весь этот многочлен равномерно зеленого цвета. И хотели они, стервецы, матушку нашу Землю вставить себе в Галапендрию (Галактическую Империю по-гоблинцовому) в виде членика, да такого маленького, что ни в сказке сказать, ни пером описать, а все равно обидно.

Наши, земляне, их сперва послали куда следует — да только те слетали быстренько на подпространственных по указанному адресу и вернулись нервные, обозленные и в сопровождении трех крейсеров, двух линейных и группы мелкой поддержки. Вот тогда-то и пришлось по поводу членства принудительного собирать два секретных совещания.

Первое, ясное дело, в ООН. Русские с американцами кричат, что надо бы по агрессору ядерной дубиной шандарахнуть, а то сокращать дорого и жалко; а остальные ответных мер опасаются — и добро б еще по русским или дяде Сэму, а так ведь сгоряча и Люксембург какой-никакой зацепить могут!..

А второе совещание в Ватикане состоялось. И собрались на него иерархи христианские, а также всякие прочие с правом голоса совещательного, и порешили святые отцы паству свою, без различия вероисповедания, немедля призвать к священной войне супротив антихриста членистого до победного конца, прости Господи...

Вот только гоблинцы, плесень зеленая, совещания эти оба просканировали и поразились немало, поскольку были поголовно отъявленные монархисты, атеисты, материалисты и полиморфисты.

Запросили они центральный бортовой компьютер, что по части примитивных культур считался большим докой, и с его подсказки объявили себя ангелами Господними — да иерархи тоже не лыком шиты! Мигом обман разоблачили, анафеме предали и по телевидению заявили, что наш бог с нашим дьяволом как-нибудь уж сами договорятся, без посредников самозваных!..

И созрел тогда у гоблинцов коварный план...

* * *

...В Риме, в соборе Св. Петра, шла проповедь. Его святейшество, папа Пий XXIV стоял на кафедре, и пятеро кардиналов шелестели вокруг понтифика малиновым шелком сутан.

— Близится Судный День, дети мои, и грядет...

Точную дату Судного Дня папа Пий назвать не успел. Входная дверь с грохотом распахнулась, лучи фонарей ударили в глаза главе христианского мира, и в проеме выросли гоблинцы с излучателями в верхних членах рук.

«Психообработка... — обреченно подумал папа Пий. — Галлюциногены, облучение, и через неделю я призову наивных верующих к отречению и смирению... Изыди, сатана!..»

Его размышления прервал властный бас кардинала Лоренцо:

— На колени, дети мои!..

И когда агнцы божьи послушно рухнули на колени, его преосвященство неприлично задрал сутану и выхватил из-под нее старый добрый «узи» калибра 9 мм, оставшийся у кардинала со времен его службы в морской пехоте США.

— Аминь, сволочи!

Рука не подвела отставного сержанта Лоренцо. И святые с фресок Микеланджело с завистью покосились на новый аргумент в деле веры.

— Отпускаю тебе грехи твои, — папа Пий торопливо осенил сообразительного прелата крестным знамением и нырнул в дверцу за кафедрой.

...А потом мелькали повороты, тайные переходы, липла на потное лицо паутина тоннелей, и в конце концов понтифик осознал, что он один. Группа прикрытия — три кардинала помоложе и епископ Генуи — осталась далеко позади, и папа Пий, задыхаясь, бежал по ночному Риму, спотыкался о вывороченный булыжник окраин, пока не остановился у чугунной ограды кладбища Сан-Феличе.

— Неисповедимы пути Господни... — хрипло прошептало загнанное святейшество и потянуло на себя створку ворот.

Зловещий скрип распилил ночь надвое...

* * *

...Вампир Джованни, старожил кладбища Сан-Феличе, был крайне удивлен, обнаружив у своего родного склепа странного незнакомца.

«Зомби...» — подумал Джованни. Он слыхал, что где-то в Африке у него есть родня, но внешний вид зомби представлял себе слабо, поскольку не выезжал никуда дальше Флоренции.

— Ты кто? — осторожно поинтересовался Джованни, прячась в тень и натягивая верхнюю губу на предательски блестевшие клыки.

— Папа я... — донесся ответный вздох.

— Чей папа?

Джованни очень боялся шизофреников и маньяков, в последнее время зачастивших в места упокоения.

— Римский... Пий XXIV. В общем, мое святейшество...

Джованни расслабился и вылез из укрытия. К обычным психам он всегда относился с симпатией.

— Очень приятно. А я — Джованни. Вампир. Какие проблемы, папа?

И затравленный понтифик, повинуясь неведомому порыву, рассказал ему все...

— Ну и что? — недоуменно пожал плечами Джованни в конце сбивчивого повествования. — Мне-то какая разница? Попил красной кровушки — теперь зеленую пить стану... Все разнообразие, а то желудок что-то пошаливать стал. Ведь знал же, что нельзя наркоманов трогать...

— Креста на тебе нет! — озлился папа Пий, хлопая тиарой оземь. — Как у тебя только язык повернулся!..

— Ты за язык мой не беспокойся! Он у меня поворотливый!.. А креста, понятное дело, нет... откуда ж ему взяться, кресту, ежели я — вампир?

— Ну вот! А я тебе о чем толкую?! Ты же наш, здешний, земных кровей... В смысле — нелюдь. Я, значит, людь, а ты — нелюдь. Единство и борьба противоположностей. А эти — пришельцы! Чужие то есть... инородцы!

— Инородцы?!

Хриплый запойный бас колыхнул воздух склепа, и в дверях возникла нечесаная голова с красным носом-картошкой.

— Где инородцы?! Сарынь их на кичку!..

Надо заметить, что третьего дня к Джованни приехал погостить закадычный приятель — упырь Никодим из далекой Сибири. Как он там сохранялся в вечной мерзлоте и чем питался в своей тундре — этого никто доподлинно не знал, но отношение Никодима к инородцам было в упыристической среде притчей во языцех.

Джованни едва успел ввести друга в курс дела, как темень

кладбища Сан-Феличе прорезали ослепительные лучи прожекторов.

— Это за мной, — сказал папа Пий, грустно глядя на патруль гоблинцов. — Прощайте, ребята. Рад был познакомиться...

— Что?!

Грозный рев Никодима сотряс решетки ограды, и из-под его распахнувшегося савана выглянул краешек тельняшки.

— Да чтобы мы своего, кровного, этим двоякодышащим отдали?! Век мне гроба не видать! Ваня, чего рот разинул — подымай ребят! Неча по склепам отсиживаться, когда Родина-мать зовет!..

— Си, синьор колонело! — вытянулся во фрунт просиявший Джованни и сломя голову кинулся к ближайшей усыпальнице, откуда высовывалась чья-то любопытная физиономия.

А Никодим уже выцарапывал на известке стены крупными буквами: «МЕРТВЫЕ СРАМУ НЕ ИМУТ!»

* * *

На следующее утро большинство газет вышло под заголовком: «Римское кладбище Сан-Феличе — последний оплот человечества!..»

И во многих газетных киосках мира по ночам слышались осторожные шаги, и отливающие алым глаза бегали по мелкому шрифту строчек...

Вскоре в Рим прибыла интернациональная бригада: Упырявичюс, Упыренко, д'Упырьяк, Упыридзе, Упыйр и интендант Вурдман. Последний немедленно переругался с Никодимом, не сойдясь во взглядах на распятие Христа, и папе Пию пришлось мирить скандалистов, ссылаясь на прецеденты из Ветхого и Нового Завета.

Внутренние разногласия прервало появление полуроты гоблинцов, встревоженных пропажей патруля. Они рассыпались цепью и принялись прочесывать кладбище в тщетной надежде найти и поставить на место строптивого наместника Св. Петра.

Понтифик был надежно укрыт в одной из усыпальниц, а патриоты переглянулись и принялись за работу.

Мраморные ангелы надгробий с любопытством наблюдали за происходящим в ночи, напоминавшим сцену из эротического фильма, которые ангелам смотреть не рекомендова-

лось. Всюду мелькали тени, они сплетались, падали в кусты сирени, из мрака доносились сосущие звуки, причмокивание, стоны и слабеющие возгласы на трех галактических наречиях...

Это повторялось несколько ночей подряд — дневные поиски неизменно терпели фиаско, а эксгумация не давала никакого результата — и вскоре командование пришельцев забеспокоилось всерьез.

И было от чего...

Укушенные гоблинцы на следующий день становились убежденными пацифистами, отказывались строиться по росту, вели пораженческую агитацию, топили в сортирах казенное оружие и ко всем приставали со своими братскими поцелуями — что грозило эпидемией.

Тем временем Никодим и компания успели убедиться в том, что зеленая жидкость, текущая в венах оккупантов, похожа на ликер «бенедиктин» не только цветом. Это, видимо, было связано с системой кровообращения пришельцев, напоминавшей в разрезе змеевик.

Так или иначе вылазки участились, а в перерывах можно было видеть покачивающихся борцов за независимость и лично Никодима, пляшущего под колоратурное сопрано Джованни:

Эх-ма, поживем,
Поживем, потом помрем!
После станем упырем —
В порошок врага сотрем!..

Потом Джованни сбивался на «Санта-Лючию» и лез к папе Пию с заверениями в дружбе до гроба.

На распоясавшихся упырей явно не было никакой управы, но понтифик понимал — долго так продолжаться не может. Слишком хорошо был ему известен алчный и вероломный характер рода человеческого...

* * *

Папа как в воду смотрел. Через неделю явилась к пришельцам некая склизкая личность. Разговор проходил при закрытых дверях, но кто-то из гоблинцов по незнанию забыл запереть окно, и большая летучая мышь с подозрительно невинными глазками впорхнула в комнату и притаилась в углу за портретом Леонардо да Винчи.

— ...да ваши бластеры, господа, им ведь что мертвому припарки! Пульку из серебра вам надобно, колышек осиновый да чесночка связку! Так что меняемся, ваше многочленство, — я вам технологию нужную, а вы мне — награду обещанную. Золотишко, брильянтики, а перво-наперво — цистерну коньяку самолучшего, да чтоб звездочек на полгалактики хватило!..

Мерзкий человечишка хихикал, плевался слюной, и каждым своим членикам внимали гоблинцы словам предателя...

* * *

— Кто там? — в страхе воскликнул человек, садясь на смятой постели.

— Кто там, кто там... — пробурчали из темноты.

— Мы там... Только уже не там, а тут...

Предатель мгновенно протрезвел, да все напрасно, потому что через секунду он сам уже был — «там».

Никодим отошел от кровати и долго отплевывался, полоща рот дареным коньяком.

* * *

...Гоблинцы старались вовсю. Спешно отливались драгоценные боеголовки, лазерные пилы валили осины одну за другой, на глайдерах устанавливались реактивные колометы — приближалось время решающей битвы.

* * *

— Плохи дела, папаша, — мрачно возвестил Никодим, вваливаясь в склеп, служивший резиденцией опальному понтифику. — Продали нас. Вредитель один, земля ему пухом... Теперь жди неприятностей.

— Передатчик бы нам, — вздохнул папа Пий. — Подмогу бы вызвали. Только где ее найдешь, подмогу эту?..

— Подмогу? — задумчиво оскалился Никодим. — Дело говоришь, батя... Вот только поспеют ли? Ну да ладно, полезли наружу.

— А у вас что, и передатчик имеется?

— Имеется, имеется, — заверил папу вошедший Джованни. — Давайте, ваше святейшество, поторапливайтесь...

Через пять минут они уже стояли в западной части кладбища.

— Эй, Антонио! — постучал Джованни когтистым пальцем по одному из надгробий. — А ну вставай, проклятьем заклейменный!..

— Чего тебе? — донесся из-под земли недовольный голос.

— Говорю, вылезай! Голова твоя нужна!

— Как баб водить — так Антонио на стреме, а как голова... — забубнил под плитой сердитый Антонио, но Никодим перебил его:

— Слышь, Тоша, если ты немедленно не угомонишься и не вылезешь, я тебя лично за ноги вытащу, и тебе тогда тот свет этим покажется...

Папа машинально перекрестился, и Джованни шарахнулся в сторону.

— Вот ведь приспичило, и отлежаться не дадут...

Плита приподнялась, и в чернильном проеме образовался сутулый скелет с кислым выражением черепа.

— Пойми, Тоша, — проникновенно заявил Никодим, — нам сейчас башковитый мужик во как нужен!..

— Да ладно, — застеснялся скелет. — Берите, раз надо...

И снял череп, протягивая его Никодиму.

— Где Вурдман?! — заорал довольный упырь, поглаживая Антонио по гладкой макушке. — Где эта морда...

— Сам дурак, — перебил его обидчивый Вурдман, появляясь невесть откуда, — уже и родственников проведать нельзя... Держи, матерщинник!..

Никодим взял у него пару посеревших от времени берцовых костей и сложил весь комплект на плите.

— Связист! Давай сюда!

Прибежавший на крик тощий очкарик Упырявичюс ухмыльнулся, взял кости и принялся бодро отстукивать на широколобом черепе Антонио нечто среднее между морзянкой и тарантеллой.

— Да не колоти так — больно же! — поморщился череп, но на него не обратили никакого внимания, и он обиженно смолк.

Сигналы непокорного кладбища Сан-Феличе стремительно понеслись к Луне, отражаясь от ее диска и достигая в падении многих областей Земли; и в тех местах зашевелился рыхлый грунт, дрогнули древние курганы, заскрипели прогнившие кресты, и со скрежетом стали подниматься тяжелые могильные плиты...

* * *

— Полундра! — внезапно прервал Никодим сеанс связи. — На подходе оккупанты! Папу — в укрытие, остальным занять позиции! Не боись, братва, — хлебнем зеленки напоследок!..

Спустя мгновение глайдеры противника уже утюжили серебряными пулями последний бастион свободомыслия. Рявкали кассетные колометы, осина косила защитников одного за другим, и удушливое облако чесночного запаха поползло над трясущейся землей. Героические нетопыри бились грудью в защитные колпаки машин, и в сполохах стала отчетливо видна фигура Никодима, стоявшего под пулями в полный рост и выкрикивавшего сорванным голосом:

— Ни шагу назад! Велика Земля, а отступать некуда! Кто знает заклятия — сбивай паразитов!..

Высунувшийся Вурдман торопливо забормотал что-то на иврите, но это не возымело особого действия.

— Раскудрить твою через коромысло в бога душу мать триста тысяч раз едрену вошь тебе в крыло и кактус в глотку! — взревел разъяренный Никодим.

— Аминь, — робко добавил из склепа папа Пий.

Гремучая смесь иврита и латыни с чалдонским диалектом вынудила два глайдера взорваться прямо в воздухе.

— Парни! — неожиданно крикнул из окопа охрипший Упыренко. — Они пехом прут!..

— Вперед! — заорал Никодим, вспрыгивая на бруствер и разрывая на груди полуистлевшую тельняшку. — За мной, братва! Покажем членисторогим, как надо умирать во второй раз!..

И за широкой спиной Никодима встали во весь рост черноволосые вампиры Флоренции и Генуи, горбоносые упыри Балкан, усатые вурдалаки Малороссии и Карпат...

Они шли в свою последнюю атаку.

Многоголосый рев раскатился неподалеку за южными склепами, рев сотен глоток, и Никодим на мгновение обернулся — и застыл, недоуменно глядя на стройные колонны, марширующие к кладбищу Сан-Феличе от дальних холмов.

Они услышали. Они успели вовремя.

Якши Фуцзяни и Хэбея, зомби Бенина и зумбези низовий Конго, алмасты Бишкека и тэнгу Ямато, ракшасы Дели, гэ Ханоя, гули Саудовский Аравии, уаиги Осетии, ниррити

Анголы, полтеники Болгарии, бхуты Малайзии и Индонезии...

— Наши... — шептал Никодим, закусив губу прокуренными клыками, и по небритым щекам его бежали слезы. — Наши идут... Вот она, международная солидарность, вот он, последний и решительный...

Джованни молился.

Ряды гоблинцов смешались, и пришельцы стали беспорядочно отступать к своим кораблям.

— Ага, гады, не нравится! — Никодим мертвой хваткой вцепился в обалдевшего от ужаса захватчика. — Пей до дна, ребята!..

Серое небо почти одновременно прочертили несколько огненных столбов — гоблинцы в панике стартовали, спеша унести дрожащие члены ног.

И тогда навстречу им побежал маленький лысый еврей, путающийся в длинных полах старомодного одеяния; а за ним, словно на привязи, неумолимо надвигался Огненный Столп Иеговы.

«Дядя...» — ошарашенно пискнул Вурдман, но великий каббалист раввин Арье-Лейб даже не обернулся, увлеченный преследованием.

Ослепительная вспышка озарила Землю, и с нашествием было покончено.

* * *

— А дальше?!.

— Дальше...

Дедушка встал, и на его саване тускло блеснули медаль «За оборону Земли» и почетный знак «Вампир-ветеран».

— Дальше как обычно. И стали они жить-поживать...

— И гематоген жевать! — хором закончили сияющие внуки.

Дедушка счастливо улыбнулся и направился к наружной двери склепа, где в почтовом ящике его уже ждала корреспонденция: муниципальный еженедельник «Из жизни мертвых», научно-популярная брошюра «Светлая сторона склепа» и письмо.

Забрав почту, дедушка прошлепал к холодильнику и извлек из него пузатую бутылку с надписью на наклейке: «Кровь консервированная с адреналином. Пить охлажденной». Один из внуков потянулся было за другой бутылкой, с темно-зеленой жидкостью, но старый вурдалак строго одернул неслуха и захлопнул дверцу.

— Мал еще! Нечего к хмельному приучаться! Это от тех... залетных... Вроде контрибуции. Этим самым и берем...

Он приложился к первоначально выбранной посудине и, сделав основательный глоток, довольно крякнул.

— Хорошая штука, однако... с адреналинчиком. Бодрит! И для здоровья полезно...

Обиженный внук включил телевизор, и бодрый голос диктора сообщил:

— А сейчас в эфире передача «Для тех, кто не спит вечным сном...».

Дедушка расположился в кресле, убавил звук и распечатал письмо, написанное неустойчивым детским почерком и начинавшееся словами:

«Дорогой дедушка Никодим! Пишет тебе девочка Варя из твоего родного села Кукуйчиково. Я хочу быть такой, как ты, и, когда вырасту большой...»

ПОСЛЕДНЕЕ ДОПУЩЕНИЕ ГОСПОДА

И сотворил Бог человека по образу своему...

Ветхий Завет,
1-я книга Моисеева,
Бытие, стих 27

Джошуа не помнил, как он оказался на берегу. В мозгу мелькали неясные обрывки: дорога к подземелью, запутанные темные переходы, фигуры в бесформенных балахонах, дымное пламя факелов — и ужасное, зловещее, но необъяснимо притягательное лицо Лучезарного, с горящими углями зрачков!..

И тут до Джошуа дошло — отныне он Посвященный!

— С прибытием, Посвященный! — прохрипели сзади него.

Джошуа обернулся, и мир, взорвавшись, разлетелся на множество мелких осколков, ничем не связанных друг с другом.

Волосатый детина в кожаных штанах и твидовой жилетке, надетой прямо на голое тело, удовлетворенно потер правый кулак. Его приятель, ухмыляясь в нечесаную бороду, подошел к неподвижно лежащему Джошуа.

— Ты, падаль, знал, на что идешь, — тихо сказал он, — теперь молись своему сатане!..

Над головой Джошуа взлетел лом...

— Боб, он, кажется, влип...

— Сам вижу. Вводи первое допущение.

...Над головой Джошуа взлетел лом, но рука его уже скользнула в задний карман. Дуло «магнума» ринулось навстречу ребристому железу, полетели искры, и нападающий с воплем схватился за запястье. Еще два выстрела разорвали ночную тишину, и Джошуа кинулся к стоящему в камышах мотоциклу. «Судзуки» взревел и вылетел на укатанную дорогу, переехав ноги покойного верзилы. Его агрессивный напарник лежал чуть поодаль.

На втором повороте мотоцикл неожиданно занесло, и Джошуа ободрал бок о щебенку. Проклятая машина навалилась ему на бедро, и, пытаясь выбраться, Джошуа увидел выросшую над ним закутанную до глаз черную тень с силуэтом короткого меча за спиной.

— Боб, его сейчас убьют. Пошли обедать.

— Заткнись, Фрэнки. Вводи второе допущение. Коэффициент достоверности пока выше критического.

...выросшую над ним черную тень с силуэтом короткого меча за спиной — и в памяти Джошуа сразу всплыли годы на побережье Окинавы, узкие холодные глаза Акиро Куросавы, последнего учителя ниндзюцу из древней школы «Сумасшедшая сакура»...

Джошуа опустился в привычный лотос, скручивая пальцы рук в замысловатую фигуру. Прыгнувший ниндзя налетел на выставленный большой палец и с криком боли покатился по щебенке. За это время Джошуа снял с багажника старенький чемодан и успел переодеться в наследие покойного мастера.

Бежавшие к нему напарники погибшего, размахивавшие тандзе, кусаригма и тонфа, были встречены потоком сюрикенов и незамедлительно отправлены в нирвану. Джошуа вскочил, издав боевой клич южного Хоккайдо, — и автоматная очередь заставила его снова залечь за мотоцикл. По полю, рассыпавшись цепью, к нему бежали солдаты, на ходу вставляя новые обоймы, — не менее трехсот человек...

— Боб, пошли обедать. Жрать охота.

— Ну не менять же сценарий... Давай, дорогой, вводи третье допущение.

— А коэффициент достоверности?

— Черт с ним! Доведем этого камикадзе до финала — получим премиальные! Давай, Фрэнки...

...не менее трехсот человек. Джошуа откатился за ближайший валун, лихорадочно разгребая землю под крайним левым выступом. Где-то здесь...

Нижняя часть камня послушно отъехала в сторону, обнажив провал тайника. Джошуа засунул руку по локоть в черную дыру, пошарил там с полминуты и выволок на свет божий свой любимый импульсный седиментатор, подаренный Трехглазым еще во времена Первого нашествия альтаирцев.

Огненный смерч пронесся над замершим полем, и второй гвардейский батальон коммандос серым пеплом лег на обугленную равнину. Зеленые береты кружились в потемневшем небе. Джошуа вытер мокрый лоб, глянул на встроенный в рукоять радиолокатор — и обессиленно сполз на спекшуюся землю. На экране четко просматривались тридцать семь объектов, со сверхзвуковой скоростью идущих к Джошуа. Это могли быть только ядерные баллистические ракеты со спутниковых баз, и означали они только одно — конец!

— Бобби, я не могу питаться одним святым духом...

— Плевать, Фрэнки, вводи четвертое... Этот парень меня разозлил!

— Предохранители сгорят!

— Соединяй напрямую. Погоди, я сам сяду. Ну-ка...

...Конец? Черта с два! Посвящение окружило Джошуа своим непроницаемым кольцом. Инициация свершилась, и горящие глаза Лучезарного вопрошали: «Помнишь ли ты, прах земли? Мир твой — не есть мир изначальный, но мир сотворенный; есть высшие реальности, где Посвященный сможет сам творить свою судьбу. Восстань и иди!..»

Толстый Фрэнк выругался, наклонился за упавшим предохранителем и застыл с согнутой спиной, обалдело воззрившись на возникшего в пульт-операторской закопченного Джошуа. Роберт попытался было воззвать к небесам, но был грубо схвачен за шиворот и выброшен из помещения. За ним вылетел Фрэнки, и дверь захлопнулась. Джошуа подошел к компьютеру и сел за терминал. Он уверенно набрал нужный оператор и стал вводить новую программу. Теперь-то он начнет с самого начала!..

«Вначале сотворил ДЖОШУА небо и землю...»

Замигали лампы под потолком, взвыли силовые трансформаторы, включилась аварийная сирена — но Джошуа упрямо продолжал...

«И сказал ДЖОШУА: да будут светила на тверди небесной, для отделения дня и ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов...»

Летели искры, горела изоляция, между вздыбленными волосами Джошуа проскальзывали разряды — но ничто уже не могло его остановить...

«...И сказал ДЖОШУА: да произведет земля душу живую по роду ее, и скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так...»

Ураганы и вихри, цунами и землетрясения, катаклизмы и катастрофы — конец света не мог бы помешать ему, оборвать последнюю фразу...

«...И увидел ДЖОШУА все, что Он создал, и вот, хорошо весьма...»

Грохот взрыва, сорвавшего дверь с петель, потряс комнату и отшвырнул Джошуа к стене. В дверном проеме возникло нестерпимое ослепительно-белое сияние с едва различимыми в ореоле пушистыми кончиками крыльев. Сияние угрюмо прошлось по комнате, остановилось у пульта и склонилось над дисплеем.

— Высшие Реальности, — недовольно пробурчало сияние. — Нехорошо, Джошуа, нехорошо... Весьма.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА СТАРШЕГО НАБЛЮДАТЕЛЯ СЕКТОРА МН-6-12

Главному Координатору
Управления Колонизации

Довожу до вашего сведения, что планета класса С-17-28-К, населенная двуногими прямоходящими частично шерстяными гуманоидами, создавшими техническую цивилизацию уровня 3-А, на данном этапе для колонизации непригодна ввиду высокого научно-технического и военного потенциала.

1. Службой наблюдения было обнаружено специфическое порождение туземного разума, именуемое на местном диалекте «литературой художественной» (образцы прилагаются) и не имеющее аналогов в известной нам цивилизованной области Галактики.

2. Основными потребителями вышеуказанного феномена являются аборигены, представляющие наиболее развитую часть населения и имеющие максимальное влияние на научно-технический прогресс.

3. Попытки манипулирования общественным мнением с целью внушения идеи бесполезности и вредности «литературы художественной» привели лишь к локальным фактам уничтожения и запрещения отдельных образцов, а также к возникновению внутри феномена сектора «литературы массовой», удовлетворяющей физиологические запросы сжигавших и запрещавших и не вызывающей повышения интеллекта, вредного для их душевного равновесия.

4. В связи со всем вышеизложенным предлагаю принципиально новое решение: тотальное внедрение на должности так называемых «редакторов», вносящих в конечный продукт «литературы художественной» необходимые изменения и сокращения, человекообразных андроидов, с урезанным эмоциональным блоком и отключенным фаза-генератором чувства юмора (в дальнейшем возможно использование соответствующих аборигенов, прошедших телепатическое внушение).

В результате их полезной деятельности средний уровень «литературы художественной» вынужден будет опуститься до уровня «литературы массовой», а затем и до необходимого нам уровня, существенно снижающего правополушарный творческий момент и готовящего почву для последующей колонизации.

С уважением,
старший наблюдатель
СИКУРОДЖИ РУКХ О.

* * *

Резолюция Главного Координатора Управления Колонизации: «Документ устарел. Сдать в архив. Старшего наблюдателя Сикуроджи Рукха О. по причине профнепригодности перевести с понижением. В редакторы».

КОГАН-ВАРВАР

Маленькое предисловие от авторов

На «Интерпрессконе-96» в кулуарах (и не только) велось немало разговоров о феномене так называемой «Русской (славянской) Fantasy». Под конец конвента, когда участники подобных обсуждений уже изрядно устали и обсуждаемый предмет несколько приелся, тема вдруг, как бы сама собой, повернулась

под странным углом и предстала в немного неожиданном ракурсе. Собравшиеся в одном из номеров четверо участников «Интерпресскона» и не подозревали, что через полтора года их тогдашний разговор выльется в... компьютерную 3D-Action игру, а их самих попросят составить к этой игре краткое описание для пользователей! В общем, смотрите, что получилось:

ХИПЕШ-ГРАД
(3D-Action Game, (c) 1997, PEROON Ltd.)

Краткое описание игры
(в помощь начинающим)

В игре существует пять категорий сложности:
1. «Красна девица»
2. «Добрый молодец»
3. «Гагарин Змеевич»
4. «Кощей Бесстыжий»
5. «Аврыло Селянинович»[1].

Единственное оружие, которое есть у вас при входе в игру, — это бугайтырская дубарь-падлица (оружие №1).

I. МИССИЯ ПЕРВАЯ: «КОГАН-ВАРВАР».

УРОВЕНЬ 1: «Село Супоросье».
Оружие, которое можно здесь найти:
— Шест-топор «Красны Ягодицы» (оружие № 2).
Артефакты:
— Святое Деепричастие.
Враги (здесь и далее перечисляются в порядке увеличения зловредности):
— Cow-Boy John (Иван Коровий Сын);
— Злой молодец Пристебень;
— Евпатий Коловрот (без Шест-топора не обойтись!).

УРОВЕНЬ 2: «Лохомордье».
Враги (новые):
— Леший Олег;
— Водяной Хвостокрут;
— Кот Печеный.

[1] Примечание: выбрав последнюю категорию, вы рискуете приятно провести время — при вашем появлении на игровом пространстве все враги, даже не помышляя о сопротивлении, в страхе прячутся, оставляя сверху сокровища и артефакты.

УРОВЕНЬ 3: «Сучий Посад».
Оружие:
— Меч-Гаденец (оружие №3).
Артефакты:
— Анадырь-Камень;
— Колдурь-Слово.
Враги (новые):
— Добровольные народные дружинники;
— «Старые русские»;
— Ворюги Юриковичи во главе с отцом родным Юриком Косоруким (побиваются Анадырь-Камнем!);
— Князь Владомор Зелено Горлышко (колдурится с третьего попадания).

УРОВЕНЬ 4: «Семирачье» (секретный уровень, населен свинородцами, для начинающих и кончающих не рекомендован).

УРОВЕНЬ 5: «Деревня Большие Ниндзюки».
Оружие:
— Сапоги-Сракобои (оружие №4).
Артефакты:
— Позорная Труба.
Враги (новые):
— Юдоед;
— Илья Или-не-я;
— Злобыня Никитич;
— Алеша Рабинович (несовместим с Юдоедом, при пересечении форматирует диск);
— Князь Самосвят (Главный Монстр) (берется в оборот Святым Деепричастием и выделяется запятыми).

II. МИССИЯ ВТОРАЯ: «КОГАН-РАЗРУШИТЕЛЬ».

УРОВЕНЬ 1: «Изблюю тебя из уст моих».
Враги (новые):
— Недосвет и Чем-то-Бей (работают дуэтом, бьют дуплетом, погибая при этом);
— Курочка Шкряба по кличке Снеси-Яйцо;
— Вилли Кан.

УРОВЕНЬ 2: «Дыши-Чаща».
Оружие:
— Гусли-Самозуды (оружие №5).
Артефакты:
— Скатерть-Самодранка.
Враги (новые):

— Волхвы Позорные;
— Матерный Волк;
— Гусляр Сачко (погибая, отдает заряды к Гуслям-Самозудам);
— Дед Йог.

УРОВЕНЬ 3: «Блудомерзкая Пуща».
Оружие:
— Грабли-Самограбы (оружие №6).
Артефакты:
— Шапка-Недвижимка.
Враги (новые):
— Оттопырь;
— Дурак-Оборотень;
— Соловей-Затейник, он же Кенарей-Развратник (использовать Позорную Трубу)!

УРОВЕНЬ 4: «Половистые степи».
Оружие:
— Пердыш-Саморуб (оружие №7).
Артефакты:
— «Половецкий Молодецкий Акт».
Враги (новые):
— Объединенные орды Кайзеров, Хазеров и Айзеров во главе с Великим Каганом и его наследником Кагановичем (использовать Пердыш-Саморуб);
— Федорчук-Нойон;
— Зажиточный Кизяк (рекомендованы Грабли-Самограбы);
— Лихо Одноглазым (если у вас оба глаза на месте, вы в безопасности);
— Половецкий Гигант Кончак (Зам. Главного Монстра) (рекомендован троекратный «Пол. Мол. Акт»!);
— Баг Едрило (Главный Монстр).

III. МИССИЯ ТРЕТЬЯ: «КОГАН FOREVER!!!».

УРОВЕНЬ 1: «Остов Буянов».
Враги (новые):
— Ухо Одноглазое (если подвернется Лихо Одноглазым — стравить!);
— Иван-Умняк (колдурится с легкостью!);
— Скот Ученый.

УРОВЕНЬ 2: «Крымское Хамство».
Оружие:
— Ковер-Саломет (оружие №8).

Артефакты:
— Избушка на куриных окорочках.
Враги (новые):
— Богатырь Кариес;
— Иоанн Златопуз (загоняется в Избушку);
— Кидалище Поганое;
— Царевна Незмеяна;
— Великий Крымский Хам (Ковром-Салометом его!).

УРОВЕНЬ 3: «Погост Светлое Будущее».
Оружие:
— Колья Перумовы с разделяющимися горе-головками (оружие №9).
Артефакты:
— Гробоотвод.
Враги (новые):
— Вампырь;
— Горбатый-Исправленный (использовать Гробоотвод!);
— Змий-Искусатель.

УРОВЕНЬ 4: «Хамское Попоище на реке Клизьме». (Финальный уровень.)
Оружие: полный комплект.
Артефакты:
— Кол-лендарь (заряды-месяцы: Трупень, Хлюпень, Квасень, Долбень, Трутень, Сечень, Печень, Стебень, Хлябень, Бабень, Слабень и Абзац; просьба не путать).
Враги (последние):
— Разнодевицы (применить Половецкий Молодецкий Акт!);
— Иван Белов-Горячев;
— Облом Нирваныч;
— Бодун Хмельницкий (Зам. Главного Монстра);
— Квасилиса Прекрасная (еще одна зам. Главного Монстра);
— Жаба-Самодавка (Самый Главный Монстр в игре!). (Над логовом герб: Жаба поверх двух скрещенных ломов, перевитых гофрированным шлангом, на конопляном поле. Оружия не жалеть: как только пожалеете, она вас задавит!)

По заказу фирмы «PEROON Ltd.» описание игры составили Д. ГРОМОВ, О. ЛАДЫЖЕНСКИЙ (Г. Л. ОЛДИ), А. ВАЛЕНТИНОВ И А. КРАСОВИЦКИЙ.

NEVERMORE

И очнувшись от печали,
Улыбнулся я вначале,
Видя важность черной птицы,
Чопорный ее задор.
Я сказал: «Твой вид задорен,
Твой хохол облезлый черен,
О зловещий древний ворон,
Там, где мрак Плутон простер,
Как ты гордо назывался
Там, где мрак Плутон простер?»
Каркнул ворон: «Nevermore».

Э. А. По. «Ворон»

Мертвые серые волны набегали на мертвый оплавленный песок и с точностью метронома откатывались обратно, туда, где морское пенящееся месиво смыкалось у горизонта с мутным небом, изорванным провалами атмосферных дыр и вихревых колодцев, предвещавших торнадо. Небо нехотя сплевывало мелкие, слабо светящиеся брызги в грязную земную плевательницу; земля в местах попадания вяло дымилась, остывая спекшейся коркой, — впрочем, дымилась она уже несколько лет. Ветер метался над побережьем, ветер свистел в сухих скелетах немногих сохранившихся зданий, ветер ворошил грязный тюль пепла, обнажая погребенные под ним кости. Небо равнодушно разглядывало останки. Плевать оно на них хотело...

В первые дни трупов было так много, что ошалевшие от счастья вороны устроили себе роскошное пиршество. Из-за радиации воздух был почти стерилен, и птичья толкотня растянулась на недели, потом — на месяцы... Процесс разложения шел медленно, и, когда многие из стаи лысели и умирали посреди гама и хлопанья крыльев, их тела оставались нерасклеванными. Крылатые собратья из более удачливых, они предпочитали человечину.

Постепенно вороны заметили, в каких местах их подстерегает невидимая смерть, и больше не залетали туда. Еды со временем оставалось все меньше, все труднее становилось отыскать не тронутые гнилью и клювами тела; а о том, чтобы поймать крысу, вообще не могло быть и речи. В первые дни после Конца крысам, вопреки всем прогнозам, почему-то повезло гораздо меньше, чем воронам. Угрюмые птицы копались в развалинах, перелетали с места на место, разгребая

легкий шуршащий пепел; и никто не хотел понять, что времена сытости канули в небытие...

...Ворона сидела на берегу и ждала. Море нередко выбрасывало на берег что-нибудь съедобное: раздавленную морскую звезду, краба, сварившегося в собственном панцире, фиолетовую медузу... Ворона была голодна и сердито косила налитым кровью глазом на грязную пену прибоя. Ничего. Плохая эпоха. Особенно плохая после недавнего, чуть тронутого огнем изобилия... Ворона хрипло каркнула, и в скрежете ее горла на миг проступило забытое слово навек ушедшей расы. Чужой расы. Вкусной и обильной. И теперь никогда больше... Никогда.

Очередная волна с безразличным шелестом лизнула сырой песок берега и откатилась, подобно всем предыдущим, оставив после себя серые опадающие хлопья и некий предмет, совершенно неуместный на унылом однообразии побережья. Съедобность предмета была весьма сомнительной — и все же ворона заковыляла к бугорку медленно оседавшей пены, из которого выглядывало что-то темное и блестящее...

На песке лежала старинная пузатая бутылка зеленого стекла, надежно заткнутая просмоленной пробкой. Ворона покосилась на пробку сначала одним глазом, потом другим... Наконец природное любопытство взяло верх. Птица осторожно клюнула пробку. И еще раз — уже увереннее... Когда черной взломщице удалось пробиться сквозь слой окаменевшей смолы, дело пошло быстрее: трухлявое дерево легко крошилось под ударами крепкого клюва. Ну вот, еще разок, и еще, и...

Испуганная ворона едва успела отскочить в сторону. Желто-бурый дым, рванувшийся из бутылочного горлышка, облаком поднялся вверх и сгустился, образовав обнаженную многометровую фигуру с разметавшейся агатовой гривой и бронзовой кожей.

— Слушаю и повинуюсь! — прогремел над мертвым берегом низкий голос гиганта.

Тишина была ему ответом. Только шорох серых волн, только тоскливый свист ветра.

Джинн поежился.

— Где ты, о повелитель, освободивший меня?! Что прикажешь: разрушить город или построить дворец?..

Ворона недоверчиво переступила с ноги на ногу и решила пока не приближаться.

Джинн в растерянности огляделся по сторонам и с ужа-

сом и недоумением увидел дымящиеся руины, свинцовое море и то, что местами выглядывало из-под вздымаемого ветром пепла. Он вздрогнул и невольно сделал шаг назад, по направлению к давно знакомой бутылке. Шаг сотряс застывший пляж, и ворона истошно закаркала. Джинн повернул голову.

— Что прикажешь, о повелитель? — джинн присел перед птицей на корточки, и в пронзительных глазах его появилась некая обреченность.

Ворона насмешливо взъерошила перья. Джинн уже знал, чего хочет голодная птица, но все же предпринял безнадежную попытку изменить судьбу.

— Может, я лучше построю дворец? — робко спросил джинн. — Или разрушу город...

Ворона глянула на развалины и нахохлилась. Джинн тяжело вздохнул и принялся за работу...

* * *

...Мельчайшие комочки первобытной протоплазмы сливались воедино, жадно поглощая питательные вещества из пронизанного ультрафиолетом густого теплого бульона; они делились, множились, структура их быстро усложнялась, сильнейшие пожирали слабых и выживали, и жизнь уже выбиралась на сушу, расползаясь по новым, еще неизведанным пространствам...

Гигантские ящеры бродили между гигантскими папоротниками, грозный каток оледенения утюжил вздрагивающую планету, и первая обезьяна уже взяла в мохнатые руки палку... и люди в колесницах метали дротики в бегущих варваров, и горел Рим, и горел Дрезден, и первый ядерный гриб вырос над секретным полигоном, и трясущийся палец уже завис над алой кнопкой...

Джинн сгорбился и полез в свою бутылку.

* * *

...Мертвые серые волны набегали на мертвый оплавленный песок и с точностью метронома откатывались обратно, туда, где морское пенящееся месиво смыкалось у горизонта с мутным небом, изорванным провалами атмосферных дыр и вихревых колодцев, предвещавших торнадо.

Старинная пузатая бутылка зеленого стекла, надежно заткнутая просмоленной пробкой, валялась на рыхлом песке.

Ворона презрительно тронула ее крылом и не спеша направилась вдоль берега, изредка останавливаясь и тыча клювом в присыпанные песком тела. Еды было много. Ворона была довольна.

Осторожные руки прибоя тронули бутылку, перевернули и понесли в море — прочь, все дальше от молчащего берега. Не оборачиваясь, ворона глухо каркнула, и в скрежете ее горла на миг проступило забытое слово навек ушедшей расы.

Никогда.

Никогда больше.

NEVERMORE.

ПРОРОК

Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей.

А. С. Пушкин

Антисфен взял пробирку и посмотрел жидкость на свет. Эликсир был темно-золотистый, густой, напоминавший старое токайское. Он или не он?

Надежда, вечная спутница Антисфена, кричала, что да, он! Но скептицизм — неизменное бремя ученого — требовал проверки.

Антисфен подошел к старому, прожженному кислотами, кое-где обугленному столу, взял колбу с реактивом. И в этот момент раздался требовательный стук в дверь. Он знал, что рано или поздно так случится, но... только не сейчас! Это было слишком больно.

В дверь колотили все настойчивее.

Антисфен очнулся. Дверь выдержит не более двух минут. Надо действовать. Он лихорадочно сгреб со стола пачку потрепанных листов, исписанных формулами, цифрами и схемами установок, и швырнул их в камин. За ними полетели бумаги из ящика. Что еще? Установка! Антисфен схватил кочергу и, закрыв глаза, с размаху ударил в переплетение змеевиков, фильтров, нагревательных реторт и медной проволоки. Что-то зашипело, повалил дым. Вылетел верхний замок на двери, засов еле держался. Антисфен ударил еще раз, потом еще... Ему казалось, что он ломает собственные ребра.

Ну вот и все. Может быть, он еще успеет бежать?

Антисфен рванулся к окну, и тут взгляд его упал на пробирку, которую он все еще продолжал сжимать в руке. Эликсир? Или яд?.. Теперь это было уже все равно — и он одним глотком осушил пробирку. Вкус у жидкости был горьковато-терпкий, с привкусом чего-то неуловимого, от которого перехватывало дыхание и сжимало виски.

Секунду он стоял, прислушиваясь к происходящему внутри него. Но что бы ни было в пробирке — оно не действует мгновенно. Антисфен швырнул пробирку в огонь. В следующее мгновение петли двери не выдержали, она обрушилась, подминая остатки установки, и в комнату ворвались гвардейцы. Бежать было поздно. Он не успел заметить удара, но комната поплыла перед глазами и померкла...

* * *

...Диктатор, розовощекий, гладко выбритый, сидел за массивным дубовым столом старинной работы и улыбался. Во всем огромном зале с колоннами и арочным потолком с лепными завитушками не было ничего, кроме этого стола. На столе стоял телефон и лежала потертая канцелярская папка.

Антисфен молча смотрел в лицо, хорошо знакомое по газетным вырезкам и телепрограммам. Болела разбитая губа, язык непроизвольно ощупывал пустоту на месте выбитого зуба, но, в общем, он сравнительно легко отделался.

Диктатор молчал, и это молчание было в его пользу, поэтому Антисфен заговорил первым.

— Что вам от меня нужно?

Диктатор молчал.

— В конце концов, по какому праву?..

Диктатор молчал.

— Что вам от меня нужно?! — Антисфен сорвался на крик.

— Эликсир, — диктатор произнес это слово очень тихо, одними губами, но Антисфен понял бы его, даже если бы тот снова промолчал.

— Я вас не понимаю.

— Не морочьте мне голову. Я не специалист и не знаю точно, какими конкретно свойствами обладает ваш эликсир — продлевает жизнь, возвращает молодость, дарит бессмертие... Подробности вы изложите потом. И технологию — тоже. А сейчас мне нужна одна доза. Одна доза в обмен на вашу жизнь. Плюс большие деньги. Вы меня понимаете? Очень большие. Очень.

Антисфен молчал.

— Хорошо. Крустилл!

За спиной Антисфена щелкнули каблуки.

— Слушаю, ваше превосходительство.

— Этот человек должен сказать «да». Уведите.

* * *

Самостоятельно идти Антисфен уже не мог, и конвойные несли его за руки и за ноги. Потом его прислонили к стене. Антисфен покачнулся, но устоял. Площадь металась перед глазами. Офицер начал читать приговор. Антисфен знал приговор. Короткий и ясный, как автоматная очередь.

Согнанная на площадь толпа угрюмо молчала. Антисфена считали чудаком, тронутым, юродивым — никому не делавшим зла. Поэтому они молчали — это была привычная форма протеста.

К концу приговора часы на ратуше начали бить полдень, заглушая слова. Слова, слова, слова... Кто сказал?.. Не помню.

Четверо солдат выстроились напротив. Защелкали затворы автоматов. Офицер с парадными шнурами поднял руку. Антисфен ясно видел черные дырки стволов. Сейчас...

Ударило рваное пламя. И наступила тишина.

— Вы что, ослепли?! — орал офицер. — С тридцати шагов в человека попасть не можете? — он снова махнул рукой. Ударили автоматы. Пули выбивали куски кирпича из стены, но Антисфен продолжал стоять.

Офицер выругался, вырвал автомат у одного из солдат и тщательно прицелился. И в этот момент Антисфен понял.

Люди видели, как разлепились в улыбке разбитые, запекшиеся губы, как приговоренный отделился от стены и пошел навстречу солдатам. Офицер судорожно дернул спусковой крючок, но очередь снова обогнула избитого человека и впилась в стену, кроша штукатурку. Несколько женщин из толпы забились в истерике. И тут солдаты бросились бежать. Молодые, здоровые парни — им никогда еще не приходилось стрелять в пророков...

Антисфен ускорил шаги. Он не знал, сколько длится действие эликсира, и ему надо было успеть дойти до дворца. А позади него, все увеличиваясь, шла толпа, подбирая по дороге брошенные гвардейцами автоматы...

* * *

...Антисфен поставил точку, отложил рукопись на край стола и с удовлетворением откинулся на спинку кресла. И в этот момент раздался требовательный стук в дверь. Он знал, что рано или поздно так случится, но... Это было слишком больно. Теперь эту книгу вряд ли кто-нибудь прочтет.

Дверь рухнула, и в комнату ворвались гвардейцы.

* * *

Диктатор, розовощекий, гладковыбритый, сидел за массивным дубовым столом старинной работы и улыбался. Во всем огромном зале с колоннами и лепными завитушками на арочном потолке не было ничего, кроме этого стола.

— Не буду утомлять вас молчанием, как в вашей книге, — он продолжал улыбаться. — Оставим эликсиры алхимии. От вас мне нужно отречение. Хорошо поставленное, публичное, с представителями прессы. Награды не обещаю. Но жить будете.

Антисфен молчал.

— Знаете, я читал ваши... опусы. Хорошо пишете. Но не стоит так подробно следовать сюжету. Ведь у вас там, насколько я помню, дальше идет пытка. И расстрел.

Антисфен молчал.

— Хорошо, тогда не будем ограничивать фантазию автора. Только без эликсиров. И расстрел мы не будем откладывать на завтра. Крустилл!

За спиной Антисфена щелкнули каблуки.

* * *

Самостоятельно идти Антисфен уже не мог, и конвойные несли его за руки и за ноги. Потом прислонили к стене. Антисфен покачнулся, но устоял. Площадь плыла перед его глазами. Приговор он знал — короткий и ясный, как автоматная очередь.

К концу приговора часы на ратуше начали бить полдень, заглушая слова. Слова, слова, слова... Кто сказал? Гамлет.

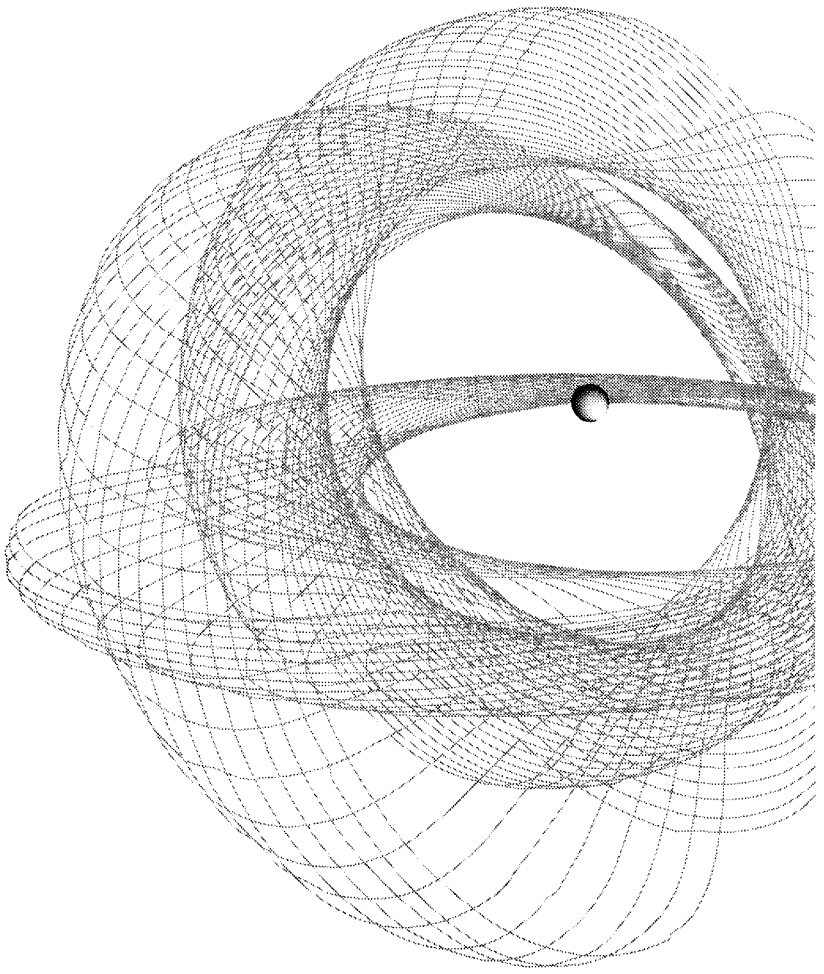
Четверо солдат выстроились напротив. Защелкали затворы автоматов. Офицер с парадными шнурами поднял руку. Сейчас...

Ударило рваное пламя.

Но Антисфен продолжал стоять, оцепенело глядя, как пули выбивают из стены куски штукатурки вокруг него.

ТЕНИ МОЕГО ГОРОДА

ЦИКЛ
РАССКАЗОВ



ЖИЗНЬ, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

Это рассказ о студенте Альбере и зеленоглазой Женевьеве, это рассказ о холодном море и драчливых чайках, это рассказ о журавле в небе, и синице в небе, и ветре в руке, плотно сжатой в кулак, ибо у нас в руках редко остается нечто большее; это рассказ о бутылке шампанского, откупоренной невпопад, это рассказ о зеленоглазой Женевьеве и студенте Альбере и о жизни, которой не было.

Если вы знаете больше, то рассказывайте вы, а я буду молчать.

* * *

Дышать было скользко. Он шел по заснеженной набережной, смешно шаркая башмаками по плитам, он дышал и все не мог подобрать другого слова. Да, скользко. Иначе как назвать то ощущение, когда соленый сквозняк послушно заползает внутрь, чтобы мгновением позже стремглав ринуться вниз, в душу, в самую сердцевину, чертя на склонах замысловатые петли?

Он шел по набережной, смешно шаркая башмаками по плитам, и втихомолку посмеивался над собственной высокопарностью.

С ним это случалось реже, чем с вами, и чаще, чем со мной.

По левую руку, за парапетом, потрескавшимся от времени и усталости больше, нежели взгляды на жизнь иного старца из завсегдатаев окрестных кафешек, дрались чайки за кусок хлеба. Живая иллюстрация к призыву быть аки птицы небесные. Небеса равнодушно взирали на драку, старцы из кафешек равнодушно взирали на молодого человека, фланирующего по набережной, а молодой человек улыбался и шел себе дальше.

Он всегда улыбался, когда был не в духе.

Привычка.

Часом раньше он отбил телеграмму отцу, в Хенинг: «Взял академический отпуск. Хандра. Нужны деньги. Твой Альбер».

Телеграмма пошла сотрясать провода, а милая телеграфистка поправила каштановые волосы и попыталась кокетливо улыбнуться, но не успела. Трудно кокетничать со спиной, пусть даже спина эта обладает исключительной прямизной и достоинством.

Втрое большим, нежели у вас, и вдвое, чем у меня.

Обогнув новомодный мини-аттракцион, где летом всего за три монеты любой желающий мог перевернуться вниз головой и так провисеть целых три минуты, он замедлил шаг. Сгреб снег с парапета, слепил твердый, упругий — так и хотелось сказать «звонкий» — снежок, прицелился и запустил им в чаек. Не попал, прикусил губу и еще долго стоял на одном месте, думая ни о чем.

Птичьи вопли были ему аккомпанементом.

Неподалеку, сидя в инвалидном кресле на колесиках, пожилая женщина торговала газетами и журналами. Лицо женщины, на удивление миловидное, было исполнено сознания собственной важности и исключительности — хотя смысла в этом не усматривалось ровным счетом никакого: набережная пуста, и лишь иней осыпается на серую бумагу, на глянец аляповатых обложек.

Политические сплетни и красотки в бикини равны перед инеем.

— Свежие новости, — еле слышно прошептала женщина. — Свежие но...

Звук ее голоса странным диссонансом вплелся в гомон чаек и шелест ветра. Словно в феерической оратории Шнеера-младшего вдруг поперек речитатива застучала пишущая машинка. Он вздрогнул и решительно подошел к женщине в кресле, плохо понимая, зачем он это делает. Взял ближайший дайджест, заглянул в конец, туда, где обычно размещены кроссворды и гороскопы.

«Сегодня 28-й и 29-й лунные дни. Когда солнечные и лунные ритмы противоположны, возникает внутренний раскол между сознанием и подсознанием, трудно реализовать задуманное, провоцируются конфликты. Необходимо больше внимания уделять самоконтролю. Сегодня не рекомендуется заниматься общественной деятельностью, больше внимания следует уделить семье. Случайные связи перспективны».

Он знал, что последует за этим. Так и произошло. Ему

резко, до боли, захотелось, чтобы сегодняшний день прошел, чтобы «сегодня» мышью сбежало в уютную темноту «вчера» и все стало окончательно ясно. Чтобы можно было сказать самому себе: да, и впрямь раскол между сознанием и подсознанием помешал реализации задуманного, — но случайных связей не было вовсе, и оттого осталась под вопросом их перспективность. Общественная деятельность, внимание к семье — теперь можно сесть, выкурить сигарету и тщательно подвести итоги: что свершилось, что прошло стороной, а что лишь намекнуло о себе, оставшись робкой тайной.

— Свежие новости...

И крик чаек.

— Благодарю вас, — невпопад ответил он, положил дайджест на прежнее место и быстро, не оглядываясь, поднялся по каменной лесенке.

В открытый бар.

Женщина смотрела ему вслед, и сознание собственной важности окутывало продавщицу царской мантией, хотя к тому не было решительно никаких причин.

Он сел спиной к ней и лицом к морю.

Площадка бара нависала над серой стылостью пляжа, сплошь испещренной крестиками птичьих следов, словно грузное тело калеки-продавщицы над вчерашней газетой. «Свежие но...» — эхом откликнулось у него в мозгу, и он пожалел, что не в силах выбросить дурацкий случай из головы, дурацкий случай, дурацкий прогноз-гороскоп и дурацкое желание узнать, чем же все-таки день закончится: совпадением или опровержением? Желание таяло где-то в желудке мокрым комком снега, наполняя все существо зябкой неопределенностью.

Для него это было почти так же противно, как для вас, и во много раз противней, чем для меня.

А если вы не согласны, то рассказывайте дальше сами, а я промолчу.

Высокий парень, до того скучавший за стойкой, подумал и направился к нему. По-прежнему скучая. Крупные, костистые лапы бармена (гарсона? официанта? уборщика?) болтались в такт ходьбе, неприятно напоминая протезы. На левой щеке парня красовалось пятно винного цвета, очертаниями похожее на карту Хенингской области; и он опять вспомнил про телеграмму, отправленную отцу, и про нехватку денег, которая начнет напоминать о себе примерно через неделю, а

через две недели перестанет напоминать, привычно семеня рядом, словно нелюбимая жена.

— Пива нет.

Острый ноготь почесал пятно на щеке, как если бы без этого жеста бармен-гарсон-уборщик не сумел заявить вслух: пива нет. От сказанного веяло определенностью, некоей однозначностью приговора судьбы, свершившимся фактом, и странно: вместе с раздражением он почувствовал спокойствие.

Гремучая смесь.

— Шампанского. Какое у вас самое дорогое?

Бармен-уборщик-официант молчал и смотрел на него. Такие посетители не спрашивают шампанского, читалось в пустом рыбьем взгляде, такие посетители пьют пиво, светлое или темное, какое есть, потому что выбирать не из чего и еще потому, что такие посетители... впрочем, неважно.

— «Вдова Маргарет». Четверть реала за бокал.

— Дайте бокал. Пустой. И полную бутылку «Вдовы». Вот вам ассигнация в пять реалов, сдачи не надо.

— Лимон? Сыр? Маслины?

— Я просил шампанского. Если я захочу чего-нибудь еще, я вас позову.

Гарсон-уборщик-официант убрел обратно за стойку, где и завозился, брякая чем-то невидимым. Он проводил его взглядом, и спокойствия стало больше, а раздражения меньше. Нехватка денег начнет напоминать о себе уже завтра, в крайнем случае послезавтра, но это малозначительный факт, это просто мелочь, которую можно бросить в ледяное море, надеясь вернуться сюда летом.

Если бы он точно знал, что вернется, ему было бы гораздо легче.

Как вам и мне.

Сейчас ему принесут совершенно ненужную бутылку, он откупорит ее без выстрела (вряд ли этот высокий парень с родимым пятном и протезами вместо рук догадается откупорить сам!), наполнит бокал и, отхлебнув первый глоток, примется катать в горсти воспоминания, как скряга-меняла катает первый, утренний заработок. Это все уже случилось: калека-продавщица, прогулка по набережной, взгляды стариков и нелепый заказ в баре, — это все случилось, и теперь об этом можно вспоминать неторопливо, обстоятельно, наслаждаясь неизменностью вместо неопределенности.

Это радовало его, как радует вас, только больше; а я тут вообще ни при чем.

Так оно и случилось, а шампанское оказалось вполне приличным. Хотя он не любил шампанского и совершенно не разбирался в нем, предпочитая коньяк, в котором тоже не разбирался. Просто пил, зачастую забывая согреть рюмку в ладони, как всегда рекомендовал отец. О, отец, должно быть, получит телеграмму к вечеру, пожует сухими старческими губами и засядет в кресло до самой полуночи: греть ноги под пледом и думать о сыне. Денег он, конечно, даст. Нет, не так: денег он, наверное, даст. Дело, в общем-то, не в деньгах, а опять в неопределенности будущего: даст, не даст, вышлет сразу или помучит ожиданием, урежет обычную сумму или, напротив, расщедрится... Гораздо лучше было бы сидеть в открытом баре, уже получив отцовские деньги, и знать заранее, заранее и наверняка: вот они, деньги, а вот и письмо от отца, письмо или телеграмма, это есть, это достояние прошлого и теперь никуда не денется от разглядывания и любования!..

Зубы снова заныли от холода, когда он сделал второй глоток.

Он поморщился — и увидел ее.

Странно, он совершенно пропустил момент, когда в баре объявилась новая посетительница. Худенькая девушка в пальто с норковым воротником и старомодной шляпке, она сейчас сидела у самых перил, и перед ней стояло блюдечко с грейпфрутом, нарезанным дольками.

Когда гарсон-официант-бармен принял заказ и подал ей грейпфрут — это он тоже пропустил.

Она подняла голову, взглянув на него со смелой свободой и еще с каким-то темным, подспудным страхом. Она не отводила взгляда, и он поразился отчаянной зелени ее глаз.

— У вас есть шампанское, — тоном вольнонаемного обличителя сказала она.

Не спросила, не намекнула, просто сказала, так же просто, как чайки дрались внизу, на мокрой гальке, за кусок хлеба и серебристых рыбешек.

Он кивнул.

— А у вас есть грейпфрут, — сказал он.

Теперь кивнула она. Затем, помедлив, встала и пересела за его столик, не забыв прихватить блюдечко.

— Мне кажется, так будет правильнее, — сказала она, не улыбаясь.

— Я не люблю шампанского. — Он смотрел в зеленые глаза и ощущал спокойствие, словно день уже закончился и можно начинать с удовольствием вспоминать об этом прекрасном дне.

— А я не люблю грейпфрута. Он горький. Но почему-то заказала именно его.

Он еще раз кивнул.

Он понимал ее, как если бы вы были на его месте; а я не был на его месте и быть не мог, даже захоти я это сделать.

— Альбер, — представился он. — Альбер Гранвиль, студент.

— Женевьева, — сказала она, поправляя шляпку, и больше не добавила ничего.

Он подумал, не из *этих* ли она, и сам устыдился собственных мыслей. Во-первых, сейчас не сезон, а во-вторых, как ни горько это признавать, он отнюдь не производит впечатления подходящего клиента.

Поэтому он позвал бармена-официанта-гарсона с его руками-протезами, велел подать второй бокал и заставил хрустальные стенки облиться пеной.

А она протянула ему дольку грейпфрута.

Через час, беспечно болтая, они шли по набережной, остановившись лишь для того, чтобы попозировать бродячему художнику, вырезающему из черной бумаги силуэты заказчиков. Впрочем, художник оказался бездельником: силуэт Альбера выглядел профилем какого-то бородатого старика в очках, а силуэт Женевьевы и вовсе не получился. Художник трижды начинал его заново, злился, кромсал бумагу маникюрными ножницами — и наконец быстро пошел прочь, даже не взяв денег.

Он еще и оглядывался, этот художник, неспособный вырезать простого профиля, он оглядывался, и ужас плескался в его взгляде.

— Пойдем, Альбер, — сказала Женевьева. — Это пустяки. Это все пустяки.

К вечеру они были наедине в той комнате, которую он снял вчера утром.

Все случилось просто и спокойно, как если бы это происходило не в неопределенности настоящего, а уже было давным-давно в обстоятельной неизменности прошлого, став приятным воспоминанием.

Ему понравилось.

Больше, чем вам, и меньше, чем мне.

— Тебе не холодно?

— Нет.

Из потрескивающего радиорепродуктора самозабвенно плакался великий тенор с непроизносимой фамилией, тоскуя по родине, с которой уезжал разве что на гастроли, и то редко.

У тенора была молодая жена, лишний вес и потрясающий голос. Жену и вес он приобрел сам, голос же получил в дар от кого-то, чье имя столь же непроизносимо, как фамилия тенора, и даже больше.

— Тебе точно не холодно?

— Мне тепло.

— Ты будешь смеяться, но мне кажется: мы встретились не случайно. Там, где составляются прогнозы вкупе с реестрами по их выполнению, полному или частичному, все было расписано заранее.

— Я не буду смеяться. Я вообще редко смеюсь.

— Знаешь, Женевьева...

— Знаю.

— Ты все-таки смеешься. А я действительно хотел бы знать: чем кончится сегодняшняя встреча? Утром мы разойдемся в разные стороны? Я получу деньги от отца и приглашу тебя в дорогой ресторан? Через месяц мы зарегистрируем наш брак, а через год обзаведемся маленьким существом в пеленках? Ты будешь сварливой женой? ласковой? безразличной? Ты не будешь женой?

— Почему ты хочешь это знать? Знать сейчас, когда мы лежим с тобой в одной постели и будущее туманно?

— Ненавижу туман. Когда-то психолог записал в моей карточке: «ситуативный экстраверт, сангвиник с высоким уровнем экстраверсии». Я до сих пор плохо понимаю, что он хотел сказать.

— Я тоже.

— Я спросил у него, что означает «сангвиник». Он сказал, что если в двух словах, то это такой тип темперамента.

Я попросил сказать в одном слове, потому что два — слишком много для меня. Он говорил долго, гораздо дольше, чем вначале, но мне запомнилось немногое. Он сказал: сангвиник не умеет начинать дела, зато умеет заканчивать. Дескать, мне и мне подобным гораздо интереснее завершение, чем начало, нам проще подводить итоги, нежели терзаться неопределенностью. Я запомнил его слова, потому что он прав, этот психолог с вечно влажными руками. Мне трудно жить сегодня, я хочу жить вчера.

— Почему не завтра?

— Это еще хуже, чем сегодня. Еще дальше, еще туманней. Ненавижу туман... впрочем, я уже говорил. В университете я всегда терзался: сдам ли зачет? улыбнется ли профессор? как улыбнется — злорадно или располагающе?! Я люблю гороскопы; я люблю вчерашние гороскопы, ибо тогда можно сразу сравнить: что сбылось, а что — нет. Ты думаешь, я болен?

— Нет. Ты здоров.

— Моя жизнь — чем она закончится? Я много начал, но не могу продолжить, лишенный возможности узнать заранее: победа или поражение? Думаю, мне гораздо легче было бы прожить жизнь во второй раз, прожить ее предупрежденным изначально и, значит, готовым ко всему. Тогда я не радовался бы победам и не горевал бы при поражениях, принимая их как определенность и неизбежность. Предупрежден — значит, вооружен. Мне трудно жить наугад, Женевьева.

— Да, тебе трудно жить наугад, Альбер. Тебе трудно жить. Иди ко мне.

— Хорошо.

И когда он растворился в ее бесконечной нежности, отбросив жизнь, словно смятое одеяло, ему почему-то привиделся бездарный бродяга-художник, ужас в пронзительных глазах его и еще рваные огрызки бумаги цвета траура.

Потом была темнота и покой.

Так иногда бывает у вас и никогда — у меня.

...Он стоял перед высоким зеркалом в резной раме. Вполоборота, по-птичьи косясь на самого себя. Проклятый художник почему-то пробрался даже сюда, в сон, — в зеркале вместо молодого человека отражался благообразный старик с аккуратно расчесанной бородой. Альбер подмигнул старику, и старик в ответ подмигнул ему. Получилось скверно, да

вдобавок все впечатление портил шелковый бант в горошек, который старик имел обыкновение повязывать на шее. Такие банты носят извращенцы из богемы. Такие...

Альбер отвернулся от зеркала и оглядел сам себя. Все как всегда, ничего особенного, ничего выдающегося, но это можно простить, если очень постараться. Старик в зеркале тоже оглядывал себя, скептически кривясь, и выглядел зазеркальный бородач при этом крайне глупо.

Фыркнув, Альбер отошел в сторону и взял с тумбочки серебряный подсвечник. Юная танцовщица вскинула руки вверх, и вся ее нагая фигурка излучает восторг. Вокруг чашечки, которую танцовщица держала в руках и которая предназначалась для свечи, вилась надпись.

Мелкая-мелкая.

Альбер сощурился.

«Дорогому мэтру от благодарных учеников».

«Знай наших...» — победно ухмыльнулся старик в зеркале. Вместо ответа Альбер поставил подсвечник на место и подошел к окну. Там, по ту сторону стекла, открывался вид на море: синяя гладь и белая яхта у причала. Все как и полагается во сне. Даже название яхты: «Женевьева». Все как полагается. Некоторое время он смотрел, как над мачтами кружатся вечные чайки, но потом ему надоело это занятие.

Он сел на диван — кожаный, с большими подушками по бокам — и задумался ни о чем.

Напротив, занимая почти всю стену, висели книжные полки. Внимание Альбера привлекла третья сверху; если быть точным, внимания стоила не сама полка, а однообразные желто-коричневые корешки от края до края. Собрание сочинений, и на каждом корешке золотой вязью: «А. Гранвиль». Надпись ему понравилась. Она была стильной; она внушала уверенность.

О подобных надписях стоит мечтать.

Подняв глаза и слегка повернув голову, он обнаружил над диваном ковер, а на ковре — меч. Полированной стали, без ножен. В мечах Альбер разбирался слабо, но это не имело никакого значения, потому что вдоль клинка тянулась гравировка:

«Сэру Альберу, лауреату всемирной премии Хост-Пельтца».

Гравировка облагораживала клинок, будь он даже дешевой поделкой, каких много в лавчонках средней руки.

Альбер встал, снова подошел к окну и увидел, что на яхте подняли паруса.

— Значит, так? — спросил он у моря, яхты, книг на полке и меча на стене.

«Значит, так», — ответили меч на стене, книги на полке, море и яхта и еще благообразный старик в зеркале, который мгновением раньше отошел к окну и вперил взгляд в простор.

«Значит, так...» — ответил кто-то, у кого были отчаянно зеленые глаза.

В последнем Альбер был уверен.

Понимание явилось к нему ледяным и острым, будто нож под лопаткой, и отстраненно-ласковым, как зеленый взгляд, и еще безнадежным, словно желание проснуться.

— И что теперь? — спросил он на этот раз сам у себя

После чего, не дождавшись ответа, вернулся к зеркалу и долго смотрел, как старик у окна хватается рукой за бант в горошек, пытаясь сорвать украшение, ставшее удавкой, как наливается морской синью лицо, обрамленное аккуратно расчесанной бородой, и как грузное тело сползает на паркет.

Когда старик умер, Альбер еще смотрел в зеркало.

Совсем недолго.

«Ты будешь сварливой жизнью? ласковой? безразличной? Ты вовсе не будешь жизнью? Ты уже была?!» — но в зеркале к этому времени не отражалось ничего, кроме призрака белых губ и призрака непроизнесенных слов.

Впрочем, прежде чем исчезнуть, исчезнуть навсегда и отовсюду, он все-таки успел услышать ответ на свой вопрос, и ответ оказался именно таким, как и предполагалось вначале.

Ответы — убийцы вопросов, но ни одному комиссару полиции не придет в голову призвать ответы к ответу; не придет, а зря.

Зря.

А у расстеленной кровати, еще хранившей запах быстротечной любви, в комнате, чья хозяйка весьма удивилась бы, узнав, что она вчера утром сдала ее какому-то молодому человеку с сомнительной репутацией, навзрыд плакала зеленоглазая женщина. Плакала, зная, что вскоре будет вновь сидеть в баре над морем, в дне без прошлого и будущего, устало глядя на грейпфрут, нарезанный дольками, и никто не пройдет на этот раз мимо по набережной, шаркая башмаками, никто не сядет за соседний столик и не спросит шампанского.

Плакала женщина.

Одна.

На полу.

Между «вчера» и «завтра»; всегда посредине.

За окном кричали вечные чайки.

* * *

Это рассказ о студенте Альбере и зеленоглазой Женевьеве, это рассказ о холодном море и драчливых чайках, это рассказ о журавле в небе, и синице в небе, и ветре в руке, плотно сжатой в кулак, ибо у нас в руках редко остается нечто большее; это рассказ о бутылке шампанского, откупоренной невпопад, это рассказ о зеленоглазой Женевьеве и студенте Альбере, и еще о жизни, которой не было и больше не будет.

Если вы знаете больше, то я вам завидую.

ХОАНГА

Та, что творит добро.

Есть в этом слове нечто притягательное, слабый отзвук флейт несбывшегося, вкус липкой ириски, запретной и оттого самой сладкой на свете. Помните? Хоа-а-анга... пьянит аромат жасмина, самовольно вторгаясь в соленый запах моря, южное солнце, одичалый демон зноя, сыт на рассвете и легко касается вашей кожи мириадами теплых пальцев, мурлыча на весь небосклон:

— Хоа-а-а-а...

Слышите?

И еще — тайна, которая заставляет сердце трепетать птенцом в ладони, предвкушая чудо.

Чувствуете?

Ее звали именно так — я это понял с первого взгляда.

* * *

В тот день я проснулся гораздо раньше обычного, с твердой уверенностью в неизбежности чуда. Так просыпаются дети в свой день рождения; с возрастом, увы, ощущение празд-

ника тускнеет, покрывается мохнатой пылью, будто монета, закатившаяся под диван — чтобы застрять в щели между полом и плинтусом на долгие годы.

Тихонько, стараясь никого не разбудить, я оделся и вышел на улицу.

Ноги сами понесли меня в нужном направлении. И я совсем не удивился, когда увидел ее. Чудо должно было произойти — и оно произошло.

Понимаете?

Она сидела у входа в парк, прямо посреди тротуара, и ждала.

Ждала меня.

Я подошел к ней и сел рядом.

— Здравствуй, Хоанга, — сказал я.

И она, чуть зажмурившись, улыбнулась мне своей обворожительной улыбкой.

Можно, Хоанга?

Да...

Я протянул руку и впервые коснулся ее — ее, полосатого Чуда по имени Хоанга.

Тигры.

Почему они так волнуют нас, не дают покоя, почему нас, хилых выродков обезьяньего племени, так влечет к могучим хищникам? — посмотреть хоть одним глазком, постоять рядом, пусть по разные стороны разделяющей решетки, но рядом, вместе...

У вас по-другому?

Помню прекрасную, полную теплой грусти и света, повесть Сарояна «Тигр Тома Трэйси». В детстве я зачитывался ею, да и став взрослым, многократно доставал с полки потрепанный томик — и всякий раз ко мне на миг возвращалось то детское ощущение прикосновения к Чуду. А нечеловечески простые, безумно вдохновенные строки Блэйка? «Tiger, tiger, burning bright in the forest of the night...»?! Для меня они в свое время стали шоком, чудесным откровением! Или, не помню уж чей, рассказ «Автоматический тигр»? Или «Тигр для Мальгуди» Р. К. Нарайана? Или крохотная миниатюра, где тигры — совсем не те, кем они нам кажутся...

Ловцы тигров в сети из слов — мы с вами одной крови.

Мы сидели рядом. Смотрели, как поднимается солнце. Мы впитывали его лучи, и радостное томление не проходило — наоборот, усиливалось, заставляя меня ближе придвинуться к ней, обнять за шею...

Я знал: мне — можно.

Можно вот так сидеть, можно гладить мягкую, на удивление шелковистую шерсть, можно улыбаться, когда она время от времени лукаво косилась на меня зеленым глазом. Да, знаю не хуже вас, что у тигров глаза желтые, — но у моей Хоанги глаза были зеленые, с озорными золотистыми искорками.

Я ведь уже говорил вам: Хоанга — это чудо.

Помните?

А потом, когда солнце поднялось окончательно, мы переглянулись, подмигнули друг другу, и оба поняли — пора. Хоанга сладко потянулась, дав мне ощутить, как играют под ее шкурой гибкие мускулы, как бурлит в них нерастраченная, веселая сила, требуя выхода!

Мы встали и пошли.

Куда глаза глядят.

Ранние прохожие спешили мимо, по своим прохожим делам. Кое-кто вдруг шарахался в сторону, изумленно охая, спешил убраться подальше, но когда я пару раз оглянулся, то вдруг увидел улыбки. Мечтательные, изумленные, робкие... всякие. Улыбки пробивались сквозь обыденность лиц первой травой, упрямо расталкивающей серую плоть асфальта — на день, на час, на миг, а там будь что будет! опомнитесь! — Чудо задевает вас жарким боком, Чудо тихо порыкивает, требуя уступить дорогу, Чудо мягко ступает по мятым бумажным стаканчикам и вчерашним окуркам, как вам не ступать никогда, или нет — сегодня вы дойдете до угла летящим шагом, забыв себя, того себя, о ком следовало бы вообще никогда не вспоминать.

И тогда я подумал, что теперь знаю, как выглядят нимбы вокруг голов святых.

Тех святых, что в миру зовутся юродивыми.

Ведь так?!

— Ну... — обалдело вылупился на нас похмельный мужичок со скамейки, служившей ему кроватью. — Может, и так... во дают!

И зачем-то одернул мятый пиджак.

Вот, судорожно доставая из кобуры пистолет, подбежал

усатый старшина. Резко остановился метрах в десяти, суетливо рванул затвор, забыв снять свой «макаров» с предохранителя.

— Гражданин, немедленно отойдите! Вы что, не видите, кто рядом с вами?.. Сейчас я буду стрелять!

— Вижу я все прекрасно, старшина, — улыбаюсь я ему. — Только ни в кого вы стрелять не будете. Не в кого тут стрелять. Понимаете?

И становлюсь боком, чтобы загородить от старшины мою Хоангу. С него станется, пальнет наобум...

Старшина теряется и почти сразу находится.

Сказывается выучка.

— Почему без намордника? И без поводка? Не положено!

Я честно пытаюсь представить себе Хоангу на поводке и в намордник — в результате чего начинаю хохотать.

— Ну я... мне тово... сообщить придется! — Старшина сконфуженно пятится, тыча пистолетом в кобуру, безнадежно промахиваясь; и на усатом лице его помимо воли начинает проступать простодушная улыбка.

Увидел наконец!

Я машу ему рукой, и мы идем дальше.

И нам совершенно все равно, сообщит старшина куда-нибудь или нет. От нас не убудет.

Мы идем по просыпающемуся городу, моя рука лежит на спине Хоанги, и нам обоим хорошо.

Видите? — это мы.

А это вы.

Наконец мы сворачиваем в переулок, в котором я живу. Хорошо, что жена вчера убрала квартиру, — стыдно было бы привести Хоангу в тот захламленный вертеп, который обычно представляет из себя наше обиталище. Но сегодня — другое дело. Жена как чувствовала, умница!

Все-таки не зря я бредил тиграми всю свою сознательную жизнь! Жена сама не раз покупала мне календари и открытки с усатыми мордами, полными сурового обаяния, — и теперь она ничуть не удивилась.

— Нашел свою ненаглядную? — Брови ее шутливо хмурятся. — Одной женщины мало, развратник? Как зовут-то хоть?

— Хоанга.

— Хоанга, ты, наверное, голодная? Этот обормот о еде, конечно, и не подумал!

Хорошая у меня жена!

Завидуете?

Вообще-то тигры едят мясо. Много. Это если кто не знает.

Хоанга тоже ела мясо. Наверное. А еще она ела мороженое «Забава», наполовину сливочное, наполовину шоколадное. И кизиловое варенье, деликатно выплевывая косточки в миску.

Но об этом — после.

Вы когда-нибудь пробовали пригласить тигрицу в городскую квартиру? Пусть даже достаточно большую, четырехкомнатную?

Подозреваю, что нет.

Так вот, я вам открою страшную тайну — ей там будет тесно!

Стоит ли удивляться, что спустя час мы снова выбрались на улицу: Хоанга, я, моя жена и сын. Всей семьей.

И пошли бродить по городу.

Я всегда любил месяц май. И всегда знал, предчувствовал: если моя жизнь когда-нибудь перевернется с ног на голову — это непременно случится в мае.

Вы никогда такого не чувствовали?

Да, чудес не бывает навсегда. И даже надолго. Но май морочил нам головы, и мы искренне верили, что ошиблись.

Мы гуляли по улицам, бесконечно ели мороженое, с полчаса просидели в маленьком кафе под открытым небом, а люди за соседними столиками улыбались нам, и подмигивали Хоанге, и еще предлагали заказать соленых орешков или пепси-колы, — а Чудо улыбалось им в ответ своей неповторимой улыбкой; в итоге я всерьез начал ревновать тигрицу к ним всем...

О, будь я сам тигром!

Нет, тигром я не был. Но все равно сидел и блаженно улыбался.

Почти как Хоанга.

Зря смеетесь: так, как у нее, у меня все равно никогда не получится.

И у вас — тоже.

Когда мы уходили, нас не хотели отпускать, а горбоносый грузин-бармен все кричал вслед:

— Прихадыты ищо! Завтра прихадыты! Завтра! Я вашэй красавицэ такой шашлык сдэлаю!..

Нас фотографировали — и мы, включая Хоангу, ничего

не имели против. А один парень с «Полароидом» вскоре догнал нас и неловко протянул снимок.

— На память! И еще... — Он повернулся к Хоанге. — Спасибо, что ты есть! Это просто здорово!

Хоанга благосклонно обошла вокруг фотографа, потершись об него.

— Можете ее погладить. Она разрешает, — улыбнулся я. — И не забудьте почесать за ухом.

...Парень ушел, обалдев от счастья, и еще долго оглядывался, пока не затерялся среди прохожих.

— Да, Хоанга, он прав, — наклонясь, прошептал я тигрице. — Спасибо, что ты есть.

«Пожалуйста», — вежливо дернулось ухо, за которым минутой раньше чесал счастливый парень.

Ночь. Цикадами потрескивают рдеющие угли, покрываясь мудрой сединой пепла, без конца пищит какая-то ночная птица, и сияющие глаза звезд с прищуром смотрят на землю.

Кто сказал, что звезды — холодные и колючие?

Они теплые и добрые. Они образуют в небе свое межзвездное братство, где бриллианты идут по цене пыли под ногами; и когда-нибудь мы тоже...

И вы.

Мы лежали у костра. На прихваченном с собой широченном пледе в легкомысленную клетку — он оказался настолько велик, что места хватило всем, даже нашей замечательной тигрице.

Мы лежали и смотрели на звезды, вдыхая смолистый запах сосен.

Четыре пары глаз блестели в ночи, разбрасывая по лесопосадке золотистые искры.

Все-таки прав тот, кто сказал, что тигры — совсем не те, кем они нам кажутся.

А потом был еще один день праздника, и еще, и еще...

Хоанга не делала ничего особенного. И мы не делали ничего особенного.

Мы просто гуляли по городу.

Наведались в знакомое кафе, и горбоносый бармен немедленно выставил перед Хоангой благоухающий шашлык.

— Дэнэг нэ нада! Абидышь! Подарок!..

Мы бродили по площадям и улицам, по паркам и аттракционам — и раскрашивали лица улыбками.

А еще горстями швыряли в чужие глаза искры из золота.

На третий день я обратил внимание, как чисто выметены улицы. И отнюдь не только в центре — мы забирались на окраину тоже. Город потерял свои обычные сумерки в любое время суток; теперь он, мой город, стоял на свету и изумлялся сам себе. Исчезли вечные груды мусора у киосков — владельцам сделалось стыдно. Ведь *она* может пройти мимо... Позор! Бранные слова быстро становились редкостью; недельная сводка происшествий оказалась на удивление скупой.

Не верите?

И не надо. Лучше мы бросим спорить с вами и пройдемся не спеша по бульвару, взорвав вокруг себя фейерверк праздника.

Если хотите, если вам по-прежнему неинтересно жить, вызывайте пожарных.

Вот мы с Хоангой: идем, смеемся и лишь изредка грозно порыкиваем на слишком уж нахальных мальчишек. Мол, мы вам все же тигры, а не кошки — понимать надо! Мы, хищники, народ такой...

Шалопаи понимали. С первого раза.

И мы с достоинством шли дальше.

Смотрите нам вслед.

Чудеса не вечны. И даже наоборот.

Это знает каждый.

Под вечер пятого дня Хоанга улыбнулась нам чуть грустно. Виновато улыбнулась, гася искры взгляда. И я понял — пора. Теперь ей пора.

— Счастливого пути. — Я присел рядом и обнял ее, как тогда, в первый раз, в парке. Горечи не было, только тихая грусть, сотканная из тишины и света. — Мы будем ждать тебя...

И завопил от радости, пугая соседей по подъезду, когда зеленый глаз, плеснув лукавым золотом, подмигнул мне в ответ!

Я был уверен, что это означало — «жди»!

Наш сын уже спал, набегавшись за день, спал и улыбался во сне. Хоанга с моей женой закрылись в соседней комнате... вот так всегда! Даже если одна из женщин — тигрица, у них

все равно найдутся свои женские тайны, которые нам, мужчинам, не предназначены! Ну и ладно. Тайны — это все-таки здорово!

Потом мы еще долго сидели у окна все вместе.

Прощались.

Наутро мой сын облазил всю квартиру. Даже под диван заглянул. И тайком утирал кулачком слезы. Мужчины не плачут.

Я его понимал.

Я тоже с удовольствием заглянул бы под диван, чтобы вытащить стертую монетку надежды, застрявшую в щели между полом и плинтусом еще в те времена, когда я засыпал и просыпался улыбаясь.

Тигры.

Почему они так волнуют нас, не дают покоя, почему нас, хилых выродков обезьяньего племени, так влечет к могучим хищникам? — посмотреть хоть одним глазком, постоять рядом, пусть по разные стороны разделяющей решетки, но рядом, вместе...

У вас по-другому?

* * *

Я шел пустым парком, пиная вчерашние окурки и топча мятые стаканчики из бумаги. Год Тигра, неслышно ступая по земле мягкими лапами, брел рядом, и далекие псы захлебывались в страхе хриплым лаем.

«Доигрался? — беззвучно вопрошал внутренний голос с интонациями опытного следователя, поднаторевшего раскалывать на признания вшивых интеллигентов. — Чудо ему, уроду... А финал? Финал-то где?! Дядя писать будет? Например, патетика: спецназ окружает вас, Хоанга рвет когтями бронежилеты, ты заслоняешь ее от роковой пули... Не нравится? Морду воротишь? Тогда лирика: ты садишься ей на спину, и полосатая красавица уносит тебя в край, где зори розовеют над синью залива, а маленькие эльфы с крылышками из слюды...»

— Пшел вон! — вяло огрызнулся я, а Год Тигра только рыкнул, и внутренний голос поспешил убраться восвояси.

От его финалов нас тошнило.

Из-за поворота аллеи стремглав вылетела голенастая девчушка лет тринадцати. На роликах. Она неслась на нас вихрем в цветных налокотниках и наколенниках, пока вдруг не заложила крутой вираж, словно чего-то испугалась. Едва не поцеловавшись со старым ясенем, девчушка описала круг, второй, третий...

Я ощутил себя в центре мишени.

Вот сейчас невидимый палец тронет спусковой крючок...

Девчушка наконец решилась и по прямой подъехала почти вплотную.

— Как ее зовут? — спросила она, глядя рядом со мной и чуть-чуть вниз.

Улыбка первой травой прорастала на бледных губах, еще лишь понаслышке знающих о насилии помады.

— А тебя? — спросил я.

...Хоанга. Та, что творит добро.

Есть в этом слове нечто притягательное, слабый отзвук флейт несбывшегося, вкус липкой ириски, запретной и оттого самой сладкой на свете. Помните?..

ДАВНО, УСТАЛЫЙ РАБ, ЗАМЫСЛИЛ Я ПОБЕГ...

В толпе легко быть одиноким.
Жетон метро — ключ
к просветленью.
Спускаюсь вниз.

Ниру Бобовай

Значит, вы рассчитываете вернуться обратно? Домой?

— Да.

— Когда же, если не секрет?

— Скоро.

— А каким образом вы намерены это сделать?

— Никаким образом. Просто вернусь. Вместе с остальными, кто спал. Я не умею — вместе. Не люблю. Не хочу. Но здесь все наоборот. Здесь иначе не получится. Бабка меня уже нашла. Теперь — скоро.

— Но если у вас дома так хорошо, может быть, вы бы хотели забрать с собой и других людей? Чтобы им тоже стало хорошо?

— Всем?!

— Разумеется. Ведь это замечательно, когда всем хорошо.

— Всех забрать?!

— Не надо нервничать. Допустим, не всех. Например, тех, кто здесь. В пансионате. Как вы думаете, у вас дома им будет лучше?

— Не-а. Им не нужно, чтоб лучше. Было бы нужно, давно б ушли. Сами. Но они остаются. Значит, не хотят. Если дома станет много людей, получится ерунда. Как здесь. Дома каждый — один. А тут — вместе. Не люблю, когда вместе. Когда в месте, в одном месте, толчея. Вы, доктор, тоже — один. Вам тут плохо. Пойдете со мной?

— Спасибо за приглашение. Я подумаю.

— Думать не надо. Надо идти. Или не идти. Если вы пойдете — будет легче. Дойти.

— Хорошо. Скажите мне, когда соберетесь домой.

— Я скажу, доктор. Скоро скажу. Только не надо думать. Пожалуйста...

* * *

Время менять очки, понял доктор.

Очков у него было две пары. Очень похожих: тонкая, невесомая оправа и крупные, слегка вытянутые вниз стекла с весьма почтенными диоптриями, придававшие лицу слегка усталый вид. Стиль «Верблюд, король стрекоз» — так изъяснялась первая жена доктора, она же последняя, ибо после развода, дела давнего и почти забытого, счастливчик отнюдь не торопился впасть в очередное безумие. Но вернемся к очкам. Никакой тонировки, затемнения линз. Простота и солидность. Разве что металл первой оправы отливал сталью, а второй — бронзой. Никто, в сущности, не замечал, что доктор примерно раз в три месяца меняет очки. А и заметили бы, так не придали значения.

Доктор улыбнулся, извлекая запасной футляр.

Значение процесс имел только для него.

К очкам привыкаешь. Как привыкаешь к банальностям, к суете, к иллюзии, самозвано взобравшейся на трон реальности и нацепившей корону на кукиш лысой головы. Идет время; сидит узурпаторша; стоишь ты. Но, однажды всегонавсего сменив пару очков, вдруг понимаешь, что мир изменился, решительно и бесповоротно. Самозванка кубарем слетела с трона, слабые, мягкосердечные банальности сцепились за выживание, по пути мутируя в зубастые, покрытые чешуей аксиомы; суета-беглянка сентиментально обернулась на горящий Содом, превратясь в соляной столб. Расплывчатость бытия, именуемая привычкой, стала бесстыдно резкой, хотя диоптрии одинаковых линз, а также идентичная центровка не давали к этому решительно никакого повода. Местами жизнь вытянулась, местами съежилась, мышью удрав в угол. Боковое зрение обрело дурную манеру исчезать и появляться по собственному усмотрению, словно кокетка-любовница, вынуждая кавалера постоянно коситься в сторону: на месте ли ветреная красотка? Ты резко поворачиваешь голову, ловясь на удочку легкого головокружения; пьян без вина, ты постоянно ищешь повод снять очки и протереть их суконкой. Ты весь в себе, занят собой и ненадолго забываешь, что вокруг тебя кишит масса совершенно бессмысленных, ненужных тебе людей.

Люди превращаются в объект исследования, чем и должны быть.

Запасной футляр лег в карман пиджака. Вечером, подумал доктор. Я поменяю очки вечером, на работе, оставшись в одиночестве. Зря, что ли, я записал себе на сегодня ночное дежурство. Еще один самообман, жалкая видимость деятельности. Мозговая кость, брошенная псу общества: тружусь, знаете, не щадя сил и здоровья... Впрочем, пес благодушествует возле будки, сытый былыми подачками. Я раскормил его до ожирения. До утраты бдительности. Не появись я в лечебнице неделю или две — в крайнем случае мне бы перезвонили домой, под конец разговора попросив беречь себя. Выдавили бы каплю желтого, пахнущего фурацилином сочувствия: поймите, дорогой друг, в вашем возрасте... Сердце? Желудок? Ах, депрессия! Тонкая шутка: ясно, ясно, сапожник без сапог... Да, конечно. Выздоравливайте и ни о чем не тревожьтесь.

Очки сменить легко, на некоторое время укрывшись за частоколом новых стекол. Куда трудней сменить имя, банальность из банальностей.

Пес не отдаст любимую кость.

Работа в лечебнице была синекурой. Хорошо оплачиваемым балаганом. Они там все безнадежны, в тысячный раз подумал доктор. За это я их люблю: за отсутствие надежды. За определенность. За витую решетку ограды, зелень газона вокруг шезлонгов, за божественную непогрешимость камер слежения, за присутствие вежливых ангелов-охранников и ворчание двух доберманов, обученных по специальной программе «Привратник». Я приглашаю их — разумеется, не до-

берманов и не ангелов! — сесть в кресло или прилечь на диван, я веду с ними беседы, выстроенные по всем правилам; Геркулес, назло мифологии взяв замуж бабочку-Психею, я препарирую гусениц психозов и расчленяю коконы фобий, зная, что борюсь с гидрой, и безнадежно ждать Иолая-факельщика, который прижжет обрубки шей. С аналогичным рвением я мог бы чесать им пятки. Зато богатые родственнички моих пациентов с удовольствием платят за роскошь небрежно уронить во время банкета или презентации: «Ах, бедный дядюшка! Но вы ведь знаете, он полностью обеспечен! Многие бы продали душу за возможность оказаться на дядюшкином месте! Разумеется, в клинике... верней, в пансионате. У этого, который!.. ну, того самого, если вы меня понимаете...»

Собеседник, как правило, понимал.

Естественный отбор: непонятливых давным-давно отказывались пускать на банкеты и презентации. Умение кивнуть в нужный момент сродни дорогому галстуку. Своего рода визитная карточка. Ведь даже продай непонятливые душу, вырученных денег не хватило бы для оплаты места в клинике, верней, в пансионате, где есть камеры слежения, вежливая охрана, умные доберманы и тот самый доктор, если вы меня понимаете.

«Тем самым» (а заодно «этим, который!») доктор стал двадцать пять лет назад, после скандального цикла статей «Семьдесят стоянок», где он увлеченно полемизировал с Джавадом Нурбахшем, рискнувшим открыто выстроить параллели между психоанализом и суфийским обучением. Было чертовски соблазнительно увязать «нафс-и аммару», то есть душу плотскую, или побуждающую, вечного тирана и контролера мыслей, а также поведения человека, с «super-ego» — системой усвоенных в раннем детстве запретов, не вполне осознаваемых самим человеком. Но одним из главных тезисов «Семидесяти стоянок» было следующее: если психоанализ своей задачей ставит воздействие на человека ненормального с целью возврата его в нормальное состояние, если суфизм (как, впрочем, и дзен) формирует воздействие на психически нормального человека для продвижения его в состояние «человека совершенного» — то, приняв с позиций социума «человека совершенного» за «человека ненормального», мы замыкаем кольцо, возвращаясь в исходную точку. Подтверждая мысль, доктор с колоссальным трудом добился разрешения

присутствовать на занятиях в суфийских «подготовительных классах», где психически больных врачевали эзотерическими методами, а излеченных переводили во «внутренний круг» обучения. Местные шейхи сперва мрачно косились на иноверца, но, когда доктор потряс их обильными цитатами из Руми и выдержал трехчасовой «танец дервиша», оставшись к концу на ногах, даже самые упрямые ортодоксы прониклись уважением к гостю.

Ах, как давно это было...

Тогда доктора еще не раздражало обилие людей вокруг.

* * *

— У вас есть какие-нибудь жалобы?

— Жа... жалобы?

— Ну, может, вас что-то не устраивает, что-нибудь не нравится у нас? Например, кормят плохо. Рассказывайте без стеснения. Я постараюсь вам помочь, если это будет в моих силах.

— Кормят хорошо. Даже лучше, чем дома. У меня. Пюре с рыбой. Морс. Хлеб свежий. Морс нравится. А тут не нравится. Все равно.

— Что именно вам не нравится?

— Все. Люди... Их много. Слишком. От них шум между ушами. И камень не лепится. Ничего не лепится. Даже асфальт. Даже люки. Из люков лепить хорошо, мне нравится. Они такие гулкие получаются. Гулкие и тяжелые. Когда бегут — звону... Только тут они не лепятся. Это от людей. От шума. Наверное.

— Что у вас не лепится, простите?

— Големчики. Их так мамця назвала. Давно. Когда я еще маленький был.

— Хорошо, к вашим големчикам мы еще вернемся. Это очень интересно.

— Правда, вернемся? Вместе с вами, доктор? Вы тоже хотите туда... домой?!

— Полагаю, вы не совсем верно меня поняли. Или я неточно выразился. Я имел в виду: «вернемся в нашем разговоре». А пока мне бы хотелось узнать поподробнее, что еще вам не нравится?

— Все. Почти все. Люди шуршат. Громко. Всем чего-то надо. Шуршат, шуршат... Зачем? Не люблю шуршать. Не люб-

лю слушать шуршалки. Иногда только. Редко. Или когда големчики булькают.

— Наша беседа вас тоже тяготит?

— Бе-се-да? Тяготит... тяжесть... Нет. Не очень. Вы иначе шуршите, чем другие. Вы говорите. Вы словами *делаете*. Ну, хотите сделать. А другие просто... бол-та-ют.

— Спасибо на добром слове. Тогда, если не возражаете, давайте продолжим. Итак, что вас еще не устраивает в нашем пансионате, кроме большого количества людей, шума и разговоров?

— В пан-си-о-на-те?.. Да, мне объясняли. У вас тут хорошо. Почти как дома. Големчики не лепятся, а так хорошо. Не трогают. Не пристают: давай пошуршим! Шума меньше. И кормят. Пюре с рыбой. Морс. Клюквенный. Хорошо. Тут люди вместе — снаружи. А внутри — каждый сам по себе. И вы, доктор, сами. И я — сам. И все. Нравится.

— Значит, вам нравится в пансионате? А снаружи — нет? Скажите, вы бы хотели, чтобы вас выпустили?

— Выпустили? Куда? Домой?! Вы знаете, как туда попасть?!

— Нет, я не знаю, как попасть в то место, о котором вы часто рассказываете и о котором мы еще поговорим подробнее. Но мы могли бы выписать вас на попечение вашего кузена.

— Ку-зе-на?

— Двоюродного брата. Он очень, очень состоятельный человек, у него прекрасный особняк, прислуга...

— Юродный Брат? Не хочу к нему! Не надо. Он будет приставать. Шуршать, шуршать... Просить, чтоб я лепил. Много лепил. Не так, как я хочу. Как люди хотят. Их много, они все хотят, а я один... Только у вас все равно не лепится: люки, стены, асфальт. Нет, не хочу.

— Ну почему же — не лепится? Ваши работы показывали известным искусствоведам: они просто в восторге! У вас, дорогой мой, несомненный талант. Вы прекрасно вылепили скульптурный портрет своей матери — по этому портрету ее смогли идентифицировать, выяснили, кто вы на самом деле, у вас отыскались родственники...

— Род-ствен-ни... Не хочу к Юродному Брату! Не хочу!

— Успокойтесь, пожалуйста. Не хотите — и не надо. Никто вас насильно к нему не отправит. Если вы предпочитаете остаться в пансионате — милости просим. Я рад, что вам нравится у нас.

— Здесь лучше, чем в городе. Но дома — еще лучшее. Тут у меня лицо хитрое. Притворяется. Я видел. В зеркале. Дома я другой. Правильный. А тут все слишком твердое. Камень твердый. Дерево твердое. Даже люки твердые. Не лепятся. Я сам твердый. День-ночь, день-ночь, днем — солнце, ночью — луна. Скучно. Надо иначе. Мамця любит играть: луна — днем, солнце — ночью. Или вместе. Или чтоб жарко — и вдруг снег. А у вас никто не играется. Разучились, наверное. Затвердели, высохли. Или не хотят. Почему? Город, люди: шур-шур... Один пла-сти-лин мягкий. Лепится. Я помню, это вы мне дали, доктор. Жаль, големчики все равно мертвенькие выходят. Стоят. Молчат. Не бегают. Еду не приносят. Хотя мне еду и так дают. Пюре с рыбой. Морс...

— Да, я помню. Клюквенный морс. Кажется, я понял, что вас не устраивает. Не в нашем пансионате, а вообще... Везде.

— Да, доктор. Здесь — везде. А дома — нет. Дома хорошо. Когда я буду возвращаться, мы можем пойти вместе. Вам понравится: выберете себе два квартала или три... Вы хотите *делать*. Словами. Просто у вас плохо получается. Слишком много людей, слишком много слов... А дома — получится!

— У вас дома?

— У нас — дома.

— Спасибо, я подумаю. Когда соберетесь домой, вы ведь меня предупредите?

— Конечно, доктор!

— Вот и славно. Итак, вас здесь многое не устраивает, но, как выяснилось, я вам ничем, к сожалению, помочь не могу.

— Не можете.

— Но, по крайней мере, в пансионате вам лучше, чем за его пределами?

— Да.

— Превосходно. Итак, претензий, жалоб и пожеланий у вас нет?

— Не-а.

— Тогда можем считать, что этот вопрос успешно закрыт. Давайте теперь поговорим о том месте, где вы жили прежде, чем попали сюда. О вашей маме...

— О Мамце. — Хорошо, о мамце. О големчиках. О других людях — вы упоминали, что они живут там вместе с вами...

— Не вместе. Каждый сам. Не вместе! Иначе, чем здесь. Никто никому не мешает.

— Так уж совсем никто никому никогда не мешает? Совсем-совсем?!

— Ну... бывает. Редко.

— Выходит, и у вас дома не все гладко. Кое-что общее все же есть? Вот с этого и начнем...

* * *

Пройдя в ванную, доктор долго, с тщанием умывался. Сменил лезвие на бритвенном станке; не рассчитав усилия, порезался и долго разглядывал пострадавшую скулу в зеркале. Достав из шкафчика бальзам, аккуратно смазал место пореза. Большинство знакомых доктора всегда умывалось в спешке. Можно сказать, на бегу. Впереди маячил обильный сюрпризами день, сотни гомо сапиенсов, близких и далеких, сотрудников, родственников, друзей, врагов и первых встречных ждали, сгорая от нетерпения, мечтая получить возможность столкнуться в вечном круговороте и разлететься, соблюдая лживую строгость орбит. Знакомые доктора спешили внести свою лепту в окружающий хаос, потому и умывались наспех. Границы собственной вселенной, именуемой телом, их интересовали в последнюю очередь, и отнюдь не из самоценности этих границ; они латали кордоны лишь в случае вторжения неприятеля, торопливо выбирая союзников — дантист, хирург, дерматолог...

Насухо вытершись махровым полотенцем, в майке и спортивных штанах, провисших на коленях пузырями, доктор прошел в *особый* кабинет. Он редко принимал гостей, но сюда не пускал никого, даже в виде исключения. Здесь он отдыхал. Здесь его ждал покой: ряды голов из светло-телесного пластика, выстроенные на полках. В цеху по изготовлению манекенов доктора знали и любили — он всегда щедро оплачивал заказы. Мастера даже предлагали изготовление голов по фотографиям или устным портретам, но доктор неизменно отказывался. Его вполне устраивали изначально безликие создания.

Лица — это была его епархия.

«Сегодня мы выбираем лица». Название повести, автор

которой, несомненно, пока был жив, хорошо понимал таких людей, как доктор. А когда перестал жить, то начал понимать еще лучше.

Прежде чем сесть за рабочий стол, доктор посмотрел в угол кабинета, подняв глаза слегка вверх, выше головы рослого человека, и победно улыбнулся. Там, на стене, укрепленный на мощной консоли, располагался телевизор. В этой квартире каждая комната — а их насчитывалось порядочное количество — была оснащена телевизором. И ни один из экранов не загорался вот уже около десяти лет. Это были порнографические гравюры в келье Святого Антония, ананасы и рябчики с трюфелями перед иссохшим аскетом, бутылка коньяка «Ахтамар» напротив «завязавшего» алкоголика. Искус. Легко отказаться, если у тебя вовсе нет предмета искушения. Куда достойнее ежечасно, ежеминутно проходить мимо жаждущего твоей души чудовища, равнодушно окидывая его взглядом. Доктор отказался от телевидения не в дни локального Апокалипсиса, когда Вавилонская блудница рекламы верхом на Звере вторглась в самую плоть любого канала, требуя купить, купить, купить, а если не купить, то заказать в кредит, — о нет, реклама оставляла его равнодушным, раздражая слабо, будто ток крохотной батарейки. Кислый, лимонный привкус на языке, и баста. Но когда редкие фильмы, заслуживающие потраченного на них времени, и еще более редкие передачи стали раскалывать надвое-натрое, словно геологическим молотком, вторжением двухминуток «Горячих фактов»...

Ты расслабился.

Ты настроился.

Ты в преддверии катарсиса. И вдруг:

«В результате обвала на шахте... ответственность за террористический акт взяла на себя... визит состоится, несмотря на... половодье — разбушевавшаяся стихия унесла...»

У доктора были крепкие нервы. Мерзость крылась в другом. Ища сравнение, он останавливался на одном-единственном: находясь в постели с любимой женщиной, на пороге оргазма, ты вдруг обнаруживаешь, что в спальню ворвался сводный хор им. Л. Паваротти, исполнил «Интернационал» и удалился, забыв закрыть за собой дверь. Слишком много людей, думал доктор. Слишком много. Покупают, умирают, совершают поездки, приобретают в рассрочку, взрывают, договариваются — а прутья окружающей клетки делаются тол-

ще и крепче. Творец всегда одинок. Шесть миллиардов демиургов? Нонсенс.

Он еще раз улыбнулся и сел за рабочий стол.

Две головы, укрепленные на штативных подставках, ждали прикосновения.

В трельяже — зеркала, окружая стол с трех сторон, придавали ему вид алькова для больных нарциссизмом лилипутов — отражались руки доктора, когда он пододвинул одну из голов ближе. Далее настала очередь коробочек с гримом. Грим он делал сам, по старым рецептам, справедливо не доверяя промышленности. Там тоже слишком много людей. И все промышляют. Их тени для глаз — ложь. Тушь для ресниц — надувательство. Помада — клюквенный сок, марающий краской произнесенные слова. Скрипку Страдивари не сделать на конвейере. Уж лучше потрудиться самому, вкладывая душу и сердце, последнее, что осталось нетронутым в наш век отпечатков пальцев. Доктор обожал цитировать Франца Мая, медика из Гейдельберга, чувствуя на языке вяжущий привкус XVIII века: «Вот безопасный магазин красок, которым актер может без повреждения здоровья наводить на лицо прелестную красоту и мерзкие хари».

Очень точно разделено: прелестная красота и мерзкие хари.

Итак, белый грим (вазелин, окись цинка, пчелиный воск, прошлогодний снег). Сухие румяна (мел, кармин, бензойная настойка, смущение девственницы, розовая вода). Краска общего тона (вазелин, окись цинка, киноварь, оранжевая, равнодушие, охра, кадмий, корица, приветствие на бегу, воск). Гумоз для носа. Поролон и марля для толщинок. Чуточку хорошего настроения.

Можно начинать.

В лечебнице находились два пациента, которых доктор давным-давно собирался воссоздать у себя на столе, загримировав пластиковые головы. Два любимых пациента. Два фаворита, вызывавшие у доктора чувство внутреннего родства. Двое глашатаев, шептавших триумфатору: «Помни, Цезарь, что и ты смертен!» Первый, в прошлом удачливый бизнесмен, ранее — спортивный функционер, еще ранее — знаменитый борец, вовремя ступивший на сытную стезю криминала, однажды взял в руки дилогию Явдата Ильясова «Заклинатель змей» и «Башня молчания». Зачем, с какой целью — бог весть. Случайности и нелепости — резервный полк судьбы, поджидающий вас в засаде. Важно другое: прочитав книгу, что называется, от корки до корки (наверняка шевелил при этом губами!), счастливчик отчетливо выяснил, что он не бизнесмен, функционер и борец, а астроном, математик и поэт. Гиясаддин Абу-л-Фатх Омар Хайям ан-Нишапури собственной персоной, прошу любить и жаловать. Видимо, родственники, взыскующие наследства, и друзья по работе согласились любить, но категорически отказались жаловать, потому что доктор познакомился с «Омаром» через два месяца после злополучного чтения и с тех пор частенько приглашал бывшего бизнесмена для бесед, отрывая последнего от научных трудов. Трактаты о движении светил путем болевого замка на локоть, равно как и зубодробительные алгебраические экзерсисы, доктора интересовали мало, хотя попечители больного регулярно забирали все его труды, увозя в неизвестном направлении; доктор же, в свою очередь, с удовольствием коллекционировал рубаи пациента, находя в них неизъяснимую прелесть.

Пацаны, я торчу! Мы фильтруем базар,
Нас не вяжут менты и не косит шиза,
Но бугор наверху — еще тот отморозок!
Мне прислали маляву: он всех заказал!..

Из нравоучительного:

Надо жить по понятиям — понял, братан?!
Если ты мне, то я тебе — понял, братан?!
А когда нас судьба разведет на мизинцах —
Ну и за ногу, мать ее! Понял, братан?!

Из философического:

Сколько было, пацан, до тебя пацанов,
Сколько будет потом! Вот основа основ:
Отвечаем по-всякому за распальцовку —
И уйдем, догоняя былых паханов...

И так далее. Самое забавное крылось в следующем: «Омар» пребывал в твердой уверенности, что пишет на фарси. Доктора же он полагал своим покровителем, мудрым визирем Низамом-аль-Мулком, изредка умоляя выстроить в пансионате обсерваторию. Загримировать манекен под свихнувшегося борца было для доктора делом чести.

Но сегодня он решил начать с другого, не менее экзотического пациента.

* * *

— ...Иногда Бабкины зверики приходят. Она их делает. Как я — големчиков. Они совсем-совсем живые. А мои големчики — чуточку живые, а две чуточки — так себе. Вроде людей, если их много. Зато зверики булькать не умеют. А големчики булькают. Мне тут у вас показали: те-ле-ви-зор. Он булькает, как мои големчики. Бу-буль! — и пузыри по везде... Еще он показывает. Големчики иногда тоже показывают. «Ответственность за террористический акт взяла на себя!.. Спецотряды подняты по тревоге!» И — бах! бах! Друг в дружку. Потом падают и рассыпаются. Я не люблю, когда они рассыпаются. Жалко. Когда они другое показывают, мне больше нравится. А еще мои големчики бегают. Быстро-быстро. Я их догнать не могу. Они мне еду приносят.

— Откуда приносят?

— Не знаю. Убегают, а потом приносят. Иногда — вкусное. Иногда — так себе. Но я все равно ем.

— А другим кто еду приносит? Мамце вашей, Бабке? Остальным?

— Не знаю. Бабке — зверики, наверное. А Мамця сама берет.

— Вы ее не спрашивали: где?

— Не-а...

— Вам это что, не интересно?

— Ага. Не интересно. Я вообще спрашивать не очень люблю. И отвечать тоже. И Мамця не любит. И другие. Я лепить люблю. Големчиков. А еще — на звезды смотреть. Мамця иногда делает, чтоб ночь. Дня на два. Без туч. И чтоб звезды — близко-близко. Я тогда сажусь и смотрю. Долго. Пока Мамце не надоест. Или пока есть не захочется. Тут у вас таких звезд не бывает, как Мамця делает. Чтоб близко. Все небо светится. Они как шарики становятся, и горячие. А вокруг — махонькие шарики каруселятся. Если долго смотреть, можно увидеть: на шариках всякие зверики живут. Вроде Бабкиных. Только еще забавнее. А на одном даже големчики есть! Разные! Я кричу: кто вас лепит?! А они!.. Вы представляете, они...

— Хорошо, хорошо, не стоит нервничать. Значит, вы големчиков лепите и на звезды смотрите. Это все? А остальные что делают?

— Еще я иногда гулять люблю. Только недалеко. Там чужие кварталы — далеко. Туда ходить не надо. Там не мое место. Мамця погоду делает. День, ночь, звезды, ветер, дождь. Снег иногда. Бабка — звериков. Она их любит. Они к ней сами приходят. Разные. А она их вместе слепляет, и получаются новые. Забавные! Она их тоже любит. А людей не любит. Сидит у себя, никуда не ходит. Одни зверики ходят. Я раньше не знал, что они незлые. Они ко мне забредали, а я боялся. Тогда мои големчики их прогоняли. А Бабка ругаться бежала. Если мои големчики ее звериков портили. Издалека ругалась, через улицу. А однажды совсем большой зверик зашел: стра-а-ашный! С зубами, весь блестящий, с во-от таким носищем — как шланг. Мамця увидела, и снег сразу пошел! С градом, с громом. Зверик испугался. Улетел. Вы, доктор, такого зверика, наверно, никогда не видели! Я вам потом слеплю. Только он летать не будет... А под землей Поездец живет. Он ямки роет и на поезде по ним ездит. У него в вагонах люди сидят. Твердые-твердые. Вроде моих големчиков, но большие и скучные. Никуда не бегают. Ничего не булькают. Просто сидят и едут.

— Манекены?

— Ма-не-ке-ны?.. Да, наверное. Я маленький был, давно еще, под землю забрался. В вагон зашел. А он ка-ак поедет! Я ка-ак закричу! Поездец ругался долго. У него в вагоне окошко с решеточкой, он сквозь него ругается. Кнопку нажмешь, он и начинает. Высадил меня потом. Мамця тоже ругалась. Велела, чтоб я больше под землю не лазил. А я все равно полез. Но в вагон уже не сел. Посмотрел — и обратно. Теперь знаю: если земля под ногами дрожит — значит, Поездец новую ямку копает. А если так, гудит только — по-старому едет.

— Вы продолжайте, продолжайте...

— Дальше, за Бабкиными кварталами, Старшина живет. Я его всего разочек видел. Мамця говорит, он все «строит». Или *всех* «строит». Если «все» — еще ладно. А если «всех» — то кого? Там и нет никого больше, кроме Старшины. А может, есть. Не знаю. Но сам Старшина есть, это точно. А если за мостом, так там непонятка живет. Кричит все время: «Где вы?! Отзовитесь! Лю-ю-юди-и-и!!!» Отовсюду сразу кричит, страшно. Может, оно ваше? Заблудилось, а теперь домой просится... Тут людей много, оно бы сразу обрадовалось. Замолчало бы. Называла его «Арахнетом» назвал.

— Называла — кто? Мама... Мамця ваша?

— Да нет! Не Мамця называла, а просто — Называла. Он нигде живет. По городу бродит и все называет. Потому и Называла. Он говорит, что у каждой штуки правильное имя имеется. Если знать, как назвать, сразу откроются эти... ну, эти... О, вспомнил! Сущность и вещность.

— Вечность?

— Не-а. Вечность — это понятно. А вещность — это ее, вечности, сестричка. Почти мощность, но не до конца. Я вас с Называлой познакомлю, вы у него сами спросите.

— Спасибо. Вы продолжайте, пожалуйста...

— Называлу сперва прогоняли. Мамця, и Бабка, и Старшина. И я. А потом перестали. Он же все равно ходит и не боится. Потому что имена знает. Возьмет, назовет, — будем мы знать...

— Вы говорили, что не любите общаться с людьми. А с Называлой, выходит, все-таки разговариваете?

— Не-а. Он сам с собой разговаривает. Спорит. С ним молчать хорошо...

* * *

Легкие толщинки для щек.

Или нет, толщинок пока не надо. Обойдемся. Взамен проведем круг у носа, глаз, носогубной линии и ушей. Теперь неплохо бы стушевать внутрь и чуть-чуть наружу, затем светлым тоном, а в центре поставим блик.

Вот, хорошо.

Углы губ не будем резко темнить. Это делает лицо более старым и злым. Это неправда. А уши подтянем муслиновыми ленточками. Он лопоух, мой замечательный пациент. Хорошо, что уши у манекена подвижны...

Банальное бегство от действительности. Клинический эскапизм. Как сказал бы шейх Ниматулла, удаление в пустыню «я». Давно, усталый раб, замыслил я побег... Его поместили в лечебницу недавно, в конце июня. Изучив дело, доктор поймал себя на примитивном, раздражающем недоумении: история пациента отдавала дешевым триллером. Малобюджетным, надо сказать. Так пахнут номера в стареньких гостиницах: мелкие страсти, клопы и истории грехопадения, рассказанные скучными проститутками. Обнаружен полицией в центре города, пытался ногтями ободрать «цветную штукатурку» со стены налогового управления. Плакал и жаловался, что не получается. Доставленный в участок, нес ахинею; документов не имел. В камере затих, расслабился. Вскоре заснул сном праведника. Чувствовалось: общество людей ему неприятно, в отличие от одиночества. Допросы оказались безрезультатны, в компьютере данные отсутствовали. Когда задержанный попросил что-нибудь мягкое и, как он выразился, «лепучее», дали коробку пластилина. За пять минут он вылепил голову женщины, поражавшую обилием мелких, скрупулезно воспроизведенных деталей. «Вот!.. это Мамця...» По «Мамце» клубок и начал разматываться. В архивах данных обнаружилась фотография, идентичная пластилиновому изображению. Девушка из крайне обеспеченной семьи, неадекватное поведение, побеги из дома, попытка суицида, наконец, исчезновение. Поиски закончились крахом.

Дело об исчезновении закрыто.

Давным-давно.

Доктор прикрыл глаза, вспоминая лицо пациента. Глубоко посаженные, очень темные глаза. Нос картошкой. Форма черепа: 4-я конусообразная. Вертикаль касается только нижнечелюстных выступов. Может, все-таки толщинки? И нос поправить гумозом. Разъелся, красавец: пюре с рыбой, морс. Клюквенный...

Семья беглянки оказалась выше всяческих похвал. Видимо, в их среде проявление родственных чувств считалось равным подтверждению счета в банке. Задержанного отпустили под залог — его, предъявив целую кипу важных бумаг, увез импозантный мужчина, без особых оснований назвавшийся двоюродным братом. С тем же успехом он мог считаться дядюшкой, шурином, деверем или седьмой водой на киселе. Предположить, что безумец — действительно сын беглянки, было трудно, но можно. Главный диссонанс: не совпадало время. Задержанному в таком случае должно было стукнуть максимум двенадцать-тринадцать лет, а он выглядел на все тридцать пять. Тем не менее семья взяла на себя ответственность за содержание «блудного сына». Как многие безумцы, он оказался талантлив: резко выраженный дар скульптора. Еще через полгода семья поместила его в пансионат.

В нюансы доктор не вникал.

Он просто сразу ощутил некую общность с пациентом, после первых же произнесенных несчастным слов: «Слишком много людей. Слишком...»

С тех пор они часто беседовали.

Во время разговоров рядом, безмолвным призраком, всегда стоял один из любимейших писателей доктора, насмешливо повторяя тихим баритоном: «Пусть легковерные и мещане продолжают верить, что все психологические беды могут быть исцелены ежедневным приложением старых греческих мифов к их половым органам».

Разминая пальцами гумоз, доктор вспомнил, как позавчера наблюдал у пациента странный рецидив. Как обычно, больной гулял в парке, подолгу останавливаясь на месте и берясь обеими руками за голову; доктор же следил за ним из окна кабинета. Со второго этажа парковая зона, компактная и аккуратная, хорошо просматривалась до самой ограды. Поэтому не заметить старуху доктор попросту не мог. Она стояла на улице, у решетки, украшенной поверху остриями-трезубцами, и смотрела на пациента. Часто-часто моргая слезящимися глазами. У ног старухи вертелись три кошки: две полосатые крысоловки и одна сиамка; поодаль гоняла блох дворняга, похожая на спутанный моток пряжи. Да, еще птицы. Десятка полтора воробьев кружились над грязной шляпкой из соломки, украшавшей голову старухи.

Доберманы охраны рысцой подбежали к решетке, но лаять раздумали. Они вообще не особо любили подымать шум. Обученные главному: никого не выпускать наружу без особого разрешения, — могучие псы отнеслись к старухе с ее свитой равнодушно. Доктору лишь показался удивительным тот факт, что доберманы находились у решетки слишком долго. Хотя кто их знает... Мотивы поведения собак были для доктора тайной за семью печатями.

Старуха молчала, не подавая никаких знаков, но пациент сам обратил на нее внимание.

Двинулся навстречу.

Старуха стояла, пациент шел, а доктор, до половины высунувшись из окна, махал рукой охраннику: не вмешивайтесь! В сближении двух человек крылось что-то удивительное, бессмысленное и в то же время грандиозное, как пожар в небоскребе. Так, пожалуй, могли бы сходиться одноименные заряды, обладай они волей и желанием. Так идут к барьеру, сжимая рукоять дуэльного пистолета. Так подымаются на эшафот, навстречу палачу. Пациент морщился, чуть ли не кряхтел от усилия, вынуждая ноги нести тело в нужном направлении; старуха топталась на месте, по всей видимости, едва удерживаясь от бегства. «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и им не сойтись никогда», — невпопад подумал доктор, рискуя вывалиться из окна. Впрочем, второй этаж, внизу цветник, земля мягкая...

Когда два человека сошлись, разделенные вензелями решетки, у доктора заложило уши. Будто в самолете. Он перестал слышать и мог лишь глядеть, как пациент и старуха просто стоят. Казалось, они привыкают быть рядом. Как привыкают к горечи лекарства. К тяжести оружия. Пальцы пациента бессмысленно скребли по бетону фундамента ограды; старуха ежесекундно поправляла шляпку. Вскоре звуки вернулись, убив тишину. Воробьи оглушительно чирикали, кошки орали, и молчали доберманы охраны, усевшись по бокам пациента.

Потом случилось невозможное.

Старуха протянула руку между прутьями и погладила доберманов.

Отвернулась.

Пошла прочь.

Когда доктор спустился вниз и приблизился к ограде, пациент еще стоял там. Доктора поразило его лицо: сосредоточенное, жесткое. Словно у человека в кресле дантиста. И еще: на бетоне четко просматривались глубокие следы пальцев. Как если бы человек сгребал в горсть не бетон, а глину для лепки.

...доктор посмотрел на гумоз в своих пальцах.

Да.

Именно так.

* * *

— Скажите, кто научил вас читать? Мама... Мамця ваша, да?

— Чи-тать? Я не знаю, как это: чи-тать.

— Но я сам видел: вы читали книгу. Вот эту. Там нет картинок — значит, вы ее именно читали. Или что вы, по-вашему, делали?

— Я слова нюхал. У каждого слова свой запах. Запахи складываются вместе, получается букет. Красиво. Страшно. Смешно. Грустно. По-разному. Это называется чи-тать? Это вы придумали, доктор? Как Называла придумывает?

— Нет, это не я придумал. Значит, вы нюхаете слова? Складываете запахи вместе и так узнаете, что написано?

— Не складываю. Они сами складываются. А у вас иначе?

— У меня иначе. Писать вы тоже умеете?

— Пи-сать? А-а, делать запахи слов? Чтоб другие нюхали?

— Допустим.

— Конечно! Это все умеют! Даже Старшина, наверное.

— Вот вам бумага и фломастер. Напишите... э-э... сделайте слово с запахом «вода».

— Вы это с другим запахом сказали. Вода не так пахнет. Вот что вы сказали.

— Кофе? Интересно... Значит, я сказал слово «вода» с запахом кофе? Впрочем, в кофе тоже есть вода, так что вы, по большому счету, правы. А ну-ка, сможете написать слово «вода» так, как я его произнесу сейчас? С другим запахом? Слушайте внимательно: «вода».

— Вот...

— «Лимонад»? Да, пожалуй, я действительно имел в виду... Очень интересно! Как вы догадались? Ах, да, конечно же, по запаху. Скажите, а вы способны представить себе слово «вода» со всеми запахами, какие только возможны? Со всеми *сразу*?

— С вами хорошо играть, доктор. Да, я понял... почуял. Вот.

— «Жидкость»? Остроумно, крайне остроумно... А у себя дома вы читаете? Нюхаете слова?

— Бывает. Если голова болит. Или спать хочется. Дома много мест, где живут слова. Правда, меньше, чем здесь. Иногда они дурно пахнут. Я тогда нос зажимаю и мимо иду. В другие места. В любимые. У вас тоже трудно нюхать. Люди шуршат, мешают. А дома никто не мешает. Улицы пустые. Чистые. Тишина. Запах издалека учуять можно. Еще раньше, чем глазами схватишь. А здесь надо сначала глазами... У нас Называла новые слова делает. Незнакомые. Со странными запахами. Он их временами в букеты собирает. Надо долго нюхать, пока поймешь — что он так назвал. Но Называла хитрый. У его названий запахи — правильные. Странные, но правильные. Я так не умею. И никто не умеет — чтоб правильный запах придумать. Один Называла умеет...

* * *

Ажурная сталь калитки открылась плавно, с предупредительностью вышколенного лакея, пропуская доктора на территорию пансионата, когда стрелки часов показывали без

четверти восемь. Он не любил опаздывать, хотя вполне мог себе это позволить. Слишком раздражала необязательность многих людей; слово «многих» было здесь ключевым. *Черес-чур* многих. Кивнув охраннику, он проследовал по дорожке к главному корпусу. Под ногами похрустывал мелкий гравий, притворяясь первым снегом декабря. Этот звук нравился доктору, рождая в душе умиротворение: зиму, искры сугробов и одиночество до самого горизонта. Парк, образцово-аккуратный и оттого слегка бесчувственный, пустовал, лишь усиливая впечатление, — пациенты ужинали в столовой. Пюре с рыбой. Морс из клюквы. Солнце ворочалось за зданием, чаша спутниковой антенны, подсвеченная закатом, казалась обретенным Граалем; светлая днем, зелень деревьев и газонов сейчас выглядела строгой и молчаливо-торжественной, словно убранство кафедрального собора.

Тишина.

Расслабленный хруст гравия под рифлеными подошвами туфель.

Покой. Безмятежность.

Доктор любил вечера в пансионате. Они были созвучны его состоянию, как доминантсептаккорд в гармоническом ля-миноре. Суета напилась транквилизаторов, спешка дремлет, торопливость скончалась, не оставив наследников. Никто не докучает досужими разговорами, назойливостью вопросов, равнодушием деловых комментариев... Чуть заметно вздохнув, доктор толкнул застекленную дверь. В коридоре за дверью, слева, пост внутренней охраны. Ритуал бессмысленных приветствий. Ничего, это ненадолго. Он привык.

Охранники наперебой поздоровались. Один из них с улыбкой вручил доктору письмо. Лист бумаги в заранее распечатанном конверте. Это просил передать «Омар» с тысячей поклонов в адрес уважаемого визиря. Взяв бумагу, доктор опустил глаза.

> Я откинулся с зоны — и сразу в кабак.
> У меня есть резоны явиться в кабак —
> Не могу же напиться я в библиотеке?!
> Вот пропьюсь до кальсон — и покину кабак...

Спасибо, сказал доктор просиявшему охраннику. Сложил письмо вчетверо, спрятал в карман брюк и направился к лестнице на второй этаж, где находился его кабинет. Его крепость. Келья. Башня из слоновой кости. Мимоходом поду-

малось, что четверостиший «Омара» набралось уже порядком. Хватит на маленькую книжечку. Еще бы найти хорошего художника, способного стилизовать графику соответствующим образом. И издать. Могло бы выйти оригинально: бестселлер года «Пацан Хайям». Подать эту идею родственникам? Мысль оказалась кислой на вкус. Доктор поспешил скомкать ее и брезгливо швырнуть в корзину для мусора.

Поднимаясь по лестнице, он краем уха слушал разговор охраны, тут же забывшей о нем. Кто-то мрачно доказывал, что от здешней работы у самого папы римского мозги закипят. Ехал, значит, сюда на метро и вдруг осознал: в вагоне сидят манекены. Пластиковые. Только он — живой, и то под вопросом. Поезд мчится без остановок, станции мелькают осенней листвой: красные, желтые, зеленые. Зажмурился с перепугу, а тут: «Двери закрываются! Следующая станция — «Проспект...» И баба с кошелкой из-за спины булькает: «Вы на следующей сходите? Сходите или нет?!» Если б не дежурство, непременно б водки нарезался... Дальше доктор слушать не стал. Еще один кандидат на постоянную прописку в пансионате. Хотя нет, охранника здесь не пропишут. Другой, знаете ли, контингент.

Всплыл в памяти последний визит к внуку. Внука он навещал регулярно, дважды в год. Первые полчаса даже находил небезынтересным общение с малознакомым двадцатилетним парнем. Словно с разбегу окунался в бассейн, где жизнь сводилась к голубой воде дисплея: разбегающиеся круги «окошек», заплывы текстовых сообщений, тотализатор баннеров... Внука доктор уважал. Он всю жизнь уважал людей, увлеченных чем-то до самозабвения, до помешательства (пациентов доктор тоже уважал), и было приятно, что внук — один из таких. Доктор даже подсел к монитору, чего обычно не делал. Слова, слова, слова... Чат, сказал внук. Приветствия без радушия, шутки без начинки, сленг ради сленга — доктор пришел в восторг, понимая, что более бессмысленного занятия он не смог бы себе представить, даже раскалив воображение добела. Одиночество, доведенное до экстаза публичной мастурбацией. Лишь странная, назойливо повторяющаяся реплика особо привлекла внимание. Издалека, из глубин резонирующей паутины, некто кричал, надрывая электронные связки: «Где вы?! Отзовитесь! Лю-ю-юди-и-и!!!» Но его все игнорировали. В ответ на вопрос внук пожал плечами. Псих какой-то. Или вообще робот. Мэйла своего не дает, айпишка не отслеживается: небось через левый прокси заходит. Ты, деда, брось, тут бреда хватает, всякие «чмоки», «трямки», «здрямки»... А в равнодушие экрана продолжал биться, истекая отчаянием и безнадегой, сумасшедший призыв: «Люди! Где вы?! Лю-ю-юди-и-и!» — но никто не желал замечать, слушать, слышать...

Кому-то было по-настоящему одиноко. Кому-то было плохо. Кто-то хотел к людям. А доктор с удовольствием поменялся бы с ним местами.

Орехом на зубах белки щелкнул ключ в замке. Кожаное кресло с изменяемой геометрией, сделанное по спецзаказу, приняло доктора в свои объятья. Некоторое время он устраивался поудобнее, ища расслабления. Закинул руки за голову; закрыл глаза. Однако желанный покой гулял внизу, не спеша подняться на второй этаж. Перед внутренним взглядом маячило лицо пациента: манекен с неоконченным гримом. Чего-то не хватало.

Чего?

Он просидел в кресле минут двадцать. Открыл глаза. Вяло, без интереса, перелистал бумаги в папке. Встал. Подошел к окну, раздвинув тяжелые шторы. В отблесках угасающего дня мелькнула некая соринка, раздражая зрение. Доктор вгляделся, щурясь сквозь стекла очков, которые забыл сменить.

Верно. Очки. Совершенно забыл. Или, наоборот, вовремя вспомнил?

Пальцы, окунувшись в боковой карман, нащупали шершавый пластик футляра. Ему хотелось убрать соринку (так мама в детстве языком вынимала ресничку, попавшую в глаз...) раньше, чем окончательно стемнеет. Но не предаваться же из-за сиюминутного желания унизительной спешке? Доктор включил настольную лампу, бережно извлек из футляра очки, чья оправа отливала бронзой. Придирчиво рассмотрел на просвет. Подышал на стекло. Аккуратно протер специальной фланелькой, хотя на сияющих стеклах не было ни пылинки, ни пятнышка. Спрятал старые очки в футляр, а футляр — в карман пиджака. Выключил лампу. Посидел десять секунд без движения, заново привыкая к полумраку.

И лишь тогда торжественно водрузил новые очки на нос.

О, сладостное ощущение *перемен*! Когда реальность потягивается во сне, неуловимо сдвигаясь всего на долю градуса. Но этого достаточно, чтобы все предстало в совершенно ином свете. Новый ракурс — и из бытия исчезает бессмыс-

ленность, пустота, обыденность ритма. Плоская монохромная картинка наливается красками, обретает глубину, объем, значение и скрытый смысл. Жизнь возвращает себе утерянный в суете вкус.

Доктор подошел к окну. На сей раз ему не пришлось всматриваться — соринка, выпав из глаза, сразу наполнилась конкретикой, несмотря на черничный кисель сумерек.

Старуха.

Та самая, что приходила два дня назад.

Мелкое движение внизу, на краю зрения, под самыми окнами, на миг отвлекло его от наблюдения за поздней гостьей. Что-то перемещалось меж клумб и кустов, оставляя за собой качающиеся стебли и листья. Доберман-сторож? Но существо вступило в желтый прямоугольник света, падавший из окна первого этажа, замешкалось — и доктор увидел. Маленький, не более полуметра ростом, *големчик*. Казалось, он был слеплен из чего попало: местами на тельце отблескивал металл, топорщились волокна древесины, бок покрывала белая эмаль, осыпаясь чешуйками... Доктор задумался: как он ухитрился все это рассмотреть со второго этажа, в неверном освещении?

Наверное, благодаря смене очков.

Големчик шустро рванул дальше, выскочил из световой клетки и пропал. Кажется, следом промчался еще один, но доктор опоздал его разглядеть. Недаром пациент утверждал, что не может их догнать. Надо полистать литературу по типичным фобиям. Освежить в памяти симптомы индуцированных психозов.

Тихо улыбаясь своим мыслям, доктор вышел из кабинета.

Палата пациента, любителя лепить «големчиков», располагалась в левом крыле первого этажа. Шаги гулко тревожили стерильную тишину коридора: ужин закончен, больных развели по комнатам, а ложились здесь рано. В основном контингент в пансионате подобрался тихий, самодостаточный. Перед дверью палаты номер восемь доктор немного постоял. Собственно, от самой двери осталось чуть больше половины. Словно большой пес с пастью, набитой акульими клыками, взял да и откусил кусок двери вместе с замком. Как бутерброд с маслом. Вернее, не с маслом, а с белой эмалью.

Или иначе: не откусил, а в три движения зачерпнул горстями, будто глину.

Доктор толкнул останки двери, входя. Пациент был здесь.

Сидел на полу, привалясь спиной к кровати с оторванной спинкой. Левая ножка также отсутствовала. Рядом — на стене, в полу — виднелись отчетливые углубления со следами пальцев.

— Добрый вечер, доктор.

— Добрый вечер.

— Я обещал сказать вам, когда соберусь домой. Я говорю. Я собрался. Вы идете со мной?

Доктор оглянулся. Позади него в дверях переминалось с ноги на ногу пять големчиков весьма неприятного вида. Каменный, деревянный, два цементных с примесью линолеума, один — цельнометаллический. В комнату протолкались еще двое, волоча груду одежды. Рубашка, брюки... Брюки показались доктору знакомыми. Такую форму носят охранники пансионата.

— Вы идете, доктор?

— Иду.

— Тогда подождите, я переоденусь. Спасибо. С вами получится лучше. Легче.

Зачем он согласился? Боится?! Нет, не боится.

Это все очки.

Новые старые очки.

И страстное желание узнать: чего не хватало в лице пациента, когда грим ложился на мертвую плоть манекена?!

— Пойдемте, доктор. Бабка ждет. Остальные тоже собираются. Нам пора.

Големчики умчались вперед. Дверь черного хода, обычно запертая в это время, оказалась приоткрытой. По дороге им никто не встретился. Темный парк ласково шелестел, расступаясь. Оба добермана лежали у ограды, преданно глядя в глаза стоявшей за решеткой старухи. Свита Бабки присутствовала, слегка ревнуя: дворняга, кошки, воробьи. На фоне ярких звезд мелькнули силуэты летучих мышей. Доктор покосился на пациента: тот шел, с трудом отрывая от земли ноги. Тайная сила тянула его назад, прочь от ограды, прочь от Бабки. Последняя вросла в землю, и лишь ветер играл с подолом цветастого платья. Она тоже сопротивлялась. По-своему.

Наконец пациент уперся в незримую стену. Остановился. С видимым усилием поднял взгляд на старуху.

— Кто это?

— Доктор.

— Он уходит с нами?

— Да.

— Хорошо.

— Хорошо. Забор?

— Я помогу. Сейчас...

Худые, дряблые руки потянулись вперед, просочились меж витыми прутьями ограды. Доберманы, как загипнотизированные, качнулись навстречу. Дворняга встрепенулась, тщетно пытаясь просунуть морду в вензель. Руки, перевитые набухшими венами, с внезапной нежностью потрепали по холкам огромных псов. Легко придвинули одного к другому, вдавливая, сминая, делая целым! Двухголовое существо отдавалось изменениям, блаженно повизгивая от удовольствия. Вот обе головы слились воедино, собака-гигант стала еще больше, а старуха продолжала усердно трудиться. Под ее умелыми пальцами дворняга вытянулась в лохматую сосиску с короткими лапами, без усилий проскользнула сквозь решетку и влилась в общую плоть. Так струя воды вливается в бассейн, исчезая без следа... Почти без следа. У нового существа едва заметно изменилась форма морды, окрас стал более светлым, прорезался хвост колечком.

За дворнягой с блаженным мурлыканьем последовали кошки, сделав морду существа более плоской и добавив телу упругой грации. Потом настал черед воробьев и дюжины невесть откуда взявшихся крыс. С неба упала троица летучих мышей — у Бабки все шло в дело. Она работала уверенно, не задумываясь. Химера была уже размером с добрую лошадь. Восхищенно косила на старуху круглым птичьим глазом, виляла хвостом, в нетерпении рыла землю лапами — когтистыми и перепончатыми.

— Готово! Садитесь, доктор, не бойтесь. И ты садись.

Доктор никогда не ездил на лошади. Не говоря уже о поездке на химере. Бабкин монстр припал к земле, давая людям возможность забраться на спину, запустить пальцы в густую шерсть. Доктор ощутил себя частью химеры, частью безумия, слепленного из Бабки, ограды, пациента, дышащего в затылок...

Доктору было хорошо. Впервые за много лет.

— Давай!

Мощное тело взвилось в воздух. Крылья у зверя (*зверика*?) отсутствовали, но если это нельзя было назвать полетом, то

доктор мог лишь развести руками. Нет. Развести руками не мог — упал бы. Внизу лениво, как во сне, проплыла трехметровая ограда с оскалом зубцов, шляпка старухи, аккуратно подметенный тротуар, мусорные баки...

Сильный толчок.

— Слезайте. Дальше пешком пойдете.

Слезать не хотелось, но он подчинился. И пациент — тоже. Старуха же, игнорируя собственное «пешком», взобралась на спину довольно заурчавшего зверика.

— Куда теперь?

— Под кудыкину землю. Поездец вывезет. Обещал.

— Тогда нам туда.

Доктор махнул рукой в сторону ближайшей станции метро, до которой было отсюда минут пять ходьбы. Бабка и пациент переглянулись, с сомнением покачали головами — и старуха указала совсем в другую сторону.

Спорить доктор не стал.

Они шли по улице, прямо по проезжей части, мало-помалу ускоряя шаг. Зверик со старухой тек вперед мягкими прыжками, раздвигая реальность, просачиваясь насквозь, творя вокруг себя сизый туман и купаясь в его прядях. Вскоре доктор заметил, что к ним присоединяются новые спутники. Субтильный юноша в драповом пальто, одетый явно не по сезону; толстуха, оправлявшая клеенчатый передник в крупный горох, будто ее силой оторвали от кухонной плиты. Усач-военный в форме с погонами старшины. Еще две или три фигуры маячили позади, не приближаясь, но и не отставая. Город тем временем вскипал забытым на огне чайником. Знакомые улицы бесстыже лгали, свиваясь в клубок, норовя заморочить, сбить со следа. Асфальт хватал людей за ноги, отращивая смоляные пальцы. Фонари гасли при их приближении. Один взорвался лиловым облаком, засыпав тротуар жарким хрустом осколков. Дома наваливались сверху черными провалами окон. Над головами завывал ветер, вырвавшись из сотен, тысяч, мириадов динамиков и телевизоров, позади нарастал вой и рев: хищник не желал выпускать добычу, идя по пятам.

Вот-вот настигнет.

Вокруг, вкрадчиво начавшись со случайных прохожих, каруселью завертелась человеческая метель. Час пик, митин-

ги протеста, демонстрации в защиту, День пива, толчея за билетами на модного певца; ожидание фейерверка, спрессовывающее зрителей в шевелящийся монолит, народные гуляния, муравейники ярмарок, кишащие продавцами и покупателями, чемпионаты по футболу, изрыгавшие болельщиков с флажками в руках, базары и рынки, толкучки и дешевые распродажи, — дети пытались играть с големчиками, норовя оторвать руки и ноги, кто-то лез на трибуну, соблазняя перспективой роста валового продукта, а кто-то лез на зверика, желая покататься, отовсюду совали пластиковые бокалы с пивом, рекламки «Гербалайфа», предлагали похудеть за три дня, обещали крещение и обрезание, визит к экстрасенсу, листовое железо, работу на дому, эмиграцию в Канаду, субсидии, кредиты и турне по Средиземному морю, выигранное в шоу-акции «Не дай себе засохнуть», — растворяя, перемалывая, лишая сил, всасывая обратно жирными губами, вытянутыми в трубочку...

— На месте стой, раз-два! Р-р-равняйсь! Смир-р-рна! Равнение на середину!

Бас Старшины гулкими раскатами отразился от стен, кинувшихся наутек, рассекая людское море надвое, — и ближайшая улица вздрогнула мокрым псом, стряхнув толпу обитателей в переулки. Замерла, вытянулась звенящей струной. Фонари ярко вспыхнули, освещая дорогу: прямую, как летящая к цели стрела. Дома отдали честь, ветер захлебнулся строевым приветствием. Впереди ровной цепью бежали големчики, поддерживая раненых собратьев: авангард, готовый в случае чего первым вступить в бой.

— Бего-о-ом марш!!!

На бегу доктор оглянулся. Город за спиной вспучивался стройками и ремонтами, асфальт, трескаясь, проседал, здания отращивали мансарды и гроздья гаражей, спеша перекрыть проход траншеями, латая рану швами водопроводных и газовых труб, отрезая собственных наемников, которые в увлечении погони чуть не превратились из ловчих в беглецов; и рев за спиной стал глуше, отступив, но не исчезнув до конца.

Новая нотка пробилась в реве.

— Лю-ю-юди! Где вы все?! Лю-ю-юди! Отзовитесь! Я хочу остаться с вами! Я не хочу назад! Лю-ю-юди-и-и!..

Механический, словно из репродуктора, голос усилился, возникая отовсюду. Ударил, дрогнул, откатился назад и затих в отдалении.

— Кажется, у него получилось...

— Разлом! Я вижу разлом!

— Не отставать! Подтянись!..

Есть ли у меня жетоны, думал доктор. Наличие жетонов казалось очень важным. Он был уверен в этом.

Есть!

— Вот, возьмите... У меня много. На всех хватит!

— Спасибо...

— Вот еще... карточка!

— От лица службы выношу вам благодарность!

Турникет. Эскалатор. На платформе — вожделенная пустота. Поезд ждет у перрона, нервно распахнув двери и приплясывая на рельсах.

— Скорее!

— Я успею, успею!..

— Осторожно, двери закрываются. Следующая станция...

Названия станции он не расслышал. Поезд рванул с места в карьер, так что пассажиры едва успели схватиться за поручни. Состав мгновенно набрал скорость. Наконец восстановив равновесие, доктор с любопытством оглядел вагон. Все его спутники были здесь. Но доктор смотрел не на них, стоящих. А на тех, кто занимал сиденья в вагоне.

Манекены. Голые манекены с едва намеченными лицами блестели розовым пластиком. Сколько работы! Сколько любимой работы, которую предстоит сделать. Теперь у него будет на это время. У него будет много времени...

Состав ощутимо тряхнуло на стыке. Свет в вагоне мигнул, погас, вновь вспыхнул, неуверенно мерцая. Навалилась волна дурноты.

— Держитесь, доктор!

— Держитесь!

— Осталось совсем чуть-чуть...

— Граждане пассажиры, просим сохранять спокойствие...

Отпустило. Тяжесть в груди исчезла, сердце забилось ровнее, и вместе с пульсом ровнее пошел поезд. В глазах посветлело — лампы вспыхнули в полный накал.

— Ура!

— Прорвались!..

— Конечная станция. Граждане пассажиры, просьба освободить вагоны...

Двери с шипением разошлись, и доктор, не чувствуя под собой ног, шагнул на освещенный перрон.

— Приехали?

— Да.

— Домой?

Эскалатор двигался очень медленно, словно огромное, благожелательное существо бережно несло доктора на ладони к выходу. Спиной он чувствовал, как рассредоточиваются на ступеньках его спутники. Дальше. Еще дальше друг от друга. Разделяясь прядями волос под гребнем. Вместо кулака — пальцы. Время и место, когда необходимо быть вместе, исчезли; подступало время и место одиночества, ибо ты всегда одинок. В этом залог твоего настоящего существования. Доктор поморщился, отгоняя глупые, шаблонные, *тамошние* мысли. Надо учиться думать по-другому. Надо учиться не думать.

Внизу, в тишине платформы, до сих пор ждал поезд. Медля уехать, скрыться в тоннеле. Жарко зевала распахнутая пасть вагона. Десятка три манекенов приглашали доктора вернуться. И доктор чувствовал: останься он в метро, Поездец примет его с благосклонностью, ибо они никогда не встретятся лицом к лицу. Впрочем, можно быть уверенным: в каждом из вагонов доктор найдет сухие румяна и «тоналку», крепэ и монтюры для париков, гумоз, поролон и марлю для толщинок. Манекены звали к себе, ни в коем случае не настаивая и не торопя. Вернуться? Или вернуться по-настоящему: спуститься на платформу, сесть в вагон и отрицательно помотать головой? Дав знак Поездецу: отвези обратно.

Отвезет.

Без сопротивления и уговоров.

Эскалатор кончился. По-прежнему не оборачиваясь, доктор прошел к стеклянным дверям, толкнул их, оказавшись в подземном переходе. Бетон, пустые лотки, где сквозняк торговал шепотом; снова лестница. Вверх, вверх. Город был пуст, как лотки в переходе. Кинотеатр, кафе. Магазин подержанной одежды, переговорный пункт, ателье. Пустые, пустые, пустые... Наконец-то. Доктор потянулся и взял из доверчивой пустоты — взгляд. Сделанный из пластика, взгляд безучастно лежал на ладони, насквозь в пыли и скуке. Не задумываясь, что он делает, доктор принялся разминать взгляд в пальцах. «Гусиные лапки» в уголках глаз: от частого смеха. Горстка искр. Затененность густых, чуть седеющих бровей. Понимание. Усталость. Тени: мудрые, темные. Пальцы двигались ловко и умело. Все, пора отпускать на волю.

Взгляд, подхваченный ветром, взлетел в осень.

Поплыл вдоль улицы, заново осматривая дома и деревья, привыкая к самому себе — старому, новому.

Доктор засмеялся. Они ждали его, только его, его, и больше никого, надеясь, что однажды он придет, потянется и возьмет их для изменения. Воздух кишел ими: улыбки, ухмылки, взгляды, морщины, трепет ноздрей, сонные веки, похожие на створки раковин, кроличий прикус, румянец щек, локон у виска, желваки на скулах. Печаль, радость. Озабоченность. Мертвый пластик, ждущий тепла прикосновения.

Психоз, готовый обернуться прозрением.

Это был *его* город.

Обернувшись, доктор перестал смеяться. Далеко, выйдя с противоположной стороны перехода, возле решетчатой ограды какого-то учреждения стояли Пациент, Бабка, Старшина... Маленькие, нахохлившиеся. С трудом выдерживая присутствие каждого рядом с собой — и все-таки не торопясь разойтись. Сейчас они двинутся в разные стороны, но между настоящим «сейчас» и тем «сейчас», которое случится вот-вот, лежала пропасть.

А над головами людей солнце с луной играли в «квача».

Шорох подошв отвлек доктора. Рядом с ним, тихонько выйдя из подворотни, маленький старик увлеченно писал на стене мелом. Время от времени вытирая измазанные руки прямо о куртку. Надумав подойти, доктор вдруг почувствовал нежелание. Сближаться со стариком было... противоестественно, что ли? Он просто вгляделся в граффити, оставаясь на месте.

Старею.
Учусь
Вспоминать.

Прежде чем вернуться в свою подворотню, старик внимательно посмотрел на доктора. На взгляд, до сих пор летящий вдоль улицы. Пожевал сухими губами.

— Доктор, — сказал старик, уходя.

И доктор понял, что Называла его назвал.

Но глубоко внизу, на сонной платформе, поезд с манекенами все еще ждал окончательного решения.

ВОССТАНЬ, ЛАЗАРЬ!

> Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы.
>
> *Апостол Павел.*
> *Послание к Коринфянам,*
> *гл. 13, 1—3.*

— А пялиться на чужих людей некрасиво!..

— Кто сказал?

— Мама! — Кудрявый бутуз лет шести подумал, сунул палец в нос и уточнил с гордостью урожденного жадины: — Моя мама!

— Ну раз мама... тогда да, конечно... Ты не в курсе: кто здесь Жора Мясник?

— Дядя Жорик вон там, на ящике!

Мужчина поправил очки: дорогие, французские, в золотой оправе от «Antoine Bourgeois». Антибликовый пластик зловеще сверкнул зеленью, как глаза хищника.

— Они все на ящиках...

— Дядя Жорик с бухлом!

— Они все с бухлом...

Очкарик был прав: трое грузчиков, коротавших обеденный перерыв во дворе, у черного входа в «Гастроном», сидели на дощатых ящиках и трепетно разливали вторую бутылку портвейна «Таврического» в пластиковые стаканы. Стаканы были пивные, поллитровые, с жеваными краями. От вина

посуда отсвечивала густо-лиловой тьмой, напоминая гроздь персидской сирени.

— Дядя Жорик самый главный!

— Э-э... В каком смысле?

Бутуз аж подпрыгнул от такой вселенской тупости собеседника:

— На разливе сидит! Ну вы ваще...

— Ага, я ваще...

Соглашаясь, очкарик явно имел в виду что-то свое, непонятное чужому человеку. Так сознаются на приеме у венеролога в дурной болезни, подхваченной в командировке.

— На, держи, умница... Привет маме!

Он сунул бутузу пачку жевательной резинки. Мальчишка возликовал, сунул в рот горсть мятных подушечек и умчался играть в «банки». Еще за три метра от «стартовой» черты он запустил биту — обломок держака от швабры — в полет, и та лихо снесла пустую жестянку из-под ананасных ломтиков. Девчонки, оккупировавшие неподалеку раздолбанную карусель, брызнули прочь, спасаясь от снаряда. Старушки на лавочке заворчали с неодобрением, вспоминая, как в мезозойскую эру претерпели от таких же хулиганов. Бутузовы соратники хором завопили: кто от зависти, кто от восторга, кто просто так, за компанию.

А грузчиков пустые банки интересовали мало. Грузчики сказали тост: «Ну!..», выпили портвейн, отдали бутылки сборщику стеклотары, деду в потертом камуфляже, и принялись деловито закусывать хлебом со шпротами.

— Серый, жди здесь, — сказал очкарик шоферу, высунувшемуся из окна черного «Лексуса». Шофер кивнул. У него было глуповатое и добродушное лицо человека, достигшего предела личных амбиций.

— Проходимец! — внятно сказала одна из старушек, ткнув спицей в сторону машины. Наверное, имела в виду ходовые достоинства джипа.

Очкарик пересек двор и остановился возле грузчиков.

— Добрый день! — сказал он. — Жора... э-э... Георгий? Извините, отчества не знаю...

Мордатый детина поднял голову.

— Ну, — сказал детина не пойми к чему.

Радушия в его голосе не ощущалось.

— Вот деньги, — очкарик достал из бумажника крупную

купюру и протянул ее другому грузчику, молодому парню с рябыми щеками. — Сбегайте в магазин, возьмите водки. И закуски получше. А вы, — это уже адресовалось третьему, — прогуляйтесь за компанию. Чтоб правильно скупился. Хорошо?

В голосе очкарика сквозила определенная харизма. Обращаться к грузчикам «на вы» не всякий умеет.

— Ну, — без большого одобрения, но и не возражая, повторил мордоворот Жора. — Палыч, сходи с Хлебчиком. Водки не надо, она вся паленая. Бери крепленое. И сала венгерского, с красным перцем. И черного хлеба буханку. Сдачу вернешь начальнику.

Оставшись наедине с очкариком, он уцепил шпротину за чахлый хвостик, заглотил целиком и в третий раз сообщил:

— Ну?

— Меня зовут Лазарь Петрович, — очкарик присел на освободившийся ящик, поддернув отутюженные брюки. — Меня к вам направил Глеб Артюхов. Ваш клиент. Вы помните Глеба?

— Ну, — кивнул Жора, не балуя гостя разнообразием. — Какие проблемы, Лазарь?

— Я жену не люблю.

Наверное, любой собеседник должен был удивиться такому ответу. Любой, но не Жора Мясник.

— Я тоже, — сказал он. — Хрена их любить, жен?

— Вы не понимаете. Я ее раньше любил. Очень. Мы со школы встречались. У нас двое детей. Мальчик и девочка. И жизнь вполне... Достойная. Я хорошо зарабатываю. И вот однажды смотрю: не люблю я ее, и все.

— Заведи бабу, на стороне, — посоветовал Жора. — Или секретаршу, с ногами.

— Заводил.

— С ногами?

— С рогами. А толку?

— Ты ко мне зачем пришел? — мордоворот подозвал деда в камуфляже и отобрал дареную бутылку. Обнаружив на донышке жалкие остатки портвейна, он допил прямо из горлышка и вернул бутылку огорченному деду. — В любовники звать?

Очкарик оставался спокоен. Чувствовалось, что спокойствие дается ему с трудом.

— Глеб предупреждал, что вы станете хамить. И сказал, чтобы я не обращал внимания. У вас, значит, стиль такой. Нет, Жора, как любовник вы меня интересуете мало. Вы мне любовь к жене верните, я рассчитаюсь и уйду. Глеб сказал, вы можете.

— Что я могу? — хмыкнул Жора.

— Восстановить. Любовь, дружбу, уважение. Если какое-то чувство было и умерло, вы умеете его воскресить.

Мордатый детина расплылся в щербатой ухмылке.

— И ты поверил? Слышь, Лазарь, скажи честно: поверил?!

— Я поверил, — кивнул очкарик Лазарь.

— Ну и правильно сделал. Вера, она горами движет. Только на кой она тебе?

— Вера?

— Любовь.

— А это уже, извините, не ваше дело.

— Нет, Лазарь. Это не я к тебе, это ты ко мне пришел. Сам пришел, я тебя не звал. Теперь у нас одно дело, общее. Зачем тебе жену любить?

— В каком смысле: зачем?

— В прямом. Ну, разлюбил, бывает. Сам говоришь: двое детей у тебя, баба, секретарша, заработки. Живи с супругой, как все. Без любви. Небось, раз со школы, надоела до чертиков?

— Нет. Просто разлюбил. Была любовь и сплыла. Равнодушие. Вы, наверное, не поймете: это как счет в банке. Или дом. Или привычные тапочки. Смотришь однажды, а счет пустой, дом кто-то перекупил... тапочки сносились. Я привык, Жора. Привык любить жену. Мне без этого не по себе. Словно обокрали.

— Тапочки, это да, — согласился Жора. — Тапочки я понимаю.

Он расстегнул рубашку, почесал волосатую грудь и внезапно спросил:

— Глеб — твой друг?

— Какой Глеб? А-а... ну да, конечно. Друг.

— Близкий?

— Близкий!

— Самый лучший? — настаивал Жора без видимой связи с предыдущим разговором. Видимо, Мяснику было очень

важно узнать, что Глеб Артюхов, приславший к нему очкастого Лазаря с пропащей любовью, находится с этим самым Лазарем в наитеснейших дружеских отношениях.

— Самый. Мы знакомы с детства. И работаем вместе: Глеб — мой комдир. Ну, комерческий директор. А что?

— Ничего. Давай дальше про тапочки.

— Хватит про тапочки. У меня любовь умерла, — очкарик сказал это без малейшей патетики, скучно и обыденно. Так обсуждают деловой вопрос с малознакомым бизнес-партнером, которого хорошо отрекомендовали люди, заслуживающие доверия. — Глеб сказал, что вы можете поднять. Мертвую любовь — поднять. Беретесь или нет? Если нет, я пойду. Выпивка и закуска за мой счет.

— Твой счет... — буркнул Жора. — Любовь, говоришь, поднять? Сама, говоришь, не стоит?

Он долго хохотал. Потом взял веточку акации и написал на земле цифру.

Длинную.

— Вот твой счет. За подъем. Потянешь?

Очкарик с уважением посмотрел на цифру.

— Однако у вас и тарифы... Потяну. Легко. Только, Жора, вы запомните на всякий случай: я — человек простой. Если что, я вернусь. И за каждую копейку спрошу.

— А ты меня не пугай, — мордатый доел последнюю шпротину и лениво поднялся с ящика. — Я страх какой пугливый. Начну тебе любовь поднимать, а руки, понимаешь, дрожат... Она и не встанет. Ладно, пошли в подвал.

— Зачем в подвал? — не понял очкарик.

— Поднимать. Я обожаю, когда в подвале, возле холодильника. Там мясо на леднике хранится, мне от мяса сил прибывает.

— Ага, — догадался Лазарь, — поэтому вас Мясником и прозвали.

— Ни фига подобного. Фамилия у меня такая: Мясник. Георгий Мясник, по паспорту. Пошли, чего зря базлать! Скоро Палыч с Хлебчиком вернутся...

Уже у черного входа, ведущего в мясные подвалы «Гастронома», очкарик снова подал голос.

— А вы не боитесь, Жора, — спросил он, — что я вас обману? Вы мне любовь поднимете... воскресите, а я вам денег не дам? Уйду, и все?

Жора Мясник бросил на клиента веселый разбойничий взгляд:

— Не боюсь, Лазарь. Вот этого не боюсь ни капельки. Дашь ты мне денег. Глеб твой дал, и ты дашь. До последнего грошика. Я честный, и со мной по-честному.

— А что вы Глебу поднимали? — внезапно спросил Лазарь.

— Не твое дело, — мстительно отрезал Жора.

— Подняли?

— Поднял, — со странной интонацией ответил мордатый. — Еще как поднял. Иначе с чего бы он тебя ко мне направил? Ты не спрашивай, ты иди и молчи...

Кудрявый бутуз запустил им вслед палкой, но промахнулся.

* * *

Святое время — август.

Еще стоит жара, мужчины ходят в шортах и сандалиях на босу ногу, девицы щеголяют обнаженными пупками, гроза собирается где-то далеко, за новостройками, за зелеными тучами листвы в сквере. Шелестят пыльные акации, но по вечерам становится прохладно, зябкий шепоток бродит в кронах тополей, осторожно трогая их желтыми пальцами. Из открытой форточки плывет баритон полузабытого изгнанника: «Ах, если бы только не август, не чертова эта пора!..», и вторит ему из другого окна не менее забытое меццо-сопрано: «Скоро осень, за окнами август, от дождя потемнели кусты, и я знаю, что я тебе нравлюсь...» Два голоса сливаются за спиной у случайного прохожего, отойдя на двадцать шагов, уже не поймешь, где чей, и только понимаешь, что лето у тебя было, оно еще здесь, в руках, протянутых за подаянием, но горячий август проливается сквозь пальцы на серый асфальт, лето было, лето есть, это ненадолго, так ненадолго, что словно и нет его, лета, и не было никогда, а жалко...

Осени не ждешь. Ждешь разве что Нового Года.

Начинается дождь.

* * *

— Извините... Не подскажете, где живет Степан Поликарпович?

Сухонькая старушка чопорно поджала губы. Коротко, с

неприязнью зыркнула на очкарика снизу вверх. Ничего не ответив, она поглубже упрятала руки в антикварную муфту: когда-то норковую, а теперь вытертую до неузнаваемости.

— Может быть, вы?

Вредная старушенция скосила глаз на толстую подругу — цыц, мол, дура! — и демонстративно отвернулась. Весь вид ее ясно говорил, что она будет молчать, как подпольщик на допросе. Не исключено, что и молчала в свое время. В гестапо.

— А я знаю, я знаю!

— Что ты знаешь?

— Где Пан Карпыч живет! Ростовщик!

Знакомый бутуз. «Вождь краснокожих», зимний вариант. Шапка-«петушок» лихо сбита набекрень, куртка расхристана, на левом ботинке развязался шнурок. В правой руке зажат крепко слепленный снежок.

— Ну, и где?

— В угловом подъезде.

— В правом или в левом?

Мальчишка задумался. Видимо, с определением «правого» и «левого» у него возникли проблемы. Посему, не мудрствуя лукаво, он просто указал рукой:

— Вон в том. Третий этаж, тридцать первая квартира. Код на дверях...

Обе старушки пронзили бутуза огненными взорами. Но тот, игнорируя намеки, не замедлил выболтать страшную военную тайну:

— ...двадцать одно!

— Спасибо, Штирлиц, — улыбка вышла тоскливой. Даже солнце в пластике дорогих очков сверкнуло на миг и угасло. — Ты хоть в курсе, кто такой ростовщик?

— Так Пан Карпыч и есть — ростовщик! Который с Ростова приехал.

Шоколадный батончик «Lion» обрадовал мальчишку не меньше, чем в прошлый раз — жевательная резинка. Юный информатор с гиканьем припустил к дружкам, возводившим в середине двора монументального снеговика. Вместо классической морковки нос снеговику заменял ржавый водопроводный кран с маховиком-вентилем; глаза — катафоты от велосипеда. Шляпа — крышка от маслофильтра — завершала футуристический дизайн. На бегу мальчишка с силой запустил в голема снежком, угодив прямо в глаз. Уцелевший катафот кроваво блеснул, словно у замороженного Терминатора.

— Эй! А еще Пан Карпыч всякую фигню берет! — юное дарование выказало неожиданную эрудицию. — Под проценты! У вас фигня есть?

Двор пересекали хорошо укатанные «скользанки». В чисто вымытых окнах красовались наряженные елки. Легкий морозец покусывал нос и щеки. Пахло праздником: Новым Годом, подарками, хлопушками, шампанским и непременным салатом «оливье». Хотелось присоединиться к мальчишкам: веселиться и дурачиться. Но очкарик Лазарь шел вперед, и плечи его сутулились, словно длиннополое пальто было изготовлено из дубовых досок.

Код оказался верным. Замок лязгнул затвором автомата, открывая затхлое нутро подъезда. В нос шибанула вонь кошачьей мочи и застарелого табачного перегара. Лазарь торопливо зашагал по лестнице. На третьем этаже он остановился перед квартирой с бронзовой табличкой «31» и, собравшись с духом, решительно утопил кнопку звонка.

Долгое время ничего не происходило. Затем в дверном глазке мелькнул свет, и глазок тут же вновь потемнел. Очарик чувствовал, что за ним наблюдают, и стоял спокойно.

— Вам кого?

— Я к Степану Поликарповичу.

— Фамилия! Фамилия как?!

— Моя?

— Нет, Степана Поликарповича!

Было неясно, издевается хозяин или говорит всерьез.

— Моя фамилия Остимский. Лазарь Петрович Остимский. Но это вам, скорее всего, ни о чем не скажет. А фамилия Степана Поликарповича — Ватрушев.

— Откуда? Откуда знаете?!

— Меня направил к вам мой друг. Артюхов, Глеб Артюхов.

— Отчество?

— Чье? Глеба?

— Ага! — торжествующе взвыли из квартиры. — Не помните! И врёте вы все: кто да как...

— Тьфу ты, из головы вылетело! Мы с Глебом друзья детства, по отчеству редко... О, вспомнил! Игоревич.

В кварире долго сопели, булькали, потом защелкали замки.

Замков было много. Не меньше пяти.

Наконец дверь приоткрылась. Слегка, но вполне достаточно, чтобы понять: рассохшееся дерево, выкрашенное пузырчатым суриком — чистой воды бутафория. Тут в случае чего плечом не пробьешься. Над стальной цепочкой из сумрака проступило востроносое личико. Цепкие глазки обшарили лестничную площадку.

— Чего стоите? Заходите скорее! — металлической змеей зашелестела, опадая, цепочка. — Знаете, сколько всяких прохиндейцев кругом шляется? А потом ценные вещи пропадают, гортензии сохнут... На какой щеке у Глеба Игоревича родинка?

— Нет у Глеба никакой родинки. В смысле, на щеке. На шее есть, у кадыка.

— Чудненько, чудненько! Душевно рад знакомству. — Узкая ладонь ростовщика оказалась подозрительно твердой. — Прошу в комнату. Чаю? Кофе? Коньячку?

— Кофе. У меня принцип: вести деловые переговоры на трезвую голову. Вот позже, когда мы договоримся...

— *Если* договоримся, Лазарь Петрович. А принцип ваш мудрый, одобряю...

Квартира Ватрушева напоминала лабиринт. Не представлялось возможным определить, сколько здесь комнат и коридоров. Все пространство занимали шкафы, шкафчики, шифоньеры, полки и полочки, комоды и этажерки. Под потолком тянулись пыльные антресоли. «Всякая фигня», пользуясь определением бутуза, водилась тут в изобилии. Старые велосипеды, настольные лампы, наборы гаечных ключей, штабеля граммофонных пластинок, типографский резак, фарфоровые безделушки, телефонные аппараты в черных эбонитовых корпусах, пишущие машинки, радиолы, гусли с порванными струнами, портсигары с вензелями, бронзовые канделябры для роялей, напольные часы с гирями и маятником...

И всюду, на полках, шкафах и подоконниках — горшки с цветами, кактусами и прочими фикусами. Возможно, редкими и экзотическими: очкарик был не силен в ботанике. В воздухе, приятно радуя после миазмов подъезда, витал аромат тропиков.

— Осторожно, не зацепите агаву! Располагайтесь, вот кресло.

Посреди с трудом отвоеванного у вещей пятачка разместился вполне современный мягкий уголок: диванчик, журнальный столик и два кресла, обитых клетчатой тканью. Точь-в-точь такой расцветки, как халат на Степане Поликарповиче.

— Я пошел за кофе...

Вспыхнула паника. Сейчас хозяин сгинет в дебрях необъятной квартиры и больше не вернется. Никогда. А гость проведет остаток жизни, ища выход и рыдая от безнадеги. Наваждение накатило и схлынуло. Очкарик снял пальто, поискал, куда бы его пристроить — и к собственному удивлению обнаружил вешалку, приколоченную к дверце шкафа.

— Вешайтесь, вешайтесь, оно свободно...

Сварить кофе за это время было невозможно. Но ростовщик уже семенил к столику, неся поднос с полным кофейником, сахарницей и чашками. Над ним витал божественный аромат мокко, имбиря, кардамона, черного перца...

«Надо бы спросить рецепт», — отметил Лазарь.

— Ну-с, к делу. С чем пожаловали к старику?

— С предложением. Глеб сказал, что вы даете ссуды под залог... скажем так, некой нематериальной сущности.

— Оставьте ваши эвфемизмы. Не бойтесь, я не сочту вас сумасшедшим.

— Хорошо. Я бы хотел оставить в залог одно чувство.

— Какое именно?

— Любовь.

— К женщине? К родине? К вкусной и здоровой пище?

— К жене.

— Что ж, это интересно. Редкий товар. Но, позвольте полюбопытствовать: зачем вам мои гроши? Вы — человек обеспеченный. Если вам нужен кредит, обратитесь в банк. Или в ломбард.

— Как вы верно заметили, я человек обеспеченный. Но сейчас испытываю финансовые затруднения. Временные, разумеется. Деньги есть, но они вложены в дело. Мои партнеры по бизнесу против того, чтобы я закладывал основные фонды. А без их письменного согласия... Короче, я пришел к вам.

— На любовь, конечно, спрос есть, тем паче к жене... Чувство дефицитное. Однако мои возможности ограничены. Боюсь, предложенная сумма вас не устроит.

— Сколько?

— Вы собираетесь со временем выкупить залог?

— Да.

— И вас не интересуют сроки? Проценты?

— Конечно, интересуют. Но в первую очередь меня интересует сумма!

— Поспешность не идет на пользу, Лазарь Петрович. Скажем, пять тысяч.

— Евро?

— Да.

— Мне нужно больше. Дайте пятнадцать.

— Нет. Слишком много для меня. И слишком мало для серьезной инвестиции. У меня складывается впечатление, что вы просто хотите избавиться от своего чувства. А деньги вас не волнуют. И, получив их, вы сюда больше не вернетесь. Впрочем, это не мое дело. Семь тысяч. Это последняя цена.

— Согласен.

— Полгода под пятнадцать процентов за весь срок.

— Тридцать годовых? Да это же... Согласен!

— Сначала мне надо убедиться в качестве товара. Если залог не подойдет, я немедленно верну его вам.

— Хорошо.

— Сидите где сидели. Не вставайте. Не делайте резких движений. Думать можно о чем угодно. Хоть обо мне, в самых нелицеприятных выражениях. Я вхожу.

Ростовщик аккуратно поставил чашку с недопитым кофе на журнальный столик. Откинулся на спинку кресла. Смежил морщинистые, черепашьи веки. На лице его проступило выражение благожелательной сосредоточенности — как у человека, занятого кропотливым, ответственным, но при этом любимым делом.

«Садовник за работой», — пришло на ум.

Лазарь перевел взгляд на картину, стоявшую на комоде за спиной ростовщика. Новодел в манере пейзажистов позапрошлого века. Масло, холст. Стилизация удачная, даже трещинки-кракелюры имеются. Запущенный парк, на переднем плане — клумба с георгинами, дальше — кипень жасмина, заросли шиповника, узловатые стволы вязов, под которыми все тонет в сумраке. На клумбе лежит густая тень: от человека, которого на картине нет.

Его отвлек хриплый стон. Ростовщик, неестественно запрокинув голову, судорожно пытался сделать вдох. Лицо старика пошло пятнами, глаза закатились, побелевшие пальцы мертвой хваткой вцепились в подлокотники кресла.

— Вам плохо?! Воды? «Скорую»?! Где у вас телефон?

О мобильнике, лежащем в кармане пиджака, очкарик забыл.

— На кухне... коньяк... Мне помогх-х-х-ха...

Лазарь метнулся в ту сторону, куда раньше уходил хозяин. Зацепил стеллаж: посыпались картонные коробки, рулоны обоев, жестяные баночки с диафильмами. Против ожидания, кухня нашлась быстро. Контраст с остальной квартирой оказался разительным: стерильная белизна, блеск металла, стройные ряды тарелок в сушке, аккуратные пирамиды кастрюль, посудомоечная машина... Коньяк нашелся сразу, в первом же открытом шкафчике. «Remi Martin XO», едва початая бутылка. Рядом стояли пузатые коньячные бокалы.

Очкарик не помнил, чтоб он так спешил в последние пару лет.

Ростовщик был жив: тяжело дышал, массируя виски. Лазарь щедро плеснул коньяку в бокал, поднес к губам хозяина. Внезапно Степан Поликарпович перехватил его руку и взял бокал сам. Наклонил, едва не опрокинув. Задергался кадык. По подбородку потекла маслянистая струйка. Лазарь машинально налил и себе. Выпил залпом, как водку.

— Под монастырь меня подвести вздумал?! — голос ростовщика напоминал кашель туберкулезника. — Почему не сказал, что ходил к Мяснику?! Налей еще.

Ослушаться Лазарь не посмел.

— Разве это имеет...

— Смерти моей хочешь? Любовь, значит? К жене, значит?!

— Любовь...

— Сперва уморил, потом Мясника уговорил поднять — и ко мне в залог?! Нет уж... сам расхлебывай... Ты! Ты специально! — ростовщик вдруг сорвался на визг. — Убить меня решил?! Кто тебя подослал?!

— Никто. Я просто хотел избавиться от этой новой любви. Продать кому-нибудь...

— Продать?! Ты в своем уме?! Кто ж такую пакость купит? Кто, я тебя спрашиваю?! Вот ты, ты сам — купил бы?

— Я?!

— То-то же. И не стыдно, молодой человек? — Степан

Поликарпович опять перешел «на вы». Было в этом что-то от объявления войны. — Пытались меня обмануть, чуть не угробили...

— А я?! А мне как с этим жить?! Не могу больше, сил никаких нет! Да, я ее люблю! Люблю! Ревную ко всякой тени! Увижу, что с кем-то двумя словами перекинулась — готов и ему голову проломить, и ее удавить... Или самому — с моста в реку. Следить начал. Из дому ее не выпускаю. Допросы устраиваю... Потом каюсь, прощения прошу. Она плачет... К бесу такую любовь! В пекло! Заберите ее! Даром заберите! Хотите, я еще и приплачу?! Пять! Десять тысяч! Это хорошие деньги! Хотите больше? Ну, говорите свою цену! Забирайте и делайте с ней, что хотите! Выбросьте, продайте, подарите, изничтожьте...

— Изничтожить? Вы меня с кем-то путаете. Я ростовщик, а не, простите, киллер. Я за такое дело не возьмусь. Даже за миллион, которого у вас все равно нет. Жизнь, знаете ли, дороже. Покойнику деньги ни к чему.

— А что мне делать? Что?! Погодите... Вы сказали — «киллер»? Есть киллеры по этой части? Есть?! Вы их знаете?!

— По-моему, вам пора, Лазарь Петрович. Я ничем не могу вам помочь.

Уже в дверях его догнал вкрадчивый голос ростовщика:

— Да, кстати... Вдруг вас заинтересует? Ревность-то у вас настоящая — в отличие от. Я мог бы купить... вернее, взять в залог. Разумеется, за куда меньшую сумму. Сами понимаете — не ходовой товар...

* * *

Декабрь. Порог зимы.

Начало мглистых, долгих как отчаяние, сумерек, что наползают на город вскоре после обеда, пора тоскливых ночей, царство стылой поземки, блуждающей меж домов с упорством пьяницы, забывшего дорогу домой. Грядущий Новый Год, мальчишка в потешном колпаке, лишь ненадолго завертит хмельной, бестолковой круговертью — чтобы сгинуть без следа, оставив после себя муторное похмелье. Старенький Окуджава из приемника тихо прощается с желтеющей елкой, сплошь в шарах и серпантине, как с утомленной женщиной в ярком, вечернем макияже, спрашивая без надежды на ответ: «Что же надежные руки свои прячут твои кавалеры?» Сырость будней, ледяная скользота под ногами — время падений и травм, время бессонных ночей в «неотложке», время сломанных костей и судеб. Безмолвие слежавшегося снега под ногами, безмолвие тусклых фонарей, безмолвие низкого неба над головой. И ты без слов, со злобой солдата, ведущего неравный бой, движешься сквозь зиму и ночь, оскальзываясь и стараясь не упасть, остаться на ногах, дойти, доползти, дожить, дотянуть до такой далекой весны...

Где-то там, говорят, апрель.

* * *

— Ты, наверное, и Гицеля знаешь?

— Ну...

Кудрявый бутуз не спешил отвечать. Он терзал «змейку» на синей ветровке, задумчиво прикусив нижнюю губу. От ближайшего подъезда за двумя людьми — очкариком и мальчишкой — следил большой дог. Печальные глаза собаки сочились скукой. «Рокки, сидеть!» — крикнула от карусели толстая старуха, хотя в этом не было никакой надобности.

— И где мне его найти?

— В подвале.

— В каком подвале? Почему в подвале?

Очкарик сильно сдал. Осунулся, побледнел, не брился по крайней мере неделю. Щетина на его щеках отливала сизым: ранней сединой. Даже модный кардиган крупной вязки висел на Лазаре, как на вешалке.

— Гицель в подвале сидит. Там тепло, там трубы. К Пан Карпычу — наверх, а к Гицелю — вниз.

— Код на дверях: очко? В смысле, двадцать одно?

— Ага...

Лазарь порылся в карманах. Вместо жвачки или шоколадки достал бумажник и протянул мальчишке десятку.

— Извини, вкусностей сегодня нет. Забыл. Держи, купи себе сам.

Бутуз денег не брал. Он молча пятился назад, словно очкарик держал в руке какую-то гадость, обманку, пытаясь злоупотребить доверием ребенка.

— Бери, бери... Чего ты?

Не отвечая, бутуз развернулся и побежал прочь, к приятелям, увлеченно паливщим из рогаток по аптечному пу-

зырьку, подвешенному на бечевке. На бегу он выхватил свою рогатку и навскидку разнес пузырек вдребезги. Глядя ему вслед, очкарик пожал плечами, спрятал невостребованный червонец и побрел к знакомому подъезду. На ходу он насвистывал хабанеру из оперы «Кармен». Выходило фальшиво. Дважды Лазарь вступил в лужу, сильно забрызгал брюки, но не обратил внимания.

— И ходит, и ходит, а чего ходит? — громко сообщила хозяйка дога Рокки.

Собака тоскливо завыла. Соглашаясь или протестуя — неясно.

В подъезде, как обычно, воняло кошками и табаком. Спускаясь в подвал, Лазарь почувствовал, что к знакомому букету добавляется новый оттенок: сырая гнильца. Видимо, трубы, которых в подвале много, частенько прорывало. Входная дверь, к счастью, оказалась незаперта. Пройдя мимо ряда дощатых створок, украшенных в большинстве резьбовыми замками «Антипаника», за которыми обитатели подъезда хранили запасы солений и барахло, он углубился дальше. Потянулись трубы: толстые, лоснящиеся, обросшие плесенью.

По одной из труб метнулась крыса, скрывшись во мгле.

— Здравствуйте, — вежливо сказали оттуда, где исчезла крыса.

Лазарь пригляделся. У стены, подстелив клеенчатый дождевик, а поверх дождевика — старый бушлатик, сидел худой, как скелет, человек. Одет человек был в спортивный костюм, аккуратно заштопанный в самых неожиданных местах.

«Бомж», — равнодушно догадался очкарик.

— Здравствуйте. Это вы Гицель?

— Да. А вы, наверное, господин Остимский? Лазарь Петрович?

— Вы меня знаете?

— Мне про вас Мясник рассказывал. И Степа.

— Так что, возьметесь? — без предисловий спросил очкарик.

— Нет, — так же кратко ответил Гицель.

— Почему? Вы же можете?

— Убить чувство? Могу. Но я ведь сказал вам: Мясник... и Степа. Я про вас все знаю. У вас сейчас не чувство, а фикция. Тень. Призрак. Я не берусь сражаться с тенями и экзорцировать призраки.

— Экзорцировать! — с горькой насмешкой передразнил Лазарь. — Бесов экзорцируют. А призраки, они вроде бы расточаются. С рассветом. Что ж это вы, с такими мудреными словечками, в подвале сидите?

— Здесь тепло, — объяснил Гицель. — Здесь трубы.

В углу, болтаясь на коротком шнуре, тускло горела сорокасвечовая лампочка.

— А Глеб сказал мне, что вы — последняя надежда.

— Да, он был у меня, ваш друг детства Глеб. Тоже после Степы и Мясника.

— И ему вы тоже отказали?

Гицель пошевелился. Скрестил ноги каким-то маловероятным образом, словно у него вместо костей были резиновые жгуты. Улыбнулся, показав отсутствие многих зубов.

— Нет. Согласился. Мне Мясник уже потом про него и про вас рассказал. А сам определять я тогда еще не умел. Ни разу не сталкивался, понимаете? Ну и... Короче, еле выжил. До сих пор в боку стреляет. И голова по утрам болит. Нет, извините, не возьмусь.

— Двор у вас... — буркнул очкарик. — Веселенький дворик.

Тощий Гицель пожал плечами:

— Двор как двор. Обычный.

Из пакета, который принес с собой, Лазарь достал бутылку текилы. С натугой скрутил пробку. Протянул бутылку собеседнику:

— Выпьешь, Гицель?

— Спасибо. Я не пью.

— И не куришь?

— Курил. Раньше.

— Небось, и по утрам бегаешь. Между помойками, а?

Гицель внимательно смотрел на собеседника. Взгляд его напомнил Лазарю дога у подъезда. Казалось, бомж сейчас завоет с сочувствием. Чтобы отвлечься, очкарик запрокинул голову, поднеся бутылку ко рту. Из-за дозатора струйка текла медленно, текила обжигала горло. По подвалу распространился запах дешевого самогона.

— Я пойду? — спросил очкарик, отдышавшись и закрутив пробку.

Только сейчас он заметил, что бомж, в отличие от него самого, чисто выбрит.

— Всего доброго.

Снаружи шел мелкий дождь. Старушки раскрыли зонты, бутуз с дружками дождем пренебрегли. Первое, что бросилось в глаза слегка захмелевшему Лазарю — машина у подворотни. Знакомый черный «Лексус». Шофер скучал за рулем, читая газету. У машины о чем-то спорили двое: высокий брюнет в длинном кожаном плаще и женщина средних лет, одетая в легкое пальто.

Сегодня Лазарь приехал на такси, и «Лексус» должен был стоять в гараже.

— Вон он! — брюнет замахал очкарику руками. — Что, отказал?

Сунув текилу обратно в пакет, очкарик медленно зашагал к машине.

— Танюха, это он из-за тебя ходит! — не унимался брюнет. — Это я ему сказал: из-за такой бабы, как Танюха, не ходить — бегать надо! Я — лучший друг, я в курсах! Лазарь, плюнь: не этот Гицель, так другой найдется! Танюха, ты посмотри, как мужика коробит! Ничего, поправим, поможем... на то и друзья!..

Очкарик уже подходил к машине, когда кудрявый бутуз зарядил рогатку стеклянным шариком. Почти не целясь, мальчишка выстрелил. Солнце на миг пробилось меж облаками, узкая радуга прочертила двор — и шарик впился Лазарю в правую ягодицу. Вскрикнув, очкарик ухватился за пострадавшее место.

Приятели бутуза разразились приветственными возгласами.

— Ну, шпана! — с сочувствием сказал брюнет. — Плюнь, Лазарь. Тюрьма по ним, сявкам, плачет. Пошли, спасать тебя будем. Тут один вариант наклевывается: полный вперед!

Женщина молчала и смотрела на очкарика.

— На то и друзья! — с удовольствием повторил брюнет.

Без слов очкарик поставил пакет с текилой на асфальт, неумело размахнулся и ударил брюнета в ухо.

— Ты! Ты чего?! — брюнет отступил на шаг. — Меня? Лучшего друга?

Очкарик пнул его ногой в живот, промахнулся и ухватился за лацканы кожаного плаща. Оба мужчины упали, покатились по мокрой земле, по лужам, пытаясь оседлать один другого. Залаял дог Рокки. Загомонили старушки, колеблясь между вызовом милиции, «Скорой» и управдома. Мальчишки зашлись от восторга. «Танька! — пробился из какофонии отчаянный крик очкарика Лазаря, давно потерявшего в свалке свои замечательные очки. — Танька, это он... он меня посылал! Он за дружбой сюда ходил, сволочь!... а я, дурак!.. Тань...»

Женщина у машины следила за дракой, не вмешиваясь.

Наконец мужчины встали, тяжело дыша. У брюнета был разбит нос, тоненькая струйка крови текла по губам на подбородок. Очкарик хрипел, держась за помятые ребра. Пакет с разбитой бутылкой текилы валялся поодаль, от него резко тянуло спиртным.

Дог Рокки подошел, обнюхал обоих и брезгливо удалился.

— Поехали домой, Лазарь, — сказала женщина. — Поехали, дурачок.

Очкарик разогнулся.

Стеклянная, весенняя, летящая радуга полыхала в его близоруких глазах.

— Поехали, — изумленно сказал он. — Серый, заводи тарантас.

— Ага, — кивнул меланхоличный шофер.

Выбравшийся из подвала Гицель внимательно следил за отъезжающей машиной. Потом бомж поднял голову и встретился взглядом со Степаном Поликарповичем, высунувшимся в открытое окно. Старик погрозил бомжу пальцем и укрылся за шторой.

— Эй! — заорал Жора Мясник от черного входа в «Гастроном». — Ну, люди! Такое бухло ногами топчут!.. звери, не люди...

Гицель засмеялся.

— Апрель, — сказал он. — Сумасшедший месяц.

СОДЕРЖАНИЕ

ШУТИХА. *Роман* 5
Часть I. В ПРЕДЧУВСТВИИ ШУТА 7
Часть II. ПРЕДЧУВСТВИЯ ЕЕ НЕ ОБМАНУЛИ 80
Часть III. ШУТКИ В СТОРОНУ, ИЛИ КВАРЕНЗИМА НЕ ПРОЙДЕТ 134

ОРДЕН СВЯТОГО БЕСТСЕЛЛЕРА, или ВЫЙТИ В ТИРАЖ. *Роман* 205
Часть I. СНЕГИРЬ — ПТИЦА ГОРДАЯ 207
Часть II. ОХОТА НА МЕНЯ 328
Часть III. ОСТРЫЙ ПРИСТУП ЭПИЛОГОФИЛИИ 430

ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ. *Повесть* 443

ВТОРЫЕ РУКИ. *Пьеса* 523

ГЕРОЙ ВАШЕГО ВРЕМЕНИ. *Цикл рассказов* 559
Коллапс 561
Счастье в письменном виде 565
Скрытая проводка 567
Мифург 569
Недостающий компонент 574
Синдром Кассандры 581
Страшные сны Павла Лаврентьевича 585
Как погибла Атлантида 589
Второй день изобилия 596

СКАЗКИ ДЕДУШКИ-ВАМПИРА. *Цикл рассказов* 601
Кино до гроба и... 603
Сказки дедушки-вампира 609
Последнее допущение Господа 619
Докладная записка 622
Коган-варвар 623
Nevermore 628
Пророк 631

ТЕНИ МОЕГО ГОРОДА. *Цикл рассказов* 635
Жизнь, которой не было 637
Хоанга 647
Давно, усталый раб, замыслил я побег... 655
Восстань, Лазарь! 684

Вам никогда не хотелось завести шута? А увидеть гладиаторские бои адвокатов, познакомиться с джинном из пожарной инспекции, присутствовать при налете стрельцов на типографию, встретить у подъезда тощую старуху Кварензиму – тоже не хотелось бы? Вперед, читатель! Эту книгу составили самые фантасмагорические, самые ироничные и, пожалуй, самые необычные произведения Г. Л. Олди.